

На Грани. Книга 2

Глава 1

Второй день они сидят в маленькой сельской гостинице, а за окнами непрерывно льет дождь. Нет, ее — Нармин — все устраивало. Она отнюдь не спешила скорее достигнуть Храма, потому что это значило бы неминуемую разлуку с Валтором. Зато с его «прекрасной невестой» Нармин рассталась бы хоть сегодня, испытывая огромное облегчение и удовольствие. Но на это надеяться глупо. Вовсе даже напротив — король доведет Лотэссу до Храма и оставит там, а сам уедет. Одно утешает: это случится относительно нескоро. Они ведь в самом начале пути.

Гостиница, где они пережидали непогоду, находилась почти на границе Муаны. Вчера короля со спутниками покинул сопровождавший их отряд. Гвардейцы, захватив с собой королевскую карету, двинулись в сторону Дайрии, как и было заранее условлено. Все должны думать, что его величество с невестой направляется в Тиарис. С королем и его спутниками остался лишь один гвардеец, которому предстояло исполнять роль кучера и слуги. Сами же путешественники, естественно, решили скрывать не только свои истинные имена, но даже и внешность. Впрочем, Нармин это не коснулось. Ей позволено оставаться жрицей Маритэ, сопровождающей благородную (но не слишком) и богобоязненную дворянскую семью. Нармин ужасно злило, что Валтор с Лотэссой будут на людях представляться мужем и женой. Лотэссе это тоже злило, но по другой причине.

Жрица украдкой бросила взгляд на соперницу. Энья Линсар сидела в кресле, перекинув ноги через подлокотник, и читала. Тащить за собой книги — странная прихоть королевской невесты. Сама Нармин любила читать, кроме того, книги были почти единственным развлечением, доступным в Храме. Но в то же время мысль тащить за собой в долгое путешествие стопку книг ей бы никогда не пришла. Но король, привыкший потакать своей взбалмошной нареченной, выполнил ее желание. Зато теперь Лотэсса, оставаясь наедине с Нармин, всегда могла уставиться в книгу и игнорировать существование жрицы. Впрочем, Нармин жаждала общения не больше своей спутницы.

Раздался стук, и сразу вслед за этим дверь отворилась. На пороге стоял Валтор. Но, богини, в каком он был виде! Широкие штаны, камзол странного вида с широченными рукавами, а самое ужасное, что прекрасные темные волосы его величества были безжалостно упрятаны под уродливый берет с пером. Костюм в изобилии украшала тесьма, она шла по штанинам, рукавам, манжетам. При виде короля в столь необычном одеянии надменная Лотэсса позабыла о книге и уставилась на него широко распахнутыми глазами. Себя Нармин видеть не могла, но, скорее всего, выглядела она не менее удивленной. Энья Линсар опомнилась первой.

— Вы что, решили завоевать Сантэр и заранее привыкаете к костюму, в котором будете восседать на троне в Бартине?

— Завоевание Сантэра подождет, зато их идиотская мода может оказаться весьма полезной. И, кстати, восседать в этом на троне совершенно неуместно. Это одежда обычных дворян, а вовсе не придворных аристократов.

— И зачем вы вырядились в одежду сантэрских провинциалов? — с сарказмом поинтересовалась Лотэсса. — Чтобы привлечь к себе как можно больше внимания?

— Напротив, — король, казалось, совсем не смутился. — Чтобы привлечь его как можно меньше. У вас, знаете ли, слишком броская внешность...

— А при чем тут я? — энья Линсар насторожилась.

— При том, что не один я буду одет, как пугало, — Валтор ухмыльнулся и бросил девушке сверток, который все это время держал в руках.

Лотэсса развернула ткань и гневно уставилась на короля. А тот, видимо, откровенно забавлялся ситуацией. В свертке оказалось платье весьма странного покроя и берет — без пера, зато расшитый какими-то цветными камешками.

— Я это не надену! — с вызовом заявила девушка.

— Еще как наденете, — спокойно ответил мужчина. — Под дурацким головным убором

вы спрячете свои роскошные волосы, а фасон платья скроет ваши совершенные формы.

Нармин захотелось убить их обоих. Валтора за то, что с таким восхищением расписывает достоинства невесты, Лотэссе за то, что повод для восхищения имелся.

— Это ужасно! — по голосу девушки было ясно, что она сдалась.

— Да бросьте, — король беззаботно махнул рукой. — Это забавно. Вы сможете самостоятельно одеться? В отличие от эларских и дайрийских нарядов, сантэрсские платья не имеют шнуровки...

— Смогу, — буркнула Лотэсса. — При наличии шнуровки эти платья меньше напоминали бы мешок, — почти неслышно добавила она.

— С волосами будет сложнее, но, надеюсь, Нармин вам поможет...

— Нет! — дерзкие слова против воли вырвались у жрицы. — Я не служанка!

Его величество изогнул бровь и окинул Нармин странным взглядом, долженствующим выражать неодобрение.

— Что ж, вы правы, — голос Валтора звучал холодно. — Тогда мне придется самому помочь энье Лотэссе с волосами. Мое королевское достоинство от этого не пострадает...

— Нет! — на этот раз возражать королю решила его собственная невеста.

В данный момент Нармин была с ней вполне солидарна. По некоторым вопросам девушки придерживались одного мнения, только мотивы сильно разнились.

— Я помогу, — жрица раскаивалась в недавней горячности. — Просто ваше величество сами решили, что, сопровождая вас, я буду самой собой, то есть жрицей Маритэ. Не думайте, будто я гордячка, но жрица и фрейлина — все-таки вещи разные.

— Надо было брать дэнью Свелл, — он и не думал скрывать недовольство. — Она, будучи дворянкой, не почитала для себя унижительным прислуживать первой энье Элара и будущей королеве в придачу.

— Мне не нужна ничья помощь, я справлюсь сама, — вмешалась Лотэсса. — Если необходимость скрываться не позволяет мне иметь хотя бы одну служанку, я научусь заботиться о себе сама. В конце концов, та же Альва с этим справлялась. Значит, и я смогу.

— Посмотрим, — Валтор иронично прищурился. — Если все же понадобится помощь — я в вашем распоряжении.

— Не понадобится!

Король вышел, оставив девушек одних.

Энья Линсар гордо удалилась за ширму, где провела больше четверти часа, то и дело изрыгая проклятья, явно неподобающие потомственной аристократке. Слышал бы Валтор, как ругается его прелестно-прекрасно-обворожительная невеста!

Выйдя из-за ширмы, Лотэсса являла собой зрелище почти столь же комичное, как давеча король. Темно-коричневое платье было прямым и широким, пышные рукава лишь усиливали этот эффект. Квадратный вырез, не очень глубокий, но и не то чтобы совсем скромный, и повсюду — тесьма, тесьма, тесьма. Волосы, собранные под берет, кое-где выбивались нахальными прядями. В целом ужасный наряд изрядно подпортил идеальную внешность соперницы. Дурнушкой энью Линсар и в таком виде нельзя назвать, но теперь, по крайней мере, никто не скажет, что она красивее Нармин.

Через какое-то время вновь явился король. Окинув невесту оценивающим взглядом, он явно остался доволен. Надо полагать, и тем, что девушка выполнила его требование, и тем, что выглядела она теперь забавно, ему под стать.

— Вот, возьмите, — Валтор протянул Лотэссе какую-то перламутровую коробочку.

Девушка взяла, открыла и, недоверчиво всматриваясь, осторожно коснулась темно-синего содержимого.

— Что это? — с подозрением поинтересовалась она.

— Специальная краска для век, — пояснил он. — Сантэрцы называют такую краску «теньями», но после жутковатых малюток Энлил меня от этого слова слегка корбит.

— Зачем мне эта краска? — очевидно, Лотэссе тоже не очень хотелось произносить злополучное слово.

— У вас слишком необычный цвет глаз, энья Лотэсса. К тому же, воспетый не только придворными поэтами, но чуть ли не каждым менестрелем Элара, — опять король начал расхваливать свою нареченную. — Если нанести густой слой краски на верхние веки, то ваши глаза утратят свой аметистовый оттенок и будут казаться почти синими.

— То есть вы хотите сделать меня уродиной? — с сарказмом спросила девушка.

— Даже имея я подобное желание, оно вряд ли осуществимо, — галантно возразил Валтор. — Вы умудряетесь выглядеть восхитительно даже в столь ужасном наряде. Думаю, слой синей краски над глазами не сильно изменит ситуацию. Кроме того, уродуя вашу внешность я, получается, расписываюсь в собственном дурном вкусе.

— Это еще почему?

— Потому, что в пути мне предстоит быть вашим супругом, а мужчина, взявший в жены уродину...

Развить столь чудесно начатую мысль Лотэсса королю не дала.

— Я не буду вашей женой!

Могла бы крикнуть еще громче, а то в общей зале, наверное, недостаточно отчетливо слышно каждое слово. Нармин просто бесило поведение Лотэссы. На месте Валтора она бы закатила нахалке пощечину. Она бы и на своем месте с удовольствием это сделала, но небезосновательно опасалась последствий.

— Давайте обсудим это позже, — король на приступ гнева отреагировал спокойно и чуть насмешливо. — Прямо сейчас я не намерен тащить вас под венец. Я имел в виду лишь необходимость представляться супругами во избежание лишних подозрений.

— Я имела в виду то же самое, — не унималась энья Линсар. — Я не желаю даже изображать вашу жену.

— И кем вы желаете быть при мне? — в его зеленых глазах сверкнул злой огонек. — Случайной спутницей или, может быть, любовницей?

— Сестрой, — Лотэсса воззрилась на короля с видом победительницы. — Разве брат и сестра не могут путешествовать вместе?

Его величество задумался. Помолчав какое-то время, он вынес решение.

— Что ж, пожалуй, такая легенда тоже сойдет. Отчасти она даже удобнее. В этом случае не возникнет вопросов, почему в гостиницах мы останавливаемся в разных комнатах. Решено, энья Лотэсса, отныне вы — моя дорогая маленькая сестричка.

Лотэсса, которая, казалось бы, должна торжествовать, внезапно сникла, потупилась и начала кусать губы, что, как не раз уже замечала Нармин, служило у нее признаком сильного волнения или огорчения.

— Да, и еще, — словно внезапно вспомнил Валтор. — Звать вас на людях настоящим именем, да еще добавляя «энья», как вы понимаете, чистое безумие. То же самое касается и меня. Никаких «ваших величеств» — это, прежде всего, относится к вам, Нармин. А вы, — он обратился к невесте. — Забудьте про «эна Малтэйра». Не самая распространенная фамилия в Эларе. Во избежание лишнего внимания вы станете Мавэлией, а я — Годдертом. Так зовут посла Сантэра в Дайрии и его жену. Имена

монаршей семьи Сантэра я все-таки позаимствовать не решусь.

— Хорошо, буду Мавэлией, — в голосе Лотэссы звучала усталость. — И глаза разрисую синим. Это все?

Не успел король кивнуть, как девушка зашлась приступом кашля. Нармин уже успела по привычке к вечной простуде эньи Линсар, а потому не обратила особого внимания. Зато Валтор мгновенно помрачнел и нахмурился.

— Не нравится мне ваш кашель, — он накрыл ладонью ключицы девушки, касаясь кожи, поскольку вырез платья оставлял эту часть открытой.

— А мне не нравится ваша рука! — Лотэсса резко дернулась, сжимая королевскую ладань.

— Эта? — король словно с удивлением осмотрел собственную ладань. — А что с ней не так? Я бы понял, если бы вам не понравилась левая, — манжет соскользнул с левой руки, обнажая многочисленные рубцы. — Мне и самому она не нравится.

Энья Линсар побледнела, хотя, по мнению Нармин, ей бы следовало залиться краской.

— Чего вы от меня хотите? — выкрикнула девушка. — Чего добиваетесь этим напоминанием? Вам нужно, чтоб я чувствовала свою вину? Или валялась у вас в ногах, задыхаясь от благодарности за спасение жизни, опостылевшей мне с момента победы вашей армии при Латне?

Валтор выглядел обескураженным, он явно не ждал от невесты подобной реакции. Мужчина сделал было шаг в сторону бушевавшей Лотэссы, но остановился.

— Я ничего подобного не желал и не имел в виду, — заверил он. — Просто неудачная шутка. Успокойтесь, энья Лотэсса, прошу вас.

— Простите, — тихо проговорила виновница переполоха, а потом вновь закашлялась.

И Валтор, и Нармин с удивлением уставились на нее. Неужели исходящая слепой ненавистью девица наконец осознала, что неправа, да еще унизилась до такой степени, чтобы признать это?

— Вам нужно отдохнуть, — решил король. — Я, пожалуй, оставлю вас. Выезжаем завтра утром, если дождь прекратится. Приятного вечера, дамы, — он откланялся и вышел.

Лотэссу это обстоятельство, должно быть, порадовало, а Нармин, напротив, огорчило. Хотя если уж быть честной, то и в присутствии его величества жрица чувствовала себя лишней. Ругались ли Валтор с невестой или держались с холодной вежливостью, они все равно по большому счету обращали внимание лишь друг на друга. Конечно, даже зная Нармин заранее, что все будет именно так, она все равно захотела бы сопровождать короля до Храма. Присутствие Лотэссы Линсар изрядно портило это путешествие — с другой стороны, если бы не она, Валтор никогда не поехал в Храм.

Непрекращающийся кашель Лотэссы раздражал Нармин. Такое впечатление, что энья Линсар пользуется этим приемом всякий раз, как хочет закончить неприятный разговор или избежать заслуженного порицания. Ах, не станете же вы спорить с несчастной больной бедняжкой, заставляя ее делать то, чего она не желает. Лотэсса, создающая впечатление бесхитростной и прямодушной девушки, на самом деле та еще хитрюга. Мало ей красоты, позволяющей вертеть мужчинами, точнее, лучшим и из них, теперь вздумала играть на его сочувствии и благородстве!

— Энья Линсар, можете перестать задыхаться, — словно невзначай проронила Нармин. — Король уже ушел, а я вряд ли оценю представление.

— Думаете, я притворяюсь? — девушка, казалось, так удивилась, что решила для разнообразия заметить существование жрицы.

— Уверена в этом, — ответила Нармин. — Впрочем, если вы действительно больны, мне не составит большого труда исцелить вас.

— Еще один дар вашей щедрой богини? — насмешливо бросила Лотэсса. — Что ж, попробуйте...

Глава 2

Альва третий час сидела в библиотеке Нианона. Голова болела, буквы то расплывались, то скакали перед глазами, и ужасно хотелось есть. Но нужны же хоть какие-то результаты. Нельзя в который раз уходить, не обнаружив совсем ничего. Это будучи фрейлиной при Лотэссе, можно было вполсилы отдаваться работе с книгами, а сейчас она просто обязана найти хоть что-нибудь, чтобы отчитаться перед Торном.

Не успела девушка вспомнить протектора, как он собственной персоной показался между рядами книжных шкафов. Сейчас наверняка спросит, что ей удалось отыскать. А ей и сказать нечего. Но Торн начал с другого.

— Как ты, крысенок? — он подвинул стул и присел рядом с ней. — И сколько ты здесь уже сидишь?

— Долго, — вздохнула Альва, не отвечая на первый вопрос. — Но я ничего не нашла. То есть нашла много чего, но это никак не связано с проклятием Ильдов.

— Ты, должно быть, жутко устала и надышалась пыли? — мужчина провел пальцем по корешку книги.

— Это да, — призналась девушка. — И есть очень хочется, — последняя фраза вырвалась невольно, и она смущенно покосилась на Торна.

— Велю прислать кого-нибудь сюда, чтоб ты не умерла с голоду, дэнья Свелл. Да и сам, пожалуй, поужинаю здесь, — решил протектор.

— А разве король, — она запнулась, — ну, то есть тот, кто его заменяет, может сидеть в библиотеке? У вас же должны быть всякие приемы, встречи, важные бумаги...

— Ох, как много ты, оказывается, знаешь о нелегком королевском бремени, крысенок, — Торн даже присвистнул. — Может, мне тебя оставить вместо себя?

Альва пристыженно замолчала. Действительно, что она знает о монарших обязанностях?

— На самом деле со всем важным на сегодня я уже закончил, — протектор все-таки снизошел до объяснений. — Кроме того, я все-таки не все заботы его величества могу принять на себя. Ну и мои собственные дела никто не отменял.

— Дэн Итон сказал, что вы поручили часть своей работы ему, — девушка надеялась, что никакой важной тайны не выдает.

— Так и есть, — кивнул Торн. — А тебе придется по мере сил помогать нам обоим. Впрочем, ты и так не сидишь сложа руки.

Раздался звук шагов, но не гулкий, как в пустом помещении, а словно поглощаемый многочисленными шкафами, полными книг. Вскоре перед протектором предстал молодой паж.

— Эн Торн, прибыла дэна Энлил из Руджии, — доложил юноша. — Дама утверждает, что вы ее ожидаете.

— Она права, — Торн порывисто вскочил. — Я ненадолго вас оставлю, дэнья Свелл, — при посторонних протектор обычно был безукоризненно вежлив с нею. Надо полагать, коменданта он к числу посторонних не относил, постоянно величая Альву крысенком в его присутствии.

Как только протектор в сопровождении пажа покинул библиотеку, девушка принялась с усиленным рвением листать книги в несбыточной надежде найти хоть какую-нибудь зацепку к его возвращению. Однако не успела она погрузиться в чтение, как явились слуги с подносом, полным еды и напитков. Альве бы этого хватило на целый день. С другой стороны, девушка была так голодна, что обилие еды не показалось лишним. Но не успела Альва приступить к трапезе, как выяснилось, что ужинать ей предстоит не в одиночестве. Очередной звук шагов возвестил о возвращении протектора в компании Энлил. Колдунья девушка обрадовалась, несмотря на безрадостные предсказания,

произнесенные той во время последней встречи. Альва ужасно жалела, что вообще обратилась к Энлилу с вопросом, и помнила, что та всячески отговаривала их с Лотэссой от дурацкой затеи. Теперь оставалось утешаться, принимая точку зрения протектора и надеясь, что тени все-таки могут ошибаться, ведь ни одно их предсказание пока не сбылось.

Во время ужина Торн сообщил, что Энлил, как и самой Альве, предстоит временно жить во дворце. Ведьма с помощью своих чар обеспечила возможность переписки с королем, а потому должна теперь быть все время рядом с теми, кому Дайриец адресует письма.

— А почему мы сидим в библиотеке? — полюбопытствовала Энлил. — Я во дворце второй раз в жизни и не сильна в придворных обычаях, но разве среди знати не принято трапезничать в специально отведенных залах? Или это конкретно вы, эн Торн, столь сильно любите чтение, что не можете расстаться с книгами, предпочитая даже есть в библиотеке вместо столовой?

— Книги я люблю, но не до такой степени, — ответил протектор. — Просто нам безумно нужно найти что-то, проливающее свет на древнее проклятие... если это проклятие вообще существовало.

— О каком проклятии речь? — заинтересовалась женщина. Поддерживая беседу, она в то же время уничтожала одно за другим маленькие кремовые пирожные, причем делала это с изяществом, достойным придворной дамы.

— Проклятие Ильдов, — любезно разъяснил Торн, сладостям предпочитавший мясо и вино. — Вы ничего о нем не слышали?

— Нет. Хотя фамилия прежних государей Элара мне, безусловно, известна. Но Ильды и впрямь были прокляты, если последний король не сумел удержать ни страну, ни жизнь, — она многозначительно глянула на собеседника. — И вы верите, что это древнее проклятие будет изложено на бумаге в одной из ваших книг? Как же вы привыкли доверять книгам, — говоря «вы», Энлил, очевидно, подразумевала не конкретно Торна, а эларцев или даже доэйцев в целом.

— Выбора у нас в любом случае нет, — мрачновато ответил протектор. — Все, кто мог пролить свет на эту тайну, давно мертвы.

— И потому вам остается лишь поселиться в этой библиотеке, — не без ехидства заметила женщина. — Если вы всерьез вознамерились перерыть все содержимое шкафов, то вам не только есть, но и ночевать здесь придется.

— Если не можете помочь, то хоть не издевайтесь, — похоже, Торн начинал злиться, что удивило Альву, привыкшую к тому, что тот, по большей части, умел держать себя в руках.

— А кто сказал, что я не могу помочь? — Энлил улыбнулась насмешливо и лукаво.

— Неужели от вашей магии даже в таких делах есть толк? — искренне удивился протектор. — Если вы поможете нам...

— А я не сказала, что помогу, — еще одна улыбка, только на этот раз откровенно насмешливая.

— О, пожалуйста, Энлил, — Альва вмешалась в разговор, рассчитывая на симпатию, которую, как казалось, питала к ней колдунья. Девушка знала, что чувства Энлил к Торну далеки от дружеского расположения, следовательно, его просьбу она удовлетворит с меньшей охотой. — Умоляю вас! Если вы не поможете, то не зну протектору придется здесь ночевать, а мне.

Женщина молчала, все так же улыбаясь и окидывая обоих взглядом, значение которого не так-то просто понять.

— Хотите, чтобы все-таки просил я, — Торн по-своему истолковал загадочный взгляд. — Что ж, я пойду на это, тем более что сознаю свою вину за прошлые прегрешения перед вами. Энлил, я прошу вас, — мужчина поднялся.

Что бы он ни собирался сделать дальше, колдунья его остановила.

— Не перестарайтесь со смирением, эн Элвир, — проворковала она с нескрываемым ехидством. — Оно вам не идет. Если вы планировали пасть передо мной на колени — не стоит. Хотя, не скрою, созерцание вашего раскаяния, пусть и приправленного откровенной корыстью, доставило мне изрядное удовольствие. Но я не стану наслаждаться вашим унижением, — неожиданно она стала серьезной. — Эн Торн, несмотря на отсутствие учтивости, вы — хороший человек. Иначе я бы сейчас не сидела с вами за одним столом. Я уже давно взялась помогать вам, вашему королю и дэну Итону. Помогу и в этот раз. И ничего не попрошу взамен... ну разве что пусть мне каждый день приносят эти дивные пирожные.

— Да я вам дворцового повара подарю! — в порыве чувств пообещал Торн.

— Нет, — женщина поморщилась. — Вряд ли повар будет таким вкусным. Тем более я уже давно не ем людей, — увидев на лицах собеседников выражение изумления, смешанного с ужасом, Энлил расхохоталась — Шучу. Нравы на Шургате дикие, по вашим меркам, но все же не до такой степени. Хотя... всякое случается.

Альва решила, что есть больше не хочет. Впрочем, трапеза и без того подошла к концу. Колдунья поднялась и, руководствуясь непонятной логикой, начала ходить между шкафами. Проблуждав так некоторое время, она остановилась, прикрыла глаза и, сплетя хитрым образом пальцы рук, положила их на лицо. Ладони закрыли лишь верхнюю часть лица, а губы, оставаясь видимыми, быстро, но беззвучно двигались. Что-то почти незаметно менялось вокруг, казалось, что сам воздух стал другим, все предметы стали видны четче и будто приблизились. Кожу словно покалывали сотни крошечных молний — совсем слабеньких, но все же ощутимых. Казалось, еще чуть-чуть, и Альва сможет увидеть множество маленьких голубоватых искорок, почему-то «молнии» представлялись ей именно такими. Протектор, очевидно, ощущал нечто похожее и выглядел куда менее уверенным, чем обычно. Должно быть, как и Альва, он все еще не мог привыкнуть к магии. Торн сделал шаг к девушке и взял ее за руку. Вряд ли сильный и смелый мужчина искал поддержки. Скорее уж, сам хотел поддержать ее. Альва решила, что со стороны выглядит совсем испуганной, раз вызывает у мужчины желание успокоить и ободрить. В любом случае, руку девушка вырывать не стала.

Что-то смутно напоминающее ветер наполнило помещение и почти сразу же стихло. К ногам женщины упала книга. Одна-единственная. Тоненькая и неказистая. Энлил с облегчением выдохнула, словно сбросив напряжение, провела ладонью по лбу, наклонилась, чтобы поднять книгу, и протянула ее протектору.

Тот прежде, чем принять книгу, почтительно поцеловал руку колдуньи, наверное, желая в очередной раз показать, что не такой он грубиян, каким она его видит. И зачем он постоянно меняет маски? То изображает из себя жестокого и бездушного человека, то вдруг становится изысканно галантным. Ведь на самом деле Торн — ни то, ни другое. По крайней мере, такое мнение сложилось о нем у Альвы. Впрочем, девушка отдавала себе отчет, что знает верховного протектора не так уж давно и вряд ли так уж хорошо.

Между тем Торн открыл наконец книгу, и лицо его приняло весьма удивленное выражение. Брови поползли вверх, глаза прищурились, словно от недоверия. Он снова пробежался по заглавию на титульном листе, как будто намеревался поймать себя на ошибке и увидеть нечто другое, более соответствующее ожиданиям.

— Одна книга! — пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Всего одна из тысяч! Почему именно эта? — на сей раз вопрос был адресован Энлил. — Почему вы выбрали именно ее?

— Я ничего не выбирала, — женщина пожала плечами. — Просто прочла заклинание, помогающее найти то, что содержит ответ на ваши вопросы. И если нашлась всего одна книга — тем больше поводов у вас с Альвой благодарить меня. Вы могли бы потратить годы на ее поиски.

— Не спорю, это так, — голос протектора звучал по-прежнему растерянно. — Мы очень благодарны вам, но мне сложно поверить, что это именно та книга, которая нам нужна. Вы уверены, что здесь говорится о проклятии Ильдов?

— Понятия не имею, о чем тут говорится, но я уверена, что это та книга, что вам нужна. Я не слугитель библиотеки, а ведьма, у меня свои методы.

Не выдержав, Альва подошла ближе и, заглядывая через плечо Торна, прочла название: «Грустная история принцессы Таиры о суровом отце и несчастном брате». Действительно, ерунда какая-то. Неудивительно, что протектор в полном недоумении. Может, все-таки чары Энлил иногда попадают мимо цели. Допустив подобное, девушка испытала двойственные чувства. С одной стороны, неплохо бы получить подтверждение, что магия не всемогуща, тени могут ошибаться, а значит, им с Лотэссой еще суждено свидеться. С другой стороны, если странная книга окажется пустышкой, Изгой знает сколько времени ей еще придется торчать в библиотеке, лишенной дневного света, чистого воздуха и человеческого общения.

— Что ж, — вздохнул Торн. — В любом случае, нашу удивительную находку стоит прочесть от корки до корки и, если понадобится, не один раз.

Альва согласно кивнула. Какой толк может быть от этой то ли сказки, то ли притчи, она пока не понимала, но сомнения не поколебали намерения девушки прочесть сие произведение. И она приступила бы немедленно, не раздайся удивленное восклицание Энлил:

— Кажется, вас ждут новости! — с этими словами женщина принялась расстегивать ряд маленьких пуговиц на длинных узких манжетах, которыми оканчивались широкие прозрачные рукава ее одеяния.

Покончив с пуговицами, она извлекла из рукава небольшой бумажный свиток, закрепленный на темно-красном стержне из непонятного материала.

— Первое письмо его величества, — с излишним пафосом провозгласила колдунья. — Оно адресовано вам, эн Элвир.

Могла бы и не пояснять, подумала про себя Альва. Понятное дело, что не мне. Вот если бы автором письма была Лотэсса, тогда другое дело. Только вряд ли Дайриец предоставит невесте возможность пользоваться волшебной бумагой, полученной от Энлил. Альве ужасно хотелось узнать содержание письма. Конечно, всякие там указания и распоряжения, касающиеся государственных дел, ее совершенно не волновали. Зато чрезвычайно интересовало все, что связано с подругой.

— Король со спутницами пересек границу Муаны, где, как было условлено, расстался с гвардейцами, и теперь путешествует под видом сантэрского дворянина с сестрой и жрицей Маритэ, — сообщил протектор.

Альва вздохнула про себя. Она радовалась, что у подруги все благополучно и в то же время остро сожалела, что не может получить от нее весточку.

— Кстати, — продолжил Торн, — энъя Линсар передает тебе привет, крысенок, — он неожиданно подмигнул девушке. — Сейчас они едут по твоей родной Фьерре, между прочим. Хочешь что-нибудь написать ей?

На такую милость она и надеяться не смела. Порывисто схватив протянутое Энлил перо, Альва быстро застрочила на бумаге, которая таинственным образом вновь стала абсолютно чистой. Девушке приходилось сдерживаться и быть осторожной в словах, поскольку она понимала, что письмо в первую очередь прочтет король и лишь потом отдаст Лотэссе. Так много хотелось сказать и так мало сказать было можно! Не то чтобы девушек связывали особо страшные секреты, просто изливать чувства, отдавая себе отчет в том, что они станут достоянием посторонних глаз, не очень-то хотелось.

Пока Альва писала, протектор с Энлил отошли и негромко говорили о чем-то своем. Закончив, она протянула свиток Энлил. Та что-то шепнула, и бумага вновь стала кипенно-белой. Пока колдунья совершала свои манипуляции, Альва горячо благодарила Торна за неожиданное благодеяние.

— Пустое, крысенок, — отмахнулся тот. — Ну, а теперь моя очередь строчить волшебные письма.

Глава 3

Раздражение настолько глубоко поселилось в душе Лотэссы, что казалось неотъемлемой частью ее существа. Девушку бесило все. Необходимость ехать в карете, вызванная плохой погодой. Сидеть рядом с Нармин, усиленно пялясь в разные окна и демонстративно не замечая друг друга, — та еще пытка. Она бы, подобно Малтэйру, предпочла ехать верхом, даже под дождем, но король категорически запретил ей это, ссылаясь на не проходящую простуду. Самонадеянная жрица, разумеется, не смогла исцелить изрядно надоевший Тэссе кашель. Впрочем, ничего другого девушка от нее и не ждала. Она уже имела возможность убедиться, что все эти «дары Маритэ» на деле ничего не стоят. Лотэсса смутно понимала, что кашель и боль в горле — не совсем обычная болезнь, и связывала ее с кошмарными снами, особенно после визита Энлил. Но со жрицей, самоуверенно заявившей, что может исцелить ее недуг, девушка, естественно, своими подозрениями не поделилась. Особенно после того, как Нармин обвинила ее в притворстве и попытках сыграть на жалости короля.

Еще девушку до ужаса злил уродливый наряд, особенно кошмарный головной убор. Внутри кареты или в комнатах гостиниц она тут же скидывала ненавистный берет, освобождая волосы. Король, кстати, поступал точно так же. Правда, потом снова приходилось натягивать это убожество и выглядеть полной дурой. Синие пятна над глазами лишь усугубляли досаду той, что привыкла мнить себя первой красавицей королевства.

Короче, причин для злости было более чем достаточно. А для радости — только одна. Король милостиво разрешил ей переписываться с Альвой и даже благородно обещал воздерживаться от прочтения писем. Удивительная все-таки вещь — этот колдовской свиток, с помощью которого письма могли мгновенно достигать адресата. Будь ее воля, Тэсс целыми днями бы только и делала, что вела на письме разговоры с подругой, но ей ясно дали понять, что у Альвы есть в столице дела поважнее. Поэтому Лотэсса писала своей бывшей фрейлине лишь вечерами, да и то не каждый день. Как раз сейчас она планировала взяться за очередное послание. Был довольно поздний час, давным-давно стемнело, и Нармин собиралась отойти ко сну. Почему бы не доставить себя маленькое удовольствие не гасить свечи, мешая жрице заснуть... Исполненная предвкушения, она направилась к Дайрийцу.

Тэсса робко постучала в дверь комнаты короля. Ей не открыли, даже шагов не было слышно, зато из глубины комнаты донесся знакомый голос:

— Кто это?

— Лотэсса, — ответила девушка, недовольная тем, что приходится разговаривать через дверь.

— Входите.

Тэсс толкнула дверь. Оказалось, что та не заперта. Малтэйр в полурасстегнутой рубашке сидел, развалившись в кресле, с глиняным кубком в руке. Рядом на столе стоял кувшин. В таком виде она Дайрийца еще не видела. Девушка несколько секунд стояла, ошарашенно пялясь на короля, а затем решительно подошла к столу и заглянула в кувшин. Как она и предполагала, тот был пуст больше чем наполовину.

— Что-то не так? — насмешливо поинтересовался мужчина.

— Нет, отчего же... Все прекрасно, — с сарказмом ответила она. — Его величество, повелитель Дайрии и Элара, изволит напиваться, как последний... — подходящее сравнение не шло на ум.

— Зачем вы пришли, Тэсса? — король вел себя прямо-таки по-хамски. Не встал ей навстречу, назвал «Тэссой», хотя она никогда не позволяла подобной фамильярности. — Не можете заснуть? Только не думайте, что я вам не рад, — хмыкнул Валтор, с явным удовольствием рассматривая Лотэссу, ошалевшую от подобного тона. — Располагайтесь. Можете остаться на ночь, я отнюдь не против. Хотите вина?

— Вы с ума сошли, эн Малтэйр?! — прошипела Тэсс. — Можете напиваться сколько угодно, но не смейте разговаривать со мной в таком тоне! Я вам не трактирная

служанка!

— Ну конечно же нет! — его величество соизволил наконец-то подняться. Но лучше бы он сидел. Девушке совсем не понравился взгляд направившегося в ее сторону Дайрийца. — Ты — моя дорогая сестричка, Тэсс, — с этими словами король попытался обнять Лотэссу за плечи.

Она с силой отпихнула его, испытывая сильнейшее желание еще и надавать пощечин.

— Ну что ты, сестренка! — рассмеялся Валтор.

— Не смейте называть меня сестрой! — медленно, разделяя слова, произнесла Тэсс, задыхаясь от гнева.

— Почему? — король мгновенно стал серьезен. — Разве не вы предложили эту идею, отказавшись представляться моей женой?

— Я, — она не стала спорить. — На людях мы вынуждены изображать родственные отношения, но наедине больше никогда не зовите меня сестрой.

— Почему? — Дайриец повторил свой вопрос.

Похоже, не так уж он и пьян. Скорее рисуется из желания досадить ей.

— Потому что у меня был брат! — Тэсса не выдержала, и ее голос сорвался на крик. — Родной! Которого вы убили!

— Я не убивал вашего брата, энья Лотэсса, — ну вот, его величество изволил вспомнить о вежливости. — Я приказал казнить короля и принца, вы вправе ненавидеть меня за это, но в смерти вашего брата я неповинен.

— Да? — на глаза девушки навернулись злые слезы. — Разве не вы развязали эту проклятую войну? Разве не вы командовали сражением, в котором погибли Эдан, Рейлор и другие лучшие рыцари Элара? Вы же берете на себя ответственность за смерть Йеланда и Нейри, хотя не вы опускали меч на их головы, а ваш любимый Торн...

— Я отдал приказ о казни.

— Как и приказ о начале военных действий, — Тэсс сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони. — Имейте же честность признать, что на ваших руках кровь каждого эларца — от первых рыцарей до последнего солдата... и каждого дайрийца, — неожиданно добавила она. — Мне вовсе не жаль дайрийцев, я лишь хочу, чтобы вы осознали, что несете вину за каждую смерть в этой войне, развязанной в угоду вашему властолюбию!

— А если бы ваш брат погиб на войне, развязанной Йеландом или, что более вероятно, прежним королем — Лендером, вы бы ненавидели эларских монархов так же сильно, как меня? — спросил Валтор.

— Нет... Я не знаю, — подобная постановка вопроса не приходила ей в голову. — И знать не хочу! Потому что не Ильды развязали эту проклятую войну, а вы! Я никогда не узнаю имени того, кто всадил меч в грудь моего брата, но винить в его смерти буду именно вас! Вы отняли у меня Эдана! Оставив вместо него раздирающую боль и пустоту, которая будет со мной до конца дней! И после этого вы еще удивляетесь, что я так мало ценю свою жизнь?! — с горькой усмешкой спросила она.

— Я не знал, — тихо произнес король. — Не знал, что вы любили его так сильно.

— Не сомневаюсь, — с горечью воскликнула Тэсс. — Конечно, не знали. Разве вы вообще знаете, что значит любить? Разве вы любили кого-нибудь в своей жизни? Вы же король! Вы не можете позволить себе подобную роскошь. Любовь делает человека слабым и уязвимым. А монарх должен быть сильным! Особенно монарх, планирующий покорение соседних держав. Но мы — простые смертные — живем по-другому. Мы позволяем себе эту безумную слабость и величайшее счастье — любовь. Пусть даже после этого остаются кровоточащие раны на сердце. Оно того стоит!

Валтор шагнул к ней, и Тэсса против воли утонула в его зеленых глазах, смотревших так пристально и странно.

— Лотэсса, — голос Дайрийца звучал как-то хрипло. — Я ведь совсем не знал вас, — он, не отрывая взгляда, провел тыльной стороной ладони по ее щеке. А она стояла, замороженная, не в силах шелохнуться. — Но и вы не знаете меня так хорошо, как полагаете, — продолжал король. — Я не настолько неуязвим, как может показаться.

— Разве? — девушка наконец вышла из оцепенения, тряхнув головой. — Неужели у хладнокровного и расчетливого монарха тоже есть слабости?

— Есть, — кивнул Валтор. — Одна из этих слабостей — вы...

Лотэсса не знала, что ответить. Да и стоит ли тратить время на беседу с пьяным мужчиной? В конце концов, она пришла сюда не за этим.

— Дайте мне свиток, — отведя глаза, тихо проговорила девушка. — Я хотела написать Альве.

Малтэйр отошел и, вернувшись, молча протянул ей свиток. Похоже, извиняться за хамское поведение его величество не собирается. Ну и Изгой с ним! Нужны ей очень его извинения! Тэсса схватила бумагу, гордо развернулась и вышла, хлопнув дверьми, благо здесь не королевский кабинет.

Вернувшись к себе, Лотэсса обнаружила, что невыносимая жрица уже погасила все свечи. О чем эта нахалка думала? Решила, что не будет ничего страшного, если Тэсс придется вернуться в темную комнату? Или подумала, что она останется у короля на всю ночь?! От последнего предположения Тэссе передернуло. Она с трудом сдержалась, чтобы не растолкать Нармин с целью прояснения вопроса. Однако, взяв себя в руки, девушка ограничилась тем, что зажгла все имеющиеся в комнате свечи и принялась как можно громче скрипеть пером по бумаге. Со злобным удовлетворением Лотэсса обнаружила, что добилась своего, разбудив жрицу. Письмо к Альве вышло длинным и обстоятельным, правда, о последней ссоре с королем в нем не было ни слова, как и вообще о короле. Тэсс все-таки не до конца верила в благородство его узурпаторского величества и опасалась, что он все-таки читает ее переписку с подружкой или подобное желание может его посетить. Девушка знала, что написанное тут же проявляется на свитке, оставшемся в Эларе, и исчезает лишь после того, как адресат (или тот кто в данный момент держит свиток) начинает писать ответ. Но шансов, что сейчас магическая бумага конкретно у Альвы, очень немного, да и, скорее всего, та давно уже спит. Значит, ответ будет написан лишь утром или даже днем, а до того момента Дайриец будет иметь возможность ознакомиться с содержанием письма. Кроме того, парный свиток может находиться в руках как у Энлил, так и у протектора. А уж последнему вовсе не обязательно знать лишние подробности.

Покончив с письмом, Тэсса погасила свечи и улеглась. Их путешествие длилось уже почти неделю, но она никак не могла привыкнуть к отсутствию привычного комфорта: удобной широкой кровати, вкусной и разнообразной еды, большого количества комнат и, главное, прислуги. Нармин четко дала понять, что она «жрица, а не служанка», и Лотэсса из гордости ни за что не согласилась бы воспользоваться ее услугами. Но она твердо решила не жаловаться и стойко переносить все дорожные тяготы, чтобы не дать повода упрекать себя в изнеженности и капризности. И вот теперь, ворочаясь в неудобной узкой постели, девушка безуспешно старалась заснуть. Да и сцена, разыгравшаяся между нею и Малтэйром, не давала покоя. Милосердный сон сморил ее ближе к рассвету, благо король никогда не настаивал на раннем отбытии из гостиниц, давая спутникам возможность выспаться.

Проснувшись за полдень, одевшись и с трудом запихнув волосы под ненавистный берет, девушка отправилась к королю, слегка опасаясь новой встречи после вчерашнего. Однако переживала она зря, король был настроен вполне благодушно и даже, кажется, испытывал некоторое раскаяние за свое давешнее поведение. По крайней мере, извинений его величества, хоть и весьма лаконичных, Лотэсса таки дождалась. А получив оные, решила перейти в наступление.

— Почему вы вчера пили? — она понимала, что вопрос звучит идиотски, но сожалеть о сказанном было поздно.

— Вино здесь, как ни удивительно, вполне приличное, — ответил король.

— Как я понимаю, вы не были пьяны, — Тэсс продолжала допрос. — Так зачем же притворялись?

— Вообще-то, если честно, был, — хмыкнул Валтор.

— Да ну? — девушка недоверчиво изогнула бровь. — А мне показалось, что вы прекрасно отдавали себе отчет в том, что делаете и говорите... с того момента, как разговор стал серьезным.

— Я действительно отдаю себе отчет в своих словах и действиях... что не мешает мне быть пьяным, — Малтэйр шагнул к ней и заправил под берет выбившиеся пряди.

— Разве так бывает? — она не скрывала своего недоверия, а слишком вольный жест мужчины предпочла оставить без внимания.

— Бывает, как видите, — Дайриец пожал плечами.

— Наверное, королей с детства обучают этому великому искусству, — с издевкой произнесла Тэсса.

— Нет, не думаю, — возразил Малтэйр. — Не уверен, что такому вообще можно обучить. Скорее, это моя индивидуальная особенность, не скрою, очень полезная временами.

— Особенно в моменты, когда нужно кого-нибудь обидеть, прикрываясь своей нетрезвостью. Мол, что вы ждали от пьяного мужчины... Да?

— Отчасти, — признал король, не скрывая ухмылки. — Правда, обидеть я вас не хотел, но было весело. Разве нет?

— Вы откровенно насмехались надо мной! — возмутилась девушка. — Зачем вам это?

— Вы же знаете, я люблю вас дразнить, — улыбнулся он. — Не мог упустить случая. Вы просто обворожительны, когда злитесь, энья Лотэсса.

— Да, — протянула Тэсс. — Как я посмотрю, угрызений совести вы не испытываете.

— Подобные душевные порывы мне вообще не слишком свойственны.

— Это возмутительно, — она понимала, что вызывать к его раскаянию бессмысленно, но все же не могла остановиться. — Вы предложили мне остаться на ночь! Боюсь и думать, как бы вы развлекались дальше, не прими наша беседа иного направления.

— Скорее всего, запер бы дверь, — признался Дайриец.

— Вы уже запирали однажды, — Лотэсса намекала на историю с зеркалом.

— Было дело, — кивнул Валтор.

— Знаете, — девушка уже всерьез разозлилась, — подобные забавы не делают вам чести. Они недостойны рыцаря! Я уже привыкла к тому, что вы жестокий король и беспринципный политик, но как мужчина вы мне казались более благородным.

— Лотэсса, — Малтэйр внезапно стал серьезен. — Вы должны знать одно. Как бы я ни вел себя, что бы ни говорил, как бы ни злился... Я могу сколько угодно обижать вас как жестокий король и беспринципный политик, но никогда не обижу как мужчина.

— Учту, — хмыкнула в ответ Тэсса.

Глава 4

«Отец мой появился на свет в один день и час со своим братом. Их же отец, мой дед, был властелином могущественной империи, и явление близнецов стало для него и радостью, и предметом долгих раздумий. Как разделить власть между двумя братьями, если нет ни старшего, ни младшего? И старый король принял решение, которое можно счесть скорее справедливым, чем мудрым. Он постановил, что править будут оба сына — вместе...»

Элвир поднял глаза от страницы и глянул на Альву, сидевшую рядом. Он попросил девушку остаться, чтобы записывать важные моменты, если таковые обнаружатся в странной книге. Впрочем, уговаривать Альву не пришлось, куда сложнее было бы попытаться ее выгнать из библиотеки. Хотя и он сам не так уж нуждался в услугах секретаря в данный момент, вполне мог бы делать записи собственноручно. Смысл присутствия Альвы заключался в самом факте присутствия, благо девушку расклад вполне устраивал.

— Ты хоть что-нибудь поняла из этого, крысенок? — обратился к ней Элвир.

— Ну, не знаю, — она пожала плечами. — Самое начало ведь только. Да и чего тут непонятного? Два брата-близнеца сели на трон. Вроде как Ильды — Имрэ и Дайр.

— Имрэ и Дайр? — словно размышляя вслух, повторил Торн. — А в этом что-то есть. Ты умница, крысенок! Будем исходить из того, что книга все-таки повествует об Ильдах, хоть и в иносказательной форме и непонятно от чьего имени. Никакой ведь принцессы Таиры не было.

— Давайте дальше читать, — с нетерпением в голосе предложила Альва.

Протектор не заставил себя просить.

«После смерти короля мой отец с братом стали править страной. Два трона, две короны, две королевы. И лишь власть — одна! Но, кроме власти, еще кое-что нельзя было разделить. С самого основания великой династии от отца к сыну переходила вещь, не менее почитаемая, чем корона — королевское кольцо...»

Торн читал вслух, и после слова «кольцо», они с Альвой бросили друг на друга многозначительные взгляды.

— Значит, все-таки книга та самая, несмотря на дурацкое название, — с удовлетворением констатировал Элвир. — Я уже почти уверен, что речь идет об Ильдах и их пресловутом рубине. И кто бы ни была эта принцесса Таира, я ей весьма благодарен.

— Не забывайте Энлил, ей вы должны быть благодарны не меньше, — напомнила девушка.

— Само собой, — согласился Торн и принялся читать дальше. — «Кому из братьев носить на пальце символ власти, что важнее короны или скипетра? После долгих раздумий оба короля по справедливости решили владеть кольцом по очереди, дабы никому не терпеть обиды и унижения. Год древнее кольцо красовалось на пальце одного брата, на следующий год переходило к другому. Мой отец взял себе королеву из другой страны...»

— Почему же автор упорно именует одного из братьев отцом? — протектору эта мысль не давала покоя. — Взял королеву из другой страны... — пробормотал он. — Дайр был женат на Беанне Валэйнской. Именно по ее линии я прихожусь дальним родичем Малтэйрам, — упомянув о своем родстве с королевской семьей, Элвир пожалел о сказанном. Вроде как получалось, что он хвастает чистотой крови, подчеркивая свое превосходство перед простой дворянкой.

Торну вовсе не хотелось, чтобы его слова произвели на девушку подобное впечатление, но та, похоже, не обратила особого внимания, поглощенная размышлениями на тему прочитанного.

— Не могу припомнить, кого взял в жены Имрэ, — он решил поскорее вернуться к теме обсуждения. Досадно, но он действительно не помнил имени первой после разделения

королевы Элара. Магистр истории, учивший его когда-то, убил бы нерадивого ученика на месте.

— Ленора Таскилл, — тихо проговорила девушка.

— Что? — не понял Элвир.

— Имрэ Ильд был женат на Леноре Таскилл, — пояснила Альва.

— Ну конечно же! — протектор с трудом удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. — Как же я мог забыть! А вы-то откуда так хорошо помните королей трехсотлетней давности, дэнья Свелл?

— Читала, — коротко ответила девушка. Элвиру показалось, что она не в настроении продолжать разговор.

— У вас в замке имелись книги по истории и политике? — Торн искренне удивился, слишком хорошо он помнил родовое гнездо Свеллов.

— Не в замке, а здесь, в Нианоне, — буркнула в ответ Альва, похоже, уязвленная замечанием собеседника. — Вы сами велели мне копаться в истории Ильдов, а теперь удивляетесь. А в замке у нас, между прочим, были книги, — мрачно добавила она. — Или вы полагаете, что читать я только в Вельтане выучилась?

— Не обижайся, крысенок, — примирительно улыбнулся Торн. — И давай уже вернемся к истории загадочной принцессы. Теперь твоя очередь читать вслух, если не возражаешь. Заодно и покажешь, что не вчера выучилась этому искусству, — он постарался, чтобы последняя фраза выглядела добродушным лукавством, а не издевкой.

— «...королеву из другой страны», — при чтении голос Альвы звучал медленнее и чуть ниже, чем обычно. — «В стране моей матери уже третьему поколению правителей служила могущественная ведьма. Имя ей Суарейя».

— Ну, хоть первое конкретное имя, не считая автора, — пробормотал Элвир. — Хотя мне это имя ни о чем не говорит. А тебе?

Девушка отрицательно помотала головой и продолжила чтение.

— «Однажды Суарейя прибыла ко двору моих родителей и узрела на пальце отца фамильное кольцо. В тот год была его очередь владеть королевской регалией. Увидав кольцо, ведьма изменилась в лице и спросила, не боится ли король обладать столь страшным даром. Отец мой, как и его брат, не видел в кольце ничего страшного, напротив, оно всегда было для них предметом гордости и связи поколений. Тогда Суарейя попросила кольцо на одну ночь. Не без опасений отдал ей отец главную королевскую драгоценность. На следующий день ведьма вернула кольцо и, отдавая, изрекла страшное пророчество: «Через это кольцо ваш род погубит весь мир! Проклят даритель сего, но его могущество безгранично. Воззав к нему однажды, далекий потомок вашего рода сломает оковы древнего запрета и даст извечному злу вырваться из долгого плена. И станет мир наш игрушкой в руках его, игрушкой, которой суждено быть сломанной. У зла нет совести, нет жалости, нет милосердия. И потому вина за гибель мира ляжет не на безумного и безжалостного дарителя, а на призвавшего его потомка вашего проклятого рода». Испугался мой отец и призвал брата. Суарейя сказала, что проклятие с рода можно снять, лишь уничтожив кольцо. Отец, поверивший словам могущественной ведьмы, был готов последовать ее совету, но брат его воспротивился, не желая расставаться с кольцом основателя рода. Зато мой дядя пожелал больше узнать о силе кольца и о дарителе. О первом ведьма умолчала, лишь улыбнулась темною улыбкой. На второй же вопрос ответила. «В минуту страшной опасности или крайней нужды стоит лишь воззвать к дарителю, окропив камень темным вином и королевской кровью. И явится на помощь самое страшное и могущественное зло, и ничто не устоит перед силой древней клятвы того, кто отдал кольцо первому королю династии». Еще сильнее стал уговаривать мой отец брата, умоляя отказаться от страшного дара и снять проклятие со всего рода. Но тот в гордости своей отказался, обещав лишь никогда не пользоваться кольцом и наложить такой же запрет на потомков».

Альва остановилась, чтобы перевести дыхание и осмыслить прочитанное.

— Королевская кровь и темное вино... Лан рассказывал, что, забирая кольцо, видел порезанную руку Йеланда Ильда и бокал вина на столе, — припомнил протектор. — Я вот чего не могу понять... Неужели эта змеехвостая дрянь и есть то самое страшное зло, способное сломать мир, как игрушку? Он, бесспорно, силен, но, с другой стороны, простая стрела, пущенная тобой, смогла пусть и не убить, но остановить его.

— Если уж на то пошло, самым страшным злом считается Изгой, — заявила девушка.

— Изгой я себе представлял несколько иначе, — ухмыльнулся протектор.

— Интересно, как? — любопытствовала она.

— Ну, не знаю, — он и правда никогда не задумывался о внешности Изгоя. — Но он мне виделся все же человеком, пусть и страшным, а змеиный хвост — это как-то...

— Кстати, может, змея на ильдовском гербе — не просто так? — предположила Альва. — Герб ведь установил еще Дренлелор. А что, если в честь того самого дарителя?

— Изгой, ты хочешь сказать? Не верю, что Дренлелор был способен на подобное. Тем более, змея в ильдовском гербе означает...

— Мудрость и хладнокровие, — перебила девушка. — Знаю, знаю. Говорю же, за последние недели я узнала об Ильдах больше, чем за всю прошлую жизнь.

— Ладно, давай продолжим, — решил он. — Может, часть вопросов отпадет сама собой.

— «С той поры между братьями, доселе жившими душа в душу, пролегла тень недоверия, начались ссоры и разногласия. Вскоре уже и позабылось, с чего все началось, но с каждым днем сильнее ощущали братья, что не в силах править вместе. В гордыне и обидах решили короли поделить страну на две части. Дяде досталась большая часть и условное первенство, зато отцу моему отошли земли со старой столицей...»

— Моему отцу отошли земли со старой столицей! — Элвира осенило. — Значит, автор — дочь Дайра, если считать, что речь все же идет об Ильдах, а похоже, что так оно и есть. Никакая она не принцесса Таира, а...

— Королева Теора! — закончила Альва его мысль.

Ну разумеется. Других детей у Дайра не было. А исковерканное имя, скорее всего, взято для того, чтобы не привлекать к книжке лишнего внимания. Ведь без помощи Энлил ни он, ни Альва в жизни бы не обратили внимания на жалкую книжонку — то ли сказочку, то ли притчу. Почему Теора решила скрыть свои откровения, оставалось непонятным, но в том, что сочинение принадлежит перу легендарно королевы, Торн уже почти не сомневался.

— «В скором времени после разделения державы моя мать порадовала отца известием о том, что ожидает ребенка. Но несчастный мой родитель, которому слова ведьмы медленно разъедали душу и разум, не порадовался этой вести. Вопреки всем традициям стал он молить богинь, чтобы дитя оказалось девочкой. Ибо не хотел король, чтобы продолжался проклятый род, которому суждено сгубить весь мир. Одержимый правитель вбил себе в голову, что они с братом должны стать последними в роду. Между тем у дяди моего было уже двое сыновей. Королева, проклиная себя за то, что когда-то привезла злополучную Суарейю, старалась убедить мужа отказаться от своих безумных мыслей. Даже если и права ведьма, говорила она, мир погибнет через много-много лет, а то и столетий. Что нам за дело до деяний дальних потомков наших, уговаривала королева, мечтающая о наследнике. Мечтам королевы суждено было сбыться, но если бы несчастная только знала, какую боль это ей принесет, то вместе с отцом молилась бы о девочке...»

— Ничего не понимаю! — Торн чуть ли не отшвырнул книгу. — У Дайра и Беанны родилась дочь! Дочь! Теора была единственным ребенком. Но рассказ об Ильдах, я уверен. Все остальное сходится до мелочей.

— «У короля и королевы родился сын. Мой старший брат. Роды были тайными, королеву заблаговременно увезли из столицы. Король заранее принял решение, разрывавшее сердце его жене. Если родится мальчик, ему суждено быть отданным в другую семью и

вырасти под чужим именем. Напрасно в слезах взывала королева к супругу, говоря, что сыновья брата все равно продолжат род и отказ от собственного сына ничего, кроме горя, им не принесет. Отец оставался глух к мольбам своей жены, и только светлые богини знают, чего ему это стоило. Одну лишь победу одержала несчастная королева: сына отдали не совсем в чужую семью, а родной сестре королевы. Будучи вдовой, старшая сестра королевы решила оставить родную страну и жить с моими родителями. Позже она вышла замуж за одного из королевских советников. Именно эта семья и усыновила принца, выдав его за свое родное дитя. Несколько лет спустя у родителей появилась я. Но даже рождение дочери не могло утешить бедную королеву. Королева страдала, лишенная простого женского счастья — быть матерью собственного ребенка. Но тетя моя страдала не меньше. Полюбив дитя, как родного сына, она год за годом делила его с сестрой. Королева все время старалась проводить подле мальчика, пытаясь занять в его сердце больше места, чем та, кого тот считал матерью. Сестры не могли поделить любовь ребенка, как некогда братья-короли не могли поделить власть. Но брат мой был одинаково привязан к обеим своим матушкам. Я тоже любила его как родного, хоть и считала кузеном. Время шло, я росла. Все вокруг были уверены, что у отца нет наследника, и с годами становилось ясно, что и не будет. Вопрос престолонаследия отец решил просто: объявил королевой меня, а королем того, кто был предназначен мне в мужья. Король велел мне перейти в род мужа и тем самым пресек ветвь собственного рода, который почитал проклятым», — Альва, не в силах читать дальше, подняла глаза на Элвира.

Он сам не меньше девушки жаждал обсудить и обдумать услышанное. Значит, у Дайра Ильда был сын, которого лишили не только права наследовать престол, но и собственных родителей. Какую же силу духа и убежденность надо иметь, чтобы так поступить! Вот как раскрывалась тайна, долго время не дававшая покоя дайрийцам и эларцам: почему Дайр не настоял на том, чтобы муж дочери принял ее имя. Вот откуда одержимость старого короля Аритэра и его жажда уничтожить Ильдов. Но что за слепая вера заставляла Дайра и его потомков верить в безумные пророчества? Впрочем, такие ли уж безумные? Вопросы роились в голове Торна, как потревоженные пчелы, а полученные ответы лишь множили количество новых загадок.

Не все из того, что Элвир знал, можно было обсудить с Альвой, а потому он углубился в собственные размышления, которым девушка старалась не мешать. Однако затянувшееся молчание так же, как и усталость, не способствовали ее бодрости. Торн не заметил, в какой момент Альва прикрыла глаза, зато увидел, как голова ее безвольно склонилась, а упавшие светлые пряди скрыли лицо. Осторожно, чтобы не потревожить ее сна, Элвир уложил головку девушки себе на плечо и продолжил читать, теперь уже про себя.

«Но лишить сына власти и обоих детей — имени ему показалось мало. Незадолго до смерти, рассказав мне все, отец заповедал пойти еще дальше по тропе этого безумия. Дети его брата не должны продолжать династию. Если мне не достанет сил причинить вред собственным братьям, пусть это сделают потомки мои, в которых с годами родственные узы ослабнут. Умирая, отец взял с меня две клятвы. Первую я нарушила, ни разу не попытавшись выступить против братьев. Вторую выполнила наполовину. Я скрыла от брата правду о его происхождении, но лишь потому, что открывать ее было слишком поздно и опасно для спокойствия молодой страны, вверенной нашим с мужем заботам. Теперь, на пороге собственной смерти, я раскрываю тайну, хранимую десятилетиями. Но я слаба, сколь бы сильной ни считали меня другие. Не в силах лишить собственных детей трона, я оставляю свое последнее признание на волю богинь. Если кто-то найдет эту странную исповедь, если кто-то поймет, о чем она, если кто-то сочтет нужным изменить устоявшийся порядок, если кому-то достанет для этого сил и власти — сделайте то, что не смогла я. Славу свою мы с мужем стяжали сами, но власть получили не по праву. Трон моей страны принадлежит брату и его потомкам. И пусть богини судят отца, во имя блага мира пожертвовавшего счастьем собственной семьи. Я не вправе осудить или оправдать его деяния. Я не называю своего имени, не называю имени отца и его брата, имен матери и тети... Но я должна назвать лишь одно имя — имя брата. Оритэн. Оритэн Торн».

Глава 5

На сей раз дверь комнаты, которую занимал король, была не заперта. Зато его величество пребывал в том же положении и виде, как в прошлый визит Лотэсса. Опять бокал в руке и кувшин на столе.

— Решили обойтись без стука, энья Лотэсса? — он пригубил вино и даже не сделал попытки подняться навстречу гостю.

— А вы, я смотрю, опять напиваетесь? — ехидно протянула девушка.

— Не думаю, что вас это касается, — довольно бесцеремонно ответил король. — Впрочем, если пожелаете, можете присоединиться.

Тэсса ощутила мгновенно закипающую внутри злость, но нашла ей неожиданный выход. Девушка подошла к столу, сопровождаемая удивленно-заинтересованным взглядом Дайрийца, взяла кувшин, направилась к окну и, толкнув неплотно прикрытую створку, вылила содержимое кувшина наружу.

— Что вы себе позволяете, энья Линсар? — король удивленно изогнул бровь. — Вы вроде мне пока не жена...

Надеюсь, никогда ею не стану, добавила про себя Тэсс. Однако это не повод позволять ему напиваться каждый вечер.

— Что с вами происходит? — она постаралась вложить в голос побольше уверенности и строгости, но против воли девушки в вопросе сквозили тревога и участие.

— Разве вам не все равно? — с горькой усмешкой откликнулся Дайриец.

— Вы удостоите меня ответом? — не отставала Лотэсса.

— Мне кажется, или вы действительно проявляете сочувствие?

— Кажется, конечно, — хмыкнула Тэсс. — Вы пьяны, вам и не такое еще может показаться.

Валтор улыбнулся. Как-то особенно — тепло и чуть насмешливо.

— Вы изводите себя тревогами, как там без вас обходится захваченная страна, да? — она скорее утверждала, чем спрашивала. И по выражению лица Малтэйра поняла, что догадка попала в цель.

— А вы, энья Лотэсса, сейчас, должно быть, выражаете торжество по поводу отсутствия узурпатора в столице захваченной страны? — а вот король именно спрашивал, не зная ответа. И, судя по тому, как он вглядывался в лицо собеседницы, ответ ему был крайне важен.

— А вот и не угадали, — Тэсс, облокотившись о край стола, слегка приподнялась на руках и удобно устроилась на столе. Стоять надоело, кресло занято, не на кровать же, в самом деле, садиться. — Я не такая дура, какой вы меня считаете, эн Малтэйр. Вы удивитесь, но я понимаю, что городу и стране нужен король, раз уж законного правителя больше нет. И лучше уж вы, чем полное безвластие. Я имею в виду, пока кто-нибудь более достойный не взойдет на трон, — поспешила добавить она.

— Под более достойным вы подразумеваете Лана Таскилла? — он не сводил с нее зеленых глаз. — Или себя? Или вас обоих?

— Неважно, кого я вижу на престоле в будущем, — девушка была несколько озадачена намеком на совместное с Ланом правление. — Важно, что сейчас Вельтана и Элар нуждаются в сильной власти, и пока эту власть можете обеспечить только вы, ослепи вас молния.

— Я не считаю вас дурой, энья Лотэсса. И вы правы. Городу и стране нужна власть... а я здесь, — в его голосе слышалась неподдельная мука.

— Зато ваш Торн там!

— Удивительно, что вы не назвали его «моим ненаглядным Торном», — Валтор усмехнулся. Он уже взял себя в руки, и от страдания, искажавшего голос и лицо, не осталось и следа.

— Ваш ненаглядный Торн, — она отвесила Дайрийцу издевательский поклон, — непременно позаботится о поддержании спокойствия и порядка.

— Не так-то это просто, когда чудовища, не стесняясь, шастают уже по королевскому дворцу, а заговоры плетут даже малые дети.

— Намекаете на нас с Ланом? — Тэсса наградила короля колючим взглядом исподлобья. — Не переживайте, ваш Торн с легкостью раскрывает заговоры, в этом я имела возможность убедиться на собственном опыте. И не думаю, что ему так понравилось бы лицеизреть своего повелителя, ежедневно напивающегося, как... — и опять ничего ни шло на ум. В своей жизни Лотэссе не доводилось видеть по-настоящему пьяных людей, а потому она не знала, с кем их можно сравнить.

— Как кто?

— Вот напишите своему ненаглядному Торну о прискорбном факте ежедневного пьянства, пусть он и придумывает, на кого вы похожи, — нашлась Тэсса.

— Ему и без этого забот хватает, — вздохнул Валтор. — А вас действительно так сильно тревожит, что я пью? Почему?

— Потому что это глупо и неправильно.

Тэсс и сама не до конца понимала, почему ей не все равно. Но ей хватало осознания того, что столицу узурпатор оставил ради безопасности своей невесты, и девушка невольно чувствовала себя не только обязанной, но и отчасти виноватой в его терзаниях. Кроме того, она понимала, что тревоги, снедающие короля, возникли не на пустом месте, и, успокаивая его, старалась убедить в том же саму себя.

— Вы правы. Я, пожалуй, даже откажусь от выпивки, если мое пьянство вас так удручает, энья Лотэсса. Кстати, вам удобно? — неожиданно спросил король. — Могу уступить кресло.

— Не нужно, — девушка махнула рукой. — Стол меня вполне устраивает. Если только ваше величество не смущает столь вольное поведение.

— Ничуть, — он снова улыбнулся.

— Рада, что вы осознали, что пьянство в столь молодом возрасте — путь в никуда, — назидательным тоном продолжала Тэсса. — Но было бы еще лучше, если бы вы перестали изводить себя пустыми тревогами.

Она отлично понимала, что тревоги отнюдь не пустые, но раз уж сегодня ей за какими-то демонами приспичило заниматься врачеванием душевных ран своего врага, то стоит довести начатое до конца.

— Да и вообще, вы же нашли в себе силы покинуть Тиарис, — Тэсс решила слегка сменить русло беседы. — Как-то же вы смирились с тем, что столица Дайрии будет какое-то время обходиться без вашего королевского присмотра.

— Думаю, что даже вам, энья Лотэсса, при всей неискушенности в политических делах не составит труда понять разницу между положением дел в Вельтане и в Тиарисе.

— Конечно, — она недобро прищурилась. — Необходимость удержать незаконную власть любой ценой требует личного присутствия монарха в захваченной столице.

— Вот именно, — к удивлению девушки Дайриеца и не собирався спорить. — Приятно осознавать, что вы это понимаете.

— И что? — хоть Тэсс и старалась держаться спокойно и доброжелательно, но

чувствовала, что начинает злиться. — Что будете делать дальше? Я имею в виду, после того, как вернетесь в Вельтану. Как долго вы будете сидеть в чужой столице, пренебрегая собственной?

— Вельтана — ничуть не менее моя, чем Тиарис, — безжалостно напомнил Валтор.

— То есть теперь у вас будет две столицы?

— Нет, одна, — король поднялся. — Столицей будет Тиарис. Потому, что так было с самого основания государства.

— Да, — она метнула на мужчину гневный взгляд. — Только государство называлось Эларом, если вы забыли.

— Не забыл, — Дайриец внезапно очутился на столе рядом с девушкой. — Оно и будет называться Эларом.

— И Дайрия? — от удивления Тэсс даже забыла возмутиться тем, что его величество бесцеремонно уселся подле нее.

— И Дайрия, — подтвердил Малтэйр. — Впрочем, Дайрия и Элар — уже не две разных страны, пора бы привыкнуть.

— Дайрийцам это не больно-то понравится, — предположила Лотэсса. — Хотя они последние, о ком стоит переживать. А вы, значит, решили сделать красивый жест в сторону завоеванных, желая убедить их, что они не побежденные жители захваченной страны, а подданные объединенного государства. Как мило назвать вашу новую державу Эларом. Наверное, рассчитываете войти в историю как король — объединитель, которому удалось вернуть былое величие державе, расколотой некогда на две части тщеславными братьями-близнецами. Так?

— А вы куда лучше разбираетесь в политике, чем я полагал, — кажется, ей все-таки удалось развеселить его величество, только она не рассчитывала, что веселиться он будет, потешаясь над ней. — Из вас выйдет прекрасная королева... со временем.

— Я так не думаю, — сухо ответила девушка.

Если он специально дразнит ее, чтобы вывести из себя и позабавиться ее злостью, то ничего не выйдет. Она останется спокойной — ему назло.

— Вы правы в своих предположениях, зняя Лотэсса, — голос его вновь стал серьезен. — Я хочу из двух стран сделать одну, и мой отец хотел того же. И так ли это плохо — вернуть державе былое величие?

— Залив одну из ее частей реками крови? — с горечью спросила она.

— Если бы имелся другой способ, я бы воспользовался им, — ответил Дайриец, кажется, не слишком задетый гневными словами собеседницы. — Ильды не менее моих предков стремились к объединению некогда распавшейся страны. И Ильдам, и Малтэйрам за три столетия не однажды приходила мысль о династических союзах.

— Так в чем же дело? За триста лет в Эларе и Дайрии не нашлось принца и принцессы, которых можно было бы поженить?

— Как ни странно, подобные случаи выпадали не так уж часто, — заметил он. — В обеих королевских династиях рождалось куда больше мальчиков, чем девочек. В принципе, обычно подобное обстоятельство считается большой удачей для королевской семьи с традиционной системой престолонаследия, но в то же время не может не вызывать некоторого удивления. Нет, конечно, принцессы временами появлялись и в той, и в другой семье. Вот тут-то и заходила речь о династических браках.

— Так что же служило препятствием к их заключению? — не унималась Тэсса.

— Властолюбие, — на губах короля мелькнула недобрая улыбка. — Неуемное властолюбие обеих сторон, но в первую очередь Элара. Ильды хотели не объединения держав, а присоединения Дайрии. И даже не трудились скрывать это. В Эларе принято

считать, что в расколе страны виновна дерзость и амбиции Дайра, а потому его потомки должны смиренно вернуться под сень власти законной династии. Может, вас это удивит, но Малтэйрам подобная постановка вопроса несколько претила. Как бы вам понравилось, если бы вашу дочь сватали за короля соседней державы, а сыновей после заключения данного брака лишали права наследования трона? Дайрийцам подобный расклад был не по вкусу. А Ильды и слышать не желали об обратном варианте — их принцесса переходит в род Малтэйров, а принцы остаются не у дел после объединения.

— Но ведь Эларом изначально правили Ильды, — попыталась возразить Тэсса.

— Пусть так, но эти же самые Ильды и поделили страну. Не только Дайр, но и Имрэ стали виной нынешнего положения дел. Хотя лично я считаю, что большая часть вины лежит на их отце — короле Мидваре, посадившем на один трон двоих сыновей. Так или иначе, Малтэйры не желали видеть Дайрию провинцией Элара. А с некоторых пор мои предки и вовсе возомнили, что род Ильдов должен быть уничтожен.

— И именно вам выпала честь исполнить их завет, казнив последних представителей династии! — она решила не устраивать сцен, но и молчать в ответ на подобные заявления не собиралась.

— Честь весьма сомнительная, — Валтор к удивлению Тэссы отвел взгляд. — Да и руководствовался я совсем иными соображениями. Но я бы предпочел не говорить об этом сейчас. Давайте хоть раз попробуем избежать обсуждения вашей излюбленной темы. Вы ведь слышали о проклятии Ильдов?

— Только от вас. В смысле, от дайрийцев, — девушка слегка запуталась. — То есть впервые я услышала об этом от Альвы, но она-то узнала от вас. Неужели вы на самом деле верите в это проклятие?

— После случившегося за последние недели я готов поверить во все что угодно, — мрачно усмехнулся он. — Вот сейчас я, к примеру, с трудом верю, что гордая и прекрасная Лотэсса Линсар снизошла до проявления сочувствия к проклятому узурпатору.

Лотэсса не сразу нашла с ответом на столь нахальное заявление, а Валтор меж тем продолжал:

— Благодарю вас за доброту, знья Лотэсса, — теперь в голосе не было и тени насмешки.

— Ну, вы же спасли меня от чудовища пару раз, — она старалась говорить как можно небрежнее. — Считайте это проявлением признательности с моей стороны.

— Я потрясен, — король спрыгнул со стола и отвесил невесте нарочито глубокий поклон. — Особенно учитывая, что неизвестно еще, кто видится вам большим чудовищем — я или змеехвостая тварь...

— Разумеется, вы, — фыркнула девушка. После чего легко соскочила на пол и, гордо вскинув подбородок, удалилась под самозабвенный смех Дайрийца.

Глава 6

У Итона уже раскалывалась голова от потока откровений, обрушенного на него помощницей и верховным протектором. Оказывается, эти двое с помощью Энлил нашли-таки пресловутое проклятие Ильдов. И — надо же — оно действительно существует. Если, конечно, верить авторам текста, откопанного Энлил. Королевский рубин, как и подозревалось, оказался проклятым, и, судя по всему, три столетия назад именно это невинное на вид колечко послужило причиной распада огромной страны. Хотя Карст считал, что без честолубия братьев Ильдов тоже не обошлось. Скорее всего, Элар бы поделили и без всяких заколдованных колец. Нельзя делить корону на двоих. И замок-то захолустный нельзя, не то что страну. Ну а всякие проклятия и пророчества только подлили масла в огонь, ускорив неизбежное.

— Я вот только одного не понимаю, — проворчал комендант. — Если королева Теора решила сделать признание, то к чему было так глупо книжку называть? Да и, пока читаешь, вообще непонятно, о чем написано, если не знать, что хочешь найти.

— В том-то и дело, — усмехнулся Торн. — Королева хотела очистить свою совесть, но при этом не желала лишить трона собственных детей. Полагаясь на волю случая и богинь, Теора в то же время сделала все, чтобы ее исповедь никого не заинтересовала или осталась непонятой, если все-таки кто-то решит ее прочесть.

— Разыскивая сведения о проклятии Ильдов, я бы в жизни не обратила внимания на эту невзрачную книжицу, — вмешалась Альва. — Эн Элвир прав, королева не желала раскрытия тайны. Кстати, я заснула, — девушка почему-то бросила смущенный взгляд на Торна. — И конец рассказа слышала только с ваших слов. Можно мне взглянуть в текст?

— Да и я бы прочел самолично, — решил Карст.

К удивлению Итона, протектор помрачнел и отвел взгляд. Что это с ним? Какое-то время Элвир вертел в руках злополучную книжицу, а потом хлопнул ею об стол. Не очень-то почтительное обращение с откровениями великой королевы.

— Читайте, — чуть ли не зло бросил он. — Все равно узнаете.

Пока комендант приходил в себя от недоумения, вызванного необычным поведением Торна, Альва быстренько схватила книгу и, перелистнув страницы, заглянула в самый конец. Не так уж много времени понадобилось девушке, чтобы прочесть последнюю страницу. На лице ее, все время сохранявшем спокойно-заинтересованное выражение, вдруг отразилось чрезвычайное изумление.

— Подумать только! — ошарашенно пробормотала она, широко раскрытыми глазами уставившись на протектора.

— Да что здесь происходит, в конце концов?! — возмутился Итон и почти выхватил из рук помощницы книгу.

Как он успел понять, значение имели лишь заключительные строки, а потому, пропустив все остальное (будет еще время прочесть), Карст устремил взгляд на последнее предложение.

«Но я должна назвать лишь одно имя — имя брата. Оритэн. Оритэн Торн». Так вот в чем дело! Оказывается, лишенный трона сын Дайра Ильда — далекий предок протектора. И, судя по всему, принадлежность к великой королевской династии Торна отнюдь не радует.

— Я бы вас поздравил, эн Элвир, — откашлявшись, начал Итон, — однако созерцание скорбного выражения вашего лица наводит на мысль, что поздравления не совсем уместны. Я прав?

— Ценю вашу тактичность и наблюдательность, дэн Карст, — сквозь зубы процедил протектор.

Комендант понимал, что злится Торн не на него, а на обстоятельства, и потому не стал

обижаться на не слишком учтивый тон.

— Быть Ильдом так плохо? — тихонько спросила Альва, рискуя получить нелюбезную отповедь.

— Плохо ли быть потомком проклятого королевского рода, ты хотела спросить, крысенок?

— Вы верите в проклятье Ильдов? — она даже на очередного «крысенка» не отреагировала или просто привыкла уже.

— Попробуй тут не верить, — буркнул протектор. — Но дело даже не в проклятии. Просто странно узнать о себе нечто новое подобным образом. Не обращайтесь внимания, я скоро привыкну. А через пару дней гордиться начну, — невесело пошутил он.

— Давайте лучше обсудим Ильдов, — предложил Итон в надежде несколько разрядить обстановку. — Я имею в виду, тех Ильдов трехсотлетней давности — Имрэ и Дайра.

— А что тут обсуждать? — Торн, очевидно, не желал выходить из мрачного образа. — Дайр помешался на каком-то безумном то ли проклятии, то ли пророчестве, разругался с братом, разделил страну, скрыл от всех факт наличия наследника, отдав трон дочери с мужем...

— То есть вы считаете, что Дайру просто не стоило обращать внимания на слова той ведьмы — Суарейи? — спросила Альва.

— Считаю, что не стоило, — отрезал Торн. — И вовсе не потому, что в ином случае я, возможно, сидел бы на троне. Еще не ясно, как бы близнецы, оставь они страну единой, делили власть между своими детьми. Я имею в виду наследников Дайра и Имрэ. Какой смысл был устраивать все это, если пророчество все равно сбылось?!

— Сбылось? — девушка почти шептала, словно боясь, что ее слова сделают сей факт окончательной правдой.

— Давайте восстановим последовательность событий, — тон протектора снова стал деловым и почти бесстрастным. — Король Йеланд воспользовался кольцом, воззвав к таинственному и страшному дарителю. Очевидно, потомки Имрэ тоже были в курсе легенды кольца. Йеланд практически сам признался в этом Лану Таскиллу, кроме того, паренек своими глазами видел порезанную руку короля и бокал с вином на столе. И это при том, что Йеланд был кем угодно, но не пьяницей. Только вот король решил, что кольцо бесполезно, а легенда — это всего лишь легенда. Оказалось, нет. Не захотел даритель спасти призвавшего или не успел, но проклятие последний Ильд разбудил. И, если быть честным, не он один. Потомок Дайра вынудил потомка Имрэ воспользоваться кольцом. Итак, как и предсказывала Суарейя, во всем виноват проклятый род Ильдов. Все равно это случилось! Никакие усилия не помогли, напротив, каждый шаг, сделанный по дороге длиной в триста лет, вел к неизбежной развязке. Единственным спасением могло бы стать уничтожение кольца, если его вообще возможно уничтожить.

— То есть наш змееподобный знакомец и есть тот самый даритель — страшное зло, сулящее на гибель всему миру? — Итон все-таки не мог поверить в это.

— Я не знаю! — Торн прикрыл лицо ладонями, в этом жесте читались усталость и растерянность, обычно не свойственные протектору. — Я тоже сомневаюсь, что речь идет об этой твари. Но ведь не Изгой же это, в конце концов!

— Что значит «не Изгой»? — спокойно поинтересовался Карст. — Змеехвостая тварь — не Изгой? Или не Изгой был дарителем и губителем Анборейи? Кстати, на последнее он вполне способен, как мне кажется.

— Давайте напоследок поверим в Изгоя, а заодно в Маритэ и ее светлых сестер, — нервный смех Торна не сулил ничего хорошего. — Жаль, Нармин отбыла из столицы. Жрица бы оценила!

— Она прекрасно сможет оценить, не будучи в столице, — негромко, но уверенно сказала Альва. Кажется, девушку не слишком смущали истерические нотки в смехе Торна. — Почему бы вам не написать королю письмо, сообщив все, что нам удалось

узнать?

— Не думаю, что известия порадуют его величество, — протектор вздохнул. — Однако написать, конечно, придется. Тут ты права, дэнья Альва.

— И не забудьте сообщить королю, что вы теперь его брат, — девушка не удержалась от ехидства.

Лучше бы она помолчала. Видит же, что тема Торну неприятна. Комендант был уверен, что ему бы подобное замечание с рук не сошло, а девчонка, похоже, не слишком опасалась вызвать гнев второго лица в государстве.

— Мы с Валтором знали, что приходимся друг другу дальними родственниками. Я, кажется, даже упоминал при вас об этом обстоятельстве. Однако новость, что я тоже Ильд, надо полагать, произведет впечатление на его величество.

— А вы не собираетесь оспаривать законность власти Малтэйра? — Альва все не унималась. — У вас же, выходит, не меньше прав на престол, даже больше...

— Не говори глупостей, девочка! — почти грубо оборвал ее Торн. — Искренне верю, что твое предположение — неудачная шутка. Иначе я начну сомневаться в твоём уме, который привык ценить.

— Простите, эн Элвир, — девушка склонила голову, то ли на самом деле испытывая раскаяние, то ли пытаясь его изобразить.

— Ладно, хватит об этом, — решил протектор. — Вернемся к насущным делам. Дэн Итон, есть у нас новые покойники? Я имею в виду жертв нашего ползучего любимца.

— Похоже, что любимец наш затаился, — Итона вполне устраивала смена темы. — Или после особ благородных кровей брезгует оборванцами. Хотелось бы верить, что Альва прикончила его своей стрелой, но это было бы чересчур самонадеянно. Надо исходить из того, что тварь жива и может объявиться в любой момент.

— Я тоже так думаю, — согласился протектор. — К сожалению, мне пора во дворец.

— Эн Элвир, — остановила его девушка. — Теперь, когда больше не нужно искать книги о проклятии Ильдов, мне, наверное, нет смысла оставаться во дворце? Работать я буду в комендатуре, а отсюда не так уж далеко до Кузнечной части.

— И думать забудь, крысенок! — прервал ее Торн. — Ты останешься во дворце. Так мне спокойнее. Еще не хватало думать каждый вечер, как ты добралась до дому. Скучаешь по тетке — пусть живет с тобой, в Нианоне места достаточно. Ты меня поняла? — строго спросил он.

Альва только молча кивнула. Все-таки девочке достало ума понять, что сегодня с протектором лучше не спорить. Он и так не в духе, и злить его еще больше — себе дороже.

Когда Торн наконец ушел, Итон обратился к помощнице.

— У нас с тобой, Альва, и без чудовищ с Ильдами дел хватает. Вы с протектором еще не пришли, когда у меня был с докладом Нир Варис.

— Это тот, что командует патрулями Торговой части? — уточнила девушка.

— Он самый, — Итон в очередной раз поразился тому, как быстро и глубоко она вникала в дела, которыми он занимался.

— Нир рассказал, что на цветочной улице какая-то торговка умудрилась убить мужа и двоих его дружков.

— Ничего себе! — Альва присвистнула.

— Вот и я о том же. Ладно бы еще одного. Пырнуть ножом — дело нехитрое, с ним и женщина справится. Но троих! Почему приятели мужа не утихомирили ее или хотя бы не унесли ноги подальше от взбесившейся бабы? — недоумевал Карст.

— А вы уверены, что это именно она? Их мог убить кто-то другой и свалить на бедную женщину, — предложила девушка.

— Она призналась, — Итон и не думал скрывать недоумения. — И ведь, похоже, не врет. Нир в таких вещах разбирается. Говорит, она совсем не в себе, бешеная какая-то.

— Так, может, в этом все и дело? Бешеные — они же сильные и быстрые, ужас прямо. У нас в замке кузнец как узнал, что жена ему рога наставила, так мечи руками погнул и цепь стальную порвал. Я сама видела.

— Позволь узнать, что ты делала в разнесенной кузнице? — проворчал комендант.

— За братьями увязалась, — несколько смущенно призналась Альва. — Мне потом здорово влетело.

— И правильно, — Итон постарался придать голову строгие интонации. — А насчет бешеных ты права. Но соседи знают эту торговку как женщину тихую и забитую. Мужа, говорят, боялась до полусмерти.

— А сама она что говорит?

— Бред какой-то, — Карст почувствовал неимоверную усталость. — По большей части молчит, а иногда принимается вопить что-то о возмездии, о силе слабых и прочую чушь о страхе и ненависти.

— О страхе и ненависти, — словно про себя пробормотала девушка. — Где-то я это слышала... Или что-то похожее. Не могу вспомнить.

— Да что тут вспоминать, — махнул рукой комендант. — Довел, небось, муженек женщину, вот и сошла с ума. Наверное, так и жила, мешая страх с ненавистью, вот и настал однажды день, когда ненависть сильнее страха оказалась. Так частенько бывает. Если бы она просто мужа убила, Нир бы ни в жизнь меня не побеспокоил — обычное дело. Тут сила неженская смущает, ну и безумие, конечно. Хотя ты права, одно вполне объясняет другое.

— Может, мне съездить, допросить ее? — как можно невиннее предложила помощница. — У вас, дэн Итон, и так дел хватает, чтоб на такую ерунду время тратить. Да и Ильд наш новоявленный часть своей работы на вас скинул, — увещевала маленькая хитрюга.

— Даже и думать забудь, — прикрикнул на нее Карст. — Да наш новоявленный Ильд мне голову оторвет, если узнает, что я тебя к сбесившейся убийце отпустил. Да и не в нем дело. Я и сам тебя ни за что не отпускаю. Надо же, чего выдумала!

— Между прочим, Торн приставил меня стеречь энью Лотэссу от чудовища. А оно пострашнее спятившей тетки, — обиженно заметила девушка.

— В нее ты тоже собираешься стрелять из лука? Не дури и не геройствуй, девочка. Лучше просмотри отчеты по налогам, вон на той полке. Нет, левее. Выпиши всех, чья задолженность превышает полсотни арисов. Перепиши адреса, а завтра с Лорсом наведешься к кому-нибудь по своему выбору.

Конечно, белобрысая искательница приключений разгадает его уловку и поймет, что комендант хочет просто отвлечь ее скучными и безопасными делами. Ну и пусть. Зря он вообще рассказал про эту сумасшедшую. Мелвила бы рассказ про тройное убийство отпугнул, а девчонку только раззадорил и подстегнул неумное любопытство.

Альва, однако, возражать не стала и безропотно отправилась к указанной полке за документами. Жалко занимать ее такой тоскливой работой, лучше бы, как раньше, сидела в библиотеке. Надо будет поговорить с Торном, может, он найдет для девушки что-нибудь более осмысленное и полезное, но при этом не слишком опасное. Мужскую работу ей все-таки не поручишь, а женской в комендатуре не особо много найдется.

— А знаешь, что, Альва, — неожиданно решил Итон. — Бросай-ка эти отчеты и отправляйся к Энлил. Думаю, она с интересом выслушает о том, что вы разузнали.

Глава 7

И вот она снова видит так хорошо знакомые и так быстро позабытые стены Храма. Нармин испытывала весьма противоречивые чувства по этому поводу. Храм был ее домом, чем-то бесконечно родным, ставшим частью ее существа. С другой стороны, обитель Маритэ заслоняла собой весь мир лишь до тех пор, пока молодая жрица не увидела этот мир воочию. После Вельтаны и Нианона сложно считать Храм самым величественным зданием. Нет, никогда впредь не сможет она воспринимать свой дом, как раньше.

Но не это печалило Нармин больше всего. Каждый новый день, сокращающий расстояние между путешественниками и Храмом, напоминал девушке, что скоро придет время расстаться с королем. Жрица не тешила себя мыслью, что, возвращаясь в столицу, Валтор возьмет ее с собой. Нет, конечно, оставит здесь, при своей любимой Лотэссе. Нельзя сказать, чтобы путешествие в обществе любимого мужчины принесло Нармин много радости. Валтор ее почти не замечал. Был неизменно вежлив и предупредителен, но столь же неизменно отстранен и равнодушен. Конечно, все внимание доставалось Лотэссе. До ужаса обидно, что попытка излечить неизбывный кашель эньи Линсар обернулась неожиданным провалом. До этого Нармин не так уж часто доводилось применять свой дар для врачевания, и не столь тяжелы были исцеляемые недуги, но ни разу жрица не потерпела неудачу. Ей казалось, что это вообще невозможно. Тем более когда речь идет всего лишь о какой-то простуде. В итоге Лотэсса по-прежнему мучительно кашляла, а Валтор по-прежнему беспокоился о здоровье своей нареченной. А еще эти двое часами просиживали вдвоем в комнате короля. Интересно, о чем можно беседовать так долго? В том, что Валтор с Лотэссой просто беседовали, Нармин не сомневалась. Но даже обычные разговоры наедине вызывали в ней мучительное чувство ревности.

Но, несмотря на все невзгоды путешествия, жрица искренне печалилась, когда оно подошло к концу. В скором времени она будет лишена последней отрады — видеть своего возлюбленного короля, любоваться им, слышать его голос, ловить каждое слово, обращенное к ней. Единственным утешением в данной ситуации служила мысль, что Лотэсса тоже долго не увидит короля, точнее, он не будет видеть ее. Когда эти двое будут не вместе, Нармин станет легче, пусть даже и она сама окажется далеко от Валтора.

А Храм, видимый издалека, становился все ближе. Все громче слышался неумолчный шум водопада. Странное чувство росло в душе жрицы, какая-то непонятная гордость. Словно величие Храма и красота окружающей природы были отчасти ее заслугой. Девушка чувствовала себя хозяйкой, представляющей гостю свои владения. Ей было приятно, что Валтор увидит обитель, где она выросла, и даже погостит тут какое-то время. Он будет смотреть из окна на те же созвездия, слушать водопад, любоваться горными вершинами.

У самых ворот Нармин вышла из кареты и пешком направилась к входу, показывая спутникам безмолвный пример. Безмолвный потому, что у нее не хватило духу велеть королю спешиться перед входом в обитель, дабы оказать почтение светлой богине. Однако его величество оказался проницательным. Король спешил сам и попросил о том же Лотэссу, которая, пользуясь хорошей погодой, ехала верхом. Тяжелым серебряным молотком Нармин постучала в ворота. Удивительное и непривычное ощущение — стоять по эту сторону ворот, когда в течение многих лет находилась за ними.

Им открыл привратник. Мужчины в Храме исполняли должности прислуги, поскольку жрицам не пристало заниматься низменными мирскими заботами — топить печи, убирать снег, скрести котлы. Подобный труд считался недостойным занятием для служительниц Маритэ и отвлекающим их от основного призвания.

У парадного входа в Храм их уже встречали, и не кто-нибудь, а сама владычица Лавинтия. Она не стала кланяться королю и первой аристократке Элара, напротив, ждала, пока те склонятся перед нею. Нармин вновь ощутила что-то вроде гордости. Находясь в Нианоне, она уже начала ощущать себя кем-то вроде фрейлины, а ведь в служении Маритэ есть истинное величие, перед которым должны склоняться даже короли. Хватит уже приседать в придворных реверансах и заискивать перед

облеченными властью. Она — старшая жрица Маритэ!

— Нармин, — голос владычицы звучал ласково и как-то по-матерински. — Будь добра, представь мне наших гостей.

— Его величество король Валтор Дайрийский, — торжественно произнесла девушка.

— Я так и подумала, — улыбнулась Пресветлая Лавинтия. — Надо полагать, что его величество теперь зовется Валтором не только Дайрийским, но и Эларским?

Владычица с ходу затеяла свои политические игры. Что ж, ее можно понять. Впервые за долгое время представилась верховной жрице Храма Маритэ возможность лично беседовать с королем.

— А кто ваша прелестная спутница? — Лавинтия обращалась к королю, но улыбалась уже Лотэссе.

— Моя невеста и будущая королева Элара — энья Линсар.

— Я весьма рада принимать в стенах Храма светлой богини столь высоких гостей, — голос владычицы сочился любезностью и в то же время торжеством. — Не буду удерживать вас у порога. Младшие жрицы проводят вас и помогут расположиться со всем возможным удобством. Я же с удовольствием жду вас к вечерней трапезе. Нармин, — владычица обернулась к девушке. — А ты, я надеюсь, проследуешь со мной. Понимаю, ты устала с дороги...

— О нет, пресветлая, — поспешила возразить жрица. — Разумеется, я пойду с вами, а отдых подождет. Не так уж я и устала.

Как только им удалось остаться наедине, владычица по-матерински обняла юную жрицу.

— Как я горжусь тобой, дитя мое, если бы ты знала!

— Вы слишком добры ко мне, владычица, — смущенно пролепетала Нармин.

— Твою заслугу сложно переоценить, девочка — тебе удалось привести в Храм короля! — верховная жрица и не думала скрывать своего восторга. — Я, конечно, возлагала на тебя определенные надежды, но и подумать не могла, что ты сможешь добиться подобного!

— Но я ведь ничего особенного не сделала.

Девушке очень бы хотелось, чтобы похвалы владычицы были заслуженными, но скрывать, сколь мала ее заслуга на самом деле, не имело смысла. Она уже однажды искажила факты, и до сих пор помнила жгучее смущение, хотя прямо ее никто не упрекнул во лжи.

— Благодаря тебе король в Храме! — казалось, пресветлая Лавинтия сейчас начнет кружиться по комнате, как девчонка. — Как тебе это удалось?

— Король здесь лишь ради безопасности своей невесты, — ну вот она и сказала это, лишив себя возможности выслушивать восторженные похвалы верховной жрицы. — Мне запретили писать вам об этом, но в Вельтане появился демон.

Владычица вмиг стала серьезной. Выражение торжества сошло с ее лица, сменившись сначала удивлением, затем растерянностью.

— Слуга Изгоя в столице Элара? Но как?!

— Никто не знает, — вздохнула Нармин. — Но тварь пыталась убить Лотэссу Линсар... и меня.

— О богиня! — всплеснула руками владычицу. — Но ведь Дар Маритэ хранил тебя?

— Хранил, — жрица не могла сдержать горькую иронию, — от магии. Но не от рук и когтей чудовища.

— Но ты жива, хвала Маритэ и ее сестрам. И королевская невеста тоже.

— Нам удалось спастись, и это не моя заслуга, — признала Нармин. — Я лишь убедила короля в том, что за стенами Храма Маритэ его невеста будет в безопасности.

— Ну что ж, — словно самой себе кивнула женщина, — и это тоже немало. На самом деле, так даже лучше. Одно дело — король соизволил нанести нам визит, который мы должны воспринимать как оказанную честь и испытывать благодарность, и совсем другое, когда он будет обязан нам столь значительной услугой. Ты умница, девочка моя! — верховная жрица вновь говорила вдохновенно-восторженным тоном. — Воистину, ты прекрасно послужила интересам богини и Храма!

После подобных выводов владычицы Нармин прониклась убеждением, что и впрямь совершила великое деяние, достойное похвал пресветлой Лавинтии и даже благосклонной улыбки самой Маритэ. Лишь светлые богини знают, чего ей это стоило, но она выполнила свой долг жрицы, несмотря на сердце, истекающее кровью. И даже когда Валтор покинет Храм и она будет страдать от боли невосполнимой утраты, утешением будет служить мысль, что она послужила своей богине и тем, кто хранит свет древней веры.

— Да мы пылинки будем сдвигать с этой Лотэссы Линсар, — продолжала меж тем владычица.

— У нее очень тяжелый характер, — не выдержала Нармин.

— Велика беда! — отмахнулась верховная жрица. — У меня у самой тяжелый характер. Королевская невеста может быть последней стервой, но в Храме она должна обрести самый теплый прием. А если бы удалось внушить этой высокородной девице истинность света Маритэ... — лицо женщины приняло мечтательное выражение. — Королева, верующая в Маритэ! Большей победой мог бы стать только сам король.

Нармин лишь вздохнула, она-то знала, как Валтор относится к богине. Впрочем, и владычица быстро вырвалась из плена грез, навеянных внезапно открывшимися перспективами.

— Ступай, дитя мое, — ласково велела она. — Тебе нужно отдохнуть.

— Да, владычица, — жрица поклонилась и вышла.

Идя по знакомым с детства коридорам, Нармин не торопилась. Сколь бы прекрасной не была Вельтана, девушка поняла, что соскучилась по Храму. По дороге ей то и дело встречались послушницы, в основном совсем еще девочки, одетые в просторные серые платья. Несколько раз мимо прошли младшие жрицы в платьях небесного голубого цвета. Все встречавшиеся девушки благоговейно взирали на старшую жрицу, вернувшуюся из столицы в сопровождении короля, и кланялись. Нармин такое отношение немного смущало, но в то же время было приятно. Послушницам полагалось встречать жриц, даже младших, поклонами, но между жрицами такого обычая не водилось. Наверное, теперь она — Нармин — в глазах служительниц Маритэ стоит лишь немногим ниже пресветлой Лавинтии. Подобные мысли пьянили и кружили голову. На какое-то время Нармин даже позабыла о короле, ослепленная внезапным осознанием собственной важности. Что-то похожее происходило с ней, когда она только прибыла в Вельтану. С тех пор прошла, казалось, вечность. Какой наивной она тогда была! Думала, ее будут боготворить придворные кавалеры, а может, даже король. Вместо этого она сама безответно и безнадежно влюбилась в короля. Мысли о Валторе несколько подпортили вкус торжества.

Вот и ее комната. Нармин не успела толком привыкнуть к своему жилищу. Ведь владычица сделала ее старшей жрицей незадолго до отъезда, а будучи младшей жрицей, она жила в другой комнате. Послушницам в Храме отводились общие спальни и помещения для занятий. С восьми до двенадцати лет Нармин жила в комнате с шестью девочками, а после делила комнату с двумя младшими жрицами.

Внутри светлого, хоть и не слишком просторного помещения все было по-прежнему. Кровать, шкаф, письменный стол. Пыль вытерта, полы вымыты. Интересно, в комнате убрались в честь ее приезда или поддерживали чистоту постоянно? На столе красовалась ваза с букетом осенних цветов, значит, все-таки комнату приготовили, пока она беседовала с владычицей.

Нармин присела на кровать и задумалась, точнее замечталась. Она действительно сделала для Храма нечто удивительное, ведь короли Элара уже много десятилетий носа не совали в обитель Маритэ, разве что судьба каким-то неведомым образом заносила их в отдаленную от столицы провинцию Унт-Рино. Да и в этом случае все ограничивалось кратким паломничеством и пожертвованиями, размер которых оставлял желать лучшего. А теперь его величество проведет в Храме не меньше недели, сможет больше узнать о богинях и положении жриц. А его надменная невеста и вовсе останется в этих стенах на неопределенный срок. Таким образом, жрицы Маритэ окажут серьезную услугу короне, и все благодаря ей — Нармин. Кто же более достоин занять пост верховной жрицы, когда пресветлая удалится на покой? Есть старшие жрицы умнее и опытнее, чем она, но ни одна из них не совершала подобного.

Нармин напрочь забыла, сколь невелика была ее собственная заслуга в происходящем. Безусловное одобрение и похвалы пресветлой Лавинтии вскружили голову старшей жрице, вознеся в мечтаниях так высоко, как только можно вообразить. В статусе владычицы и на правах старого друга Нармин сможет общаться с Валтором часто и без лишних церемоний. Их ведь столько связывает! Со временем можно добиться перенесения если не основного Храма, то хотя бы резиденции в столицу. Даже лучше так... Пусть Лавинтия здравствует еще много-много лет, управляя жизнью жриц здесь, в горах. А она — Нармин — вернется в столицу вместе с Лотэссой Линсар. Его величество в благодарность за помощь решит основать новый Храм — в Вельтане. И вот там-то она и займет главный пост.

В дверь постучалась юная послушница и сообщила, что Нармин ждут вечером на ужине у владычицы. Лицо девочки при взгляде на старшую жрицу светилось неподдельным восхищением. До чего же приятно чувствовать себя важной персоной, улыбаясь, подумала Нармин.

Так неожиданно вышло, что возвращение в Храм, которого она почти боялась и жаждала оттянуть как можно дольше, принесло радость вместо огорчения. Она — любимица владычицы, героиня среди жриц и личный друг короля. Есть за что возблагодарить Маритэ. Вспомнив о богине, Нармин ощутила укол совести, ведь, занимаясь самолюбованием, она не торопилась преклонить колени перед светлым ликом созидательницы.

Девушка поспешно покинула комнату и направилась в Зеркальный чертог, где возносились молитвы Маритэ и ее сестрам и совершались все важнейшие обряды. Зеркальный чертог недаром носил подобное название: три из четырех стен были отделаны зеркальными панелями от пола до потолка. Оставшуюся стену делили на три части два огромных окна, за которыми сверкали вечными снегами вершины гор на фоне синего неба днем или звездных россыпей ночью. Но, затмевая открывающиеся виды, между окнами сиял образ Маритэ — прекраснейшей и величайшей звездной путницы, светлой богини и созидательницы Анборейи. Несмотря на все свое могущество и величие, на картине богиня казалась совсем юной, нежной и хрупкой. Широко распахнутые голубые глаза, тонкие черты лица, неповторимые в своем совершенстве, серебристые, словно излучающие свет волосы, струящиеся до самых ступней. Сияя бессмертной красотой, Маритэ милостиво взирала с полотна на Нармин, пришедшую поклониться ей.

Глава 8

Ларни брел вдоль городской стены в сумерках и, не переставая, ворчал про себя. И чего это матери понадобилось на ночь глядя отправлять его в кузницу к отчиму? Будто нельзя дожидаться, пока тот вернется домой, чтобы сообщить о хорошем заказчике. Кто-то из провинциальных дворян решил заказать оружие и доспехи для себя и сыновей. Заказ крупный и выгодный. Но неужто так страшно, если Холто узнает об этом после полуночи? В кузнице отчим Ларни задерживался потому, что спешил в срок выполнить прошлый заказ. От кузницы до дому было четверть часа ходу. Раньше Холто жил прямо рядом, но, женившись на вдовой Риссе Боглан, он решил продать свой маленький старый дом и перебраться к ней.

И как же жалко, что Рам — подмастерье Холто — сейчас с отчимом в кузнице, иначе мать непременно послала бы его. Бегать по всяким мелким делам и поручениям — работа в самый раз для подмастерья. Рам был ровесником Ларни, в подмастерьях у Холто ходил уже четвертый год. Особенного толка от парня не было. Сильный, но откровенно глуповатый и какой-то забитый, он не раз портил работу, и Холто приходилось переделывать за неумелым помощником. Доставалось Раму в такие моменты серьезно, но ведь не просто так — за дело. Сам Ларни не очень-то жаловал Рама, хотя тот считался чуть ли не членом семьи — даром что непутевым и дурноватым. Станный он все-таки, этот Рам. Вроде лебезит и заискивает перед всеми, особенно трепещет перед грозным Холто. Но, глядя порой на парня, когда тот не замечал, что за ним наблюдают, Ларни видел во взглядах подмастерья, бросаемых на кузнеца и членов его семьи, чуть ли не ненависть. С другой стороны, Ларни был заинтересован в Рама. Ведь Холто мечтал пристроить пасынка к кузнечному делу и, не будь Рама, обязанности подмастерья пришлось бы выполнять ему, Ларни. А парень вовсе не мечтал перенять профессию отчима, его куда больше манила стезя торговли. Та же Альва могла презирать Ровика Чиртона и подобных ему, но она дворянка, а Ларни — простой парень. И для него стать сначала приказчиком в лавке, а со временем удостоиться должности помощника купца будет большой удачей.

Занимая себя подобными размышлениями, Ларни дошел наконец до кузницы. Свет горел, и работа, несмотря на поздний час, была, видно, в самом разгаре. Парень отворил дверь, но никто его появления не заметил. Кузнец и подмастерье были слишком заняты, причем, как выяснилось, не работой, а перебранкой. Точнее, Холто на чем свет стоит клял своего нерадивого помощника. А тот стоял, понурился головой, и лишь изредка бросал на хозяина тяжелые взгляды.

— Чтоб тобой шаэлы закусили, пустоголовый! — бушевал кузнец. — Из-за твой никчемности тигель треснул! Откуда у тебя руки растут, чучело безмозглое? И где была моя голова, когда я согласился принять тебя в ученики! Даром, что папаша твой — мне приятель, а надо было сразу отослать тебя, не связываться с этаким тупицей и неумехой. Что мне делать теперь, убожество?

Ларни наблюдал эту сцену молча, не обнаруживая своего присутствия. Он бы и вовсе ушел, пока его не заметили, если бы не материно поручение. Хотя именно теперь сообщать Холто о новом шикарном заказе — не самое лучшее время. Ведь если по нерадивости или недосмотру Рама треснул тигель, придется ждать какое-то время, пока будет готов новый, не говоря уж о цене оного. Да, на этот раз Рам превзошел сам себя.

— Что, говорю, делать с тобой, бестолочь криворукая?! — рычал Холто, нависая над понурившимся подмастерьем.

— Что делать? — внезапно вскинулся Рам. И столько бешеной ненависти пылало в его взгляде, что Ларни стало страшно. — Сдохнуть — вот что тебе остается!

Не успев произнести последнее слово, подмастерье порывисто взмахнул железным прутком, которым мешали угли в горне, и вонзил острое, все еще отливавшее оттенками оранжевого, в глаз кузнеца. Холто был выше и намного сильнее, но он не ожидал подобного, а потому не успел ничего предпринять. Как и Ларни. Парень прямо оцепенел. Время не просто замедлило свой ход, оно остановилось. Казалось, прошла вечность до того момента, как Ларни снова мог видеть и слышать. Но, право же, оно того не стоило. Видеть, как Холто судорожно хватается руками за лицо, грузно валяясь на пол, слышать его крики, полные безумной боли... нет уж, лучше темная пустота безвременья.

А Рам, оставив стальной прут в глазнице хозяина, тут же схватился за заготовку меча. Холто еще что-то хрипел, когда безумный убийца склонился над ним, придавив грудь коленом и лихорадочно выплевывая в лицо жертве грязные слова, словно боясь, что тот умрет, не успев дослушать.

— Сдохни, скотина! — почти визжал Рам. — Захлебнись своей поганой кровью, проклятый! Думал, вечно сможешь топтать меня, словно я не человек?! Мешать с грязью, осыпать бранью, как паршивого пса... Это расплата! Все никак не подохнешь? Так я добавлю! — он оставил умирающего кузнеца и погрузил заготовку меча в пылающий горн.

Ларни хотелось броситься к отчиму, хотя он ясно понимал, что помочь не в силах, но ноги словно приросли к месту, а из горла не мог вырваться даже слабый хрип. Такое случается лишь в кошмарных снах. Выскочить в дверь, которая столь близка, бежать за помощью, которая в любом случае будет запоздалой. Но парень так и продолжал стоять застывшей статуей, где-то на заднем плане сознания удивляясь тому, что все еще остается незамеченным.

Сталь недоделанного меча раскалилась, и Рам вонзил заготовку кузнецу в живот. Холто, видно, был уже не в силах ни кричать, ни даже хрипеть. А оттого единственным звуком стало чавкающее погружение меча в живую плоть. Отчим дернулся и затих. Кажется, наконец умер. Эта мысль вызвала у Ларни облегчение, созерцание ужасной агонии умирающего было много хуже осознания конца.

Рам тем временем выдернул меч из тела покойного хозяина. Кровь с противным хлюпаньем выплеснулась из раны. Впрочем, ее было не так уж много. Куда ужасней терзал запах паленой плоти, разлитый в воздухе. Подмастерье стоял, уставившись на окровавленный меч и улыбаясь тупой безумной улыбкой. Внезапно он обернулся и уставился прямо на Ларни. Тот почему-то уже успел уверовать в собственную невидимость и теперь почти не мог поверить в то, что замечен.

— Ты? — Рам казался не столько удивленным, сколько довольным. Присутствие невольного свидетеля, судя по всему, не беспокоило его. — Хорошо, что и ты здесь, маленький ублюдок, — улыбка стала шире и безумней. — Сейчас отправишься за Грань, вслед за папашкой. А потом я и до мамки твоей доберусь, стервы проклятушей.

Даже угроза, высказанная в его адрес, не заставила Ларни сдвинуться с места. Он уже практически смирился с грядущей смертью и почти хотел ее. Просто жить дальше, храня в памяти то, что он видел, не представлялось возможным. Однако, услышав слова Рама насчет матери, Ларни осознал, что просто обязан выжить, чтобы спасти хоть ее. Страх за мать оказался сильнее отсутствующего инстинкта самосохранения. Парень наконец почувствовал, что может управлять онемевшим телом и, что гораздо важнее, в состоянии работать головой. Он рванулся в направлении двери, благо та находилась в шаге за спиной, и через секунду был уже на улице. Ларни несли по ночным улицам так, как никогда еще не бегал. А если учитывать телосложение парня, отнюдь не худощавое, то он и вовсе творил чудеса. Ларни не слышал погони за собой, да и отчего-то пребывал в уверенности, что Рам, не сумев убить его тайно, не станет гнаться за ним с мечом по городу. Но надо было успеть скорее оказаться рядом с матерью. Рисса вряд ли сумеет защитить себя сама. Пусть он — Ларни — и не герой, но он что-нибудь придумает. В конце концов, обезумевший подмастерье один, а их двое, да и соседей можно позвать, а лучше всего — отыскать стражников.

Его последнее желание сбылось, и даже быстрее, чем он мог ожидать. Ларни чуть ли не столкнулся со стражником.

— Куда несешься, парень? — хватая его за руку, грубо прикрикнул стражник. — Стащил чего? Или гонятся за тобой?

Ларни, задыхаясь, сбивчиво, но как можно короче изложил свою ужасную историю. По ходу рассказа стражник несколько раз грязно выругался.

— Вот что, парень, ты беги домой до мамки. А я пойду к этой вашей кузне, только Нурта кликну. Один я, знаешь, не сунусь к этому бешеному. Может, это он тут всех тез бедняг порешил...

Ларни сразу понял, о чем речь. Нет, вряд ли, Рам виновен хоть в одном из тех ночных убийств. Слишком уж внезапно он взбесился. Кроме того, ночи подмастерье проводил в доме Риссы Боглан, если только не вылезал в окно, когда все заснут. Что ж, совсем сбрасывать такой вариант со счетов нельзя. Но сейчас не до того. Надо к матери спешить. А с Рамом пусть стража разбирается. Хоть бы они только его поймали!

Когда Ларни ворвался в дом, Рисса преспокойно месила тесто, но одного взгляда на сына ей было достаточно, чтобы лицо женщины приняло изумленное и испуганное выражение.

— Что? — почти беззвучно, одними губами прошептала она.

Ларни вновь стало страшно, совсем иначе, чем тогда в кузнице, но страшно. Как рассказать матери, что ее муж, которым она еще сегодня так гордилась, теперь мертв, что смерть его была страшной, а убийцей стал тот, кого она считала почти родней...

Но он рассказал, стараясь опускать ужасные подробности, а Рисса так и стояла с руками по локоть в муке, глядя на сына округлившимися глазами. Мать не кричала, не выла, не рвала на себе волосы — она просто не могла поверить. На какой-то миг Ларни показалось, что она сейчас лишится рассудка, подобно Раму. Задумавшись об этом, парень запоздало удивился, как сам мог оставаться в здравом уме после увиденного.

— Как же нам теперь жить? — беспомощно спросила Рисса.

Мать впервые в жизни смотрела на сына так, словно он — взрослый, а она — ребенок, нуждающийся в защите и поддержке. И в этот миг Ларни четко осознал, что теперь он старший в семье и все заботы отныне лягут именно на его плечи. Ведь мать лишилась не только мужа, но так же защитника и кормильца. На какое-то время парень даже позабыл о сумасшедшем Раме и об опасности, которую тот представляет, находясь на свободе.

Впрочем, на свободе бывший подмастерье гулял недолго. Стража схватила его, но при этом один из стражников был серьезно ранен, за что Раму досталось от товарищей пострадавшего так, что до виселицы он рисковал не дожить. Явившийся к дом к Богланам стражник, тот самый, что встретился Ларни, поведал подробности охоты за безумцем, неумело попытался утешить Риссу, вызвав у той запоздалые, но столь необходимые слезы.

— А ты молодец, парень, — уходя, стражник потрепал Ларни по плечу.

Чем это, интересно, он молодец, почти со злостью подумал Ларни. Тем, что не смог и даже не попытался защитить отчима или хотя бы отомстить за него? Тем, что сумел убежать, заботясь о своей шкуре? Или, может быть, тем, что принес матери горестную весть? Никакой он не молодец, он — трус. Жалкий, толстый трус!

Но долго заниматься самобичеванием Ларни не пришлось, стали стекаться соседи. Кто посочувствовать, а кто посудачить о случившемся небывалом событии. Женщины принялись крутиться вокруг Риссы, а несколько мужчин отправились в кузницу. Лечь спать и матери, и Ларни удалось лишь под утро, поскольку именно те самые кумушки, которые твердили Богланам, как им полезен сейчас отдых, нипочем не желали уходить. Хотя польза от соседок все же была. На следующий день женщины из окрестных домов активно помогали Риссе с подготовкой похорон, ну и просто отвлекали от погружения в свое горе.

Ларни, избегающему общества не в меру говорливых теток, представился случай по-своему отвлечься от переживаний: неожиданно явилась Альва. Он не видел девушку с тех пор, как протектор увез ее во дворец. Точнее, про дворец и про то, что Альва будет фрейлиной самой Лотэссы Линсар, парень узнал позже от дэны Тийлы. И вот теперь Альва собственной персоной явилась в Кузнечную часть. И, как выяснилось, ее появление в столь ужасный для Ларни момент вовсе не случайность. Альва, вновь исполнявшая обязанности помощницы коменданта, присутствовала при докладе об убийстве кузнеца Холто Торгса, который, как она помнила, приходился Ларни отчимом.

— И вот я здесь, — закончила девушка. — Как ты, Ларни?

— Ты действительно хочешь узнать, что я чувствую, — насупившись спросил он, — или

решила провести допрос свидетеля?

— Свидетеля? — Альва непонимающе прищурилась. — Разве ты видел?

— Я был там, — ответил Ларни. — Если это чем-то поможет, я расскажу. Хотя Холто это не воскресит, а Рам и так отправится за Грань.

— Вообще-то, я пришла не за этим, — нахмурилась девушка. — Но расскажи. Не понимаю, как Рам решился на такое?! Я же помню его, видела пару раз. Он был такой тихий, забитый...

— Тихий, забитый, — словно во сне повторил Ларни. Потом усилием воли стряхнул с себя странное оцепенение и поведал Альве все, что видел.

Девушка слушала внимательно, и на ее подвижном лице изумление сменилось ужасом. Затем какое-то время оба молчали.

— Я не знаю, как нам жить дальше, — неожиданно признался Ларни.

Ни с кем другим не стал бы он делиться тем, что не давало ему покоя, но Альва — это Альва. Тем более, узнав о его горе, девушка сразу бросилась к другу.

— Сама знаешь, мои заработки нас с матерью не прокормят, — вздохнул он. — Куда мне такому податься? В солдаты или в стражу не возьмут. Уметь я ничего не умею. Наниматься к кому-то в подмастерья и работать лет пять за гроши, а то и бесплатно — смешно. Поденщиком — те же нищенские деньги. Может, с голоду и не помрем, но ведь мать и при отце не бедствовала, а с Холто и вовсе привыкла жить в довольстве, каково ей теперь будет? Я ведь не за себя переживаю — за нее.

— Я поговорю с комендантом, — Альва до сих пор, казалось, не пришла в себя после его рассказа. — Или с протектором. Попробую добиться, чтобы вам выплачивали пособие из казны.

— Поговори, девочка, — произнесла неслышно вошедшая в комнату Рисса. Мать со вчерашнего дня словно постарела на несколько лет. — Если ты добьешься этого, я буду молить за тебя богинь до самой смерти. Разве не должна власть, которая не может уберечь простой люд от разбойников и душегубов, платить за свой недосмотр? Комендант вон какую прорву стражников в нашу часть отрядил, и что? Уберегли они Холто? — с горечью спросила она.

— Стража схватила Рама, — тихо возразила Альва.

— И на том спасибо, — мрачно проговорила женщина. — Хоть посмотрю, как будет в петле болтаться этот ублюдок, который четыре года ел мой хлеб.

— И еще я спрошу дэна Итона, не найдется ли для тебя какой работы в комендатуре... или во дворце.

— Во дворце?! — Рисса вытаращилась на гостью. — Высоко же ты взлетела, девочка! Что ж, хорошо, что не забываешь старых друзей в беде. Да помогут тебе богини!

— Нет никаких богинь, мама! — со злостью вскричал Ларни. — А если есть, то они безумней Рама, раз допускают такое!

Глава 9

Верховная жрица Храма Маритэ волновалась не на шутку. Предстоящий разговор смущал и даже почти пугал женщину. За годы безраздельной власти Лавинтия практически позабыла эти чувства, и вот теперь перед нею та, точнее, те, перед кем стоит робеть. Ах, если бы все было по-прежнему, как много веков назад, когда властители трепетали перед величием служительниц богини! А теперь она — владычица Храма — переживает по поводу разговора с будущей королевой.

Лавинтия бросила взгляд в зеркало. Серебристые одеяния — платье и покрывало, спускающееся до самого пола — величавое лицо, пронзительные серые глаза. Женщина поправила серебряный венец с огромным голубым топазом в центре и менее крупными камнями по бокам. Владычица осталась довольна своим отражением. Недаром вид ее внушал неизменное почтение жрицам. Только вот сможет ли она впечатлить будущую королеву?

Будущая королева в компании жениха ожидала в библиотеке. И не просто ожидала, а вместе с королем смотрела книги. Когда вошла Лавинтия, оба смутились, словно их застали целующимися, а не исследующими содержимое книжных полок.

— Простите, владычица, — его величество склонился в поклоне. — Мы позволили себе проявить интерес к храмовым книгам.

— Я только рада, — Лавинтия явила самую благосклонную из своих улыбок. — Мне будет так же чрезвычайно приятно знать, что интерес эньи Линсар к сокровищам нашей библиотеки не угаснет и после отъезда вашего величества. Правда, книги, собранные здесь, не совсем обычны. Большая часть посвящена истории Маритэ, ее светлых сестер и Хранителей.

— А книги о Странниках есть? — в голосе Лотэссы Линсар слышалась искренняя заинтересованность.

— Но ведь Хранители и есть Странники, — снисходительно пояснила Лавинтия, про себя с огорчением отмечая, как мало нынче люди знают об основах истинной веры.

— Я знаю, — ответ девушки удивил верховную жрицу. — Но я хотела бы больше узнать не конкретно о Хранителях Анборейи, а о Странниках вообще.

— Звездные путники — величайшая загадка вселенной, — Лавинтия с трудом удержалась от того, чтобы добавить привычно-назидательное «девочка». Но обращаться так к будущей королеве — не лучшая идея. — Мы очень мало знаем о них.

— Но ведь это же самое интересное! — воскликнула Лотэсса с детской горячностью, чем вызвала легкую добродушную улыбку своего жениха.

Зато ей — владычице Храма Маритэ — было не до улыбок. Ничего умильного нет в том, что люди относятся к Богиням и Хранителям как к докучной устаревшей религии, а к Странникам — как к увлекательной и красивой сказке. Похоже, ей придется совсем непросто в воплощении задуманного.

— Энья Лотэсса, — тоном, исполненным терпеливой доброжелательности, молвила Лавинтия, — возможно, узнав больше о Маритэ и других Хранителях Анборейи, вы сочтете книги, посвященные им, не менее интересными.

— Возможно, — со вздохом согласилась девушка. — Тем более, что храмовые книги станут моим единственным развлечением на долгий срок. Но если все-таки есть что-то о Странниках...

— Я попрошу старшую жрицу Анарэлию поискать их для вас, — пообещала владычица. — Я искренне надеюсь, что с новыми знаниями будет крепнуть и ваша вера.

— Ну, вообще-то она не очень крепка, — несколько смущенно призналась Лотэсса. — Не хочу вас обидеть, владычица, но я не думаю, что верю в богинь. То есть я допускаю, что именно Маритэ когда-то создала наш мир, — поспешила добавить она, — но, мне кажется, ей и прочим Хранителям давно уже нет до нас никакого дела.

— Отчасти вы правы, — с болью в голосе проговорила верховная жрица. — Хранители покинули Анборейю, так же как и сестры Маритэ. Но сама богиня никогда не оставит нас! Пусть более она не живет среди людей, но созданный мир никогда не будет безразличен той, что его сотворила. Впрочем, вам предстоит еще много узнать о Маритэ. В связи с этим я позволю себе предложить вам пройти небольшой, но крайне важный обряд...

При слове «обряд» удивительные лиловые глаза девушки распахнулись, а его величество нахмурился.

— Не пугайтесь так, прошу вас, — Лавинтия поспешила успокоить высокопоставленных гостей. — Ничего страшного или трудного в этом обряде нет.

— Зачем это? — король и не думал скрывать настороженности.

— Возможно, у вашей прекрасной невесты есть дар... — начала владычица.

— Хваленый дар Маритэ? — девушка нервно рассмеялась. — Тот самый, с помощью которого ваша жрица Нармин не смогла защитить от чудовища даже себя, как не сумела исцелить и мой кашель?

— Вашим излечением я займусь лично, — пообещала женщина, чем вызвала благодарный взгляд короля. — А насчет дара... Разве вам не любопытно узнать, отмечены ли вы искрой богини?

— Вообще-то, не очень, — Лотэсса покачала головой. — А если и отмечена, то что? Мне что, придется жрицей становиться? — девушка бросила взгляд на короля, словно ища поддержки, которую тот не замедлил оказать.

— Энья Лотэсса в любом случае не сможет остаться в вашем Храме и стать жрицей. Вы же знаете, владычица, ее ждет корона Элара.

— Я помню об этом, — величественно кивнула Лавинтия. — И не стану принуждать вашу невесту стать жрицей, если только таково не будет ее собственное желание. Проверка нужна ради удовлетворения моего собственного любопытства. Вы ведь не откажете мне в этой скромной просьбе? — она обращалась по большей части к королю, чувствуя, что окончательное решение все-таки за ним.

— Ладно, можете проводить этот свой обряд, — неожиданно решилась девушка.

— Вы уверены? — его величество озабоченно взглянул на невесту.

— А что такого? — та пожала плечами. — И правда, интересно же. Кроме того, что может случиться? Не рассыплюсь же я горсточкой пепла, в конце концов.

— Как знаете, — вздохнул король. — Я могу присутствовать, или это священное таинство? — поинтересовался он у жрицы.

— Вообще-то, обычно посторонние не допускаются, — заметила женщина. — Но, пожалуй, в этом случае мы можем сделать исключение. Интерес вашего величества к нашей вере должен быть вознагражден.

Вот так. Пусть знает, что возможность участвовать в обряде раскрытия дара — честь даже для короля. Ах, если бы у девочки был хоть проблеск дара, хоть крошечная искорка! Тогда бы новый правитель Элара смог воочию убедиться в том, что поклонение богине — не просто полузабытый культ, а нечто большее.

— Могу я пригласить вас обоих в Зеркальный Чертог? Это поистине священное место для служителей богини. На самом деле обряд может быть произведен где угодно, но раз есть возможность провести его в самом сердце Храма, мы не станем ею пренебрегать. Верно? — владычица поднялась и пригласила гостей следовать за собой.

Королю и Лотэссе Линсар впервые предстояло увидеть Зеркальный Чертог. Лавинтия специально не показала его в первый день пребывания в Храме, оставляя величие Чертога для проведения обряда. Эта идея пришла ей почти сразу. Королева, сочувствующая древней религии Анборейи, — это неплохо. Королева, верующая в

Маритэ, — это прекрасно. Королева, наделенная даром, — венец мечтаний.

Зеркальный Чертог произвел на спутников владычицы должное впечатление. К несказанному удивлению женщины, оба они впервые видели лики Маритэ и ее сестер. По поводу образов Астель и Нидеи, находившихся по обе стороны от лика Маритэ, Лавинтия испытывала смешанные чувства. С одной стороны, как не почитать тех, кто помогал созидательнице и много веков заботился об Анборейе. С другой — как простить то, что сестры богини покинули Маритэ и ее мир? Верховная жрица чуть слышно вздохнула, не в силах совладать с извечно терзавшим ее противоречием.

Пока король с невестой рассматривали облики богинь, владычица взяла одну из шкатулок, в которых хранились венцы испытаний. Венец испытаний представлял собой тонкий серебряный обруч с голубым топазом в центре. Вознеся к Маритэ положенные молитвы, женщина направилась к Лотэссе.

— Позвольте, — обратилась Лавинтия к девушке. — Вам нужно всего лишь надеть это.

Та склонила голову, и верховная жрица возложила венец поверх прически из темных волос. Теперь оставалось только ждать и молиться. Последним женщина и занялась.

— О Маритэ, звездный свет в вечной тьме, — нараспев начала владычица, — яви милость твою почитающим тебя. Обрати взор твой к просящим и слух твой к смиренным прошениям нашим, — произнося слова, предваряющие любую молитву, Лавинтия напряженно всматривалась в топаз на венце.

— О созидательница, позволь своему созданию служить тебе...

Нет, не может быть! Да, хвала богине! Ей действительно не кажется, голубой камень в центре обруча сначала стал будто ярче, а затем начал все явственней испускать чистое лазурное сияние. Сияние это не мерцало, как обычно случалось, а словно нарастало с каждым мгновением. Теперь уже и король заметил свет, струящийся от венца, возлежащего на голове его невесты. Но, в отличие от Лавинтии, его величество вовсе не ликовал на эту тему. Лицо его стало тревожным и напряженным, глаза недобро сузились. Видно было, что король с трудом удерживается от того, чтобы прервать обряд или хотя бы задать вопросы. Потерпите еще немного, мысленно обратилась верховная жрица к королю, вслух продолжая читать молитвы. Скоро все закончится.

И все закончилось. Правда, совсем не так, как ожидала преисполненная торжеством победы владычица. Голубое сияние, ставшее в какой-то момент нестерпимо ярким, как будто раскололо маленький камень изнутри. Вспышка света, треск, заглушивший слова молитвы, звук падающего тела... Сияние погасло, осколки топаза разлетелись по мозаичным плитам пола, а обессиленная девушка лишилась чувств. Король мгновенно оказался подле своей избранницы. Кажется, он обращал к верховной жрице какие-то гневные речи. Но той было все равно. Она не слышала и не видела ничего, оглушенная внезапной милостью богини и ослепленная открывающимися перспективами.

Лотэсса пришла в себя. Король со злобой сорвал венец с ее головы и отшвырнул его. Обруч покатился, мелькая серебристым колесом, а потом, несколько раз жалобно звякнув, затих. На лбу у девушки проступили несколько кровотокащих царапин. При виде крови мужчина совсем рассвирепел. Лавинтия наконец все же осознала, что сейчас не время для торжества и ликования. Нужно срочно успокоить короля и его бесценную невесту. Бесценную для Храма.

Владычица склонилась над испуганной девицей, по-прежнему сидящей на полу, и легко прикоснулась пальцами к ее лбу. Кровь остановилась почти мгновенно, а края царапин медленно и почти незаметно стали сближаться.

— Не переживайте, — ласково заверила верховная жрица, — через несколько часов и следа не останется. Впрочем, энья Лотэсса с легкостью могла бы вылечить себя сама.

— Что все это значит? — мрачным донельзя тоном спросил король.

— Это значит, что ваша невеста — одна из сильнейших жриц со времен рассвета Анборейи, не уступающая той же Аделмиранде или Фессе.

— Разве вы не поняли? — голос мужчины звучал жестко. — Энья Лотэсса никогда не

станет жрицей. Я очень жалею, что позволил провести этот обряд.

— Пойдите, ваше величество, — взмолилась женщина. — Не принимайте поспешных решений! Решившись на проверку эньи Линсар, я даже и предположить не могла, что ее дар намного превосходит мой собственный. Никогда не доводилось мне видеть или слышать, чтобы свет Маритэ столь ярко пылал в смертной женщине. Разве что величайшие жрицы древности могут сравниться с нею. Будь ваша невеста лишена дара или будь он слаб, я бы и думать не стала о возможности сделать ее служительницей Маритэ. Но мы стали свидетелями безмерной милости богини, которая также таит в себе и великое предназначение для вашей невесты.

Начать стоит с покорных просьб, решила Лавинтия. Если король не согласится, она станет требовать. Он хочет от нее услуги — пусть окажет ответную. Но прежде, чем переходить к требованиям, нужно испробовать все другие способы.

— Поверьте, — увещевала владычица. — Для вас ничего не изменится. Столь исключительные обстоятельства требуют особых решений. Обычный для жриц обет безбрачия не коснется эньи Лотэсса. Она сможет, будучи жрицей, стать вашей женой и королевой Элара.

О да — королевой! Жрица на троне! Лишь в глубокой древности служительницы Маритэ правили государствами, да и то нечасто. Плевать на безбрачие. Какой в нем толк в сравнении с возможностью управлять действиями властелина могущественнейшей империи мира?

— А моим мнением никто не хочет поинтересоваться? — спросила девушка, поднимаясь с пола. — Не очень-то приятно, знаете ли, ощущать себя предметом торга.

Король и верховная жрица разом прекратили препирательство и обернулись к Лотэссе. Не стоило игнорировать гордую девицу, с досадой подумала Лавинтия. Конечно же, уговаривать следовало в первую очередь ее, а не короля.

— Думаю, нам всем стоит успокоиться, — примирительно произнесла владычица. — Мы вернемся к этой теме позже. А пока позвольте показать часть ваших способностей, о которых вы и не подозревали.

Едва закончив фразу, Лавинтия вытащила из волос острую шпильку и с силой провела ей по внутренней стороне руки. Мгновенно выступила кровь. Лотэсса вздрогнула, король неодобрительно покачал головой.

— К чему это? — мрачно поинтересовался он.

— Энья Лотэсса, — теперь владычица подчеркнуто обращалась только к девушке, дабы не повторять прежней ошибки. — Посмотрите на мою руку. Так. Старайтесь не отводить взгляд. Понимаю, что зрелище не самое приятное, и все же попробуйте. А теперь нужно воззвать к Маритэ...

— Не могу я к ней взывать, — прервала девушка. — Я в нее не верю!

— Не верите?! — верховная жрица в изумлении вскинула бровь. — Даже после всего, чему стали свидетелями?

— А что мы такого видели? — вскинулась Лотэсса. — Странное свечение и треснувший камешек? Так это просто магия. Вполне возможно, ваша.

— Это твоя магия, девочка! — Лавинтия все-таки забылась. — А теперь попробуй применить ее, чтобы убедиться. Просто обратись к богине с просьбой об исцелении. Вы ведь не дадите мне истечь кровью, энья Лотэсса?

Расчет оказался верным. Воззав к состраданию девушки, владычица заставила ту пробормотать какое-то подобие молитвы. На миг у женщины возникло искушение остановить кровь своими силами, ведь, несмотря на исключительность дара, Лотэсса Линсар не обладала и каплей веры. Но Лавинтия удержалась и правильно сделала. Сколь бы маловерной не была девушка, силы компенсировали недостаток веры. Кровь остановилась почти мгновенно, и края раны стянулись куда быстрее, чем при врачевании опытной владычицы.

— Ослепи меня молния! — пробормотала ошеломленная собственным могуществом невеста короля.

Глава 10

Элвир с трудом выкроил минутку, чтобы заглянуть в комендатуру. Надо же узнать, что творится в городе. То, что тварь не объявлялась, и так ясно, иначе Итон бы сам во дворец заявился. Но мало ли других проблем. Кроме того, он соскучился по Альве и не собирался скрывать от себя этот факт. Хоть девушка и жила во дворце, они почти никогда не встречались.

Как Торн и рассчитывал, Итон с Альвой были на месте. Комендант о чем-то оживленно спорил со своей помощницей.

— Никуда ты не пойдешь, дэнья Альва, даже не надейся! — непререкаемым тоном заявлял Карст. — Я и в прошлый-то раз тебя отпустил только потому, что дело касалось твоего друга. А Ярли Пален тебе, хвала богиням, не друг и не родственник.

— Но он же почти наш сосед, — горячо возражала девушка.

— Ага, — хмыкнул Итон. — Как и вся Кузнечная часть. Не поедешь ты туда, и все тут. Доброе утро, эн Элвир, — комендант соизволил заметить присутствие Торна.

— Доброе? — протектор с сомнением покачал головой. — Что тут у вас происходит?

— Дэн Итон не пускает меня в Кузнечную часть, — пожаловалась Альва.

— Ну да, — Карст не стал спорить. — Экий я негодай, не даю девушке самолично заняться расследованием убийства.

— Какого убийства? — Торну все меньше и меньше нравилось происходящее. — Это ведь не...

— Нет, это не он, — поспешил успокоить протектора Итон. — Обычное убийство. Странное немного, но обычное. Ростовщика Ярли Палена кто-то из должников пришиб.

— Пришиб! — Альва состроила издевательскую гримаску. — Ему раскроили череп кованой крышкой от сундука!

— Раскроили череп! — хоть ситуация отнюдь не выглядела смешной, Элвир не смог удержаться от ехидства. — Крысенок, где ты научилась столь изысканным оборотам?

— Ой, ужас какой! — досадливо съязвила девушка в ответ. — Выражаюсь я, видите ли, не так. Людей в Кузнечной части зверски убивают день за днем, а вас волнует только чистота моей речи!

— Что значит «зверски убивают день за днем»? — хмурясь, спросил Торн. — Убили кого-то еще, кроме этого ростовщика?

— Да, — вздохнул Карст. — Кузнеца — отчима ее приятеля, — комендант кивнул на Альву. — А тебя я не расследовать убийство отпускал, а друга навестить и тетку заодно, — строго обратился он к девушке.

— Как должен был умереть этот кузнец, чтобы о его смерти доложили вам, а не какому-нибудь капитану стражи?

— Ну, — с очередным вздохом протянул комендант, — какой-то безумный подмастерье сначала выколол ему глаз, а потом проткнул не остывшим мечом.

— Подмастерье?! Как он справился-то с кузнецом? — Элвир изумленно уставился на Альву с Карстом, очевидно, уже успевших попривыкнуть к столь ошеломляющему факту. — Ты их знала? — задал он вопрос Альве. — Я имею в виду кузнеца и убийцу. Что собой представлял этот подмастерье?

— Я знала обоих, — кивнула девушка. — Ну, подмастерье — его звали Рам — крепкий был парень, но все равно Холто его одной рукой перешибить мог. Да и боялся Рам кузнеца до одури. Холто строг был с ним, но ругал всегда за дело. Это мне Ларни рассказал.

— Тот паренек, с которым ты прощалась, когда я тебя забирал? — припомнил Торн.

Девушка кивнула. Перед глазами протектора всплыл смутный образ полноватого парня лет шестнадцати.

— Странное дело, — Элвир машинально крутил в руке песочные часы. — Зашуганный подмастерье убивает здорового мужчину, и через пару дней в той же части еще одно бессмысленно-жестокое убийство. Должника поймали, кстати?

— Поймали. Он там всю лавку разнес. К счастью, жена Ярли успела вовремя убраться и призвать на помощь стражу.

Закончить рассказ коменданту не дали. Раздался стук в дверь, и на пороге возник какой-то стражник, вроде бы начальник патрульных одной из частей.

— Нир? — Карст поднялся, и лицо его приняло обеспокоенное выражение. — Что-то срочное?

— Уж я и не знаю, дэн Итон, — замялся тот, смущенно косясь на протектора. — Вы велели докладывать вам обо всех странных делах, особенно об убийствах...

— Велел. Докладывай!

— На Пыльной улице девчонка мачеху и брата прикончила.

— Девчонка?! — хором спросили комендант с протектором.

— Как есть девчонка, — Нир усиленно закивал. — Двенадцать лет едва стукнуло. Это соседка рассказала. Еще говорит, что брат этот часто задирает девку-то. На людях дразнил, обзывал, а то и поколачивал. Соседи-то говорят, мерзкий тип братец-то был. Да и не кровный брат он девчонке-то, а сводный, вот и забижал почем зря. И мамашка-то егойная добавляла еще. А может, и наоборот — мачеха травила падчерицу, а сынок, гнида, с нее пример брал.

— Не очень-то вы сочувствуете жертвам, — заметил Элвир.

— А сами виноваты! — угрюмо заявил стражник. — Нечего слабых мучить! Слабые-то они до поры слабые, как та тетка, что муженька с друзьями за Грань отправила. Но ежели их до конца затравить, то такая злость проснется, что никакой силе с той злостью не совладать, — Нир позволил себе пофилософствовать на тему человеческой природы. Карст его не перебивал, видно привык уже. — А девчонку вздернут теперь, — со вздохом закончил он.

— Значит, ее схватили? — спросил Торн.

— А то! — не без гордости заметил стражник. Может, он и жалел незадачливую юную убийцу, но репутация его людей, очевидно, была важнее. — Да она и не пыталась убежать даже. Братцу она камнем затылок пробила. И откуда только силища взялась? Девка-то хлипкая, а брат тот еще боров.

— Камнем? — на этот раз вопрос задал Итон.

— Да. Он в нее камнями прямо на улице кидался. А потом развернулся и пошел к дому. А бешеная эта его уже на пороге догнала и тем же камнем — да по темечку. На шум мачеха выбежала, а девка скаженная возьми да ее через перила перекинь. На Пыльной-то у всех пороги высокие, сами знаете. Короче, тетка неудачно так свалилась, шею сломала. Может, девчонка убить-то и не хотела. Кто ее теперь знает...

После этого нехитрого рассказа какое-то время Карст с подчиненным еще обсуждали подробности, но Элвир уже не слушал, погружившись в свои мысли.

— Безумие какое-то, — пробормотал протектор, как только за Ниром захлопнулась дверь. — Слабые и жалкие бросаются на своих мучителей, как бешеные псы, забыв страх и осторожность. Не столь странно, как змеехвостый ублюдок, но в своем роде не менее ужасно, если не хуже. Когда убивает чудовище, то что с него взять? Но когда чудовищами становятся люди...

Пофилософствовать Элвиру не дали. Вновь стук в дверь, за которой обнаружился кто-то из людей коменданта, а за его спиной жалась молодая женщина.

— Вот, — пришедший кивнул в сторону женщины. — Требуется, чтоб ее допустили до вашей милости.

— И что, теперь всех требующих будем допускать? — проворчал Карст.

Было видно, что гневается он скорее для порядка, никуда женщину, которая, кстати, выглядела насмерть перепуганной, не выгонит. А сам протектор тем временем вглядывался в черты посетительницы, казавшиеся ему смутно знакомыми.

— Как вас зовут? — обратился к ней комендант.

— Омиза Венайл, ваша милость, — кланяясь, ответила та. — Вы меня не помните?

Ну конечно же! Любовница покойного супруга колдуньи. Та самая, от которой он возвращался в свою последнюю ночь. Светлые косы, сейчас порядком растрепанные, светло-карие глаза, какой-то затравленный взгляд.

— Ах да, — Итон тоже, видно, вспомнил смазливую мешаночку. — Что привело вас ко мне, сударыня?

— Мою сестру убили!

Теперь ясно, откуда такой ужас в глазах, весь этот растрепанный вид и настоятельное желание пробиться к самому Итону Карсту. Очевидно, бедняжка решила, что личное знакомство с комендантом дает ей право поведать об ужасной трагедии непосредственно ему.

— Рассказывайте, — с тяжелым вздохом произнес Карст. — Нет, погодите. Альва, сбегай, пожалуйста, до Башни Магистратов. Мне нужно...

— Хотите усладить меня? — не дав ему договорить, прервала девушка.

— Хочу, — устало согласился тот. — Слишком уж много убийств за последние дни, да все как на подбор — одно другого жутче. Негоже юной девице слушать про такие дела.

— Я видела вещи и похуже, — возразила Альва, глядя на Торна, словно ища у того поддержки.

Элвиру не хотелось, чтобы девушка уходила, с другой стороны, он был полностью согласен с комендантом: выслушивать подробности убийств ей вовсе не зачем. А что-то ему подсказывало, что это убийство не будет сильно отличаться от тех, о которых шла речь.

— Крысенок, выйди, пожалуйста, — почти ласково попросил протектор. — Подожди меня, и потом я отвезу тебя во дворец, по дороге рассказав суть без лишних подробностей. Согласна?

— Ну уж нет! — девушка тряхнула головой, в зеленых глазах сверкала обида. — Лучше уж я сбегая до магистратской башни с выдуманным наспех поручением.

Впрочем, выдумывать поручение Итону не пришлось. Не дожидаясь, пока кто-то из мужчин скажет хоть слово, помощница коменданта гордо удалилась, напоследок хлопнув дверью.

— А теперь рассказывайте, как все произошло, — обратился Карст к Омизе Венайл.

— Сестру мою зовут Гедрика Ростин, — начала рассказ женщина. — Она занимается торговлей, у нее даже есть лавка в Заречной части.

— Вам известно, кто ее убил? — нетерпеливо перебил Торн, несколько раздосадованный обидой Альвы, а потому не склонный выслушивать лишние подробности процветания какой-то купчихи, тем более ныне покойной.

— Да! — она кивнула, а из глаз покатились слезы. — Это ее муж! Марил. Он всегда был

таким добрым и славным, — после этих слов Омиза откровенно расплакалась.

Интересно, что, узнав о смерти бывшего любовника, женщина не пролила и слезинки, держалась холодно и сухо, а тут рыдает в три ручья, и даже непонятно, по сестре или по ее убийце.

— Добрый, славный убийца, — закатив глаза, пробормотал Элвир. — Что может быть лучше?

— Он правда был хорошим, — прошептала Омиза. — Марил всегда был добр ко мне.

— А к жене? — Торн по-прежнему весьма скептически относился к этому добряку.

— Ну, — неуверенно протянула женщина. — Гедрику он побаивался, старался ей не перечить. Сестра моя очень крутого нрава... была, — Омиза снова всхлипнула. — Марилу доставалось частенько от нее, но он терпел. Всегда терпел.

— Значит, вы утверждаете, что ранее этот Марил никогда не обижал вашу сестру?

— Ну как — не обижал, — замялась женщина. — Однажды, несколько лет назад, он не выдержал вечной ругани и придинок Гедрики и ушел от нее к другой женщине. Ненадолго, потом вернулся, — добавила она. — И с тех пор вроде все хорошо у них было. Ну, то есть не то чтобы прям хорошо, но жили, как раньше.

— И что же нарушило эту идиллию? — протектор не был готов проникнуться сочувствием к человеку, убившему собственную жену, пусть даже ту еще стерву.

— Я не знаю! — беспомощно воскликнула Омиза. — Когда я пришла, сестра была уже мертва, а он сидел над телом. На голове ее была подушка. Тяжелая, бархатная. Эти подушки лежали на кровати Гедрики, не для того, чтобы спать, а для красоты. И вот этой-то подушкой... — новый всхлип прервал повествование, — ей-то Марил и задушил Гедрику. А вокруг кружили перья. Тучи проклятых перьев! — голос женщины сорвался на крик.

— Возможно, ваша несчастная сестра порвала подушку, защищаясь, — Итон прервал рассказчицу, очевидно, преследуя одну цель — не дать разразиться женской истерике.

— Марил сказал, что случайно пролил вино на кровать, а Гедрика возьми да начни его колотить этой самой подушкой. И, знаете, он говорил так, будто не чувствовал за собой никакой вины. Она его ударила — он ее наказал. Сказал еще, что надоело терпеть тупую, уродливую, злобную бабу рядом, — Омиза, очевидно, всего лишь пыталась дословно передать слова убийцы, но все же осеклась, поняв, что порочит такими речами память сестры. — Я не могла там сидеть и все это слушать. Да и страшно было, хоть он и не пытался обидеть меня. Выбежала из дома и побежала к вашей милости, дэн комендант. Только вот не знаю, станет ли Марил дожидаться, пока ваши люди явятся за ним.

— Значит, задушил с целью справедливого возмездия, — подвел итог Карст. — Вы правильно сделали, госпожа Венайл, что пришли сюда, хотя разумнее было бы все же обратиться к страже. Но теперь это уже наша забота. Вы же постарайтесь успокоиться, ступайте домой. Вы ведь не у сестры жили? — комендант совершенно точно знал, что она жила одна, знал даже, где именно. — Позовите кого-нибудь из подруг или соседок, а делом внезапно обезумевшего примерного супруга займемся мы с энном Торном.

Не без труда выпроводив разрывающуюся между ужасом и сочувствием к убийце женщину, комендант с протектором какое-то время молча смотрела друг на друга. Очевидно, каждому не хотелось первым оглашать напрашивающиеся неутешительные выводы. И все-таки Элвиру пришлось первым нарушить молчание.

— Итак, что мы имеем? Внезапный бунт ничтожеств против угнетателей, которых убийцы ненавидели и боялись одновременно. И если в недавних городских убийствах наиболее жалкие и никчемные людишки становились жертвами, то теперь они взяли на себя прямо противоположную роль. Как вы полагаете, дэн Итон, стоит ли искать здесь связь?

Глава 11

Лотэсса находилась в Зеркальном чертоге и совершенно не знала, чем себя занять. Тут даже присесть некуда, разве что на пол. От нечего делать она принялась в который раз рассматривать образы богинь. Маритэ — величественная и юная одновременно. Огромные голубые глаза, водопад серебристых волос и нежное сияние, исходившее от всей фигуры богини. Фоном для образа Маритэ художник выбрал звездное небо. Астель — прекрасная восхитительной красотой поздней весны. Золото волос, колдовские зеленые глаза, нежный румянец. За спиной богини белел цветущий сад. Но больше других Тэссе нравилась Нидея, стоящая на краю скалы над морем. Ее красота сияла дерзостью, в озорных серых глазах словно искрился смех, а волнами черных кудрей будто играл ветер. Каждая из богинь казалась почти живой, но в образе Нидеи неведомый художник превзошел сам себя.

От созерцания ликов богинь Лотэссе отвлекли шаги. Девушка думала, что увидит верховную жрицу, назначившую ей встречу, но явился Валтор.

— Я думала, владычица хочет поговорить со мной наедине, — немного растерянно произнесла Тэсс.

— Она наверняка думала так же, — спокойно ответил король. — Но после того, что случилось, я не собираюсь оставлять вас. Мало ли какой безумный обряд пресветлая Лавинтия надумает провести в этот раз.

Тэсс даже не стала спрашивать, откуда Дайриец узнал о назначенном владычицей свидании. Пришел — и ладно, с ним действительно как-то спокойнее. Вообще же девушка с удивлением стала замечать, что чем ближе был намеченный срок отъезда короля, тем меньше ей хотелось оставаться в Храме совсем одной, без единого человека, соединявшего ее с прошлой жизнью. Нармин не в счет. Она, как и прежде, терпеть не могла Тэсс, но теперь они словно поменялись ролями. Во дворце Нармин чувствовала себя неуютно и одиноко, а в Храме — Лотэсса. Потому и приходилось невольно цепляться за Малтэйра. Но скоро он уедет, и останутся одни жрицы. Выпросить бы у него хоть свиток для переписки с Альвой. Утратить еще и эту ниточку будет совсем уж невыносимо.

Наконец явилась Лавинтия. Как всегда величавая, но исполненная благожелательности. Удивленно и в первый момент не слишком одобрительно покосившись на короля, она поприветствовала обоих, разумно не став допытываться у его величества, что он изволит тут делать.

— Дитя мое, — после того, как у девушки обнаружились способности жрицы, владычица почему-то решила, что может обращаться к ней, как к своей подопечной. — Я позвала тебя сюда, чтобы поговорить о твоей великой миссии.

— Что еще за великая миссия? — вмешался Малтэйр. — Я привез энюю Лотэссе в Храм, чтобы защитить, а не чтобы на нее возлагались какие-то особые жреческие надежды.

— Есть вещи много значимее наших планов и желаний, ваше величество, — воодушевленная своей идеей, верховная жрица, очевидно, решила больше не заискивать перед королем. — Сама Маритэ отметила эту девушку удивительной силой, а значит, богиня ждет от нее многого. Кто мы такие, чтобы спорить с волей созидательницы?

— Я, к примеру, король Элара, если вы забыли. И мои планы и желания на территории моей страны важнее воли всех богинь и Странников, вместе взятых, — заявил Дайриец.

— Очень жаль, что все виденное ранее не убедило ваше величество в могуществе Маритэ, — вздохнула Лавинтия. — И все же я прошу немногого. Позвольте нам хотя бы узнать волю богини относительно вашей невесты. Вполне возможно, она будет совпадать с вашими планами.

— Ну так узнавайте, — пожал плечами король. — Только не забудьте потом рассказать мне о том, чего хочет Маритэ от моей будущей жены.

— Мне не дано этого знать, — развела руками верховная жрица. — Богиня может явить свою волю лишь только избранной. Увы, во мне нет и малой доли того дара, коим

наделена наша будущая королева, — по голосу чувствовалось, что о слабости собственного дара она сожалеет искренне, а льстит — целенаправленно.

— И каким же образом богиня явит свою волю энье Лотэссе? — скептически спросил Валтор.

— О, для этого у нас есть древняя церемония, — вдохновенно начала вещать Лавинтия. — В одном из подземелий Храма...

— Подземелий?! — хором воскликнули король с Лотэссой.

— Вы серьезно? — Дайриец и не думал скрывать своего возмущения. — Думаете, я позволю затащить свою невесту в какое-то подземелье?

— Я прошу вас, ваше величество, — уперлась владычица. — Если хотите, умоляю. О даре подобной силы можно читать лишь в старинных хрониках. И он не дается просто так. Щедро одарив энью Лотэссу, Маритэ уготовила ее для великого дела. Иначе не может быть! Но только лишь сама богиня может раскрыть свой замысел.

— Но почему это нужно делать в подвале? — на этот раз голос подала сама Тэсс, которой была уготована роль жертвы.

— Это не подвал, а подземелье, — почти обиженно поправила верховная жрица. — Самая древняя часть Храма! Ведь Храм был возведен на месте древней обители, последней из сохранившихся на Дозье. Когда-то, века назад, подземелье находилось на поверхности земли, но в горах случаются землетрясения, и земля постепенно меняет свой облик. Возможно, когда-нибудь под землю уйдет самая высокая башня Храма. В любом случае, именно древность и священность подземного зала делают его единственным местом, которое Маритэ может почтить своим присутствием.

— Личным? — Валтор иронично изогнул бровь.

— Нам не дано этого знать, — Лавинтию, казалось, не задела издевка его величества. — Мы знаем лишь, что ваша невеста является одной из тех, кому предначертано стать исполнительницами ее воли. И так было всегда! Все великие откровения и пророчества снисходили на жриц в подземном зале!

Лотэсса обратила внимание на то, как быстро «подземелье» стало в речах владычицы «подземным залом», и про себя усмехнулась. Верховная жрица проявляла чудеса красноречия, стараясь убедить короля в необходимости проведения очередного опыта над Тэссой. А девушке было уже почти все равно: пусть хоть в водопад со скалы бросают и ждут, что Маритэ вознесет ее над горными вершинами вместо неминуемой гибели.

Ни Дайриец, ни Лавинтия не собирались сдаваться, и спор их грозил затянуться навечно. Тэсс сочла нужным вмешаться.

— Я согласна, — она старалась произнести это как можно громче, чтобы перекрыть голоса спорящих. — В подвал так в подвал, — вздохнула она. — Надеюсь, после этого обряда вы оставите меня в покое, убедившись, что Маритэ не имеет на меня никаких видов.

Валтор одарил девушку долгим и отнюдь не одобрительным взглядом. Потом обратился к владычице.

— Если энья Лотэсса права и ваша богиня не почитает ее личным визитом, моя невеста может быть свободна от притязаний Храма на нее? Откажетесь ли вы от навязчивой мысли сделать из нее жрицу?

— Что ж, — с печально-торжественным видом провозгласила Лавинтия. — Если свет Маритэ не осияет ее избранницу, я покорюсь решению богини и вашего величества.

— Обещаете? — в его голосе чувствовалось явственное недоверие. — Я не хочу, чтобы, едва дождавшись моего отъезда, вы начали вновь увещевать энью Лотэссу о необходимости стать жрицей и величии пути служения Маритэ.

— Обещаю, — слова эти были произнесены с подчеркнуто скорбным видом,

свидетельствующим, что женщину вынудили дать ужасную клятву, против которой вопиет все ее существо. — Итак, церемонию проведем сегодня ночью, ибо положение звезд на небе самое располагающее.

— А ведь у меня сегодня день рождения, — негромко, скорее самой себе, сказала Тэсс.

— Что?! — король ошарашенно уставился на нее.

— Неужели? — с медовой улыбкой спросила владычица.

— Вот так, — девушка развела руками, словно оправдываясь за столь несвоевременное и неуместное известие.

— Что ж, — Лавинтия явно приуныла. — Ради такого случая церемонию придется отложить.

— Не стоит, — решила Тэсс. — Не такой уж это праздник. Я предпочту перенести все издевательства сегодня и знать, что все позади. Тем более, звезды нынче какие-то особенно благоприятные.

— Ну, если его величество не возражает, — заискивающим тоном начала верховная жрица.

— Я возражаю против всей этой затеи и соглашаюсь лишь для того, чтобы в дальнейшем избавить знью Лотэссу от ваших чрезмерных ожиданий, возлагаемых на нее. Хотя я с трудом удерживаюсь от того, чтобы запретить все это безумие.

— То, что представляется безумием по людским меркам, освящено безмерной мудростью бессмертной богини, — с назидательным пафосом произнесла Лавинтия, сразу повеселевшая после осознания одержанной победы.

— Что мне нужно будет делать? — перешла к делу Тэсса.

— Ничего. Просто провести ночь в подземелье... в подземном зале, — поспешно спохватилась женщина.

Оказавшись несколько часов спустя в том самом подземном зале, Лотэсса осознала, что владычица много чего недоговорила. Уже спускаясь по узким сколотым ступеням в полутьме, девушка начала сожалеть о поспешно данном согласии на проведение обряда. Темнота, затхлость и холод самого настоящего подземелья навеивали донельзя мрачные мысли и предчувствия. Но по сравнению с самим залом лестница была еще вполне сносной.

В низких сводах странно и инородно смотрелись отверстия вроде окон под самым потолком, но этого Лавинтии и сопровождавшим ее старшим жрицам оказалось мало. Женщины чуть ли не час читали молитвы, взывая к Маритэ, при свете единственной тусклой свечи. Уходя, жрицы решили забрать свечу с собой. И не только ее. Одна из сопровождающих владычицу жриц почтительно попросила Тэссу разуться. В ответ на недоуменно-испуганный взгляд и растерянный лепет девушки, ей доходчиво разъяснили, что босые ноги, соприкасающиеся с древними камнями подземелья, — совершенно необходимое условие озарения.

И вот ее оставили одну — босую и в темноте. Поначалу девушка даже не испытывала злости и страха. Она лишь нервно смеялась над положением, в котором оказалась. Почему-то Тэссу не оставляла уверенность, что сейчас двери откроются и ее выведут на свет, разъяснив, что это было лишь испытание. Но время шло. Непроглядная темнота словно сдавливала призрачными тисками, и только ступни, пронзаемые ледяным холодом каменного пола, придавали ощущение реальности. Холод, терзающий наравне со страхом, не давал последнему чувству полностью завладеть ее существом. Вскоре к холоду прибавились голод и жажда, но это лишь помогало сосредоточиться на банальных телесных потребностях, отвлечься от ужаса, прячущегося в древней тьме каменной ловушки.

Не прошло и четверти часа, как девушка попробовала открыть дверь, наощупь добравшись до входа. Естественно, дверь была заперта. Еще через полчаса она колотила руками по двери, требуя выпустить ее именем короля. Но лишь содрала о камень кожу

на руках.

Тэсса медленно сползла по стене и села на пол, привалившись спиной к холодному камню. Ей овладело странное тоскливое оцепенение. Девушка не плакала, не кричала, даже не злилась, осознавая всю бесполезность этого. Она словно утрачивала постепенно мысли и чувства, будто сама медленно и неотвратимо каменея.

Из дремы или забытья, в которое впала Лотэсса, ее вывел звук отворяемой двери, показавшийся жутким скрежетом, раздирающим тишину. Звук этот напугал Тэсс даже больше, чем до этого пугало полное безмолвие. В первый миг она вскочила с пронзительным криком, и лишь потом ее озарило понимание, что жрицы наконец сжалились над избранницей Маритэ, решив ее если не выпустить, то хотя бы навестить.

Но оказалось, что это вовсе не жрицы, а Его Величество Валтор Дайрийский. В руках у него была масляная лампа и еще что-то темное и довольно большое. Тэссе бы стоило вести себя сдержаннее, но, настрадавшись в темноте и одиночестве, она невольно подалась к королю, словно тот был маяком, неожиданно сверкнувшим посреди бури. Мужчина сам шагнул к ней и крепко обнял, как тогда в парке и после известия о смерти Шафиры.

— Бедная моя девочка, — он вновь гладил ее по волосам, как ребенка. — Как они могли запереть вас здесь? Как вы могли согласиться? Как я мог такое допустить?

Все эти вопросы не требовали ответов. И Тэсс не спешила вырваться из объятий Дайрица, потому что ощущение живого человеческого тепла ей было совершенно необходимо. Думать о приличиях она будет позже, когда согреется и успокоится хоть немного.

— Холодная, как лед! — Валтор ощупал ее ладони.

Он выпустил девушку, но лишь для того, чтобы достать что-то из стоявшего на полу свертка. «Что-то» оказалось теплым плащом, которым король заботливо укутал плечи Тэсс. Та сразу же почти инстинктивно постаралась спустить плащ ниже, чтобы иметь возможность встать на ткань ногами. Малтэйр опустил глаза и выругался.

— Они совсем с ума сошли, позволяя себе так издеваться над вами?! — он был в бешенстве. — Идея Нармин притащить вас в этот Храм и мое согласие кажутся мне все более безумными.

— Как вы здесь оказались? — девушка начала отогреваться, и в ней постепенно пробуждался интерес к происходящему. — Этот, с позволения сказать, подземный зал разве не сторожат?

— Представьте себе, нет! — ответил Дайриец, извлекая из объемистой дорожной сумки еще один плащ и расстилая его на полу. — Эти сумасшедшие женщины, очевидно, во всем полагаются на свою богиню. Мол, раз она должна снизить к своей избраннице, то никуда эта избранница не денется. У меня нет иного объяснения.

— Но как вы смогли войти? — продолжала допытываться Тэсса. — Дверь же заперта. Я пробовала открыть.

— Скорее всего, она устроена так, что ее можно открыть снаружи, даже без ключа, и невозможно отпереть изнутри. Кстати, сейчас и попробую.

Король подошел к двери, дернул ее, потом сильнее, но та осталась столь же непоколебимой, как ранее под натиском Лотэссы.

— Ну вот, теперь вы заперты вместе со мной, — Тэсс стало как-то весело и жутко, как в детстве, когда она решалась на какую-нибудь проказу, грозящую наказанием. — Жрицы увидят вас, когда придут за мной. И что они скажут?

— Понятия не имею. Но вряд ли им удастся сказать хоть что-то, потому что я и рта не дам открыть владычице. Я сам слишком много имею ей сказать по поводу заточения первой эньи Элара в мрачном сыром подземелье. Тем более, эта фанатичная женщина знает о том, что вы больны. И вместо того, чтобы использовать свой дар для исцеления, отравляет вас босую в холодную каменную темницу.

Король присел на расстеленный плащ и жестом пригласил девушку последовать его примеру. Та, слегка поколебавшись, села рядом.

— Вы голодны? — не дождавшись ответа, Малтэйр извлек все из той же сумки свертки с едой, запечатанную бутылку и пару кубков.

— Да вы просто волшебник! — с детским восхищением воскликнула Тэсса.

— Волшебница у нас Энлил, — с улыбкой возразил он. — А я всего лишь пытаюсь исправить свое упущение. Я ведь не знал, что у вас сегодня день рождения. Разве возможно допустить, чтобы вы провели его в одиночестве в каменной темнице?

Девушка, вновь позабыв о приличиях, с жадностью набросилась на еду. Обычные хлеб, сыр, холодное мясо и фрукты показались ей невероятно вкусными. Король разлил по кубкам вино из бутылки и протянул один Лотэссе.

— Выпейте, это поможет вам согреться.

И вновь она не заставила просить себя дважды, удивляясь мимоходом собственной покладистости.

— За вас, Лотэсса! — Валтор поднял свой кубок. — Вы — удивительная девушка!

— Удивительно то, что вы до сих пор не возненавидели меня, — вино горячими струйками разнесло тепло по телу, Тэсс почти согрелась и почувствовала умиротворение. Она даже поддевала Дайрийца беззлобно, скорее по привычке.

— Вас нельзя ненавидеть, — серьезно ответил король. — Вы благородный и несчастный ребенок, с истерзанным сердцем и разрушенным миром. Я слишком хорошо отдаю себе отчет, сколь сильно приложил руку к вашим страданиям, чтобы ненавидеть.

Она лишь вздохнула в ответ. Возразить было нечего, но и осыпать упреками человека, признающего свою вину, не хотелось.

— Спасибо, что пришли, — тихо произнесла девушка. — Мне было так холодно, страшно и... пусто.

— Вы же знаете, я чувствую, когда нужен вам, — без лишней рисовки заметил Малтэйр. — На то я и хранитель. Кроме того... — он замолчал.

— Что? — спросила Тэсс.

— Ничего, — Дайриец махнул рукой. — Вы согрелись?

— Почти. Только теперь хочется спать, — собственный голос слышался словно издали.

Она и вправду разомлела от тепла, еды и вина. Приятная слабость разлилась по телу, глаза слипались, а мысли путались.

— Ну так спите. Если Маритэ все же надумает заглянуть в этот подвал, обещаю вас разбудить, — усмехнулся король.

Не в силах бороться с охватившим ее сонным наваждением, Тэсс устроилась на плаще, закутавшись, словно в одеяло, в тот, что был на плечах, и положив руки под голову вместо подушки.

Валтор чуть опустился и притянул девушку к себе. Предупреждая ее попытки вырваться, он поспешил сказать:

— Не думайте обо мне более дурно, чем я заслуживаю, энья Лотэсса, — он повернул Тэссу, ощущавшую себя тряпичной куклой, так, чтобы ее голова оказалась на его плече. — Я всего лишь не хочу позволить вам мерзнуть во сне.

У нее не было сил сопротивляться, тем более что так было намного удобнее и теплее. Она позже разберется со всем этим. И все же перед тем, как окончательно впасть в сон, девушка пробормотала:

— И все равно я вас ненавижу...

— Я знаю, — отозвался король, и по голосу ей показалось, что он улыбается.

Глава 12

Итон потер пальцами виски, стараясь сосредоточиться. В последние дни комендант чувствовал себя крайне измотанным — и душевно, и физически. Безумные убийства заменили собой бесчинства ночной твари, явно затмив ее по размаху и жестокости. Почти все убийцы были схвачены. Торн принял бескомпромиссное решение казнить всех, кроме двенадцатилетней девчонки, убившей мачеху и брата. Но участь пойманных убийц не останавливала других. За эти дни сообщили о трех новых жертвах. Однако сегодняшний случай превзошел все ранее случившиеся.

Убили дворянина. Более того — аристократа. Иглис Дорелл принадлежал к старой и уважаемой фамилии. Правда, самого Иглиса уважать было не за что. Самодур и пьяница, уморивший двух жен и насмерть разругавшийся с наследниками — мерзкий был человек, что и говорить. Возможно, мир без него станет лучше. Но сам факт ужасной смерти столь родовитого жителя Вельтаны сильно усложнял и без того непростую жизнь столичного коменданта.

Иглиса прикончили слуги, объединившиеся ради такого дела. Это-то и пугало больше всего. Если до этого они имели дело с единичными случаями бешенства забитых и униженных людей, то теперь столкнулись с массовым помешательством. Итон постарался отогнать ужасное зрелище, представшее его взору пару часов назад в фамильном особняке Дореллов. Иглиса повесили. Но что с ним творили до этого, можно лишь догадываться. Многочисленные раны, багровые синяки, ожоги... Волосы грубо выбриты, а на лбу неумело вырезано то ли клеймо, то ли бранное слово. Страшное зрелище! Хорошо, что он решительно запретил Альве ехать с ним, отослав ее во дворец за протектором.

Но самое мерзкое заключалось в том, что на этот раз убийцы разбежались до того, как стало известно о преступлении. Когда в доме двенадцать человек прислуги и все действуют сообща, скрыть свое деяние гораздо проще. Сложно сказать, когда бы вообще о смерти зна Дорелла стало известно, не откажись одна из слуг участвовать в вершении суда над хозяином. Миза — смазливая горничная покойной жены Иглиса — осталась в доме после смерти госпожи в качестве любовницы Дорелла. Точнее, даже не любовницы, а девицы для утех. Однако это положение делало жизнь Мизы в доме Дорелла более сносной, чем у других слуг. Девушку не то чтобы баловали, но хотя бы не обижали без нужды. Именно поэтому горничная отказалась участвовать в убийстве, забившись в одну из пустующих комнат. Бедняжка слышала кошмарные крики хозяина и в ужасе ждала, когда, расправившись с ним, обезумевшие люди придут за ней. Но, видно, опьяненные убийством, они просто позабыли об исчезнувшей наложнице ненавистного господина. Когда Миза, обнадеженная тишиной, длящейся несколько часов, решила выйти из своего убежища, в доме не было никого, кроме изувеченного трупа хозяина, болтавшегося в петле, приделанной к люстре главной залы. Девушка-то и вызвала стражу, а теперь рыдала в одной из комнат комендатуры, ожидая допроса.

А Карст дожидался протектора, чтобы провести допрос в его присутствии. Кроме того, нужно было просто обсудить с Торном сложившееся положение, паршивое настолько, что дальше некуда. Только бы Альву опять куда-нибудь услат. И вообще, зря девчонка находится в самой гуще таких нехороших событий. Пользы от нее не меньше, чем от Мелвила, в порой даже больше, но совершенно ясно, что девочке здесь не место. Хотя отсылать ее обратно в Кузнечную часть, когда такое творится, еще худшая идея. Так Альва хотя бы находится под защитой его и Торна. Но на допросе ей в любом случае делать нечего. И ведь, опять же, упрется и станет обижаться, будто ее выгоняют из недоверия, а не заботясь о ее душевном покое.

Дверь отворилась, пропуская Торна. К облегчению коменданта, он был один.

— Где Альва? — первым делом спросил Итон.

— А разве ее присутствие необходимо? — скептически поинтересовался протектор. — Такой поворот меня сильно расстроит, учитывая то, сколько сил я потратил, чтобы ее спровадить.

— За что я вам искренне благодарен, — поспешил заверить Карст. — Итак, вы здесь, и мы можем допросить эту несчастную служанку из дома Дорелла.

Вскоре девушку ввели в кабинет. Смазливое личико больше не казалось заплаканным, как накануне. Да и тогда сложно было понять, плакала девица от жалости к зверски убитому господину или от пережитого страха за свою жизнь. Миза присела в неловкой попытке изобразить реверанс.

— Сударыня, расскажите о своем господине, — обратился к ней Торн.

— Ну, я прям и не знаю, что сказать-то, — замялась девушка.

— Как эн Иглис относился к прислуге? — конкретизировал вопрос протектор.

— Ох, — вздохнула Миза. — Меня-то он не бил... почти. А вот другим доставалось.

После этих слов мужчины многозначительно переглянулись друг с другом.

— Забижал эн Иглис прислугу-то, что уж тут говорить, — продолжала девица. — Вот только из недавнего... Хромому Тину, цирюльнику, голову самолично обрил за то, что тот волосы его милости постриг чуть короче, чем надо бы. Глену и Сорену велел выпороть Ольни, а ведь они приятели. Дарисе, поварихе, руки обварил горячим пуншем. Она лимоны туда не те положила, а хозяин возьми да плесни в нее прям из кувшина. А Луди...

— Достаточно, — Итон поморщился. — Характер вашего господина и его манера обращения с челядью ясна. Смею предположить, что устроенную расправу слуги воспринимали как акт праведной мести, — он обращался скорее к Торну, но ответила девушка.

— Истинно так, ваша милость! — горячо закивала она. — Ко мне Тайса подошла, она с Ольни — ну, с тем, кого выпороли — гуляла. Подошла, значит, и говорит: «Нету сил больше терпеть изверга этого. Надо его порешить и за все наши мучения рассчитаться». Вот так прям и сказала. И мне выбирать велела, с ними я или с господином. Только такие дела мне не по нутру! — рассказчица решительно трянула копной смоляных кудряшек. — Я сразу Тайсе сказала, что они все с ума посходили и дурное дело задумали. А она мне как прошипит в ответ: «Ну, ты сама свою судьбу выбрала, Миза». И как же мне страшно стало! Тайса ушла, а я ее возвращения дожидаться не стала. Убежала в старую гардеробную, где еще первая покойная госпожа свои наряды хранила, заперлась там и все ждала и боялась, что меня найдут. А уж когда они эна Иглиса мучить принялись... О богини, как же он кричал! И как только соседи не услышали или с улицы кто... Хотя стены-то толстенные, дом на совесть строили.

— Как долго это продолжалось? — перебил ее Элвир. — Я имею в виду истязание вашего хозяина.

— Ох, откуда же мне знать, ваша милость, — развела руками девушка. — Неужто думаете, что я с собой часы прихватила? По мне, так целую вечность тот кошмар длился.

— Понятно, — Торн на секунду прикрыл глаза, коснувшись указательными пальцами переносицы. — Миза, у вас нет идей, куда разбежались и где могли укрыться ваши товарищи?

— Почем я знаю, господин. У той же Дарисы родня в деревне есть. И у Сорена. А у Тайсы брат в городской страже служит.

— Надо полагать, что к стражнику они обратятся в последнюю очередь, — проговорил комендант. — Думаю, убийцы разделились с эном Иглисом ближе к рассвету. Самый тихий и пустынный час на улицах. Тем более особняк Дорелла находится в Светлой части, и живет там не рабочий люд, привыкший рано вставать. Даже слуги в такой час крепко спят... ну, кроме тех, что пытаются жестоких господ. Я велел своим людям допросить местных, но осторожно, чтоб не пугать и не порождать лишних слухов. И, кстати, вас, сударыня, попрошу молчать о том, чему вы стали свидетельницей.

Миза поспешила их заверить, что будет молчать, как немая. После этого девушку отпустили. Возвращаться в опустевший дом, где она пережила такой ужас, бывшая служанка не стала. Сказала, что поживет пока у подруги в Заречной части. Оставшись вдвоем, мужчины продолжили обсуждение ситуации.

— Положение, однако, вырисовывается прескверное, — заметил Торн. — Смерть Дорелла в любом случае не скроешь. Это будет посложнее даже, чем с Шафирой Тарнийской. Ваши люди вывезли тело?

— Да, — кивнул Итон.

Тело вывозили, тщательно скрыв, но само по себе явление у особняка Дореллов в респектабельной Светлой части сначала городской стражи, а затем и коменданта породило слишком живой интерес к происходящему. Неизвестно, какая часть правды стала достоянием любопытных и жадных до сплетен жителей. Именно это рассчитывал выяснить Карст, поручая своим людям поиск свидетелей. Но допросам надлежало проводиться чрезвычайно деликатно, дабы допрашивающие случайно не сболтнули чего лишнего очевидцам.

— Лучше всего распустить слухи, что убийца Иглиса Дорелла неизвестен, а стража и власти усиленно его разыскивают. Известие о дюжине сбесившихся слуг, безнаказанно расправившихся с господином, напугает аристократов и воодушевит простолюдинов, недовольных своей участью. Однако вопрос, куда делись слуги, все равно может возникнуть. Не у дворян, конечно, этим дела нет до того, откуда берутся и куда деваются людишки, которые ходят за лошадьми, накрывают на стол или подают им платье. Зато прислуга из соседних особняков, знакомая с челядью Дорелла, наверняка заинтересуется, куда подевались их приятели. И хорошо, если бы беглецы не решились укрываться в окрестных домах. Не столь важно их всех переловить и казнить, как не допустить новой волны тревожных слухов в городе.

— Надеетесь спрятать молнию в небе? — невесело усмехнулся протектор. — Так у нас в Дайрии говорят. Не думаю, что получится долго скрывать от людей происходящее. Но сейчас самое важное даже не это. Куда важнее самим понять, что за дрянь творится вокруг и связано ли это как-то с на'ари, будь он неладен, с ильдовским проклятием...

— И с Закатом Мира? — закончил Итон.

— Пусть с Закатом Мира Энлил разбирается, — досадливо отмахнулся протектор. — А нам бы с Вельтаной разобраться. Кстати, насчет Энлил... Не позвать ли ее?

— Одну даму спровадили, другую пригласим? — Карст старался придать голосу безразличие.

— Мы оба прекрасно понимаем, чем Энлил отличается от Альвы. Впрочем, если вы так сильно не хотите тревожить хрупкое душевное равновесие колдуньи, будем разбираться сами.

— Я же не сказал, что возражаю, — со вздохом произнес Итон. — Пошлите за ней кого-нибудь во дворец. А до прибытия Энлил давайте все-таки попробуем додуматься хоть до чего-то. Мужчины мы, в конце концов, или нет? Сами же ругали короля и Альву за безоговорочное доверие Энлил и ее магии.

— Я и сейчас против того, чтобы полагаться на нее полностью, — ошетинился протектор. — Но полезным ее мнение все же может оказаться. Однако это вовсе не значит, что мы не будем строить собственных версий. Итак, что мы имеем? Слабые становятся палачами своих притеснителей. До сегодняшнего дня убийцы действовали в одиночку, необдуманно и не пытались скрыться от правосудия. Вряд ли они жаждали получить по заслугам, скорее, безумие настолько овладевало ими, что притупляло разум и чувство самосохранения. Впрочем, их душевное и умственное состояние заслуживает тщательной проверки. У нас ведь есть не казненные убийцы?

— Есть, — подтвердил комендант. — В тюрьме сидят трое. Двое мужчин и старуха.

— Старуха?! — Торн, которому еще не успели доложить о последних случаях, изумленно воззрился на собеседника. — Прикончила опостылевшего мужа — бабника и тирана?

— Соседку, — Карсту было не до шуток, пусть даже столь мрачных. — Уж не знаю, чего они там не поделили.

— Значит, кому-то из нас придется отправиться в тюрьму и допросить всех троих. Очень важно выявить, есть ли между ними какое-то сходство. Я имею в виду, что-то общее в

состоянии, манере говорить, отношении к содеянному.

— Разумеется, — кивнул Итон. — Но, кроме заключенных, у нас еще десяток безумцев где-то скрывается. Интересно, справившись с главным источником ненависти, несут ли они опасность для остальных?

— Полагаю, в ближайшее время у нас будет возможность узнать ответ, — хмуро заметил Элвир. — Пока же важно понять, что отличает слуг Дорелла от прочих. Ведь спланированное убийство уже куда меньше похоже на безумие. Вроде как тоже месть униженных притеснителю, но месть более продуманная и хладнокровная. Либо прошлые убийцы были безумны, а слуги Дорелла — нет, либо последние охвачены особой, более опасной формой безумия. Ну и последний вариант: все убийцы находились в здравом уме. Право же, не знаю, какой из предложенных раскладов сулит нам большие неприятности.

Обсуждение соображений и вариантов длилось около получаса, когда прибыла Энлил. Внимательно выслушав все, ведьма задумалась. Мужчины не тревожили ее, храня молчание.

— Помните, о чем рассказывали энья Лотэсса, король и Альва? — женщина в задумчивости теревила какое-то броское ожерелье. — На'ари постоянно твердил о страхе и ненависти. Если я верно поняла, он жаждал забрать или вкусить ненависть и страх своих жертв. В случае же с убийцами все крутится вокруг тех же страстей. Вот только теперь их никто не забирает, а напротив, словно подпитывает.

— Странная мысль, — протектор недоверчиво покачал головой. — Но не лишенная смысла. Если допустить такой расклад, выходит, что и здесь не обошлось без магии. Думаете, проделки нашего змеехвостого друга?

— Не знаю, — Энлил сплетала пальцы в странные фигуры. — Я должна видеть тех людей, что сидят в тюрьме, чтобы понять, наложено ли на них проклятие и есть ли вообще хоть след магии.

— Очень даже разумно, — одобрил Торн. — Сейчас самое важное — понять, имеем мы дело с магией или с чем-то иным. И, знаете, как ни странно, но мне станет легче, если окажется, что безумцы всего лишь заколдованы. Иначе картина выходит слишком страшной.

— Разве из ваших слов не следует, что убийцы ненавидели и боялись своих жертв достаточно долго — иногда, возможно, долгие годы? То есть, убивая, они всего лишь давали волю долго скрываемым страстям. Вопрос лишь в том, что помогло им высвободить свою ненависть, преодолев страх. В любом случае, даже если колдовство имело место, оно лишь добавило поленьев в костер, тлевший уже давно.

— Хотите сказать, что все эти люди изначально были чудовищами? — Итон задал мучивший его вопрос. — Все? Включая, девочку и старуху?

— Я ничего не могу сказать с уверенностью. И не хочу. Я всего лишь даю вам лишний повод задуматься.

— А то у нас как раз поводов задуматься не хватало в последнее время, — проворчал Элвир. — Не обращайтесь внимания, Энлил, — спохватился он. — Вы очень помогли.

— Не уверена, что это мое дело, — женщина окинула собеседников озабоченным взглядом. — Но, может, пора сообщить о происходящем королю?

Глава 13

До чего же красиво! У Лотэссы дыхание перехватило от восхищения. Россыпи звезд на чернильном небе, настолько ярких и крупных, каких она не видела никогда в жизни. Мелодичная монотонность почти невидимых в темноте волн. Запах моря, мешавшийся с чем-то незнакомым, но дурманяще прекрасным. Но удивительней всего казалась башня, устремленная в небеса. Тэссе сложно было понять, далеко или близко от башни она находится, и потому девушка просто направилась в ту сторону. Вблизи башня казалась еще более удивительной. Камни, из которых она была сложена, походили застывшие прозрачные куски темноты. А вокруг по спирали темную башню обвивала серебристая лестница, взбиравшаяся, похоже, до самого верха.

Тэсс осторожно поставила ногу на первую ступеньку, затем на вторую и так все выше и выше. Поднявшись на какую-то высоту, девушка неожиданно осознала, что идти совсем не тяжело, хотя на обычной лестнице она бы давно запыхалась, и ноги устали бы нещадно. Еще более странным казалось отсутствие страха. Поднимаясь все выше и выше по лестнице без перил, скорее угадывая, чем видя море где-то далеко внизу, она не испытывала трепета или опасения сорваться. Напротив, какое-то восторженное упоение переполняло ее, как будто внутри поселился шальной ветер. Наслаждаясь призрачной красотой волшебной ночи и непривычными ощущениями, Лотэсса не заметила, как достигла самой последней ступени серебряной лестницы.

Темное море, сливаясь с темным небом, осталось где-то далеко внизу. Шума волн уже давно не было слышно, зато отсюда, с высоты, бескрайние воды казались впитавшими звездный свет и оттого невыразимо прекрасными. С трудом оторвав взгляд от завораживающей картины, девушка обернулась к стене и почти не удивилась, заметив серебрившуюся на фоне темного камня узкую дверь, которой еще мгновение назад здесь не было. Взявшись за резную ручку, холодившую ладонь, словно ледяное серебро, она отворила дверь и шагнула внутрь.

Внутри башня оказалась не менее удивительной, чем снаружи. Царивший здесь полумрак рассеивал свет, больше всего похожий на звездный. словно сотни крошечных звездочек, рассыпанных по стенам, потолку и даже полу, освещали пространство вместо свечей. Но мерцающие холодные огоньки не стояли на месте, они как будто звали девушку за собой. Ничему уже не удивляясь, Тэсс дошла за сияющими проводниками до новой двери и толкнула ее.

За дверью ее взору предстала очень просторная, почти круглая комната или, скорее, зал с тремя огромными — во всю высоту стены — окнами без стекол. Снаружи сияли звезды небесные, внутри — крошечные звездочки вроде тех, что привели ее сюда. У среднего окна на изящном то ли кресле, то ли троне восседала удивительной красоты женщина. Или девушка. Сложно было понять. Ведь на лице незнакомки печать вечности сквозила через ослепительную юность. Тэссе смутно припомнилось, что где-то когда-то она уже видела эти голубые глаза, исполненные бесконечного величия и детской наивности, эти нежные черты и серебро волос, убранных в удивительную прическу.

— Здравствуй, Лотэсса, — прекрасная хозяйка башни поднялась навстречу Тэсс.

— Кто вы? — прошептала девушка, хотя ответ пришел раньше, чем она произнесла последнее слово.

— Ты знаешь, кто я, — чарующим голосом произнесла хозяйка.

— Маритэ!

— Она самая, — кивнула богиня. — Мы должны были встретиться.

— Но почему мы здесь? — Лотэсса окинула взглядом странный зал. — Разве не ты должна была прийти ко мне туда, в мрачный холодной подвал? А вместо этого я, похоже, оказалась у тебя в гостях.

— И ты не здесь, и я не там, — покачала головой Маритэ. — Это всего лишь сон.

— Сон? — Тэсс ощутила разочарование. — Еще один сон? Правда, этот намного лучше, чем тот, что я вижу обычно.

— Тот сон — плата за владение кольцом Дэймора.

— Изгоя?! — девушка задохнулась от удивления и внезапно нахлынувшего страха.

— Можешь звать его так, — в голосе богини слышалась грусть. — Но я помню лишь его настоящее имя. Именно Дэймор много веков назад отдал это кольцо Дренлелору, поклявшись оказать любую помощь, как только первый Ильд или кто-то из его потомков вызовет к могуществу звездного путника.

— Значит, Дренлелор спутался с Изгоем... Дэймором? — желание во всем разобраться оказалось сильнее пережитого минуту назад ужаса.

— Это случилось до предательства, — спокойно разъяснила Маритэ. — Первый король Элара ни в чем не виноват... в отличие от последнего. Испугавшись за свою жизнь, Йеланд решил прибегнуть к последнему средству — древнему фамильному кольцу, окруженному легендами. Из поколения в поколение Ильды передавали способ совершения ритуала, сопровождая строжайшим запретом на его проведение. Но Йеланд решил, что терять уже нечего. Впрочем, он не очень-то верил в правдивость легенд. Однако это не оправдывает его малодушия, из которого жалкий человек принес в жертву весь мир. Мой мир! — прекрасные глаза богини сверкнули гневом и презрением.

— Я ничего не понимаю! — с отчаянием воскликнула Лотэсса.

— Конечно, не понимаешь, — спокойно кивнула Маритэ. — Ты же всего лишь человек. Но я попробую объяснить и ответить на вопросы, которые у тебя наверняка возникнут. Итак, Дэймор дал Дренлелору кольцо и клятву. Клятва, данная звездным путником, не может быть нарушена. Таков непреложный закон мироздания. Потомок Дренлелора воззвал к Дэймору, и тот явился из небытия, куда мы его заточили, чтоб выполнить данное обещание.

— Так просто?! — Тэсс в изумлении воззрилась на богиню.

— Как оказалось, да, — печально вздохнула Маритэ. — Сколько сил было вложено в то заклинание Хранителями, сколь многим пришлось пожертвовать, чтобы пленить Дэймора! Но один лишь старый долг смог распахнуть все замки темницы небытия! Но даже знай мы заранее, что так выйдет, изменить что-то не в наших силах. То есть изменить сам принцип действия клятвы. Но мы бы, конечно, уничтожили Ильдов до того, как те воспользовались кольцом. Дренлелор был мне другом, — ее губы тронула улыбка, исполненная светлой печалью. — Лучшим из всех людей, кого я знала. Но он бы понял меня, реши я для спасения мира пожертвовать его потомками. Надеюсь, понял бы... Но все это лишь пустые слова. Никто не знал о клятве, данной Дэймором, кроме него самого и Дренлелора. Первый Ильд не рассказал своему сыну, кто был дарителем кольца, и, что гораздо хуже, не попробовал уничтожить его, хотя ко времени смерти Дренлелора Дэймор уже проявил свою ненависть к Анборей.

— Но вы же боги, — возмущенно перебила Лотэсса. — Вы должны были все знать!

— Это для вас мы — боги, — взгляд Маритэ стал бесконечно далеким. — Мы можем многое, по людским меркам любой из нас практически всесилен. Но это не значит, что мы все знаем наперед и что каждое деяние или мысль любого из людей известна нам. Будь это так, все миры, созданные звездными путниками, были бы совершенны. Но Странники лишь дают мирам и людям жизнь и порой вмешиваются в их дела. Мы не можем и не хотим следить за каждым вашим шагом. Иногда за беспечность приходится платить. Упущенная из виду мелочь поставила под угрозу существование целого мира. Люди поставили мою Анборейю на Грань, и людям же предстоит помочь мне в спасении моего мира. Я говорю о тебе, Лотэсса. Я выбрала тебя. Ты готова помочь мне ради Анборей?

— А у меня есть выбор? — вопрос прозвучал обреченно.

— Есть, — богиня изучающе взглянула на гостью. — Я не стану принуждать тебя.

— А кого-нибудь другого, более подходящего для столь великой цели ты не могла подыскать? — Тэсса отдавала себе отчет, с кем разговаривает, и поражалась собственному нахальству. Ее слегка успокаивало осознание того, что это всего лишь сон,

пусть и очень похожий на реальность.

— Ты полагаешь, я недостаточно хорошо подумала, прежде чем принять решение о том, кому доверить судьбу моего мира? — к своему удивлению, Тэсс уловила в голосе богини нотки сарказма.

— Я что, особенная? — не унималась Лотэсса. — Это из-за твоего дара, которому так поразились владычица Лавинтия?

— Даром тебя наделила я, — теперь Маритэ откровенно усмехалась. — Согласись, для богини было бы весьма странно отыскивать девушек, отмеченных ее благословением, вместо того, чтобы наделять им, кого вздумается. Эти силы понадобятся тебе, если ты решишься принять свое предназначение.

— Но если не считать твой дар, то что во мне такого необыкновенного? — продолжала допытываться девушка.

— Ничего, — Маритэ одарила собеседницу восхитительной улыбкой. — Ничего, кроме происхождения, красоты и близости к тем, кто играет в ро-энн¹ на диске Анборейи. Никакого высшего предопределения, всего лишь трезвый расчет. У тебя просто больше шансов изменить расклад, чем у кого бы то ни было.

— Почему тогда не король? Я имею в виду Дайрийца. Он тоже знатен, красив и вершит судьбу мира в куда большей степени, чем я.

— Это невозможно, он — Ильд. Но этого мужчину я сделала твоим хранителем. А потому он тоже, по сути, является моим избранником. Валтор Малтэйр поможет тебе выполнить твоё предназначение. Тем более что он сильно задолжал мне, явившись причиной, побудившей последнего Ильда воспользоваться злополучным кольцом. И Йеланд, и Валтор — потомки Дренлелора, и они вместе вызвали к жизни страшное проклятие. Я не очень-то следила за Ильдами в последние столетия и теперь понимаю, как сильно ошиблась. Не зная имени дарителя кольца, Дайр пытался сделать все возможное, чтобы не допустить исполнения пророчества. Он дал своим детям новое имя, но это ничего не изменило. Кровь есть кровь. Так далекий наследник Дайра вынудил потомка Имрэ сделать страшный шаг. Виноваты дети обоих братьев. И Малтэйры в слепой ненависти к Ильдам лишь приблизили исполнение пророчества и Закат Мира. Впрочем, моя вина не меньше. Не стоило мне, уйдя в изгнание, предоставлять людям судьбу Анборейи.

— Ты ушла в изгнание? — изумилась Тэсса. — Сама? Но почему? Почему ты покинула людей, перестала следить за ними, вмешиваться в то, что они творят? Они... мы давно уже не верим в тебя, — в горячности девушка забыла о всяком почтении. — Я сейчас говорю с тобой, но все равно до конца не верю, что весь этот сон — нечто большее, чем плод моего воображения. Но если все, во что верят жрицы, — правда, то как могла ты допустить такое?!

— Не думаю, что ты способна понять меня и причины, побудившие меня бросить Анборейю. Впрочем, возможно, мы еще вернемся к этому разговору.

— Когда? В следующем сне?

— Нет, — Маритэ взглянула на девушку, и во взгляде ее читалось искреннее сочувствие. — Когда ты придешь сюда.

— Но я и так здесь, — возразила Тэсса.

— Ты спишь в подземелье Храма в Унт-Рино, — напомнила богиня. — Путь же сюда нелегок и опасен.

— Кто бы сомневался! — пробормотала Тэсс.

— Но если хочешь спасти свой и мой мир, тебе придется его пройти, — Маритэ словно не заметила издевки собеседницы. — Не одной. Твой хранитель должен пойти с тобой. Впрочем, его-то просить не придется. В отличие от тебя, у короля выбора нет. Так уж устроены хранители, что интересы и безопасность хранимых для них важнее собственных. Ты же должна принять решение и сделать выбор.

— Но зачем? — все еще не понимала Лотэсса. — Разве ты не можешь прямо сейчас сказать, что от меня требуется? К чему мне лично тащиться куда-то за Грань, когда поговорить можно и во сне...

— Поговорить — можно, но не более того, — прервала ее Богиня. — Разговоры сейчас уже не помогут. Ты должна прийти ко мне!

— А ты сама не можешь ко мне явиться? — против воли Тэсс почувствовала что-то похожее на злость. — Так трудно оказаться в подвале Храма, выстроенного в твою честь?! — почти с издевкой спросила она.

— Не трудно, — Маритэ покачала головой. — Невозможно. Решив покинуть Анборейю, я отрезала себе путь назад. На судьбу своего мира я еще могу повлиять, но оказаться там — нет.

— Зачем ты это сделала? — девушка пребывала в величайшем недоумении. — Зачем лишила себя возможности жить в собственном мире?

— Такова плата за то, что я сотворила, — в голосе Странницы звучала уже не просто печаль, а самая настоящая боль.

— А что ты сотворила? — Тэсса уже ничего не понимала.

— Заклинание, способное повергнуть в небытие звездного путника, потребовало огромных сил и лишило меня немалой части могущества. Другим Хранителям Анборейи тоже пришлось пожертвовать частью силы, но никто из них не отдал столько, сколько я, спасая свой мир. Я вызвала силы, противные законам мироздания, сотворившим Странников бессмертными и не способными причинить вред друг другу. За нарушение этих законов я и плачу.

— Ладно, я сделаю, как ты скажешь, — решила Лотэсса. — Приду к тебе, спасу мир. Кстати, куда мне хоть идти? Где мы?

— Это не совсем Анборейя. Но попасть сюда можно лишь из одного места твоего мира. Тебе придется добраться до Граайи.

— До Граайи?! Но это невозможно! Никто никогда не достигал Граайи.

— Это не так, — мягко прервала ее Маритэ. — Тебе стоит порасспросить об этом Энлил. Я не обещаю, что путешествие будет легким, но все же достигнуть берегов Граайи реально.

— Ты pomoжешь мне? — без особой надежды спросила Тэсса Богиню.

— Валтор, твой хранитель, поможет тебе. И еще Энлил, шургатская ведьма. Кроме того, дар, которым я наделила тебя, также не будет бесполезен. Но все же этот путь тебе предстоит пройти самой. Ты готова, Лотэсса?

— А куда я денусь? — вздохнула девушка. — Значит, я должна просто прийти сюда? И это все?

— Прийти сюда не так-то просто, — напомнила Маритэ.

— Это я уже поняла. Но, может, от меня требуется что-то еще?

— Безусловно, — Странница шагнула к девушке. — Но об этом я расскажу тебе позже, когда мы встретимся в реальности. А пока возвращайся в Храм и поведай о нашей беседе владычице, королю и ведьме, — богиня подошла к Тэсс вплотную и коснулась ладонью ее лба, того самого места, где был злополучный треснувший топаз.

После этого вид перед глазами Лотэссы стал похож на скомканную поверхность зеркала. Последним, что девушка услышала, стали слова Маритэ:

— Возвращайся!

1Ро-энн — одна из самых распространенных интеллектуально-тактических игр, представляет собой диск с картой мира, по которому игроки перемещают фигурки,

изображающие три рода войск — пехоту, конницу и лучников. Правила ро-энн довольно сложны.

Глава 14

Нармин не спалось. Ее привычно мучили мысли о Лотэссе и о Валторе. И как так могло случиться, что бесконечно далекая от веры аристократка не только обладает даром Маритэ, но и превосходит по силе саму владычицу? Почему именно она?! Еще недавно в Храме все, начиная с Лавинтии, носились с Нармин, восхваляя ее ум и удачливость. А теперь? Теперь появилась избранная! И, конечно, о старшей жрице, привезшей в Храм короля и эту самую избранную, все тут же позабыли. Какая неблагодарность и несправедливость!

Нармин знала, что в эту ночь Лотэсса проходит испытание в подземелье Храма. Сама Маритэ должна явиться ей. Сознывая, что поступает не совсем правильно, старшая жрица все же изо всех сил молила богиню, чтобы та не почтила явлением новую избранницу. Хватит с Лотэссы Линсар того, что она самая красивая и знатная девушка Элара и королевская невеста в придачу. Если она станет еще и самой могущественной жрицей... Нармин даже думать об этом не желала.

Но неожиданное возвышение соперницы в глазах жриц было досадной мелочью по сравнению со скорым отъездом короля. Его величество собирался покинуть Храм через день после испытания зньи Линсар. Если в первые дни после прибытия Нармин упивалась внезапной славой и осознанием выполненного долга, то позже, с каждым днем все сильнее, ощущала страх приближающегося расставания с Валтором. Он уедет, так ничего и не узнав о ее любви. И вряд ли когда-нибудь вернется. Если надумает забрать Лотэссу, то пошлет за ней Торна или даже кого-нибудь попроще.

Девушка села на кровати. Мысли лихорадочно кружились в голове, сердце стучало как бешеное. Она его не отпустит! По крайней мере, не даст уехать, не сказав о своих чувствах. Что бы Валтор не ответил на ее признание, все будет лучше, чем вечное сожаление об упущенной возможности. Нармин быстро оделась, наспех провела гребнем по волосам и, задыхаясь от волнения, направилась к комнатам, что служили временным пристанищем короля. Дойдя до дверей, она решительно постучала, чтобы отрезать себя путь назад. Нармин не опасалась быть застигнутой другими жрицами. Все же ее авторитет в Храме был достаточно высок, и она полагала, что имеет право на личную беседу с королем в любое время без опасения бросить тень на свою репутацию.

На стук никто не отозвался. Ни единый звук не нарушил ночную тишину. Девушка постучала вновь, на этот раз еще настойчивей. И опять ни единого шороха. Неужели Валтор так крепко спит в тот момент, когда его драгоценная невеста проходит обряд? Даже не волнуется? С одной стороны, неожиданно безразличие короля к нареченной чрезвычайно порадовало жрицу, с другой — смутно насторожило. Как-то уж очень на него не похоже. Кроме того, Нармин было известно, что его величество закатил скандал, протестуя против испытания. Что-то здесь не так.

И вдруг мысль, острая и болезненная, как удар кинжала, пронзила сознание жрицы. Валтора нет в комнатах. Скорее всего, он отправился либо к владычице, требуя отменить или прервать обряд, либо прямо в подземелье — к Лотэссе, что гораздо хуже. Нармин решила начать проверку своей догадки с храмового подвала. Если она ошиблась, то к владычице всегда успеет сходить.

Старшие жрицы хорошо знали историю и предназначение подземелья. Не так уж часто туда кто-то оправлялся в надежде узнать волю богини, но каждой из девушек в ночь своего посвящения в сан старшей жрицы надлежало провести в подвале несколько часов. И, как правило, хотя бы раз за ночь кто-то из служительниц Маритэ проверял, как чувствует себя посвящаемая, наблюдая за ней в узкое оконце, находящееся практически у самого свода подземелья. Наблюдение за избранными, напротив, находилось под строжайшим запретом, поскольку являло собой таинство общения между Маритэ и ее избранницами. Но сегодня Нармин решила нарушить священный запрет. Почему-то в глубине души девушка была уверена, что Маритэ не снизойдет до лишенной веры Лотэссы Линсар. Вся эта история с могущественным даром казалась жрице ошибкой и нелепостью. Она лишь взглянет на Лотэссу, чтобы убедиться, что та одна в подземелье, и сразу же вернется.

Спускаясь по ступеням, ощущая холод и затхлость, исходящую от каменных стен, жрица чувствовала все меньше уверенности в том, что поступает правильно. Точнее, она была

уверена в обратном. Но она не находила в себе сил повернуть назад. Преодолев лестницу, у самого подножия Нармин свернула направо от двери, ведущей в подземелье, и вновь поднялась, на этот раз всего на несколько ступеней. Длинное узкое помещение, скорее напоминающее коридор, заканчивающийся тупиком, служило одной цели. Если стать на колени и прилечь к отверстию в полу, можно увидеть, что творится в подземелье. Жрица так и сделала.

За время пребывания в подземелье глаза Нармин привыкли к темноте, и она без труда разглядела картину, которую лучше бы не видеть. Король, ее возлюбленный Валтор, был там. Он полулежал на полу, сжимая в объятиях спящую Лотэссу. Жрица не могла разглядеть взгляда, которым король смотрел на свою нареченную, но зато прекрасно видела, как он склонился, чтобы нежно коснуться губами волос спящей девушки. У Нармин потемнело в глазах и перехватило дыхание от отчаяния и гнева. В этот момент Лотэсса во сне зашлась очередным приступом кашля, и страдание, исказившее лицо Валтора, страшной болью отозвалось в сердце жрицы.

Будь она проклята, эта Лотэсса Линсар! И никакие доводы благодарности больше не сдерживали Нармин. Да лучше бы она умерла тогда от рук чудовища, чем сейчас созерцать подобные сцены. И эта мерзавка еще строила из себя неприступную страдальцу, исполненную ненависти! А сама бегала к королю по ночам в гостиницах! И такую падшую девицу Лавинтия мечтает сделать жрицей, а когда-нибудь в будущем и владычицей? И это — избранница Маритэ?! Нармин, конечно, знала, что пресветлая Лавинтия, загоревшись мечтой о жрице на троне, не возражала против будущего брака Лотэссы с королем, но все же столь вопиющее попрание всего святого невозможно терпеть. Надо немедленно отправиться к владычице и раскрыть ей глаза. Пусть знает, во что превратила избранная ту ночь, когда ей надлежало ожидать явления богини.

Нармин не удержалась от искушения бросить последний взгляд на Валтора и его беспутную невесту и пожалела об этом. Лотэсса затихла, но, судя по всему, так и не проснулась, а король гладил ее по волосам и, склонившись к уху девушки, должно быть, шептал какие-нибудь глупые нежности, за любую из которых Нармин отдала бы жизнь. Не в силах терпеть дольше эту пытку, жрица почти что побежала по ступеням вниз, а затем вверх — к выходу из подземелья. Она задыхалась от быстрого бега и от душивших ее слез. Догадываясь о чувствах Валтора к Лотэссе, девушка утешалась лишь фактом неизменной холодной ненависти энии Линсар к его величеству. И вот теперь, когда совершенно неожиданно выяснилось, что и невеста отнюдь не равнодушна к будущему супругу, последняя надежда рассыпалась острыми осколками, царапающими душу.

Что ж, она хотя бы отомстит. Отомстит им обоим! Однако, выбравшись из подземелья, девушка задумалась, а стоит ли в такой час врываться к владычице, будить ее, чтобы пересказать возмутительную новость. Самое страшное уже все равно случилось, и факта взаимной привязанности Валтора и Лотэссы уже ничто не изменит. Узнав о вопиющем нарушении храмовых традиций, Лавинтия, естественно, тут же выставит его величество вон, чтобы вновь оставить избранную в одиночестве в надежде на явление Маритэ. А если богиня все-таки явится? И провозгласит что-нибудь о великом предназначении Лотэссы Линсар? Нет, Нармин такой расклад не устраивал. Пусть уж лучше сначала всем станет ясно, что Маритэ не снизошла до неверующей самозванки, а потом вдобавок старшая жрица раскроет владычице глаза на то, как и с кем провела ночь ее новоявленная любимица.

Рассудив подобным образом, жрица отправилась в свою комнату, но заснуть все равно не смогла — сидела на кровати и считала часы до рассвета. Когда взошло солнце, Нармин отправилась к владычице. Девушка не боялась нарушить покой верховной жрицы, потому как та тоже наверняка поднялась с рассветом, если вообще засыпала. Не каждый день предоставляется шанс узнать волю богини. Увы, узнать Лавинтии предстоит нечто другое, что совсем ее не порадует.

Как девушка и предполагала, владычица не спала. Ее даже не было в комнатах. Одна из младших жриц сообщила, что пресветлая Лавинтия еще затемно отправилась в Зеркальный чертог возносить молитвы Маритэ. Нармин поспешила туда же и застала владычицу коленопреклоненной перед образом созидательницы. Отрывать верховную жрицу от молитвы показалось девушке довольно дерзким поступком, но в то же время не обнаружить своего присутствия тоже было неправильно. Впрочем, все сомнения Нармин благополучно разрешились, ибо Лавинтия, услышав шаги, поднялась с колен и

направилась к вошедшей. Вроде бы она пребывала в добром расположении духа и вряд ли планировала распекать свою любимицу за то, что та явилась не вовремя.

— Нармин, девочка моя, — владычица словно светилась и даже казалась моложе. — Тоже не могла уснуть в такую ночь, столь важную для нас всех?

— Да, я не спала, — призналась девушка голосом, исполненным печали.

— Что ж, скоро мы все узнаем! — Лавинтия как будто не заметила скорбного тона собеседницы. — Я уже послала Дорину и Севастин за нашей бесценной Лотэссой. Жду не дождусь услышать, что она расскажет.

— Лучше бы вам этого не слышать, владычица! — воскликнула Нармин, вспомнив увиденное и вновь ощутив прилив боли и гнева. — Мне бесконечно жаль разрушать ваши светлые надежды, но увы, бесценная Лотэсса ничего не поведает кроме того, что провела эту ночь не в обществе богини, а в обществе мужчины!

— Что? — Лавинтия выглядела скорее непонимающей, чем разгневанной. — Какого мужчины?

— Валтора! То есть я имею в виду короля, — смутившись, поправились жрица.

— А ты откуда знаешь? — строгим голосом спросила женщина.

Лавинтия задала совсем не тот вопрос, к которому Нармин была готова. Только сейчас девушке пришло в голову, что, подсматривая, она нарушила один из строжайших запретов и теперь добровольно призналась в этом верховной жрице.

— Я... мне... — она начала, запинаясь, оправдываться, но продолжить ей не дали.

— Как посмела ты нарушить священное уединение избранной?! — лицо владычицы исказилось гневом. — Кем ты себя возомнила?

— Простите! — девушка чуть не плакала от осознания своего очередного промаха. — Вы вправе наказать меня, владычица. Я приму любое наказание. Но выслушайте!

— Что ты хочешь мне сказать, кроме того, что я уже услышала? — тон верховной жрицы стал еще более холодным и суровым.

— Разве этого мало? — Нармин совсем растерялась. — Она провела самую важную в своей жизни священную ночь с мужчиной!

— Не думаю, чтобы Лотэсса звала короля, — уже спокойнее отозвалась женщина. — Скорее всего, его величество, который изначально возражал против обряда, явился сам. Ты же знаешь, что дверь можно открыть снаружи. И никто испокон века не ставил стражей возле входа, ведь священное подземелье — не темница. Король не смог вынести мысли, что его невеста одна в темном холодном подвале. Он же не верит в Маритэ, ему нет дела до того, что столь важно для нас. Его можно понять.

— Можно понять?! — она не поверила своим ушам. — Он сорвал обряд! Помешал явлению богини!

— Никто не сможет помешать Маритэ, если на то не будет ее соизволения! — торжественно изрекла Лавинтия. — Если созидательница допустила присутствие короля рядом с избранной, значит, это входило в ее планы.

— То есть вы не имеете ничего против распутства этой самой избранной? — с горечью воскликнула Нармин.

— В конце концов, она провела время с тем, кто предназначен ей в мужья, — пожала плечами женщина. — Король влюблен в свою невесту. Тем лучше для нас, если мне все же удастся убедить ее стать жрицей. Признаюсь, девочка, отправляя тебя в Вельтану, я делала ставку на твою молодость и красоту. И, случись тебе покорить сердце короля, я бы не стала осуждать ваших отношений и уж тем более лишать тебя сана жрицы. Но вышло иначе. Для нас пока положение складывается довольно удачно, и не в последнюю очередь благодаря тебе, Нармин.

— А для меня? — не удержалась девушка. — Кто-нибудь задумался, как складывается положение для меня?

— А что для тебя? — теперь пришла очередь Лавинтии недоумевать.

— Строя далеко идущие планы на мой счет, вы даже не задумались о том, что я тоже могу полюбить... — жрица поражалась собственной дерзости, но отступить было поздно.

— Не задумывалась, это верно, — признала владычица. — Прости, девочка. Ты должна понимать, что интересы Храма и Маритэ превыше наших собственных радостей и страданий. Впрочем... — женщина в задумчивости умолкла на какое-то время, — не стоит тебе отчаиваться раньше времени.

— О чем вы? — не поняла Нармин, но сердце ее забилося сильнее и чаще.

— О Лотэссе, — Лавинтия роняла слова медленно, словно нехотя. — Я не устаю радоваться выпавшему шансу. Возможность посадить жрицу на трон дорогого стоит. Но в то же время я понимаю, что Лотэссе Линсар предстоит недолгое царствование. Остается лишь молить богинь, чтобы оно было плодотворным.

— Владычица, почему вы считаете, что она недолго будет королевой? — девушке не терпелось услышать ответ на вопрос. — Думаете, что опасения его величества рано или поздно оправдаются и Лотэссе все-таки убьют?

— Нет, — верховная жрица помотала головой в знак отрицания. — Надеюсь, что нет. Но наша дорогая будущая королева серьезно больна, и ты не могла не заметить...

— Больна?! — Нармин всплеснула руками. — Это вы про ее вечный кашель? Конечно, мне не удалось исцелить его, но думаю, что для вас врачевание подобного недуга не составило бы труда.

— Да будет тебе известно, я пыталась ее излечить, — с печальной торжественностью изрекла женщина. — Но мне это оказалось не под силу. Да что там мне! — она безнадежно махнула рукой. — При всей своей силе Лотэсса не смогла бы исцелить себя саму.

— Вы хотите сказать, что она умирает?!

— Увы, — Лавинтия скорбно вздохнула. — Конечно, это случится не завтра. Если будет на то воля богини, она проживет еще какое-то время и сможет принести много пользы... конечно, если нам удастся пробудить в ней веру и желание служить Маритэ. Бедняжка отмечена страшной печатью Изгоя!

— Печатью Изгоя?! — пораженно прошептала Нармин. — Но как же тогда она может служить Маритэ?

— Враг Анборейи наложил на нее проклятие, но разве это помешает ей сражаться против него? — опять речи, исполненные возвышенного пафоса, лились из уст верховной жрицы.

— Как Дэймор мог отметить печатью энью Линсар, если он много столетий назад канул в небытие? — девушке стало страшно.

— Отрекшегося Странника давно уже нет, — слова владычицы прозвучали успокаивающе. — Но до своего низвержения он оставил в мире следы своего пребывания. И в первую очередь это его создания, те, кого люди зовут тварями из-за Грани. Уж ты-то, Нармин, должна знать, вас этому учили, — строго сказала Лавинтия. — Мне ведь все известно про чудовище, охотившееся за Лотэссой. Надо полагать, именно это ужасное создание наложило проклятие на королевскую невесту.

— Но ведь Энлил тогда сумела исцелить ее, — возразила девушка.

— Если уж дар Маритэ бессилен против изгоевых чар, то жалкая темная магия и подавно, — столько презрения верховная жрица вложила в эти слова, что, казалось, она торжествует по поводу неудачи ведьмы. — Увы, болезнь Лотэссы нельзя ни исцелить, ни даже замедлить. Одно утешение: недуг не стремительный и сведет ее в могилу не

завтра. Все наши чаяния будут устремлены к избранной, пока она жива, но после ее смерти... — скорбное, наполненное смыслом молчание было призвано подчеркнуть значимость сказанного, — после ее смерти для Храма вряд ли возможен расклад более удачный, чем другая служительница Маритэ подле короля взамен ушедшей за Грань. За время правления Лотэссы ты должна приблизиться к королевской чете, стать правой рукой королевы, ее соратницей и подругой. Да, да! Не делай такое лицо. Теперь-то я понимаю, откуда в тебе эта плохо скрываемая неприязнь к королевской невесте. Ты должна оставить эти глупости, заслужить ее дружбу и доверие. И тогда, может статься, умирая, Лотэсса сама поручит короля заботам своей верной наперсницы, дабы ты смогла продолжать ее дело.

Нармин обратила внимание, что все речи владычицы подразумевают неперменное согласие Лотэссы и короля на жречество будущей королевы Элара. Очевидно, Лавинтия ни на секунду не сомневалась, что избранная не сможет уклониться от предначертанного пути. И как она все просчитала! Молодая жрица чувствовала, что владычица искренне жалеет Лотэссу, но это ничуть не мешало женщине строить планы на время после ее смерти. Впрочем, как раз эта часть плана Нармин полностью устраивала. Не то чтобы она желала смерти возлюбленной Валтора, но и убиваться по Лотэссе Линсар она не станет. Заслужить дружбу будущей королевы — тоже задача не из легких, но ради возможности остаться подле Валтора Нармин пойдет к сопернице в рабыни, не то что в подруги.

— Ну, дитя мое, — Лавинтия оторвала девушку от мыслей, — теперь ты все знаешь и вести себя должна соответствующе. Пока Лотэсса жива, как и каждая жрица Храма, ты должна возлагать на нее все свои помыслы и надежды. Когда же она умрет...

— Что тогда? — холодный властный голос разнесся по чертогу. — Что будет, когда энья Линсар умрет? Я смотрю, у вас далеко идущие планы не только на жизнь моей невесты, но и на ее смерть.

Король стоял у дверей. Он сложил руки на груди, а зеленые глаза, сейчас темные на бледном лице, смотрели на жриц так, что обе захотели оказаться как можно дальше отсюда, даже Нармин, для которой любая возможность видеть Валтора являлась счастьем.

— Ах, ваше величество, — пролепетала владычица, сейчас больше напоминавшая растерянную послушницу. — Возможно, недуг вашей невесты, которая мне не менее дорога, чем вам, обратим. Нет ничего невозможного для светлых богинь! Маритэ может исцелить свою избранницу, — уверенности в голосе прибавлялось с каждым словом. Похоже, Лавинтия, умела убеждать не только других, но и себя.

— Очень надеюсь, что она сможет, — тон короля ничуть не смягчился, а глаза сверкали холодным пламенем. — Вы, строя далеко идущие планы на мою невесту, не удосужились сообщить ни ей, ни мне о том, что ее болезнь смертельна. Вы планировали использовать ее в своих целях, заранее смирившись со скорой кончиной вашей избранной. Я этого не забуду и не прощу. Если Лотэсса Линсар умрет, от вашего Храма не останется и камня на камне, а от вашей веры — даже воспоминания!

Глава 15

В тюрьму Элвир решил сопровождать ведьму лично. Ему крайне важно было самому увидеть необычных узников и попытаться во всем разобраться. Идя за стражником по тюремным коридорам, протектор чувствовал себя неуютно — в первую очередь из-за спутницы. Может, Энлил и не чувствительная юная барышня, но все-таки женщина. Несмотря на тайну происхождения, Торн воспринимал ведьму как даму благородных кровей, утонченную и изысканную. А тюрьма есть тюрьма — грязь, вонь, брань стражников и заключенных. Однако Энлил вела себя так, словно ее ничего не смущает. Не морщилась, не подбирала брезгливо юбки, не отводила глаз, проходя мимо решеток. Ведьма шествовала по темнице с видом королевы, не особо удостаивая вниманием то, что творится вокруг.

Первой решили допросить старуху. Стражник отпер засов и толкнул дверь. Элвир ожидал увидеть худое всклокоченное создание, забившееся в угол и злобно зыркающее оттуда глазами. Вместо этого перед ними предстала плотненькая опрятная старушка со снежно-белыми волосами, убранными в скромную прическу. Прямо добрая бабушка из старых сказок, внука только не хватает или козочки говорящей. Женщина сидела на деревянной лавке, служившей постелью. Она окинула вошедших равнодушным взглядом.

— Мы хотим поговорить с вами, сударыня, — вежливо начал Торн. Особого смысла в церемониях при общении с простолюдинкой, да еще и убийцей, он не видел. Такое обращение являлось скорее данью привычке.

— Пришли, так говорите, — пожала плечами узница.

— Как вас зовут? — он знал, как зовут женщину, но все равно спросил — хотя бы для того, чтобы проверить, как она выглядит, когда говорит правду.

— Влана. Влана Ишен. Пришли допытываться, зачем я эту старую ведьму порешила? — в ее голосе не слышалось страха или подобострастия. Скорее уж, сквозило нечто похожее на презрение.

— Именно за этим, — протектору все меньше хотелось церемониться со странной старухой. — Итак, вы расскажете, почему решили убить соседку?

— Расскажу, отчего бы и нет, — Влана ухмыльнулась, и эта ухмылка на благообразном старческом лице смотрелась чуть ли не жутко. — Бависа та еще гадина была. Всю жизнь. Удивляюсь даже, как я раньше эту стерву за Грань не отправила. Боялась, — узница вздохнула. — И чего боялась, спрашивается? Она же слабая, что твой кузенчик, из яйца только вылупленный. Посмотрели б вы, как она верещала и задыхалась!

— За что вы ее убили? — не то чтобы Элвира сильно смущали подробности смерти старой женщины, просто сейчас важнее другое.

— За что? — в глазах узницы сверкнул шальной огонек. — Она всю жизнь мою загубила! Когда-то эта дрянь звалась моей подругой. Но даже тогда она обижала, унижала и высмеивала меня. Ее отец был мелким купчишкой, держал лавку в Торговой части, а мой — всего лишь башмачником. Бависа держала меня при себе, как собачонку — то пнет, то кость кинет. А я, дура, все терпела. Я была красивая, Бависа всю жизнь твердила, что я уродина. А потом увела моего жениха...

— Отчего же вы терпели такую подругу? — не выдержав, вмешалась Энлил. — Разве люди не вольны сами выбирать друзей?

— Бависа тогда была первой девицей на нашей улице, все за нею хвостом ходили и слушались — и девки, и парни. Богатая, пригожая, бойкая. Да кто против нее слово скажет, того травили, как кролика собаками. Так вот она все поставить сумела, стерва окающая. И Руджена моего захомотала и надо мной смеялась еще, что замуж вовек не выйти. И ведь не вышла же, — сказано это было без сожаления, скорее со злостью.

— Кто же вас содержал? — поинтересовался Элвир.

Одежда старушки и весь вид ее говорили если не о состоятельности, то хотя бы о среднем достатке.

— Так гадина эта и содержала, — Влана словно выплевывала каждое слово. — После смерти отца да без мужа я одна одинешенька осталась. Вот Бависа по старой дружбе и предложила прислуживать у нее — убираться, детей нянчить, на кухне помогать.

— То есть вы работали у нее служанкой? — уточнил протектор.

— Денег я от нее не видела. Считалось, что она мне, как подружке, одолжение делает. Я вроде как помогаю ей по дому, а она мне то еды подбросит, то платьем ношеным пожалует. Ну, иногда в долг давала и обратно не требовала. Зато уж и унижений я хлебнула сполна. Разве ж я могла ответить за обиды? Или уйти? Все сносила, все глотала. Годами! Всю жизнь! И каждый день смотрела на Руджена, который меня в угоду этой гнусной бабе мучил да в грязи вываливал. Как по-вашему, важные господа, не заслужила Бависа смерти?

— Если вы считали, что ваша подруга не достойна жить, то почему тянули с возмездием столько лет? — Торн наконец-то задал вопрос, который считал самым важным.

— Она мне не подруга! А самый что ни на есть главный враг во всей моей жизни. А терпела почему? Боялась. Сначала — одна остаться, потом — с голоду помереть.

— Куда же делся теперь этот страх?

— Не знаю, — старушка пожала плечами. — Просто поняла, что убить ее важнее всего. И пусть я сдохну. Думаете, я не знаю, что меня повесят? — узница с мрачноватой насмешкой взглянула на протектора. — Знаю, и мне плевать. И на вас мне плевать, важные господа. Не делайте вид, что хотите понять. Не поймете! Не поймете, как сладко мстить, когда больше не страшно! За один только миг, когда эта гадина извивалась и хрипела, вся красная от натуги. За ее выкатившиеся глаза и скрюченные руки — за это стоит умереть. Об одном я жалею: что не смогу пережить тот сладкий миг снова. Много, много раз... — глаза старухи стали безумными, ее собственные руки скрючились и то ли хватали, то ли царапали воздух.

— Да! — почти неслышно произнесла Энлил.

— Что? — Элвир обернулся к ведьме, но краем глаза все же следил за узницей. В таком состоянии она могла быть опасна.

— Магия, — прошептала колдунья, очевидно, не желая, чтобы Влана слышала, о чем они говорят. — Теперь я вижу очень ярко.

Торн кивнул и снова обернулся к старухе.

— Как я понимаю, раскаяния по поводу содеянного вы не испытываете и за жизнь свою тоже не боитесь. Кстати, вас не повесят.

— Да ну? — выражение лица стало почти осознанным. — Значит, сгноите в темнице? И пусть, — она махнула рукой. — Зато верный кусок хлеба до самой смерти мне обеспечен. И, сдается, горя и обид я здесь хлебну меньше, чем в прислужницах у Бависы.

— А случись вам оказаться на свободе, — на этот раз к женщине обратилась Энлил, — что бы вы стали делать? — при этом колдунья так пристально и странно смотрела на Влану, что Элвиру стало не по себе. Этот взгляд холодных и ярких голубых глаз встревожил его больше, чем давешние безумные корчи заключенной.

— Уж я-то знаю, что стала бы делать, — лицо старой женщины вновь перекошилось. — Теперь мне ведомо, что слаще всего. Чужая смерть! Видеть ее, слышать, чувствовать, упиваться... Я бы стала убивать, снова и снова...

— Кого? — хриплым голосом спросил Торн, окончательно утратив хладнокровие.

Старуха была поистине страшна. Речи, полные жадной крови, мутный взгляд, улыбка, напоминающая оскал. Благообразие, искореженное безумием, оказывается, способно напугать куда сильнее, чем Элвир мог себе представить.

— Кого угодно, — Влана расхохоталась. — Любого, кого достану. Мне плевать. Лишь бы хоть раз еще испытать этакое блаженство.

— Остается только порадоваться тому, что вы здесь, — мрачно хмыкнул Торн. — Что ж, все, что нужно мы выяснили. Оставляем вас упиваться жаждой крови — к счастью, за толстыми стенами и прочными решетками.

— Ступайте, важные господа, — хихикнула старуха. — И не думайте, что вас защитят решетки и стражники. Найдутся те, кто выпьет до капли и вашу жизнь. Жаль лишь, что не я.

После Вланы Ишен они посетили еще двух заключенных, но испытать удивление и омерзение более сильное, чем от посещения старухи, Торну и Энлил было не суждено. После допроса протектор с колдуньей уединились в одном из помещений, принадлежавших начальнику тюрьмы, чтобы обсудить увиденное.

— Итак, что вы там увидели? — сразу же приступил к расспросам Элвир.

— Магическое сияние вокруг каждого из этих троих. Причем оно становится то сильнее, то слабее. Чем безумнее вели себя люди, тем ярче вспыхивало сияние. Вполне возможно, что все как раз наоборот: чем больше магическое воздействие, тем сильнее проявляется безумие. В любом случае, мы теперь знаем, что их бешенство связано с колдовством. Остается лишь понять, почему чары не постоянны.

— На мой взгляд, куда важнее понять, кто эти чары наложил и, главное, зачем, — мрачно произнес Торн.

— Зачем? — загадочно усмехнулась Энлил. — Так сложно догадаться! Зачем делать людей обезумевшими убийцами? Затем, чтобы они убивали, держали в страхе, сеяли панику. Не думаю, что сильно ошибусь, предположив, что с каждым днем таких вот сумасшедших будет все больше и больше.

— А пример слуг в доме Дорелла говорит еще и о том, что они могут действовать сообща, — воспоминание о прислуге покойного эна Иглиса ухудшили и без того мерзкое настроение протектора.

— Кстати, что там с ними? — поинтересовалась женщина. Колдунья выглядела чересчур спокойно, и Элвира это злило. — Удалось, кого-нибудь изловить?

— Нет, — Торн отвернулся к окну. — Стража доложила, что в Ночной части появилась новая разношерстная банда. Подозреваю, что это наши недобрые знакомцы.

— Так пусть их изловят, — пожав плечами, предложила ведьма.

— А вы считаете, это так легко? — он понимал, что срывать злость на Энлил — последнее дело, но сдерживался с трудом. — Будь это так, в Ночной части не ошивались бы шайки разбойников, да и во всей Вельтане не было бы грабежей, убийств и тому подобного. Может, вы спустите на них своих теней? — с издевкой предложил он.

— Я могла бы, но... — вновь этот холодный, почти страшный колдовской взгляд, — во-первых, тени умеют убивать. Как я понимаю, в данном случае это не препятствие, а, напротив, желательный результат, даже когда речь идет о женщинах, стариках и детях, — она не спрашивала, а скорее утверждала. — Во-вторых, если дать теням такую силу, их будет сложнее удерживать... даже мне. А тени, получившие свободу, немногим лучше безумных убийц. Даже хуже — потому что сильнее.

— Нет уж, магии с нас достаточно. Пытаться уничтожить одно колдовство с помощью другого — не самая разумная идея. Попробуем справиться своими силами. Устроим рейд в Ночную часть.

— Сделайте это, — серьезно сказала Энлил. — Эти люди страшнее всех прочих банд и шаяк. Они как зараза. И худшее место, где они могут оказаться, — кварталы воров и убийц.

— Энлил, вы серьезно предлагаете убивать женщин и детей? — недоверчиво спросил протектор.

— Серьезно, — кивнула она. — Вы же видели ту старуху! Она уже не совсем человек. Впрочем, думаю, что все эти жертвы чужой жестокости изначально были слабы и

озлоблены, а потому и оказались легкой добычей для темных чар. Чтобы разобраться до конца, мне нужен один из этих безумцев в полное распоряжение. Не смотрите на меня так! Пытать я его не планирую. Но и сейчас решусь предположить, что магия не меняла сущности этих людей, она лишь усилила одни присущие им черты и стерла другие.

— Стерла страх, усилив ненависть, — высказал догадку Торн.

— Вот именно, — согласилась женщина.

— Вы полагаете, околдованные понесут темную магию, как заразу, и она будет липнуть к таким, как они?

— Может, и так, — задумчиво проронила Энлил. — Но вы плохо знаете людей, если думаете, что им обязательно нужны чары, чтобы следовать за безумцами. Безумие заразительно само по себе.

— Догадываюсь, — проворчал уязвленный протектор. — А вы-то людей откуда так хорошо знаете? Мне казалось, особенности вашего ремесла...

— В любом ремесле, если хотите добиться успеха, нужно знать людей. В вашем это особенно важно, но и в моем без знания человеческой природы не обойтись.

— Верю, — сдался Элвир. — Не обращайтесь на меня внимания. Я просто не в духе.

— Могу понять, — в голосе колдуньи прозвучало сочувствие.

— Знаете, Энлил, — решил протектор, — вы, пожалуй, езжайте во дворец, если устали, но лучше к коменданту. Расскажите ему обо всем, что мы узнали из беседы с убийцами. А я, пожалуй, пройдусь немного. Мне нужно побыть одному, все обдумать. Во дворце или в комендатуре слишком много дел. Позже я сам заеду к дэну Итону.

Расставшись с колдуньей, Элвир покинул тюрьму, не особо задумываясь о направлении. Он действительно чувствовал необходимость пройтись пешком, полностью отдавшись на волю бурного потока тягостных мыслей. Позабыв о времени, не обращая внимания на то, что творилось вокруг, Торн шел все дальше и дальше по улицам чужого, в общем-то, ему города. Через какое-то время он внезапно ощутил, что совершенно вымотан душевно и физически. Теперь к тягостным размышлениям добавились прозаичные усталость и голод. Элвир решил зайти в первый попавшийся трактир, и вскорости ему представился такой случай.

Таверна называлась «Девять мечей» и представляла собой далеко не худшее заведение такого рода. Внутри все было довольно чисто и опрятно, посетители не выглядели подозрительными типами, но, главное, витавшие в воздухе запахи еды вызвали аппетит, а не тошноту. Протектор присел у стола и заказал несколько блюд у расторопно подскочившего трактирщика. Дожидаясь, пока еда будет готова, Торн от скуки обвел глазами зал. Не так уж много было посетителей, и в основном это были довольно приличные обыватели, если не считать троицы, восседавшей за длинным столом у окна. Эти больше походили не на добропорядочных мещан, а на разбитных гуляк, разжившихся деньгами.

К веселой компании подошла хмурая трактирная девица. Хорошенькой служанку даже с натяжкой нельзя было назвать, и троица тут же начала изгаляться на эту тему, стараясь перещеголять друг друга в островах, по большей части злобных и туповатых. Бедняжка стояла и молча выслушивала все эти гадости, опустив глаза и беспрерывно теребя передник.

— Ну же, красотка, улыбнись! — настаивал один. — Растяни ротик на зависть окрестным жабам и покажи нам гнилые зубки. Или ты у нас беззубая?

Элвир ощутил что-то вроде сочувствия к девице, которая не виновата, что богини обделили ее красотой, и решил урезонить разошедшихся молодчиков. Он уже было поднялся, когда увидел, что служанка схватила со стола нож и с размаху вогнала его в шею одному из веселых кутил.

Глава 16

«Энлил, мне нужно поговорить с вами».

Сейчас свиток находился у женщины по причине чрезвычайной занятости протектора, ставшего свидетелем очередного безумного убийства. Торн с дэном Итоном работали над организацией рейда в Ночную часть. Понятное дело, что им не до переписки, пусть и с самим королем. Но король-то как раз хочет поговорить с нею.

«Да, ваше величество. Что у вас нового? Как прошел тот странный обряд?»

Энлил решила не мучить короля вельтанскими новостями, по крайней мере, в начале переписки.

«Энлил, вы говорили, что не верите в богинь, — вместо ответа написал Валтор. — Вы уверены в том, что Маритэ, ее сестры и Хранители — всего лишь выдумка?»

«Мы никогда и ни в чем не можем быть уверены до конца. А уж в свете последних событий я готова допустить все, что угодно».

Интересно, к чему он спрашивает? Неужели длительное пребывание в Храме и треснувший камешек в венце, напыленном на Лотэссу, смогли поколебать неверие владыки Элара? Или...

«Обряд состоялся, так ведь? Значит, богиня все же снизошла к энье Лотэссе? В этом причина вашего вопроса?»

«Вы правы. Обряд состоялся. Маритэ не снизошла до личной встречи, но явилась Лотэссе во сне, потребовав ни много ни мало — спасти мир. Владычица Храма, разумеется, отнеслась ко всему этому с чрезвычайной серьезностью. Но стоит ли доверять снам, пусть и очень похожим на реальность?»

Колдунья задумалась. Тени говорили, что Лотэсса Линсар — единственная, кому дано изменить судьбу мира. Но даже и после этого не могла Энлил поверить, что дело сведется к древним богам, существование которых ею не столько отвергалось, сколько было безразлично. А теперь выходит, что Маритэ требует от девочки того, что вроде как и является ее предназначением. Все становится на свои места, мозаика складывается, но до чего же странно. Однако король ждет ответа.

«Я, право, не знаю, что сказать на это. До сего момента все эти древние боги казались мне не более чем легендами. Но то, что судьба Лотэссы Линсар связана с судьбой Анборейи, — это я знаю четко. И если уж на вашу невесту возложено такое бремя, то так ли важно, по чьей просьбе или требованию она выполнит свое предназначение? С учетом всего, что происходит в последнее время, я готова признать существование не только Маритэ, но и Изгоя, которого дойцы так любят поминать. Но чего хочет богиня от эньи Лотэссы?»

«Совершенного безумия! Маритэ, явившись во сне, потребовала, чтобы Лотэсса отыскала ее на Граайе. Туда же невозможно попасть!»

«Это не совсем так, — Энлил не была уверена, что вправе раскрывать одну из священных тайн, связывающих братство сильнейших магов Шургата, но молчание в сложившейся ситуации ей представлялось еще большей ошибкой. — Путь до Граайи тяжел, и немногим под силу пройти его, и все же он есть».

«Вы уверены?»

«О да! Ведь я сама прошла когда-то по этой дороге. И, вопреки всеобщему убеждению, вернулась, — ну, вот она и сказала это. И ничего страшного не последовало. Значит, она все сделала правильно? — Путь до Граайи начинается на острове Ай-Халла, и по нему прошли все, кто желал обрести истинное могущество. Конечно, желающих всегда больше, чем способных получить желаемое. Не один маг погиб, пытаясь попасть на Граайю. А некоторые, попав, не пожелали вернуться. И все же добраться до Граайи возможно. И раз уж сама Маритэ пригласила Лотэссу туда, думаю, она будет хранить вашу невесту на протяжении столь трудного пути».

«Вы не перестаете удивлять меня, Энлил. Интересно, как много еще тайн вы храните. Остается надеяться, что их раскрытие не обойдется вам слишком дорого. Значит, вы всерьез полагаете, что Лотэсса должна отправиться на Граайю? Признаюсь, я рассчитывал услышать обратное. Разве это не безумие?»

«Разве не безумие все, что происходит вокруг? — спросила в ответ женщина. — Тени ведь сказали, что с дома забытых владык начнется дорога к спасению. Начнется, но далеко не закончится. Я склонна думать, что Лотэсса должна покинуть Храм. Впрочем, если желаете, я снова спрошу тени».

«Не стоит, — к удивлению Энлил, ответил король. — Нет никаких оснований доверять теням больше, чем Маритэ. Все они — непостижимые создания, правдивость которых невозможно проверить. Меньше всего на свете я хочу, чтобы Лотэсса уходила из Храма, где, несмотря на глупости верховной жрицы, находится в безопасности. Но если это неизбежно... Вы ведь понимаете, что я не смогу отпустить ее одну?»

Конечно, не сможешь, вздохнула про себя Энлил. Ты же ее хранитель. Да уж, теперь королю предстоит решение более сложное, чем несколько недель назад. Впрочем, у него нет выбора. Теперь уже точно нет.

«Понимаю. И, если вспомните, тени сразу сказали, что вернетесь вы не скоро. Ваша дорога — рядом с Лотэссой Линсар. А здесь... Здесь мы уж сами как-нибудь попытаемся справиться».

«Что творится в городе?» — король задал самый неприятный вопрос, которого Энлил опасалась с начала переписки.

Как можно сдержанней, без лишних подробностей, но и не утаивая ничего важного, женщина поведала о ситуации. Надо же, столько лет была далека от политики, а теперь лично рапортует монарху о состоянии дел в столице. Впрочем, когда заняты все, включая даже Альву, переложить эту неприятную обязанность не на кого. Рассказывая, Энлил искренне жалела короля, понимая, каково тому осознавать, что в столь сложное время он далеко и не в силах ни на что повлиять. Но если уж человек волею судьбы или по собственному решению становится хранителем, то ничто не сможет заставить его пренебречь этим долгом. Однако это не значит, что все, от чего он отказался, не будет мучить его. Сейчас она может лишь поддержать короля в его непростом выборе да взять на себя сложный разговор с Торном. Хотя у последнего сейчас тоже хлопот и поводов для переживаний более чем достаточно.

«Вы ведь поможете Элвиру, правда, Энлил? Раз дело касается магии, ваша помощь может оказаться неоценимой», — вроде как просьба, но женщина чувствовала в этих словах скорее повеление.

Она не принимала на себя обязанностей придворного мага. Его величество не вправе чего-то требовать, хотя понять его можно. Но и он должен понять, что она не всесильна.

«Цена магического вмешательства может оказаться слишком высокой. Моих способностей не хватит, чтобы пресечь это безумие, а тени могут вырваться из узды, если дать им слишком много воли и силы. Но я попробую сделать все возможное, — лучше уж обнадежить хоть так, чтобы у монарха было меньше поводов впадать в отчаяние. — Я сосредоточу свои силы на поиске источника темных чар. Не удивлюсь, если виновником окажется тот самый на'ари, который преследовал энью Лотэссу и убивал людей по ночам».

Пытаясь успокоить короля, женщина отлично понимала, что на данный момент понятия не имеет, как подобраться к темному созданию и уж тем более — каким способом его можно одолеть. Если попытаться уничтожить тварь с помощью тех же теней, она непременно утратит над ними власть. Ибо змеехвостый на'ари, без всяких сомнений, очень силен, а заполучив подобную силу, тени уже никому не станут подчиняться. Но разъяснять все эти детали его величеству Энлил, конечно, не стала.

«Мне жаль, я ничем не могу вас утешить, но все же уверена, что вы должны сопровождать энью Линсар на Граайю, — писала она. — И сейчас настало время разъяснить, как именно вы сможете туда попасть. Дорога до Граайи начинается на Шургате, точнее, на острове Ай-Халла, который, по сути, является частью Циира.

Добраться до Ай-Халла вы сумеете и без меня. Там же, в городе Ни'имэ, найдете человека по имени Ашейли. Он мой учитель, мой друг и мой враг. Назовите ему мое имя и расскажите все, что знаете. Почти уверена, что он не откажет вам в помощи. Полагаю, он не хуже меня осведомлен, насколько зыбко сейчас положение мира. Ашейли — сильнейший колдун. Не слишком приятно это осознавать, но намного сильнее меня. Он сможет разобраться, является ли Лотэсса Линсар той ниточкой, что сможет удержать Анборейю над бездной, или мы все заблуждаемся на ее счет. Если я, верховная жрица и эта ваша древняя богиня не ошиблись в ее предназначении, Ашейли проводит вас до Тропы безумных ветров, что берет свое начало в пустыне и заканчивается у побережья Темного моря. Если вы преодолеете этот путь, то у берега вас будет ждать корабль, плывущий до Граайи».

«Но разве нельзя обогнуть остров по берегу? Ведь, по сути, между Морем Туманов и Темным морем нет четких границ. Почему бы сразу не пристать к южному побережью Ай-Халла, раз оттуда, как выяснилось, ходят корабли до Граайи?»

«Корабли оттуда не ходят, — Энлил поспешила разочаровать собеседника. — Ходит единственный корабль, который присылают с Граайи за теми, кто сумеет пройти Тропой безумных ветров. И, поверьте, сумевших не так уж много. Об этой дороге и знают-то единицы. Лишь самые одаренные из магов решаются отправиться в столь опасный путь ради возможности получить знания, которые введут их в круг сильнейших колдунов моей родины. Многие переоценивают свои силы и пропадают навечно».

«Вы рассказываете такие вещи и полагаете, что я позволю Лотэссе хоть одной ногой ступить на эту проклятую Тропу? — женщине почудилось, что она слышит возмущенные интонации в речи короля, хотя бумага, даже волшебная, не способна передавать эмоции. — Положим, вы смогли пройти этот путь, но вы, Энлил, могущественная ведьма, а Лотэсса, будь она хоть трижды избранная, если и обладает какой-то силой, то не умеет ею пользоваться».

«Пусть верховная жрица займется ее обучением. И, в конце концов, есть еще эта ваша Маритэ. Если богиня требует, чтобы девочка явилась к ней, пусть позаботится о безопасности своей избранницы и хранит ее в пути. Кроме всего прочего, у Лотэссы есть хранитель. Я имею в виду ваше величество. Правда, прежде не случалось, чтобы Тропой безумных ветров прошли сразу двое, но раньше и мир не оказывался на Грани. Сколь бы заносчивы не были граайцы, кем бы себя ни мнили, но они — не боги. И Закат мира им не пережить, сколь бы далеки они ни были от простых смертных. Конечно, не все зависит от жителей Граайи. Когда-то давно по собственной воле они решили, что всякий желающий попасть к ним должен доказать, что достоин этого. Идея проводить возжелавших великих сил и знаний через Тропу безумных ветров показалась граайцам довольно забавной, а потому другой возможности попасть к ним нет. И все же я почему-то уверена, что вы с Лотэссой сможете одолеть этот непростой путь».

«Может, вы хотя бы расскажете мне побольше об этой самой дороге безумных ветров? Что они вообще такое? И главное, каким образом вы смогли пройти этот путь, Энлил?»

«Я не знаю, — ответила женщина, и это было чистой правдой. — Прошедшие испытание не помнят подробностей. Это закономерно. Иначе наставники заранее рассказывали бы ученикам обо всех ловушках и учили, как их обойти. Я точно знаю, что проходила Тропой безумных ветров, но в воспоминаниях осталось лишь ощущение страшного сна, который, проснувшись, не помнишь, но от всей души радуешься пробуждению».

«Что это вообще за ветра такие? Это образное название?»

«Увы, нет. Безумные ветра — не легенда и не образ. Что они такое, даже мне не так просто понять. Бестелесные разумные сущности, одержимые жаждой мучить. Каким образом ветра обрели свой злобный разум — загадка, которую, впрочем, никто не хотел разгадать настолько сильно, чтобы сунуться к ним по доброй воле. Мне жаль, что вам придется столкнуться с ними. Остается лишь верить, что и для вас с Лотэссой когда-нибудь это путешествие превратится в смутный страшный сон, который закончился».

«Пока он даже не начался. И, по правде сказать, не страшные сны и безумные ветра тревожат меня сейчас сильнее всего. Позже я до конца осознаю и осмыслю все сказанное вами. Но сейчас даже сильнее событий в столице меня гложет болезнь Лотэссы. Владычица сказала, что ее недуг смертелен».

Выходит, зря она хранила страшную тайну. Король все равно узнал, да и девушка, наверное, тоже. Что ж, неудивительно, что жрица увидела то же, что и Энлил — страшное магическое проклятие. С другой стороны, быть может, ей давно стоило сказать? По крайней мере, теперь признаваться, что она давно все знает, нет смысла. Лучше узнать мнение жрицы.

«И что владычица сказала о болезни эньи Лотэссы?» — спросила колдунья.

«Что это проклятье Изгоя, которое она не в силах излечить. Остается, мол, лишь надеяться на милость Маритэ к своей избраннице. Неужели нет других способов, Энлил? — на этот раз в словах короля женщине почудилась мольба. — Ваши тени тогда исцелили раны на руках Лотэссы. Неужели они не способны спасти ее от смерти? Вы же много раз спасали больных!»

Спасала, было дело. Но не от недугов, вызванных проклятиями. Изгой ли, на'ари ли наградил девочку этим жутким кашлем, помочь ей не так-то просто. Впрочем, один способ есть, хотя вряд ли королю он придется по душе.

«Ваше величество, помощью теней я в этом случае воспользоваться не могу. Слишком велика будет плата. Тени попросту высосут из Лотэссы вместе с проклятием всю жизненную силу. Есть, правда, еще один способ, но не уверена, что вы сочтете его приемлемым. Это традиционная шургатская магия, которую вы на Дозье так не любите и боитесь».

«Я сейчас уже ничего не боюсь сильнее, чем смерти невесты. Подойдет любой способ ее исцелить. Режьте животных, сжигайте их внутренности на огне, щедро поливайте все это кровью — мне все равно! Лишь бы Лотэсса жила!»

«Убивать придется не животных и, главное, не мне» — кратко ответила Энлил, ожидая реакции короля.

«Что вы хотите сказать?»

«Чтобы отвести смерть от обреченного, нужно дать ей иную жертву. И животные здесь не подойдут. Только человек, причем убитый не колдуном, а тем, кто жаждет выкупить чужую жизнь. Собственное спасение такой монетой оплатить нельзя, иначе большинство обреченных стали бы убийцами. Тем более что на Шургате человеческая жизнь ценится меньше, чем у вас. Значит, принести кого-то в жертву ради исцеления эньи Лотэссы придется вам, ваше величество. Вы готовы пойти на такое?»

«Готов, — после недолгого молчания ответил он. — Не скажу, что это будет легко, но я сделаю все, что угодно, чтобы спасти ее. Жертва имеет значение? Могу ли я выбрать человека по своему усмотрению?»

«Конечно, желаете убить преступника, и хорошо бы — приговоренного к смерти. В принципе, такое возможно. Убийство невинного, к счастью, не является обязательным условием. Однако одно условие все-таки есть. И оно вам очень не понравится. Вы хотите спасти женщину, значит, и убить должны женщину. Понимаю, с доэйским отношением к женщинам и представлениями о чести это очень тяжело. В худших условиях оказываются лишь те, кто жаждет спасти ребенка».

«Это ужасно, — на сей раз король молчал дольше. — И все же я не откажусь».

«Что ж, тогда мне остается лишь дожидаться вашего возвращения в Вельтану для проведения ритуала. Хотя кто знает, может, богиня и в самом деле вмешается и избавит вас от страшного выбора. А вообще, если честно, я даже немного завидую энье Лотэссе, несмотря на смертельную болезнь и обрушившуюся на ее плечи ответственность за судьбу Анборейи, — неожиданно призналась Энлил. — Вы ради нее готовы бросить трон, сунуться в самое страшное место мира. Готовы умереть и убить!»

«Вы правы, Энлил. Ради Лотэссы я пойду на все. Однако я не в силах дать ей одного. Того единственного, чего она ждет от меня. Я не могу ее отпустить!»

Глава 17

Итон нервничал, хотя облавы в Ночную часть ему приходилось устраивать не впервые. Дело это весьма неблагодарное, потому как всех воров и разбойников все равно не переловишь. С другой стороны, навести иногда шороху в пристанище всякой швали не мешало, особенно когда те чересчур нагтели. На какое-то время после таких рейдов стражи в Ночной части становилось тихо и спокойно, как в Дворцовой или Светлой. А потом все постепенно возвращалось на круги своя.

Но сегодняшняя вылазка беспокоила столичного коменданта сильнее, чем обычно. Стражники, патрулирующие Ночную часть, доложили, что разношерстное сборище странных людей недавно обосновались в одном из трактиров, практически захватив его. Местные, попытавшиеся поставить наглых пришельцев на место, очень быстро отказались от этой идеи. Новички все как на подбор, включая пожилых людей и женщин, отличались какой-то сверхъестественной злобой, успешно заменявшей им силу. Старожилы очень быстро сообразили, что странных пришельцев лучше не трогать, а кое-кто из неприкаянных даже решил присоединиться к стихийно возникшей шайке. Итон почти не сомневался, что речь идет о сбежавших слугах Иглиса Дорелла.

Хлопнула дверь, пропуская протектора. Эн Элвир вознамерился принять личное участие в рейде. Как правило, Карст сам не участвовал в подобных облавах, но сегодня, как и Торн, решил поехать со стражниками: повод выдался слишком уж значимый.

— Ну что? — голос протектора был бодр, но при этом донельзя мрачен.

— Все готово, — коротко отозвался комендант. — Мы можем ехать.

Оба мужчины торопливо вышли, на ходу запахивая плащи. Предутренняя Вельтана окутала их особенно густой тьмой и осенним холодом. Торн явился в сопровождении гвардейцев. Как только миновали Старую часть, к ним присоединился довольно внушительный отряд стражи. Хоть час был такой, что спят даже трудяги, не говоря о знати, все равно Итон переживал, что явление на столичных улицах столь многочисленного вооруженного отряда вызовет совсем ненужные толки. Однако прохожие почти не попадались, что несколько успокаивало коменданта, чьи нервы были взвинчены до предела.

Дорога до Ночной части заняла около часа. Зато уж там их заметили довольно быстро. Ночная часть на то и ночная, что в темное время суток здесь вовсю кипела жизнь. При виде стражников и гвардейцев всяческие подозрительные субъекты, шляющиеся по улицам группами и в одиночку, спешили убраться. Естественно, кто-то из них разнесет по всем окрестностям слух об облаве, но это уже не имеет значения, поскольку конный отряд в любом случае быстрее доберется до злополучного трактира.

Трактир носил сомнительное название «Грязное золото» и пользовался самой что ни на есть дурной славой еще до вторжения кучки помешанных убийц. Воины и стражники быстро и организованно оцепили довольно ветхое на вид двухэтажное здание. Во дворе, как ни странно, не было ни одного человека. Если внутри кто-то и смекнул, в чем дело, то явно не спешил этого проявить. Никто не пытался занять оборону или, напротив, бежать.

К протектору подъехал капитан гвардейцев.

— Эн Торн, живыми брать или как? — голос звучал чуть лениво, в нем ощущалась уверенность и осознание собственного превосходства.

Молодчик, очевидно, полагает, что все так просто и рейд в Ночную часть — лишь способ развеять дворцовую скуку. Итон дорого бы дал за то, чтобы сей самоуверенный дайриец оказался прав, но близкое знакомство с обстоятельствами дела напрочь лишало его иллюзий.

— Живыми брать только женщин, — жестко распорядился протектор. — И то без фанатизма. Видел я, на что способны такие дамочки. Не геройствуйте зря. При необходимости убивайте даже женщин и стариков. А мужчин и подавно, им все равно одна дорога — на виселицу.

— А детей? — тихо спросил Карст.

Гвардеец удивленно вытаращился, а Торн выругался.

— Детей постарайтесь не убивать, — распорядился он. — Но «не убивать» не значит «не трогать»! Не должно остаться ни одного выродка. Ни одного! Пусть кто-то умрет этой ночью, кто-то окажется в тюрьме, но по улицам Вельтаны они больше шлаться не должны.

Как только капитан гвардии, получивший распоряжения, отъехал, комендант поймал себя на том, что собирается двинуться следом. Протектор удержал его, схватив коня под уздцы.

— Куда вы собрались, дэн Итон? — прищурившись, спросил Торн. — Опять рветесь в гущу битвы? Вы же понимаете, что ваше место здесь, как и мое. Предоставьте действовать своим людям. Они не нуждаются в том, чтобы вы вдохновляли их личным примером.

— Я понимаю, — Карста злил тот факт, что ему указали, где его место, но в то же время он осознавал, что протектор прав. Нет у них обоих права рисковать собой, особенно сейчас.

Первыми в трактир ворвались стражники, более привычные к схваткам такого рода. Гвардейцы частично держали оцепление, частично последовали за стражей. Итон понимал, что в тесном пространстве трактира меньшему количеству нападающих было бы проще развернуться. С другой стороны, они с Торном успели сделать выводы о недюжинной силе и злости бывших жертв чужого произвола. Может статься, лишь численное превосходство обеспечит им успех.

Со стороны здания донесся грохот, затем послышались крики, в том числе женские, от чего коменданта передернуло. Как же сложно оставаться на месте. Итон украдкой глянул на Торна. Протектор был подобен изваянию, словно все происходящее внутри его не касалось. И все же Карст чувствовал напряжение, исходившее от спутника, внешне никак не проявляемое, но от этого не менее явственное.

Дверь хлопнула, и с крыльца спрыгнул мужчина, размахивающий тесаком. Черты лица искорежены злобой, но не страхом. Безумец бросился на одного из гвардейцев, стоявших в заслоне. Даже бывалого воина жуткий вид этого существа привел в замешательство. Пусть секундное, но оно стоило гвардейцу жизни. С точностью, которой трудно ожидать от одержимого, выродок полоснул своим оружием по незащищенной шее противника. Воин упал, захлебываясь кровью. И вот уже к безумцу бросились товарищи убитого, нанося удары со всех сторон. Но тот был словно заколдован. Не защищенный доспехами, исколотый мечами, он продолжал бешено вертеться, движимый одной целью — достать как можно больше противников. Он не защищался, а нападал, и благодаря этому продержался дольше, чем можно было ожидать, умудрившись даже ранить трех гвардейцев. Одному из них косой удар тесака рассек лицо и мог стоить жизни. В конце концов одержимого все же прикончили. К тому моменту на нем почти не осталось живого места. Даже падая, уже ослепленный кровью, залившей лицо, безумец продолжал бороться. Он сумел полоснуть тесаком, которого так и не выпустил из рук, по ноге одному из нападавших. Причем удар, сначала показавшийся скользким, оказался очень силен. Гвардеец взвыл и рухнул, хватаясь за колено. Вывод следовал только один: эти чудовища очень дорого продают свои жизни.

Из трактира выбежали еще двое. Теперь, уже понимая, что даже вооруженный воин может проиграть в противостоянии один на один, на каждого безумца бросилось несколько гвардейцев. Причем на сей раз они вели себя осторожнее, стараясь не подставляться под удары топора и меча, явно отнятого у кого-то из стражников.

И вновь распахнулась дверь, на этот раз выпуская одного из стражников, на котором повисла женщина. Вроде бы молодая и, возможно, даже привлекательная, но сейчас это абсолютно невозможно было разглядеть за маской смертельной злобы, исказившей ее черты. Стражник крепко держал бешеную поперек туловища, а та полосовала ему лицо когтями. Сложно было понять, кто из этих двоих — отбивающаяся жертва. Внезапно женщина извернулась и впилась зубами в шею противника. В этот момент она напоминала шаэлу — кровопийцу из страшных сказок, которыми запугивала Итона в

детстве старшая сестра. Жуткая, всклокоченная, с перепачканным кровью лицом, на котором застыло выражение безумного наслаждения. Мужчина разжал руки, споткнулся и полетел вниз с крыльца, увлекая за собой так и не разжавшую челюстей мучительницу. Карст многое повидал в своей жизни, но от этой сцены его замутило.

Теперь люди покидали здание не только через дверь, но и через окна, выбитые в ходе бушевавшего внутри побоища. Причем далеко не каждый из них бросался на гвардейцев, которые и так почти поголовно были заняты в драке. Кто-то из выбравшихся просто пытался бежать, натываясь на заслон конников, перед которыми стояла задача не выпускать никого. Итон с Торном довольно быстро пришли к выводу, что бегущие и дорожащие своими шкурами — это не слуги Дорелла, а просто прибывшее к ним отребье. Эти хотели жить, ибо ими не двигал бешеный угар, напрочь лишающий инстинкта самосохранения. С такими гвардейцы расправлялись без проблем, не церемонясь. Битва с жалкими ничтожествами внезапно оказалась куда серьезнее, чем войны могли ожидать. Изумленные, взбешенные, потерявшие нескольких товарищей, меньше всего гвардейцы были склонны к милосердию. Тем более, сражались они не с рыцарями, а со какой-то рванью. Бегущих истребляли без всякой жалости. Счастье еще, что хоть среди этих не было женщин.

Карст сквозь шум боя услышал, как протектор словно про себя произнес: «Пять, шесть...»

— Что вы там считаете? — крикнул ему комендант.

— Проклятых, — не оборачиваясь, ответил Торн. — В особняке Дорелла работала дюжина слуг. Если исключить любовницу хозяина, их должно остаться одиннадцать. Только эти бешеные животные представляют реальную опасность. Я считаю, сколько их вырвалось на улицу и сколько убито, чтобы понять, сколько осталось.

— Значит, внутри осталось пятеро?

Протектор молча кивнул, не отрывая взгляда от сражения, а Итон припомнил всех, кого видел снаружи. Безумец с тесаком; потом еще двое; женщина-шаэла; пожилой мужчина, размахивающий выданным откуда-то железным прутком; мальчишка, в одной руке сжимающий огромный кухонный нож, а в другой — отбитое горлышко бутылки с острыми краями.

Глядя на этих людей, Карст уже не сомневался, что они могли пытаться и прикончить Дорелла.

Народу на улице становилось все больше, но шум в трактире не затихал. В какой-то момент дерущиеся просто-напросто снесли дверь, и теперь частично было видно, что происходит внутри. Впрочем, в бешеном круговороте тел, оружия и крушимо́й мебели крайне сложно разглядеть что-то определенное.

Из помещения вывалился и покатился по ступеням труп стражника с мечом в груди, причем, похоже, меч принадлежал самому убитому. Сразу после этого в дверном проеме показались две женщины. Судя по лицам, обе — одержимые. Одна почти девчонка, другую можно было бы назвать дородной и степенной, но степенность плохо вяжется со звериным оскалом и рваной одеждой, липнущей к телу от пропитавшей ее крови. Безумная баба уперла руки в бока и расхохоталась. Такой смех, по мнению Итона, и самого змеехвостого на'ари заставил бы содрогнуться. Карст ни на секунду не усомнился, что именно она вогнала в грудь стражника его собственный меч. К женщинам тут же бросилось четверо гвардейцев. Толстуха молниеносным движением схватила молодую товарку и, швырнув ее на мечи гвардейцев, сама спрыгнула с крыльца с неожиданной для такой комплекции ловкостью.

Коменданта передернуло, и краем глаза он заметил, что Торн тоже вздрогнул, созерцая эту сцену. Однако протектор быстро взял себя в руки и тут же озвучил выводы:

— Пусть эти твари научились договариваться между собой, но истинным единством тут и не пахнет. Если они, не задумываясь, жертвуют друг другом, общие интересы для них значат мало. Как целое они менее страшны, зато каждый сам по себе еще опаснее.

Итон сейчас был не в состоянии хладнокровно рассуждать. Увиденное не укладывалось у

него в голове. С другой стороны, комендант уже почти утратил способность ужасаться и тем более сопереживать. Он почти равнодушно наблюдал, как гвардейцы топтали копытами коней женщину в окровавленном платье. Жертва, в которую она принесла юную приятельницу, оказалась напрасной: спасти свою шкуру толстухе так и не удалось. Кстати, она была первой из одержимых, кто вообще пытался это сделать. Остальные лишь нападали, опьяненные жаждой крови.

Трех оставшихся безумцев прикончили в трактире. Все трое оказались мужчинами, хотя Итону было уже практически все равно. Немногочисленных выживших из тех, кто прибил к бывшим слугам Дорелла, выпихнули на улицу. Но комендант даже не взглянул в их сторону. Теперь уже он считал. Считал, сколько его и торновских людей полегло в этом побоище. Девять стражников убито. Девять! Из трех десятков. И еще шестеро серьезно ранены. Да и остальным основательно досталось. Людям протектора досталось не меньше. Шестеро погибли, полтора десятка — ранены. Гвардейцам было проще драться на открытой местности, бросаясь по несколько человек на одного одержимого. С другой стороны, большая часть дорелловских слуг предпочла битву снаружи сражению в тесном пространстве трактира.

Пятнадцать убитых! И это опытные бойцы против вчерашней прислуги, часть которой составляли женщины. Эти люди — поистине чудовища. Можно ли их винить? Ведь Энлил сказала, что виной всему темные чары. С другой стороны, магия легла на благодатную почву человеческой природы. Слабые, запуганные, ненавидящие... И как же страшно задаваться вопросом: «А можно ли сотворить подобное со мной?»

Глава 18

Сегодня! Уже сегодня Валтор покинет Храм. Покинет, чтобы никогда не вернуться. Нармин несколько раз пыталась поговорить с королем после того ужасного момента, когда он услышал их разговор с владычицей. Но король намеренно избегал ее, а однажды откровенно заявил, что им не о чем говорить и все, что Нармин может сказать, он уже слышал. Все это терзало девушку, причиняя страшную душевную боль. Она разрывалась между жалостью и ненавистью к себе. Как она сможет дальше жить, если Валтор уедет, так и не простив ее?

И вот настал последний день, последняя возможность что-то исправить. Нармин стояла во дворе Храма рядом с владычицей и другими старшими жрицами, вышедшими проводить короля и его невесту. Холодный, почти зимний ветер продувал насквозь. Пожилые жрицы кутались в плащи и наверняка завидовали младшим жрицам и послушницам, не удостоившимся чести лично провожать короля и избранную и теперь толпившимся у окон. А Нармин не замечала холода и ветра. От волнения ей было жарко. Владычица временами обращалась к ней, но девушка отвечала кратко и порой невпопад.

— Дитя мое, твои мысли далеко, — Лавинтия покачала головой. — Я даже знаю, с кем они, и не виню тебя. И все-таки...

— Владычица, прошу, позвольте мне поговорить с ним наедине! — Нармин говорила шепотом, незачем всем вокруг знать о ее тайнах.

— Что ж, думаю, это возможно, — после короткого размышления кивнула Лавинтия. — Почему бы и нет? После официального прощания я уведу старших жриц, а ты можешь остаться и обсудить с Валтором Дайрийским, что пожелаешь. Если, конечно, он захочет говорить с тобой, — безжалостно добавила она.

И вот наконец Валтор с Лотэссой вышли. Во время церемониальных прощаний с владычицей и жрицами король то и дело заботливо поправлял на невесте теплый плащ или накидывал ей на голову широкий отороченный мехом капюшон, который снова и снова срывало ветром. Эти незначительные, казалось бы, жесты причиняли Нармин почти физическую боль. Лавинтия произносила нескончаемые, полные пафоса речи в своей обычной манере. Сейчас, когда Нармин жаждала поскорее остаться с королем наедине, это было особенно невыносимо. Хотя какое там «наедине», когда рядом будет неотвязно маячить Лотэсса Линсар. Но тут уж ничего не поделаешь.

Наконец владычица в сопровождении старших жриц величаво уплыла в направлении Храма, а Нармин осталась стоять, ловя на себя взгляды то и дело оборачивающихся служительниц Маритэ. Понятное дело, из окон за ними наблюдало еще больше глаз. Но это не важно. Вообще ничего не важно, кроме короля, который сейчас совсем близко, но даже не смотрит в сторону Нармин.

Валтор подсадил Лотэссу в седло и поставил ногу в стремя, готовясь вскочить на коня.

— Ваше величество, постойте! — взмолилась Нармин.

Валтор пару мгновений колебался, а затем освободил ногу из стремени и обернулся.

— Почему вы не ушли со всеми, Нармин? Разве получаса мало для прощальной церемонии?

— Для церемонии — слишком много, но мне нужно поговорить с вами просто... по-человечески, — она запнулась и умолкла.

— Да ну? — губы короля изогнулись в недоброй усмешке.

— Пожалуйста, ваше величество, выслушайте меня! — Нармин понимала, что выглядит жалко.

— Хорошо, Нармин, но постарайтесь быть краткой.

— Я хотела просить прощения у вас и эньи Лотэссы, — последние слова дались жрице с трудом, но она заставила себя посмотреть на Лотэссу.

Та с удивлением воззрелась на Нармин сверху вниз, явно не понимая, о чем речь. Зато Валтор отлично понял, и по весьма красноречивому выражению его лица Нармин догадалась, что лучше не продолжать тему. Король бесцеремонно схватил девушку под локоть, уволасывая, надо полагать, подальше от драгоценной Лотэссы.

— Я понимаю ваше желание облегчить свою совесть, но если энья Лотэсса узнает о том... — он запнулся.

— Не узнает, — поспешила заверить Нармин. — Все, чего я хочу, это чтоб вы меня простили!

— Нармин, — после недолгого молчания начал он. — Невольно я стал свидетелем ваших излияний перед Лавинтией. Теперь я знаю, о... чувствах, которые вы испытываете ко мне. В свете этого мне стали понятны многие ваши поступки. Ваши чувства объясняют ваше порой недостойное поведение, но не оправдывают его. Про ваши с владычицей планы на меня я даже не хочу говорить, они омерзительны и безумны.

— Умоляю, ваше величество, простите!

— Что ж. Ваше раскаяние, если оно искреннее, вынуждает меня смирить негодование и простить вас. Надеюсь, теперь у вас хватит благоразумия выкинуть из головы все эти глупости?

— Но это не глупости! — Нармин тут же пожалела о вырвавшихся словах, хоть и понимала, что смолчать выше ее сил.

— Вы правы, — он неожиданно кивнул. — Влюбиться в короля — это не глупости, это безумие. А строить планы на его будущее после смерти королевы — еще и подлость.

— Я раскаиваюсь в том, что вы считаете подлостью, но не в том, что чувствую к вам. Да, мечтать занять место подле вас — страшная ошибка, за которую я жестоко поплатилась. Но не любовь к вам! Я буду любить вас до последнего вздоха, даже если никогда больше не увижу...

— Скорее всего, не увидите, — прервал ее Валтор. — Вам лучше забыть обо мне, Нармин. Впрочем, как знаете. Прощайте!

Он развернулся и вновь направился к лошади.

— Валтор! Ваше величество, стойте! — она бросилась за королем, роняя достоинство на глазах у тех, кто наверняка наблюдал за ней из окон.

— Что еще? — он и не думал скрывать недовольство.

— Могу я проводить вас до Торойи — ближайшего городка?

Изначально Нармин вовсе не планировала напрашиваться к королю в спутницы, но сейчас поняла, что просто не в силах его отпустить. Особенно после столь холодного прощания. Вот если бы Валтор тепло с ней простился, на сердце бы полегчало, и она, скорее всего, смогла бы смириться с тем, что он уезжает. А теперь девушке казалось, что еще несколько часов в обществе любимого помогут сгладить отчуждение, и они расстанутся добрыми друзьями.

— Не думаю, что это хорошая идея, — отозвался король. — Во-первых, мы не нуждаемся в провожатых. Во-вторых, вы, насколько я помню, не умеете ездить верхом.

— Но я могла бы поехать с вами.

Показаться навязчивой не так уж страшно, когда нечего терять.

— А обратно?

— Если честно, Торойя — мой родной город. Там живут мои родители. Мы очень редко видимся. Я хотела воспользоваться возможностью увидеть их и немного погостить дома, где провела детство. Служение Маритэ — дело моей жизни, но я скучаю по родным. А обратно за мной пришлют кого-нибудь из храмовой прислуги с повозкой.

Нармин говорила правду, но только отчасти. В Торойе действительно жили ее родители, но она вовсе по ним не скучала. Виделась с ними раз в год, а то и реже, почитая эту обязанность скорее тягостной, чем приятной. Но сейчас, изображая дочернюю преданность, можно вызвать сочувствие короля.

Расчеты Нармин оправдались.

— Хорошо, мы сопроводим вас до Торойи и там расстанемся.

Валтор обхватил Нармин за талию и усадил на своего коня, а затем сам вскочил в седло. Девушка мимоходом заметила, как недовольная гримаса исказила лицо Лотэссы. Неужели ревнует жениха к ней, Нармин? Знала бы высокородная зенья, укравшая сердце короля, как самой Нармин ненавистно ее общество, как бы хотелось провести эти последние часы с Валтором наедине. Но лучше уж так, в компании проклятой соперницы, чем расстаться с любимым прямо сейчас.

Валтор слегка придерживал Нармин за талию — жаль, что не так крепко, как в тот день, когда они ехали к ведьме. Теперь король не торопился, драгоценная Лотэсса была рядом. Она, конечно, умирает, но в этот раз бешеной скачкой ее смерть не остановить.

Лишь когда они выехали за ворота и отъехали на приличное расстояние от Храма, Нармин поняла, что забыла предупредить о своем отъезде владычицу и дать распоряжения о том, чтоб ее забрали из Торойи. Ничего, пошлет кого-нибудь в Храм с весточкой или попросит кого-нибудь из соседей доставить ее в Храм. Местные будут рады услужить старшей жрице. В Торойе, как и во всех окрестных городах и селениях, жриц почитали не в пример остальным краям Элара.

Валтор молчал, Лотэсса тоже, а Нармин ужасно много нужно было сказать королю, но она не решалась прервать это тягостное молчание. С одной стороны, не очень-то приятно излить душу любимому мужчине в присутствии соперницы, с другой — она обещала избегать всех тем, хоть как-то связанных с болезнью королевской невесты. То ли Валтору тоже надоела давящая тишина, то ли он просто сжалился над Нармин, но король решил прервать затянувшееся молчание.

— Тяжело было расставаться с родителями, когда вас отдавали в Храм? Сколько вам тогда было?

— Мне было восемь, — Нармин с благодарностью ухватила за предложенную тему. — Конечно, тяжело покидать дом, вверяя себя незнакомым женщинам. Хотя в наших краях служительницы Маритэ пользуются большим уважением и я даже тогда понимала, какая мне выпала честь, поначалу все равно очень скучала по дому и родителям. А потом меня полностью захватила жизнь в Храме.

— Да уж, — фыркнула Лотэсса, соизволившая присоединиться к разговору. — Жизнь в Храме чрезвычайно захватывающая. По мне, там скорее можно помереть со скуки.

— Не вам так говорить! — вскинулась Нармин. — В вас открылся величайший дар, сама Маритэ явилась вам! И после этого вы почитаете наше служение скучным? Это настоящие чудеса, о которых за пределами Храма никто и помыслить не может!

— Чего-чего, а чудес я за последние месяцы насмотрелась куда больше, чем хотелось бы. Большую часть из них — за пределами вашего Храма. Так что собственная способность залечивать раны или интересный сон с Богиней не так уж и впечатляют.

— Но разве не ради этого сна вы отправились в путь?

— Я уже готова отправиться куда угодно, хоть к Изгою в гости, лишь бы подальше от вашего Храма и его захватывающей жизни.

Пока девушки обменивались репликами, исполненными взаимной неприязни, король молчал. Обернувшись, Нармин заметила на его лице легкую насмешливую улыбку. Она вновь замолчала, на этот раз обиженно. Впрочем, обижаться на Валтора с Лотэссой не имело никакого смысла, они явно не испытывали угрызений совести и, похоже, вообще не обращали внимания на спутницу. Теперь они разговаривали между собой.

— После Торойи нам не встретится ни одного селения до самой ночи, если верить

картам. Думаю, стоит остановиться здесь и поесть.

— Я не голодна, — отозвалась Лотэсса. — К тому же, сейчас слишком рано для обеда.

— Зато потом нам просто негде будет поесть.

— Ну и пусть.

Нармин захотелось закатить капризной аристократке оплеуху. А Валтор вместо того, чтобы разозлиться, с тревогой всматривался в лицо нареченной. Наверняка связывает отсутствие у Лотэссы аппетита с ее смертельным недугом.

— Вы могли бы остановиться в моем доме, — внезапная мысль привела Нармин в восторг. — Такая честь для моих родителей!

Лотэсса тут же состроила недовольную мину, а король покачал головой.

— Не думаю, что это хорошая идея, Нармин. Не стоит смущать ваших родителей неожиданным визитом монаршей четы.

Последнее слово больно резануло по слуху и сердцу девушки. Они ведь еще не женаты! Нармин взглянула на короля, и ей почудилось, что его зеленые глаза вспыхнули ехидным, мстительным блеском.

Девушка вздохнула, настаивать было бессмысленно. Еще совсем немного и покажутся окраины Торойи. Оказывается, верхом туда можно добраться куда быстрее, чем в повозке. Путь близится к концу, а она так и не сказала самого важного. Тянуть дальше просто невозможно.

— Ваше величество, — торжественно начала Нармин. — Вы должна знать, что моя преданность вам безгранична так же, как и преданность Маритэ.

— Не думаю, что Богине это понравится, — усмехнулся король. — Особенно учитывая, что она, похоже, все-таки существует на самом деле.

Ну вот, опять! Она раскрывает душу, а он ехидничает. И Лотэсса еще противно улыбается удачной шутке жениха, а тот улыбается в ответ. Это просто невыносимо!

— Вы не понимаете, как дороги мне! — в отчаянии восклицает Нармин. — Я умру за вас!

У Лотэссы округлились глаза и, как ни странно, в них даже мелькнуло что-то, похожее на сочувствие. А Валтор нахмурился.

— Это совсем лишнее. Я, безусловно, ценю ваши верноподданнические чувства, но не стоит умирать за меня, Нармин.

Непрошенные слезы наполнили глаза и потекли по щекам, оставляя мокрые дорожки, холодные от порывов резкого осеннего ветра.

— Так не годится, — неожиданно сказала Лотэсса, в голосе ее звучала укоризна. — Нармин, не принимайте все так близко к сердцу, его величество просто в дурном расположении духа.

Меньше всего на свете Нармин хотела утешений от ненавистой соперницы. Зато слова Лотэссы произвели впечатление на Валтора. Он развернул лицо девушки к себе, касаясь ладонью ее щеки. Руки короля были в перчатках, но даже такое прикосновение вмиг наполнило сердце Нармин теплом и радостью. Особенно когда король принялся большим пальцем утирать ее слезы.

— Я не хотел расстроить вас, Нармин, простите мою резкость, — голос теперь звучал мягко. Как бы она хотела слышать в нем нежность, хотя, скорее всего, это просто сочувствие.

Вместо того, чтобы успокоиться, Нармин расплакалась еще сильнее. Валтор дернул поводья, останавливая лошадь, соскочил и снял девушку. Она отворачивалась, пряча заплаканное лицо, в надежде, что король вновь коснется ее щеки или подбородка, чтоб заглянуть в глаза. Но дальше его величество решил обходиться только словами.

— Право же, я раскаиваюсь в своих словах и тоне. Нармин, успокойтесь, прошу вас.

Вот будь на ее месте плачущая Лотэсса, Валтор наверняка обнимал бы ее, гладил по голове и... Представив эту картину, Нармин разрыдалась еще горше.

— Как вы не понимаете, — всхлипывала она. — Я ведь...

Тут Лотэсса издала какой-то странный звук. Наверное, засмеялась, хотя больше это походило на сдвленный крик.

— Она ведь любит тебя, король, — раздался сбоку шипящий голос, который жрица порой слышала в страшных снах.

Валтор мгновенно развернулся, закрывая собой Нармин. В тот же миг он резко дернул Лотэссу, притягивая к себе.

— Хочешь защитить их обоих? — змеехвостый демон, целый и невредимый, ухмылялся своими тонкими бескровными губами. — Но все мы знаем, кого ты выберешь. Не ту, что любит тебя, а ту, что ненавидит.

— Я не отдам тебе ни одну из них, тварь!

— Можно подумать, я спрошу твоего разрешения. Я беру то, что мне нужно.

— Тебе нужна Лотэсса! — выкрикнула Нармин. — Возьми ее! Оставь короля в покое!

Валтор развернулся и с размаху ударил Нармин по щеке. Лотэсса вздрогнула, словно ударили ее.

— Не стоит ссориться со своими женщинами, король, — прошипело чудовище. — А ты, жрица, пойми: я не торгуюсь. Пожалуй, тебя я убью первой. Но твоё желание исполнится: Лотэссу я тоже убью. Не сразу, — теперь он, похоже, обращался только к Валтору. — Твоя невеста будет умирать долго и мучительно, король, чтоб твоя ненависть ко мне стала безграничной.

— Я и так ненавижу тебя достаточно сильно!

— О, ты даже не представляешь, насколько сильно можно ненавидеть! — в ужасном голосе твари послышалось сладострастие.

Неожиданно змеехвостое чудовище оказалось позади них. Король резко развернулся и вновь задвинул Нармин за спину, а Лотэссу крепко прижал к себе. Нармин и представить не могла, что даже в такую минуту может ревновать и завидовать. Свободной рукой Валтор торопливо расстегивал пряжку плаща.

— Собираешь драться, король? Оставь эту пустую затею. Разве ты не помнишь, как было в прошлый раз? А ведь теперь у твоей прекрасной невесты нет кольца моего господина. Вас ничто не спасет. Впрочем, тогда тебе было рано умирать. Зато сейчас от твоей смерти будет куда больше пользы, чем от жизни. Ты покинул захваченную столицу, и там расцвели страх, ненависть и боль. Умри же с осознанием, что предал целый народ ради одной женщины, но и ее не смог спасти!

Чудовище рассмеялось своим жутким смехом — сухим и шипящим, от которого холодело тело и замирало сердце. Нармин не видела лица короля, но как будто чувствовала его боль и отчаяние. Ужасное создание и словами ранило не хуже, чем когтями и магией. Неужели она, Нармин, ничего не сможет сделать, чтоб спасти любимого? Разве не служит она Богине, чья сила и власть безграничны?

— Маритэ! — воскликнула девушка, выступая из-за спины Валтора. — Спаси нас! Пусть твой свет защитит от создания тьмы твою избранницу и лучшего из людей!

— Смешная, глупая жрица! — одним движением тварь оказалась рядом с ней. — Твоя богиня бессильна, она больше ничего не решает в этом мире. Не проси ее помощи.

Нармин удивилась, что больше не чувствует страха. Жрица знала, что Богиня услышала зов, иначе чем объяснить переполнявшую ее уверенность и сознание собственной силы?

Когда Нармин доводилось исцелять других, перед глазами иногда появлялась бледно-голубая дымка. Теперь же мир вокруг девушки наполнился голубым туманом. Туман обволакивал, обвивал щупальцами змеехвостое чудовище. Но, казалось, никто, кроме жрицы, не замечал его.

— Ты больше не боишься? — служитель Изгоя выглядел удивленным. — Хотя мне это не важно. Я все равно могу убить тебя, хоть твой страх и ненависть, увы, и не достанутся моему повелителю. Жаль, но на что-то твоя Богиня все-таки способна.

— Ты даже не представляешь, на что она способна!

Голубой туман клубился все сильнее, закручивался в вихри, теперь он был похож на метель, состоящую из тысяч снежинок. И такая же метель бушевала внутри жрицы, наполняя ее силой, в которой растворялась без остатка прежняя слабая девушка с ее смешными страстями и жалким себялюбием. Нармин знала, что в этот миг она сильнее владычицы Лавинтии, не говоря уже об избранной, которая сейчас беспомощно жалась к своему жениху. Но внезапное могущество казалось несовместимым с прежней гордыней и амбициями. Нармин перестала быть собой, теперь она была лишь жрицей Маритэ, выполнявшей волю своей Богини.

Изгоев слуга не видел голубой пурги, в центре которой оказался, но что-то он почувствовал. Он рванулся к Нармин, но не смог достать ее ни когтями, ни хвостом. После нескольких попыток тварь сменила тактику и бросилась к королю с Лотэссой. Но и до них змеехвостый не смог дотянуться, словно был заперт в снежном голубом коконе. Метель вилась веретеном, затягивалась вокруг чудовища паутиной, заставляя дергаться на одном месте, сковывая движения. Демон бесновался в плену невидимой, но неумолимой стихии. И без того страшные черты его, искаженные бессильной злобой, выглядели еще ужаснее, а из горла вырывалась жуткая смесь рычания с шипением.

— Будь ты проклята! — чудовище последний раз рванулось в отчаянной попытке дотянуться до Нармин и исчезло.

Еще какое-то время девушка стояла с простертыми руками, повелевая голубыми вихрями. Но метель постепенно успокаивалась, а вместе с ней таяла и сила. Не только заемное могущество, но и собственные душевные и телесные силы Нармин покидали ее. В отчаянной попытке спасти любимого она отдала больше, чем имела. Но он спасен! А кроме этого ничего не важно.

Нармин уже не чувствовала своего тела. Ноги подкосились, но она поняла это только потому, что оказавшийся рядом Валтор подхватил ее и бережно уложил на землю, пристроив голову девушки у себя на коленях. В глазах короля, устремленных на нее, читались тревога и боль. Где-то рядом тихонько всхлипывала Лотэсса, но в кои-то веки внимание Валтора было полностью отдано Нармин, только ей одной.

— Вы спасли нам жизнь! — голос короля звучал глухо и прерывался от волнения.

— Я же говорила, что умру за вас, — она попробовала улыбнуться.

— Но вы не должны умирать! — с мукой в голосе воскликнул Валтор.

Как объяснить ему то, чего она и сама не понимала, скорее, просто знала? Не имея сил для борьбы с порождением тьмы, ей пришлось обратить в эту силу саму себя. Эти голубые вихри, теперь лениво кружащие в воздухе редкими снежинками, были сотканы из нее — из ее души, чаяний, страстей. Вся отведенная ей жизненная сила была потрачена на одну короткую битву. Но ей не жаль, она никогда еще не была так уверена в том, что все сделала правильно. Чего стоила бы ее жизнь в вечной разлуке с любимым? Но умереть, чтобы он жил, разом искупив все грехи, послужив планам Маритэ, — это ли не есть высший смысл? Ей было так спокойно, почти хорошо, только холодно и мучительно хотелось закрыть глаза и уснуть. Но пока не время, еще несколько мгновений...

— Валтор, — какое блаженство называть его по имени, тем более на «ваше величество» просто не хватило бы сил. — Обещайте помнить меня.

— Разве я смогу забыть вас?!

— И, пожалуйста, любите меня хоть немного.

— Я всегда буду любить вас, Нармин! — он склонился над ней и коснулся поцелуем сначала лба, а затем губ.

Как хорошо! Пусть она уже не чувствует его прикосновений, но она наконец счастлива. Сейчас Валтор принадлежит только ей. А кроме «сейчас» ничего не существует. Так будет всегда. Вечный голубой снегопад и взгляд любимых глаз, обращенных на нее с печалью и нежностью. А теперь спать, спать...

Глава 19

Лотэсса сидела на кровати и в тоскливом безделье изучала обшарпанные стены комнаты. Единственная гостиница в небольшом городке, где они остановились, была полностью забита по случаю осенней ярмарки. Удалось снять только одну комнату, да и ту за тройную цену. И вот теперь Тэсс приходилось делить комнату с королем, а находиться с ним рядом в последние дни было сложнее обычного.

Дайриец был молчалив и мрачен. Со смерти Нармин прошло три дня, и за это время Малтэйр обратил к спутнице не больше десятка фраз в случаях крайней необходимости.

Разговаривал он только в тот первый вечер с владычицей Лавинтией. Они отвезли тело Нармин в Храм, повергнув жриц Маритэ в изумление и ужас. Однако владычица выглядела менее расстроенной и подавленной, чем можно было ожидать. Вместо естественных в таких случаях слез и отчаяния Лавинтия впала в привычный пафос и начала вещать что-то о величии жертвы Нармин. Пока она распиналась о возрождении былой славы Маритэ, явившей столь очевидное чудо руками одной из своих служительниц, Лотэссе несколько раз казалось, что Валтор готов ударить владычицу, как до этого ударил Нармин. Когда же Лавинтия предложила королю назвать в память погибшей девушки один из осенних месяцев, он просто развернулся и, волоча Лотэссу за собой, направился к оставленным лошадям.

И вот уже третий день с лица его величества не сходило выражение мрачного отчаяния. Тэсса боялась, что король начнет глушить боль вином, но он не притрагивался к выпивке, очевидно, держа данное ей слово. Лучше бы уж пил! Она перевела взгляд на мужчину, сидевшего за столом, опустив голову на сложенные руки. Сколько можно так сидеть, не шевелясь?

Девушка закашлялась. Король поднял голову и повернулся к ней. Похоже, ее проклятая болезнь — единственное, что способно привлечь сейчас внимание Дайрийца.

— Как вы себя чувствуете? — слова звучали тускло и безжизненно, словно вопрос был задан из чувства долга.

Лотэсса чуть было не ответила, что чувствует себя вполне сносно, чтобы не добавлять ему поводов для беспокойства, но передумала.

— Невыносимо, — ответила она.

— Так плохо? — теперь в голосе короля сквозило неподдельное беспокойство.

— Мне невыносимо видеть вас таким!

— Каким?

— Потерявшим интерес к жизни и терзающим себя незаслуженным чувством вины.

— Незаслуженным? — глухо переспросил Валтор.

— Именно так! — Тэсс вскочила с кровати и приблизилась к нему. — Вы не виноваты в смерти Нармин. Ее убило змеехвостое чудовище, а не вы!

— Но я не смог ее защитить! — такая боль была в этих словах, что Тэсс стало страшно за него. — Ни ее, ни вас! Чудовище обещало убивать вас долго и мучительно у меня на глазах. И оно бы сделало это, если бы не Нармин. Разве может мужчина допустить, чтобы женщина жертвовала жизнью ради него, выполняя его долг?

— Она умерла не только ради вас, но и ради меня. Может, мне тоже стоит истязать себя чувством вины? Просто за то, что осталась жива?

На самом деле Лотэсса, хоть и чувствовала горячую благодарность к Нармин, не верила в то, что говорит. Жрица погибла не ради нее, а ради Валтора. Лавинтия может сколько угодно рассуждать о том, что Нармин отдала жизнь ради избранницы своей Богини, но правда в том, что жрица спасала любимого мужчину. Тэсс еще не забыла, как жрица предлагала твари забрать драгоценную избранницу Маритэ вместо короля. Но пусть

Валтор думает по-другому. Он должен понять, что не более виноват в смерти Нармин, чем Лотэсса. В ней никто не виноват, кроме чудовища.

— Энъя Линсар, не говорите глупостей, — зло бросил Дайриец. — Уж вам-то не в чем себя винить. Я же клянусь себе не за то, что выжил, а за то, что не смог защитить вас обеих. Я бросил Вельтану, где творится Изгой знает что, ради того, чтобы оберегать вас. Но не смог. Тогда к чему все это?! Я не могу быть ни королем, ни хранителем!

Он снова опустил голову на руки, давая понять, что разговор окончен. Нет уж, она этого так не оставит. Раз сострадание не действует, придется стать жестокой.

— Вот уж не подумала бы, что король-завоеватель может быть таким сентиментальным. Вас не мучает совесть из-за тысяч людей, действительно погибших в развязанной вами войне, но вы будете изводить себя бесконечно из-за смерти одной девушки, к которой на самом деле не причастны?

Валтор поднял голову и теперь изумленно смотрел на Лотэссу, словно не веря, что она может быть столь безжалостной.

— Это совсем другое, — глухо пробормотал он. — Но вы не понимаете. Не можете понять.

— Нет, могу! — упрямо возразила девушка. — Помните, как я терзалась из-за смерти Шафиры? Разве вы с Торном не говорили мне то же, что я вам сейчас? Вы винули во всем чудовище, а Торн — еще и себя. Так вот, теперь я его отлично понимаю. Ведь на этот раз у меня куда больше причин упрекнуть себя в смерти Нармин, чем у вас.

— Я уже сказал... — король попытался прервать ее.

— Не перебивайте! Вы действительно ничем не могли помешать чудовищу убить нас. Но я могла.

— Что?!

— Мой дар Маритэ куда сильнее, чем у Нармин. Додумайся я воспользоваться им, она была бы жива.

— А вы мертвы вместо нее?! Да вы с ума сошли, Лотэсса! — он вскочил, но снова опустился на стул. Голос зазвучал тише. — Увидеть вас умирающей и знать, что такой ценой куплена моя жизнь — нет худшего проклятия. А уж для хранителя и подавно. Не смейте даже думать о таком.

Она и не думает на самом деле. То есть не то чтобы совсем не думает, но не упрекает себя за то, что случилось. В тот момент у Тэсс не было ни единой мысли о возможности применить дар Маритэ. Даже когда Нармин вступила в битву с демоном, поначалу было непонятно, как она это делает и что вообще происходит. Но потом Лотэсса не раз возвращалась к мысли, что могла бы попробовать сделать то, что сделала жрица. Владычица говорила, что дар Лотэссы очень силен, возможно, она сумела бы победить на'ари и выжить. И все-таки Тэсс не чувствовала за собой вины. Ее не готовили в жрицы, не учили пользоваться даром, в отличие от Нармин. Если бы та не решила пожертвовать собой, они были бы мертвы, все трое. Даже перед лицом смертельной опасности, даже в муках Тэсса не догадалась бы использовать дар как оружие.

Совесть Тэсс была чиста, слова же предназначались королю, чтоб снять с его плеч чрезмерно тяжелый груз, переложив на свои. Расчет не совсем оправдался, но, по крайней мере, Валтор ожил, он гневался, страдал, однако больше не замыкался в своем горе.

— Я пообещаю не корить себя в смерти Нармин, если вы сделаете то же самое.

Лотэсса положила руку на ладонь короля и тут же хотела отнять ее, но Валтор удержал ее руку, накрыв своей. Девушка снова легонько дернула ладонь, но Дайриец держал ее крепче, чем следовало, и при этом неотрывно смотрел на Тэсс с каким-то странным выражением — изучающим и ждущим одновременно.

— Опять хотите спасти меня, Тэсса?

— Ну, вы же спасали меня. Не раз. И не какими-то словами, а по-настоящему.

Почему бы заодно не напомнить ему, что в роли хранителя он далеко не так бесполезен, как внушил себе?

— Иногда слова значат больше дел.

Валтор, к облегчению Тэсс, наконец отпустил ее руку и поднялся.

— Вы сказали куда больше, чем следовало, энья Лотэсса, и совершенно не то, что следовало. Но это неважно. Вы показали мне, что я неправ. У меня нет права предаваться страданиям. По крайней мере, не сейчас. Когда-нибудь я смогу достойно оплакать Нармин и почтить ее память. Кто знает, может, по долгом размышлении мысль назвать в ее честь один из осенних месяцев покажется не столь уж безумной.

— Конечно, — Тэсса серьезно кивнула. — Она так хотела, чтобы вы помнили ее. Она же... любила вас, — девушка неожиданно смутилась.

— Любила, — теперь в словах звучала грусть, а не боль. — А я был жесток с ней. Мне казалось, она это заслужила. А она... Теперь-то я понимаю, что Нармин была куда лучше, чище и благороднее, чем я думал о ней.

— Наверное.

Конечно, по мнению Тэсс, Нармин не была такой распрекрасной, какой теперь видит ее король, но пусть думает о ней хорошо. Бедняжка это заслужила.

— Лотэсса, простите меня за слабость, недостойную мужчины. Я не должен был давать волю своему горю. Тем более, вы тоже нуждаетесь в утешении.

— Нуждаюсь!

Неожиданно Тэсса поняла, насколько это близко к истине. Она пережила ужас, когда чудовище шипело свои угрозы, потом боль и скорбь над умирающей Нармин. Но не позволила себе даже поплакать по-человечески. Не смела, понимая, насколько хуже должно быть королю, и не желая обременять его еще и собственными проявлениями горя. И вот теперь она словно получила разрешение на простые женские слезы.

Девушка опустила на кровать и позволила себе разрыдаться. А король сидел рядом, гладил ее по плечам и волосам, шепча что-то утешительное. Он снова был самим собой, и от этого становилось легче.

Глава 20

Путешествие длилось уже двенадцать дней и успело изрядно утомить Лотэссу. Раньше она и представить не могла, что можно менее чем за две недели пересечь границы двух государств.

Тэсс не слишком-то понравилось в гостях у жриц, но не прошло и нескольких дней, как она невольно затосковала по спокойному течению жизни в Храме. По возможности спать в одной и той же кровати, не проводить большую часть дня в седле, есть пусть незамысловатую, зато вкусную и не странную еду. Теперь же они с Валтором целыми днями гнали коней, временами меняя их. Останавливались лишь вечерами в небольших гостиницах, вдали от крупных городов, чтоб не привлекать лишнего внимания. Впрочем, после того, как они пересекли границу Элара и въехали в Имторию, путь их пролегал по окраине страны, где преобладали поместные замки с окружающими их деревнями и изредка встречались небольшие городки. Учитывая это обстоятельство, а также то, что Имторию в целом нельзя было назвать богатым и процветающим государством, гостиницы и постоялые дворы, где проводили ночи путешественники, сильно уступали эларским.

Однако Лотэсса старалась не жаловаться на тяготы пути. Она сама хотела достичь цели как можно быстрее. Ей было уже почти все равно, что есть и где спать. Покинув Вельтану, изнеженная аристократка за какие-то полтора месяца стала куда менее прихотливой и требовательной. Тем более что впереди их ждали недели вынужденного бездействия на корабле, за время которых можно будет и отдохнуть, и выспаться, и успеть заскучать. Но твердое решение не роптать не избавляло девушку от усталости. Проведя почти весь день в седле, вечером, едва успев поесть, она замертво падала на постель. Время до следующего утра казалось Тэсс мгновением. Нередко Лотэсса засыпала в седле, и тогда король снимал ее и пересаживал к себе, давая возможность еще поспать в дороге. Его величество вообще проявлял трогательную заботу о спутнице, стараясь хоть немного облегчить ей сложности путешествия. Тэсса ловила себя на мысли, что чем больше времени они проводят вместе, тем сложнее ей сохранить прежнее отношение к Дайрийцу. В столице Малтэйр был королем, занимающим чужой престол, — захватчиком, узурпатором, убийцей. Даже спасенная дважды жизнь не заставила девушку пересмотреть свой взгляд на Валтора так, как время, проведенное в путешествии к Храму Маритэ и в самом Храме. Как бы ни старалась Тэсс, теперь она видела в короле прежде всего человека. И человеком Малтэйр, что ни говори, оказался все-таки благородным. Это не отменяло его злодеяний, но жить в постоянной ненависти больше не было ни сил, ни желания.

Тэсса не забыла о страданиях, причиной которых считала Дайрийца, но она умела быть благодарной. Кроме того, неизбывная тревога и чувство вины, поселившиеся в душе короля и временами читаемые в его взгляде, вызвали в девушке непрощенное, но горячее сочувствие. Ну и забота, проявляемая о ней Валтором, против воли трогала ее сердце.

Вчера они наконец пересекли границу с Латирэ. Уже в Имтории погода радовала теплом по сравнению с эларской осенью. В Латирэ же и вовсе царил позднее лето. Теплые плащи давным-давно были упрятаны в седельные сумки, а в середине дня солнце грело так, что могло напечь голову. Имтория, кроме бедности, временами граничащей с убожеством, мало чем отличалась от Элара и Дайрии. Зато в Латирэ все казалось странным и непривычным. Маленькие домики, сплошь увитые каким-то цветущим плющом, в середине месяца Шеали казались ненастоящими, сказочными. Стоящие у дорог торговки, продающие удивительно вкусный холодный напиток, который они называли агьяр. Лотэсса хоть и знала, что женщины в Латирэ носят не платья или юбки, а широкие брюки из тонких тканей, все равно не уставала удивляться столь странной моде.

Однако тепло, поначалу приносившее столько радости, постепенно стало раздражать, а затем и мучить девушку, наряженную в платье из плотной ткани. Хорошо, что хоть кошмарный берет Валтор ей позволил снять. И все равно удивление от созерцания непривычной женской одежды очень скоро перешло в зависть. В Храме девушке позволялось носить свои платья, захваченные из столицы, но в дороге снова пришлось напялить на себя сантэрское убожество.

— Может быть, в Латирэ нам уже нет смысла изображать из себя сантэрцев? — обратилась Тэсс к королю. — Я была бы счастлива сменить эту отвратительную одежду на что-то более легкое и привлекательное.

— Почему бы и нет? — Дайриец пожал плечами. — Мы держим путь на побережье, в Ниэнну. Ниэнна хоть и крупный портовый город, но все же далеко не столица. Вряд ли кто-то может узнать нас здесь, хотя бы потому, что идея нахождения в Латирэ эларского короля с невестой сама по себе звучит безумно. Так что можете переодеться в ближайшей гостинице. Хотя эларская одежда в любом случае будет привлекать к нам внимание. Я бы посоветовал вам уподобиться местным дамам и нарядиться в соответствии с традициями Латирэ.

— В брюки?! — Тэсс так искренне возмутилась, словно не она только что думала о том, как удобны легкие просторные наряды латирянок.

— А что вас так смущает? — насмешливо поинтересовался король. — Вы явно будете не единственной женщиной, одетой подобным образом. Кроме того, в таком виде привлечете куда меньше внимания, чем в сантэрском платье.

— Вы тоже планируете сменить образ? — Лотэсса с интересом взглянула на спутника.

— Думаю, да. Мне тоже до смерти надоело представляться чопорным сантэрским дворянином, особенно с учетом того, что Сантэр граничит с Эларом, но отнюдь не с Латирэ. Думаю, мы выйдем для латирян не менее дико, чем для вас — женщины, наряженные в брюки. А при вашей внешности дополнительно выделяться чем-то совершенно излишне.

— При вашей тоже, — съязвила девушка и получила в ответ заинтересованный взгляд Малтэйра.

В любом случае, до ближайшей гостиницы еще нужно добраться, а по дороге можно обдумать, готова ли она ради удобства и неприметности обрядиться в столь чуждый эларским традициям наряд. До Ниэнны — конечного пункта их путешествия — оставалось не меньше двух дней пути. Пока же им предстояло остановиться в небольшом городке Исхья, расположенном на северном побережье Моря Туманов.

Миновало еще два часа пути, и наконец показалось море. Увидев голубую полосу, сливающуюся с горизонтом, Лотэсса поняла, как соскучилась по морю. Будучи жительницей Муаны, она, естественно, не так уж редко выбиралась на побережье. Но, во-первых, в этом году было не до развлечений, а во-вторых, блеклые краски Жемчужного моря ни в какое сравнение не шли с насыщенным цветом Моря Туманов. И кто только придумал название, столь мало ему подходящее? Море Туманов всегда представлялось Тэссе массивом серой воды, отражающей не менее серые тучи. Сейчас же небо радовало чистой лазурью, а вода — голубизной какого-то удивительного молочного оттенка.

— Как красиво, — восхищенно пробормотала девушка. — Может быть, вашему величеству стоит подумать о захвате Латирэ? Заодно, конечно, по дороге придется покорить Имторию, но они-то только рады будут, надо думать.

— Для будущей королевы вы рассуждаете удивительно беспечно, зняя Лотэсса, — Валтор притворно нахмурился. — Вы явно недооцениваете безумную гордость имторийцев, не первое столетие прозябающих под боком у сильного соседа, а так же военную и политическую силу Латирэ.

— Я не совсем дура! — обиженно вскинулась Тэсс. — Думаете, я бы стала всерьез предлагать вам подобное? Вообще-то я шутила.

— Я понял, — улыбнулся король. — Но вы же знаете, как мне трудно отказать себе в удовольствии вас подразнить.

— О да! — ядовито протянула Тэсса и обиженно замолчала.

Исхья оказалась милым приморским городком, утопающим в зелени и незнакомых цветах. От этой яркой и в то же время какой-то уютной прелести, столь противоположной мрачному величию Вельтаны, у девушки даже защемило сердце.

Гостиница, по стенам и балконам которой карабкался плющ, усыпанный мелкими синими цветочками, сразу пришлась Тэсс по душе. Однако просидеть там всю оставшуюся часть дня ей не хотелось, слишком сильно манило море. И все-таки хоть какой-то отдых после долгой дороги требовался. Устраиваясь в своей комнате, Тэсс услышала в коридоре голос Малтэйра, судя по всему, отдававшего распоряжения кому-то из гостиничных слуг. К величайшему удивлению, девушка поняла, что его величество говорит на латирском языке. До этого, даже въехав в Латирэ, они говорили только по-эларски, в том числе с хозяином гостиницы.

Ничего удивительного в таком положении вещей не было, ведь эларский язык на Дозье смело можно назвать всеобщим. Кроме Элара и Дайрии, на чистом эларском разговаривали в Тарнике, Сантэре и островном княжестве Кьярэ. Этот остров являлся самым крупным в составе Жемчужного архипелага, остальные острова которого образовали Илисс. В Илиссе был собственный язык, которым жители очень гордились, что не мешало им владеть эларским. То же самое касалось другого островного государства — Валэйна. Наречие Имтории представляло собой забавную смесь эларского и латирского языков. Проезжая по Имтории, король с Лотэссой не испытывали больших затруднений в общении, по большей части понимая речь местных жителей, а те, в свою очередь, понимали их.

И вот теперь Лотэсса, привыкшая к тому, что весь мир просто обязан понимать эларскую речь, с удивлением обнаружила, что Дайриец, оказывается, знает латирский язык. Саму ее, как и других детей благородных семейств, из иностранных языков обучали только валэйнскому, ради великих поэтов прошлого, как уроженцев Валэйна, так и многочисленных подражателей, единодушно признавших валэйнский языком высокой литературы. Ладно, она — девушка, но и из мужчин, окружавших ее, никто не владел латирским. Ни отец, ни брат, ни оба Таскилла, ни Ильды. А ведь Латирэ — самое сильное и процветающее государство на материке после Элара и Дайрии. А Его Величество Валтор Дайрийский, интересно, зачем учился латирской речи? Все-таки планировал рано или поздно захватить Латирэ? Или для того, чтобы дипломатические отношения поддерживать? В любом случае лишними знания такого рода не бывают. Интересно, чего король хотел от слуг?

Ответ на этот вопрос Тэсса получила довольно скоро. Малтэйр вошел в комнату в сопровождении миловидной загорелой девушки, державшей в руках женскую одежду латирского покроя. Сам король тоже был одет на местный манер. Впрочем, мужской наряд не столь разительно отличался от тех, к которым она привыкла. Разве что ткани были легче, брюки и рукава рубашки — шире, а сапоги — короче.

— Я взял на себя смелость озаботиться вашим одеянием, — сообщил Дайриец, явно забавляясь растерянностью своей невесты. — К демонам это ужасное сантэрское платье, успевшее мне надоесть не меньше, чем вам. Уверен, в латирском наряде вы будете смотреться куда лучше.

Тэсса стояла молча, пока король не отпустил служанку, а затем осторожно взяла в руки странный наряд и начала изучать его. Темно-синяя удлиненная блуза, плотно облегающая фигуру, с широкими, почти прозрачными рукавами, собранными у запястья. Такого же цвета широкие брюки, затягивающиеся у лодыжек с помощью лент. Вроде как даже красиво, по крайней мере, неизмеримо красивее, чем нелепое сантэрское убожество, тут Малтэйр прав. Но, богини, сама мысль о том, чтобы надеть брюки, казалась столь вызывающей, что девушка просто не могла с ней примириться.

— Что ж, — сказала она после довольно долгого раздумья. — Пожалуй, я попробую смириться со столь необычным нарядом, по крайней мере, заставлю себя его надеть. В конце концов, после сантэрского берета меня уже ничем не напугаешь.

— Вот и славно, — одобрил король. — Тогда одевайтесь. Исли — так зовут служанку — поможет вам. А после мы сможем прогуляться к морю и где-нибудь поесть.

Переодевание даже с помощью Исли заняло больше времени, чем рассчитывала Тэсс. Солнце уже успело сесть и, выйдя из гостиницы, Валтор с Лотэссой окунулись в густые сиреневые сумерки, пропитанные запахами моря и незнакомых ночных цветов. Девушка уже изрядно проголодалась, но желание увидеть море вблизи оказалось сильнее голода. Когда они вышли на берег, покрытый очень мелким и светлым песком, вода казалась уже не голубой, а серебристой, словно поверхность зеркала. Тэсса скинула туфельку и

опустила ступню в пену волн, лениво набегающих на берег. Вода оказалась теплой. Расставшись со второй туфелькой, она сделала несколько шагов, зайдя в море примерно по колено. Тонкая ткань брюк промокла и стала липнуть к ногам. Но девушке было все равно, она просто наслаждалась. К удивлению Тэссы, король не делал ей замечаний.

— Между прочим, — заметил он, — местные жители купаются, не снимая одежды. Насколько я понимаю, латирские ткани быстро сохнут и не коробятся от соленой воды.

— Может, тогда мне стоит поплавать? — чуть лукаво поинтересовалась Тэсс.

— Не стоит. После наступления темноты море становится опасным. Море Туманов гораздо теплее Жемчужного, а значит, в нем полно всяких тварей, для которых ночь — время охоты.

— Жаль, — она вздохнула. — Днем у всех на глазах я бы не решилась залезть в море.

После слов короля о подводных тварях девушке уже не так хотелось оставаться в воде, и она вышла на берег. Натягивать туфли на мокрые, облепленные песком ноги оказалось тем еще удовольствием. Обулась Тэсса с трудом, не удержавшись от парочки ругательств, чрезвычайно позабавивших его величество.

Тем временем ночь окончательно спустилась на мир, вытеснив восхитительные короткие сумерки. Звезды, загорающиеся на черно-лиловом полотне неба, яркостью превосходили те, что доводилось видеть в Эларе. Разве что в горах, где стоял Храм Маритэ, ночные светила были крупнее и ярче. Зато здесь звезд было явно больше. Слово с каждой минутой в небесах зажигались все новые и новые огоньки.

Тэсса шла, задрав голову, то и дело спотыкаясь. Но глядеть под ноги, когда над тобой такая красота, казалось девушке непростительной глупостью. Внезапно она почувствовала, что король взял ее за руку.

— Если уж на вас напала блажь пересчитать все созвездия, энъя Лотэсса, придется довериться тому, кто твердо стоит на земле, — насмешливо проговорил он.

Ну и пусть, безразлично подумала девушка. Вздумалось Дайрийцу вести ее за руку — его дело. Она не просила об этом. В конце концов, ей хочется смотреть на небо, при этом желая упасть, больно расшибиться и глупо выглядеть она отнюдь не испытывает.

Таким образом они дошли до какой-то таверны, где столы и скамьи размещались на открытой террасе с видом на море. Сейчас, правда, темная вода слилась с чернильным небом, и о близости моря говорил лишь неумолкаемый плеск волн, набегающих на берег.

Запахи еды показались Тэссе непривычными, но соблазнительными. Хотя, возможно, все дело в том, что она слишком проголодалась. Да и вообще за время путешествия стала куда менее притязательной.

Блюда местной кухни прились девушке по вкусу, особенно понравились мягкие, тающие во рту лепешки и охлажденное вино с фруктами и пряностями. Утолив первый голод, Лотэсса решила задать интересующий ее вопрос.

— Не знала, что вы говорите по-латирски, — как бы между делом заметила она.

— А теперь откуда знаете? — король вопросительно приподнял бровь.

— Слышала ваш разговор в коридоре со служанкой, — не видя смысла оправдываться, Тэсс сказала, как было.

— Ах да, я велел Исли подобрать вам одежду. Девушка, в отличие от хозяина гостиницы, не знает эларского.

— Зачем вы учили латирский язык? — продолжала допытываться Тэсса.

— Чтобы знать, — он пожал плечами. — Или это недостаточно веская причина? Хотя вы, должно быть, полагаете, что выучить чужой язык можно лишь с одной целью — захватить страну.

— Будь это так, мне следовало бы лелеять планы захвата Валэйна, — холодно ответила девушка.

— Как и любому уважающему себя аристократу Элара, Дайрии или Сантэра, — Малтэйр усмехнулся. — На самом деле, латирский я учил из-за слабости моего батюшки к царице Армире. Я имею в виду, разумеется, слабость политического свойства. Отец восхищался Армией и с удовольствием вел с ней дела — как политические, так и торговые. Латирэ — сильное государство, а потому его куда лучше иметь союзником, чем врагом. А к союзникам следует проявлять уважение, и знание языка — один из способов.

— Понятно, — Тэсса кивнула. — В вашей жизни каждый шаг подчинен политической и государственной выгоде? Вы умеете мыслить просто как... человек?

— По-прежнему считаете, что мне чужды проявления человечности? — Дайриец с интересом взглянул на собеседницу.

— Ну, не то чтобы совсем, — нехотя признала она. — Однако вы можете себе позволить быть человечным лишь тогда, когда это не идет вразрез с политическими интересами. К примеру, оказывая мне многочисленные благодеяния, вы блюдете свою выгоду — идеальный династический брак. Разве не так?

— Даже вы знаете, что в случае с вами мною движут не только политические интересы. Хотя знаете вы не все.

— Ах да, вы же хранитель, — голос девушки прозвучал насмешливо. — А чего я не знаю?

— Неважно, — Валтор, судя по всему, не собирался удовлетворять ее любопытство. — Мне жаль, что вы так и не научились видеть во мне человека. Я не хочу казаться лучше, чем есть, в ваших глазах. Просто я льстил себя надеждой, что рано или поздно вы увидите за выдуманным образом меня настоящего. Не то чтобы это было жизненно важно, но роль чудовища из старой легенды мне порядком наскучила.

— Захватили мою страну, казнили короля, убили брата, а теперь хотите, чтобы я вас еще и понимала? — вино ударило в голову, и благодушное настроение сменилось злостью.

— Хочу, — король неотрывно смотрел на нее.

Вынести этот взгляд у Тэссы сил не хватило, и она поднялась из-за стола, преисполненная намерения немедленно покинуть невыносимого Дайрийца. Правда, что делать дальше, Лотэсса пока не решила, и она серьезно сомневалась в возможности самостоятельно вернуться в гостиницу. Но это ее не остановило.

Однако, сделав лишь пару шагов, девушка оступилась, чувствуя, что не в силах даже просто сохранять равновесие, не то что идти. Она пошатнулась и ухватилась рукой за стол. Голова кружилась, а очертания предметов казались смазанными. Валтор мгновенно оказался рядом и подхватил невесту на руки. Прежде, чем окончательно утратить связь с реальностью, Тэсс пробормотала свое привычное заклинание:

— Я вас ненавижу!

— Я помню...

Глава 21

Марил Ростин сидел, тупо пялясь на стену. Впрочем, выбора у него не было. Если смотреть сквозь решетку, то взгляд упирался в этот кусок стены. Вот располагайся напротив другая камера, тогда бы хоть поглазеть на собрата по несчастью — и то забава. А так — тоска невообразимая. Не то чтобы жизнь Марила до водворения в тюрьму была очень интересной и веселой, но все ж получше. Но, с другой стороны, в тюрьме не было Гедрики. Ее вообще больше не было. Нигде! При воспоминании о бывшей жене сознание узника затуманила привычная красноватая дымка, дарящая ощущение сладостной муки, но сильно мешающая думать. Хотя о чем тут, за решеткой, думать-то? Лучше уж погрузиться в мучительно-блаженный угар, вновь и вновь переживая, как подыхала ненавистная стерва. Как она хрипела, как дергались ее мерзкие пухлые руки, где каждый жирный палец пережат перстнем, а то и двумя. Вспоминать и чувствовать каждым нервом агонию супруги было невыразимо приятно. Но осознание того, что это лишь воспоминания и проклятую бабу нельзя убивать снова и снова, причиняло почти физическую боль. И все же это было развлечение получше, чем разглядывание стены напротив.

Марил давно уже понял, что может хоть отчасти управлять своим состоянием. Хочет — наслаждается смертельным угаром, а хочет — возвращается в обыденный мир, сохраняя хоть какую-то власть над собственными мыслями. Почему же он не дошел до этого раньше? Зачем сидел над телом Гедрики, поглощенный радостью свершившегося возмездия? Если бы ему тогда хватило ума разогнать красный туман перед глазами и в мозгах и просто уйти из дома, он бы сейчас не пялился в стену через решетку. Нет, Марил ничуть не жалел о сделанном, напротив, жалел, что убить жену смог лишь один раз. В редкие минуты прозрения Ростин проклинал себя за то, что не додумался скрыться, а вместо этого сидел, как глупая домашняя скотина, безропотно ждущая, пока забьют.

Эх, надо было все-таки порешить Омизу, она же небось стражу-то и навела. Но тогда почему-то эта мысль казалась неправильной. Дело, наверное, в том, что Марил всегда испытывал симпатию и чувство родства к младшей сестре своей проклятой жены. Ей ведь не меньше доставалось от жирной гадины. Ну не мог он тогда прикончить Омизу. А сейчас бы смог. Еще как! И снова мир подернулся красной пленкой.

Так в чередовании досады, скуки и сладкой жажды чужой смерти проходили дни Ростина. Ничего не менялось. Два раза в день тюремщики приносили дрянную еду. Марил, в прошлой жизни бывший весьма словоохотливым, временами пытался заговорить с ними, просто чтобы разогнать скуку. Но стражи хранили суровое молчание или отвечали грязными ругательствами. Им-то он что плохого сделал? Что им всем до Гедрики? Кому какое дело, жива она или мертва? Да мир стал только лучше без этой ведьмы. И почему он должен гнить в темнице за совершение благого дела? А еще один из тюремщиков сообщил Ростину, что того скоро повесят. Не то чтобы Марил сильно боялся смерти. Как раз напротив: лишив жизни другого человека, он перестал дрожать за свою собственную. С другой стороны, смерти Ростин отнюдь не искал. Отдавать жизнь за вздорную бабу, которая ему столько лет кровь пила, он вовсе не жаждал.

Марил почти задремал, когда его вывели из оцепенения голоса. Один был знакомым — это Син, тот самый, что пророчил узнику скорую казнь. Син вел беседу с другим стражником. На радость изнывавшему от скуки заключенному, голоса звучали громко и четко, слышно было каждое слово.

— Слушай, Син, я тут человек новый, сам не разберусь.

— Было бы чего разбираться-то, — презрительно хмыкнул тюремщик. — Твое дело — харчи этим ублюдкам разнести, а дальше сиди и с косым Дормом в кости режься, попивая дрянное вино, что гонит его сестрица. Неужто не справишься? Один раз как человека тебя прошу. Ну очень мне надо сегодня вечером до Торговой части добратсья, пока лавки не позакрывались. Такое, понимаешь, выгодное дельце...

Знаем мы ваши выгодные дела, про себя подумал Марил. Отнимают у заключенных все ценное, а потом, видно, распродают в Торговой части. У самого Ростина забрали пару перстней и пояс с серебряной пряжкой. Вещей было не жаль, все равно на Гедрикины поганые деньги куплены. Между тем стражники продолжали спорить, теперь вновь

говорил новичок.

— Ну а ежели напутаю чего? Ты же мне потом и настучишь по рылу, Син, — в голосе чувствовалось явственное недоверие к собеседнику.

— Ну и трус же ты, Хидик, — Син словно выплевывал слова. — Хватит уже трястись за свою шкуру. Не меня ты боишься, а их, — должно быть, в этот момент страж указывал на камеры с заключенными, но Марил этого видеть не мог. — Думаешь, отопрешь решетку, тут они на тебя и набросятся. Так, а, Хидик?

— Вовсе не так, — обиженно возразил новенький. — Чего их бояться-то?

— Вот, слышу наконец речь мужчины, а не трусливого хорька, — Син решил выразить одобрение. — Ничего они тебе не сделают. Опасные все в кандалах, а самые страшные, те еще и к стене прикованы.

— Да я и не боюсь! — Хидик, похоже, начал раздражаться.

— Ну так подмени меня сегодня, а тебя потом выручу. Как есть обещаю!

— Смотри не забудь, — проворчал Хидик, похоже, сдаваясь.

Беседа закончилась, вновь воцарилась тишина, но узнику уже не было так скучно, как прежде. Прошло больше трех часов, прежде чем Марил увидел наконец Хидика. На стражника мелкий тщедушный человечек походил слабо. Рыжие волосы с изрядной проплешиной, взгляд какой-то неуверенный. Да Син полный идиот, если доверил этому задохлику обходить заключенных. Видно, очень уж нужно было стражнику в Рыночную часть. На какой-то миг Марил даже испытал к рыжему неудачнику что-то вроде сочувствия. Скорее всего, ему уже досталось от тех заключенных, что он успел обнести ужином. Немало небось наслушался, бедняга. А вот не надо давать собой помыкать тому, кто сильнее. Впрочем, сочувствие длилось недолго.

Жалость и сострадание к ближнему остались в той, прошлой жизни. Тот Марил был мягкотелый добряк, умеющий убедить себя, что терпит жену потому, что прощает, а не потому, что он жалкое ничтожество, попавшее под власть тупой, жадной и сволочной бабы. Тот Марил не мог обидеть и уличной собаки, не то что восстать против супруги. Лишь однажды решился он на бунт, уйдя от Гедрики к пусть не самой молодой и красивой, зато доброй и простой женщине. Но не прошло и пары месяцев, как совесть и чувство вины совершенно доконали неверного супруга, заставив поверить, что он просто умрет, если не вернется к законной жене. И он вернулся... чтобы спустя не так уж много времени убить ее. Вновь Марил почувствовал искушение погрузиться в пучину жутко-сладких воспоминаний, но не поддался ему. Сейчас нужно собрать остатки своего разума и воли, которые и в лучшие-то дни не были его сильными сторонами.

Усилия увенчались успехом, и узник вполне владел собою, когда рыжий Хидик зашел в камеру с миской похлебки, поверх которой лежал ломоть хлеба. Жалкая внешность нового тюремщика мало волновала Марила, он сосредоточил все внимание на связке ключей, которую страж крутил в левой руке, время от времени слегка подбрасывая. На заключенного Хидик покосился с явным недоверием и плохо скрываемым опасением.

— Боишься меня? — почти весело спросил Ростин.

— Вот еще! — рыжий попытался придать себе внушительный вид, исполненный презрения к жалкому заключенному. — Это ты жену, что ли, прикончил? — против воли Хидика в голосе его слышалось любопытство и еще что-то трудноуловимое.

— Я, — Марил вполне дружелюбно кивнул.

— Чего-то с трудом верится, — пробормотал страж. — За что хоть?

— Дура была и стерва, — узник улыбался так, словно только что отвесил покойной супруге комплимент. — У тебя небось не такая?

— Какое там, — Хидик вздохнул и безнадежно махнул рукой. — Такая же, если не хуже.

— Скажи, что сам никогда не думал, чтобы ее... — Марил провел рукой по горлу и

высунул язык. Прежний застенчивый миляга никогда бы не позволил себе столь вульгарного жеста.

— Ну так думать — это одно. Все думают, — и тут же спохватился. — Но лишь такие выродки, как ты, способны...

— Освободиться? — услужливо подсказал узник.

— Ну да, — хмыкнул Хидик. — Уж ты-то свободен, как я посмотрю, прям как ветер в море. Мне такой свободы и даром не надобно, тем более качаться тебе скоро в петле. Уж лучше я под каблуком у гадины ползучей поживу, чем этак-то.

Тюремщик так и не поставил миску с мерзким на вид варевом, продолжая держать ее в одной руке, а другой по-прежнему машинально поигрывая с ключами. Он больше не выглядел испуганным — скорее, задумчивым и немного грустным. Теперь, видно, уже рыжий страж жалел незадачливого борца против семейного гнета. На какой-то миг Хидик отвел глаза, и узнику этого оказалось достаточно. Марил хлопнул рукой по дну миски — жаль, что похлебка давно не горячая, но опрокинутой на одежду еды хватило, чтобы тюремщик выронил ключи и инстинктивно наклонился за ними. Видно, он считал, что ключи — самое важное. И это была вторая ошибка. Лучше бы Хидик схватился за меч, а еще лучше — бросился к двери. Но он нагнулся за ключами, чтобы не дать узнику первым дотянуться до них. А тот и не пытался дотянуться до связки, он дотянулся до самого стража. Да, кандалы были впаяны в стену, но длина цепи вполне позволяла перекинуть ее через голову рыжего бедолаги, сдавить тонкую шею железными звеньями и силой собственных рук. Главное — не позволить ему издать ни единого звука. Тюремщик хрипел и задыхался, лицо его побагровело, тело содрогалось в конвульсиях. Как же сладко! Прям как тогда с Гедрикой! И пусть несчастный страж не сделал Марилу ничего дурного, это сейчас совсем не важно. Ничто не важно, даже цель, ради которой все это было затеяно. Красное марево затопило мозг и весь мир. Какое блаженство — раствориться в этом безумии и пить чужую агонию! Пить одновременно торопливо и жадно, но при этом желая растянуть наслаждение до бесконечности.

Однако Хидик не изволил доставить своему мучителю такое удовольствие. Умер он довольно быстро. Зато не зря. Велико было искушение усесться, как и в прошлый раз, над трупом, вновь и вновь прокручивая произошедшее перед глазами и ощущая всеми органами чувств. Но Марил все еще помнил, ради чего он это затеял. Вот теперь можно и нагнуться за ключами. Не так уж их и много, а человек, полжизни имевший дело с замками от многочисленных сундуков, кладовок и сараев, без труда поймет, какой из ключей подойдет к кандалам. Ключ от камеры искать не пришлось: решетчатая дверь так и осталась открытой. Вот и пришел миг возблагодарить богинь или, скорее, Изгоя за то, что напротив камеры лишь глухая стена, не позволяющая никому увидеть сцену расправы узника с тюремщиком.

Выйдя из камеры, Ростин довольно четко представлял, что собирается делать. Бежать из темницы в одиночку — совершенно безумная затея, не имеющая ни единого шанса на успех. Но у Марила есть ключи и несколько минут в запасе, что дает возможность попробовать изменить расклад.

Осторожно выглянув из-за угла, он обнаружил в поле зрения по четыре камеры — две справа и две слева. Окинув быстрым взглядом узников, Марил поспешил открыть те двери, за которыми томились здоровые на вид мужчины. Оба, подобно ему, были прикованы к стене цепями. Нежданно явившийся спаситель помог товарищам по несчастью отпереть замки от кандалов. Одна из оставшихся камер оказалась пуста, а в последней сидела старуха. Марил подивился столь странной узнице, но тратить силы, а главное, время, на ее освобождение он не собирался. Чем может помочь бабка в борьбе с тюремщиками, которые вот-вот опомнятся? Каждую минутку нужно увеличивать количество людей, способных если не дать отпор страже, то хотя бы отвлечь ее внимание. Нельзя же допустить, чтобы тюремная охрана бросила все силы на поимку одного сбежавшего узника. Пусть уж гоняется за всеми.

— Не знаю, кто ты, — глухим голосом произнес один из спасенных, — и за какими демонами вытащил нас, но советую выпустить и ее тоже. Бабка нам пригодится.

— Серьезно? Какой толк с этой старой шаэлы? — недоверчиво спросил Ростин.

— Она такая же, как мы.

— Какая? И что значит «как мы»? — Марил все меньше понимал смысл вынужденной задержки и начинал злиться.

— Хватит болтать! — окрысился мужчина, который тоже, видно, не жаждал терять время попусту. — Выпусти старуху. Если выберемся, тогда сам поймешь, что к чему.

Ростин, нервничая и ругаясь, отпер дверь еще одной камеры и освободил женщину, разомкнув кандалы.

— Спасибо, сынок, — хохотнула та. — Ты и вправду не пожалеешь.

Через несколько минут четверо спасенных оказались в длинном коридоре, по обеим сторонам которого располагались камеры.

— Выпускай всех, — скомандовал тот, кто просил за старуху. — Чем больше народу и беспорядку, тем сложнее придется сторожевым псам.

Ростин уже успел выяснить, что большая часть дверных замков отпиралась одним ключом. Какая безумная глупость! Может, это и удобно — не нужно каждый раз искать новый ключ, но, с другой стороны, предельно упростило задачу Марилу и его товарищам по побегу. Некоторые заключенные были в кандалах, но к стене не приковали ни одного из них. Ростин отцепил от связки ключ от кандалов и кинул его освобожденным — пусть снимают цепи по дороге. Его задача — отпирать двери камер.

Естественно, вечно везти им не могло. Стража спохватилась где-то через четверть часа. До этого, видно, тюремщики резались в кости в караулке, попивая кислое вино, что гонит сестрица косого Дорма. Но, проявив беспечность, охранники не собирались проявлять еще и глупость. Они показались сразу с двух концов коридора, отрезав заключенным любой из двух возможных путей к отступлению. Тюремщики были вооружены — кто алебардами, а кто мечами. Это, безусловно, давало им преимущество. Но узники, почуявшие запах свободы, являли собой достойных противников. Во-первых, в отчаянной попытке вырваться они были готовы на все, во-вторых, их было больше. В качестве оружия заключенным служили цепи. Раскручивая их над собой, узники наносили удары по врагам — хотя в свалке порой доставалось и своим. Наиболее ловкие умудрялись обвивать цепи вокруг мечей и алебард, вырывая оружие из рук противников и тут же вооружаясь трофеями.

Особенно хороши в бою оказались те, кого Марил освободил в первую очередь. Краем глаза он видел, как один из мужчин сдал голову тюремщика так, что у того глаза выкатились, а из ушей и носа хлынула кровь. Другой направо и налево наносил восхитительно жуткие удары отнятой алебардой. К удивлению Ростина, не подвела и старуха. Подобно ему самому, она задушила одного из нападавших цепью. И при этом у женщины было столь блаженное выражение лица, что Марил начал понимать, почему она «такая как мы». Сам же он получил не меньшее наслаждение, схватив ближайшего тюремщика и впечатав его лицом в решетку одной из камер. Тот пытался вырваться, бестолково размахивая мечом, а Марил все глубже и глубже вдавливал жертву в переплетение железных прутьев.

Потери имелись с обеих сторон, но все же толпа отчаянных узников прорвала один из заслонов, устремившись в направлении выхода. Охране оставалось лишь догонять. Многие заключенные не впервые оказались в тюрьме и неплохо знали расположение коридоров и переходов. Разумеется, у входа дежурил немаленький отряд стражей. Это были опытные воины, понимавшие, чем им грозит массовый побег из тюрьмы. Они бились с отчаянием, не уступавшим отчаянию заключенных, рвавшихся к свободе. В этой схватке узников полегло куда больше. Но часть из них все же вырвалась на волю, принеся остальных в жертву. И судьба оказалась благосклонна к Марилу Ростину, который, по сути, все это и затеял. Ему довелось увидеть тяжелую главную дверь, отделяющую от вожаемой цели. Довелось прорваться к ней, буквально идя по трупам. Воздух тюремного двора показался Марилу слаще морского бриза, что он однажды вдыхал, когда Гедрика решила выбраться к побережью в сопровождении мужа. Во дворе их ждало новое побоище, безумный прорыв к воротам и почти безнадежная попытка вырваться за них, неожиданно увенчавшаяся успехом. Кто бы мог подумать, что седовласый страж, отвечающий за механизм открытия ворот, так сильно хочет жить. В

надежде спасти свою шкуру он открыл ворота и выпустил тех, кто сумел до них добраться. Взявший на себя роль предводителя заключенный запретил убивать трусливого охранника, заверив, что того все равно ждет суд и петля, так что пусть сдохнет от рук своих товарищей.

Вырвавшись на улицу под предводительством все того же стихийного главаря, пара десятков бывших заключенных устремилась в Ночную часть, распугивая всех встречающихся по дороге прохожих. Главарь кричал, что таким, как они, в Ночной части всегда обеспечены прибежище и особое гостеприимство. Для пройдох, воров, разбойников Ночная часть — дом родной. Но не для Марила. Впрочем, того Марила, который даже днем боялся заходить в Ночную часть, больше нет. А новому нужна новая жизнь и новый дом. Хотя как раз домами Ночная часть не изобиловала. То есть там обычные простенькие дома соседствовали с совсем уж убогими лачугами, но ни в одно из этих жилищ хозяева не жаждали пустить беглых узников.

И все-таки для них нашелся приют. Таковым стал недавно разгромленный трактир «Грязное золото». Правда, к моменту занятия изрядно пострадавшего здания вывески уже не было. Название трактира поведал все тот же бойкий малый, взявший на себя предводительство. Он же рассказал, как пару недель назад стражники и гвардейцы устроили тут настоящую бойню, изгоняя взбесившихся слуг какого-то богатея и тех, кто пожелал присоединиться к новой шайке. Сам рассказчик, которого, как оказалось, звали Пройдоху Тисли, был как раз из последних. Тогда его схватили и бросили в тюрьму.

— Уж никак я не чаял, что и пары недель не пройдет, как снова здесь окажусь, — ухмыльнулся Тисли. — Эх, жаль только, что эти ублюдки скоро явятся сюда за нами, и все начнется по новой. Я бы рванул из города, да все ворота, как пить дать, перекрыли, особенно Ночные. Так что, кроме как здесь окопаться, выбора у нас нет.

— Ты это, — неожиданно перебил Пройдоху тот, кого Марил освободил первым, — не мни о себе больно много. Привел нас сюда — и правильно сделал. Только главным тебя никто не назначал.

— Ты сам, что ли, главным хочешь заделаться? — вскинулся Тисли, уже считавший себя главарем.

— Может, и я, там видно будет, — с этими словами мужчина шагнул навстречу искалеченному трактиру со сбитой вывеской, снесенной дверью и хлопающими на ветру ставнями.

Глава 22

Море было спокойным и ослепительно синим. Теперь-то Лотэсса уже привыкла к этому цвету, но поначалу не могла оторвать глаз. Оказалось, что лишь у берега вода имела молочно-голубой оттенок, а на глубине темнела бесконечной синью. Шел второй день пути, и Тэсс испытывала довольно противоречивые эмоции. Она впервые в жизни путешествовала на корабле, и для нее были вновь как радости, так и трудности подобного передвижения.

За пару дней добравшись из Исхьи до Ниэнны, Валтор с Лотэссой обосновались в этом шумном портовом городе. Но ненадолго: король довольно быстро нашел судно, следующее до Циира через остров Ай-Халла. Причем капитан оказался родом с Шургата, как и экипаж. Эти люди одновременно и интересовали, и немного пугали Тэссу. Корабль назывался «Прекрасная вестница», и, если судить по носовой фигуре, вестница эта была кем угодно, но не женщиной, да и вообще не человеком. Больше всего создание походило на довольно упитанную птицу с головой рептилии. Кто мог счесть это существо прекрасным, представить сложно, очевидно, вкус шургатцев сильно отличался от привычных представлений о красоте.

Ступив на борт, Лотэсса поначалу ужасно боялась пресловутой морской болезни. Но то ли она оказалась не подвержена сей слабости, то ли сказалось исключительно спокойное море — так или иначе, девушка не испытывала особых неудобств, разве что порой шаталась из стороны в сторону, идя по палубе. Впрочем, разгуливая она не так уж много, больше стояла у борта, глядя вдаль. В каюте, выделенной ей капитаном, Тэсс чувствовала себя неуютно. Теснота, темнота, сырость, спертый воздух — все это делало каюту совершенно непривлекательным местом, несмотря на стены, обшитые дорогими деревянными панелями, яркие ткани и прочие предметы роскоши. Свежий крепкий морской ветер и насыщенная синева воды манили девушку куда больше.

Теперь Тэсса выглядела настоящей латирянкой. Кроме наряда, она решилась соорудить типичную латирскую прическу, заплетя волосы в двенадцать кос, перевитых узкими лентами. Смотрясь в зеркало, девушка находила, что выглядит странно, но по-своему привлекательно, не то что в кошмарном сантэрском наряде. Зато для морского путешествия новая прическа обладала неоспоримым достоинством: ветер не мог трепать плотно заплетенные волосы.

Проведя почти весь день на палубе, Лотэсса могла наблюдать за движением солнца, которое теперь медленно, но неумолимо скатывалось к кромке горизонта. К ней подошел Дайриец. В течение дня он довольно-таки много времени проводил рядом со своей невестой. То ли оттого, что ему тоже нравилось стоять и любоваться морем, вдыхая солоноватый ветер, то ли он не хотел оставлять Тэссу одну среди мужчин. Конечно, матросы старались проявить почтительность к состоятельным пассажирам, но было заметно, что присутствие женщины все равно будоражит их. Капитану Валтор по сложившейся традиции представил девушку как сестру, это объяснило необходимость путешествовать в разных каютах. Впрочем, назовись они мужем и женой, это вряд ли остановило бы матросов от чрезвычайно заинтересованных взглядов, бросаемых на знатную латирянку, коей являлась в их представлении Тэсс.

— Знаете, энья Лотэсса, из вас вышла бы замечательная носовая фигура, только в этом случае вестница получилась бы действительно прекрасной, — заметил Малтэйр. — И как только вы умудряетесь практически неподвижно стоять часами, неотрывно глядя вдаль?

— У меня просто нет выбора, — она пожала плечами. — Каюта напоминает мне какую-то темницу, и я соглашусь войти туда только ради сна. Хотя прошлой ночью заснула я с трудом. Наверное, с непривычки. А здесь мне хорошо, даже кашель почти не мучает.

При упоминании о кашле лицо короля потемнело. Дайриец очень серьезно относился к ее болезни. Тэсса и сама давно поняла, что кашель и боль в горле, которая в последнее время почти не оставляла ее, это вовсе не простуда. Еще Энлил дала девушке понять, что болезнь имеет магическую причину. Узнав от Маритэ, что даритель проклятого ильдовского кольца — сам Изгой, девушка пришла к выводу, что и сны ее и болезнь являются платой за то, что она посягнула на реликвию, которую имели право носить лишь потомки Ильдов, и поплатилась за это. Правда, кольца уже давно нет у нее, а состояние все хуже и хуже, но, очевидно, дары Изгоя заключали в себе слишком сильное

и необратимое проклятие. Чем все это может кончиться для нее, Тэсса старалась не думать.

— Мне жаль, но придется увести вас отсюда на какое-то время, — Дайриец осторожно отцепил ее пальцы от перил, словно она собралась оказывать сопротивление и остаться на палубе любой ценой. — Капитан пригласил нас к ужину и отказ воспримет как обиду. У шургатцев какие-то особые правила гостеприимства.

— Хорошо, я пойду, — Тэсс вовсе не собиралась перечить. — Тем более, толком не ела со вчерашнего дня.

Капитанская каюта располагалась на корме и представляла собой просторное, светлое помещение с окнами, занимающими половину стены, и этим выгодно отличалась от тех, что были отведены пассажирам. Роскошь тут присутствовала в каждой детали, причем роскошь яркая и кричащая. Ковры, кованные светильники, шелковые и бархатные подушки, разбросанные по полу, серебряная посуда и даже парочка статуй. В таком помещении Тэсс бы, пожалуй, не отказалась проводить время, но об этом не могло быть и речи. Капитан чем-то отдаленно напоминал Энлил — формой носа, темными вьющимися волосами, смуглой кожей и ярким цветом глаз. Впрочем, как девушка успела заметить, глядя на матросов, яркие глаза являлись для шургатцев обычным делом, а светлокожих и светловолосых среди них вообще не было.

Когда они с Валтором вошли, капитан поклонился, а затем с улыбкой обратился к Лотэссе. Та, разумеется, не поняла ни слова и мысленно послала парочку проклятий тем, кто учил ее бесполезному валэйнскому, словно рассчитывая на возможность вести беседы с поэтами, умершими много веков назад. Вот знания Малтэйра оказались куда полезнее. Он ответил капитану, а потом перевел для спутницы суть их короткой беседы, добавив кое-что от себя.

— Наш капитан — его, кстати, зовут Англат — выражает радость по поводу вашего пребывания на его корабле и посещения его скромного приюта. Кроме этого, он успел воздать весьма витиеватую похвалу вашей красоте. Меня же он спросил, свободно ли сердце моей прекрасной сестры. Пришлось разочаровать беднягу, объявив, что моя сестра помолвлена. Будьте любезны, ведите себя соответственно.

— Вы предполагаете, что я стала бы кокетничать с капитаном?! — девушка изумленно изогнула бровь. — Seriously? Тогда следовало бы заодно предостеречь меня от заигрывания с матросами.

— Я не хотел вас обидеть, — покаянным тоном произнес король, присаживаясь за стол.

На столе, сервированном дорогой вычурной посудой, стояли кувшины и большой поднос с фруктами. Еду же перед каждым присутствующим поставил матрос, прислуживающий за столом. Здесь не было обилия блюд, из которого можно выбирать. На каждой тарелке лежала какая-то рыба, овощи и лепешка. В общем-то, глупо ждать, что капитанская трапеза будет напоминать обеды в замке Линсаров или в Нианоне. Лепешка оказалась просто восхитительной, да и овощи голодная девушка съела с большим аппетитом. А вот рыбу она осилить не смогла из-за обилия костей, которые ненавидела с детства, благо их повара прекрасно умели готовить рыбу, предварительно избавившись от этой мерзости. Тэсса печальноковырялась в рыбе, создавая иллюзию еды, одновременно боясь обидеть хозяина с его особыми представлениями о гостеприимстве и страдая от неуголенного голода.

В каюту заглянул один из матросов, обратился к капитану, и тот, извинившись, вышел. Не успел Англат покинуть комнату, как король без лишних слов придвинул к себе тарелку Лотэссы, переложил с нее злополучную рыбу на свою, а девушке отдал свой хлеб. Таким образом Валтор избавил ее от чувства неловкости за отвергнутое блюдо, любезно предложенное хозяином, и заодно от голода. Тэсс ощутила благодарность, смешанную с неловкостью. С одной стороны, король ее действительно выручил, с другой — это перекаldывание еды из тарелки в тарелку выглядело каким-то слишком уж вольным жестом, возможным лишь между близкими людьми. Девушка промолчала, вздохнула и впиалась зубами в чудесную мякоть пожертвованной лепешки.

Вернувшись, капитан затеял с Валтором оживленную беседу на латирском языке, во время которой Тэсс откровенно скучала и чувствовала себя лишней. Англат хоть и

происходил родом с Шургата, но уже много лет вел торговые дела с Латирэ, поэтому знал язык не хуже его величества. Хотя матросы и принимали пассажиров за жителей Латирэ, капитану было известно, что его гости — эларцы, поэтому Англат не удивлялся тому, что сестра его собеседника не говорит по-латирски. Естественно, король представил себя и Лотэссе вымышленными именами. Пока мужчины беседовали, девушка изучала обстановку каюты, но по большей части смотрела в окна, ловящие отблески заходящего солнца. Его величество изволил обратить внимание на изнывающую от скуки и безделья невесту лишь через час. Он попросил у капитана разрешения сопроводить сестру на палубу, чтобы она могла подышать свежим воздухом, а сам пообещал вскорости вернуться и продолжить интересную беседу. Все это Малтэйр перевел Лотэссе, провожая девушку к полюбившемуся ей месту на палубе.

— Я вернусь через некоторое время. Но если вы устали, отправляйтесь спать, не дожидаясь моего возвращения.

— Слишком раннее время для того, чтобы спать, — возразила девушка. — Лучше расскажите, что вы с таким интересом обсуждали с капитаном. С трудом представляю, какие у вас могут быть общие темы.

— Ну, — он лукаво усмехнулся, — мы обсуждали смену правления в Эларе и нового короля.

— То есть вас?! — Тэсс недоуменно уставилась на него.

— Не меня, ибо для капитана я хоть и представитель эларской знати, но отнюдь не король.

— И что же думает о новом короле Элара наш шургатский друг, говорящий по-латирски? — уже с издевкой спросила девушка.

— Считает, что подобная смена власти будет на руку царице, поскольку Дайрия и Латирэ довольно давно являются союзниками.

— Объединившимися против Элара? — теперь ехидство граничило со злостью.

— Союзы можно заключать не только против кого-то, но и ради обоюдной выгоды союзников, например, торговой. Дайрия вела активную торговлю с Латирэ, и объединенный Элар будет продолжать ту же политику. Конечно, я не мог от своего имени заверить в этом нашего капитана, но он и сам пребывает в уверенности, что все сложится наилучшим для него образом. Он ввозит шургатские товары на Дозью, а Латирэ занимается их продажей. А теперь рынок сильно увеличится за счет присоединенного Элара. Так что для капитана небольшого судна выгода не менее очевидна, чем для царицы Армиры. Кстати, — Дайриец хитро улыбнулся, — капитан Англат предположил, что теперь царица захочет выдать свою внучку за дайрийского короля. От себя добавлю, что она желает этого брака уже довольно давно.

Лотэсса против воли почувствовала что-то вроде укола ревности. Она по-прежнему не мечтала стать женой Малтэйра, но уже как-то привыкла к мысли, что никого другого он в этой роли не видит. Но, естественно, проявлять свое недовольство она не собиралась.

— И что же вас не устраивало в предложении давней союзницы? — девушка старалась говорить как можно безразличнее. — Царевна оказалась недостаточно хороша?

— Царевну Ириану я нахожу весьма неглупой и довольно милой девицей, — голос короля звучал столь же равнодушно. — Просто в мои планы не входило связывать себя узами брака до того, как я разберусь с Эларом.

— О да, теперь-то вы с ним разобрались! — Тэсс не удержалась от горького сарказма.

— Вот именно, — Дайриец по-прежнему казался совершенно спокойным. — Но в Эларе я нашел себе более подходящую партию, — он отвесил Лотэссе символический поклон. — Надеюсь, Ее Величество Армира Латирская поймет мои мотивы. Она гениальный политик и на моем месте наверняка поступила бы так же. Кроме того, ни отец, ни я никогда не связывали себя даже предварительными обещаниями по поводу брака между мной и царевной Ирианой.

— Значит, вы совсем не опасаетесь, что обиженная вашим пренебрежением царица разорвет столь выгодные отношения?

— Не опасаясь, — подтвердил Валтор. — Армира слишком умна и расчетлива, чтобы разорвать выгодный союз с сильнейшим государством из-за мелочной обиды.

— Не такая уж она и мелочная, — возразила Лотэсса.

— Кроме того, — продолжал Малтэйр, — у меня есть мысли относительно возможности укрепить связь между нашими державами путем брака. Теперь, узнав об истинном происхождении эна Торна, я планирую объявить его наследником престола, как только вернусь. Став принцем, Элвир вполне может рассчитывать на союз с царевной.

— То есть вы планируете поступить с лучшим другом, как поступили со мной: лишить его свободы выбора?

— Нет, — возразил Дайриец. — Эн Торн волен распоряжаться своей свободой, как ему заблагорассудится. Я не собираюсь его ни к чему принуждать. Он может заключить выгодный для государства брак лишь по собственному желанию. Элвир не король и не связан столь жестко политическими интересами.

— Да-да, не то что ваше величество, принесшее великую жертву ради блага страны! — Тэсса откровенно злилась, причем на этот раз из-за намека, что брак с ней всего лишь выгодная политическая сделка. Будто раньше она этого не знала!

Король в ответ лишь молча смотрел на Тэсс, чуть заметно улыбаясь уголками губ. Девушка чувствовала себя ужасно неудобно, с каждой минутой все больше расстраиваясь, что позволила королю хотя бы на секунду заподозрить себя в ревности.

— Я пойду спать, — не найдя ничего лучшего, заявила она.

— Я провожу вас, — Малтэйр вел себя как ни в чем не бывало. — Может, время еще и не слишком позднее, но этой ночью вы дурно спали, поэтому лечь пораньше не помешает.

Дайриец, как и обещал, проводил ее до каюты и, учтиво пожелав доброй ночи, удалился — должно быть, продолжать с капитаном увлекательные беседы о личной жизни монархов.

Надежда Тэсс быстро заснуть не оправдалась. Девушка долго ворочалась, постепенно раздражаясь все сильнее. Бессонница лишь усиливала досаду на короля, который, как ей стало казаться, затеял всю эту беседу лишь с целью подчеркнуть свою значимость и унижить невесту.

Но сколь бы ни была сильна злость, через какое-то время усталость тела взяла верх, и Лотэсса наконец погрузилась в сон.

Проснулась она от очередного приступа. Кашель душил ее, а по горлу словно скребли острыми ножами. Поначалу Тэсс просто лежала в кровати, пережидая, пока это прекратится. Но кашель лишь усиливался и становился все мучительнее. Очень скоро девушка ощутила, что задыхается. В каюте и без того было нечем дышать. Преодолевая телесную и душевную слабость, Лотэсса поднялась и, шатаясь, направилась к двери, чтобы выйти на палубу и глотнуть свежего воздуха. Перед глазами все плыло, и с каждой секундой Тэсс все глубже погружалась в мир терзающей боли, теряя связь с реальностью. Так плохо ей еще никогда не было. Дрожащими руками девушка попыталась открыть задвижку на двери, но даже нащупать ее в темноте было непросто. А тратить время и силы, чтобы найти и зажечь свечу — просто невыносимо. Грудь словно кромсали десятки лезвий, воздуха мучительно не хватало, а вдохнуть хоть глоточек не получалось. Комната резко кувыркнулась, и Тэсса почувствовала сильный удар. Наверное, она упала и ударилась затылком. Теперь уже точно не дотянуться до двери, не стоит и пытаться. Если еще несколько секунд полежать вот так, то воздух в легких кончится и жизнь покинет ее, унося с собой невыносимую боль. Последней мыслью угасающего сознания было решение не сопротивляться смерти.

А затем в сверкающую искрами темноту ворвался жуткий грохот и скрежет. Почти бессознательное тело пронзила новая боль, на этот раз в руке и в спине. Девушку словно волокли по полу, точнее, толкали чем-то острым и тяжелым. Но это продолжалось

недолго. Практически сразу она почувствовала, как ее подхватили и подняли с пола, а затем ощутила блаженный свежий ветер. Еще секунда, и Тэсс смогла наконец сделать вдох. А потом еще и еще. Крепкий солоноватый воздух струйками втекал в ее легкие, словно вливая жизнь. Вскорости искрящийся мрак уступил место обычной темноте ночи, освещаемой кормовым фонарем и светом далеких звезд.

Вновь ощутив способность видеть, Лотэсса даже не повернула головы, чтобы взглянуть, на чьих руках покоится. Она и без того знала, кто очередной раз вырвал ее из объятий смерти. Надо бы поблагодарить его величество, вновь оказавшегося в нужном месте в нужное время, но пока девушка была не в силах произнести ни слова. Король заговорил сам.

— Нельзя было оставлять вас, — голос звучал глухо, как всегда, когда Дайриец волновался.

— Вы не сможете быть при мне постоянно, — она сама подивилась тому, что вновь может говорить. Каждое слово давалось с трудом, вырываясь из груди со свистящим хрипом.

— Я должен быть рядом, — возразил король. — Для этого я и сопровождаю вас как хранитель. Благодаря связи между нами я чувствую, когда нужен вам, но что толку, если однажды я окажусь рядом с вами слишком поздно? Такое больше не повторится, одна вы не останетесь. С этого момента я буду делить с вами каюту, и плевать, кто что подумает...

— Это вам плевать, — хрипло возразила Тэсса. — А моя репутация...

И тут же осеклась, увидев собравшихся вокруг них матросов. Все они имели возможность созерцать ее в ночной рубашке, на руках у мужчины, только что выбившего дверь ее каюты. Девушку охватило жгучее чувство стыда, но она осознавала, что ничего уже не изменить. Король сказал несколько фраз подошедшему к ним капитану. Тот кивнул, а затем ушел, отдав матросам какой-то приказ. Через минуту рядом с Валтором и Лотэссой не осталось ни души.

— Я попросил капитана позволить мне жить в одной каюте с больной сестрой, — перевел он для Тэсс. — Эти люди слышали ваш жуткий кашель, видели, как я выбивал дверь и в каком состоянии выволок вас на палубу. Вряд ли кто из них подумает что-то дурное о наших отношениях.

— Поступайте, как знаете, — без сил ответила она. — Только не уносите меня в эту душную темницу прямо сейчас. Дайте надышаться.

Глава 23

Лан сидел над открытой книгой, но мысли его витали далеко. После легкого предупреждающего стука в дверь заглянул дворецкий.

— Эн Лан, вас желает видеть какая-то девушка.

На миг сердце сбилось с ритма. После слова «девушка» Лан невольно подумал о Лотэссе. Конечно, логика тут же услужливо разбила это предположение в пух и прах. Во-первых, дворецкий знал наследницу Линсаров в лицо и никогда не представил бы ее «девушкой». Кроме того, Лотэсса находилась бесконечно далеко и ждать, что она вот так появится на пороге его дома, — настоящее безумие. Безжалостно подавив безумную надежду, Лан отправился встречать гостью. Ею оказалась милая белокурая девица. Увидев вошедшего хозяина, она склонилась в реверансе и представилась.

— Приветствую вас, эн Таскилл. Простите, что решилась вас побеспокоить. Я — Альва Свелл, фрейлина эньи Лотэссы, — говоря, девушка смотрела на Лана прямо, не опуская удивительно зеленых глаз.

— Дэнья Альва, — юноша взял руку гостьи и поднес к губам. — Конечно, мне следовало бы узнать вас. Лотэсса... энья Линсар столько рассказывала о вас.

На самом деле Тэсс упомянула новую подругу уже перед самым отъездом, но, с другой стороны, до этого у них не было возможности видеться.

— Мне стоило прийти раньше, — смущенно проговорила девушка. — Но столько всего случилось, — вздохнула она.

— Где Лотэсса? — меньше всего сейчас Лану хотелось отвлекаться на что-то постороннее. — Она обещала, что вы расскажете, куда король увез ее.

— Да, расскажу. Король увез энью Лотэссу в Храм Маритэ. Это в Унт-Рино...

— Я знаю, — машинально кивнул юноша. — Но зачем?

— Чтобы защитить, — Альва посмотрела на Лана, и во взгляде ее читалось сомнение. — Но сейчас их уже там нет. Все так сложно, эн Таскилл. Если я вывалю на вас так сразу все, что сама узнавала постепенно, боюсь, вы просто не поверите и сочтете всех нас сумасшедшими.

— Всех вас — это кого? — насторожился он.

— Меня, Лотэссу, короля, Энлил, дэна Итона, протектора, — перечисляла девушка.

— Король и протектор? — Лан нахмурился. — Вот уж кому у меня нет оснований доверять. — А кто такая Энлил, я вообще не знаю.

— Энлил — шургатская колдунья, — Альва снова выглядела смущенной, словно считала себя в ответе за все творящиеся странности. — А что до короля и протектора, то волею судьбы они вовлечены в происходящее. И сейчас не лучшее время для ненависти. Дэн Итон сумел это понять, и я, и даже Лотэсса. Я догадываюсь, сколь неприятно вам слышать имена короля и эна Торна...

— Они мне безразличны, — довольно бесцеремонно перебил юноша. — Сейчас я хочу знать лишь то, что касается эньи Лотэссы.

— То, что касается ее, касается всех нас, — голос ее прозвучал как-то торжественно и грустно. — Не знаю, эн Таскилл, сможете ли вы поверить и принять то, что в мире творятся ужасные вещи и судьба всей Анборейи зависит от Лотэссы.

— От Тэсс зависит судьба мира? — Лан уставился на гостью, не думая скрывать недоверие. — Кто это выдумал? Дайрийцы? Или эта ваша колдунья? Или, может быть, жрицы Маритэ, к которым вы увезли Лотэссу?

— Я ее никуда не увозила! — запальчиво возразила девушка. — Будь моя воля, я бы ее никуда не отпустила... и была бы неправа. Куда бы ни направлялась энья Лотэсса, не

думаю, что там ей будет опаснее, чем в нынешней Вельтане.

— И куда же она направляется? — его по-прежнему интересовало лишь то, что связано с Тэссой. Но, увидев укоризненный взгляд в глазах собеседницы, Лан все же спросил. — А что творится с Вельтаной?

Естественно, девушка предпочла ответить на вторую часть вопроса. Оказалось, что смутные отголоски слухов, проникавшие за стены Таскиллона, не только правдивы, но и сильно преуменьшены. Город охватила волна безумных убийств, совершаемых одержимыми, находящимися под влиянием магии. Поверить во все это было действительно сложно, но вряд ли подруга Лотэссы стала бы врать.

— Я понимаю, как вам тяжело. Мне было проще. Сначала я познакомилась с колдуньей, потом увидела чудовище...

— Действительно, намного проще, — хмыкнул Лан.

— Я имею в виду, что на вас все свалилось сразу, а у меня было время хоть немного привыкнуть ко всем этим страшным чудесам. И потому, узнав, что Изгой и Маритэ — не просто отголоски забытой веры...

— Изгой и Маритэ?! Ну, это уж слишком! — Лану вновь показалось, что над ним издеваются.

Альва вздохнула.

— Я не заставляю вас верить. Просто говорю то, что знаю сама. При всем желании я не смогу предъявить вам Изгоя в качестве подтверждения своих слов. И лично встречаться с ним мне не доводилось. Но из того, что удалось узнать, следует, что именно он подарил первому Ильду кольцо, которое отдал вам Йеланд. Покойный король воспользовался кольцом, о чем он вам сам рассказал, если вспомните. Правда, Йеланд не знал, к кому обращается, как не знал и того, что его зов услышан.

— Хотите сказать, что Ильды надеялись на помощь Изгоя? — он понимал, что определенный смысл и логика в словах девушки есть, и все-таки принять услышанное на веру никак не получалось.

— Говорю же, Йеланд просто не знал, к каким силам взывает, да и вряд ли верил в старую семейную легенду. А она, судя по всему, оказалась правдой.

— Если король вызвал Изгоя, то почему тот не помог ему? — даже в этом безумии Лан пытался отыскать логику.

— Спросите об этом у Изгоя при случае, — дэнъя Свелл, похоже, начинала злиться. — Передо мной он не отчитывался.

— Я не хотел вас обидеть, — юноша почувствовал себя виноватым. — Но поймите и меня...

— Я понимаю, — она кивнула. — И сожалею, что вам пришлось узнать все именно таким образом. Возможно, вы предпочли бы неведение. Но скрывать от вас правду и дальше — непозволительная роскошь, учитывая все, что происходит.

— Предположим, я найду в себе силы поверить. Но что же с этим делать? Ждать, пока Изгой уничтожит мир? Ведь, как я понимаю, именно этим он и занялся.

— Если верить Маритэ, жрицам и Энлил, то знья Лотэсса — единственная, кто может его остановить, — Альва взглянула на собеседника почти испуганно, словно предвидя его реакцию на очередное откровение.

Лан обхватил голову руками и закрыл глаза. Мало того, что белокурая девица за полчаса воскресила все древние сказки и легенды и сообщила, что столица полна безумными убийцами, так теперь она еще и заявляет, что Лотэсса должна лично сразиться с Изгоем. Его Лотэсса! Лучше бы уж Альва Свелл и вправду молчала, ибо от услышанного можно сойти с ума и впасть в отчаяние. И главное, он ничего не в силах изменить.

— Где она? — только и мог спросить он.

— Они с королем отправились на Граайю.

— Куда? — пробормотал Лан — Впрочем, на фоне всего услышанного удивляться путешествию на запретный материк просто глупо.

— Простите, — только и могла прошептать девушка в ответ. — Мне жаль. И я переживаю за эню Лотэссу не меньше вашего. Но, повторюсь, находиться в Вельтане ей сейчас тоже не стоило бы. Как и вам.

— Что вы имеете в виду? — он непонимающе уставился на собеседницу.

— Именно то, что сказала, — твердо произнесла девушка. — Вам нельзя оставаться в Вельтане. Обстановка в городе становится слишком опасной и непредсказуемой.

— Дэнъя Свелл, вы серьезно полагаете, что я покину столицу, дабы защитить себя от реальных или воображаемых опасностей? Вельтана — сердце Элара, и я, как герцог Таскилл, останусь здесь, что бы ни происходило, — он и сам понимал, сколь высокопарно это звучит, но есть моменты, когда пафос оправдан.

— И вы, конечно, готовы погибнуть? — Альва недобро прищурилась.

— Готов, — юноша отнюдь не рисовался.

— И вам наплевать, что с вашей смертью род Таскиллов прервется?

Лана на секунду охватил гнев. Как смеет эта девушка, бесконечно уступающая ему в знатности, учить его, в чем состоит долг Таскилла? Что она может в этом понимать?! Однако, сдержав первый порыв указать Альве Свелл ее место, он понял, что злость отчасти обусловлена правотой Лотэссиной подруги. И все же, она взяла на себя слишком много.

— Позвольте мне самому решать судьбу моего рода, — слова прозвучали высокомерно.

— Как и судьбу своей матери? — Альва словно наотмашь ударила его этой фразой.

Эта девушка, ни разу не видевшая его матери и наверняка знавшая ее лишь из рассказов Лотэссы, подумала о судьбе эны Алдоры прежде, чем родной сын!

— Вы правы, — с трудом произнес Лан. — Ей следует уехать. Мне стоило подумать об этом самому, но я не подозревал, насколько серьезно обстоят дела. Разумеется, я отправлю мать из столицы, как только смогу. Но сам останусь. И не пытайтесь отговорить меня, дэнъя Альва.

— Ваша матушка согласится ехать без вас? — спросила девушка.

— Уверен в этом. Алдора Таскилл не из тех, кто одобряет трусость сыновей, — опять фраза вышла чересчур пафосной.

— Если не думаете о матери, подумайте хотя бы о Лотэссе, — Альва, судя по всему, выложила последний козырь. — Что станет с нею, если вы погибнете из глупого упрямства?

Лучше бы она этого не говорила. После ее слов Лан уже не в силах был совладать с собой.

— А Лотэсса подумала обо мне, рискуя собой, отправляясь на Граайю и бросая вызов Изгою?! Кто-нибудь спросил, что чувствую по этому поводу я?

Ох, зачем он все это наговорил! Ну вот, теперь Альва смотрит на него с таким понимающим сочувствием, что хочется провалиться сквозь землю.

— Лотэсса постоянно думает о вас, эн Лан, — тихо произнесла девушка. — Она пишет о вас в каждом письме и...

— Постойте, о каких письмах идет речь? — слова собеседницы вызвали недоумение. —

Лотэсса, конечно, покинула столицу полтора месяца назад, но сколько писем могло прийти за это время?

— Гораздо больше, чем можно предположить. Энлил — колдунья, о которой я говорила — предложила способ обмениваться посланиями посредством магии. Именно поэтому мы знаем, что происходит с королем и эньей Лотэссой, а им известны события, происходящие в Вельтане. Энья Лотэсса очень переживает за вас и эну Алдору. Увы, я не могу показать вам ни единой строчки из этих писем, но надеюсь, что вы не заподозрите меня во лжи, — Альва взглянула ему в глаза.

Лан поспешил заверить ее, что, конечно же, верит каждому слову. Он даже не лукавил во имя галантности. Если уж он найдет в себе силы поверить в Изгоя, Закат Мира, предназначение Лотэссы, возможность достигнуть Грааии и прочие безумные вещи, то переписка с помощью магии — сущие пустяки, не стоящие сомнений. От сознания того, что Тэсс думает о нем, на сердце стало теплее. Но решимости остаться в столице даже такой аргумент поколебать не мог. Впрочем, не одна Альва умеет использовать неожиданные доводы в споре.

— Дэнъя Свелл, вы ведь сотрудничаете с протектором? — заметив, как изменилось лицо девушки, он поспешил добавить. — Нет, нет, я не осуждаю вас. Я и сам согласился на то же самое ради блага Лотэссы. Просто задумайтесь, что предпримет Торн, узнав о моей попытке покинуть столицу. Мать он, быть может, еще и выпустит из города, но не меня.

— Хотите знать, что скажет на это протектор? — она как-то странно усмехнулась. — Что ж, если вам интересно, то именно он велел мне отправить вас с эной Алдорой подальше от Вельтаны.

— Что?! — вскричал Лан. — Так вы здесь по приказу протектора?

— В первую очередь я пришла к вам ради эньи Лотэссы и ее постоянного беспокойства о вас. Но не далее как вчера протектор с комендантом при мне обсуждали необходимость услатить Таскиллов из столицы.

— Услать! — с горьким сарказмом воскликнул юноша. — Какое точное слово! Ваш Торн жаждет избавиться от меня, и вы решили ему в этом помочь.

— Странная, однако, логика, — девушка не смутилась, хотя следовало бы. — То вы заявляете, что протектор вас ни за что не выпустит из города, то упрекаете его в желании избавиться от вас.

— Откуда мне знать, что он задумал, — досадливо отмахнулся Лан. — И что ему выгоднее в данный момент: мое отсутствие в столице или возможность добраться до меня в любой момент. У дайрийцев свои резоны. Но я не собираюсь подыгрывать им.

— Единственным резонном эна Элвира является желание сохранить вам жизнь, коей вы столь мало дорожите, — в голосе девушки сквозил упрек.

— И зачем это ему? Дайрийцам-то какой прок в жизни герцога Таскилла?

— Вы сами ответили на свой вопрос, эн Лан. Вы — герцог Таскилл и следующий претендент на престол после Малтэйра и... самого эна Торна.

— Что?! — он с удивлением воззрился на собеседницу. — Протектор решил покуситься на эларский трон, пока король в отъезде?

— Нет, — она энергично помотала головой. — Просто выяснилось, что Торн имеет не меньше прав на корону Дайрии, чем Малтэйр, если не больше. А поскольку Дайрия и Элар теперь, по сути, — одно государство, то и на корону Элара.

— Как такое может быть?

— У Дайра Ильда, кроме всем известной королевы Теоры, был сын, существование которого посчитали нужным скрыть. Элвир Торн — его потомок. Впрочем, он отнюдь не жаждет надеть корону и искренне верит в возвращение своего государя. Но мы не можем быть уверены ни в чем. И если по воле богинь Малтэйр не вернется, а Торн... — тут девушка запнулась, — погибнет, то вы — единственный законный наследник

престола и последняя надежда нашей несчастной страны.

— Лотэсса имеет не меньше прав, чем я, — пробормотал Лан, ошеломленный услышанным.

— Энья Лотэсса далеко, — печально вздохнула Альва. — Энлил сказала, что она вернется, и я верю в это, но как скоро это случится, никто не знает. Кроме того, она женщина, а мужчина на троне всегда предпочтительней.

Интересно, девушка озвучивает собственные соображения или цитирует того же Торна? Лан пребыл в крайнем удивлении от того, что дайрийские правители видели в нем не угрозу своей власти, а возможного претендента на престол и в этом качестве пытались сохранить его вместо того, чтобы уничтожить. Кроме того, юноша поражался самой Альве. Тэсс поручила эту девушку его заботам, велела беречь ее, а вышло так, что Альва Свелл явилась, чтобы спасти его самого.

— Я подумаю обо всем, что вы сказали, дэнья Альва. Все это довольно неожиданно, но не лишено смысла.

— Благодарю, — девушка слегка склонила голову. — Могу я попросить вас об одной услуге?

— Просите о чем угодно, — с жаром воскликнул он. — Я сделаю все, что в моих силах, и не только ради эньи Линсар, но и ради вас.

— Покидая столицу, не могли бы вы захватить нескольких людей? Юношу и двух женщин. Одна из них — дворянка, моя тетя Тийла Ормонд. Ларни Боглан — мой друг, он может оказаться полезным в пути, как и его мать — Рисса. Рисса недавно лишилась мужа, а Ларни — отчима, и я просто не могу бросить их одних в Кузнечной части, которая граничит с Ночной. И тем более я не могу оставить там тетушку. Протектор позволил мне забрать тетю и Ларни с матерью во дворец, но я все же предпочла бы знать, что они далеко от Вельтаны в эти ужасные дни.

— А вы? — Лан с трудом дождался конца фразы, чтобы задать этот вопрос. — Я, разумеется, позабочусь о людях, за которых вы просите. Но если уж я приму решение покинуть Вельтану, то ни за что не сделаю этого без вас. Лотэсса никогда бы не простила мне подобного пренебрежения к судьбе своей подруге. Да я и сам ни за что не позволю вам оставаться в столице, пока творятся все эти ужасы.

— Но дэн Карст... — начала было она.

— Уверен, что комендант одобрит идею выдворить вас из города, так же как и протектор. Каким бы человеком он ни был, вряд ли он станет рисковать безопасностью юной девушки. Что же, теперь мне придется приводить ваши же доводы, убеждая вас уехать? Напоминать о тревоге эньи Лотэссы и вашей тети, о которой вы так заботитесь?

— Я не знаю, эн Лан, — растерянно пробормотала Альва. — Я подумаю, — она ответила почти его же словами.

— Надеюсь, люди, окружающие вас, подтолкнут вас к правильному решению. Если же нет, то мне придется просто запихнуть вас в карету или перебросить через седло и увезти из города.

Альва в ответ улыбнулась. Улыбка вышла чуть растерянной, но такой теплой и открытой, что расположение юноши к подруге Тэсс только усилилось.

— Мне, наверное, пора? — в голосе девушки звучала вопросительная интонация, словно она отпрашивалась.

— Надеюсь, ожидающие вас дела не настолько срочные и важные, чтобы вы покинула наш дом, не познакомившись с моей матерью, — Лан не собирался отпускать гостью.

— Я... Это честь для меня, но... — Альва совсем растерялась от подобного предложения хозяина.

Должно быть, наслушавшись Тэссиных рассказов об эне Алдоре, побаивается ее,

несмотря на уважение. Подобные чувства к эне Таскилл испытывали многие даже среди столичных аристократов, что уж говорить о юной дворяночке из провинции. И все же Лан настоял на том, чтобы девушка осталась. Он был абсолютно уверен, что Альва Свелл понравится его матери. В любом случае, им стоит познакомиться. Лан еще не знал, решится ли сам покинуть Вельтану, но мать он точно отправит в родовое имение, и непременно в сопровождении Альвы. И если упрямая девчонка не прислушается к его мнению, посмотрим, как она попробует противостоять доводам Алдоры Таскилл.

Глава 24

На твердой земле Тэссу слегка пошатывало, и приходилось волей-неволей цепляться за любезно предложенную руку короля. Если в Латирэ было почти по-летнему тепло, то на этом берегу Моря Туманов погода оказалась не менее благосклонной, хотя миновало уже больше двух недель и последний осенний месяц был на исходе. В Вельтане, должно быть, скоро ляжет первый снег. Хотя о Вельтане лучше не вспоминать. Малтэйр, долго скрывавший от невесты содержание писем протектора, однажды вечером, выпив в обществе капитана Англата больше обычного, неожиданно разговорился. Лучше б он этого не делал. Узнав, что творится в столице, Тэсс сначала испытала гнев за то, что от нее так долго скрывали правду. Но жить с этой правдой оказалось настолько непросто, что девушка испытала невольную благодарность к Дайрийцу, доселе державшему ее в неведении. Помимо общего беспокойства за судьбу родного города и его жителей, Лотэссу мучила непрестанная тревога о близких людях — Альве, Лане, эне Алдоре и родителях. Король с протектором решили, что Линсарам и Таскиллам будет лучше временно покинуть столицу, хотя такой поворот и грозил дайрийцам определенными проблемами.

Несмотря на переживания, неотступно преследовавшие ее, девушка не могла не замечать происходящего вокруг. Порт, куда они прибыли, не сильно отличался от порта Ниэнны, разве что обилием ярких красок, которыми здесь были выкрашены даже стены полуразвалившихся складов или жалких сараев. Тепло попрощавшись с капитаном «Прекрасной вестницы» и вручив ему более чем щедрую плату, путешественники двинулись прочь от порта, в сторону центра города, носившего название Баата. Конечной целью их путешествия являлась неофициальная столица Ай-Халлы — Ни'имэ, но туда еще нужно было попасть.

— Почему вы думаете, что этот колдун согласится нам помочь? — обратилась Тэсс к спутнику.

— Потому что так сказала Энлил, — король, кажется, не был расположен поддерживать беседу.

Девушка видела, что Малтэйр еще тяжелее, чем она, переживает события в столице. И не уставала удивляться, по-прежнему воспринимая Элар как страну, чужую Его Величеству Валтору Дайрийскому. Между тем, похоже, новый король считал себя ответственным за судьбу захваченного государства, что заставляло его терзаться от невозможности хоть как-то повлиять на события.

— Я предпочел бы не останавливаться в городе и сразу отправиться в Ни'имэ, если вы, конечно, не нуждаетесь в отдыхе.

— Нет, отдых мне не нужен, — не задумываясь, ответила Тэсс. — Напротив, я устала от бездействия, недели напролет находясь в одном месте.

Лотэсса лукавила. Путешествие на корабле изрядно утомило ее, особенно ночи в тесной каюте, да еще и в обществе его величества. Король спал на полу, но само его присутствие вынуждало девушку спать одетой. Она дорого бы дала за возможность пару дней провести в нормальной гостинице, но утешила себя тем, что сможет сделать это в Ни'имэ, где гостиницы наверняка лучше. В последнее время Тэсс казалась сама себе слишком кроткой и безропотной. Она давно уже позабыла о язвительных спорах с Дайрийцем — впрочем, он вообще в последнее время говорил мало и в основном по делу. Как бы она ни относилась к этому человеку, сейчас их связывала общая цель, и накалять отношения из-за того, что уже не изменить, было не лучшим вариантом поведения. Когда-нибудь она все ему припомнит, если, конечно, это «когда-нибудь» вообще наступит.

Сначала Малтэйр подумывал купить лошадей, но капитан уверил его, что по Ай-Халла, да и по любой стране Шургата куда разумнее передвигаться в составе небольших групп, направляющихся в одно место. Будущие спутники собирались на торговой площади в противоположной от порта части города. Идеальным в плане безопасности вариантом считалось присоединение к купеческому каравану, имевшему вооруженную охрану. Но такой расклад никак не устраивал Валтора с Лотэссой. И причиной служила не дороговизна такого путешествия, а слишком медленная скорость передвижения. Но и

ехать вдвоем представлялось чересчур рискованным и безрассудным. Между немногочисленными городами, раскиданными по острову, лежали дикие земли, населенные не менее дикими людьми. Удобнее всего было найти нескольких попутчиков, заинтересованных попасть в Ни'имэ как можно быстрее.

Оказавшись на торговой площади, Лотэсса почувствовала себя растерянной среди гомона незнакомых слов, крикливой яркости красок и всей этой чуждой суеты. Знание королем латирского языка пришлось весьма кстати. Как ни странно, здесь многие понимали это наречие и пользовались им. Дайриец передвигался по площади, задавая только ему одному ведомое направление и крепко держа Тэсс за руку. Время от времени он заговаривал с какими-то людьми, отходил от них, подходил к другим. Девушка даже не пыталась понять поведение спутника. Она уже потеряла счет времени, когда Малтэйр обернулся к ней и наконец изволил заговорить по-эларски.

— Нам повезло. Мы сможем отправиться в путь через пару часов. Заночуем в каком-то маленьком городе — названия я не запомнил — и завтра к середине дня будем на месте, — лаконично изложив обстановку, неожиданно король осведомился уже совсем другим тоном: — Вы выдержите такое путешествие, Лотэсса?

В последнее время Дайриец все чаще опускал положенное обращение «энья», но Тэсса глотала это. Да и могла ли она упрекнуть в недостатке почтительности короля двух держав, которого прилюдно величала «эном Малтэйром»?

— Я выдержу все, что потребуется, — ответила девушка. — Кто наши спутники?

Мысль о том, что придется добираться до Ни'имэ в компании незнакомых и чуждых людей, угнетала ее. И пусть она за время пребывания на корабле успела немного привыкнуть к шургатцам, все равно жители другого материка казались ей странными и непонятными. В них все было непривычно. Пестрота и многослойность одежд, мужчины, заплетающие часть волос в косы, смуглая кожа и необычно яркие глаза. Латирцы в сравнении с жителями Ай-Халла казались образцом умеренности и скромности.

— Нам предстоит поездка в обществе семьи наемников — отца и двух сыновей. Они собираются предложить свои услуги столичным вельможам.

— Вы доверяете наемникам? — иронично поинтересовалась Тэсса.

— Отчего бы и нет? Как правило, попутчики заинтересованы друг в друге, но в этом случае я предложил им оплату за сопровождение. Вряд ли они пренебрегут возможностью подзаработать в пути.

— Конечно, — она кивнула с нарочитой серьезностью. — Особенно если им представится возможность, кроме оговоренной платы, взять с заказчиков еще что-нибудь. Все деньги и ценности, к примеру. Или, может быть, жизнь.

— Вы полагаете, я должен опасаться стареющего наемника и двух юнцов? — за насмешливым тоном явно скрывалось оскорбленное самолюбие. — Высокого же вы обо мне мнения, энья Линсар.

— Если вы столь сильны и бесстрашны, то зачем вообще терпеть общество посторонних людей в пути? — поддела короля девушка. — Почему бы нам не добраться до Ни'имэ вдвоем?

— Хотите остаться со мной наедине? — Валтор улыбнулся.

Точнее, это была скорее ухмылка, чем улыбка, но Тэсс, привыкшая к неизменно мрачному виду спутника, порадовалась и этому. Ужас какой! Король отпускает скабрзные шутки в ее адрес, а она вместо праведного гнева радуется тому, что его лицо хоть на миг покинула маска сосредоточенного безразличия.

— Лучше уж вы, чем непонятно кто, — хмыкнула Лотэсса в ответ.

— Ценю ваше доверие, но все же предпочту последовать совету капитана и не искушать многочисленных разбойников видом двух человек, один из которых — женщина. Трое спутников, да еще вооруженных, лишними не будут. А вот, кстати, и они.

Стареющий наемник оказался не таким уж стареющим, он выглядел моложе отца Тэссы, а сыновья не смотрелись совсем уж юнцами: младший из них, наверное, был ее ровесником.

Все трое мужчин, застыв, уставились на Лотэссу весьма красноречивыми взглядами. Получив в ответ не менее красноречивый взгляд его величества, шургатцы поспешно опустили глаза, склонили головы и что-то сказали, очевидно, представились. Король ответил им, а затем передал Лотэссе сложно звучащие имена спутников, которые она даже не собиралась запоминать. С помощью новых знакомцев Дайриец приобрел лошадей для себя и спутницы. Кони незнакомой породы показались Тэсс довольно красивыми, и она подумала, что в Эларе они стоили бы хороших денег.

Солнце уже клонилось к закату, когда небольшая компания тронулась в путь. К радости Тэсс, наемники если и разговаривали, то между собой и совсем немного. За стенами Бааты еще какое-то время попадались дома, точнее, хижины, выкрашенные в самые немыслимые цвета, но чем больше путешественники отдалялись от города, тем безлюднее становилась местность. В отличие от Латирэ, растительность здесь не поражала разнообразием и великолепием. Деревья попадались нечасто, да и то какие-то однообразные с тусклой листвой, цветов вообще не было видно, а довольно высокая трава по обеим сторонам дороги казалась выцветшей. Может, оттого шургатцы так и тяготеют к ярким краскам, что природа на них поскупилась, вот и приходится самим восполнять этот недостаток. А может, все дело в том, что сейчас осень, а весной и летом тут все иначе. Не спрашивать же у этих наемников. Лучше поинтересоваться у Энлил.

Через некоторое время созерцания такого однообразного пейзажа Тэсс почувствовала, что перед глазами все искажается и плывет, и не заметила, как задремала. Очнувшись, она, ощутив, что ее держат на весу. Король, верный своему обыкновению, пересадил девушку к себе в седло. Приоткрыв глаза, Лотэсса заметила заинтересованные взгляды спутников, но ей не было дела до того, что подумают эти шургатские дикари, с которыми она навсегда расстанется уже завтра. Это путешествие сделало ее куда менее щепетильной.

Проснувшись, девушка обнаружила, что уже стемнело. Вместо пустынных просторов вокруг светились огнями окна домов. Очевидно, они добрались до какого-то поселения. Так и оказалось. Это было то самое место, где путники изначально планировали заночевать. Большая часть домов смотрелась убого, зато гостиница выглядела на удивление достойно. Крепкое на вид двухэтажное здание с навесом для лошадей во дворе. Первый этаж занимал общий зал, предназначенный для еды и отдыха. На втором располагались комнаты для гостей. В плане устройства гостиница мало отличалась от доэйских. Зато антураж вовсе не казался привычным. Стены покрывала густая узорная роспись. Светильники представляли собой подвешенные к потолку кованые плошки, в которых горел огонь. Столы и скамьи были гораздо ниже привычных. Скатерти и занавески на окнах больше напоминали ковры из плотных разноцветных ниток, затканые необычными узорами, в которых совершенно отсутствовала логика и симметрия.

Пятеро путников уселись за один стол, что вновь вызвало приступ досады у Лотэссы. Ну почему они хотя бы поесть не могут в одиночестве? Обратившись к старшему из спутников, король спросил, какие блюда стоит заказать. Отец, в отличие от сыновей, говорил по-латирски. Даже Тэсс была вынуждена признать, что это обстоятельство несколько облегчает их жизнь, потому что шургатского языка, общего для населения всего материка, не знал даже просвещенный Дайриец. Принесенная еда отталкивала и видом, и запахом. Какая-то непонятная смесь из мяса и овощей, судя по всему, обильно сдобренная странными специями. Девушка решила, что не настолько голодна, чтобы соблазниться странными блюдами. Шургатцы с энтузиазмом накинудись на еду, король осторожно попробовал, а Тэсс демонстративно отставила тарелку.

— Я могу попросить воды и хлеба? — она старалась скрыть раздражение, что не очень получалось. — Надеюсь, здесь умеют печь хлеб и он не столь разительно отличается от нашего?

— Мне не стоило полагаться на вкус наших спутников, — вздохнул Малтэйр, которому, видимо, местное угощение тоже пришлось не по вкусу. — Возможно, у хозяев найдется что-нибудь более съедобное. Вы и так изголодались и исхудали за время путешествия на корабле, не хватало еще и дальше морить вас голодом.

— Вы не станете упрекать меня в изнеженности и капризах? — с некоторым удивлением спросила девушка. На корабле ей порой доставалось на эту тему.

— После этого? — он выразительно кивнул в сторону расписанной глиняной миски, наполненной странной мешаниной. — Да перед этим отступит любое чувство голода!

Затем король обратился к наемнику, тот подозвал слугу и, очевидно, передал пожелания придирчивых иноземцев. Через некоторое время слуга принес еще горячие лепешки — тоненькие, хрустящие и очень вкусные — и кувшин с ледяной водой, в которой плавали листики мяты. После ужина девушка отправилась к себе в комнату и, рухнув на довольно широкую кровать, испытала истинное блаженство. Правда, наслаждаться ей довелось недолго, поскольку сон сморил ее почти сразу.

Проснувшись довольно поздно, Тэсса удивилась тому, что Дайриец не растолкал ее раньше, ведь условились выезжать чуть ли не на рассвете. Король объяснил причину.

— Можете радоваться, ваше желание сбылось, — язвительно начал он. — Наши спутники вчера ночью нашли нанимателя среди постояльцев гостиницы. Сговорившись с заказчиком, почтенный отец семейства наемников решил, что им больше нет смысла ехать в Ни'имэ. Он, правда, честно вернул мне половину оговоренной платы и принес извинения. Так что дальше добираться нам придется вдвоем. Впрочем, такой уж большой беды в этом не вижу, все-таки большая часть пути позади.

Лотэсса и вправду обрадовалась, но виду не подала. Общество посторонних, совершенно чужих людей злило и утомляло ее. На фоне всех этих матросов, наемников и прочих шургатцев Дайриец казался почти родным. Кроме того, она уже привыкла полагаться на него, доверяя предназначению хранителя.

Впрочем, на сей раз королю не пришлось доказывать на деле, насколько хорошим воином и защитником он является. Путешествие по выцветшей степи с редкими деревьями проходило мирно и спокойно. Ни на дороге, ни вдоль нее Валтору и Лотэссе не встречалось ни души. До определенного момента. После очередного поворота путешественники увидели у обочины двух людей: мужчину и женщину, привязанную к стволу дерева. Бедняжка тихо подвывала, а ее мучитель перебирал какие-то ножи и еще более жуткие на вид приспособления. Тэсс слышала о кошмарных магических ритуалах, принятых на Шургате, правда, она верила, что жертвами являются животные. Девушка, не задумываясь, направила коня в сторону ужасной сцены, но спутник удержал ее, крепко схватив лошадь под уздцы.

— Стойте! — повелительно произнес он. — Эта женщина принадлежит ему. Она — рабыня.

Лотэсса знала, что на Шургате принято рабство, но сейчас это не имело никакого значения.

— И что? — вскричала она. — Позвольте этому мерзавцу зверски убить женщину? Да и с чего вы вообще взяли, что она рабыня?

— Красная татуировка на левой руке — клеймо хозяина.

Тэсс не собиралась его слушать. Она соскочила с коня и направилась к мужчине, который уже успел обратить на них внимание. Не сделав и десятка шагов, девушка оказалась в железных объятиях настигшего ее Дайрийца. В запале она пыталась вырваться, пиналась и даже старалась укусить удерживающие ее руки, но все тщетно.

— Пустите! — потребовала Тэсса. — Вы делаете мне больно!

— Вы сами делаете себе больно, — жестко ответил он. — Перестаньте дергаться и успокойтесь. Я же не сказал, что оставляю все как есть. Но убить этого человека, если он причинит вам вред, не лучшая идея. Я вас сейчас отпущу в обмен на обещание стоять здесь и ни во что не вмешиваться. Согласны?

— Да, — она замерла, и руки короля разжались.

Малтэйр направился к мужчине, оторвавшемуся от своей жертвы. Судя по

непониманию, попеременно отражающемуся на лицах собеседников, Тэсс поняла, что чудовище с ножами говорит только по-шургатски. Однако один язык в мире является всеобщим и помогает достичь понимания представителям разных стран и материков — язык денег. Валтор указал на привязанную женщину и достал пригоршню завораживающих шургатских монет — инари. Инари оказались самыми восхитительными деньгами, которые доводилось видеть Лотэссе. Самые мелкие монеты по размеру были больше других и делались из хрусталя. Более высокий номинал был у изумрудных инари, а сапфировые превосходили доэйское золото. Монеты, перекочевавшие из рук короля в руки убийцы, сверкнули синей россыпью, что логично, ибо он приобретал рабыню. За ночь и ужин в гостинице они платили изумрудными монетами. Взяв деньги, мужчина повернулся к рабыне и резко взмахнул одним из ножей, которые все это время не выпускал из рук. Тэсс зажмурилась, но зря. Дикарь всего лишь рассек веревки, удерживающие несчастную жертву. Затем он спрятал ножи и деньги, а рабыню подтолкнул к Валтору. Король, жестом велел женщине следовать за ним, вернулся к невесте.

— Ну, вот, моя прекрасная энья, теперь у вас есть собственная невольница.

Глава 25

Резкий звук хлопнувшей двери заставил Альву оторваться от окна и оглянуться. В дверях вместо ожидаемого дэна Итона стоял Торн.

— Здравствуй, крысенок, — эн Элвир не утруждал себя разнообразием в обращении к ней.

Протектор выглядел измученным. Усталость пряталась в глубине серых глаз, залегла складкой над переносицей и наложила отпечаток на весь его облик. Чтобы хоть чем-то порадовать его, девушка поспешила отчитаться о выполненном поручении.

— Я была у герцога Таскилла, — сообщила она.

— Он согласился уехать? — даже в голосе Торна звучала усталость.

— Не то чтобы прямо поклялся. Думаю, что ему нужно время, чтобы смириться с этой мыслью. Поначалу эн Лан, конечно, сильно возражал и даже гневался, но...

— Но тебе удалось его переубедить, — закончил протектор ее мысль.

— Да, — девушка кивнула. — Я просто напомнила герцогу, как сильно будут страдать его мать и энья Лотэсса, если с ним что-то случится.

— Прием, старый как мир, — эн Элвир грустно улыбнулся. — Как бы ни был силен и решителен мужчина, у него всегда найдется слабость в лице дорогой ему женщины или женщин.

— Ну, вас-то, к примеру, этим не проймешь, — поддела собеседника Альва.

— Ты думаешь? — он изогнул бровь то ли удивленно, то ли насмешливо, на миг став прежним. — Считаешь, что так хорошо разобралась во мне? Или в мужчинах вообще?

— Ну, в мужчинах-то я, положим, разбираюсь, — обиженно заявила девушка, задетая его словами.

— Интересно, где и когда ты успела их так хорошо изучить? — теперь уже протектор откровенно ухмылялся.

— У меня, между прочим, трое братьев... было, — мрачно добавила она.

— А, братья, — разочарованно протянул Торн. — Умозаключения о мужской половине человечества, сделанные на примере старших братьев, чрезвычайно ценны.

— Хотите задеть меня отсутствием иных мужчин в моей жизни? — с вызовом спросила Альва. — Что ж, почему бы и нет. Не случись войны, рано или поздно меня бы выдали замуж за кого-нибудь из соседских рыцарей. Но, увы, все мои несостоявшиеся женихи погибли при Латне или защищая свои замки.

— Разве столичные кавалеры не предпочтительней фьеррских дворян? — протектор словно не уловил в ее словах упрека, обращенного к дайрийским захватчикам.

— Столичные кавалеры?! — теперь девушка разозлилась всерьез. — Вам, видно, доставляет удовольствие издеваться надо мной, эн Торн? Будто вы не знаете, что ни один вельтанский аристократ, даже последний захудалый придворный, не посмотрит в мою сторону, разве что предложит стать любовницей или содержанкой.

Подобными предложениями Альву на самом деле никто не одолевал, скорее всего, потому, что она постоянно находилась с комендантом и протектором, следовательно, под их покровительством. Считалось, что связываться с этими людьми — себе дороже, особенно с последним.

— Или под столичными кавалерами вы подразумевали торговцев и ремесленников из Кузнечной части, где мы жили с тетушкой? — продолжала девушка. — Ей вон один жирный скудоумный купчишка уже не первый год предлагает руку и сердце. Жениться на дворянке — признак истинного успеха! Может, посоветуете и мне присмотреться к

подобным женихам? — в словах ее звучала неприкрытая горечь и обида.

— Нет, не посоветую, — Торн, улыбаясь, покачал головой. Эта улыбка разозлила девушку еще сильнее. — Раз уж с женихами все обстоит из рук вон плохо, может, выйдешь... за меня?

— Очень смешно! — ядовито отозвалась Альва. — Да вы сегодня прямо в ударе, эн Элвир. Одна шутка забавнее другой!

Девушка с трудом сдерживала злые слезы. Раньше протектор никогда не позволял себе так издеваться над ней. Альва уже успела привыкнуть к его пусть и не слишком почтительному, но доброму отношению. А сейчас он беспардонно подчеркивал разницу между ними, задевая ее женскую гордость.

— Я не шучу!

— Не шутите? — девушка растерянно и почти испуганно смотрела на Торна. — Вы всерьез решили жениться на мне? Вы?! По которому сходит с ума половина эларских дам и девиц и, надо полагать, еще больше дайрийских...

— Для меня существует только одна женщина — ты!

— Но разве такое возможно? — она ощущала себя беспомощной и совершенно сбитой с толку.

— А почему нет? — на этот раз удивленным выглядел протектор. — Я вроде никогда не скрывал своего расположения к вам, дэнья Свелл. Мне казалось, что оно достаточно очевидно.

— Но я думала, что ваше расположение дружеское и... — Альва задумалась, подбирая подходящее слово, — вроде как покровительственное...

— Понятно, — Торн демонстративно закатил глаза. — В общем, вы видели во мне еще одного старшего брата. Так, дэнья Альва?

— Ну, не то чтобы прямо брата, — она робко улыбнулась. — Братья не были ко мне столь добры, признаться. А дразнили не в пример чаще и злее вашего. Так что в вас, эн Элвир, я видела скорее друга, чем брата. Но никогда бы я не посмела возомнить о себе так много, чтобы предположить... — она запнулась и смущенно умолкла.

— Что я смогу полюбить вас? — закончил за нее Торн.

— Полюбить... — Альва, как замороженная, повторила это слово, все еще не веря в реальность происходящего.

— Да, крысенок, — он шагнул к девушке и осторожно коснулся рукой ее щеки. — Со дня нашей первой встречи ты запала мне в сердце и в голову, и я ничего не мог с этим поделать. Да и не хотел, если честно.

Альва молчала, совершенно ошеломленная его словами, безуспешно пытаясь разобраться в хаосе собственных чувств. Она осознавала, что слушать признания Торна ей отрадно, но совершенно не знала, как отвечать на них. Протектор словно догадался о ее сомнениях.

— Я понимаю, как смутил вас неожиданным признанием, дэнья Альва. Пожалуй, мне стоило сначала добиться вашего расположения, а уж потом звать замуж. Я не стану требовать от вас ответа и даже спрашивать, что вы испытываете ко мне. Просто вы должны знать о моих чувствах и намерениях относительно вас. Не скажи я об этом сейчас, потом было бы поздно.

— Поздно? — переспросила она. — Но почему?

— Потому что скоро вы покинете столицу, — ответил протектор, и в его голосе послышалось сожаление.

— Откуда вы знаете? — удивилась девушка. — Я еще ничего не решила.

— Зато я решил, — твердо возразил Торн. — Вы здесь не останетесь!

— И куда вы намерены меня отправить? — недавнее головокружительное замешательство сменилось обидой, что все решают за нее.

— Пока не знаю, — протектор вздохнул. — В принципе, вы можете выбрать любое место в Эларе, хотя я предпочел бы отправить вас в Дайрию.

— Вы столь сильно влюблены, что, едва признавшись, жаждете поскорее услать меня как можно дальше, — Альва не удержалась от ехидного упрека.

— Не говори ерунды, крысенок! — возмутился он. — Ты отлично понимаешь, что я хочу уберечь тебя. Пойми, мне и так нелегко, но если помимо свалившихся на голову ужасов я буду ежеминутно тревожиться о твоей безопасности, то просто сойду с ума. Ты этого хочешь?

Альва мысленно обругала себя. Конечно, она испытывала досаду, как и всякий раз, когда протектор или комендант отсылали ее из кабинета, чтоб оградить от подробностей ужасных убийств. Ее злило, что Торн принял решение, не спросив ее. С другой стороны, эн Таскилл вел себя точно так же. И разве не она сама убеждала юного герцога покинуть столицу, напоминая о тревоге матери и Лотэссы. Эн Элвир точно так же тревожится о ней. Это вполне естественно. Хотя сейчас даже сама мысль покинуть Вельтану казалась Альве более возмутительной, чем давеча эну Лану. Но имеет ли она право ради собственной прихоти отягощать и без того ужасное положение протектора, практически выполняющего роль короля?

— Если вы так хотите этого, я уеду, — девушка старалась, чтобы в голосе звучала покорность, а не вызов.

— Я не хочу! — воскликнул Элвир. — Не хочу расставаться с тобой, крысенок, особенно сейчас. Но если с тобой что-то случится... — он замолчал, но по лицу было видно, какую боль причиняет ему подобная мысль.

— Не случится, — Альве вдруг безумно захотелось утешить Торна. — Я уеду. И вам даже не придется думать, куда меня отправить. Эн Таскилл настаивал, чтобы я поехала с ними. Думаю, мне стоит принять его предложение.

— А этот юноша вызывает во мне все большее уважение, — протектор сразу повеселел, получив согласие девушки. — Если сначала я считал его восторженным юнцом, готовым на благородные, но бессмысленные безумства, то в последнее время все больше склоняюсь к мысли, что сильно его недооценил. Теперь, кроме всего прочего, я окажусь у него в долгу. Пожалуй, мне стоит лично поговорить с герцогом Таскиллом. Однажды я уже нанес ему визит, теперь есть повод вновь посетить Таскиллон.

— Может быть, я сама обо всем договорюсь? — робко предложила она.

Альва догадывалась, что Лан Таскилл явно не мечтает о личной встрече с протектором — как и эна Алдора. Торн в ответ только усмехнулся, словно разгадал ее мысли. А девушка, осознавшая, что пути назад нет, пожалела о принятом решении, хоть и понимала его правильность.

— И все-таки, как я могу оставить вас и дэна Итона? — она озвучила последнее, безнадежное возражение.

— Дэн Итон не меньше моего мечтает тебя отослать, — заверил Торн. — Нам обоим станет куда легче, когда ты окажешься далеко от Вельтаны. Комендант ведь любит тебя, как дочь. А я... теперь ты знаешь, как люблю тебя я, крысенок.

— Знаю, — Альва смущенно кивнула. — Только все равно не могу поверить.

— Неужели настолько сложно поверить? — Элвир неожиданно притянув ее к себе, легко и нежно прикоснулся губами к ее губам. — Может, так убедительней? — взгляд серых глаз, обращенных к ней, впервые был таким ласковым.

Девушка ощутила, как кровь приливает к лицу, и осторожно разомкнула руки обнимавшего ее мужчины, высвобождаясь из его объятий. Тот сразу стал серьезным. —

Я обидел тебя, крысенок? — он обеспокоенно всматривался в лицо девушки

Альва молча помотала головой в знак отрицания. Поцелуй, конечно, смутил ее еще больше, но обиды или гнева не вызвал. Скорее наоборот. Однако обсуждать это с Торном она не собиралась.

— Будь снисходительна, прости дерзость влюбленного мужчины, — теперь он говорил извиняющимся тоном. — Я не хотел напугать или, того хуже, оскорбить тебя. Обещаю впредь держать себя в руках.

Да, могли бы и не обещать, усмехнулась про себя Альва. В конце концов, за подобную дерзость половина столичных красоток жизнь бы отдали. И хотя внезапное осознание власти над Торном было новым и непривычным ощущением, оно в то же время сладко кружило голову. Она еще не знала, любит ли этого мужчину, зато четко понимала, что его любовь ей далеко не безразлична. И дело не только в самолюбии. Эн Элвир нравился ей как человек, несмотря на то, что дайриец. Альва никогда бы не позволила себе влюбиться, понимая, сколь велика пропасть между ними. Но теперь, когда он сам внезапно перенес ее через эту пропасть, девушка пришла в смятение, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Разговор об отъезде ненадолго отвлек ее, зато поцелуй запутал еще больше.

— Когда ты вернешься, — Элвир взял ее за руку, — я вновь попробую завоевать твое сердце, крысенок. Но на этот раз ты будешь знать, что мое расположение отнюдь не дружеское. И когда-нибудь я снова повторю свой вопрос о том, станешь ли ты моей женой.

— Но ведь вы теперь принц, — лукаво улыбнулась Альва, словно только что вспомнила об этом обстоятельстве. — Разве его величество позволит вам распоряжаться рукой и сердцем по собственному усмотрению, а не в интересах страны? Разве сможете вы взять в жены простую незнатную девушку? — она больше не улыбалась, поняв, что в ее насмешке куда больше правды, чем хотелось бы.

— Смогу, — серьезно ответил Торн и добавил с улыбкой. — Только в том случае, если простая незнатная девушка соизволит дать согласие на брак с принцем. Я не искал родства с Ильдами, крысенок, и мне плевать на давние интриги короля Дайра. В отличие от Валтора, я всегда знал, что могу сам распоряжаться своей судьбой, и не желаю отказываться от этого права из-за найденной в библиотеке Нианона старой пыльной книжки. Останься мое сердце свободным, может, и принес бы его в жертву государственным интересам, но об этом бессмысленно говорить... с того момента, как я увидел тебя, бегающую по крышам с моим луком.

Альва стояла и просто смотрела на Элвира, поражаясь тому, как быстро меняется ее отношение к этому человеку. Еще немного — и она не устоит и даст согласие стать его женой прямо сейчас. Это было бы совершенно неправильно и безумно глупо. В конце концов, не лишена же она чувства собственного достоинства. Нельзя влюбиться в мужчину за полчаса лишь оттого, что он осчастливил тебя признанием. Или можно, если уже давно любила его, но надежно прятала это чувство за ширмой дружбы? Нет, ничего она сейчас не скажет Торну. Нужно все обдумать, разобраться в себе. Тем более, сейчас — самое неподходящее время, какое только можно вообразить. Кроме того, нужно все обсудить с Лотэссой...

— Я согласна, — девушка не могла поверить, что говорит это. — Эн Элвир, я стану вашей женой.

Глава 26

В Ни'имэ они добрались примерно через час после происшествия со спасением рабыни. Несчастливая, понятное дело, не говорила ни по-латирски, ни тем более по-эларски. Король посадил ее на коня позади себя. По дороге Лотэсса разглядывала спасенную. Та не отличалась ни молодостью, ни привлекательностью. Разве что насыщенно-зеленый цвет глаз красил бедняжку, но Лотэсса уже давно поняла, что яркие глаза для шургатцев обычное дело, так же как и смуглая кожа. Энья Линсар понятия не имела, что делать со своей внезапно обретенной живой собственностью и куда девать несчастную женщину. Валтор не собирался облегчать ей задачу и всю оставшуюся часть пути молчал.

Ни'имэ оказался городом настолько же красивым, насколько странным. Архитектура здесь была не в пример изящней, чем в портовой Баате. Стены домов не красили в цвета столь яркие, что от них болели глаза, однако пестрота строений Ни'имэ казалась еще более вызывающей. Дело в том, что стены красивых домов столицы Ай-Халла были выложены из разноцветных кирпичей, а крыши — из разноцветных кусочков черепицы. Подобного сочетания Тэсса себе и представить не могла.

— Странно, что мы так мало знаем о культуре Ай-Халла и других стран Шургата, — обратилась она к спутнику. — Ведь, в конце концов, Шургат — не Граайя. Этот материк посещают не так уж мало эларцев — послы, путешественники, торговцы. Почему же мы слышим лишь сказки о чудовищах да жуткой магии? — произнесла последнюю фразу, девушка поежилась. Магия Шургата оказалась даже более жуткой, чем принято считать.

— Лотэсса, — похоже, король решил окончательно отказаться от почтительного обращения к ней, — не стоит судить обо всем, исходя исключительно из собственного опыта. Если вы, будучи первой аристократкой Элара, не получили определенных знаний, это не значит, что ими не владеет никто. Хотя Элору в целом свойственно чувство превосходства перед всем остальным миром и замкнутости на собственной истории, науке и культуре. Конечно, эларцы снисходят до изучения занудной валэйнской поэзии или шедевров кьярской живописи и сантэрской архитектуры. Но что за дело им до тех, кто живет на другом конце света? Однако в Эларе есть те, кто знает о Шургате не так уж мало. Те, кто так или иначе заинтересован в этих знаниях и может извлечь из них пользу. Но одно дело — торговцы и мореплаватели, которым сведения о Шургате могут пригодиться, и совсем другое — столичная знать. К чему вельтанской аристократии изучать каких-то дикарей? Разве не так нас учили относиться к жителям Шургата? Говоря «нас», я подразумеваю и дайрийцев в том числе. Дайрия, надо заметить, в этом плане не сильно отличается от Элара. Зато, будьте уверены, жители Латирэ, включая самых знатных, отлично осведомлены о традициях, быте и нравах соседей, с которыми извечно ведут дела и в то же время соперничают.

Исчерпывающий ответ Малтэйра удовлетворил любопытство Тэсс, и она вновь сосредоточилась на созерцании необычного окружающего пейзажа. Станным девушке казался не только внешний облик домов и улиц, но и то, что в Ни'имэ отсутствовали окраины и бедные неказистые кварталы. Пусть эларцы и мнили о себе чересчур много, но Лотэсса Линсар привыкла считать Вельтану самым прекрасным и выдающимся городом мира. При этом даже в Вельтане далеко не все районы были одинаково хороши. Дворцовая, Светлая, Заречная части восхищали и поражали воображение, но столица не ограничивалась этими районами. Были части скромные, бедные и даже откровенно убогие. Дворцы центра города контрастировали с жалкими лачугами окраин. А тут целый город выдержан в едином стиле и хорош так, словно в нем не живет ни одного простолюдина и тем паче бедняка. Впрочем, Ни'имэ оказался городом довольно маленьким, особенно для столицы.

Узнать, где находится дом колдуна Ашейли, оказалось не так уж сложно, поскольку и в этом сказочном месте, вдали от побережья, попадались люди, понимающие по-латирски. Дом оказался больше похож на замок и являл собой одно из самых больших и красивых зданий в городе. Чтобы попасть к главному входу, нужно было миновать то ли большой сад, то ли маленький парк. Двери, никем не охраняемые, оказались к тому же открытыми. Внутри помещения царили полумрак и приятная прохлада. Пол устилала мелкая мозаика, а стены были изукрашены фресками.

Не успели гости осмотреться в просторном холле, как на лестнице послышались шаги, и

перед Валтором и Лотэссой предстал человек, который не мог быть никем иным, кроме как хозяином дома. Такое достоинство и внутренняя сила чувствовались в этом незнакомце, что заподозрить в нем слугу казалось кощунством. Не спустившись до конца, мужчина обратился к вошедшим с вопросом, которого те не поняли.

— Кто вы? — хозяин повторил вопрос, на этот раз на чистом эларском.

— Я — король Дайрии и Элара, Валтор Малтэйр, — ответил Дайриец, впервые за долгое время представившись настоящим именем и титулом. — А это моя невеста — знья Лотэсса Линсар.

— Вот как? — колдун приподнял бровь, и лицо его в этот момент выражало скорее насмешку, чем удивление. — Ну, а мое имя вам, должно быть, известно? Вряд ли столь значимые особы, да еще с другого конца света, оказались в моем доме случайно.

— Вы правы, — Малтэйр кивнул.

Тем временем Ашейли успел спуститься, и Тэсс смогла его хорошенько разглядеть. Как и в случае с Энлил, возраст колдуна определить было сложно. Лицо не казалось ни старым, ни юным. Это обстоятельство не умаляло общей привлекательности мужчины. Высокий, смуглый, с длинными, чуть вьющимися светлыми волосами и удивительными глазами цвета меда и янтаря. В движениях сквозила грация хищника, а надменное выражение лица казалось настолько гармоничным, что вызывало почти восхищение.

— Так что же привело вас ко мне? — теперь уже хозяин бесцеремонно разглядывал гостей. — Впрочем, что бы это ни было, не думаю, что стоит обсуждать ваше дело, стоя у дверей. Пройдемте в комнаты.

Обращение Ашейли явно не страдало излишней почтительностью, словно королевский титул был для него пустым звуком. Он будто показывал Дайрийцу и Тэсс, что они не более чем просители, которым он снисходительно уделяет часть своего бесценного времени.

Комната поражала роскошью и обилием мягкого золотисто-зеленоватого света, лившегося из огромных окон, за которыми раскинулся сад. Диваны, больше напоминавшие изящные деревянные скамьи, устланные мягкими, расшитыми узорами подушками, были гораздо ниже привычных. Такие же подушки лежали вдоль стен, очевидно, для тех, кому диваны могли показаться чересчур высокими. Тэсса опустилась на скамью, благо латирское одеяние не сковывало движений. Как выяснилось, слуги в доме все же имелись, несмотря на то, что хозяин сам встречал пришедших у порога. Возможно, такова его блажь или мера предосторожности. Ашейли отдал прислуге какие-то распоряжения, потом вновь обратился к гостям. Позже слуги вернулись в комнату с прохладительными напитками и сладостями.

— Вы говорите по-эларски? — спросил король. — Это немного удивительно.

— Нет, я не говорю по-эларски, — колдун равнодушно пожал плечами. — С чего бы?

— Но мы вас понимаем, — вмешалась в разговор Тэсс. — А вы — нас.

— Разумеется, — Ашейли смерил девушку снисходительным взглядом. — Мне нужно, чтобы вы меня понимали, но учить ради этого чужой язык бесконечно далекой страны — это уж слишком.

— Значит, это магия? — догадался Малтэйр.

— Именно так, — подтвердил маг. — Я говорю на своем родном языке, вы — на своем, что не мешает нам понимать друг друга. Но довольно об этом. Расскажите, что привело вас ко мне? И, главное, с чего вы решили, что вам нужен именно я? Я не имею дела с королями, царями и прочими владыками. Игры в политику давно мне наскучили. Не говоря уже о том, что вы дойцы.

— Мы пришли за помощью не для своей страны, — Валтора как будто не смущал почти презрительный тон дерзкого колдуна. — Точнее, не только для нее.

— Что вы имеете в виду? — Ашейли так внимательно посмотрел на короля, что Тэсс

стало неудобно, хоть взгляд предназначался не ей.

— Думаю, вы знаете, — Дайриец, видно, решил в свою очередь не церемониться с магом. — Или до того, что происходит с Анборейей, вам тоже нет дела?

— Кто прислал вас ко мне? — теперь тон Ашейли стал другим. Похоже, он наконец-то начал воспринимать их всерьез.

— Энлил, — просто ответил король, а Лотэсса наслаждалась созерцанием сменяющих друг друга выражений на лице колдуна — недоумение, недоверие, изумление, гнев...

— Эта безумная решила нарушить все запреты?! — вскричал Ашейли. И куда только подевалась его насмешливое хладнокровие. — Открывать тайны судьбы мира правителям Дозии! Она...

— Она ничего не нарушила, — перебил Дайриец. — Сделайте милость, послушайте, прежде чем делать выводы.

И Малтэйр рассказал все по порядку: про на'ари, про проклятое кольцо Ильдов, про тени Энлил и их предсказание, про явление Маритэ Лотэссе в Храме. Тот слушал, не перебивая и лишь время от времени задавая вопросы, чтобы лучше понять. На Тэсс он теперь смотрел не менее пристально, чем давеча на короля.

— Значит, ты должна спасти Анборейю? — обратился маг к девушке.

— Будете подвергать меня каким-нибудь магическим испытаниям, чтобы проверить это?

— Не буду. Зачем? Вряд ли сильнейшая колдунья, верховная жрица и древняя богиня могли все вместе ошибаться на твой счет. Да и не нужно мне прибегать к дешевым фокусам с венцами и подвалами, чтобы увидеть в тебе то, что видела Энлил. Что бы ни натворила эта упрямая девочка, ума, таланта и силы ей всегда было не занимать.

Тэсса чуть не присвистнула, услышав, как Энлил назвали «упрямой девочкой». Сколько же лет Ашейли, который, по словам Дайрийца, является наставником Энлил...

— У тебя есть сила, но я не вижу в ней пользы, — задумчиво произнес мужчина, всматриваясь в Лотэссу. — Эта сила не поможет тебе выполнить предназначение. И я не понимаю ее природы. Это не магия. Или не та магия, которой пользуемся мы. Скорее всего, это и есть тот самый дар древней богини. Он, — маг кивнул на короля, — твой хранитель. Впрочем, это вы и так знаете. Ты правильно сделал, что поехал с ней. Ее дар не таков, чтобы она могла в одиночку пройти Тропой безумных ветров. Не уверен, что вы и вдвоем-то сможете, но с хранителем шансов все-таки больше.

— Вы так спокойно говорите о том, что зняя Лотэсса может погибнуть, — вмешался Малтэйр, — как будто вам все равно, выполнит ли она свое предназначение. Если вы все же верите, что жизнь Лотэссы связана с судьбой мира, то должны бы проявлять больше беспокойства о ней.

— Отчего же? — снисходительная насмешка не покидала это высокомерное лицо. — Думаете, судьба Анборейи сильно меня заботит? Нет. Всем плевать на судьбу мира. Каждого беспокоит лишь собственная гибель, ну и некоторых еще смерть родных, друзей и любимых. А я не боюсь даже за собственную участь. Мне, по правде, все равно, выживет мир или погибнет. Чего вы на меня так смотрите? Если Анборейя будет существовать дальше, то я найду, чем себя занять. Если же нет... Что ж, стать свидетелем Заката Мира — довольно соблазнительная участь. А уж участником — и подавно. Пожалуй, это будет зрелищно и забавно, — теперь Ашейли выглядел довольным, словно гибель Анборейи задумывалась Изгоем с одной целью — развеселить безумного шургатского колдуна.

Лотэсса с королем переглянулись. Да уж, Энлил знала, к кому их послать.

— Кроме бесполезной силы, видите ли вы в Лотэссе еще что-нибудь? — Малтэйр решил переменить тему.

— Вы о проклятии того, кто сам есть проклятие нашего мира? — маг усмехнулся. — Конечно, я его вижу. А чего вы хотели? Этот ваш Изгой, раз он все-таки существует,

является весьма могущественным существом. И если уж он предназначил свое кольцо Ильдам, то любой, завладевший древней реликвией, должен понести наказание за подобную дерзость. Даже странно, что проклятие убивает девочку так медленно. Должно быть, дело в том, что она носила кольцо не так уж долго.

— Но оно убивает ее! — король прервал разглагольствования Ашейли. — Вы можете ее спасти?

— Конечно, могу, — хмыкнул колдун.

Лицо Валтора просветлело, да и сама Тэсс испытала изрядное облегчение от одной мысли о возможности избавиться от вечной скребущей боли в горле и приступов удушьящего кашля.

— Но не стану, — неожиданно закончил Ашейли свою мысль, окинув гостей торжествующим взглядом, словно призывая оценить отличную шутку.

— Почему?! — гневно воскликнул Дайриец.

— Разве вы еще не поняли? — колдун улыбнулся ослепительно и загадочно. — Мне нравится смотреть, как жизнь и смерть бросают кости... даже если ставкой в их игре являюсь я сам.

— Как же вам, должно быть, скучно жить! — в этот миг Тэсса испытывала к магу чуть ли не сочувствие. — Если даже гибель мира для вас — лишь способ развеять скуку!

— А девочка умеет видеть, — в голос Ашейли звучало удивление с нотками одобрения. — И думать, — он глянул на короля, словно призывая в свидетели столь удивительного факта.

— Ну, положим, думать она умеет не всегда, — проворчал в ответ Валтор, за что тут же схлопотал куда более гневный взгляд невесты, чем достался магу, отказавшемуся спасти ей жизнь. — Хотя сейчас я не знаю, о чем думал я сам, направляясь к вам за помощью.

— Ну, отчего же, — маг снисходительно усмехнулся. — Я помогу вам, сделав ровно то, чего вы от меня ждете — провожу до Тропы безумных ветров. Без меня у вас нет ни шанса отыскать ее начало. А дальше с интересом стану ждать, чем закончатся ваши похождения. Не нужно на меня злиться, — эти слова были обращены к Дайрицу, не скрывавшему гнева и разочарования. — Бесполезно мерить таких, как я, вашими обычными мерками. Если у вас все получится, вы перестанете считать меня высокомерным могущественным мерзавцем, готовым принести мир в жертву своей скуке.

— Почему? — мрачно спросил король.

— Потому что узнаете созданий куда более могущественных, высокомерных и скучающих. Кроме того, если вам суждено добраться до древней богини или той, что себя за нее выдает, то, думаю, она с легкостью исцелит недуг, вызванный проклятием. А мне просто интересно узнать, чем все это кончится. И, знаете, я желаю вам удачи.

— Я не понимаю, к чему все эти игры в неизвестность, если вы точно знаете, каков будет итог, — почти презрительно бросил Валтор. — Или не знаете? Так пойдите спросите у своих теней, как это делала Энлил. Разве эти бестелесные твари не скажут, уцелеет мир или погибнет?

— Вот это-то и есть самое интересное, — почти с восторгом отозвался Ашейли. — С некоторых пор тени действительно пророчат Закат Мира, хоть и не ясно, насколько близкий. Но, что удивительно, в их предсказаниях есть как гибель Анборейи, так и ее спасение.

— То есть тени не знают точно? — не понял Малтэйр.

— В том-то и дело, что знают. И, насколько мне известно, тени не ошибаются. Просто не способны. Это как получить в ответ на какой-то вопрос одновременно и «да», и «нет». Мир и погибнет, и не погибнет. Что-то вроде того. Теперь вы понимаете, почему мне так интересно?

Нет, не понимаем, со злостью подумала про себя Тэсс. Нашел себе забаву!

— Если вам удастся достигнуть своей цели и вернуться, то выполните одну мою просьбу в обмен на оказанную услугу, — маг не спрашивал и даже не просил, а просто оглашал свое условие. — Когда будете в Вельтане, найдите Энлил и передайте этой восхитительной стерве, что она прощена и может вернуться.

— А что она такого натворила? — девушка, знающая от короля об изгнании Энлил с Шургата, не смогла сдержать любопытства.

Лотэсса не особо рассчитывала на откровенный ответ колдуна, но он ответил.

— Энлил — моя бывшая ученица. Самая сильная, талантливая и умная из всех. Ни с кем мне не было так интересно. Она могла бы достичь многого, если бы не неумное честолюбие и вечная жажда соперничества. Сначала она пыталась поразить меня своими успехами, чтобы порадовать. Затем старалась доказать, что достойна моего восхищения и любви.

— Любви? — с удивлением переспросила Тэсс. — Вы любили ее?

— Любил, — в его голосе девушке почудились оттенки нежности и грусти. — И она любила. Но это не помешало ее желанию затмить меня во что бы то ни стало. Энлил была просто одержима идеей не только превзойти своего учителя, но и занять мое место. Когда честолюбие переходит в безумие, приходится становиться жестоким, чтобы остановить зарвавшегося безумца... даже если любишь. Тем более, дело уже касалось не только меня. Все, что я мог сделать для Энлил в память былой дружбы, — это дать ей уйти от наказания. Хотя свое наказание дерзкая девчонка уже понесла. Довольно. Пусть возвращается.

Девушка с трудом могла поверить, что речь идет о той самой Энлил, которую они знают. Колдунья казалась ей воплощением спокойствия, рассудительности и чуть насмешливой доброжелательности.

— Разве вы не можете сказать ей об этом сами? — спросила Лотэсса. — Наверняка есть магические способы, вроде тех свитков, которые нам вручила Энлил. Или, может, ваши тени могли бы ей передать...

— Тени — не почтовые голуби, — засмеялся маг. — И потом, я хочу, чтобы весть о прощении принесли ей именно вы... если суждено. Еще одна игра, исход которой мне интересен.

— Ах да, — ехидно протянула Тэсс. — Стоило бы догадаться. Не знаю, что там решит Энлил, а я бы на ее месте ни за что ни вернулась.

— Ты попробуй вернуться на своем, — усмехнулся в ответ маг.

Глава 27

После двух практически бессонных ночей голова безумно болела и напрочь отказывалась работать. Даже Альва, хлопотавшая вокруг Итона, вызывала у него только раздражение. В конце концов, чтобы не срываться на ней, комендант отправил юную помощницу к Таскиллам в сопровождении ее приятеля — Ларни. Скоро Альва уедет, и можно будет наконец вздохнуть с облегчением, хотя, с другой стороны, девочки будет очень не хватать. Он будет скучать, да и Торн наверняка тоже. Кстати, вот и он, легок на помине.

Явление верховного протектора сопровождалось неестественно жизнерадостным выражением лица, совершенно неуместным при нынешнем положении вещей.

— С чего это вам так весело? — мрачно поинтересовался Карст.

— Я женюсь, — беззаботно ответил Торн.

— Самое время, — хмыкнул комендант. — И для женитьбы, и для идиотских шуточек. Вы ведь не серьезно?

— Серьезно.

— В таком случае, вы просто-напросто спятили, что не удивительно, учитывая, как обстоят дела, — пробурчал Итон, желая как можно скорее прекратить обсуждение всяких глупостей и перейти к серьезным вещам.

— Вам даже не интересно имя моей избранницы? — Элвир изобразил обиду.

— Вы что, действительно решили связать себя узами брака? — до Итона постепенно стало доходить, что не в характере Торна тратить столько времени на попытки заморочить кому-то голову, тем более сейчас. — Политическая необходимость? Приказ короля?

В то, что протектор по доброй воле решил жениться, когда мир катится за Грань, Карст поверить не мог.

— Нет, напротив, — Элвир улыбнулся, и это мечтательное выражение совершенно добило коменданта. — Я женюсь на вашей помощнице. На Альве.

— Что?! — Итон вытаращил глаза.

А Торн с явным удовольствием наблюдал за его реакцией. Карст, конечно, видел проявления заботы и симпатии со стороны протектора по отношению к Альве, но считал их блажью и не слишком одобрял. Благо девушка не позволяла Элвиру вскружить себе голову, несмотря на всю его красоту и мужское обаяние. А тут выходит, что то была вовсе и не блажь.

— Что, сейчас начнете рассуждать о пропасти между нами? — иронично спросил Торн.

— Не начну, — Итон медленно покачал головой, приходя в себя. — Скажу только, что вы не могли сделать лучшего выбора, и я рад за вас. За вас обоих. Берегите девочку!

— Спасибо, дэн Итон, — протектор горячо пожал Карсту руку. — Увы, пока беречь мою невесту предстоит молодому герцогу Таскиллу, — вздохнул Элвир. — Я не ревную лишь потому, что юноша, судя по всему, безнадежно влюблен в эню Линсар.

— В другое время я бы с удовольствием обсудил подробности столь радостного и удивительного события, но сейчас нам не до этого, — комендант решил перейти к делу.

— Согласен, — Торн кивнул. — Ночную часть оцепили?

— Да. Там творится Изгой знает что. Сбежавшему из тюрьмы отребью хватило пары дней, чтобы превратить Ночную часть в бурлящий котел. И так не самое спокойное место в городе, а тут еще узники и, самое ужасное, сбежавшие безумцы. Из четырех одержимых только один погиб при столкновении с тюремщиками.

— Вы говорили, что выслали туда отряд сразу, как только стало известно, куда направились узники, — напомнил протектор.

— Да, — Итон тяжело вздохнул. — Зря я это сделал, хоть и не мог поступить иначе. Больше половины посланных ребят полегло там, остальных у Амрина хватило ума увести. За какими-то демонами к сбежавшим заключенным решил примкнуть Лысый Симз со своей шайкой. Но, что самое удивительное, так же поступила Черная Лайна со своими людьми. Вы, конечно, не знаете таких тонкостей, но Симз и Лайна уже много лет соперничают за главенство над Ночной частью и постоянно стараются напасть друг на друга. До откровенного противостояния дело, правда, доходит редко. А тут вдруг решили действовать слаженно, да еще и вместе. Единственное внятное объяснение — ни один из главарей не хотел допустить объединения соперника с новой внушительной силой. А потому и Симз, и Лайна примкнули к освободившимся узникам. Как бы то ни было, вместе они моих людей знатно потрепали. Кинуть туда еще один отряд значило бы послать моих людей на смерть, причем бессмысленную. Эти твари и когда тихо-то сидят, довольно опасны, а уж когда вдруг объединяются и решают больше не сдерживать себя...

— Но мы же не оставим все как есть? — протектор не спрашивал, а утверждал.

— Разумеется. Отряд стражников выставлен на границе с Кузнечной частью. Если мы не можем перебить этих ублюдков в их логове, то хотя бы попробуем не выпустить оттуда. Ночные ворота перекрыты. Хотя я порой думаю, не лучше ли было бы позволить им бежать из города, освободив столицу от своего присутствия? — коменданта озвучил непрерывно терзавший его вопрос.

— Вы же знаете, что не лучше, — в голосе Торна слышались понимание и сочувствие. — Вельтана для вас превыше всего, это понятно. Но если открыть ворота зачумленного замка, то заболевшие от этого не станут здоровыми, зато зараза пойдет дальше и заберет по дороге множество жизней.

— Значит, Вельтана — зачумленный замок? — Итон не мог сдержать гнева и отчаяния.

Его город! Столица, доверенная ему королем Лендером! Он не смог уберечь Вельтану! И плевать на все эти завоевания, магию, чудовищ и Закат Мира. Ничто не может служить оправданием бессилия коменданта, когда его город гибнет.

— В каждом зараженном замке умирают не все, а замок и подавно стоит веками, — Элвир словно прочел его мысли. — Изолировать очаг заразы — вовсе не значит отказаться от лечения и попыток спасти тех, кто заперт внутри. Тварей из взбесившейся Ночной части мы не выпустим и уничтожим, чего бы это ни стоило. Зато людям из остальных частей по возможности лучше покинуть столицу. В первую очередь я имею в виду придворную знать. Этим стоит выпроводить как можно скорее, пусть переживают волнения в своих имениях. Часть из них примутся плести заговоры, но сейчас не до этого. Потом хорошо бы выдворить хотя бы тех дворян, которым есть куда податься.

— А куда деваться простому люду? — с горечью спросил Карст.

Почему-то вспомнился бывший секретарь — Дайтин, очень вовремя подавшийся к матушке в деревню, куда комендант подумывал отправить Альву, пока не возникла идея ее поездки с Таскиллами. Может, хоть у части незнатных столичных жителей есть возможность выбраться за пределы города к родне или друзьям? Но как организовать подобный массовый исход горожан, не вызвав паники? Протектор, похоже, задумывался о том же.

— Знати мы объявим о народных волнениях. Им этого будет достаточно для беспокойства и желания убраться подальше. За дворянами потянутся купцы и прочие состоятельные жители, которым есть что терять.

— Не соглашусь, — возразил Итон. — Какой купец или ростовщик решится оставить свою лавку, особенно когда грозит опасность разграбления разгулявшейся чернью? Они скорее жизнью своею рискнут, чем имуществом.

— Это их проблемы, — жестко отрезал Торн. — Наша задача — обеспечить слаженный и, насколько возможно, спокойный отъезд из столицы тем, кто желает и имеет возможность ее покинуть. И то бросить на это дело слишком много людей —

непозволительная роскошь. Главное — уничтожить изгоево логово в Ночной части, даже если придется спалить там все дотла. А пока я пошлю гвардейцев в помощь вашим людям.

— Если устроим там пожар, он перекинется на другие части, — умерил воинственность протектора Итон. — Огню, знаете ли, никакие заслоны не страшны.

Протектор хотел что-то ответить, но в это время в кабинет ворвался молодой стражник из отряда капитана Олтина, того самого, что был поставлен на границе Ночной части. Вид вошедшего наводил на мысли о бешеной скачке или о чем похуже. На добрые вести рассчитывать не приходилось.

— Что? — комендант произнес лишь слово, заранее предчувствуя ответ.

— Они прорвали заслон! Там сейчас бой! Симз и Лайла бросили самых жалких своих людей под обстрел. Лучники не сразу поняли, на кого изводят стрелы. Пожертвовав никчемной швалью, эти ублюдки накинулись на нас толпой. В такой заварухе, сами понимаете, от стрел вреда больше, чем толку. А для ближнего боя этих тварей слишком много, и они все как с цепи сорвались. Капитан Олтин послал меня к вам за подкреплением.

— Я пошлю гвардейцев, — мгновенно отреагировал Торн. — Прах и пепел! Это нужно было сделать сразу! А ты, — обратился он к вестнику, — скажи к Таскиллам и скажи, чтобы немедленно уезжали из города. Приказ верховного протектора.

Комендант сорвался с места и уже почти выбежал из кабинета, когда Элвир остановил его, бесцеремонно схватив за локоть.

— Куда вы собрались дэн Карст? — вопрос явно был излишним. — Хотите лично взглянуть на происходящее или даже поучаствовать?

— А что, я должен торчать в комендатуре, пока там... — он не договорил, осознавая правоту протектора и все равно не собираясь поступать правильно.

— Вообще-то, должны, — неумолимо подтвердил Торн. — Как и я. Мы с вами не имеем права рисковать собой. Однако, насколько я успел вас изучить, вы все равно поедете. А мне ничего не останется, как отправиться с вами. По крайней мере, прослежу за своими гвардейцами и за тем, чтобы вы не совались в самые опасные места.

Отдав распоряжения, оба мужчины вскочили на коней и, не щадя бедных животных, направились в Ночную часть. Однако, уже проезжая через Кузнечную, они начали понимать, что бой, должно быть, закончился, притом не в пользу стражников. На улицах, по которым они проезжали, спешно закрывались лавки и мастерские. Хозяева захлопывали ставни, женщины волокли за руки детей или сзывали их домой встревоженными криками. Где-то вдалеке улицы слышались то ли крики, то ли песни.

— Что происходит? — протектор обратился к крепкому бородатому мужчине, который казался наименее занятым и испуганным.

— Шазлье отродье из Ночной разгулялось, благородный господин, — ответил тот. — Уж и стражу нарочно поставили, чтоб эти гады не выползали из своей поганой ямы. Так нет же, разбросали стражников, что твоих котят! А теперь к нам поперлись. Тана с Горшечной улицы прибежала, сказала, там все разносят. Вот наши-то и спешат по домам укрыться, да все равно страшно, сами понимаете. Не мне, — он приосанился. — Я не баба и не дите малое. И семьи у меня нет, а лавка моя на отшибе стоит, авось мимо пройдут.

Коменданту с протектором сейчас явно недосуг было выслушивать болтовню бравого холостяка, и Карст перебил его.

— Молодец эта твоя Тана с Горшечной, что вас предупредила. Отправьте каких-нибудь парней на другие улицы до Нижних Мельниц. А сам вооружись чем-нибудь и будь готов дать отпор разошедшейся швали. Может, твоя лавка и на отшибе, но в такое время нужно не только о себе думать.

— Вам легко говорить, — проворчал здоровяк, скорее всего, планировавший

отсиживаться за запертыми дверями удачно расположенной лавки. — А сами-то куда направляетесь? Если вперед поедете, прям в лапы в этом мразьям и попадете.

— Туда и направляемся, — нервно хохотнул Торн, пришпоривая коня.

Впрочем, скорости сильно мешали мечущиеся люди, то и дело чуть ли не бросающиеся под копыта, пересекая дорогу. Оказавшись на Горшечной улице, мужчины поняли, что заставило неизвестную Тану опрометью броситься оповещать жителей Кузнечной части об опасности. Отребье из Ночной части всюду бесчинствовало здесь. Кучки сброда били окна окрестных домов палками или камнями, а кое-где пытались выбивать и двери. Жителям, не успевшим попрятаться, изрядно доставалось: вокруг кипело несколько драк. Двое ублюдков за волосы волокли куда-то визжащую женщину. Торн направил к ним коня и, склонившись, ловко полоснул одного мечом по горлу. Второй выпустил добычу и бросился бежать. Убежал он недалеко, через пару секунд оказавшись под копытами Торнова коня. Мерзавец явно заслужил свою участь, и все же Итон на миг отвел глаза от жуткого месива, в которое превратилась голова и грудь этого человека.

Впереди их ждало еще более впечатляющее зрелище. В Кузнечной части располагался небольшой базар, где местные мастера, в основном кузнецы, предлагали свои товары. Конечно, те, кто поуспешнее, держали места в рядах или даже палатки на Рыночной площади в Торговой части. Однако и скромный местный рынок никогда не пустовал, как и базары в других частях города, потому как до Рыночной площади далеко — туда не находишься, да и цены выше раза в полтора. Но сегодня на рынке Кузнечной былолюдно, как никогда, именно там по-настоящему разгулялся сброд из Ночной части.

Столы и лотки валялись опрокинутые, часть из них стащили в центр и подожгли. По булыжникам, вымостившим улицу, катились поздние яблоки и головки лука, сталкиваясь с черепками от посуды, попадая в лужицы от разлитого молока и разбитых яиц. Между разломанными прилавками и людскими ногами бегали куры и даже одинокая коза, за которой с гиканьем носилось несколько оборванцев, желавших не столько изловить, сколько погонять несчастное животное ради развлечения.

Все это было бы даже забавно, если бы не люди. Точнее, людьми являлась лишь часть их них, остальные стали существами, для обозначения которых в человеческом языке не достанет подходящих ругательств. Итон уже даже не понимал, кто из бесчинствовавших одержим темными чарами, а кто, пользуясь случаем, просто решил дать выход своей злобе. Все они вели себя одинаково безумно — разрушали, дрались, хватали, мучили, убивали. Уцелевшие стражники из отряда Олтина бросались в безнадежные схватки с самоуверенным отребьем, но последнего было слишком много. Численное превосходство и злость заменяли приличное оружие и умение. Казалось, никому из них не было дела ни до жизни товарищей, ни до собственной. Вот горящая торжеством гнусная рожа ублюдка, вогнавшего в грудь стражника кованую перекладину для забора, очевидно, служившую товаром кого-то из местных кузнецов. А еще одного совсем молодого паренька швырнули лицом в костер, полыхавший на середине улицы. Итон не мог дальше созерцать это безумие. Может, он и не имеет права рисковать собой, но и смотреть безучастно, как такое творят с его людьми, было выше сил коменданта. Как выяснилось, Торн тоже был не железный. Он направил коня в гущу безумствующей своры даже раньше Карста. Меч протектора взлетал направо и налево, но лицо при этом хранило сосредоточенное выражение. Обладая определенным преимуществом, Элвир в то же время понимал, что численный расклад явно не в его пользу. Сам же Итон первым делом пробился к костру, позволяя коню по дороге топтать сброд и пытаясь по возможности уберечь горожан. Наклонившись, он выхватил из пламени несчастного паренька и перебросил через седло, задыхаясь от тошнотворного запаха паленой плоти.

Карст чуть не выл от безысходности, когда за спиной послышался шум, сначала отдаленный, но с каждой секундой становящийся все ближе. Восхитительный звук топота множества копыт. Гвардия!

Глава 28

Лотэсса лежала на роскошной кровати в роскошной спальне. Ашейли оказался гостеприимным хозяином. Но главным достоинством пребывания в гостях у колдуна оказались вовсе не роскошь, комфорт, вкусные и, главное, съедобные кушанья, а возможность отдохнуть от вечной боли в горле и проклятого кашля. Маг решил сделать гостю подарок в виде временного облегчения от страданий. Тэсс одновременно и испытывала благодарность, и злилась, стоило ей подумать, что это блаженство могло бы не кончаться. Зная, что Ашейли не исцеляет ее лишь из жестокой прихоти, девушка, естественно, не испытывала к нему теплых чувств, однако оценить хоть несколько часов избавления от боли все же могла.

Она почти уже заснула, когда раздался стук в дверь. Вздохнув, Тэсса побрела открывать. Высунув голову в щель приоткрытой двери, она узрела его величество со свитком в руках и неожиданной улыбкой на лице.

— Что? — недовольно спросила девушка, давая понять, что ей помешали выспаться в последнюю ночь в человеческих условиях.

— Вам письмо от вашей фрейлины — дэньи Свелл, — теплая и чуть лукавая улыбка, не покидающая лицо короля, казалась такой непривычной.

Лотэсса вытянула из-за двери руку, чтобы забрать у него свиток, поблагодарила и пожелала доброй ночи. Едва только дверь захлопнулась, девушка бросилась на широченную кровать, вернее, на перины, расстеленные прямо на полу, и развернула свиток. Начав читать, Тэсс не могла прийти в себя от изумления. Альва выходит замуж! За Торна! С ума она сошла, что ли? Словно предчувствуя реакцию подруги, Альва в письме оправдывалась и старалась объяснить свое решение. Но Тэсса все равно не понимала. Она, конечно, замечала, что протектор неравнодушен к ее фрейлине, но сама-то Альва, казалось, совершенно не отвечает ему взаимностью. Нет, она вроде как испытывала к Торну нечто вроде дружеского расположения, но чтобы замуж... Немыслимо! Он же дайриец! И он казнил Йеланда и Нейри!

Да, и еще именно он привел к ней Альву, чтобы защитить, напомнила себе Тэсс. И именно он повез ее в ту ночь к Энлил, несмотря на все протесты. А еще сейчас он спасает ее город от людского безумия и темных чар. Впрочем, спасти Вельтану бы не пришлось, если бы не дайрийское нашествие. Именно захватчики вынудили Йеланда воспользоваться кольцом Изгоя. В общем, отношение девушки к верховному протектору было весьма противоречивым. Она признавала, что Торн умен, честен, предан своему делу до безумия и по-своему благороден... так же, как и его друг и сюзерен. Кроме того, Элвир Торн безумно хорош собой, по крайней мере, так считает большая часть столичных дам. В общем-то, неудивительно, что Альва, далекая от придворной жизни и не избалованная мужским вниманием, не устояла перед признанием такого человека. Вполне можно даже допустить, что они будут счастливы вместе. А ее любимая Альва из скромной дэньи Свелл превратится в эну Торн — принцессу и вторую даму королевства!

Размышления о Торне незаметно перешли на мысли о короле. Тэсса поняла, что отчасти не может всерьез сердиться на Альву потому, что сама ведет себя немногим лучше по отношению к «своему» дайрийцу. Как бы ни хотела девушка ненавидеть короля, у нее не получалось. Временами воскрешаемая для порядка ненависть казалась надуманной и ненастоящей. Когда стена ненависти наконец рухнула, девушка осознала, что, привыкнув жить в тени и под защитой этой стены, теперь совершенно беззащитна перед тем человеком, которым на самом деле является Валтор Малтэйр. Если набраться храбрости и честности, следует признать, что, не будь король дайрийцем, захватившим ее страну и повинным в смерти ее брата, он был бы одним из лучших людей, что ей доводилось знать.

И, возможно, лучшим мужчиной. Ни Рейлор, ни Нейри не вызывали у нее подобных эмоций. Правда, чувства к ним не были отравлены ненавистью. Пусть девушка по-прежнему даже и мысли не допускала о том, чтобы влюбиться в Дайрийца, но уже не однажды ловила себя на ревности или досаде, вызванной его безразличием. День ото дня ей все досаднее было, что король не влюблен в нее, а все его подвиги и проявления заботы связаны лишь с природой хранителя и расчетом на идеальный политический союз.

Она вздохнула, решила, что если все-таки хочет заснуть, то лучше не думать о таких вещах, и завернулась в шелковое, непривычно тонкое и скользкое одеяло, твердо намереваясь насладиться последним отдыхом перед долгой пугающей дорогой. Выспаться ей удалось отменно, никто не тревожил ее покоя, пока девушка сама не открыла глаза. Завтрак ей подали в комнату, причем подала та самая рабыня, которую спас Валтор. Король сразу же отдал женщину Ашейли, заявив, что не представляет, что делать со своим невольным приобретением. Колдун согласился принять несчастную, заявив, что формально она свободна и может уйти из его дома, когда пожелает. Однако та совсем не желала и, напротив, похоже, была очень довольна тем, что попала в такой роскошный дом к такому прекрасному господину. Все это женщина рассказала Тэссе сама. Как выяснилось, любезность хозяина, дарующая дойцам возможность понимать шургатскую речь и быть понятыми в ответ, распространялась на разговоры не только с самим Ашейли, но и с любым человеком, находящимся в пределах его дома. Это чрезвычайно облегчало общение с прислужгой. Спасенную звали Кириат, ее прежний хозяин был жесток и служил темным духам, принося им в жертвы людей. Тэсса сразу пожалела, что король не убил это чудовище, а теперь досадовала еще больше. Попросить, что ли, Ашейли, чтобы прикончил бывшего господина Кириат с помощью магии?..

Сам хозяин дома был все так же загадочен и безмятежен, словно ему не предстояло отправлять их с Валтором на какую-то там Безумную тропу. Впрочем, маг уже достаточно ясно дал понять, сколь мало заботят его не то что судьбы других людей, но даже само существование мира. Дайриец, напротив, выглядел мрачным и напряженным, от вчерашней улыбки не осталось и тени. Тэсс-таки озвучила Ашейли свое пожелание относительно смерти мерзавца, приносящего в жертву своих рабов. Тот хмыкнул в ответ, а король удивленно воззрился на невесту.

— На самом деле в наших краях это вполне распространенная вещь, — по дороге из города колдун решил развлечь гостей беседой. — Дикой магией увлекаются многие, что странно, учитывая практически полную ее бесполезность. Бедняки приносят в жертву животных, те, кто побогаче, — рабов. Есть еще такие, кто, не имея лишних денег или рабов, просто ловит бродяг или одиноких путников и приносит их в дар темным духам. Именно поэтому по нашим дорогам не стоит путешествовать в одиночку, — Ашейли жутковато хохотнул.

Они покинули дом колдуна уже больше двух часов назад, довольно быстро миновали пределы города и теперь ехали по однообразным шургатским равнинам, тусклый пейзаж которых успел приесться Тэсс еще во время дороги до Ни'имэ. Не успела девушка пожаловаться на это обстоятельство, как в их путешествии наметилось хоть какое-то разнообразие. Ашейли неожиданно свернул с широкой дороги и направил коня в бескрайние просторы, до горизонта поросшие низкой бурой травой.

— Мы уже близко? — спросила Лотэсса, ощущая возрастающие нетерпение и страх.

— Относительно, — безмятежно отозвался маг. — Но на вашем месте, прекрасная западная дева, я бы не стал особенно торопиться. Тропа безумных ветров не то место, куда стоит спешить.

— Лучше уж поскорее ступить на нее, чем мучиться тревожным ожиданием, — возразила Тэсс. Впрочем, спорила девушка для порядка, на самом деле никакого желания поскорее оказаться в таком жутком месте она не испытывала.

Через некоторое время вдали показались какие-то развалины. Явно не города и даже не дворца, возможно, какого-то храма, и то не очень большого. Уцелели лишь остатки фундамента, несколько колон и единственная арка. Издали все эти элементы казались темно-коричневыми, вблизи же производили впечатление вылепленных из мокрого песка.

— Мы на месте, — сообщил Ашейли.

— И где же ваша хваленая тропа? — в недоумении спросила Тэсса.

— Здесь, — маг кивнул в сторону развалин. — Прежде, чем вы на нее ступите, хочу рассказать о единственном известном правиле: не сходите с тропы. Сколь бы велико ни было искушение, как бы ни было страшно — не сходите. Неизвестно, под силу ли вам

пройти Тропу безумных ветров до конца, но точно известно, что, сойдя, вы погибнете. Помните об этом. Иных советов я вам дать не могу.

— И все-таки, где эта тропа? — на этот раз задал вопрос король.

— Сейчас увидите, — ухмыльнулся колдун. — Ну что ж, прощайте, друзья мои. Даже если вам удастся задуманное, вряд ли мы увидимся вновь. Удачи вам! Береги ее, хранитель! — он подмигнул Валтору и, развернув коня, направился прочь.

Лотэсса дернулась было за ним, но Дайриец удержал ее за локоть.

— Если он оставил нас здесь, значит, был уверен, что мы без труда найдем эту проклятую тропу. Ясно же, что она имеет отношение к развалинам.

Девушка вздохнула.

— Догадываюсь также, что лошадям на Тропе безумных ветров делать нечего, — продолжал король. — Так что придется спешиться. Только жалко бедолаг. Лучше бы Ашейли забрал их с собой. Впрочем, от голода кони здесь не погибнут. Главное, чтоб не ими не удовлетворил голод кто-нибудь другой.

Тэсс поехала, представив себе возможную участь несчастных животных. Однако любые хищники или даже на'ари лучше Тропы безумных ветров, так что лошадам впору позавидовать. Малтэйр спрыгнул с коня, вытащил спутницу из седла и, крепко держа ее за руку, направился к развалинам. Вокруг древних камней пейзаж ничем не отличался от окружающего, и все же Лотэссе чудилось что-то чужое и непонятное, как будто она наткнулась на замерзшее озеро посреди лета. Дайриец замер перед входом в арку, обменялся взглядами с Тэсс и, крепко сжав ее руку, шагнул в проем.

Только что за аркой колыхалось море чахлой бесцветной травы, сливающейся у горизонта с таким же выцветшим небом — никакого намека на дорогу или тропинку. Однако Валтор с Лотэссой, нырнув под каменные своды, увидели начинающуюся сразу за ними и уходящую вдаль ленту темного песка. Шаг — и они ступили на взявшуюся ниоткуда дорогу. Вокруг была все та же трава, только теперь совершенно неподвижная. Кроме того, день сменился сумерками. Тэсс вообще-то любила сумерки — таинственную грань, отделяющую свет от темноты. Но эти казались не таинственными, а откровенно жуткими. Девушка непроизвольно сильнее вцепилась в руку Дайрийца, который и так сжимал ее ладонь почти до боли.

— Не бойтесь, Тэсс, — теперь он решил отказаться не только от титула, но и от «Лотэссы», но сейчас она совсем не возражала против подобной фамильярности. Напротив, бесцеремонное обращение короля даже несколько успокоило девушку.

— Попробую. Хотя вообще-то я не очень храбрая. В обморок вряд ли рухну, зато завизжать или вцепиться в вас мертвой хваткой — это пожалуйста.

Тэсса решила, что на всякий случай лучше его сразу предупредить, дабы потом возможные неловкие ситуации не казались столь неловкими.

— О да, — усмехнулся король. — Только ужасная трусиха могла броситься на змеехвостую тварь, защищая даже не подругу. Впрочем, если захотите повизжать или вцепиться в меня, я возражать не стану. На что еще нужны хранители?

Девушка улыбнулась и почувствовала себя лучше. Подумаешь, сумерки. Подумаешь, небо как перед грозой, а вокруг не единого звука или движения. Эта враждебная реальность напоминала хищника, затаившегося перед прыжком, словно ожидая удобного момента, чтобы напасть. Если так будет до самого конца, то вполне можно пережить. Однако баловать путников затишьем это заграничное место явно не собиралось. Тишину прорезал неприятный звук, напоминающий то ли завывание ветра в камнях старого замка, то ли игру не слишком умелого трубача. Звук то умолкал, то вновь зависал, наполняя собой пространство. Промежутки между тишиной и завываниями были неравномерными, это избавляло от ощущения монотонности, но держало в постоянном напряжении. Впрочем, через какое-то время Валтор с Лотэссой привыкли к гулу и почти перестали обращать на него внимание, стараясь отвлечься разговорами.

— Ашейли говорил, что время здесь не имеет значения, — припомнил король. — Вроде

как течет по каким-то своим законам.

— Если это так, то мы можем провести на этой проклятой дороге годы! — встревожилась она.

— Как я понял, скорее наоборот, — голос Малтэйра звучал задумчиво. — Время, текущее здесь, не имеет значения, его как будто нет. То есть, сколько бы мы здесь не провели, в остальном мире не пройдет и минуты. Так, по крайней мере, полагает наш колдун.

За разговором они не сразу заметили, как изменился пейзаж по обеим сторонам тропы. Изрядно надоевшая шургатская трава исчезла, уступив место нагромождению очень мелкого черного щебня, причем находившегося в полной неподвижности, пока царила тишина, и начинавшего причудливо менять форму, как только слышалось очередное завывание. Но и к подобной перемене путники быстро привыкли, продолжая двигаться вперед. Со временем точно творилось что-то неладное, ибо никто из них не мог хотя бы приблизительно сказать, идут они несколько минут или несколько часов. Единственным, что хоть как-то давало ощущение времени, было чувство усталости, с каждым пройденным шагом все сильнее овладевавшее Тэссой. Скоро она уже не могла думать ни о чем, кроме желания опуститься на землю и хоть немного поспать. Король то ли заметил, то ли почувствовал состояние девушки и сам предложил отдохнуть. Дайриец сел на тропу, а Лотэсса улеглась, положив голову ему на колени. Когда собираешься спать на голой земле, точнее, на странном холодном песке, не до лишних церемоний. К тому же, прикосновения Валтора успокаивали девушку, разгоняли ее страх, ибо спутник был единственным, что связывало ее с реальностью в этом безумном заграничном месте. Король обнял невесту, и та, почти ощутив себя в безопасности, погрузилась в сон.

Проснулась она от ощущения полной темноты вокруг. Выходит, и здесь сумерки сменяются ночью, а значит, время все-таки идет. Темнота пугала еще сильнее, точнее, просто безумно, сжимая сердце холодной когтистой хваткой. Но, как бы ни было жутко девушке, стократ страшнее стало, когда она поняла, что Дайриец исчез и она совершенно одна в этой тьме.

— Валтор? — неуверенно позвала она, поражаясь неестественности звучания собственного голоса.

Никто, конечно, не отозвался. Ясно же, что просто уйти король не мог. По собственной воле он бы ни за что ее не оставил, даже если бы хотел. Он же хранитель. Значит, с ним что-то случилось, пока она спала. Неужели этой проклятой тропой действительно можно пройти только в одиночку?! Она ни за что не сможет! Умрет от ужаса прямо сейчас, и уж поскорее бы, потому что выносить эту пытку пронизывающим страхом просто нет сил.

Чуть позже Тэсс поняла, что темнота далеко не самое страшное. То есть сама по себе она не страшна, а вот проступающие сквозь нее силуэты... Это были прозрачные и почти невидимые, но в то же время каким-то непостижимым образом зримые существа. Очертания их тел казались неопределенными и постоянно менялись, в отличие от лиц. Что это были за лица! Однозначно человеческие, но ужаснее любого чудовища, какое только может создать воображение. Лица отличались друг от друга чертами, но на всех застыло одинаковое выражение — даже не злобы, а какой-то жуткой веселой жестокости. Откуда-то Тэсса знала, что перед ней те самые Безумные ветра — хозяева здешних мест. Высшее наслаждение и смысл бытия этих существ — упиваться муками своих жертв, одной из которых ей довелось оказаться.

Создания кружили вокруг девушки, постепенно приближаясь. Вот одно, затем другое коснулись ее холодными, скользкими, мертвыми телами. От каждого прикосновения Тэсс передергивало. Она не чувствовала боли, но ужас оказался куда более сильной пыткой. Лотэсса закричала, словно воплями можно было разогнать кошмарных голодных существ, сжимавших вокруг нее кольцо. Кроме того, звуки собственного голоса казались последними осколками реальности посреди злого безумного морока.

А потом пришла боль, резкая, жгучая, но какая-то... правильная. Как ни странно, боль принесла облегчение. Откуда-то девушка точно знала, что не холодные жестокие твари сделали ей больно. Внезапно тьма приобрела красный оттенок, и ветра дернулись враспынную.

— Лотэсса! Тэсс! — послышался знакомый голос. — Да очнись же, во имя всех

Странников и богинь!

Девушка ощутила, что ее трясут, причем довольно грубо, и с трудом разлепила веки, подивившись тому, что глаза, все это время отлично видевшие в темноте, оказались закрытыми. Тьма отступила, уступив место сумеркам, которые теперь казались почти дружелюбными. Первым, что она разглядела, было искаженное тревогой лицо Валтора. Как только Тэсса открыла глаза, король порывисто прижал ее к груди — так сильно, что она даже пискнуть не могла в знак протеста, да и не хотела, если честно. Как он здесь оказался? Что вообще произошло? Значит, это лишь наваждение? Все исчезло, кроме боли, которая, кстати, была вполне реальной и ощутимой. Зато теперь Тэсс четко осознавала, где находится источник боли. Она с недоумением воззрилась на правую руку и сочившийся кровью свежий порез.

— Что это? — рана не особо беспокоила девушку на фоне всего случившегося, но все же хотелось узнать, откуда она взялась.

— Простите, — Дайриец вздохнул. — Я просто не видел иного выхода. Вы так метались и кричали во сне, а разбудить вас не получалось, что бы я ни пробовал. Боль показалась мне последним средством, способным вернуть вас к реальности. И, как выяснилось, я оказался прав.

— Это не боль, а кровь, — словно в тумане произнесла Лотэсса. — Они боятся крови, — она отчего-то была уверена в том, что говорила.

— Кто «они»? — спросил король, с тревогой глядя на невесту.

— Безумные ветра, — ответила Тэсс, словно сообщала нечто само собой разумеющееся. — Не смотрите на меня так, в отличие от них, я не безумна. Просто знаю, что видела хозяев этого места, знаю, чем они занимаются, и знаю теперь, что им не по вкусу. Не спрашивайте, откуда, знаю и все.

— Не буду спрашивать. Тем более, я тоже откуда-то именно знал, что должен порезать вам руку, хотя, по идее, боль можно причинить и другими способами. Хотя в моем случае знание, должно быть, объясняется тем, что я хранитель и, следовательно, наделен даром принимать правильные решения.

— В любом случае, ясно одно, — вздохнула Тэсса. — Глаза в этом месте закрывать не стоит.

Глава 29

Лан, уставший от бесконечных столкновений матери со слугами, постоянно что-то путавшими и делавшими не так, чрезвычайно обрадовался, когда ему доложили о приходе Альвы. С девушкой можно будет запереться в кабинете и хоть на время отвлечься от сборов, которые вызывали в нем отвращение, переходящее в ненависть. Хорошо хоть матушка взяла на себя большую часть хлопот, связанных с длительным отъездом из Вельтаны. И еще хорошо, что хозяйке Таскиллона взялась помогать дэна Тийла — Альвина тетка. Вот уже два дня как Тийла Ормонд, а также Ларни Боглан с матерью перебрались из Нианона к Таскиллам, и женщины сразу принялись активно помогать эне Алдоре, облегчая тяготы переезда.

Альва выглядела более бледной и усталой, чем обычно. Она рассказала Лану, что сбежавшие из тюрьмы негодяи, обосновавшиеся в Ночной части, теперь захватили там полную власть, что не сулит ничего хорошего.

— Дэн Итон выставил заградительный отряд на границе между Ночной и Кузнечной, — продолжала девушка, устраиваясь в одном из кресел. — Эн Элвир собирался усилить его гвардейцами. Конечно, даже при таком раскладе ни в чем нельзя быть уверенными. Эти одержимые, они же не люди, а просто чудовища...

Альва оборвала фразу на полуслове, потому что в кабинет вошла эна Алдора. Лан отметил, что мать выглядела не менее измученной, чем гостя.

— Матушка, — осторожно обратился к ней он. — Нужно ли нам с такой серьезностью подходить к сборам? Мне кажется, вовсе не обязательно тащить за собой в Лиртию половину имущества Таскиллона.

— Сын мой, — отвечала женщина своим обычным строгим тоном. — Допускаю, что я не права, но разве можем мы оставить фамильные ценности и реликвии рода Таскиллов на разграбление разгулявшейся черни? Ведь до этого вполне может дойти, не так ли, дэнья Альва?

Девушка замаялась, не зная, что лучше: поддержать хозяйку замка в ее предусмотрительности или обнадежить и успокоить.

— Не исключено, — вздохнула она. Несмотря на короткое знакомство, Лан успел заметить, что чаще всего девушка предпочитает говорить правду. Придворной дамы из нее бы не вышло, зато матушка была от Альвы просто в восторге, то есть высказывала одобрение менее сдержанное, чем обычно.

— Я рассудила так же, — кивнула хозяйка. — Если солдатам и страже удастся подавить мятеж, мы возблагодарим за это богинь. Но в противном случае не хотелось бы, чтобы презренное отребье дорвалось до книг, картин, статуй, драгоценностей, а главное, до оружия, принадлежавшего мужчинам нашего рода. Конечно, когда хочешь увезти из замка так много, сборы превращаются в сущее наказание и отнимают слишком много времени и сил. Или мне не стоит заниматься этим, Лан? — она выжидающе посмотрела на сына.

— Думаю, вы правы, матушка, — со вздохом признал он. — Остается лишь воздать должное вашей предусмотрительности и посочувствовать вам с дэной Тийлой.

— О, дэнья Свелл, ваша тетя просто сокровище, — женщина обратилась к Альве. — Ее помощь просто неоценима. Да и эта несчастная вдова — Рисса — тоже старается изо всех сил. Еще самое большее пара дней, и мы сможем выехать. Я слышала, вы рассказывали моему сыну, как обстоят дела в городе. Зря вы умолкли при моем появлении. Не стоит опасаться напугать меня. В такой ситуации всегда лучше знать правду. Так что там творится?

Не успела Альва повторить то, что сказала ранее, как в комнату вбежал Ларни Боглан и сообщил, что герцога Таскилла хочет видеть, причем срочно, какой-то стражник, присланный от протектора. Лан поднялся и направился вниз, а женщины последовали за ним в отдалении.

Если доложивший о посетителе Ларни выглядел запыхавшимся, то сам стражник имел

вид совершенно измотанный и напряженный до предела.

— Что случилось? — юноша сразу перешел к делу.

— Твари с Ночной... — начал он, но тут же осекся, бросив смущенный взгляд на женщин. — Простите, дамы! В общем, эти... — бедняга так и не нашел подходящего слова, — прорвали оцепление. Вы должны покинуть столицу немедленно. Это приказ верховного протектора, — произнося это, гонец выглядел виноватым.

В первый момент Лана охватил гнев. Как смеет Торн приказывать что-то герцогу Таскиллу?! Но мысль, что протектор не поступил бы подобным образом, не будь на то веских причин, охладила его пыл. В любом случае, женщин стоит вывезти из города, а самому всегда можно будет вернуться, если что. Юноша предложил посланнику протектора остаться, но тот отказался и поспешил вернуться.

— Вы слышали? — Лан обратился к матери и Альве. — Мы выезжаем немедленно. Увы, всех ценных вещей нам не вывезти, но в свете последних событий куда умнее спасать людей. Мы заберем всех, до последней кухарки.

Он отдавал себе отчет в том, что такое количеством народу сильно затруднит и замедлит передвижение, но просто не мог оставить своих людей в столице, которой спустя некоторое время грозит погрузиться в пламя мятежа. Кроме того, благодаря предупреждению Торна времени у них должно быть с избытком, даже если двигаться медленно. И все-таки затягивать с отправлением недопустимо.

— Матушка, соберите слуг. Дайте им понять, что пытаться утащить с собой весь скарб — непозволительная роскошь. Я отправлюсь к мастеру Брилору, пусть займется охраной. Вы, Альва...

Но девушка не дала ему договорить.

— Я еду к протектору и коменданту! — воскликнула она.

Поскольку слова у Альвы редко расходились с делом, она тут же рванулась в сторону выхода. Лану пришлось схватить девушку за плечи, развернуть к себе и, силой удерживая, заставить выслушать.

— Дэнъя Альва, вы никуда не пойдете! Протектор и комендант сейчас явно не нуждаются в вас. Кроме того, отдавая распоряжение о нашем отъезде, Торн знал, что вы здесь. Значит, приказ распространяется и на вас. Но, даже будь это не так, я все равно не отпустил бы вас.

По старой привычке, которую тщетно пытался изжить, Лан обернулся и взглянул на мать. Та почти незаметно кивнула в знак одобрения, а затем обратилась к девушке.

— Дэнъя Свелл, не вынуждайте моего сына проявлять грубость по отношению к вам. Как уважающий себя мужчина, он не позволит вам рисковать собой. Так же, как и протектор с комендантом. Уверена, оба озабочены вашей безопасностью, и последнее, чего они могут пожелать, — это видеть вас сейчас рядом с собой. Помочь вы им ничем не сможете, так имейте благоразумность хотя бы не мешать.

— Но вы не понимаете! — Альва сделала попытку освободиться, но Лан держал ее крепко. — Мне нужно попрощаться! — она беспомощно переводила взгляд с него на эну Алдору и обратно. — Вы не понимаете, — повторила она. — Я люблю его!

— Кого? — разом вырвалось у Лана с матерью.

— Эна Элвира. Протектора, — теперь девушка выглядела виноватой, очевидно, понимая, что признание в любви к ненавистному приспешнику дайрийского короля в семье Таскиллов не может вызвать одобрения. — Дэна Итона я тоже люблю, — поспешно добавила она.

— Но иначе, чем протектора, надо полагать? — матушка взирала на Альву строго и холодно.

— Иначе, — тихо ответила та. — За эна Торна я выхожу замуж. То есть должна выйти,

когда все это закончится. Можете презирать меня, сколько хотите, — девушка с вызовом взглянула на хозяйку. — Но, умоляю, отпустите. Я должна с ним увидеться!

— Никто не станет вас презирать, дэнья Свелл, — голос матери звучал прохладно, но во взгляде не было прежнего осуждения. — Вы вольны распоряжаться своим сердцем как угодно. Но не своей жизнью! Если любите протектора, подчинитесь его приказу и уедете из города, избавив жениха от лишнего повода для беспокойства.

— Альва, — юноша не мог отойти от потрясения, но теперь хотя бы упрямство девушки стало понятно. — Обещаю, как только вы выедем за пределы Вельтаны, остановимся где-нибудь в пригороде, и я пошлю кого-нибудь из мужчин к протектору с вашим письмом. Уверен, если у него будет возможность, Торн придет увидеться и попрощаться с вами. Если же нет, то хотя бы напишет ответ. Такой вариант вас устроит?

Она обреченно кивнула, и Лан наконец разжал руки, втайне гордясь, что смог придумать решение, устраивающее всех. Не запикивать же ее, в самом деле, силой в карету.

К чести всех обитателей Таскиллона, оставшиеся сборы прошли настолько быстро, насколько это вообще возможно, когда несколько десятков человек, растерянные и напуганные, отправляются в дальнюю дорогу, не зная, когда смогут вернуться. В конце концов достаточно внушительная процессия тронулась путь. Женщины ехали в каретах и повозках, мужчины — по большей части верхом. Однако, выехав за ворота, Лан понял, что собираться стоило еще быстрее. На улицах царил суматоха, граничащая с паникой. Как за столь короткий срок известия о мятеже черни успели преодолеть путь от Ночной части до Дворцовой? Люди попроще метались, казалось, без всякого смысла, многие из них тащили на плечах тюки или корзины. Но Дворцовая часть на то и Дворцовая, что основная часть проживающих здесь простолюдинов — это прислуга, и отнюдь не они — наиболее значимая часть местного населения. Судя по запруженности довольно просторных улиц каретами и лошадьми, не только Таскиллы оказались в курсе происходящих событий. Подобное положение вещей сильно затрудняло и замедляло передвижение процессии, но Лан искренне радовался тому, что другие знатные фамилии также предупреждены об опасности. Хотя он и полагал, что до Дворцовой части восстание если и дойдет, то не скоро, но все-таки куда безопаснее аристократии покинуть город и отсидеться какое-то время в своих имениях, подобно тому, как это делают они.

На то, чтобы такими темпами миновать Дворцовую, а потом и Заречную часть, ушло несколько часов. День уже клонился к вечеру, когда Таскиллы оказались в густой толпе у Моста Крэйна в Западной части. Сразу за мостом располагались Западные ворота, ведущие из города. Вроде как до ворот рукой подать, но на самом деле скученность карет, коней и людей у моста была столь плотной, что, по предположению юноши, им предстояло здесь провести самое меньшее часа полтора. Пешим приходилось чуть проще, им удавалось просочиться между колесами и лошадиными ногами, в то же время постоянно рискуя быть раздавленными или растоптанными.

Вынужденное бездействие привело юношу в состояние нервозности и раздражения, которое он, впрочем, старался тщательно скрывать. Злости, паники и откровенной истерии вокруг и так предостаточно. Многие его знакомые аристократы высовывались из карет, вопили, требуя освободить им путь. Некоторые даже опускались до того, чтобы, свесившись с коней, хлестать кнутами простолюдинов, рвущихся к мосту. Все это выглядело мерзко. Лан от всей души хотел, чтобы мать и Альва как можно скорее оказались на той стороне моста, а лучше за воротами, но в то же время понимал, что не станет ради этого доходить до подобной низости, тем более абсолютно бессмысленной.

Прошло около часа, когда карета, возглавляющая процессию Таскиллов, въехала на мост. Над городом постепенно сгущались ранние сумерки поздней осени. Откуда-то сзади послышался нарастающий шум. Вскоре стал виден источник смутения — густая толпа отребья, что самое худшее, отребья вооруженного и явно пылающего жаждой уничтожать все, что встречается на пути. Горожане, словно жертвы, загоняемые сворой, бежали, спасаясь от вопящей торжествующей толпы. Бежали, естественно, в сторону моста Крэйна. Чем ближе подходили обезумевшие существа, уже и на людей-то не похожие, тем меньше походили на людей те, что столпились у моста, и те, что вливались в это плотное скопище, словно ручейки в озеро. Началась настоящая паника и давка. Кто-то пытался завладеть чужими лошадьми, рассчитывая оказаться подальше отсюда, иные, напротив, спешили в надежде пешком быстрее преодолеть мост и выбраться

за ворота. Кто-то рвался в чужие кареты, чтоб там отсидеться, зачастую выпихивая законных владельцев.

Глядя на это, Лан уверился в мысли, что мир сошел с ума. Причем безумцы были с обеих сторон. Однако повальное помешательство — не повод самому терять голову. Несколько мгновений он размышлял, как будет лучше: отправить женщин пересекать мост пешком или оставить под защитой кареты. Последний вариант показался все же надежней. На мосту, как и на подступах к нему, царила жуткая давка. Лучше двигаться медленно, чем быть растоптанными. Сам же он обратился к своему наставку, мастеру меча Брилору, с приказом собрать всех мужчин, состоявших на службе у Таскиллов, чтобы защищать подступы к переправе, оставшейся последней надеждой сотен людей.

К своему облегчению, юноша понял, что он не единственный, в чью голову пришли подобные мысли. То тут, то там рыцари собирали своих людей и готовились к обороне. Пусть не все, но достаточно многие мужчины оказались действительно мужчинами и, рискуя собственной жизнью, готовились защищать своих и чужих женщин и детей. Неподалеку от себя Лан заметил эна Теворна — старого друга отца. Он кивнул молодому герцогу и в глазах того, кто всегда был больше воином, чем придворным, светилось неподдельное одобрение, смешанное с болью. Рядом с эном Теворном стоял его старший сын, почти ровесник Лана. Младший, скорее всего, остался в карете. Глядя на пожилого рыцаря, Лан вспомнил Оро Линсара. В толпе бегущей из Вельтаны знати он не заметил Линсаров, и немудрено. Должно быть, будущих родственников короля выслали из столицы в Нурту, как только положение начало принимать серьезный оборот.

Опьяненные внезапным могуществом подонки из Ночной части — а скорее всего, не только оттуда — почти вплотную приблизились к защитникам моста. Сзади послышался цокот копыт, заставивший юношу оглянуться. То, что он увидел, привело Лана в бешенство. На коне, причем непонятно чьем, восседала Альва с луком за плечом и колчаном стрел, свободно болтавшемся на тонкой девичьей талии.

— Что ты здесь делаешь?! — гневно обратился он к девушке, разом позабыв о вежливости.

— То же, что и ты, — в тон ему ответила та. — Я неплохо умею стрелять, и тут от меня толку побольше, чем в карете. Лук, правда, моему и в подметки не годится, но на крайний случай сойдет и такой.

— Какой лук?! — заорал он. — Ты с ума сошла! Подумай о Торне! — юноша решил сменить тактику, воспользовавшись тем же приемом, что и Альва, когда уговаривала его покинуть город.

— Я постараюсь выжить, — с этими словами девушка выпустила первую стрелу. И попала.

Свою цель нашла и вторая стрела, и третья... Лана обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, он радовался смерти каждого подонка, с другой — жутко было видеть, как эта милая девушка, прищурив удивительные зеленые глаза, сосредоточенно и хладнокровно пресекает одну жизнь за другой.

Внезапно шум раздался со стороны Закатной улицы. Лан с ужасом подумал, что сорвавшиеся с цепи безумцы окружили их, но, к великому облегчению его и прочих защитников моста Крэйна, это оказалась дайрийская гвардия, спешащая на помощь. Завязался бой, причем солдаты оттеснили от разъяренной толпы аристократов с их людьми. Альва, однако, продолжала выпускать стрелы, одну за одной, пока они не кончились. Теперь, когда необходимость в их самопожертвовании казалась не столь очевидной, юноша решил попробовать прорваться к Западным воротам — не ради себя, а ради своей спутницы. Но тут девушка, уже почти позволившая себя увести, увидела знакомого капитана гвардейцев.

— Ивар, ты знаешь что-нибудь о коменданте с протектором? — набросилась на него неугомонная Альва. — Где они?

— В комендатуре, — почти не оборачиваясь, бросил Ивар. — Оба. Эн Элвир ранен.

— Ранен?! — хладнокровная лучница, только что отправившая за Грань кучу народа,

побелела как полотно. — Я еду к нему!

— Не проедете, слишком опасно, — предупредил гвардеец. — Заречная часть, как и Старая, забиты этими мразями.

— Мне все равно, — упрямо повторила девушка. — Я поеду!

И Лан понял, что сейчас он ее не удержит. Ничего другого не оставалось, как поехать с ней, предварительно раздобыв запас стрел. Ибо проще было умереть, чем бросить Альву сейчас. На пути до комендатуры им везло гораздо чаще, чем можно было надеяться. Кроме того, оказалось, что девушка, живущая в столице всего пару месяцев, отлично знает город. Руководствуясь то ли логикой, то ли чутьем, она выбирала почти пустые улицы. В серьезную схватку им пришлось вступить уже почти у самого здания комендатуры. Но и тут они прорвались благодаря мечу и стрелам.

Оказавшись в здании, девушка опрометью кинулась наверх, по дороге бросив лук и пояс с колчаном на лестнице. То ли мешали бежать, то ли, что более вероятно, не хотела, чтобы Торн знал, чем она занималась. Юноша, следуя за ней, подобрал лук и стрелы, оставив оружие у входа в комнату, куда забежала Альва.

Первым, кого он увидел, был комендант, стоящий у окна. Выглядел Итон Карст хуже некуда — бледный, в потрепанной, местами окровавленной одежде, с лицом, исполненным мрачного отчаяния. И отчаяние это, судя по всему, только усилилось при виде юной помощницы. Неудивительно.

Сама же виновница лишней боли коменданта замерла в шаге от дверей, глядя вниз, где на полу лежал Торн. Протектор казался даже более бледным, чем Карст, и кровь, пропитавшая одежду, явно была его собственная. Насколько мог оценить положение Лан, рана, полученная протектором, была смертельна.

— Здравствуй, крысенок, — слышался хриплый голос Торна, обращенный к Альве. — Какого Изгоя ты тут делаешь?

Глава 30

Когда время вокруг то ли остановилось, то ли течет по каким-то своим никому не ведомым законам, крайне сложно понять, как долго длится тот или иной период. Лотэсса не представляла, сколько дней они с королем провели на проклятой Тропе безумных ветров. Иногда казалось, что несколько часов, а порой, что много месяцев. Путники довольно скоро поняли, что состояние усталости и сонной одури в этом месте — явление постоянное. Стоило несчастной жертве закрыть глаза, как хозяева этого жуткого места обретали над ней полную власть. Когда Тэсс, положившись на противоядие, вновь решила погрузиться в сон, безумные ветра появились еще раньше, чем в прошлый раз, очевидно, сочтя, что теперь можно не таиться. Только теперь, в отличие от прошлого раза, девушка знала, что находится во власти наваждения. Стоило ей лишь крикнуть, как Дайриец порезал руку, на этот раз свою, и кровь мгновенно разогнала призрачных чудовищ. Когда же усталость свалила короля, Тэсса сделала для него то же самое. Резанула тонким лезвием кинжала по своей руке и увидела, как реальность словно дрожит и плавится, впрочем, длилось это лишь до того момента, как Валтор открыл глаза.

— Вам не стоило ранить себя, Лотэсса, — с укоризной сказал он. — Моя кровь этих тварей вполне устраивает. Надо было порезать руку мне.

— Вы и так довольно резали руки из-за меня, — возразила девушка, бросив невольный взгляд на левую ладонь короля, покрытую тонкой сеточкой шрамов.

— Ерунда, — вздохнул Дайриец, поднимаясь. — Впрочем, не вижу дальнейшего смысла в попытках заснуть. Отдохнуть все равно не удастся, поскольку почти сразу нужно возвращаться в реальность, если в этом месте хоть что-то является реальностью. С другой стороны, как я понял, смерть от усталости нам здесь не грозит. Просто нужно привыкнуть к этому неприятному ощущению и вечному желанию спать. Сможете?

— Попробую.

Какие-то отрезки пути они проходили без приключений, но и различные ловушки встречались довольно часто. Поскольку основное правило заключалось в невозможности сходить с тропы, приходилось соваться во все пугающие места: в темный тоннель, внезапно возникшей на пути пещеры, в ледяную воду, идти по грудам полуразложившихся трупов. Тэссе мутило при воспоминаниях об этом, хотя король нес ее на руках, а лицом она уткнулась в его рубашку, раз уж здесь невозможно было закрыть глаза. Сколько бы девушка ни убеждала себя в том, что тела — плод злого колдовства, а то и вовсе наваждение, в глубине души она испытывала почти уверенность, что это те незадачливые колдуны, что не смогли пересечь тропу. И что, возможно, им с Валтором предстоит закончить свой путь так же.

Возможно, у магов имелась масса способов обойти ловушки или вовсе уничтожить их, но ни Валтор, ни Лотэсса магами не являлись, а хваленый дар Маритэ, как и предполагал Ашейли, здесь оказался совершенно бесполезен. Разве что пригодился, чтобы залечить порезы на руках себе и спутнику. Но даже эта малость поражала Тэсс, так и не привыкшую к обладанию хоть какими-то чарами. Однако при прохождении препятствий, встречавшихся на тропе, дар богини не помогал совсем.

Очередной подарок безумных ветров, по мнению Тэссы, затмил все предыдущие препятствия, включая свалку мертвых тел. Дорогу пересекал ров или овраг, до краев переполненный кишасшими змеями или тварями, их напоминающими. Мерзкие создания были прозрачны, что, к сожалению, вовсе не означало их призрачности или бестелесности. Прозрачны в том смысле, что сквозь тонкую, как стекло, кожу просвечивали внутренности. Омерзительные существа находились в бесконечном движении — извивались, переползали друг через друга, свивались в кольца. От одного взгляда на них Тэсс передергивало. А когда одна из змей распахнула пасть и сомкнула ее на голове соседней твари, Лотэсса ощутила приступ дурноты. Они еще и пожирают друг друга.

По каким-то непонятным причинам ни одна гадина не выползала за пределы рва, который, может, и был не рвом вовсе, а глубоченной ямой.

— Интересно, насколько там глубоко? — король словно прочел ее мысли.

— Наверное, не очень, — девушка старалась убедить не столько спутника, сколько себя. — Ведь тогда получается, что змеи, лежащие на дне, погребены под телами своих отвратительных сородичей. Им бы не хватило воздуха, да и просто раздавило бы подобной массой. Хотя у них, кажется, нет костей? — она с сомнением глянула на Дайрийца.

Обширными познаниями в области живой природы Лотэсса явно не могла похвастать, впрочем, здесь они, похоже, были без надобности.

— Ход ваших рассуждений довольно логичен, если скинуть со счетов тот факт, что природа этих тварей — магическая. А потому возможно все что угодно.

— Послушайте, — Тэсс в голову пришла мысль, внушившая надежду. — Если в огромных слизняках есть магия этого места, возможно, они боятся крови?

— Сейчас проверим, — и он тут же полоснул клинком по руке, а затем выставил ее так, чтобы несколько капель упали в овраг, заполненный мерзкими созданиями.

Не успели капли коснуться тела белесой змеи, как началось сущее безумие. На помеченную кровью тварь бросились все соседние, яростно выгрызая куски плоти. Еще ужаснее было то, что сама жертва изогнулась и норовила укусить себя за место, куда капнула кровь. В считанные мгновения гады разорвали «окровавленную» змею на куски, а затем, словно разогнувшиеся пружины, стали устремлять тела вверх, пытаясь добраться до пораненной руки короля — источника крови, которая, судя по всему, пришлась им очень даже по вкусу.

— М-да, — протянул Малтэйр. — В отличие от безумных ветров, змейки весьма охочи до человеческой крови.

— На самом деле, так и задумано — внезапно догадалась Тэсса. — Змеи лишают человека крови, и после этого он становится легкой добычей ветров.

— Вы не учли, что без крови человек умирает, — в голосе Дайрийца не было сарказма, не было даже полной уверенности.

— Только не здесь, — девушка вновь откуда-то точно знала то, о чем говорит. — В этом месте люди продолжают существовать и после смерти, служа вечным развлечением для безумных ветров. Понятия не имею, откуда мне это известно, но я почти уверена, что это так, — «почти» она добавила, чтоб не казаться совсем уж сумасшедшей.

Король хранил мрачное безмолвие, Тэсса тоже замолчала, размышляя. Впервые ловушка, преградившая им путь, оказалась смертельной. Если раньше им приходилось преодолевать страх, боль, отвращение, то теперь вопрос стоял о жизни и смерти. Очередной приступ кашля прервал ее безрадостные размышления и неожиданно навел на дерзкую мысль. Едва успокоившись, девушка забрала из рук Дайрийца клинок и прежде, чем он успел помешать, чиркнула лезвием по коже. И тут же стряхнула капли в змеиный ров.

Твари повели себя так, словно на них капнули расплавленным металлом. Они стремительно прыгнули в разные стороны, а те, на кого попала кровь, бешено извивались несколько секунд, а потом перестали шевелиться и, похоже, издохли. Вокруг двух неподвижных гадин на какое-то время образовалась пустота, позволившая разглядеть дно оврага, оказавшегося неглубоким. Тэсс отметила это обстоятельство с явным удовлетворением, а ее спутник выглядел совершенно пораженным.

— Но почему?! — только и мог вымолвить Малтэйр.

— Потому, что моя кровь отравлена проклятием, помните? — усмехнулась девушка. — Изгой, конечно, главное зло нашего мира, но конкретно сейчас я почти испытываю к нему благодарность.

— Вы предлагаете залить гадин своей кровью? — Валтору, похоже, такой вариант не казался идеальным.

— Вы можете предложить что-то получше? — огрызнулась она в ответ. Будто не ясно, что ее саму не вдохновляет подобная перспектива!

Естественно, король не мог предложить иного способа преодолеть змеиный ров. Лотэсса понимала, что не любой порез поможет извлечь нужное количество крови, и предоставила его величеству полную свободу наносить наиболее подходящие к случаю раны, предварительно крепко зажмурившись. Из всех сил старалась ничего не чувствовать и не представлять, пока Валтор нес ее через овраг, а вытянутая и удерживаемая на весу рука с каждой секундой казалась все более тяжелой, мокрой и липкой. От витавшего в воздухе запаха крови кружилась голова, зато мысли и ощущения окутывались плотным туманом, который в данной ситуации был только на руку.

Наконец все закончилось. Король бережно опустил девушку на землю, и ей волей-неволей пришлось взглянуть на пострадавшую руку с довольно глубоким порезом на запястье. Тэсс бы и дальше не смотрела, если бы не необходимость залечить рану. В очередной раз взывая к Маритэ, девушка поймала себя на том, что до сих пор, несмотря на все чудеса, не до конца верит в реальность богини. Однако Маритэ, очевидно, оказалась не из обидчивых и помогала залечивать раны, не обращая внимания на неискренность возносимых молитв. И только когда на месте пореза остался тонкий шрам, которому надлежало полностью исчезнуть через некоторое время, Лотэсса позволила себе разрыдаться, как тогда, в парке, после первой встречи с на'ари. И, как тогда, Валтор гладил ее по голове, пытаясь успокоить.

— Маленькая моя, храбрая девочка, — шептал он. — Ты спасла нас.

— Нет во мне никакой храбрости, — всхлипывала Тэсса. — Только отравленная кровь.

Через плечо короля она решилась бросить взгляд на оставшийся позади овраг. Змеи уже снова сомкнулись. То ли проклятая кровь впиталась в землю, убив гадин, оказавшихся недостаточно ловкими, то ли действие ее было временным. Девушку снова передернуло от зрелища, и она искренне возблагодарила Изгоя, проклятие которого помогло миновать эту омерзительную и смертельную ловушку.

Сидеть и плакать в объятиях Дайрийца после пережитого было даже приятно, но, с другой стороны, хотелось как можно скорее уйти от этого места. Хоть змеи вроде и не могли покидать пределов своей ямы, но, может, безумные ветра, разозлившись на неудачу, снимут это ограничение?

— Не стоит здесь задерживаться, — Малтэйр словно прочел ее мысли.

Он помог спутнице подняться, и они пошли дальше. Как ни странно, новые западни им не попадались. Но если учитывать полную невозможность чувствовать течение времени, возможно, они просто слишком мало прошли. Тэсс размышляла, сколько им еще идти по этой тропе и не окажется ли она вечной, но совершенно неожиданно дорога закончилась. Только что казалось, что тропа лентой извивается до горизонта, словно узкая река между черных, бесконечно изменчивых берегов, как вдруг дорога резко оборвалась и уперлась в начало каменного моста.

— Даже не заглядывая вниз, рискну предположить, что мост проложен над пропастью, — мрачно усмехнулся король.

— Зато это конец тропы, — как во сне, прошептала Тэсса. — За мостом безумные ветра не имеют власти.

Она вновь понятия не имела, откуда знает то, о чем говорит.

— Я готов с вами согласиться. И даже порадовался бы, не выгляди этот мост, как еще одна безумная тропа. Он же уходит в никуда. Его и мостом-то по-хорошему назвать нельзя, другого края пропасти не видно, как, впрочем, и ее дна.

— Но мы, конечно же, по нему пойдем? — это был не вопрос, а печальная констатация факта.

— Ну, не обратно же возвращаться, — хмыкнул король. — Давайте руку.

Даже крепко сжимая ладонь Дайрийца, девушка с трудом заставила себя ступить на

мост. Не то чтобы он был совсем узким, но отсутствие перил и немыслимая высота многократно усиливали страх. Первые пару шагов Лотэсса еще заставила себя сделать, а затем, не удержавшись от взгляда вниз, застыла на месте, не в силах продолжать путь, одержимая почти непреодолимым желанием как можно скорее вернуться обратно, на твердую землю, пусть это даже тропа безумных ветров. Дно пропасти скрывали от глаз ключья густого темного тумана. И до тумана-то расстояние казалось бесконечно далеким, а насколько далеко за ним дно и есть ли оно вообще, лучше было не думать. Впрочем, можно сколько угодно стараться не думать, а воображение все равно рисует картины, заставляющие разум отказываться, а тело цепенеть.

— Смотрите на меня, — приказал Валтор. — Не вперед, не по сторонам и уж точно не вниз. Только прямо перед собой, на мое плечо, например.

Совет помог, и скорее даже не слова, а сам тон — спокойный и уверенный. Кроме всего прочего, не хотелось выглядеть в глазах спутника трусливой дурехой, теряющей голову и волю при одном неудачном взгляде вниз. Шаг, еще шаг... Смотреть на плечо. Черная рубашка латирского покроя, темно-русые со странным золотистым отливом пряди волос, тонкий шрам на шее... Однако пялиться на совершенную спину его величества — развлечение, которого вряд ли хватит надолго. Может, лучше просто закрыть глаза, и пусть Малтэйр ведет ее? Размышляя, насколько здоровой является сия идея, Тэсса случайно опустила глаза. Зря она это сделала! Голова мгновенно закружилась, да так сильно, что пропасть, прикрытая туманным покровом, показалась не просто более близкой, но видимой даже сквозь темно-серый камень моста.

— Валтор, — сдавленно произнесла девушка, вновь замирая. — Пойдите, у меня голова кружится.

— Я же говорил, не смотрите... — он резко оборвал фразу. — Прах и пепел! Что происходит с мостом?!

Тэсс снова глянула вниз и поняла, что причина обмана зрения вовсе не в головокружении. Собственно, обмана и не было. Она увидела все как есть. Туман на самом деле просвечивал сквозь камни моста, которые прямо на глазах истончались, растворялись, норовя совсем исчезнуть через несколько секунд. Девушка инстинктивно рванулась назад в безумной надежде за эти мгновения преодолеть пройденное расстояние и оказаться на земле. Но Дайриец вместо того, чтобы бросится за ней или хотя бы выпустить ее руку, напротив, резко и больно рванул Лотэссу назад и крепко прижал к себе.

— Мы же умрем! — простонала она.

— Если побегим — умрем наверняка, — безжалостно возразил король, продолжая удерживать ее. — Просто-напросто сорвемся вниз. Кроме того, мы все равно не успеем... не успели бы, — поправился он, и в голосе мужчины не слышалось уместного в данной ситуации отчаяния. — Взгляните вниз, Лотэсса.

— Вы только что запрещали мне это делать, а теперь сами просите, — именно теперь ей меньше всего хотелось смотреть вниз. Однако она, разумеется, подчинилась и опустила глаза.

Мост исчез! Они стояли или висели в пустоте, но при этом не летели вниз с бешеной скоростью, а по-прежнему находились на том же месте и даже ощущали под ногами твердую опору.

— Как такое может быть? — прошептала девушка, цепenea от ужаса.

— Мост стал невидимым, но никуда не исчез. Очевидно, этот прием рассчитан на тех, кто в панике бросается обратно и срывается просто от страха. Мы же, по идее, можем продолжать путь, хотя теперь, признаюсь, это будет сложнее.

Объяснение Малтэйра вроде бы поставило все на свои места, но заставить себя сделать хоть шаг в этой бездонной пустоте она была не в силах. Валтор, очевидно, это понял и на этот раз не стал уговаривать. Просто подхватил на руки и пошел вперед.

— Вы с ума сошли! — всю патетику Тэсс вложила в голос, тело же стараясь сохранять в

полнейшей неподвижности, чтобы ненароком не послужить причиной потери равновесия. — Вы не сможете идти так долго, и мы оба рухнем в пропасть!

— Предлагаете стоять в самом начале, не двигаясь с места?

Она даже не стала возражать — и предлагать опустить ее, чтобы идти самостоятельно, тоже не стала, понимая, что не сможет. Но ведь мост по-прежнему кажется бесконечным, а Малтэйр, сколь бы силен и мужественен он ни был, всего лишь человек. Как и она сама...

Лотэсса почувствовала, что короля резко качнуло влево. Она, не удержавшись, вскрикнула, а Дайриец выругался, опускаясь на одно колено. Если вначале девушка решила, что спутника качает от усталости, то теперь поняла, что ошиблась. Раскачивался сам мост, словно был не из камня, а из связанных между собой досок. Видеть этого они, конечно, не могли, зато чувствовали сполна. Валтор одной рукой вцепился в невидимые камни моста, другой пытаясь удержать Тэсс, которая успела схватиться за его рубашку и теперь боялась хоть на миг разжать пальцы, чтобы перехватиться понадежней.

Сейчас они умрут. Это дело времени, причем времени очень недолгого. Пусть оно здесь и не ощущается, неважно. Им нечего противопоставить магии этого места. Они оба — всего лишь люди, пусть он и хранитель, а она избранница Маритэ. Внезапное воспоминание о богине разозлило девушку и придало ей сил.

— Послушай, всемогущая созидательница, — изо всех сил закричала девушка, словно от громкости голоса что-то зависело. — Если хочешь, чтобы мы спасли Анборейю, спаси нас! Мы здесь по твоей милости, а пользы от тебя в этом проклятом месте меньше, чем от Изгоя. Или помоги нам прямо сейчас, или ищи других спасителей для своего мира!

Не успела Тэсса закончить фразу, как мост перестал раскачиваться подобно сошедшим с ума качелям, а еще какое-то время спустя стал видим. Но на этом внезапное благоволение Маритэ не закончилось. Теперь ясно видны были не только камни, из которых сложен мост, но и его противоположный конец, упиравшийся в землю, причем внешне ничуть не напоминавшую тропу безумных ветров.

Валтор поднялся, вновь подхватил спутницу на руки и чуть ли не побежал по направлению к другому краю пропасти, внезапно оказавшемуся так близко. Тэсс внутренне вся сжалась от страха и напряжения, а пальцы до боли сцепила на шее короля, но при этом не смела наекнуть, что стоит двигаться медленнее и осторожнее. Как и Дайриец, она понимала, что в этом месте, полном обманов и наваждений, все может измениться в любой момент. Но Маритэ, как видно, оказалась сильнее здешних хозяев, из-под власти которых путники вырвались, едва сойдя с моста на противоположной стороне. Над ними вновь голубело небо, под ногами колыхалась блеклая шургатская трава, которая после поглощавшего большинство красок искаженного мира казалась ярко зеленой. В лицо дул ветер, самый настоящий и уж точно не безумный. Бездумно продолжая двигаться вперед, путники увидели открывающее с обрыва море — глубокого синего, как ночной небосвод, цвета, недаром получившего название Темного. Где-то между горизонтом и берегом отчетливо виднелся силуэт корабля с разноцветными парусами. У Тэссы сейчас не осталось ни сил, ни желания гадать, тот ли это корабль, что им нужен, или нет. Она чувствовала себя опустошенной — ни ужаса от пережитого, ни радости спасения, ничего, кроме разве что бессильного гнева.

— Так значит, она все это время могла нам помочь, — в слово «она» девушка вложила столько эмоций, чтобы у Валтора не осталось сомнений, о ком идет речь. — Могла, но не хотела, наблюдая за нашими мучениями, словно это специальное забавное представление для богов! Почему, почему могущественная благая Маритэ не вытащила нас раньше?

— Может быть, стоило просто попросить ее об этом?

Глава 31

Богини, как же больно! Причем куда сильнее, чем боль, терзающая тело, Элвира мучила безысходность отчаяния, гложущая душу. Видеть склоненное над ним испуганное и растерянное лицо Альвы — пытка похлеще раскаленных прутьев, которыми словно переворачивали внутренности при малейшем движении. Физическую боль можно и потерпеть, тем более что осталось недолго, и если не шевелиться, то вполне терпимо. Торн не обманывал себя относительно тяжести полученной раны. Жить ему оставалось несколько часов от силы. И эти несколько часов прошли бы не так мучительно, имей он возможность если не знать, то хотя бы надеяться, что Альва сейчас далеко от Вельтаны. Но, как бы он ни злился на Альву, это не избавляло от понимания, что ее присутствие здесь — полностью его вина. Ведь это он не позволил девушке отправиться с Лотэссой и королем в Храм. Вряд ли они потащили бы ее с собой на эту Тропу безумных ветров. Скорее всего, Альва осталась бы в горах со жрицами, и ей бы ничего не угрожало, если бы не его эгоистичное желание оставить ее подле себя. И вот теперь девчонка сидит рядом с ним, несчастная до невозможности, держит его руку в своей, пытается подбадривать и развлекать разговорами. А сама так смертельно напугана, что голос временами срывается и зеленые глаза, такие любимые, до краев полны ужасом. Элвир не знал, что мучит его сильнее — осознание опасности, в которой находится Альва, или страх за него, переживаемый девушкой сейчас, и боль, с которой она столкнется, как только он умрет. Насколько все было бы проще, будь она далеко. Но где-то в глубине души Торн радовался, что маленькая белокурая лучница, которую он встретил в разрушенном замке, сейчас рядом и что именно она проводит его за Грань. Подобное проявление себялюбия бесило Элвира. Он злился и гнал от себя недостойные мысли, стараясь воспринимать их, как чужие. Назло невольному малодушию, мужчина решил во что бы то ни стало усладить Альву с молодым Таскиллом заодно.

— Крысенок, — он постарался придать голосу строгость. — Ты должна сейчас же уйти. Вместе с герцогом. Выбраться из города, похоже, в ближайшее время не удастся — ни через Западные ворота, ни через любые другие. Поэтому вы отправитесь в Нианон в сопровождении стражников, охраняющих комендатуру.

— Я с места не сдвинусь! — упрямо заявила Альва.

Предсказуемый ответ, чего еще ждать от девчонки с таким характером... И все-таки не должна она видеть его смерть. Не должна запомнить на всю жизнь это отчаянное чувство бессилия, невозможности спасти и защитить любимого человека. Чувство, которое испытывает он, видя ее теперешние страдания и представляя будущие, куда более тяжкие.

— Крысенок, выполни хоть эту мою просьбу, — он не решился добавить «последнюю», вдруг девушка все-таки верит в чудо. — Ты и так натворила довольно глупостей. Сейчас ты должна быть далеко от Вельтаны, а не торчать в комендатуре посреди полыхающего костра людского безумия.

Едва увидев на пороге Альву и стоящего за ней Таскилла, Торн набросился на юного герцога с обвинениями. И почти сразу понял, насколько был не прав. Если бы не Лан, упрямая девчонка все равно поехала бы через город, зараженный бешеной злобой. Юноша просто не отпустил ее одну. Протектору оставалось лишь проклинать болтливость того, кто рассказал девушке о его ранении. Что ж, Таскиллу придется вновь позаботиться о его невесте и заодно о себе. За стенами Нианона надежнее. Если бы только они добрались туда! Но должны же богини хоть в чем-то проявить милосердие, раз уж они сегодня так исключительно жестоки.

— Я останусь с вами, — голос девушки звучал каким-то обреченным спокойствием, а в зеленых глазах, обращенных на него, Торн увидел страдание, смешанное с решимостью выдержать все до конца.

— Ты все понимаешь, да? — Элвир наконец-то решился спросить.

— Я люблю вас, — вот и все, что она ответила на это.

— Если любишь, уезжай. Мне так будет проще. Не хочу, чтобы ты видела как... все закончится, — он обхватил ее узенькую ладонь обеими руками. — Запомни меня лучше

живым, крысенок. Я так хочу...

— На самом деле вы хотите, чтобы я никуда не уезжала, — Альва с вызовом посмотрела ему в глаза. — Просто никогда не признаетесь в этом даже самому себе. Вы же рыцарь и верховный протектор, не имеющий права на обычные человеческие чувства. Услать меня под защиту королевского дворца — так правильно и благородно, что ради этого стоит поступиться истинными желаниями. Да, эн Элвир?

Как она могла прочесть его мысли? Неужели они настолько очевидны? Впрочем, ответ и на этот вопрос она дала раньше, словами: «Я люблю вас!».

— Не пытайтесь отослать Альву и эна Таскилла, — неожиданно вмешался комендант, не отходящий от окна. В ответ на три обращенных к нему непонимающих взгляда Карст разъяснил: — У здания собралась толпа одержимых, они заполнили всю площадь. Даже отправив с Альвой и герцогом оставшихся людей, мы послали бы их на смерть — всех до единого. Через это скопище не прорваться.

— Значит, придется отсиживаться здесь, пока гвардия не разберется с ублюдками, — к злости и досаде примешивалась толика облегчения.

Альва права, на самом деле он хотел, чтобы она была рядом с ним до конца. И если она хочет того же, можно перестать изводить себя угрызениями совести. Достаточно других поводов для страдания и отчаяния. К примеру, того, что он не сможет попроситься с Валтором хотя бы с помощью письма. И дело даже не в том, что свиток во дворце у Энлил. С тех пор, как король с Лотэссой ступили на эту проклятую тропу, связаться с ними не получалось. Элвир не знал, жив ли его друг и повелитель, но очень надеялся, что тот выберется целым из выпавшей на его долю передраги. Жаль, что у самого Элвира не получилось уцелеть.

— Послушайте, — он обратился ко всем присутствующим. — Передайте королю, когда он вернется... Энлил ведь обещала, что он вернется... Расскажите ему все и попросите за меня прощения. Я знаю, как нужен ему. Не стоило мне соваться в ту заваруху. Но я не мог поступить иначе. Вы же меня понимаете, да? Вы, все трое, поступили так же — вмешались в безнадежную схватку вместо того, чтобы беречь себя, если не из чувства самосохранения, то хотя бы из осознания своей важности для этого города и страны.

— Кроме меня, — возразила Альва. — Я никакой важности не представляю, в отличие от эна Таскилла и дэна Итона.

— И между тем любой из нас отдал бы свою жизнь, чтобы сохранить твою.

Оставляя невесту на попечении этих мужчин, один из которых был уже не молод, а второй, напротив, слишком юн, Торн почти не беспокоился за нее. Комендант и герцог Таскилл сделают все, чтобы защитить и уберечь девушку.

— Дэн Карст, — Лан занял место у окна рядом с комендантом, — Насколько прочны стены, а главное, двери здания?

— Достаточно, — отозвался Итон. — Если вы имеете в виду намерение этой швали взять комендатуру приступом, то можно не слишком опасаться... пока. Самая уязвимая часть здания — окна. Но на них решетки. Дверь тоже делали на совесть. Однако не лишне дать ребятам внизу команду получше заложить вход. Хотя непохоже на то, чтобы выродки пытались штурмовать здание. Видимо, им и без нас весело.

Не успел Карст закончить фразу, как в решетку ударил камень. Звук жалобно застонавшего металла резанул по ушам. Узкое и частое плетение решеток достаточно надежно защищало окна. Чтобы разбить стекло, камень должен был быть совсем небольшим и очень метко пущенным. Но комендант моментально отпрыгнул и оттащил Таскилла. Торн лежал в стороне от окна, Альва сидела рядом. Лан опустил на пол неподалеку, опершись спиной о стену. Итон предпочел остаться стоять. Шансов, что шальной камень долетит в эту часть комнаты, практически не было. А предсказать направление полета осколков все равно не представлялось возможным.

— По-прежнему считаете, что одержимым нет до нас дела? — мрачно полюбопытствовал Элвир.

— Они громят все окрестные здания, — отозвался Карст. — Будем надеяться, что дальше камней дело не пойдет.

— Мы и так слишком долго надеялись, когда нужно было действовать, — с горечью произнес Торн.

— Выбора у нас все равно нет, — заметил герцог. — Поэтому надежда — все, что нам остается. Вот я сейчас от всей души надеюсь, что матери удалось вырваться из города.

— И тете Тийле, — добавила Альва. — И Ларни с Риссой.

— Лично я бы предпочел, чтобы спаслись вы двое, — Элвир глубоко вздохнул, и тело отозвалось резкой болью.

Карст не мог долго стоять на месте и, вновь подойдя к окну, осторожно выглянул. Какое-то время он внимательно всматривался в происходящее внизу, потом внезапно изменился в лице.

— Богини, — хрипло произнес он. — Только не это!

Лан тут же подскочил и оказался рядом. Альва напряженно смотрела на мужчин, но страха в ее глазах не было. Бедная девочка полагает, что все самое страшное уже случилось, точнее, вскоре случится. А вот он в этом не уверен. Просто так Итон Карст богинь почитать не станет. Мальчишка вон тоже побледнел. Что же там такое, в конце концов?

— Мне кто-нибудь скажет, что происходит? — Торн не скрывал недовольства. — Или меня можно уже не принимать в расчет? Я пока еще жив!

— Они хотят поджечь здание, — лицо герцога перекопилось от ужаса.

Элвира тоже охватил ужас. Не за себя, ему уже все равно. Но Альва! И этот мальчишка. И комендант, заслуживший за все годы служения городу столь ужасную смерть.

Девушка неожиданно сорвалась с места и выбежала из комнаты. И через минуту вернулась с луком и стрелами. Отогнав мужчин, Альва открыла окно, не обращая внимания на протесты, прицелилась и выстрелила, умудрившись пустить стрелу сквозь частое плетение решетки.

— Ты не сможешь убить всех, — обреченно проговорил Лан.

— Всех и не нужно, хотя я бы поубивала, — Элвир никогда еще не слышал такой ненависти в ее голосе. — Я буду стрелять в поджигателей. С первого раза до них, смотрю, не дошло, — и она пустила новую стрелу.

— Но ведь это женщина! — сдавленно пробормотал мальчишка Таскилл.

— Это не женщина, а бешеная тварь, — комендант ответил вместо своей помощницы, пока та прилаживала очередную стрелу.

В решетку ударился еще один камень, потом в стену рядом с окном. Камни полетели градом. Особого вреда они причинить не могли, но сильно мешали девушке целиться и стрелять.

— Альва, уйди оттуда, — приказал Элвир. — Неужели не видишь, что от этого никакого толка?

— Никакого, — обреченно подтвердил Итон. — Твои стрелы рано или поздно кончатся, кроме того, они их не пугают. Вон новые и новые выродки тащат факелы.

— Но здание же каменное? — в вопросе Таскилла слышалась надежда. — Разве огонь сможет его уничтожить?

— Сможет, — комендант не отрывал взгляд от происходящего за окном. — Огонь может уничтожить все.

На какое-то время все замолчали. Каждый понимал, что это значит, но никто не хотел

первым произнести вслух.

— Мы ведь все равно не сможем выбраться? — подала голос Альва.

На ее лице, в отличие от остальных, не было ни страха, ни страдания, да и голос звучал отнюдь не печально. Неудивительно, мужчины боятся в первую очередь за нее, а девчонка чуть ли не рада возможности умереть вместе с возлюбленным.

— Не сможем, — безжалостно подтвердил Карст. — Даже огонь лучше, чем оказаться в лапах этой толпы. Я спущусь к ребятам, поговорю с ними.

Комендант вышел и отправился к стражникам, оставленным у дверей на случай, если толпа все же надумает брать комендатуру приступом. Что он собирался с ними обсуждать, Элвир не знал. Может, предложит выбор — сгореть заживо или выйти на растерзание толпе. Сам бы протектор предпочел быструю смерть в бою, пусть и неравном. Возможно, для герцога с комендантом это тоже наименьшее зло, но об Альве не может быть и речи. Страшно подумать, что эти обезумевшие мрази способны сотворить с женщиной. Даже огонь милосерднее, чем чудовища, еще недавно бывшие людьми.

Лан вышел через пару минут после коменданта, и лишь тогда Элвир понял, что таким образом им с Альвой позволили остаться наедине, чтобы дать возможность попрощаться. Прощаться не на время, даже не на долгий срок, а навсегда. Пожалуй, именно это страшнее, чем все, что с ними случилось и случится.

— Альва, — он привлек девушку к себе, ощутив одновременно жгучую боль от резкого движения и радость от возможности заключить ее наконец в объятия. — У нас не было времени на разговоры о любви. И это полностью моя вина...

— Не ваша, — перебила его Альва. Голова девушки покоилась теперь на его плече, а пряди светлых волос щекотали лицо. — Время и обстоятельства не способствовали любовным признаниям.

— Не перебивай, крысенок, — Торн ласково провел рукой по ее щеке. — У меня не очень много времени. И я должен успеть сказать, как много ты для меня значишь. Ты — самое светлое, самое лучшее, что было в моей жизни. Я хотел бы прожить рядом с тобой целую вечность, но вместо этого нам выпала сомнительная удача — умереть в один день. Чего бы я только не отдал за возможность спасти тебя...

— Не надо, — Альва слегка приподнялась, чтобы взглянуть ему в глаза. — Я не хочу спастись. И не хотела бы жить без вас. Пытка, растянутая на десятилетия — вот такая это была бы жизнь. Пусть уж лучше так. Только это очень больно? Умирать в огне? — ей с трудом дались последние слова.

В этот миг Альва напоминала испуганного ребенка, наполняя сердце Элвира болью и нежностью.

— Тебе не будет больно, — он обнял девушку еще крепче. — Ничего не бойся, моя девочка. Ты просто уснешь, обещаю. Просто уснешь.

— Поцелуйте меня, эн Элвир, — неожиданно проговорила она, заливаясь краской.

— Могла бы и не просить, — Торн улыбнулся, взял ее лицо в ладони и приник к губам.

Какая злая ирония, что самый долгожданный и сладкий поцелуй в его жизни станет последним!

— Как же я бесконечно люблю тебя, крысенок! — в эти слова Элвир вложил все, что не сказал раньше и не скажет уже никогда.

Девушка ничего не успела ответить, потому что в тот же миг Торн, обхватив ее запястье, с силой надавил на то место, где сходились вены. Альва мгновенно лишилась сознания. Элвир давно владел этим приемом, но привык считать подобный навык бесполезным. Надо же, пригодилось! Не успел он погрузить возлюбленную в глубокий обморок, как испытал мучительное желание вернуть ее в сознание. Чтобы еще хоть час, хоть полчаса слышать ее голос, смотреть ей в глаза. Неужели он больше никогда не увидит этих

дивных зеленых глаз? Они еще живы, но это «никогда» уже наступило, терзая безысходностью и дразня возможностью все изменить. Но если он сейчас поддастся слабости и вернет ее, все равно наступит миг, когда придется сделать это снова, и будет не менее больно. Незачем проходить эту пытку дважды. Тем более, едкий запах дыма, сначала едва уловимый, теперь уже явственно ощущался. Элвир обещал своей невесте, что ей не будет страшно и больно, и он сдержит свое обещание... как бы страшно и больно ни было ему самому.

Лан и Итон зашли в кабинет и, увидев бесчувственную Альву, оба вопросительно посмотрели на Торна, не решаясь спрашивать напрямую.

— Она жива, — он ответил на незадаанный вопрос. — Пока. Смерть в огне слишком страшна. Надеюсь, вы понимаете, что у меня нет выбора? — теперь уже Элвир вопросительно смотрел на герцога с комендантом.

Оба кивнули, без слов понимая, что он собирается сделать. Карст отвернулся, чтобы скрыть слезы, сдержать которые был не в силах. Мальчишка крепился изо всех сил. Ведь именно в этом возрасте заповедь «мужчины не плачут» кажется особенно священной и непреложной. Интересно, удержался бы он, окажись на месте Альвы Лотэсса? Впрочем, неважно. По лицу молодого Таскилла и так видно, какое страдание причиняет ему происходящее. Есть боль, которую не под силу выразить слезами.

Элвир, как во сне, достал длинный узкий кинжал — подарок Валтора, и, преодолевая сводящую с ума боль, занес руку над девушкой, которая казалось мирно спящей.

— Прощай, крысенок!

Глава 32

Шум, беготня и суматоха в коридорах донимали Энлил и мешали работать. С ума они, что ли, посходили, полночь же почти! Но выйти посмотреть, что происходит, ей было недосуг. Она наконец-то начала что-то понимать в природе этой одержимости, и далось ей это непросто. Вот если бы ей дали хоть одного выродка на изучение, как обещал Торн, то все было бы куда проще. Но все одержимые бежали из тюрьмы, и Энлил пришлось довольствоваться выводами, сделанными из общения с троими узниками и наблюдения за ними, а также кропотливой возней с кровью одного из них. Почти разобравшись в сути наложенных чар, Энлил до сих пор не представляла, что можно этому противопоставить. К вмешательству теней прибегать по-прежнему не хотелось.

Женщина вздохнула и решила сделать передышку — отдохнуть и заодно еще раз подумать над ситуацией. Она распахнула окно, с наслаждением подставив лицо и плечи по-зимнему холодному и злому ветру. Некоторое время она просто наслаждалась морозной свежестью, закрыв глаза. Когда же снова удостоила окружающий мир взглядом, то обнаружила, что внизу царит настоящее смятение. Люди беспорядочно носились туда-сюда по темным дорожкам дворцового парка, останавливали друг друга, что-то говорили — громко, но слов все равно было не разобрать из-за ветра, дующего в другую сторону. Публика, мечущаяся по парку, была самая разнообразная — придворные, дворцовая челядь и даже стражники, которым уж точно не положено носиться, подобно курице с отрубленной головой, увеличивая тем самым общее смятение.

Придется все-таки узнать, что происходит. Протектор говорил, что в городе очень беспокойно и может стать хуже, но поскольку Энлил ничего хорошего и так не ждала, она решила, что это ее пока не касается. Ее дело — понять суть темного колдовства. Однако совсем выпадать из жизни в такой момент тоже нельзя, тем более дело, кажется, принимает серьезный оборот. Кто знает, может, протектору с комендантом нужна ее помощь, а послать за ней кого-то недосуг.

Женщина захлопнула окно и решительно направилась к выходу. В коридоре она почти сразу наткнулась на перепуганную девушку явно благородного происхождения.

— Что происходит? — Энлил остановила девушку, бесцеремонно схватив за плечо.

— А вы не знаете? — та распахнула глаза, явно заплаканные. — В городе бунт. Чернь сошла с ума. Все части захвачены. Теперь эти обезумевшие ничтожества собираются штурмовать Нианон. Мы все умрем!

— Мы все умрем в любом случае, милая, — философское замечание колдуньи явно не успокоило бедняжку. — Вы уверены, что все так плохо? Разве гвардия, протектор и комендант допустят осаду Нианона?

— Муж эны Вармэлл сказал, что протектора убили, а комендатуру сожгли. А гвардия... — теперь страх в голосе дамочки мешался с гневом. — Хотела бы я сама знать, где они, когда лучшие люди королевства нуждаются в защите?!

Лучшие люди королевства, судя по всему, умирают за дворцовыми стенами, про себя ответила истеричке Энлил. Впрочем, она тут же забыла о собеседнице, пораженная известиями о Торне и дэне Итоне. Оставалось лишь надеяться, что слухи неверны. Впрочем, она-то как раз, в отличие от большинства смертных, не может позволить себе роскоши верить и надеяться, пребывая в неизвестности. Она должна знать точно!

Вернувшись в комнату, Энлил начала обряд вызова теней. Едва первые появились над поверхностью зеркала, она задала вопросы о протекторе и коменданте. Колдунья заранее продумала более точную формулировку на случай, если слова теней будут неопределенными, но из первого же ответа с абсолютной ясностью следовало, что обоих нет в живых. Оглушенная этим известием, женщина спросила об Альве. Узнав, что девушка тоже мертва, Энлил испытала опустошение, какого не знала уже много лет. Смерть Тарина и новость о его неверности ни в какое сравнение не шли с болью, которую доставило известие о смерти этих людей, особенно девочки и коменданта. Тени в комнате прибывали, и Энлил не спешила отпускать их. Пожалуй, она все же прибегнет к их силе, невзирая на возможные последствия. Спасти тех, кто за короткий срок стал

дорог, она уже не в силах, зато может хотя бы отомстить за их смерть.

Когда вся комната наполнилась стутками прозрачной темноты, женщина приказала теням следовать за нею и вышла. Успев за время пребывания в Нианоне неплохо освоиться в лабиринте дворцовых галерей и переходов, Энлил быстро миновала их и оказалась на улице. Здесь по-прежнему мелькали факелы и носились люди — потерянные, перепуганные, паникующие. Решительно обходя этих хаотично снующих несчастных, колдунья направилась к главным воротам Нианона. Густая темнота поздней осени скрывала рой следовавших за ней созданий, впрочем, их при любом освещении было довольно непросто увидеть. У ворот женщине пришлось пробиваться сквозь довольно плотную толпу. Вопреки всякой логике и здравому смыслу, люди вместо того, чтобы прятаться за толстыми стенами дворца, скопились предельно близко от источника опасности. Видно, человеческое любопытство сильнее всякого ужаса и чувства самосохранения. Или эти идиоты настолько уверены в надежности ворот и внешних стен. Кто попроще, забирались на деревья, чтобы иметь возможность увидеть, что творится снаружи. Толпящиеся внизу жадно ловили каждое слово наблюдателей и передавали дальше по цепочке.

Ворота охранял многочисленный отряд дворцовой стражи. Хотя кто-то на своем месте. Энлил задумалась. Ей нужно наружу, но просить стражу открывать ворота бессмысленно и опасно. Женщина вспомнила слышанную от протектора историю о калитках Таскиллов и Линсаров. Она попробует выйти через какую-нибудь из них. Найти любой из выходов и отпереть без ключа не представляло ни малейшей сложности, если прибегнуть к помощи сопровождающих ее теней. Энлил направилась к замку Таскиллов. Родители Лотэссы уже несколько недель как отбыли в Норту, да и, останься они в замке, объясняться с герцогом Линсаром и тем более с его женой — непростительная трата времени и сил. Лан Таскилл и его мать, о которых женщина слышала от Альвы, представлялись ей куда более разумными людьми, способными думать не только о себе.

Путь до калитки, соединяющей Нианон с Таскиллоном, по необъятным дворцовым паркам занял больше получаса. Энлил злилась на это обстоятельство, но мгновенно перемещаться из одного места в другое она не умела, как и проходить сквозь стены. Добравшись наконец до калитки и оказавшись на территории замка Таскиллов, она сразу ощутила полнейшую безлюдность. Люди здесь не только не носились как ошпаренные, здесь их вообще не было. Почувствовать подобные вещи для Энлил не составляло труда. Значит, Таскиллы покинули свой дом и город. Что ж, разумно. Шагая по дорожкам Таскиллона среди облетевших деревьев, глядя на громаду замка, где не светилось ни единое окно, колдунья на какое-то время ощутила себя отрезанной от всего мира, словно не находилась в самом сердце города, охваченного восстанием обезумевших созданий, утративших человеческую природу. На нее накатило внезапное желание остаться здесь, так близко и в то же время так далеко от людского хаоса, желание ни во что не вмешиваться.

Но колдунья быстро прогнала вызванное минутной слабостью состояние. Она сделает то, что задумала. Энлил шла не остановить выродков, а покарать их. Теперь уже не надо таиться, сдерживать свои силы. Мир катится в пропасть, так почему бы под конец не позволить себе делать то, что она полагает правильным? Десять лет она притворялась кем-то другим, боялась чего-то. Зато под конец снова станет той самой Энлил, которая осмелилась бросить вызов сильнейшим колдунам Шургата, вознамерившись стать первой среди тех, которые издревле привыкли почитать себя равными.

Размышляя подобным образом, женщина дошла до входных ворот. Чем ближе она подходила, тем сильнее слышался шум. Конечно, большая часть толпы бесчинствовала у ворот королевского дворца, но некоторым и Таскиллон казался вполне лакомым кусочком. Обычный человек, даже сильный мужчина, ни за что не открыл бы ворота замка в одиночку. Но для Энлил это не представляло сложности. Створки ворот распахнулись быстро и бесшумно, выпустили женщину и тут же сомкнулись вновь. Ошалевшая толпа даже не успела воспользоваться положением. Впереди себя колдунья возвела стену, более прочную, чем каменные ограждения Таскиллона. Всякий, кто приблизится к невидимой преграде на расстояние шага, загорится. Энлил могла придумать любую другую смерть, но узнав, как именно погибли дорогие ей люди, решила выбрать огонь. Жаль, что не достанет сил окружить толпу такой стеной, а потом медленно и с наслаждением сжимать кольцо.

Колдунья обвела взглядом скопище безумцев. Теперь, наконец разобравшись в природе наложенных чар, она могла отличить одержимых от обычных людей. Над заколдованными виднелось темно-синее свечение. Но как же их мало! Не больше десятка на такое огромное скопище. Одержимые, конечно, зараза, как и предполагал Торн, только в ином смысле. Они не передают темные чары, подобно болезни, они увлекают других своим примером дерзости, вседозволенности и безнаказанности. Людишки сбиваются в толпы и, опьяненные внезапным ощущением силы, идут крушить, мучить, убивать. Идут уничтожать тех, кто всегда был сильнее, кого привыкли уважать и бояться. Теперь же бывших господ и хозяев жизни уничтожают с особым остервенением. А что дальше? Избавившись от знати и богачей, выродки примутся истреблять сами себя.

Неожиданно перед мысленным взором Энлил встала четкая до боли картина — ров переполненный белесыми, прозрачными змеями, беспрестанно копошащимися и пожирающими друг друга. Женщина не могла понять, что это — полузабытый сон, воспоминание или просто наваждение. Но она понимала одно: существа, сейчас находящиеся перед ней, — такие же змеи. Бездумные, жестокие твари, одержимые жаждой чужих страданий. Если есть возможность — скопом набрасываются на жертву, если нет — грызут друг друга.

А Изгой-то умен! Ему даже не пришлось прикладывать особых усилий. Проклятый Странник быстро понял, что людей достаточно просто слегка подтолкнуть, а с уничтожением своего мира они отлично справятся и сами. Ему достаточно подливать масла в огонь, а уж разведут и будут услужливо поддерживать пламя в костре те, кому предстоит в нем сгореть. До чего же жалкие и страшные твари — люди!

Энлил дала приказ теням, натравливая их на беснующихся безумцев. Как правило, теней не используют для убийства. Но это если речь идет об убийстве одного человека, когда же дело касается толпы выроdkов, да еще и с присутствием темной магии, тени — самое подходящее орудие. Почти невидимые в темноте, для колдуньи призрачные существа всегда оставались зримыми. А вот жертвы не могли видеть своих убийц. Один за другим люди издавали вой, хватались за головы или за сердце, падали, извивались, постепенно затихая. В первую очередь тени занялись самым сладким — околдованными. Уничтожить их было сложнее, зато магическая сила внутри была для теней желанней, чем кровь для шаэл. Внезапные конвульсии и смерти, начавшиеся в толпе, какое-то время оставались незамеченными. Упавших просто топтали. Но постепенно бьющиеся в судорогах и покойники стали привлекать внимание и вызывать панику среди и без того хаотичного сборища.

Энлил наблюдала за гибнущими безумцами, испытывая чуть ли не наслаждение. Жертвы представлялись ей чем-то вроде ядовитых сорняков, которые она в далеком детстве под руководством матери выдирала с корнем и швыряла в костер. И так хотелось истребить их все до одного!

— Наслаждаешься? — раздался совсем рядом свистящий шепот, с легкостью перекрывающий вопли толпы. — И чем же ты лучше их?

Даже не оборачиваясь, колдунья поняла, кто говорит с ней.

— Ну как же без тебя! — зло усмехнулась женщина. — Можно было не сомневаться, кто приложил к этому руку.

Тени заметили появление на'ари и, отвлекшись от своих жертв, заинтересовались им. Энлил чувствовала могущество темного создания, он был сильнее теней. Зато их было больше, и они только что впитали такое количество жизненной силы и магии, что сама колдунья с трудом удерживала нити власти над ними. Если тени уничтожат демона и впитают его мощь, то ей нипочем не сдержать их. Освободившись, они сразу выберут бывшую повелительницу на роль новой жертвы, ибо со страстью поглощают любую магическую энергию. Но сейчас это неважно. Все, что имеет значение, — отвлекать внимание змеехвостой твари, пока не станет слишком поздно.

— Хотя на самом деле ты лишь жалкий слуга, — продолжала Энлил. — Ты ведь не Изгой, — она утверждала, а не спрашивала. Никогда не сталкиваясь со Странниками, колдунья между тем была в состоянии отличить Изгоя от на'ари, пусть и облаченного заимствованной силой. — Твой хозяин умен, избавляясь от людей их же руками. Но ты

сам жалок...

— Да, я — не он, — прошипел демон. — Но я служу ему и выполняю его волю. Лучше быть слугой великого господина, чем гибнуть с обреченным миром.

Тени уже совсем рядом, но не атакуют. Энлил дала им мысленный приказ напасть разом в тот момент, когда на'ари станет наиболее уязвим.

— Полагаешь, что, уничтожив мир, для тебя Изгой сделает исключение? — усилием воли женщина заставляла себя смотреть в желтые глаза твари, разделенные щелью вертикального зрачка. — Или он обещал создать новый лучший мир и сделать тебя правой рукой?

Судя по растерянности, на миг исказившей лицо демона, что-то в этом роде ему и было обещано. Энлил самозабвенно расхохоталась и неожиданно со всех сил высоким и тяжелым каблуком наступила твари на хвост, кончик которого подергивался в соблазнительной близости. Через свое тело женщина пропустила заклинание сети, плетением которого занималась, заговаривая зубы темному созданию. Причинить боль, унижить и хоть на несколько мгновений лишить демона возможности пользоваться чарами — большего ей и не нужно.

Пока обескураженный на'ари приходил в себя, Энлил спустила на него теней. Приспешник Изгой боролся, как мог. «Сеть» он порвал почти сразу же. По одиночке тени были ему не соперниками, но все вместе, да еще и напившись жизненными соками толпы, они набросились на змеехвостого, как стая гончих на подстреленного вепря. Тени могут уступать некоторым существам в силе, но их нельзя уничтожить... в отличие от демонов. Несколько минут отчаянной борьбы, показавшейся Энлил вечностью, и на'ари упал замертво. Интересно, как скоро хозяин заметит смерть слуги? Впрочем, этого ей уже не узнать. Насытившиеся и ставшие неуправляемыми тени теперь обратили взоры к бывшей повелительнице. Бесплотным бессмертным созданиям еще меньше нравится находиться в услужении у кого-то, чем простым смертным. И вот пришел час расплаты для той, что годами отдавала им приказы. Энлил знала, что сопротивляться сможет еще меньше, чем демон, тем более что почти все силы ушли на заклинания и попытки держать тени под контролем. Последнее, что она сделала — произнесла формулу передачи власти над принадлежащими ей тенями. Она доверяла их своему бывшему наставнику и любимому. Быть может, его могущества, которое ей так и не удалось превзойти, достанет на то, чтобы справиться с ними. И неважно, что она и ее учитель на разных материках, разделенных водами Моря Туманов. Есть вещи, для которых расстояния ничего не значат.

Тени, теперь уже даже формально не подчиняющиеся Энлил, бросились на нее. Последнее, что успела прошептать колдунья:

— Ашейли, спаси...

Конец первой части

Глава 1

Темное море ничуть не походило на Море Туманов. Теперь стала известна хотя бы одна веская причина, не позволяющая добраться до Граайи, — непрекращающиеся шторма. Вот Темное море уж точно не зря получило свое название. Вода по цвету напоминала густую черную смолу, а в оттенках непрестанно перекатывающихся волн порой даже чудился маслянистый отлив. Море, издавелеа казавшееся синим и прекрасным, вблизи пугало и отталкивало. Спустившись с вершины холма, на котором путники обнаружили себя, пройдя Тропою безумных ветров, Валтор и Лотэсса на миг решили, что ужасное испытание не закончилось, а лишь приняло иную форму. Темные валы с бешеной силой обрушивались на берег. На эти волны и смотреть-то было страшно, не то что приблизиться.

Лотэсса с Валтором остановились далеко от того места, где бесновалась стихия. Все их внимание сосредоточилось на корабле с разноцветными парусами, который они видели сверху. Буря словно не имела к странному судну никакого отношения — его не швыряло из стороны в сторону, не захлестывало волнами, перекатывающимися через борт. В непосредственной близости от бортов темная вода была подобна озеру, двигавшемуся вместе с кораблем. Оставаясь совершенно невредимым среди бушующей стихии, корабль приближался куда быстрее, чем можно было ожидать. Эти обстоятельства убедили путников, что перед ними тот самый корабль с Граайи, который забирает счастливых, выживших на Тропе безумных ветров.

— Это ведь за нами, да? — Лотэсса повернулась к спутнику.

— Надо полагать, — отозвался тот. — Но даже если он подойдет близко к берегу, как мы поднимемся на борт? Корабль, может быть, и волшебный, но мы-то нет. Волны не дадут нам войти в воду — или захлебнемся, или море изломает нас, как ребенок надоевшую игрушку. Самое время вновь воззвать к Маритэ, как мне кажется.

— Подождем, — Тэсс очень не хотелось снова обращаться к богине. — Возможно, хваленая граайская магия окажется полезней Маритэ.

Представляя, каким бы способом им взойти на борт корабля, девушка перебирала в уме разные варианты, самым правдоподобным среди которых казалась идея внезапно успокоившегося водного пространства между ними и кораблем, примерно такого, как "озеро" вокруг него. Еще была мысль о появляющемся из ниоткуда причале или совсем уж дикое видение дорожки, переливающейся всеми цветами, подобно парусам, которая протянется от борта и до их ног.

Однако реальность оказалась более дерзкой и не похожей ни на одно из предположений. В какой-то момент Тэсс и король, по привычке крепко держащий ее за руку, просто оказались на палубе.

Только что под их ногами стелился песок, щедро разбавленный мелкими камешками, и вот уже вместо него — темные отполированные доски палубы. Тэсс почти не чувствовала покачивания, то ли потому, что вода в непосредственной близости от корабля была совершенно спокойна, то ли от того, что совсем недавно на мосту их качало куда сильнее. Однако, скорее всего, причина крылась в том, что корабль находился под действием чар.

Впрочем, размышлять обо всем этом у девушки сейчас просто не было сил. Уже давно ею владело одно мучительное желание — спать. На Тропе безумных ветров уступить этому соблазну значило подвергнуть свою жизнь опасности. Но теперь, когда эта часть пути осталась позади, усталость и слабость обрушились на Тэссу с такой силой, словно тело и сознание хотели отыгаться за все время мучений. Судя по виду Валтора, он чувствовал то же самое. Не сговариваясь, они опустились прямо на палубу. Король притянул и положил им под головы какой-то моток веревки, очень кстати оказавшийся поблизости. Никакая подушка в ее жизни не казалась девушке более мягкой, чем грубое волокно судового каната, касавшееся ее щеки, а твердость палубных досок ничуть не помешала заснуть, едва сомкнув веки.

Тэсса не знала, как долго продолжался ее сон без сновидений. Хотя здесь, в отличие от проклятой Тропы, ход времени казался обычным. С другой стороны, отсутствие солнца

на небе, затянутом тучами, не давало возможности понять, сколько часов прошло с того момента, как они оказались на корабле. Валтор по-прежнему спал, крепко сжав пальцы на руке девушки чуть выше запястья. Можно подумать, она отсюда куда-нибудь денется!

Попытавшись осторожно освободиться, Тэсс разбудила короля. Он тоже первым делом взглянул на небо, очевидно, чтобы понять, как долго они спали. Словно на самом деле это имело какое-то значение. Корабль довезет их до Граайи ровно в назначенный, но неизвестный им срок — не раньше и не позже.

— Странно, — пробормотал Дайриец.

— Что? — поинтересовалась девушка. — То есть здесь все странно, начиная со способа, которым мы попали на корабль. Но что конкретно показалось вам странным в данный момент?

— То, что нами никто не заинтересовался до сих пор. Ни пока мы спали, ни сейчас. У меня такое впечатление, что кроме нас здесь никого нет.

— И мне кажется, что мы одни, — кивнула Лотэсса. — Но, наверное, дело просто в том, что для управления волшебными граайскими кораблями не требуется большого количества людей. Зачем матросы, когда есть магия?

— Пойдемте-ка, посмотримся, — он встал и протянул девушке руку, чтобы помочь подняться.

Они пошли по направлению к носу корабля. Вокруг действительно не было ни души. Звуки бурного моря и ветра доносились словно издалека, а вокруг царила тишина, но не напряженная и давящая, как в царстве безумных ветров, а мягкая, умиротворяющая. Ни матросов, ни капитана, ни даже штурвала не было на этом странном корабле с разноцветными парусами, которым, кстати, совершенно не вредила порывы бешеного ветра.

— Похоже, наши предположения оказались верными, и мы здесь — единственные живые существа, — пришел к выводу Малтэйр. — В любом случае, стоит осмотреть весь корабль.

— Предлагаете слазить в трюмы? — не удержалась от ехидства Тэсса. — Впрочем, я не возражаю. Возможно, хоть где-нибудь мы найдем еду. Понятия не имею, сколько я не ела, но точно знаю, что проснулась ужасно голодной.

В последний раз они ели в доме Ашейли, и теперь девушка действительно готова была лезть и заглядывать куда угодно в надежде отыскать хоть что-нибудь съестное. Дайриец поддержал спутницу в этом стремлении, и они пошли в противоположном направлении — к корме, где, по идее, должно было располагаться какое-то подобие капитанской каюты. Они оказались правы. Просторное помещение, превосходящее размерами и роскошью салон «Прекрасной вестницы», также пустовало.

— Нет, чтобы в довершение сходства со сказкой о зачарованном замке столы ломились от еды! — с досадой воскликнула Тэсс.

В глубине души она очень рассчитывала на что-то в этом роде. Привыкнув к самым невероятным проявлениям магии, логично ожидать, что отсутствующие или невидимые хозяева граайского корабля их все же накормят.

— Я хочу есть! — девушка громко объявила свое желание, в надежде, что яства на столе возникнут из ниоткуда, как в той самой сказке. Но ничего не произошло.

— Может, стоит заглянуть в шкафы? — здоровое предложение его величества свидетельствовало о более рациональном подходе к вопросу.

Лотэсса нехотя подошла к одной из резных панелей и сдвинула ее. Внутри на полках оказалась посуда — красивая, наверняка очень дорогая, изящной работы, но совершенно несъедобная.

Зато королю повезло больше. В том шкафу, что обследовал он, обнаружилась вожденная еда — хлеб необычной формы, сухие фрукты, что-то, напоминающее

твердый сыр розоватого цвета, и еще какие-то продукты, предназначение и вкус которых сложно было определить, не попробовав. Напитки в полупрозрачных разноцветных графинах выглядели соблазнительно.

— Что это? — Тэсса, мигом оказавшаяся за плечом Валтора, схватила какую-то хрустящую палочку из плетеного теста.

Вопреки ожиданиям, выпечка оказалась не сладкой, а соленой. Но это обстоятельство отнюдь не разочаровало девушку, хоть она и была сладкоежкой. Дайриец с сомнением посмотрел на нее, очевидно, размышляя, стоит ли доверять незнакомой еде. Впрочем, он быстро рассудил, что травить гостей граайцам нет смысла, и тоже что-то откусил.

— Может, накрою на стол? — спросила Лотэсса, едва прожевав очередной кусок хрустящего соленого теста. — Как-то нам не пристало подобным образом утолять голод, — и тут же откусила еще.

— Готов спорить, что сейчас вы бы не побрезговали и костлявой рыбой, которой нас потчевал капитан Ангалат, — усмехнулся король.

— Кто знает, — она пожала плечами. — В любом случае, проверять мы не станем, поскольку тут есть вещи и повкуснее, — с этими словами она обмакнула хлеб в вазочку с чем-то, напоминающим белый мед.

Очевидно, поняв, что Тэсс, внеся предложение об ужине за столом, сама не собирается воплощать его в жизнь, Дайриец занялся сервировкой лично. Девушка не без злорадства наблюдала, как повелитель двух держав таскает на стол посуду с едой, расставляет тарелки и кубки. Не успел он закончить, как Лотэсса одно за другим перепробовала практически все блюда. Каждое из них показалось ей по-своему вкусным. Янтарное содержимое графинов оказалось чудесным и, к радости Тэсс, некрепким напитком.

— Спасибо! — утолив голод, она решила поблагодарить граайцев, словно те и впрямь присутствовали на корабле, подобно героям сказки о зачарованном замке.

Выйдя на палубу, девушка с удивлением обнаружила, что буря успела утихнуть и даже небо очистилось. Розовато-оранжевый диск солнца уже наполовину погрузился в море, и его отблески на темной глади воды напомнили Тэссе отражение свечей в черных матовых зеркалах Энлил. Так она стояла, завороченная зрелищем, мрачноватым и прекрасным одновременно, пока сзади не послышались шаги короля.

— Что нам теперь делать? — не оборачиваясь, обратилась она к спутнику. — Я имею в виду, достигнув Граайи. Как мы сможем найти Маритэ на огромном материке, о котором толком ничего не известно?

— Возможно, когда мы прибудем туда, вопросы отпадут сами собой. Кто знает, вдруг богиня, удалившись от людей, царит на Граае, и любой житель сможет привести нас к ней. А может, она сама встретит нас на берегу.

— Хорошо бы, — вздохнула девушка. — Пусть уже поскорее скажет, что ей от меня нужно, и отпустит домой. Хотя... — Тэсс резко повернулась и испуганно взглянула на Дайрийца. — Обрато нам также придется пройти этой жуткой Тропой?

— Не думаю, — он отрицательно покачал головой. — Энлил и Ашейли упоминали, что проходили тропой лишь единожды. Думаю, граайцы возвращают пытливых шургатских колдунов обратно каким-то иным способом. И, глядя на этот корабль, я не сомневаюсь, что им это под силу.

— Если бы оказаться сразу дома, в Вельтане, — мечтательно произнесла девушка. — Если честно, я изрядно устала от путешествий. Когда-то я о них мечтала, а теперь сыта по горло.

— Не думаю, что вам стоит находиться в Вельтане, — мрачно заметил король. — Наверное, по возвращении вы отправитесь к родителям в Норту. В столице сейчас слишком опасно. Если помните, первоначальной целью нашего путешествия было не спасение мира, а ваша безопасность.

— А в Норту меня, значит, уже не опасно посылать? — лукаво осведомилась Лотэсса. —

Я же соберу вокруг себя недовольных дворян и устрою мятеж. Разве не так вы рассуждали несколько месяцев назад?

— Вы бы так поступили? — Валтор внимательно всматривался в ее лицо.

— Нет, — с некоторым сожалением признала Тэсс. — Бунты и восстания — самое худшее, чего можно пожелать сейчас Элару. Хватит и того, что устроили в Вельтане. Да и чего можно добиться, скинув вас с трона? — увидев искорки торжества в его глазах, девушка поспешила прибавить. — Не обольщайтесь, престол Элара вы занимаете незаконно. Просто у меня хватает ума понять, что ни я, ни даже Лан не сможем распорядиться властью, если она нам достанется. Нас никто не готовил в монархи. Мы и в спокойное время наверняка справлялись бы плохо, по крайней мере, поначалу, а уж когда в стране творится Изгой знает что...

— Отчего же вы не желали понять этого прежде?

И что ему на это ответить? Что прежде она ненавидела так сильно, что не желала видеть достоинств? Что, сопоставляя их с Йеландом, нельзя рано или поздно не прийти к выводу, что Ильд был куда худшим королем, чем Малтэйр? Нет уж, подобных признаний Дайрийцу от нее не дожидаться. Как бы там ни было, он был и остается узурпатором, пусть и принимающим благо Элара ближе к сердцу, чем законный монарх.

— Сейчас слишком опасно что-то менять, — безразличным тоном ответила Тэсса. — Вы с Торном в состоянии сдержать хаос, мы с Ланом — нет. Это не делает вас лучше, а нас — хуже. Просто правильные решения не всегда оказываются разумными, а разумные — правильными.

— Да? — насмешливо спросил король. — Мне почему-то казалось, что наиболее разумное решение и есть самое правильное. Впрочем, я понял, что вы имели в виду. И я рад, что вы способны рассуждать столь здраво. Для будущей королевы это чрезвычайно полезное качество.

— Опять вы за свое! — с досадой воскликнула девушка.

— Хорошо, оставим эту тему до возвращения, — для разнообразия Дайриец решил побыть покладистым.

— Благодарю, — ледяным тоном ответила Тэсс, сама не до конца понимавшая причину резко испортившегося настроения.

Внезапно ее одолел очередной приступ кашля, такой сильный, что из-за нехватки воздуха помутилось сознание и подкосились ноги. Король поддержал ее, и девушка тряпичной куклой обвисла в его руках. Когда же она наконец снова смогла держаться на ногах, Валтор отпустил ее, при этом продолжая тревожно всматриваться в лицо спутницы.

— Что это?! — он провел большим пальцем по краю губ и подбородку Тэсс, стирая струйку крови.

Тэсса молчала. Ей самой было страшно, хотя она постоянно уверяла себя, что все равно рано или поздно проклятый кашель сведет ее в могилу.

— Вы правы, — теперь Валтор говорил, глядя не на нее, а на море. — Вернуться нужно как можно быстрее. Не верю я этой Маритэ! Энлил я доверяю куда больше, сколь бы ужасен ни был предложенный ею способ спасти вас.

— Что еще за способ? — Тэсса удивленно воззрилась на него.

— Неважно, — Дайриец попытался уйти от темы.

— Ну уж нет! Вы мне все расскажете!

— Не думаю, что подобное знание сделает вас счастливее, — голос его величества звучал тускло и устало. — Но если вы так настаиваете... Энлил сказала, что выкупить вас у смерти можно, принеся ей в жертву другого человека.

— Нет!

— Я же говорил, вам не стоит знать. Но уверен, что разыгравшееся на эту воображение подкинуло бы вам не менее ужасные картины, — король оправдывал свою откровенность скорее перед собой, чем перед собеседницей.

— Энлил убьет ради меня человека?! — Лотэсса не могла поверить, хоть и понимала, что для колдуньи людская жизнь отнюдь не священна.

— Не она, — нехотя пояснил Дайриец. — Я.

— Вы?!

— Да. Цену платит не маг, а тот, кто желает выкупить чужую жизнь. В данном случае — я. Как вы понимаете, подобный вариант мне не по душе, но других пока никто не предлагал. В любом случае, жертву я выберу не из тех людей, о которых стоит жалеть. Вполне подойдет кто-нибудь из одержимых убийц, которых нынче сверх меры развелось в Вельтане.

— Я понимаю, что есть люди, недостойные жить, и все же лично убить кого-то... — девушка поежилась. — Это ведь совсем не то, что убить в бою?

— Не то, — голос короля стал жестким. — Но выбора у меня нет.

— Почему вы готовы совершать ради меня ужасные вещи? — Лотэсса понимала, что задает опасный вопрос, но не могла удержаться. — Потому, что вы мой хранитель, или потому, что я для вас идеальная политическая партия?

— Потому, что я люблю вас!

Глава 2

Уивинорэ предавался созерцанию, когда кольцо зрителя дало о себе знать. Перстень, украшенный крошечным кораблем из драгоценных камней, нагрелся и окутался свечением. Ну неужели! Еще один жаждущий вырваться за пределы скромных человеческих возможностей сумел обойти все ловушки и капканы на пути к знанию и силе. И пусть сила, приобретаемая людьми, — лишь тень подлинного могущества, но и она манит, заставляя рисковать самым дорогим — жизнью. Что ж, их можно понять. Впрочем, Уивинорэ было наплевать на мотивы, заставляющие шургатцев пересекать Темное море. Люди для совершенных — лишь забавные игрушки.

Что ж, самое время взглянуть, кто на этот раз хоть на время развеет скуку тегнари. Уивинорэ всмотрелся в перстень, продолжающий мерцать. Теплое золотистое свечение, оставаясь в своих пределах и в то же время разрастаясь, постепенно окутало все пространство вокруг. Крошечный драгоценный кораблик, где каждый парус имел свой собственный цвет, был вырезан ювелиром настолько точно, что можно было увидеть каждую мельчайшую деталь. Чем дольше смотришь, тем реальнее становился корабль. Через какое-то время он заполнил собою все пространство, а совершенный почувствовал себя ветром, кружащим над темной водой, легко и весело петляющим среди мачт, ощущающим всем своим бесплотным существом соленые брызги. Уивинорэ очень любил становиться ветром. Он, конечно, мог позволить себе это и без кольца зрителя, но в других случаях это было бы пустой забавой, слишком явным подтверждением того, что он точно так же страдает от скуки, как и большинство тегнари. А Уивинорэ нравилось думать, что он чем-то выше собратьев. Пусть те, кто не знает, как выразить себя, меняют безумные развлечения и удовольствия одно за другим, у него же есть цель, более достойная приложения усилий. И, кстати, людям в планах Уивинорэ отводилось далеко не последнее место. Жаль, что обучение магии гостей с Шургата — привилегия других. Но зато он встречает их и знакомит с удивительным для простых смертных миром тегнари. Кто же на этот раз? Последний раз взвившись к облакам, а затем стрелой ринувшись вниз, ветер-Уивинорэ покружил между парусами и устремился к берегу, чтобы узреть наконец счастливчика.

И кто же это? Что? Двое?! Такого никогда не бывало. Шургатские колдуны, ищущие тайных знаний, всегда в одиночку проходили Тропой испытаний. Мужчина и женщина. Красивые какие! Люди редко обладают подобным внешним совершенством. А люди ли перед ним? С этим еще предстоит разобраться. А пока... Уивинорэ свил кольцо вокруг двух измученных и растерянных путников и перенес их на корабль. По меркам обычного человека это происходило настолько быстро, что он просто внезапно обнаруживал себя на палубе. Всегда было интересно наблюдать, как поведет себя гость, мгновенно перенесясь с берега на корабль. Многие терялись, пугались и тут же начинали строить магическую защиту. Кто-то реагировал, будто так и должно быть. К таким Уивинорэ относился с большим уважением, ибо они изначально отдавали себе отчет, сколь велико могущество совершенных, и не удивлялись его проявлениям. Эти двое, похоже, были из таких. Они не стали изумляться или пугаться, не попробовали защититься от проявлений неведомой силы. Вместо этого мужчина и девушка просто опустились на палубу и почти мгновенно заснули. Настал черед совершенного удивляться происходящему. Тропа испытаний, конечно, изматывает, но чтоб вот так, достигнув заветной цели, оказавшись на борту легендарного граайского корабля, равнодушно и беззаботно завалиться спать — такого прежде не случалось. Станные эти двое. Но тем они интереснее. Любоваться на спящих было не больно-то занимательно, и Уивинорэ решил временно оставить гостей без присмотра, чтобы вернуться позже.

Спустя какое-то время совершенный вернулся. Солнце утонуло в водах успокоившегося моря до следующего рассвета. Странная пара пробудилась ото сна, и теперь оба стояли на палубе и что-то обсуждали. Мужчина выглядел мрачным и решительным, девушка — удивленной и растерянной. Интересно послушать, о чем они говорят. Подслушав, можно узнать о них больше, да и просто любопытно. Раньше Уивинорэ не представлялось подобного развлечения, потому что маги с Шургата всегда оказывались на корабле в одиночестве. Встречались изредка любители поговорить сами с собой, но, как правило, подобные беседы оказывались не слишком занимательными. Зато теперь, скорее всего, будет интереснее. Ветер, временно ставший сущностью совершенного, спустился ниже, игриво коснулся щеки красавицы, бросил темную прядь ей на лоб.

— Вы любите меня?! — удивленно пробормотала девушка, а Уивинорэ про себя порадовался, что ему довелось стать свидетелем разговора на одну из самых занимательных тем.

— Люблю, — кивнул мужчина. — По-хорошему, вам не следовало об этом знать, как и о моем договоре с Энлил. Увы, я не смог удержать ни одной, ни другой тайны.

— Но как вы можете любить меня, если я вас ненавижу?

Уивинорэ счел прямодушие этого прелестного создания безрассудным, но очаровательным.

— Вам уже давно надоело ненавидеть меня, Лотэсса, — возразил ее собеседник. — Вы считаете, что это правильно, что ненавидеть меня — ваш прямой долг и лучший способ почтить память брата и всех погибших. И все равно, в последнее время у вас не очень-то получается. Или я неправ?

— Правы, — тихо ответила девушка после некоторого молчания. — Я больше не могу ненавидеть вас и, кажется, теперь ненавижу за это себя.

Как занимательно. Не зря все-таки тегнари завидуют людям в некоторых вещах, в частности, их возможности переживать столь сильные, противоречивые и интересные чувства. Ограниченность людских возможностей делает их жизнь ярче и насыщенней. Будь этот мужчина совершенным, чего стоило бы ему подчинить чувства избранницы своей воле! Кстати, о магии. В какой-то мере ею должны обладать оба, иначе как бы они прошли Тропу испытаний? Однако проверить магические способности гостей Уивинорэ пока не мог, сущность ветра, придавая необычные свойства, в то же время ограничивала большинство способностей совершенного. Но даже просто глядя на них и слушая разговор, тегнари понимал, что эта странная парочка — не с Шургата, по крайней мере, родились они не там. Как ветер, понимающий любую речь, Уивинорэ легко проникал в суть беседы, но в то же время не был в состоянии определить язык, на котором общаются странные гости корабля. Ладно, пусть пока болтают о своей любви-ненависти. Даже просто послушать подобные объяснения уже интересно. Детали их прошлого и личностей он выяснит позже, когда эти двое ступят на берега Моирры¹.

— В таком случае я еще больше жалею, что затеял этот разговор, — вздохнул мужчина.

— Но раз уж затеяли, ответьте, как же все-таки вы смогли полюбить меня? — та, которую назвали Лотэссой, проявила чисто женское желание знать все подробности одержанной ею победы. — Ведь еще недавно моя ненависть была совершенно искренней. Или все дело лишь в красоте? — последние слова прозвучали несколько разочарованно.

— Нет, не только в ней, — мужчина улыбнулся. — Хотя признаюсь, ваша внешность мало кого может оставить равнодушным. Но все гораздо сложнее, тем более что сама ваша ненависть отчасти стала причиной моей любви.

— Это как? — искренне удивилась девушка.

— Жаждете подробностей? — он снова усмехнулся, лукаво поглядывая на собеседницу, очевидно, не хуже слушателя-ветра угадывая в ней наивное проявление женского тщеславия.

— Обойдусь, — обиженно фыркнула та. — И так же ясно, что все дело в том, что вы — мой хранитель. И любовь здесь ни при чем.

— Ошибаетесь, хотя я сам так думал какое-то время. То есть, сначала я полагал, что влюблен, затем решил, что мои чувства — следствие странной роли, отведенной мне судьбой. Я говорил об этом с Энлил. Она сказала, что хранитель испытывает потребность оберегать и защищать хранимого, но отнюдь не восхищение, нежность и прочие романтические эмоции. Кроме того, она поведала мне, что история не знала романов между хранителями и хранимыми. Это не значит, что их вовсе не было или подобные отношения невозможны в принципе. Скорее всего, в этих отношениях просто не было ничего достаточно важного и интересного, способного повлиять на ход событий или оставить след в истории. Из этого я сделал вывод, что симпатия, которую я испытываю к вам, не зависит от природы хранителя.

Хранитель? Любопытно. Ну, хоть что-то становится понятней. По крайней мере, ясно, что если девчонка решила пройти Тропой испытаний, то мужчина просто не мог отпустить ее одну. Значит, маг из них двоих все-таки она. С другой стороны, зачем хранитель магу, способному преодолеть Тропу?

— Тогда мне вообще сложно понять, — пожала плечами девушка. В целом она вела себя так, будто признание в любви ничуть не трогает ее, разве что удивляет.

— Мне тоже. Впрочем, у меня было довольно времени разобраться в своем отношении к вам. Надо признать, вам удалось произвести впечатление в день нашей первой встречи. И дело не только в вашей красоте, которую не спрятать за черными нарядами. Ваша песня, дерзость и язвительность покорили меня, при этом изрядно разозлив. Признаюсь, не думал, что с этим браком возникнут хоть какие-то сложности. Самонадеянно, конечно, но я был уверен, что, несмотря на предсказуемую изначально неприязнь, завоевать сердце юной девушки легче легкого. Казалось, что стоит нам только познакомиться, и... Но не тут-то было. В отличие от большинства женщин, та, что я выбрал себе в жены, вовсе не собиралась складывать свое сердце к моим ногам. Ваше поведение показалось мне вызовом, покорить вас стало почти так же интересно, как одержать победу на поле боя или за столом переговоров. К тому же, меня уязвляло, что я вызываю отвращение у собственной невесты. Возможно, дело в том, что предыдущие женщины доставались мне слишком легко. Я не покорял их, скорее наоборот, они боролись за мою благосклонность...

— Вы всерьез считаете, что мне интересно послушать о ваших любовницах или о несравненном мужском обаянии, заставлявшем этих несчастных терять разум? — Лотэсса скривила презрительную гримаску. — Воздержитесь от подобных откровений, сделайте милость. И не смейте думать, что я ревную! Просто нахожу подобные разговоры непристойными.

— Прошу прощения, — мужчина старательно изображал покаяние, но в зеленых глазах плясали озорные искорки. — Действительно, разговоры не для девичьих ушей.

— И уж подавно глупо хвастаться своими прошлыми женщинами, объясняясь в любви собственной невесте, — язвительно поддела его собеседница, натолкнув Уивинорэ на мысль, что не так уж она равнодушна к признаниям спутника и чужда ревности, от которой отрекалась с таким возмущением.

— И опять вы правы, моя прекрасная энья! — он склонил голову. — Мне лишь хотелось объяснить, почему ваше равнодушие вызвало во мне досаду и желание во что бы то ни стало покорить вас. Если хотите, я решил сделать это назло, чтобы отомстить за проявленное пренебрежение.

— Это все? — холодно спросила девушка.

— Нет, это только начало. Чем больше я узнавал вас, тем больше проникался пониманием и сочувствием. Несложно понять ход ваших мыслей, сделавших из меня чудовище. Вы вините меня в том, что ваш прекрасный мир оказался в одночасье разрушен, дорогие люди погибли, а государство утратило независимость. Не могу согласиться, что не мешает мне искренне сострадать вашему горю. Просто невозможно равнодушно созерцать такую боль.

— То есть вы полюбили меня из жалости? — в голосе девушки слышалось удивление, граничащее с возмущением.

— Как вам нравится все упрощать, — мужчина покачал головой. — Я не полюбил вас из жалости. Сострадание в моей душе породило желание утешать, защищать и заботиться, одним словом — нежность. А нежность по отношению к юной прекрасной девушке — очень опасное чувство.

— Не убедили. Все равно выходит, что вся ваша любовь назло и из жалости.

— Как я понимаю, вас это не устраивает? — он улыбнулся. — А что вы желали услышать?

— Ну, — протянула Лотэсса. — Было бы уместнее сказать, что я прекрасна, умна, восхитительна, необыкновенна... в общем, все, что в подобных случаях говорили другие

мужчины, — она вроде как шутила, точнее язвила, однако что-то в лице и голосе давало понять, что девушка и впрямь была бы не прочь услышать все это от спутника.

— Мне, значит, не позволено упоминать бывших возлюбленных, а вы можете приводить в пример своих многочисленных поклонников?

— Конечно, — усмехнулась дерзкая девица, ничуть не смутившись. — Не я же признаюсь вам в любви!

— И то верно. Что ж, знья Лотэсса, вы прекрасны, умны, восхитительны, необыкновенны. Заметьте, я говорю все это искренне, а не просто исправляя свою оплошность. Кроме того, вы благородны, добры и бесстрашны.

— К вам я никогда не была добра, — довольно жестко осадил его Лотэсса.

Уивинорэ обратил внимание, что девушке словно доставляет удовольствие мучить спутника, выступавшего в роли смиренного искателя ее благосклонности. Сложно было понять, что на самом деле испытывает Лотэсса, старательно разыгрывающая надменное безразличие к признаниям.

— Ваша доброта временами относилась даже ко мне, — возразил мужчина. — Впрочем, думаю, нам стоит прекратить этот разговор. Можете забыть все, что услышали.

Очевидно, холодность дамы его сердца все-таки уязвляла влюбленного и причиняла боль, которую он не желал показать.

— Я не забуду, — внезапно надменное безразличие исчезло, уступив место искренности. Девушка говорила тихо и проникновенно. — И я не хочу, чтобы вы совершали из-за меня убийство.

— Вы, кажется, не так давно хотели, чтобы я убил хозяина той рабыни, забыл, как ее звали...

— Но не из-за меня! — воскликнула Лотэсса.

— То есть я могу совершить убийство, спасая совершенно чужую мне жалкую женщину, и не должен убивать ради собственной невесты, которую люблю?

— Надеюсь, вам не придется этого делать, — глядя на спутника, девушка выглядела столь нежной и трогательно беззащитной, что даже Уивинорэ, равнодушный к внешней красоте и прочим людским достоинствам, начал понимать ее спутника. — Я все-таки верю в помощь Маритэ. Она же соизволила явить нам свою милость и силу.

В ответ мужчина только покачал головой, лицо его выражало сомнение.

— В конце концов, я нужна ей, чем не повод вылечить меня?

О чем они толкуют? Девочка больна? При чем тут убийство? И тем более Маритэ? Увы, будучи ветром, Уивинорэ не мог задавать вопросов. Зато он приберег их до встречи с этой странной парой.

Девушка присела, опершись спиной о внутренний борт. Она молчала, уйдя в свои мысли. Мужчина опустил рядом.

— Думаете об Эдане?

В ответ Лотэсса лишь молча кивнула.

— Считаете, что не имеете права принять мою любовь, что это будет предательством его памяти? — получив в ответ еще один утвердительный кивок, он продолжал. — Неужели эн Линсар желал бы, чтобы сестра всю жизнь посвятила тоске по нему, запрещая себе быть счастливой?

— Считаете себя таким уж счастьем для меня? — она обернулась к спутнику, сидевшему рядом. — Дело не в Эдане, а во мне. Я знаю, он хотел бы, чтоб я не грустила, улыбалась и строила свою жизнь так, как лучше для меня. Эдан был таким. Он жил легко и весело, и если он где-то есть... — девушка на мгновение запнулась, — он остался прежним. Он

простил бы мне даже любовь к виновнику собственной смерти, лишь бы я была счастлива. Я знаю. Он бы простил, — повторила она. — Но я сама не смогу простить себе. По мне, это действительно предательство. Быть может, когда-нибудь я смогу смотреть на вещи иначе, но не сейчас. Вы правы, в моем сердце уже нет ненависти, и я больше не считаю вас чудовищем, даже готова признать, что король из вас для Элара выйдет лучший, чем Йеланд. Но полюбить — это слишком. Простите...

— Вам не за что просить прощения, — мужчина обнял Лотэссу за плечи, и та не отстранилась. — Я не требую и даже не прошу ответа на свои слова. И я не уверен, что стоило затевать весь этот разговор.

— Стоило, — почти беззвучно возразила девушка, склоняя голову на плечо спутнику, который, как оказалось, был ни много ни мало — королем.

Это обстоятельство в совокупности с упоминанием имени той, что в людских землях почитали как богиню, довело интерес Уивинорэ к странной парочке до крайней степени. Уж он-то, встретив этих двоих, попытается выжать из них все возможное.

А люди между тем уже не разговаривали, просто сидели, обнявшись, под зажигающимися в небе одна за другой граайскими звездами, такими яркими, как нигде в мире.

1Моирра — одно из трех государств, расположенных на материке Граайя. Впрочем, территориальное деление Граайи, как и государственность, является условным.

Глава 3

Увидев берег, Лотэсса сначала не поверила собственным глазам — слишком уж мало времени они плыли. Король остудил ее пыл, заявив, что узкая светлая полоска на горизонте — вовсе не обязательно Граайя, а вполне может оказаться каким-нибудь островом. Подробной карты Темного моря пока никто не составил, по той простой причине, что из этих мест не возвращались. То есть возвращались, как теперь выяснилось, но шургатцы. Вот уж кто явно не желал делиться полученными знаниями с жителями Доэйи. Хотя, скорее всего, колдунам, оправившимся на Граайю в поисках могущества и преодолевшим Тропу безумных ветров, было не до того, чтобы радоваться открытию новых островов или архипелагов в Темном море и наносить их на карты.

Однако через некоторое время стало ясно, что права именно Тэсс и перед ними не остров, пусть и очень большой, а именно материк. Как и тогда, на Ай-Халла, корабль приближался к берегу неправдоподобно быстро. На этот раз море было спокойным. Цвет воды, по-прежнему темный, напоминал уже не смолу, а насыщено-синее ночное небо над Латирэ, каким оно запомнилось Тэссе. Девушка подумала, что они, должно быть, покинут судно так же, как оказались на нем, но ошиблась. На самом деле корабль приблизился к причалу, выдающемуся достаточно далеко в море. Сами собой опустились сходни. Валтор первым покинул палубу и, ступив на сходни, подал девушке руку. Оказавшись вслед за спутником на причале, Тэсс невольно обратила внимание на доски, из которых тот был сколочен. Какое-то очень редкое светлое дерево, достойного того, чтоб в Эларе из него делали самую дорожную и изысканную мебель.

Человека, стоявшего на другом конце причала, путники заметили не сразу. А когда заметили, обменялись удивленными взглядами, не решаясь высказать впечатления вслух. Больше всего Лотэссе поразила одежда незнакомца. Он был облачен в какой-то широкий балахон до пят. Тонкая ткань, ниспадавшая красивыми складками, переливалась самыми разнообразными цветами и оттенками. Тэсс, с трудом принявшая латирский обычай, предписывающий женщинам носить брюки, теперь была ошеломлена куда сильнее, увидев мужчину, который пренебрегает этой столь значимой деталью мужского наряда. Но сколь бы странным ни казалось одеяние незнакомца, так откровенно пялиться на него, конечно, не стоит. Тем более он может возмутиться, что все дело в его внешности. Девушка невольно перевела взгляд на короля, словно сравнивая его черты с совершенным лицом граайца. Незнакомец был, безусловно, красив, но в красоте его таилось нечто странное, чуждое, почти искусственное. Что-то в нем казалось сродни совершенству мраморных изваяний. Юность лица была подобна вечной юности древних статуй. Взгляд то ли черных, то ли темно-синих глаз выражал безмятежность. А длинные волосы, частично заплетенные в косы, имели совершенно дикий, на взгляд Тэсс, голубой цвет. В общем, грааец был одновременно красив и странен, а оттого его привлекательность больше настораживала, чем располагала.

— Приветствую тебя, король, и тебя, Лотэсса, — загадочный мужчина и не подумал склонить голову — лишь одарил подошедших снисходительно-благодарной улыбкой.

Впору бы удивиться, откуда ему известны имена прибывших на корабле, но за последнее время девушка практически разучилась удивляться чему бы то ни было, когда дело касалось колдунов и магии. Отсутствие брюк и голубые волосы поражали куда больше.

— Отрадно, что нам не нужно представляться, — не без сарказма заметил в ответ Дайриец. — Однако мы не обладаем подобной прозорливостью, и хотелось бы знать, с кем мы имеем честь свести знакомство.

Лотэсса к своему удовольствию заметила, что взгляд граайца утратил свою безмятежность, а темные глаза широко распахнулись от изумления. Только на миг, но все же... Видимо, возмущенные о себе невесты что могущественные колдуны не привыкли к подобной дерзости от тех, кого считают смиренными просителями, алчущими их тайных знаний.

— Можете звать меня Уивинорэ и обращаться на «ты», — мужчина уже взял себя в руки и вновь казался воплощением благожелательной снисходительности. — Мы здесь не приемлем излишних церемоний.

— Как я понимаю, вы... то есть ты, — видно было, что королю тяжело дается подобная

фамильярность по отношению к незнакомцу, — оказался здесь не случайно. Ты ждал корабль?

— Именно так, — Уивинорэ кивнул. — Я — встречающий. Я — первый, кто принимает шургатских магов на берегах Моирры.

— Моирры? — переспросила Тэсс. — Вы так называете свой материк?

По идее, не было ничего удивительного в том, что жители материка зовут свою родину иначе, чем далекие доэйцы или даже шургатцы. Хотя, с другой стороны, Энлил и Ашейли, добравшиеся до этих мест, называли Граайю Граайей.

— Нет, материк свой мы зовем так же, как вы. То есть это вы зовете его тем именем, которое дали ему мы. Моирра — не вся Граайя, а лишь часть ее, одна из трех. Вы бы назвали эту часть страной, но это далеко от истины. Политика и борьба за власть чужды нам, поэтому и государств в вашем понимании мы не создаем. Кстати, о материках и государствах... Вы ведь не с Шургата?

— Нет, — ответил Валтор.

— Откуда же? — продолжал допытываться встречающий.

— А что, есть что-то, чего вы о нас не знаете? — насмешливо поинтересовался Дайриец. Говоря «вы», он скорее подразумевал не столько собеседника, сколько граайских магов вообще.

С одной стороны, его почти не скрываемая дерзость нравилась Лотэссе, с другой — стоит ли дразнить тех, от кого они сейчас зависят? Девушке показалось, что во взгляде граайца мелькнуло замешательство, которое, впрочем, практически тут же исчезло.

— Нам известно многое, а может быть известно еще больше. Если вы предпочитаете дружеской беседе копание в собственных мыслях, прошлом и будущем, то можно и так.

— Нет! — воскликнула Тэсса.

— Мы из Элара, — очевидно, Валтору тоже не очень хотелось проверять на себе способности колдуна. — Я, как вам известно, король — Валтор Малтэйр, а энья Лотэсса — дочь герцога Линсара и моя будущая жена.

— Вы, должно быть, полагаете себя чрезвычайно важными персонами, и у вас на родине так оно и есть, но здесь все ваши титулы и знатность — пустой звук. Важны лишь ваши способности к магии. Впрочем, не стоит продолжать разговор здесь, я приглашаю вас к себе.

Не успела девушка начать строить догадки, как они будут добираться до дома Уивинорэ, как уже все трое стояли в совершенно круглом полутемном зале с высокими стрельчатыми окнами. Разноцветные стекла составляли удивительной красоты витражи. На равном расстоянии друг от друга располагались двери. Ни одна из них не походила на другую, но каждая являла собой произведение искусства. Мебель полностью отсутствовала. Опять же, привыкнув к почти безграничным возможностям магии и магов, Тэсс куда больше удивлялась необычной комнате, которая, судя по всему, была частью дома колдуна, чем способу, которым они здесь оказались.

— Добро пожаловать! — с нарочитым гостеприимством воскликнул хозяин.

— Красиво тут у вас, — обводя помещение взглядом, искренне восхитилась девушка.

— Еще бы, — самодовольно согласился Уивинорэ, и не подумав поблагодарить за любезность.

Похоже, грааец, переполненный осознанием собственного превосходства, воспринимал их с Валтором как бедных просителей из провинции в приемной королевского дворца, с которыми можно не церемониться.

— До момента знакомства с наставниками вы будете моими гостями. Наслаждайтесь! Любуйтесь и запоминайте. Благодаря высокому положению у себя на родине и богатству

вы сможете попытаться воссоздать нечто подобное, когда вернетесь в свою мрачную северную страну.

Этот заносчивый тип уже не на шутку раздражал Тэсс, знакомую с ним менее получаса. Но он был им нужен, поэтому ничего не поделаешь — придется терпеть. В конце концов, на Тропе безумных ветров встречались существа и похуже, чем этот синеволосяй красавчик в цветной хламиде. Присматриваясь к царящему во всем разнообразию цветов, девушка начала догадываться, откуда берет истоки страсть шургатцев к буйству красок. Они всего-навсего подражали могущественным соседям. Скорее всего, подобную культуру перенимали колдуны, проходившие обучение на Граайе, и воплощали потом в своих жилищах. Им подражала сначала знать, а потом и все остальные. Правда, между шургатской и граайской любовью к разнообразным краскам имелось существенное различие. На Шургате разноцветье было ярким, пестрым, порой безвкусным. Грайское же сочетание красок казалось более естественным и гармоничным, переходы цветов были почти идеальными. Это как сочетание сочной зелени леса с насыщенной с голубизной неба и глубокой синью озера. Или прекрасные тона закатного небосвода, вроде разные, но идеально дополняющие друг друга и создающие единую картину. Или дивное разнообразие осенней листвы. Подбирая сравнения и размышляя на абстрактные темы, получалось отвлечься от мыслей, посвященных не слишком приятной персоне хозяина. Даже Ашейли по сравнению с ним казался милейшим созданием.

Тем временем Уивинорэ открыл одну из дверей и провел гостей в просторную комнату — круглую, подобно первой. Здесь также имелись витражные окна, однако если помещение, которое про себя Тэсс назвала атриумом, освещалось лишь приглушенным рассеянным светом солнца, пробивающегося через разноцветное стекло, то в этой комнате было куда светлее. Источником света служили не свечи или светильники. Нежное, но достаточно яркое сияние словно исходило от самих стен и куполообразного потолка. В отличие от атриума, здесь присутствовала мебель. Странная, непривычных форм, но в то же время красивая. Мягкие скамьи, диваны без спинок, кресла, предназначенные скорее для того, чтобы лежать, чем сидеть...

— Устраивайтесь поудобнее. Вы голодны? — колдун, видно, вошел в роль гостеприимного хозяина.

— Вы сейчас хлопнете в ладоши, и на столе появится еда? — Тэсса понимала, что это ребячество, но не могла удержаться.

— Во-первых, я велел обращаться ко мне на «ты», — он произнес именно «велел», а не «просил». — Во-вторых, хлопать в ладоши вовсе не обязательно. Мне достаточно просто захотеть.

И Уивинорэ тут же подтвердил свои слова делом. На низком изящном столике появились напитки и фрукты. Причем момент, когда еда возникла на столе, невозможно было проследить. Сложно понять, произошло это мгновенно или постепенно, скорее, складывалось впечатление, что так и было. Материал, из которого изготавливались вазы, графины и бокалы, скорее походил на драгоценные камни, чем на стекло или хрусталь. Естественно, сапфиры или бериллы таких размеров просто не могли существовать в природе. С другой стороны, в обычной жизни вещи и не появляются из ниоткуда.

— Впечатляет, — хмыкнул Дайриец. — Надо полагать, при таких умениях слуги вам без надобности. Говоря «вы», я имею в виду всех жителей Граайи.

— Именно так, — кивнул хозяин. — Прислуга действительно не нужна тем, кто в состоянии сам выполнить любое свое желание. Кроме того, совершенно немыслимо, чтобы одни совершенные находились в услужении у других.

— Совершенные? — переспросила девушка, надкусывая удивительно вкусный розовый плод.

— Мы так зовем себя. Вы — люди, а мы — тегнари, или совершенные.

— То есть совершенные — не люди? — уточнила Тэсса.

— А у вас есть сомнения на эту тему? — Уивинорэ изогнул бровь, и лицо его приняло изумленно-презрительное выражение. — Лишь внешне мы похожи на вас, да и то

условно, во всем остальном тегнари бесконечно далеки от людей. Для нас нет ничего невозможного. Мы полностью властвуем над материей мироздания и над собой.

— А друг над другом? — король, прищурившись, смотрел на собеседника.

— Нет, власть над другими тегнари — единственное, чего у нас нет, — судя по тону колдуна, данное обстоятельство его печалило. — Совершенные равны.

— Какая жалость, — покачал головой Малтэйр, явно этой самой жалости не испытывающий. — А разве два тегнари, объединившись, не будут сильнее одного?

— Совершенные никогда не объединяются друг против друга. Это дико и бессмысленно.

— Отчего же? — Дайриец, похоже, искренне заинтересовался темой.

— Каждый из нас живет лишь для себя. Каждый из нас в состоянии в одиночку удовлетворить практически любые свои желания. Людьми движут жажда богатства, власти или славы, достигнув которых, они сумеют воплотить в реальность свои мечты, и то не все. Совершенные же в любой момент могут получить что угодно одним усилием мысли. К чему нам деньги или власть?

— Богатства вам уж точно не к чему, — усмехнулся король, кивая на посуду из драгоценных камней. — Власть как способ получения благ — тоже. Но ведь власть или слава ценны сами по себе. Разве нет?

— Так думаете вы, — пренебрежительно возразил Увинорэ. — Люди слабы, убоги и осознают свое ничтожество. Для того чтобы ощутить свою значимость, им нужно преклонение и подчинение себе подобных. Совершенные чужды изъянов и слабостей, им не нужно возвышаться в собственных и чужих глазах, унижая других. Те, кто не чувствует холода, не станут кутать тело в шкуры мертвых зверей, чтобы согреться. Впрочем, ты вряд ли поймешь.

— Отчасти я понимаю, — задумчиво проговорил Валтор. — Понимаю, но не верю. Не верю, что всех устраивает равенство, что никто не желает быть выше или сильнее других.

После этих слов лицо граайца мгновенно изменилось, что навело Лотэссу на мысль, что предположение короля попало в цель.

— Не выше, — даже голос Увинорэ звучал иначе. — Сильнее! — с придыханием произнес он. — Да, жажда превзойти в других в силе — несбыточная мечта иных из нас. Впрочем, таких не много.

— Надо полагать, ты из таких? — Дайриец не спрашивал, а утверждал.

— Ты забываешься, человек! — тегнари, видимо, устыдившись минутной откровенности, нацепил на себя маску холодного высокомерия. — Я не собираюсь говорить о себе. По крайней мере, до тех пор, пока не узнаю, кто вы, зачем явились сюда и почему ведете себя столь странно и вызывающе по отношению к тем, кто бесконечно выше вас.

Глава 4

Дерзкие ничтожества! Что они о себе возомнили? Пройдя Тропою испытаний, вообразили себя великими магами, хотя на деле — лишь жалкие искатели чужих знаний. Самое время проверить, что они собой представляют. Уивинорэ решил начать проверку с мужчины, ибо тот вел себя чересчур самоуверенно, как подобает людям, обладающим силой. Хотя девушка вызывала больше вопросов. Если ее хранитель, король, является магом, то зачем потащил ее с собой? Ну, ясное дело, влюблен, но людям свойственно беречь своих любимых, а Тропа испытаний — не совсем подходящее для этого место. А если девушка сама обладает силой, то зачем ей хранитель? В общем, вскорости он узнает ответы. Уивинорэ сместил взгляд в отраженную реальность и посмотрел на короля. Хранитель, да. И все? Ни капли магии?! Значит, колдунья все-таки Лотэсса? Тегнари перевел взгляд на девушку. К его величайшему удивлению, в девице оказалось не намного больше магических сил, чем в ее спутнике. Какими-то странными способностями она обладала, но они скорее лежали в области целительства и защиты, о чем свидетельствовал золотисто-серый ореол вокруг ее фигурки. Каким же образом эти двое прошли Тропою испытаний? Созданиям, обитающим в том месте, удавалось останавливать куда более сильных магов. Так и было задумано, чтоб до граайских берегов добирались лишь самые одаренные, наделенные, кроме магических способностей, еще и умом. Впрочем, одно без другого практически невозможно. Но эти двое ломают все традиции.

— Вы не маги! — Уивинорэ не собирался скрывать своего возмущения.

— А разве мы утверждали иное? — нахально поинтересовался Валтор.

Действительно, за все недолгое время общения с этой парочкой и раньше, когда он подслушивал их беседы на корабле, они не называли себя магами ни разу. Но это обстоятельство сути дела не меняет.

— Если вы думали, что мы будем делиться знаниями с непосвященными, то считайте, что прошли Тропу испытаний зря. Чтобы приобщиться к нашим тайнам, нужно много лет учиться у шургатских колдунов, хотя вряд ли они станут учить доэйцев, — и тут тегнари осенило. — Ведь в этом все дело! В вашей взаимной неприязни. Вы знали, что шургатцы никогда не будут учить вас, а потому решили, минуя их, прийти сразу к нам. Решение смелое, но глупое. Прославленные мастера не станут брать в ученики неразумных детей. Не обладая основами, вам никогда не постичь глубоких тайн, а обучать основам магии — не дело тегнари.

— Мы не собираемся учиться магии, — на этот раз голос подавала девушка.

— Не собираетесь? — Уивинорэ почувствовал себя сбитым с толку, чего с ним не случалось очень давно. — Зачем же вы тогда здесь?

— Чтобы спасти мир... как бы абсурдно и пафосно это не звучало, — ответил король.

Совершенный от души расхохотался. Ну надо же! Давненько в Моирру не заносило сумасшедших. То есть на его последней памяти этого не случалось ни разу. Приходилось обходиться своими безумцами, но спятившие от скуки тегнари далеко не так забавны, как люди.

— И что же грозит вашему миру? — отсмеявшись, полюбопытствовал он.

— Нашему общему миру, — поправил Валтор. — Или Анборейя — это мир людей, а у вас, совершенных, есть свой собственный?

— А разве не так, человек? Вы еще не поняли, что мы творим и перекраиваем свою реальность в соответствии со своими желаниями? Это суть нашей магии. Я могу быть кем угодно, создать себе все, что пожелаю. Я могу летать, жить под водой, засыпать на столетия, пресытившись жизнью, и даже изменить цвет небес над головой.

— Тебя невозможно убить? — ну и нахальные же вопросы позволяет себе этот король!

— Теоретически возможно, — нехотя признал тегнари. — Но это может сделать лишь тот, кто сильнее меня. То есть другой совершенный. Но нам никогда не придет в голову

безумная мысль истреблять друг друга. И уж подавно нашего могущества хватит, чтоб защитить собственный дом от кого бы то ни было. Вы можете убить друг друга до последнего человека, ваши материки могут развалиться или уйти под воду, нас же это никак не коснется. Нет никого и ничего, что могло бы повредить нам.

— То есть Странники вам не страшны?

— Странники? — насмешливо переспросил Увинорэ. — Я слышал о вашей доэйской религии, поклоняющейся звездным путницам, которые зовутся богинями.

— Вы не верите в существование Странников? — к удивлению тегнари, при этом вопросе голос Валтора дрогнул, выдавая сильное волнение. А ведь до этого момента король держался спокойно и насмешливо, даже обсуждая предлагаемую гибель мира.

— Не верю? — совершенный пожал плечами. — Скорее, мне безразлично есть ли они, то есть, были или нет. Даже если эти звездные путники реальны, то они превосходят нас лишь в умении путешествовать по разным мирам.

— А также создавать эти самые миры, — подала голос девушка. — Или разрушать их.

— Ваши Странники и богини — не более чем легенда, — презрительно возразил Увинорэ. — Бояться их — просто нелепость.

— На Доэе и большей части Шургата легендой считают вас, — Лотэсса нахально улыбнулась, вообразив, что смогла поддеть его.

— Только потому, что мы сами этого хотим. Мы закрыли от вас свой дом, подчинив Темное море. Мы не захватили Доэйю и Шургат лишь потому, что нам это не нужно. Трепещете перед Странниками, которых сами же выдумали? Это ваш выбор. Слабым существам потребно верить в высшие силы. Но для нас это, согласитесь, смешно. Даже если Странники — не выдумка, то нам они не страшны.

Король с Лотэссой переглянулись, безмолвно советуясь, как вести себя дальше. А Увинорэ неожиданно вспомнил, что на корабле было произнесено имя Маритэ. Что ж, пусть все эти рассуждения о гибели мира звучат нелепо, а послушать все равно любопытно. В конце концов, люди — всегда развлечение.

— Вы пришли за Маритэ, не так ли? — тегнари испытал удовольствие, наблюдая, какое впечатление на собеседников произвела его осведомленность.

— Вообще-то, да, — на этот раз говорила девушка. — И, если честно, мы надеялись, что кто-нибудь из жителей Граайи поможет нам найти путь к ней. А вы, оказывается, даже не верите в ее реальность. У нас в Эларе тоже не очень-то верят. Так стоило ли проделывать такой путь, чтобы не узнать ничего нового? — последний вопрос, исполненный горькой иронии, был адресован спутнику.

— Ничего нового! — тегнари не смог сдержать возмущения. — Вы допущены к величайшей тайне Анборейи! Вы удостоились чести видеть совершенного и говорить с ним!

— И какой в этом толк? — устало вздохнула Лотэсса. — Надо же, вы умеете мысленно накрывать на стол, красить волосы в странные цвета и, возможно, читать мысли. Ах да, еще менять цвет неба над головой. Ты полагаешь, подобное счастье стоило расставания с близкими, нескольких месяцев пути и кошмаров Тропы безумных ветров?

— Я полагаю, в вашей жизни не было ничего более удивительного, — надменно произнес тегнари.

Не обижаться же, в самом деле, на пренебрежение этих ничтожеств, проистекающее из непонимания пропасти, возведенной между ними природой. А, может, напротив, они понимают и стараются по мере своих жалких сил отыгаться за несправедливость судьбы, выказывая нарочитое равнодушие к чудесам или стараясь унижить совершенного сравнением со Странниками, которые, скорее всего, не более, чем сказки.

— Да нет, в чудесах в последнее время недостатка не было. Пожалуй, напротив, избыток, — король говорил, отвернувшись к окну. — Если уж тебе так много известно о

нас, то ты должен знать, что творится в столице Элара.

— Я, несомненно, могу знать о событиях на Дозье. Это не составит ни малейшего труда. Вопрос в том, что тегнари не слишком интересны людские дела, вечные дразги, грызня за власть, богатства или простое выживание. Иной раз за вами забавно понаблюдать, но подобное желание возникает не слишком часто. Признаюсь, я давненько не заглядывал на Дозью. Даже интересно, что там должно было случиться, чтобы король самой большой страны лично пожаловал к нам, оставив другим власть, столь сладкую и желанную для людей.

— Насчет других, — Валтор резко повернулся к тегнари. — Если уж тебе стало интересно, что творится в Эларе, не посмотришь ли?

— Чтобы потом рассказать вам? — Уивинорэ без труда разгадал замысел гостя. — Все-таки опасаясь за свой престол, король?

— За свою страну, — отрезал тот, при этом девушка бросила на спутника странный взгляд.

— Тогда сам и взгляни, мне не жалко, — снисходительно усмехнулся тегнари.

Уивинорэ перенес гостей в другую комнату. Ни способ перемещения, ни сама комната, похоже, не произвели на дойцев должного впечатления. А ведь два огромных зеркала, установленные друг напротив друга, даже совершенного порой повергали в какое-то замороженное состояние. Девушка, правда, при взгляде на зеркала вздрогнула, и на миг ее лицо приобрело растерянное и испуганное выражение. Но Лотэсса быстро взяла себя в руки и снова выглядела бесстрастной.

— Сейчас вы сможете увидеть все, что вас интересует. Места, события, людей, — начал объяснять тегнари. — Правда, вас двое. Если вы хотите увидеть одно и то же, сложностей не возникнет, если же у каждого свои желания, то зеркала сами выберут в каком порядке показывать. Надеюсь, у вас нет тайн друг от друга? — лукаво усмехнулся он.

— Зато у нас могут быть тайны от тебя, — видно, этот король просто не может не дерзить.

— Кажется, вы уже имели возможность убедиться, что для меня не может быть тайн, если я пожелаю что-то узнать. Тем более ты сам просил меня взглянуть на то, что творится в твоей стране. А еще без моего присутствия зеркала не станут работать. Или станут, но последствия их магии могут вам не понравиться.

Уивинорэ знал, о чем говорил. Зеркала подчинялись только тегнари. С любым другим созданием они могли сотворить все что угодно. Затянуть в картину созерцаемых событий или, что еще хуже, в свои глубины. Такого совершенный не желал даже самоуверенным дойцам, пусть их непочтительность и переходила порой в нахальство. Кроме того, им удалось заинтересовать его событиями, которые на Дозье воспринимались как Закат мира.

— Вы должны стать ровно посередине между зеркалами, — велел Уивинорэ. — Видите мозаику на полу в центре комнаты? Это то самое место. Ни в коем случае не сходите с нее, пока я не позволю, что бы вы ни увидели. Один шаг в сторону, и вы окажетесь в плену того зеркала, к которому будете ближе. Все понятно?

Двое послушно кивнули, а Валтор обхватил девушку за плечи и крепко прижал к себе. Правильно сделал.

— В какое зеркало смотреть? — спросил король.

— А вот это совершенно неважно, — улыбнулся тегнари.

Он легко направил мысленные потоки к зеркалам. Здесь действовали несколько иные чары. В основе граайской магии лежала способность тегнари управлять реальностью, как чем-то переменчивым и пластичным. Создать что угодно из ничего, изменить или уничтожить — это умел каждый совершенный. Но волшебство зеркал имело свою собственную природу. Будучи созданными волшебством тегнари, дальше зеркала жили собственной жизнью, и действие их подчинялось определенным правилам, которые не

следовало нарушать даже создателю. Уивинорэ по праву гордился своими творениями, ибо создавать волшебные вещи — удел далеко не каждого совершенного. Большинство, правда, просто не видело в том нужды. Но Уивинорэ уже давно был одержим идеей отличаться от большинства.

Покорные мысленному приказу хозяина, зеркала потихоньку оживали. Их поверхность слегка заколебалась, словно вода на поверхности темного пруда. По сути своей зеркала и правда были сродни глубоким черным омутам. И если бы Валтор с Лотэссой, послушавшись, сделали хоть шаг в сторону одного из них, сойдя с мозаичного рисунка, расположенного точно посередине между зеркалами, то навеки сгинули бы в этих глубинах. Темная гладь постепенно становилась серой, затем серебристой, откуда-то издалека стали проступать краски, сначала блеклые, затем все более яркие и отчетливые. И вот уже из цветных пятен сложилась полноценная картина, но не застывшая, а живая, подвижная и реалистичная. Оба зеркала показывали одно и то же. Картинка была четкой, несмотря на то, что вызывали изображение двое: очевидно, оба и впрямь жаждали увидеть одно и то же.

Серость. Беспросветная серость неба, зданий, камней, которыми мостили улицы. Ох уж эта мрачная Дозья. Хотя то, что сейчас предстало перед взором тегнари, навело на мысль, что по-настоящему мрачных картин он раньше не видел, по крайней мере, на своей последней памяти. Зеркала изображали какую-то площадь, скорее всего дворцовую, если судить по величественному и по-своему прекрасному зданию, перед которым данная площадь расстилалась. Серые камни казались где-то красными, где-то бурыми, щедро подкрашенные потоками крови, пролившейся здесь. Площадь была заполнена людьми, причем количество живых не сильно превышало число покойников. Живые, перешагивая через мертвых, топчя их тела и лица, устремлялись в одном направлении — к дворцу. Ближе к воротам толпа становилась настолько плотной, что губила в своих удушающих объятиях все новые и новые жертвы. Уивинорэ не мог понять, чего хотят эти обезумевшие люди. Если они штурмуют дворец, как могло показаться вначале, то почему в рядах нападающих столько мертвецов? На защитников дворцовых стен и даже на естественную давку такое количество трупов не спишешь. Да и если приглядеться к тем, кто остался лежать там, где толпа уже схлынула, можно увидеть ужасные раны. То есть пытавшиеся взять дворец попутно истребляли друг друга.

— Да это же просто зверье! — с возмущением воскликнул тегнари, передергиваясь от омерзения. — И вы называете себя людьми?!

— Мы, — король, бледный как смерть, подчеркнул это слово, — стоим здесь именно потому, что хотели предотвратить то, что творится. Теперь уже, видно, поздно. Ты все еще сомневаешься в Закате мира, совершенный? — в словах слышалась такая боль, что Уивинорэ почувствовал что-то похожее на сострадание.

— Мне жаль ваш мир, — вздохнул он. — Вы уверены, что хотите и дальше на это смотреть? Твоя спутница еле стоит на ногах.

— Я хочу видеть Альву, — голос девушки казался совершенно безжизненным. — И Лана.

Картина изменилась, серых тонов стало намного больше, точнее, изображение попросту утратило цвет. Значит, зеркала показывают прошлое. Интересно, почему?

Получив ответ на свой вопрос, тегнари содрогнулся. Теперь они созерцали комнату, с одной стороны охваченную пламенем. В центре трое мужчин склонились над бездыханной девушкой, из груди которой торчала рукоятка кинжала. Обреченные имели вид, исполненный скорби, и, похоже, их больше печалила смерть девушки, чем собственная участь. Мужчина, пожилой человек и юноша. В их обликах было мало общего, если не считать слез, медленно катящихся по щекам, а также отчаяния и боли, застывших в глазах. Впрочем, это уже случилось. Все они наверняка мертвы, иначе зеркала явили бы настоящее, а не прошлое. Лотэсса сказала, что хочет видеть кого-то, и ей показали их последние минуты. Девушка закричала и рванулась к зеркалу...

Глава 5

Нет! Это неправда! Бледный Лан над мертвой Альвой не может быть правдой! Окаменевшее от горя лицо протектора и слезы, текущие по щекам коменданта, всполохи огня, пляшущие по стенам, — все это не на самом деле. Это лишь колдовские зеркала, они лгут. Будь они прокляты! Хотя нет никаких зеркал. Стекло, отделявшее ее от пылающей комнаты, давно исчезло. Стоит сделать шаг, и она окажется там, рядом с Альвой и Ланом. Сможет умереть рядом с ними. Это желание мгновенно охватило Лотэссу, затмив все остальное. Девушка без труда вырвалась из рук короля, застывшего как изваяние, и устремилась навстречу огню и смерти. Но вместо того, чтобы оказаться в комнате, расположенной на другом материке, она ощутила резкую вспышку боли, а затем погрузилась в темноту.

Вновь вернувшись к реальности, Тэсс почувствовала, что лежит на чем-то мягком. Тьма, до этого окружавшая ее, оказалась обычной темнотой за сомкнутыми веками. Похоже, она просто заснула или потеряла сознание. Мелькнула безумная надежда, что показанные волшебными зеркалами ужасы — не более чем страшный сон или игра больного воображения. Словно издалека, до нее донеслись голоса. Первые же слова вдребезги разбились и без того хрупкую надежду.

— Так значит, ты полагаешь, что эта ваша Маритэ учинила такое? — голос принадлежал Уивинорэ.

— Не она, — ответил Валтор. — Другой Странник — Дэймор.

— Тот, кого вы зовете Изгоем? Не удивляйся так, я знаю вашу историю и суть вашей позабытой веры. Многим подобные знания кажутся лишними, но не мне. Вы бесконечно уступаете нам в могуществе, но ваша история именно поэтому намного интереснее. Не говоря уже о религии. Тегнари всеильны, а следовательно, не могут выдумывать себе богов. Странники — плод людского воображения и, надо признать, довольно удачная выдумка. Порой мне даже жаль, что их нет. Существой они на самом деле, думаю, мы нашли бы общий язык, как достойные друг друга высшие создания.

— В таком случае, можешь порадоваться. Я уверен, что Странники существуют, — голос короля показался Тэссе лишенным всяких эмоций.

— Из-за того, что происходит в твоей стране?

— Нет. Я отдаю себе отчет, что подобное люди могли устроить и без посторонней помощи. И не раз уже устраивали. В существование Странников, по крайней мере, Маритэ, я верю потому, что она вроде как принимала личное участие в наших похождениях. Хотя допускаю, что Маритэ может быть не Странницей и не богиней, а просто могущественной колдуньей. За несколько месяцев я узнал о возможностях магии больше, чем за всю предыдущую жизнь. Если быть точным, раньше я вообще не верил ни во что сверхъестественное. Зато теперь готов верить во что угодно. Хотя на самом деле не верю больше ни во что.

— Ты в отчаянии из-за смерти друга? — надо же, а этот совершенный, оказывается, может испытывать человеческие чувства, ну или делать вид, что испытывает.

— И из-за этого тоже. Но как бы ни был мне дорог Элвир, я не могу о нем скорбеть больше, чем о сотнях или тысячах погибших в этой бессмысленной бойне. То есть могу, конечно, ибо он один мне дороже множества чужих незнакомых людей. Могу, но не имею права. Моя личная боль — ничто по сравнению с осознанием трагедии, обрушившейся на мое королевство. Теперь уже мое. И тем более я не могу не думать о том, что, возможно, отчасти сам являюсь причиной случившегося.

— «Возможно», «отчасти»... — повторил тегнари слова Валтора. — Ты не мог бы выражаться яснее?

— Если хочешь выслушать всю эту длинную и запутанную историю, придется допустить реальность Странников, — равнодушно отозвался Дайриец. — Но это после. Скажи, что с Лотэссой и когда она придет в себя?

— Точно не знаю, но это неважно. Не беспокойся о своей любимой, — от этого слова

сердце Тэсс скакнуло и застучало часто и сильно. — Я всего лишь ударил по ней легким заклятием, чтоб помешать покинуть знак на полу. Выйди твоя Лотэсса за его пределы, в лучшем случае оказалась бы в той комнате, в худшем — сгинула в глубинах зеркала. Хотя нет, первый вариант не лучше. Видение — прошлое, люди мертвы, следовательно, она шагнула в небытие.

— Спасибо, что уберег ее, — даже эти слова король произнес бесстрастно.

Впрочем, чему удивляться. Его мир разрушен. Ей бы радоваться свершившейся мести. Теперь Дайриец на своей шкуре ощутит, что значит потерять тех, кого любишь, а также осознать, что мира, в котором ты жил, больше нет. Но Тэсс не могла злорадствовать. И дело не в том, что она больше не испытывала ненависти к королю. Просто если ему сейчас так же больно, как и ей, то наслаждаться этим сможет лишь чудовище, вроде на'ари или безумных ветров. Она же не сможет пожелать таких страданий даже злейшему врагу.

— Кстати, твоя невеста уже пришла в себя, — это снова тегнари. — Не так ли, Лотэсса?

— Да, — девушка поднялась.

— Зачем вы это сделали, Тэсса? — в вопросе Валтора звучал явственный укор. — Вы могли погибнуть!

— И что? — она пожала плечами. — Что бы моя смерть изменила? Или не так — какой теперь смысл в моей жизни? Как мы могли убедиться, спасти уже нечего. Город разрушен, все мертвы.

Произнося это, Лотэсса чувствовала мертвой себя. Лица Лана и Альвы в отблесках пламени не шли у нее из головы, выворачивая душу раскаленными щипцами. Она понимала, что король, быть может, тоже утративший смысл жизни, все равно не допускает мыслей о смерти невесты, и знала, почему. Но сейчас это ее мало трогало.

— Город еще не мир, — возразил Валтор. — Вам больно до безумия, и мне признаться, тоже, но смеем ли мы обресть на боль тех, у кого еще есть шанс? Уивинорэ смотрел в свои зеркала на события в других странах Дозэи. Имтория также охвачена волнениями, что неудивительно в столь неблагополучной стране. В Тарнике и Сантэре, похоже, тоже не все гладко, но до откровенного безумия пока не дошло. В Латирэ спокойно. Царица Армира крепко держит власть в руках... в отличие от меня, — последние слова были произнесены с откровенной горечью.

Должно быть, теперь король укорял себя за то, что оставил столицу Элара, куда сильнее, чем за все предыдущее время. Дайриец бросил власть и пошел за ненавидящей его девушкой по зову долга и сердца. Зря он так поступил! Останься его величество в Вельтане, не допустил бы такого. И пусть бы это стоило ей жизни. Лучше уж она, чем Альва или Лан. Хотя кого она обманывает?

— Думаете, останься вы в столице, все было бы иначе?

— Не знаю, — Валтор закрыл лицо руками. Он казался уставшим и отчаявшимся. — Элвир не слабее и не глупее меня, но он же не смог спасти город... и себя.

И любимую женщину, добавила про себя Тэсс. Король прав, ничего бы он не изменил. Когда в дело вступают Странники, у людей нет шансов. Но, будь это так, разве стала бы Маритэ обращаться к ней за помощью? Ох уж эти бессмертные, бездушные и безжалостные!

— А знаете что? — она вскинула голову, словно бросая вызов кому-то. — Я пойду к Маритэ. Пусть все погибло, но должен же быть хоть какой-то смысл в нашем путешествии, ради которого вы оставили трон, а я — любимых людей. Я дойду до конца, хотя бы для того, чтобы высказать этой богине, как сильно я ее ненавижу!

Тэсса и впрямь ощущала, что ненавидит Маритэ сильнее, чем раньше Дайрийца, по крайней мере, так ей казалось. Жгучая ненависть не заглушала боль, но придавала подобие смысла дальнейшему существованию. Временному, разумеется. Конечно же, после случившегося она не станет просить у бездушной Странницы исцеления. Просто доведет начатое до конца, а дальше можно и умереть, ибо больше ее жизнь никакой

ценности не представляет. Она была фигуркой в чужих играх, но какой смысл в фигурах, когда расколот сам диск?

— И все-таки, я бы для начала спросил у богини, чего она от вас хотела, — в голосе короля сквозили нотки сомнения. Скорее всего, он тоже не доверял Маритэ после увиденного. — Хотя еще вопрос, как до нее добратся.

— Мне вот что странно, — девушка обратилась к Уивинорэ. — Лично я уверена, что Маритэ реальна, хоть она та еще гадина. Еще неизвестно, кто из них хуже — благодетельная созидательница, равнодушно позволяющая разрушать свой мир, или Изгой, который изначально был воплощением зла, поэтому его вроде как и не упрекнешь. Но я сейчас не об этом. Важно лишь то, что Странники существуют, иначе невозможно объяснить все происходящее. А если они существуют и Маритэ обитает, по ее собственным словам, на Граайе, то почему тегнари в нее не верят? Ведь совершенные живут практически вечно, а значит, должны помнить то время, когда богиня еще не удалилась от людей и жила открыто со своими сестрами и другими Хранителями Анборейи. Если они жили здесь, то хоть кто-то должен их помнить! Вот сколько тебе лет? — спросила она совершенного, не заботясь о церемониях.

— Не знаю, — помедлив, ответил тот.

— Это как?! — изумление оказалось столь сильным, что ненадолго заглушило остальные эмоции.

— У тегнари принято время от времени стирать себе память, — словно нехотя объяснил он. — Понимаю, вас это должно удивлять и даже шокировать. Но когда живешь так долго, причем живешь почти без эмоций, желаний, побед, поражений, без того, что вы зовете приключениями... рано или поздно жизнь становится в тягость. Можно заснуть на века и видеть сны — осознанное порождение собственной фантазии. Но многие предпочитают просто забывать все, что знали о себе, и начинать заново. Поначалу, когда все внове, жизнь воспринимается ярче и интереснее.

— То есть, позабыв все, вы подобны новорожденным младенцам в теле взрослого человека?

— Вовсе нет! — Уивинорэ показался обиженным. — Мы забываем лишь свою прошлую личность, но при этом остаются знания о мироустройстве и, конечно, о собственном могуществе. Представь себе, король, что ты упал, к примеру, с лошади и, ударившись головой, потерял память. Велика вероятность, что, придя в себя, ты не будешь удивляться тому, что день сменяется ночью, вода мокрая, а огонь горячий. Скорее всего, ты будешь помнить даже, подданным какой страны являешься и кто сейчас сидит на троне. При этом будешь не в состоянии припомнить собственное имя, родителей и события прошлого. Примерно то же самое происходит с нами. Открыв новую страницу, мы имеем общее представление о мире и о своих возможностях в нем. Но при этом не имеем понятия даже о бывших знакомых, не говоря уже о созданиях, живших здесь тысячелетия назад. Если, конечно, допустить, что Странники — нечто большее, чем легенда, выдуманная вашими жрицами.

— И что? Вы так поголовно развлекаетесь? — тон Дайрица, в котором звучало плохо скрываемое презрение, выражал отношение короля к традициям тегнари. — Неужели нет никого, кто дорожил бы воспоминаниями о прожитой жизни или людьми, прощу прощения, совершенными, с которыми эта жизнь его свела? Или, к примеру, накопленным опытом и знаниями? Хотя зачем это вам? К чему знания тем, кто кроит реальность, как заблагорассудится? Да и такие вещи, как любовь и дружба, надо полагать, вам чужды...

— Поначалу нет. В первые десятилетия, а то и столетия мы живем с интересом, можем испытывать эмоции, а следовательно, и привязанности. Но все приедается. Именно поэтому мы меняем личности, как надоевшую одежду. К примеру, внешность мы меняем гораздо чаще.

Уивинорэ не успел договорить фразу, за него мелодичным голосом закончила восхитительная женщина с ярко-бирюзовыми глазами и волосами до колен, где чередовались пряди красного и лилового цветов. В отличие от облика и даже пола, одежда изменилась не сильно. Свободное одеяние, доходящее до щиколоток, разве что

было перехвачено пояском на талии, да в ткани преобладали иные сочетания тонов.

— Если новый образ так освежает восприятие, — продолжала тегнари, — то представьте, насколько интереснее примерить новую личность, не отягощенную воспоминаниями о столетиях скуки.

— Так значит, все дело в скуке, — слегка насмешливо протянул Дайриец. — Вот ваша главная слабость. Вам не нужны деньги, власть или слава, но без борьбы за эти сомнительные блага ваше существование кажется скучным и пресным. Не оттого ли вы так любите раскрашивать все вокруг себя, что сама по себе ваша всесильная жизнь лишена цвета, а также вкуса и заодно смысла?

— Думаешь, что понял нас, человек? — совершенная изящным движением отвела лиловую прядь за ухо. — Не льсти себе. Хотя в чем-то ты прав. Вы всю жизнь карабкаетесь, надеясь оказаться выше себе подобных. Разбогатеть, прославиться, заполучить самую красивую женщину. Поражения отравляют ваше существование, зато победы делают его слаще. Да и само стремление достигнуть поставленной цели, преодоление препон, каждый маленький успех на долгом и тернистом пути — все это наполняет вас воодушевлением и радостью, которые тегнари познать не дано, — она развела руками. — Ваше несовершенство в чем-то превозносит вас над совершенными, как бы бессмысленно это ни звучало. Иные из нас настолько жаждут ваших радостей, что бросают Граайю, дабы испытать неизведанные страсти в чужом краю. Хотя это и стоит им большой части могущества, ибо за Темным морем наши силы совсем не те, что здесь. Вдали от родины приходится довольствоваться магией теней — той самой, к которой мы приобщаем шургатских колдунов. Но даже и она приносит скитальцам столь желанный им почет, восхищение, преклонение, недоступные среди других тегнари. Правда, платой за это является старение и даже смерть. Многие, наигравшись, возвращались обратно, не желая превращаться в людей.

— Так вот в чем причина вашего совершенства! — воскликнула Тэсс. — Дело не в вас, а в Граайе! А магией теней обладает та же Энлил.

— Тенями могут повелевать лишь те, кого мы посвятили в тайны этого искусства.

— Неважно, — отмахнулась девушка. — Значит, источник как вашего могущества, так и вашего бессмертия — сама Граайя.

— Думаешь, открыла великую тайну мироздания? — тегнари скривилась. — Нам это известно. Но что это меняет? Мы, рожденные на волшебном материке — тегнари, а вы — люди. Между нами пропасть!

— Между нами лишь Темное море, — возразил король. — Впрочем, это не имеет значения. Даже имея я возможность жить вашей жизнью, я бы отказался. Удивительно, но и бесконечное могущество может обернуться тоской и отсутствием смысла существования. Мне важно другое. Есть ли среди вас те, кто не желает обновлять свою память в качестве борьбы со скукой? Неужели нет ни одного тегнари, помнящего мир со времени его рождения? Кстати, а вы вообще рождаетесь?

— Тебе стоило сформулировать вопрос иначе, король, — тегнари тряхнула головой, отбрасывая цветную гриву назад. Похоже, Уивинорэ нравился себе в женском образе и явно любовался собой. — Хочешь знать, можем ли мы иметь детей? Можем, но не хотим. Мы слишком умны, чтобы не понимать, какую цену нам придется платить за новых совершенных. Мы бессмертны, а Граайя хоть и велика, но не безгранична. Будь тегнари одержимы чадолюбием, мы давно захватили бы мир, чтобы дать простор нашим детям и внукам.

— Ну конечно! — не страдая Тэсс так сильно, она бы рассмеялась. — И вас бы не смутило то, что вдали от родины вы теряете могущество, стареете и умираете. Признайтесь уж честно, что просто боитесь увеличения количества тегнари.

— Не боимся, а не желаем, — упрямствовала совершенная. — Те, кто все же решился из скуки обзавестись потомством, очень скоро поняли, что жизнь от наличия детей не начинает играть новыми красками. Учить их и помогать постигать собственное могущество было интересно, с другой стороны, с людьми еще забавнее.

— О да! — ядовито воскликнула Лотэсса. — Мы для вас что-то вроде забавных зверушек.

— Да, — совершенно спокойно подтвердила тегнари. — Как вы понимаете, к собственным детям мы не могли относиться подобным образом. В общем, от скуки дети помогали плохо. У нас нет запрета на деторождение, ибо мы не желаем навязывать друг другу какие бы то ни было правила. Однако на моей последней памяти я не знаю ни одного безумца, решившего обзавестись ребенком.

— Все оттого, что вы не умеете любить, — в голосе короля не было пафоса или упрека, он просто оглашал свой вывод. — Каждый из вас сосредоточен лишь на самом себе. Для любого из тегнари все прочие бесполезны, ибо над ними невозможно возвыситься. Другое дело люди! Их подобоострастие питает вашу жажду подтверждения собственного совершенства. Вы совершенны лишь по отношению к людям, но не друг к другу. Для того чтобы проявлять себя у нас, тегнари нужны изрядная смелость и самоотвержение. То есть надо дойти до предела скуки, за которым большинство предпочитает просто стирать память. Именно поэтому вы с таким рвением беретесь обучать шургатских колдунов. Ваше бескорыстие отнюдь не бескорыстно.

— Ты все сказал, человек? — к своему удивлению, Тэсс обнаружила, что Уивинорэ успел вернуть свой прежний облик. — Ты прав. И что с того? Разобравшись в сущности тегнари, полагаешь себя очень умным? Зря! — в голосе совершенного явственно звучало злорадство. — Хотя мы заперты на Граайе, зато мы будем здесь жить вечно, пусть и страдая от скуки и вынужденного равенства, а вы со своими прекрасными страстями пожрете друг друга, как бешеные животные.

— Еще недавно ты говорил, что тебе жалко наш мир. Хотя по мне — считать Граайю каким-то отдельным миром слишком самонадеянно и не очень-то разумно.

— Говорил, — последнюю часть фразы Уивинорэ, похоже, пропустил мимо ушей. — Но это было до того, как вы начали копаться в природе совершенных и выискивать в нас изъяны. Вы словно наслаждаетесь, копошась в нашей боли.

— Вы не способны испытывать боль, — парировал король.

— Зато вы способны! Если не прекратишь дерзить, то я воспользуюсь этим обстоятельством. Причем начну с твоей ненаглядной Лотэссы, — тегнари решил опуститься до угроз. — Да, меня гложет досада от того, что я не могу достичь могущества, выходящего за пределы возможностей других тегнари. Но я ишу его. Именно поэтому не обновлял память уже почти тысячелетие.

Тэсс не собиралась молча выслушивать угрозы и откровения хозяина. Дайриец, очевидно, переживая за невесту, решил придержать язык. Но сама девушка не боялась. Нет боли страшнее пережитой пару часов назад. С этим могла сравниться лишь смерть Эдана, а дважды его убить не под силу не то что Уивинорэ, а даже самому Изгою.

— Так чего же ты хочешь? — спросила она у тегнари.

— Жить среди людей, оставаясь совершенным, — Уивинорэ снизошел до ответа. — Не старея, не теряя в могуществе и уж точно не умирая.

— В таком случае мы нужны тебе не меньше, чем ты нам!

Глава 6

Молодец, догадалась! Слова девчонки лишь озвучили то, о чем Уивинорэ сам мучительно думал. Эти люди разбередили его заветные мысли. Как давно совершенный хотел вырваться за пределы своего материка! Сама по себе Граайя была прекраснейшей из темниц. Лианис, Моирра и Нитта соперничали между собой в степени завораживающей красоты. Три государства без власти, законов и деления на города, каждое из которых могло похвастать как дивной природой, так и восхитительными творениями тегнари. Время от времени в облике этих стран что-то менялось, ибо совершенные, умея подчинять себе реальность без малейших усилий, с удовольствием пользовались своими возможностями. Но любые перемены шли только на пользу Нитте, Моирре и Лианису. Нет, ради пустой жажды перемены мест никогда бы не стал Уивинорэ покидать родную Граайю, поскольку в целом мире не найти ничего прекраснее. Шургат — лишь жалкая тень, подражание величию и совершенству Граайи, а серая мрачная Дозья и подавно ничего собой не представляет. Никогда бы не пришла Уивинорэ в голову идея оставить родину, если бы совершенные земли Граайи не имели одного существенного изъяна — они были созданы и населены тегнари. Созданиями, достойными всяческого восхищения, но не умеющими восхищаться. А Уивинорэ жаждал чужого восхищения, и преклонения, и даже власти, которую на словах так презирал. Все это могли дать только люди, потому-то интерес совершенного к ним был так силен.

А эти двое и вовсе особенные. Как дерзко они себя ведут. Как легко разобрались в сути тайного недуга совершенных. И дело ведь даже не в их знатности и влиятельности у себя на родине. Дело в том, что они — с Дозьи. Это шургатцы передают рассказы о тегнари как тайное знание и видят в тех, кто живет за Темным морем, чуть ли не богов. Впрочем, в этом они недалеко от истины. Шургатские колдуны питают к совершенным подлинное благоговение. А жители далеких стран Дозьи с их чуждой культурой имеют о граайцах весьма смутное представление. Не имея тысячелетней традиции почитания совершенных и впервые столкнувшись с тегнари, они отнеслись к нему, как к равному. Разумеется, это вопиющая наглость, но именно незамутненное свежее восприятие позволило эларскому королю и его невесте прийти к нелестным для тегнари, но в общем-то верным выводам.

Вопрос в том, что со всем этим делать. Не с людьми. Им-то Уивинорэ, несмотря на угрозы, не собирался причинять вреда. Напротив, едва увидев эту странную парочку на корабле, он решил, что они могут быть полезны. Куда сложнее решить, как относиться к возможной гибели их мира. И верить ли в то, что они говорят о Странниках. Если они правы, то он напрямую заинтересован в том, чтобы помочь отыскать эту самую Маритэ, в само существование которой пока верится с трудом. Закат их мира не станет для него концом собственного, но в то же время мечты о собственной исключительности и величии придется забыть навсегда. Нет уж! Если он хотя бы не попытается отыскать эту богиню и спасти людей, то никогда себе не простит. Разумеется, люди представляли ценность не сами по себе, а лишь как существа, способные оценить бесконечное величие и превосходство тегнари над собой. Маритэ стоит отыскать хотя бы для того, чтобы со временем занять ее место в людских сердцах.

— Чего вы от меня хотите? — обратился Уивинорэ к королю и девушке.

— Помогите нам отыскать Маритэ, — ответила Лотэсса. — Или хотя бы тегнари, которые не обновляли память с тех времен, когда Хранители Анборейи жили открыто на вашем материке.

— Не уверен, что в этом есть смысл, — покачал головой совершенный. — Даже если мы найдем таких тегнари, думаете, ваша богиня отчитывалась перед ними, решив покинуть наш мир? Полагаете, она перед уходом сказала, где ее искать в случае надобности? Кстати, почему, велев тебе отправляться на Граайю, Маритэ не сообщила, где именно ты можешь ее найти? — обратился он к девушке.

— Спросите лучше у нее, — огрызнулась в ответ Лотэсса. — Хотя у меня тоже есть вопросы, которые я желаю задать созидательнице, если мне доведется увидеть ее в реальности или хотя бы во сне.

— Ладно, оставим странности вашей богини, — Уивинорэ махнул рукой. — В любом случае, не вижу смысла разыскивать тех, кто помнит Странников. Если бы таковые

имелись, то знания о звездных путниках не были бы тайной, а сами они не считались легендой. Напротив, имей мы надежду разыскать хоть кого-то из Странников, поверьте, давно бы это сделали или хотя бы попытались. В общем, никого мы искать не будем.

Уивинорэ не был столь уверен в своих словах, как хотел показать. На самом деле тегнари не очень любили делиться знаниями друг с другом. Вполне возможно, что кто-то ведал о Странниках. Но, обладая сам Уивинорэ подобным знанием, ни за что не стал бы им делиться с другими. Кроме того, совершенно незачем поднимать шум вокруг Маритэ. Если удастся найти богиню, тегнари хотел один воспользоваться теми преимуществами, которые можно извлечь из подобного знакомства. Однако людям об этом знать вовсе не обязательно.

— То есть я хотел сказать, что мы не станем искать совершенных, хранящих память с незапамятных времен. А Страницу найти попробуем. Но другим способом.

— Каким? — оба задали вопрос практически хором.

— Не догадываетесь? — Уивинорэ победно улыбнулся. — Вы забыли про мои зеркала!

Предложив эту в сущности простую, но гениальную идею, тегнари вглядывался в лица собеседников, желая насладиться произведенным эффектом. Те и вправду выглядели впечатленными, хотя слов восхищения изяществом и простотой решения не выражали. Сколько же в них все-таки заносчивости. Если бы все люди были такими, то не стоило бы искать жизни среди них. Но особы королевских кровей — что с них взять... Кроме того, оба слишком расстроены событиями в столице Элара и страшной гибелью близких людей, чтобы задуматься о своем поведении.

— Пойдемте скорее, — девушка горела нетерпением.

— Не торопись, — осадил ее тегнари. — Ты совсем недавно чуть не погибла, лишь благодаря мне избежав ужасной участи стать жертвой зеркала. И тут же рвешься обратно.

— Разумеется. Я здесь лишь для того, чтобы найти Маритэ. А чуть не погибла я уже много раз. Если бы это меня останавливало...

— Уивинорэ прав, — вмешался король. — Я не позволю вам вновь отправиться к зеркалам, Лотэсса. Вы слишком порывисты и порой совсем не умеете себя сдерживать. Я не могу рисковать вами.

— То есть как это — я не пойду? — вскинулась девушка. — А кто тогда пойдет?

— Сегодня — никто, — разочаровал обоих спорщиков Уивинорэ. — Зеркала созданы особым видом магии, отличной от той, что существует внутри совершенных. Их магия исчерпаема и восполнима. Показав сегодня вашу столицу, зеркала будут восстанавливаться по меньшей мере двенадцать часов, да и вам не мешало бы набраться сил.

Тегнари врал. Зеркала могли показывать различные картины прошлого и настоящего сутками напролет. Просто он желал один, без этих самоуверенных дойцев взглянуть на Страницу. Нужно во многом разобраться, взвесить, обдумать, а эти двое по большей части только мешают.

Вновь представ перед гостями в образе радушного хозяина, совершенный предоставил каждому из них роскошную спальню. Обе комнаты имели выход в сад, где среди тенистых деревьев скрывался глубокий бассейн с кристально-чистой водой, которая в зависимости от желаний купающихся могла становиться то теплой, то прохладной. Кроме того, тегнари создал для короля и его невесты точные копии тех нарядов, что были на них, только совершенно новые. В этот раз люди снизошли до благодарности, особенно девушка. Их вполне можно было понять, одежда на обоих выглядела изрядно потрепанной, грязной, местами рваной и порядком перепачканной кровью. Совершенному с самого начала неприятно было созерцать подобное безобразие, но слишком уж его заинтересовала эта парочка, а, главное, содержание странных речей, которые они вели. Что ж, разобравшись с главным, можно позаботиться и о мелочах. Лотэсса, поняв, что прямо сейчас она не сможет приблизиться к своей цели, вновь

сникла и будто разом лишилась сил. Очевидно, девушку удерживало от отчаяния изыскание и обсуждение путей добраться поскорее до Маритэ, пусть теперь она и руководствовалась ненавистью. Когда же Уивинорэ охладил ее пыл, бедняжка, должно быть, вновь вспомнила ужасные сцены и погрузилась в свое горе. Жизнь словно оставила ее. На этот раз совершенный не стал переносить гостей в их комнаты, предоставив королю возможность позаботиться о своей спутнице. Он лишь объяснил, какие двери ведут из атриума в их спальни.

Покончив наконец с долгом гостеприимства, тегнари поспешил в заветный зал. Встав на рисунок между зеркалами, Уивинорэ мысленно пожелал увидеть Странницу по имени Маритэ. Отдавая приказ волшебным зеркалам, тегнари впервые — по крайней мере, на своей последней памяти — испытал сильное волнение. И повод для переживаний имелся достаточно весомый. Еще бы, сейчас ему предстоит увидеть ту, что превосходит совершенных по силе и могуществу.

Темная поверхность заколыхалась, стекло стало подобно воде. Уивинорэ очень любил этот момент, ибо в этот миг он лучше всего чувствовал таинственную магию зеркал. Они словно просыпались, оживали. До того, как стать простым инструментом исполнения его воли, зеркала жили собственной жизнью. Их глубины пугали и манили одновременно. Не то чтобы тегнари всерьез опасался своего же творения, но что-то завораживающее в зеркалах, что-то неподвластное ему будоражило воображение совершенного.

Но темнота уже постепенно стала светлеть. Тегнари ждал, что вот-вот поверхность станет серебристо-серой, а затем проявятся краски, однако этого почему-то не происходило. Какое-то время Уивинорэ не понимал, в чем дело, пока не догадался, что зеркала показывают темноту. Не ту жутковатую темноту их призрачных глубин, а обычную темноту, какая может царить глубокой ночью или в помещении, лишенном окон. Почти с замиранием сердца тегнари ждал появления среди этой тьмы Странницы, но ничего не происходило. Ожидание затягивалось, но Уивинорэ отчего-то даже мысли не допускал, так и не увидит Маритэ.

Однако время шло, а вид за гранью стекол так и не менялся. Испытав разочарование и даже гнев, Уивинорэ все же пришел к неутешительному выводу, что Странница настолько сильна, что способна скрыть себя от чар совершенных. Осознание этого было почти унижительным. Она так сильна, что даже не допускает его к себе... или ее просто не существует. Второй вариант больше устраивал тегнари, не желавшего потерпеть поражение от звездной путницы, даже не вступив в бой. Темнота, правда, смущала его. Если бы Маритэ была выдумкой, зеркала, скорее всего, не ожили бы вовсе, а тут эта странная темнота. Тегнари не знал, что и думать, и это его очень злило. По крайней мере, одного он добился. Накал эмоций, которых он не испытывал давным-давно, за один единственный день превысил все самые смелые ожидания. Однако по большому счету добивался Уивинорэ не этого.

Как жаль. Ведь на призрачном допущении существования звездной путницы он уже успел выстроить вполне реальные планы. Что ж, не ему одному расстраиваться. Девчонка разочаруется куда сильнее, да и король, надо думать, тоже. Прodelать такой путь, чтобы убедиться, что никаких Странников на Граае нет. Что же с ними делать? Отправить домой? Но это означает отослать практически на верную смерть. С одной стороны, эти двое временами не на шутку злили Уивинорэ своей непохожестью на прочих людей, которых доводилось встречать тегнари. С другой, Валтор с Лотэссой вызывали сочувствие (насколько вообще совершенный способен переживать за кого бы то ни было) и даже чем-то нравились. Хоть они и разочаровали его, Уивинорэ решил предложить королю с девушкой остаться его гостями. Пусть они чересчур проницательные и дерзкие, зато в обществе этих двоих он хоть какое-то время не будет скучать. Кстати, стоит взглянуть, что они поделявают, оставшись без хозяина. Тегнари не собирался наносить гостям визиты, вместо этого он обернулся ветром и устремился в сад, где надеялся застать доэйцев.

Он не ошибся в своих расчетах, оба действительно сидели в саду, на краю бассейна. Уивинорэ прошелся по кронам деревьев, всколыхнул воду, оказавшуюся ледяной, и утих, притаившись возле доэйской парочки. Девушка плакала, но не навзрыд, а беззвучно. Взгляд аметистовых глаз устремлен в одну точку, а лицо стало мокрым от слез. Валтор, обняв одной рукой Лотэссу за плечи, другой вытирал слезы, что, впрочем, было совершенно бессмысленно. Со стороны могло показаться, что девушка страдает куда

сильнее, чем мужчина, но тегнари понимал, что это не так. Душа короля болела из-за погибшего друга, гибнущей страны, и, кроме того, боль спутницы он ощущал как свою, если не сильнее. Он ведь хранитель, да еще и влюблен к тому же. Так уж в мире людей устроено, что женщины — слабые создания, нуждающиеся в поддержке и защите мужчин. Совершенный не понимал этого. Женщины тегнари не уступали в могуществе мужчинам, кроме того, любой тегнари мог по своему желанию и настроению становиться то мужчиной, то женщиной. При таком положении вещей довольно странно было проявлять рыцарские качества. Впрочем, подобное отношение к дамам процветает только на Дозье. На том же Шургате с ними никто не носит. Там женщины, владеющие магией, достаточно сильны, чтобы не нуждаться в защите и покровительстве. К прочим же мужчины относятся с пренебрежением. Но дойцы — совсем другое дело. Относиться всерьез к подобным традициям тегнари не мог, но находил проявления рыцарства довольно трогательными. Он спустился еще ниже, чиркнул невидимым прикосновением по мокрой от слез девичьей щеке. Тэсса инстинктивно дотронулась кончиками пальцев до места, которого коснулся ветер.

— Зачем теперь все? Зачем? — всхлипывала девушка.

— Думаю, в этом все-таки должен быть какой-то смысл, — не слишком уверенно ответил Валтор. — В любом случае, нам стоит встретиться с Маритэ. И, знаете, Тэсса, на вашем месте я бы не начинал разговора с богиней с претензий. Не думаю, что ей самой легко и приятно созерцать гибель созданного ею мира. Раз она не предотвратила это, значит, не могла.

— Она же богиня! — вскричала Лотэсса. — Созидательница!

— Но для чего-то богине понадобилась ваша помощь, — напомнил король. — Ведь почему-то среди всех смертных Маритэ выбрала именно вас. Не просто же так она велела вам отправляться на Граайю и отыскать ее.

«Среди всех смертных она выбрала именно вас»... Вот и ответ! Уивинорэ поразился собственной недогадливости. Вот она, причина, по которой он не смог увидеть Странницу. Маритэ по каким-то своим причинам решила явиться именно Лотэссе, а потому в зеркала должна смотреть именно она. И зачем только он не позволил людям пойти с ним? Теперь, поддерживая собственную ложь, придется ждать завтрашнего дня. Искушение заставить Лотэссу отправиться к зеркалам именно сейчас было велико, но Уивинорэ сдержался. Чтобы как-то себя занять и не предаваться томительному ожиданию, тегнари решил всю ночь скитаться в образе ветра. Это состояние нравилось ему, а потому отлично подходило для того, чтобы скоротать время.

Всю ночь тегнари кружил над пустынными пляжами, закручивал петли вокруг шпилей прекрасных замков, качал верхушки деревьев темных таинственных лесов. Но едва солнечный диск окрасил золотистым сиянием облака на горизонте, ветер-Уивинорэ поспешил домой. К своему удивлению, тегнари застал гостей в саду, там же, где оставил их. Валтор и Лотэсса по-прежнему сидели на краю бассейна. Девушка спала, ее голова покоилась на плече короля. На бледном усталом лице Валтора застыла маска скорби. Однако жалеть измученных горем и усталых людей совершенный не собирался. Он и так дал им довольно времени, чтоб отдохнуть, и не его вина, что дойцы потратили его столь бестолково. Уивинорэ, уже вновь принявший привычный облик, решительным шагом направился вглубь сада. Король, завидев его, встрепнулся, и девушка мгновенно открыла глаза.

— Вы готовы узнать, где скрывается ваша Маритэ? — тегнари говорил бодрым голосом, демонстративно не обращая внимания на несчастный вид своих гостей.

— Готовы, — кивнула Лотэсса. — Чем скорее мы приступим, тем лучше.

— Но вы совсем не отдохнули, — нахмурился король.

— У вас была на это целая ночь! — возмутился Уивинорэ. Впрочем, тегнари тут же раскаялся. Не стоит давать им понять, как сильно он заинтересован в поисках богини. Люди должны считать, что он помогает им достичь цели, а не наоборот.

— Ты прав, — девушка явно разделяла его нетерпение, или просто бездействие усиливало ее страдания. — Идем к твоим зеркалам.

— Зачем же идти? — самодовольно улыбнулся совершенный.

И они тут же оказались в зеркальном зале. В качестве награды за то, что Лотэсса не стала артачиться, Увинорэ наложил на обоих чары, позволяющие чувствовать себя бодрыми и полными сил, как после целой ночи отдыха. Однако, похоже, они просто не обратили на это внимания либо не поняли причину внезапного улучшения состояния.

— Лотэсса, сосредоточься на том, что ты хочешь увидеть. Ты одна! Твоя богиня хотела видеть лишь тебя. Значит, и откроет свое местонахождение тебе.

Девушка, стоящая в центре мозаики, и без того выглядела чрезвычайно сосредоточенной, поочередно вглядываясь то в одно, то в другое зеркало. Но, к разочарованию тегнари, за стеклом царил все та же темнота. Хотя нет, не та же. Теперь в этой темноте можно было разглядеть яркие звезды и морские волны, набегающие на берег. И еще что-то, что совершенный поначалу принял за лунную дорожку. Вглядываясь в серебристое сияние, Увинорэ различил контуры небольшой лодки.

— Где это? — спросила Лотэсса.

Вопрос логичный, но если бы совершенный еще знал ответ! Можно, конечно, вновь обернуться ветром и облететь весь материк по берегам, выискивая серебристую лодочку. Но даже для ветра на это понадобится довольно много времени. От обдумывания зародившегося плана тегнари отвлек новый вопрос девушки.

— Почему там ночь?

Надо же! А он и не обратил внимания на это обстоятельство. Солнце уже взошло, и на всей Граае не было уголка, находящегося во власти ночных звезд. Значит, пытаться добраться в это неведомое место обычным путем бесполезно. Есть только один способ, но это чистое безумие...

— Если шагнуть в зеркало, я смогу оказаться там? — голос Лотэссы звучал совершенно бесстрастно, будто перспектива шагнуть за грань зеркала ее совсем не пугала.

— Не вздумайте, — Валтор рванул к невесте.

— Стойте на месте, — теперь Лотэсса приказывала. — Я все равно сойду с этого рисунка, и наш совершенный друг не помешает мне. Я должна это сделать. Другого пути нет. Так ведь? — она обратилась к тегнари. — Именно для этого я оказалась здесь. Не останавливайте меня.

— Ты не понимаешь, — совершенный был готов остановить девушку снова прежним способом, но не мог решить, хочет ли этого. — Шагнув к зеркалу, ты можешь оказаться в этом месте, которое расположено неизвестно где, а можешь навеки сгинуть в зеркальных глубинах. Там ты будешь блуждать, пока не погибнешь или сойдешь с ума от ужаса.

— Пусть, — отчаянная девчонка была непреклонна. — Мне нечего терять. Я рискну. Валтор, спасибо вам за все, что вы сделали для меня. И я прощаю вам все зло, случившееся по вашей вине...

— Зато я себе ничего не прощаю, — отрезал король. — Я пойду с вами. К Маритэ ли или в темные зеркальные глубины. Я вас не оставлю, я же ваш хранитель. Кроме того, похоже, мне тоже больше нечего терять.

— У вас есть ваша Дайрия, — возразила девушка.

— Я оставил все, чтобы оберегать вас, безумием было бы теперь отпустить вас одну. Увинорэ, сделай так, чтобы я оказался рядом с ней.

Разумная просьба. На рисунке стояла одна Лотэсса, и попытка приблизиться к ней, сделав всего пару шагов, окончилась бы трагично. Тегнари перенес Валтора в центр мозаичного узора. Король тут же схватил руку невесты, словно опасаясь, что она все же отправится за зеркальную грань без него.

Тегнари имел несколько секунд на размышление. Отправиться с ними, рискуя вечно

скитаться в жутком зеркальном мире, или остаться, лишившись единственной надежды достичь своей цели? Сейчас совершенный не сомневался не только в существовании, но и во всеильности Странницы. Он готов был признать ее богиней, могуществом бесконечно превосходящей его самого. Уивинорэ не понимал, откуда взялась такая уверенность, но больше не сомневался в том, что Маритэ способна помочь ему исполнить мечту. Сомнения терзали его по другому поводу: готов ли он поставить на кон свою бесконечную жизнь. В этот момент существование в мире тегнари вовсе не казалось ему тягостным и скучным, напротив, его жизнь была похожа на волшебную сказку. Странно, что он осознал это лишь сейчас, находясь лишь в шаге от того, чтобы все изменить или вовсе утратить. Нет уж, не станет он ничего менять. Пусть отправляются без него к своей Маритэ или, что более вероятно, к своей гибели.

Глава 7

Сойдя с рисунка, Тэсс в первый момент ничего особенного не почувствовала. Она только собралась сделать шаг в направлении ближайшего зеркала, как в одно мгновение утратила всякое чувство пространства. Что-то похожее она испытывала в детстве, упав с лодки в реку, да еще так неудачно, что попала в водоворот. Ее тогда вытащили Эдан с Рейлором, причем довольно быстро, но самой девочке показалось, что прошла вечность. Тэсса не понимала, где дно, где поверхность реки, чувствовала лишь, что ее вертит и тащит куда-то с такой силой, которой просто невозможно сопротивляться. Сейчас было то же самое, только вместо зелени воды, подсвеченной солнечными лучами, вокруг царила густая и плотная тьма, что лишь усиливало ощущение полной потерянности и бессилия. Не успела девушка подумать, что это и есть конец, наступивший гораздо быстрее, чем предсказывал тегнари, как бешеное вращение прекратилось. Как только Лотэсса вновь обрела способность соображать и чувствовать, то поняла, что король по-прежнему держит ее за руку. На какое-то время она вообще забыла о его существовании, теперь же искренне порадовалась, что не одна среди этой кромешной тьмы. Несмотря на то, что кружение прекратилось, опоры под ногами по-прежнему не ощущалось, не говоря уже о стенах или потолке. Только клубящаяся вокруг темнота, которая почему-то казалась живой и разумной.

— Лотэсса? — позвал король, голос его звучал приглушенно.

— Да, — отозвалась девушка. — Я цела и невредима, впрочем, это служит слабым утешением в нашем нынешнем положении. Зря вы пошли за мной. Тегнари оказался прав.

— Зря я позволил вам решиться на это безумие, — возразил Дайриец. — Но раз уж мы оказались здесь, глупо висеть в пустоте.

— Что вы предлагаете? Пойти вперед? Но ведь тут даже пола нет.

— Возможно, он и не нужен, — и король сделал шаг, увлекая за собой Тэссу.

Идти оказалось не так уж и сложно. По ощущениям было похоже, будто находишься в воде, только не плывешь, а пытаешься двигаться в вертикальном положении, но при этом не требовалось преодолевать сопротивление воды. Через какое-то время путники ощутили твердую опору под ногами, и тут же почему-то стало заметно холоднее. Уже через несколько минут Тэсс трясло от холода, и Валтор крепко прижал ее к себе, чтобы хоть немного согреть. На миг девушка возмутилась подобной бесцеремонности, но тут же сочла подобную щепетильность просто глупой. Находясь внутри прожорливой зеркальной темноты, самое время подумать о правилах приличия, и без того многократно нарушавшихся ранее. Однако пол недолго оставался ровным и устойчивым. В какой-то момент земля под ногами качнулась, заставив людей потерять равновесие и упасть. Едва поднявшись, они тут же снова оказались на полу. Теперь стало ясно, что пол под ними не просто колеблется, а вращается. Протянув руки в стороны, путники наконец смогли нащупать подобие стен, но это открытие совсем не радовало. Стены явно имели скругленную форму. Дайриец, который был выше, смог дотянуться и до потолка, который, впрочем, потолком можно было назвать весьма условно. Стало ясно, что они находятся внутри круга, точнее, широкого кольца, которое непрерывно вращается. Причем количество колец одним не ограничивалось. То ли это была спираль, то ли кольца примыкали друг к другу, но, с трудом сделав несколько шагов вперед, люди ощутили, что направление вращения изменилось. Через некоторое время идти стало совершенно невозможно, они постоянно падали. Тэсса расшибла локти, колени и даже пару раз ударилась головой.

— Это бесполезно, — со злостью воскликнула она, в очередной раз больно приложившись плечом. — Мы не сможем пройти этот вращающийся коридор, кроме того, мы даже не знаем, есть ли у него конец.

— Предлагаете пойти назад?

Обмениваясь репликами, пленники зеркала не спешили встать в очередной раз. И тут они с удивлением обнаружили, что лежа продолжают вращаться и не сваливаются вниз. Впрочем, ни низа, ни верха не было видно. В какой-то момент девушка поняла, что висит

вниз головой, но только оттого, что волосы упали вниз с плеч и кровь прилила к голове. К облегчению Тэсс, это крайне неприятное ощущение быстро прошло, поскольку вместе с вращающимся кольцом они миновали высшую точку. Это было крайне странно — держаться, словно прилипшие, подобно каким-нибудь ящерицам или мухам, способным ходить по стенам и по потолку. Очевидно, коридор представлял собой все-таки спираль, ибо, еще несколько раз зависнув вниз головой, люди вновь оказались на твердой, устойчивой поверхности. Голова кружилась, но не так уж сильно. Не окружай их полная темнота, бесконечное вращение пейзажа, скорее всего, вызвало бы жуткое головокружение.

— Мы прошли, — с удивлением заметила девушка.

— Это значит, что нам стоит идти дальше, — отозвался ее спутник. — Поскольку здесь, похоже, только одна дорога, имеет смысл просто двигаться вперед.

Но не успели они сделать и десятка шагов, как густая темнота начала тускнеть, точнее, обретать краски. Разноцветные пятна постепенно обретали форму, а затем складывались в картины. Какое-то время в хаотичном мелькании различных сцен совершенно невозможно было ничего разобрать — так быстро они сменяли друг друга. Но вот мельтешение прекратилось, и перед людьми предстала картина какого-то сражения. Вид на бой открывался сверху, очевидно, с холма. Судя по всему, сражение было довольно жестоким, но разобрать всех деталей с такого расстояния девушка не могла, чему мысленно порадовалась, ибо отнюдь не считала себя любительницей кровавых батальных сцен.

— Что это? — спросила она, скорее просто чтобы что-нибудь сказать, чем надеясь узнать ответ.

— Битва при Латне, — глухо отозвался король.

Ах, вот оно что! Еще бы его величество не узнал своего триумфального сражения. У Тэссы сразу возникло инстинктивное желание отпрянуть от Малтэйра, в один миг он стал ей так же отвратителен, как прежде. Она постаралась высвободиться, но Дайриец держал ее крепко.

— Даже не пытайтесь, — жестко сказал он. — Что бы вы обо мне ни думали в этот миг, я вас не отпущу. Только не здесь.

Лотэсса хотела ответить что-то едкое и злое, но тут ее взгляд привлек всадник, показавшийся на вершине холма, с которого они наблюдали за ходом сражения. Даже со спины и в доспехах Тэсс узнала эту высокую худощавую фигуру.

— Эдан! — она вновь рванулась, на этот раз желая оказаться внутри изображения. Но король по-прежнему держал крепко.

Между тем всадник, в котором девушка узнала своего брата, снял шлем, и Лотэсса смогла увидеть бесконечно родное лицо. Узкий овал, темные вьющиеся волосы насквозь промокли и липли к щекам. Карие, как у матери, глаза, обычно такие веселые, сейчас смотрели устало и тревожно. Юноша принялся вертеть шлем в руках, очевидно, высматривая повреждения.

— Зачем?! — почти беззвучно пробормотал Дайриец.

— Что? — машинально спросила девушка.

— Зачем он снял шлем, стоя на возвышении? Это безумие!

Не успел король закончить фразу, как горло Эдана Линсара насквозь прошила стрела. Тэсса закричала и принялась судорожно биться в сжимавших ее мужских руках. Юноша выронил шлем из рук, и, как показалось Лотэссе, неестественно медленно стал заваливаться набок, падая с коня. Не успело тело ее брата коснуться земли, как изображение погасло.

Вновь погрузившись в темноту, девушка перестала кричать и вырываться, она словно оцепенела. Но при этом мысли в голове проносились с лихорадочной скоростью. Она ведь даже не знала, что Эдан погиб от случайной стрелы, да еще, как ни больно это

осознавать, по собственной беспечности. Назвать поведение брата глупостью Тэсс не посмела даже мысленно. Почему-то она до этого момента пребывала в уверенности, что Эдана пронзил вражеский меч в жестокой и неравной схватке. Во Фьерру, где вместе со многими другими рыцарями был похоронен Эдан, поехал лишь Оро. И, вернувшись, он не распространялся о подробностях кончины сына. Кроме того, Тэсса, сраженная известием о гибели брата, тогда несколько недель металась в горячке.

— Я отдал приказ аристократов по возможности брать в плен, а не убивать. До сих пор ломал голову, как погиб ваш брат, у которого на щите и доспехах фамильные гербы. Про молодого Таскилла я знал, его убил эн Гиайн. И выбор у одного из моих первых рыцарей был невелик — убить или погибнуть самому. Естественно, я предпочту пожертвовать врагом, а не своим верным воином. Но что Эдана Линсара снял особо ретивый лучник, до сего момента я не знал. Теперь понимаю, почему герой не спешил хвастаться своими заслугами. По крайней мере, мне об этом не докладывали.

— Не оправдывайтесь! — зло бросила Тэсса.

— Даже и не думал. Война есть война. Она несет смерть. Ваш брат проявил недопустимое легкомыслие и поплатился за это. Его собственные действия — главная причина его гибели. Воин не имеет права на подобную беспечность.

Король был прав. Но это ничего не значило. Он развязал эту проклятую войну, его лучник выстрелил в Эдана. Тэсс только собралась все это высказать Дайрийцу, как темнота снова ожила и явила очередную картину. На этот раз им показали королевский парк Нианона. К своему удивлению, девушка поняла, что главной действующей героиней является она сама. Лотэсса Линсар сидела на бортике фонтана, окунув руку в воду, пронизанную солнечным светом, играющим на кусочках разноцветной мозаики, которой было выложено дно. Рядом сидел Нейри. Принца сложно было назвать красивым, но черты его лица в целом казались довольно приятными, хоть и слишком мягкими и недостаточно правильными. Но когда лицо Нейри озаряла улыбка, он выглядел безумно обаятельно. Как раз сейчас, сидя подле невесты, младший Ильд улыбался. Неожиданно зрители услышали голос принца, тогда как все прежние сцены были молчаливыми, включая те, что зеркала показывали в присутствии Уивинорэ.

— Лотэсса, вода же, наверное, просто ледяная, — с шутливым укором сказал Нейри.

— Желаете проверить, ваше высочество? — зная Линсар рассмеялась и плеснула несколько горстей воды, забрызгав лицо, волосы и камзол жениха.

Девушка помнила эту сцену, произошедшую, кажется, где-то в конце весны. Война с Дайрией уже шла, но в Вельтане казалась чем-то далеким и несерьезным, скорее поводом для постоянных обсуждений, чем трагедией. Так, по крайней мере, воспринимала ситуацию Лотэсса. Судя по всему, настроение наследника престола ведущиеся в западных провинциях военные действия так же не слишком омрачали.

— А вы, оказывается, ужасно коварны, — не переставая улыбаться, заметил принц.

— Не то слово! — Тэсс, совсем расшалившись, брызнула в него еще пару раз. — Вы еще пожалеете, что решились связать со мной свою судьбу, ваше высочество.

Наблюдавшая за этой сценой Лотэсса почувствовала, как пальцы короля, лежавшие на ее плечах, напряглись, а затем стиснули руки девушки с такой силой, что ей стало больно. Но боль меркла перед ощущением злорадства. Она поняла, что стоящему рядом мужчине мучительно наблюдать сцену у фонтана, и внутренне порадовалась его страданиям, ибо сама только что пережила куда худшие муки, чем какая-то вспышка ревности. Разговор принца с невестой меж тем продолжался.

— Я никогда не пожалею об этом, Тэсса, — голос Нейри был исполнен нежности. — Я желаю лишь одного: чтобы и вы никогда не пожалели о данном согласии. Я так хочу сделать вас счастливой!

— Я и так счастлива, Нейри, — она прикоснулась пальчиками к мокрой светло-русой пряди принца и завела волосы ему за ухо.

В тот момент она и правда была счастлива и почти влюблена в жениха. Эдан был жив,

цвели сады, колдовской месяц Астели пьянил и делал все вокруг прекраснее. Зато кто точно не испытывал счастья, так это Дайриец, наблюдавший за обрученными.

— Хотите сломать мне кости? — поинтересовалась Тэсс, удерживаясь, чтоб не застонать от причиняемой боли. — Что это вам даст? Нейри Ильд давно мертв, казнен по вашему приказу.

— Ваш брат тоже мертв, — безжалостно ответил мужчина. — Но это не мешало вам ненавидеть меня, когда нам показывали, как он погиб, — король замолчал, задумавшись, но не дав Лотэссе придумать достойный ответ, продолжил: — А ведь в этом, пожалуй, все дело! Это они нарочно!

— Кто «они»? — не поняла Тэсс.

— Зеркала. Или, точнее, зеркало, коль скоро нас занесло в одно из них. Нам специально показывают картины, способные вызвать ненависть друг к другу, чтобы разлучить. Я отчего-то твердо уверен, что мне нельзя разжимать рук ни на секунду. Скорее всего, в этом случае нас вмиг расшвыряет по разным концам этой странной зеркальной реальности.

Мысленно девушка согласилась с королем. Пусть несколько минут назад она задыхалась от воскресшей ненависти, но остаться здесь совсем одной слишком жутко. Действительно, глупо позволять каким-то магическим предметам управлять собой.

— Лучше бы дурацкие темные стекляшки показали что-нибудь, что нам имеет смысл знать.

Зеркало словно услышало обращенные к нему слова, и перед людьми ожила очередная картина. Действие происходило в каком-то замке или даже дворце. Тэссе обстановка казалась незнакомой, но не Валтору.

— Это Одилаин — летняя королевская резиденция в Гизалее, — воскликнул он, разглядев просторную залу со сводчатым потолком и двумя рядами окон в изящных переплетах. — Только, очевидно, в прежние времена. Сейчас это помещение выглядит немного иначе. По крайней мере, детские колыбельки в зале Малого Совета не стоят.

И в самом деле, на возвышении в несколько ступеней находилась крошечная кровать, почти скрытая под пеной кружев. Возле колыбельки на коленях стояла женщина. Бледное, изможденное лицо, хранящее следы слез, растрепанные волосы, странное, довольное бесформенное одеяние, хотя явно из дорогих тканей.

— Королева Беанна?! — удивился Дайриец.

Когда в зал вошел высокий светловолосый мужчина с бородой, Тэсса поняла, что это король Дайр. В первую очередь, потому, что он был братом-близнецом короля Имрэ, портретами которого был увешан весь Нианон, не говоря уже об иллюстрациях в книгах, по которым ее учили. В юности похожие как две капли воды, в зрелости близнецы Ильды различались лишь тем, что Имрэ гладко брился, а Дайр отпустил бороду — как считали в Эларе, лишь для того, чтоб хоть чем-то отличаться от брата.

— Неужели ваше величество все же сооблаговолили взглянуть на сына? — в голосе женщины слышался горький упрек.

Королева Беанна склонилась к кровати и достала оттуда младенца, разглядеть которого под батистом и кружевами не представлялось возможным. Впрочем, это было и не нужно. Теперь-то они знали, что это может быть только принц Оритэн, от которого отрекся отец.

— Смотри же! — королева поднесла ребенка прямо к лицу мужа. — Это твое дитя! Твой первенец! Твой наследник! Как можешь ты лишать его всего, что уготовано ему судьбой?! Какое право имеешь отнимать у него будущее в угоду глупым ведьминым байкам?

— Ты сама привезла Суарейю, — мужчина отводил глаза, стараясь не смотреть ни на жену, ни на сына. — И знаешь, что ее предсказание истинно.

— А даже если и так? — с вызовом воскликнула несчастная мать, прижимая ребенка к груди. — Мир падет не завтра. Твой сын, да и внуки, а может, и их внуки смогут еще благостно править Дайрией. Что нам за дело до далекого будущего?

— Одумайся, Беанна! — сурово прервал ее муж. — Ты готова пожертвовать всей Анборейей ради радостей материнства?

— Готова! — в отчаянии крикнула королева. — Уж Имрэ-то с Ленорой не собираются жертвовать ни собой, ни своими детьми!

— Если кто-то пренебрегает своим долгом, разве это повод поступать подобно им?

Каменная непреклонность короля вызывала бешенство в Тэссе, наблюдающей эту сцену. И вовсе не потому, что ей было так уж жаль несчастную мать, и даже не потому, что она знала, чем все закончится. Просто он вел себя как твердолобый непробиваемый идиот, принимающий решения, абсолютно не считаясь с реальностью.

— Но у тебя двое племянников мужского пола! Какой смысл при этом лишать себя сына? Лишать меня сына! Если тебе безразличен этот ребенок, то мне — нет. Я мать!

— Оритэн не безразличен мне, — глухо отозвался Дайр. — Не думай, что я люблю его меньше, чем ты. Я знал, что это будет тяжело, и поэтому молил богинь о дочери. Но ведь мы не отказываемся от него и не отдаем на воспитание в пастушью семью. Оритэн останется расти во дворце, в семье твоей родной сестры. Ты будешь видеть его каждый день, а он будет любить тебя как тетку. Его ждет прекрасное будущее, я устрою мальчику самый лучший брак из возможных, у него будет все... кроме трона. Хватит лить слезы, Беанна!

— Действительно, хватит! — воскликнула Лотэсса, утомленная созерцанием тягостной семейной сцены. — Эти события для нас уже не новость. А лично смотреть на стенания королевы и неумолимость короля нет никакого желания. Или я неправа? — она обернулась к спутнику. — Быть может, вам куда интереснее наблюдать за вашими предками? Ведь для дайрийцев король Дайр это, наверное, как...

— Как король Имрэ — для эларцев, — подобрал за нее сравнение Валтор.

— Ну да, — согласилась Тэсс.

Пока они обменивались фразами, зеркало, словно обидевшись, перестало показывать королевскую чету основателей Дайрии.

— Раз уж здесь так или иначе прислушиваются к нашим желаниям, да еще и показывают легендарных Ильдов, — задумчиво проговорил Валтор, — то, может, расскажут, как Дренлелор, такой мудрый, справедливый и исполненный всяческих добродетелей, умудрился связаться с Изгоем? Раз уж именно клятва, данная Странником первому Ильду, вернула Дэймора к жизни, то очень интересно, при каких обстоятельствах эта клятва была дана.

Теперь уже оба практически не сомневались в своей способности повелевать зеркалами или в том, что зеркала таким образом играют с ними. Так или иначе, они были почти уверены, что сейчас получат ответ.

Зеркало решило не обманывать их ожиданий. На открытой площадке, нависавшей над обрывом, опираясь на каменные перила, стоял мужчина средних лет. За его спиной возвышался замок, казавшийся грозным и одновременно изящным. Ветер яростно трепал светлые волосы мужчины, перехваченные золотым обручем с рубинами и сапфирами. Даже если бы Тэсс не знала, кого пожелал увидеть ее спутник, легендарного основателя династии Ильдов она бы узнала без труда. Король Дренлелор. Только его портретов, пожалуй, было больше, чем изображений короля Имрэ. Интересно, вдруг подумалось девушке, а почему это их почитают чуть ли не наравне — основателя государства и того, при ком оно распалось на две части? По-хорошему, короля Имрэ стоило бы скорее порицать за подобный вклад в историю. Зато первый Ильд по праву считался образцом безупречности. Это был великий король и необыкновенный человек, если верить хроникам современников и многочисленным сочинениям потомков.

Дренлелор стоял, склонившись над пустотой, и смотрел вниз. Когда сзади него

появилась фигура, закутанная в синий плащ, неподвластный порывам ветра, король не обернулся.

— Здравствуй, Дренлелор, — незнакомец заговорил.

Голос его показался Тэссе поистине обворожительным, и она очень жалела, что не может увидеть лица Странника. В том, что перед ними Изгой, девушка не сомневалась.

Ильд резко обернулся. Увидев, кто перед ним, король преклонил колени, низко опустив голову в знак почитания. Неужели он служил Изгой, удивилась Лотэсса. Валтора, должно быть, терзала та же мысль, судя по его растерянному виду.

— Приветствую тебя, светлый Дэймор!

Ах, вот оно что! События, значит, происходили до падения Изгоя.

— Что привело тебя ко мне, Хранитель Анборейи? — почтительно поинтересовался король Элара, поднимаясь. — Прежде ты нечасто жаловал меня вниманием.

— Зато тебя никогда не обделяла вниманием Маритэ, — голос Дэймора звучал по-прежнему чарующе, но Тэссе почудилась язвительность или даже укор.

— Это правда, — Дренлелор снова склонил голову. — Созидательница добра ко мне сверх всякой меры. Я не заслуживаю ее благосклонности.

— Уверен, что заслуживаешь, король, — этот голос Тэсс была готова слушать вечно, хоть и знала, что он принадлежит самому ужасному существу во вселенной. — Маритэ вряд ли отличила бы недостойного человека, вручив ему власть над лучшими землями Дозэи. Ты, должно быть, уже знаешь, что мы с созидательницей в последнее время не во всем понимаем друг друга, — последние слова Дэймора прозвучали грустно и показались искренними. Впрочем, Страннику ничего не стоит притвориться.

— Да, я слышал об этом, — признался король. — Разлад в стане Хранителей Анборейи не может не печалить меня.

— Если бы ты знал, как он печалит меня, — порывисто воскликнул Изгой.

Все это время Странник стоял к зрителям боком, не предоставляя, к досаде Лотэссы, ни малейшей возможности заглянуть под капюшон.

— В нашей размолвке виноват лишь я один, я сознаю это. Если бы ты знал, как гнетет меня раскаяние за совершенную ошибку!

— Так скажи об этом Маритэ, — Дренлелор выглядел несколько сбитым с толку. — Уверен, она простит тебя, и меж вами вновь воцарится мир и согласие.

— Я бы рад, — Дэймор говорил вкрадчиво и доверительно, но Тэссе отчего-то чудилась фальшь. — Но светлая богиня не желает меня видеть, лишая возможности покаяться. Она не допускает меня к себе и не отвечает на мой зов. Что мне делать?

— Я не знаю, Хранитель.

Если Изгой рассчитывал на совет или помощь Ильда, он явно просчитался. Тот или не желал вмешиваться в дразги бессмертных, или действительно не понимал, что может сделать.

— Я пришел к тебе с просьбой, король, — Дэймор, может, и желал выглядеть просителем, но просьба его походила скорее на приказ. — Маритэ доверяет и благоволит тебе. На твой зов она точно откликнется. Призови ее! Это даст мне желанную возможность объясниться и примириться с нею.

Дренлелор колебался, и Странник, видно, решил подстегнуть его решимость.

— Ты не останешься без награды! И награда эта будет поистине велика. Если тебе или твоим потомкам, пусть даже самым отдаленным, когда-нибудь понадобится моя помощь, я помогу. Даю в том клятву звездного путника, которую невозможно нарушить. Все, что будет в моей власти и силах, сделаю я для тебя или любого Ильда, если ты сегодня

поможешь мне.

— Благодарю тебя, Странник. Но я выполню твою просьбу и без всяких наград и обещаний. Мир между Хранителями важен для всей Анбореи.

— И все-таки возьми, — с этими словами Дэймор протянул королю до боли знакомое девушке кольцо. — Чтобы призвать меня, довольно капли крови Ильдов, растворенной в кубке красного вина, и этого рубина.

Глава 8

Изображение погасло, вернулась темнота. Валтор с Лотэссой стояли, глядя друг на друга, никто не решался первым высказаться по поводу увиденного.

— Значит, кольцо, сгубившее Анборейю, было вручено первому Ильду за столь ничтожную услугу, — король покачал головой. — Кто бы мог подумать! Но важнее то, что Дренлелор получил подарок от Изгоя до того, как тот стал Изгоем, а значит, короля Элара не в чем винить.

— Ну конечно! — пылко возразила Тэсса. — А узнав о предательстве, он не мог выбросить кольцо? Или уж по меньшей мере не передавать потомкам с подробными инструкциями по вызову Изгоя?

— А вы так уверены, что падение Дэймора произошло при жизни первого Ильда?

— Тогда это должны были сделать его потомки, знающие историю страшного дара, — упорствовала девушка.

— Вспомните историю, Тэсса. Сын Дренлелора, Решевилар, являл собой полную противоположность отцу: властный, жадный до богатств и преклонения, невозддержанный и неумный. Как вы думаете, способен подобный человек отказаться от дара Странника, пусть и запятнавшего свое имя?

— Тогда почему он им не воспользовался? В то время это принесло бы неизмеримо меньше бед.

— Элар и так процветал благодаря заботам Дренлелора и, как мы теперь знаем, покровительству Маритэ. Должно быть, Решевилару так и не представилось достойного случая воспользоваться кольцом. У него и так было все, о чем можно только мечтать. Несмотря на бездарное правление, он всю жизнь пожинал плоды трудов своего великого отца.

— Может, вы и правы, — Тэсса испытывала смущение. Уроки истории никогда не вызывали в ней живого интереса, а потому она напрочь забыла, что представлял собой преемник великого короля. — В любом случае теперь мы знаем немного больше. Только что толку нам в этом знании? Какая теперь, в конце концов, разница, как проклятый рубин попал к Дренлелору? Я уже порядком устала от этих бесполезных картинок. Почему бы любезному зеркалу не показать нам Маритэ?

«Любезное зеркало» словно задумалась ненадолго, а затем явило взору зрителей ту самую комнату, где Лотэсса побывала во сне. Богиня, именно такая, какой запомнила ее Тэсс, сидела в глубоком кресле, больше напоминающем трон. В этот миг Маритэ не выглядела величественной, скорее, казалась маленькой и хрупкой. Она, как ребенок, подобрала под себя ноги и куталась в длинную вуаль. Внезапно богиня, словно почувствовав чужое присутствие, подняла взгляд и посмотрела так, как будто могла видеть Тэссу со спутником. У девушки создалось впечатление, что Маритэ смотрит ей прямо в глаза. Вряд ли так оно и было, но это странное ощущение побудило Тэсс заговорить со Странницей, словно та могла слышать.

— А вот и сама богиня-созидательница! — ядовито воскликнула она. — Созидательница, равнодушно взирающая, как гибнет ее мир. Зачем тебе я? Ведь это я тебе нужна, а не ты мне. Мне от тебя ничего не нужно! Но между тем я прошла полмира... то есть мы прошли, — девушка оглянулась на короля. — Мы столько преодолели, чтоб выполнить твою волю, даже не будучи до конца уверены, что ты существуешь. А ты даже не соизволила защитить тех, кто нам дорог! И теперь мы — пленники зеркала тегнари, а ты будешь безмятежно взирать, как мы плутаем в темноте и сходим с ума? Если я все еще нужна тебе, ты вытащишь нас отсюда, причем немедленно! А если нет — будь добра, убей меня прямо сейчас. Прояви милосердие, хотя оно тебе вроде бы и не свойственно.

— Лотэсса, одумайтесь! — прервал ее тираду Дайриец.

— Нет, пусть она одумается, — девушка кивнула в сторону Маритэ, все еще внимательно наблюдающую за ними, по крайней мере, так казалось. — А мне все это надоело до смерти! Неужели ты совсем ничего не можешь, всемогущая? Даже вытащить нас из

этого зеркала, куда мы сунулись ради тебя?

Богиня, естественно, не ответила. Лишь едва заметно наклонила голову, кивая в ответ то ли гневным словам Лотэссы, то ли каким-то своим мыслям. Затем Маритэ поднялась со своего кресла, сделала шаг в направлении людей и... исчезла. Но через мгновение на смену комнате явилась другая картина — та самая, что они видели в доме Уивинорэ. Звездная ночь, берег моря и серебряная лодочка без весел, мерно покачивающаяся в набегающих волнах. Тэсса вдруг испытала горячее желание шагнуть навстречу изображению, погрузиться в него. Как и в прошлый раз, картина манила ее, и невозможно было устоять перед этим зовом. Не успела девушка сказать спутнику, что они должны идти туда, как он сам сделал шаг в направлении изображения, увлекая ее за собой. Очевидно, Дайриец чувствовал то же, что и она. Будет ужасно обидно, если это окажется лишь очередной призрачной ловушкой коварного зеркала.

Но уже через пару мгновений теплый ветерок ласкал ее лицо и играл волосами. Под ногами мягко проседал песок, забиваясь в туфли. Король наконец-то разжал руки, тем самым признавая, что опасность миновала. Тэсс от неожиданности шлепнулась на землю, но это обстоятельство вместо того, чтобы вызвать досаду, только рассмешило девушку. Она смеялась, пропуская влажный песок между пальцами. Валтор опустился рядом.

— Мы свободны, — сказал он, убирая волосы от лица. — Маритэ вытащила нас. Впрочем, непонятно почему мы не могли оказаться тут сразу же, как только ступили в зеркало.

— Чего ж тут непонятного? — усмехнулась Тэсса. — Благостной богине нравится играть с нами, как кошке с мышатами. Видно, ее забавляют людские страдания. Маритэ, должно быть, полагает, что мы тут же заберемся в лодку и отправимся к ней. Но я намерена прежде насладиться этим местом, где есть краски, звуки, воздух, в конце концов.

— Не стану спорить, — согласился король. — Хотя и затягивать я бы не стал.

— А куда нам теперь спешить? — смеяться больше не хотелось. — Понятия не имею, что делать после встречи с Маритэ. Будь у меня выбор, я хотела бы вернуться в Норту.

Чтобы спокойно умереть, добавила она про себя. Теперь, когда Энлил, скорее всего, мертв, король не сможет совершить убийство, ценой которого хочет выкупить жизнь своей невесты. А у Маритэ она не станет просить исцеления. Ей действительно ничего не нужно от богини, кроме одного: чтобы та наконец оставила ее в покое.

— Что бы там ни было, одну я вас никуда не отпущу, Тэсса, — Дайриец взял ее за руку. Так нежно, будто не он давеча оставлял синяки на ее плечах.

— Почему? — она знала ответ, но хотела его помучить... или услышать еще раз о его любви. — В политической свадьбе больше нет смысла. Хотя в чем он теперь есть?

— Думаю, я найду, куда приложить силы. А вы все равно останетесь со мной.

— Отчего вы так уверены? — вскинулась девушка. — Разве я ваша пленница?

— Нет. Вы — моя хранимая, — он улыбнулся. — И моя любимая.

— Вы знаете, что между нами всегда будет развязанная вами война, — с печалью произнесла Тэсса. — Та самая, которая не только убила моего брата, но и стала причиной, пусть косвенной, всех ужасных событий. Неужели вы не рассказываете в том, что начали эту кампанию? Знай вы заранее, как все сложится, неужели и тогда решились бы захватить Элар?

— Как вы думаете, куда завела бы Элар власть Йеланда Ильда? — Дайриец предпочел не отвечать прямо на вопрос.

— Сколь бы сильно не ухудшилось положение Элара под властью законного, — она выделила это слово, — короля, никогда бы моя страна не оказалась на краю гибели вместе со всей Анборейей. Я просто не могу поверить, что вы не жалеете о развязанной войне.

— Я поступил, как требовал от меня мой долг.

— И поступили бы так снова?

— Представься мне шанс что-то изменить, я бы приставил на поле боя охрану к вашему брату, чтоб Эдан Линсар не получил даже случайной царапины. А к вам посватался бы до начала военных действий. Не думаю, что ваша честолюбивая матушка не предпочла бы эларскому принцу дайрийского короля. Тогда к началу войны вы были бы уже моей женой...

— И что?! — девушка задохнулась от возмущения. — Думаете, в этом случае я бы простила вторжение в мою страну? Или, может, даже была бы с вами заодно?

— В любом случае, все было бы иначе, — уклонился от прямого ответа Дайриец.

Девушка замолчала. А что она ждала услышать? Что ради нее Малтэйр отказался бы от своих захватнических планов в отношении Элара? На самом деле Тэсс хотела именно такого признания и злилась на себя за то, что слишком хорошо это понимала. Хуже, что король, похоже, тоже понимал.

— Я бы очень хотел сказать вам, что ради ваших прекрасных глаз я не начал бы войну, сделавшую нас врагами и лишившую меня шанса завоевать вашу благосклонность. Я бы даже мог сказать вам это сейчас. Но я бы солгал. В объединении некогда разделенных государств я видел свой долг правителя. Этим же жили мой отец и дед.

— И вы так же казнили бы Ильдов? — она понимала, что лучше закрыть эту тему, что сейчас совершенно неподходящее время, и все же продолжала допытываться.

— Йеланда — безусловно, — жестко ответил мужчина. — Насчет вашего любимого принца... — голос Валтора дрогнул. — Возможно, я бы решился оставить ему жизнь при условии публичного отречения от права наследования и принесения присяги.

— А затем отправили бы в глушь, томиться в какой-нибудь крепости?

— Я не такой глупец, чтобы оставлять без надзора наследника престола, пусть даже и отрекшегося. Напротив, я держал бы младшего Ильда при дворе, устроил бы ему брак с высокородной дайрийкой...

— Нейри ни за что бы не согласился! — пылко воскликнула Тэсса, но тут же пожалела о своей горячности.

— Ну разумеется, — язвительно протянул король. — Ваш Нейри не женился бы ни на ком, кроме вас... даже если бы это решение стоило ему жизни.

— Оставим этот разговор, — потребовала девушка, которая сама же его и начала.

— Действительно, глупо сейчас обсуждать, как все могло бы сложиться, учитывая то, как все сложилось на самом деле.

И все-таки Валтор неправ в своем упорстве, подумала Тэсса. Ведь именно дайрийское вторжение напугало Йеланда так, что заставило прибегнуть к кольцу Изгоя. Впрочем, это давным-давно было предсказано и случилось бы так или иначе. С другой стороны, не захвати Малтэйр Вельтану, она бы никогда не узнала его. И что с того? Подумаешь, какое ценное знакомство! Век бы его не знать — узурпатора дайрийского! Но, даже пытаясь разозлиться, девушка понимала, что Валтор стал слишком дорог ей, и ничто, наверное, этого уже не изменит. Если даже сцена смерти брата смогла воскресить старую ненависть лишь ненадолго, то все прочее и вовсе бессильно против доброго отношения к врагу.

Лотэсса поднялась, отряхивая одежду от налипшего мокрого песка.

— Пожалуй, все-таки пора в гости к нашей богине, — она повернулась к спутнику. — Вы идете?

Король тут же легко вскочил и направился вслед за ней к кромке воды, где терпеливо поджидала лодочка.

Волны как раз вынесли серебристый челнок на сушу больше, чем наполовину, и Тэсса умудрилась вскочить в него, практически не коснувшись воды, и в нетерпении повернулась к Дайрийцу, который почему-то замешкался.

— Бойтесь замочить ноги, ваше величество? — насмешливо поинтересовалась она.

— Как вы подошли к этой лодке? — вместо ответа спросил король. Его озабоченное выражение лица позабавило Тэсс. — Здесь как будто невидимая стена.

— Не говорите ерунды! — возмутилась девушка. — Какая еще стена?

— Я не знаю, — он растерянно пожал плечами. — Но не могу сделать дальше и шагу.

— Ох, — Лотэсса скорчила страдальческую гримасу и выбралась из лодки. — Ну что там у вас?

Подойдя к Валтору и, естественно, не наткнувшись ни на какие невидимые преграды, она подала ему руку. И вот тут, попытавшись шагнуть вперед, как будто уперлась в стекло — прозрачное, но твердое. Отпустив руку короля, девушка легко пересекла невидимую линию.

— Что же это получается? — в растерянности пробормотала она. — Выходит, я могу пройти, а вы — нет? Это значит, что я должна идти одна, так?

— Одна вы не пойдете! — уверенно заявил Дайриец.

— Мы оба знаем, что пойду, — вздохнув, возразила Тэсса. И, тем не менее, сделала шаг назад, вновь оказавшись рядом с Валтором. — Мы слишком много сделали, чтоб я добралась до Маритэ. В конце концов, она звала только меня.

— Но я ваш хранитель!

— Вы и хранили меня на протяжении всего пути. Без вас я бы никогда не добралась сюда. Очевидно, богиня хотела именно этого. Она уже успела показать себя бездушной и безжалостной, поэтому глупо судить ее за последнюю пакость.

В каком-то смысле девушку даже устраивал такой расклад. Ведь она не желала просить Маритэ об исцелении, а король наверняка поднял бы этот вопрос. С другой стороны, Лотэсса так привыкла к тому, что он всегда рядом, привыкла доверять ему и полагаться на него во всем, что остаться одной, да еще наедине со странной недоброй богиней ей вовсе не хотелось.

— Как я смогу отпустить вас? — он притянул Тэсс к себе.

— Сможете, — она старалась держаться и говорить уверенно. — У нас все равно нет выбора. Вы отпустите меня, а через некоторое время я вернусь. Вряд ли Маритэ заставила меня проделать такой путь только для того, чтоб убить. Ей гораздо проще было бы не спасать нас на мосту или оставить навеки в плену у зеркала.

— А если она пожелает оставить вас у себя? — в зеленых глазах короля читались тревога и тоска.

— Зачем ей это? — Тэсс пожала плечами как можно беззаботней. — Не бойтесь за меня, ваше величество.

Произнеся это, Лотэсса осознала, что сама боится, но не за себя, а за него. Сев в лодку, она окажется под покровительством Маритэ, а Валтор останется здесь, в этом непонятном месте, где царит ночь, даже когда вся Граайя находится во власти дня. Зачем все-таки этой злой Странице разлучать их в самом конце? Разве нет других способов поговорить наедине? Однако выбора им не оставили, и ей пора идти. Отчего же так мучительно не хочется покидать объятия своего врага?

— Мне нужно уходить, — не поднимая глаз, прошептала она, не делая, между тем, попыток освободиться.

— Нет, — Валтор зарылся лицом в ее волосы. — Маритэ ждала долго, подождет еще

немного. Это при условии, что я вообще решусь вас отпустить. Я еще не решил.

— Маритэ все решила за нас, — грустно ответила Тэсс. — Но я вернусь. Я обещаю.

Девушка была не так уж уверена в своих словах и понимала, что не в ее власти давать подобные обещания. Но надо же было хоть как-то успокоить короля... и себя.

— Кроме того, мы понятия не имеем, как отсюда выбираться, — Тэсс ухватила за этот веский аргумент. — Только Маритэ сможет вернуть нас обратно. Именно поэтому мы должны подчиниться ее требованиям.

— Что ж, иди, — сдался наконец король, очевидно, сам не замечая, что обращается к ней на «ты». — Я буду ждать.

— Я вернусь, — еще раз повторила девушка. — Обязательно.

— Могу я тебя поцеловать на прощание? — прошептал Валтор, склоняясь к ее лицу.

— Нет, — девушка слегка отстранилась. Но неподдельная боль, мелькнувшая в глазах короля, смягчила ее. — Мы поговорим об этом после, когда я вернусь.

Если вообще вернусь, добавила она про себя.

— Не о поцелуях, — она зарделась, заметив, что отчаяние в глазах Валтора сменяется лукавым любопытством. — Обо всем. О нас.

— Обещаешь? — его губы почти касались ее уха, и от этого так сладко замирало сердце.

— Обещаю, — так же шепотом ответила Тэсса.

— Что ж, твое обещание скрасит мне одиночество ожидания.

Валтор все-таки поцеловал ее — в висок, отведя в сторону прядь темных волос жестом, исполненным бесконечной нежности. Затем он нехотя разомкнул объятия, отпуская девушку.

Лотэсса, не оборачиваясь, поспешила к воде, запрыгнула в лодку, словно боялась, что, помедлив, не сможет решиться.

Не успела она задуматься о том, как будет управлять лодкой без весел и куда, собственно, плыть, как челн отчалил и беззвучно заскользил по воде, удаляясь от берега. Только теперь Тэсс решилась поднять глаза и взглянуть на мужчину, оставшегося стоять у невидимой черты. Валтор смотрел на девушку в лодке, слегка прищурив глаза, ночной ветер безжалостно трепал его волосы. Встретившись с Тэссой глазами, он улыбнулся. Улыбка, наверное, должна была казаться ободряющей, но вместо этого вышла нежной и печальной.

И в этот миг Тэсс отчетливо осознала, что видит этого человека в последний раз. Откуда пришла к ней эта уверенность, девушка не понимала, но сердце сжалось от безысходности и ощущения безвозвратной потери. Бесполезно было уговаривать себя не обращать внимания на глупые предчувствия.

— Я хочу вернуться назад! — приказала она лодке, почему-то решив, что может управлять ею.

Однако челнок продолжал скользить вперед, даже, кажется, чуть быстрее прежнего.

— Тогда я прыгну в воду! — она сама не понимала, кому угрожает — лодке или Маритэ.

Но до берега было уже слишком далеко. Темная земля слилась с темной водой, а фигура короля растворилась в этой темноте. Девушка не решилась прыгнуть. Она умела плавать, но не слишком хорошо, а Валтор при всем желании не смог бы помочь ей. Возможно, он еще видел с берега серебристое пятнышко лодочки. Не было ничего более глупого и жестокого, чем утонуть у него на глазах. Так она и осталась сидеть неподвижно, устремив взгляд туда, где остался далекий невидимый берег и мужчина, стоящий у воды. Тот, которого ей никогда больше не суждено увидеть.

По щеке девушки медленно скатилась слеза, затем еще и еще... Устав сдерживаться, Лотэсса дала себе волю и разрыдалась.

— Ты не понимаешь, — кричала она, обращаясь к незримой богине. — Ты ничего не понимаешь! Я же люблю его!

Глава 9

Безутешные рыдания какое-то время отвлекали Лотэссу от окружающего. Зато, немного успокоившись, она испытала приступ паники из-за того, что находится одна посреди моря в крошечной лодочке. Под ней бездонная черная толща воды, над ней — равнодушные звезды. Даже если стихия останется столь же безмятежной, как сейчас, как долго сможет она протянуть в своем утлом суденышке? Да и мало ли что там таится в глубинах. Вспомнив жутковатые сказки, которые так любила в детстве, Тэсс представила, как из воды показываются щупальца гигантского морского чудовища, сжимают кольца вокруг ее маленькой лодочки и утягивают добычу на дно. Девушка так живо все это себе представила, что ее охватил ужас, хотя вода оставалась по-прежнему спокойной.

Как только Тэсса почти уверилась, что черные морские воды станут ее могилой, далеко впереди мелькнуло что-то, по цвету напоминающее ее странный челнок. Издалека девушке казалось, что она видит вертикальную дорожку серебряных штрихов, соединяющую море с небом. И только подплыв достаточно близко, она поняла, что это та самая серебряная лестница, по которой она поднималась в башню Маритэ в своем сне. Теперь, уверившись, что близка к цели, Лотэсса недоумевала, как могла еще пять минут назад столь живо воображать неминуемую смерть. Если уж богиня помогла ей пройти столько опасностей, то глупо было думать, что она позволит своей избраннице погибнуть в последний момент.

Еще немного и лодка мягко уткнулась носом в берег, если, конечно, скалы, выступающие из воды, можно назвать берегом. Лотэсса уже привыкла к тому, что все возникающие трудности как-то разрешаются сами собой, а потому решила не переживать о том, как ей выбраться из лодки и подняться туда, где высилась темная башня, опоясанная серебряной лестницей. И действительно, приглядевшись, девушка различила ступени, вырубленные в скале. Покинуть челнок и взобраться на первую оказалось довольно сложно, да и дальнейший подъем вряд ли можно было назвать легким. Тэсс не раз возблагодарила собственное благоразумие, радуясь, что сейчас на ней брюки, в которые она облачилась в Латирэ, а не эларское платье с длинным широким подолом. Платье пришлось бы поддерживать руками, чтобы избежать опасности наступить на него, запутаться и упасть, а в худшем случае полететь вниз. Латирский наряд оставлял руки свободными, позволяя держаться за скалы, а временами и за сами ступени, когда какая-нибудь из них оказывалась слишком высокой. Когда подъем наконец закончился, девушка вздохнула с облегчением, хоть и понимала, что вскоре ей предстоит еще одна лестница, на этот раз более длинная.

То ли остров, который облюбовала Маритэ, был невелик, то ли лодочка причалила в том месте, где башня подходила ближе всего к воде, но Тэсса достаточно быстро добралась до удивительного жилища богини, выложенного из полупрозрачного темного камня. Однако обольщаться было рано, теперь еще предстояло подняться наверх по винтовой лестнице. Девушка не тешила себя надеждой, что Маритэ соизволит явиться ей навстречу и избавит от необходимости карабкаться на самую вершину башни. С другой стороны, она помнила, что во сне ей нравилось подниматься по этой удивительной лестнице, словно сотканной из звездного света. У нее тогда просто дух захватывало от окружающей красоты.

Правда, в этот раз все оказалось не совсем так, как во сне. Тогда она не чувствовала усталости и с легкостью преодолела лестницу от основания до самого верха. Но на то он и сон, чтоб отличаться от реальности. Теперь Тэсс уставала. Ей не хватало воздуха, и ноги начинали болеть после нескольких пролетов. Тогда девушка присаживалась на ступеньку и отдыхала, наслаждаясь тем самым видом, который так поразил ее во сне. Небо, расшитое звездной россыпью, бескрайнее море далеко внизу и ласковый ветер, теплый и прохладный одновременно.

Такие привалы Тэсса делала довольно часто и сидела каждый раз подолгу. Во-первых, ей действительно нравилось любоваться пейзажем с высоты, во-вторых, хотелось показать богине, что она не так уж торопится на встречу с ней. Девушке хотелось хоть в мелочах досадить Маритэ. Ну и, кроме того, чем ближе была цель пути, тем больше Лотэсса робела перед свиданием с богиней. Она не боялась Маритэ, просто вдруг поняла, что даже не знает, что сказать. Точнее, сказать хотелось много, но все смешалось в голове в сплошной хаос.

Как бы ни оттягивала девушка момент встречи, серебряная лестница все-таки закончилась, и перед ней возникла та самая дверь, ведущая в башню. Тэсса вздохнула и потянула за ручку. Маритэ ждала ее. Она восседала в своем кресле-троне, все такая же величественная и при этом трогательно юная. На этот раз на богине было нежно-бирюзовое платье, расшитое жемчугом, серебристые волосы были частично заплетены в замысловатые косы и уложены вокруг головы, а оставшиеся струились до самого пола. Завидев Тэсс, Маритэ порывисто поднялась и подалась навстречу гостье.

— Вот ты и пришла, Лотэсса! — казалось, богиня искренне ей рада.

— Будто у меня был выбор, — в ответ буркнула девушка, вовсе не собираясь, подобно Маритэ, изображать радость.

— Был, — хозяйка башни перестала улыбаться. — Я не могла тебя принудить прийти ко мне. Ты приняла это решение добровольно, хотя это стоило тебе многих жертв.

— Которых могло быть намного меньше, вмешивайся ты почаще, светлая созидательница. Ты же могла видеть каждый наш шаг, не так ли? — Тэсса, мечтавшая бросить богине в лицо множество обвинений, наконец-то получила такую возможность.

— Ты слишком редко обращалась за помощью, — прекрасное лицо Маритэ стало печальным.

— А тебя обязательно нужно просить? — Лотэсса и не думала скрывать злость.

— Увы, да, — Странница, казалось, стала еще печальней. — Теперь — да.

— Конечно, без униженных просьб светлая Маритэ не станет помогать своим созданиям! Те, кто умирали в Вельтане, тоже не просили о помощи и не возносили молитв. А ты смотрела на это, искренне сожалея о недостатке набожности у людей. А что ты сделала, чтобы они верили в тебя? Заперлась на краю земли? Ты даже своим жрицам являешься лишь во сне! Чего ты хочешь от людей? Как смеешь мстить им за то, что они тебя позабыли?

— Я никому не мщу, Лотэсса, — богиня словно оправдывалась.

— Да ну? — Тэсс зло сузила глаза. — Ты позволила всем этим людям погибнуть. Равнодушно созерцала их гибель. Ну, может, не равнодушно, а с такой же печалью, какую сейчас изображаешь передо мной. Не стоит притворяться доброй и милостивой, Маритэ. На меня это не подействует. Я тебя ненавижу!

Ну, вот она и сказала это. Возможность поговорить в таком тоне с богиней, в которую полгода назад даже не верила, приносила девушке какое-то мрачное удовлетворение. Но если она желала разозлить Маритэ и насладиться ее гневом, то просчиталась. Странница оставалась спокойной и грустной.

— Ты быстра на ненависть, Лотэсса. Как легко ты начинаешь ненавидеть, даже не задумываясь о том, насколько справедливы твои чувства! Ты долго ненавидела Валтора Дайрийского, который не заслужил подобного. Теперь решила ненавидеть меня. Я не собираюсь оправдываться перед тобой, хочу лишь, чтоб ты поняла, как неразумно судить кого-то, не имея представления о причинах его действий. Ты ничего обо мне не знаешь, кроме того, что рассказали тебе жрицы, и того, что сказала я сама. Хотя другому человеку и этого хватило бы, чтобы понять, что я не смогу равнодушно созерцать смерть людей и гибель созданного мною мира. И если я не препятствую, то не из мести за неверие, а потому, что не могу ничего сделать.

— Не можешь? — недоверчиво воскликнула девушка. — Но ты же богиня!

— Да, да, — Странница грустно улыбнулась. — Я создала этот мир и долгое время была здесь всесильна. Но однажды мне пришлось заплатить собственным могуществом за спасение Анборейи. Ты пока так и не поняла, что у всего есть своя цена. В магии этот принцип действует более жестко и неотвратимо, чем где-либо. Чем сильнее заклинание, тем выше будет цена. Звездные путники не могут уничтожать друг друга. Представь себе, сколь сильными и запретными являлись чары, позволившие развоплотить Дэймора. Но опасность грозила моему миру, а потому я бы согласилась на любую плату.

— И в чем же состояла плата? — Тэсса не очень-то понимала, о чем толкует Маритэ, зато точно осознала, что та не лжет.

— Все Хранители, объединившие свои силы для победы над Дэймором, должны были покинуть Анборейю. Кроме меня, разумеется. Но и моя власть над созданным миром чрезвычайно ограничивалась. По договору с теми, кто раскрыл мне тайну развоплощения, мне следовало удалиться от людей, запрещалось по собственной воле влиять на их судьбы, кроме того, я лишилась права управлять Анборейей, используя собственное могущество. В моем распоряжении осталась лишь заимствованная магия Странников, напрямую зависящая от самих людей. Дэймор, кстати, с помощью этой же магии разрушает Анборейю. Ему-то никто не запрещал использовать собственные силы, но они не так уж велики. Зато люди, сами того не понимая, делают сильнее того, кто вознамерился их уничтожить.

— Заимствованная магия? — на девушку обрушилось слишком много знаний, она лишь частично улавливала смысл сказанного. — Что это такое?

— Не так-то просто все это объяснить. Но я попробую. Ты садись. Разговор наш все равно будет долгим, — к удивлению Тэссы, Маритэ указала на собственный трон, да и сестра все равно больше было негде. — Итак, заимствованная магия. Каждый Странник обладает собственным могуществом, у одних сил больше, у других меньше, — говоря, богиня расхаживала по комнате. — Каждый из нас умеет путешествовать по разным мирам, но только самые могущественные могут создавать собственные.

— Как ты?

— Как я, — кивнула та, не оборачиваясь. — Создавая свой мир или оставаясь довольно долго в чужом, с позволения создателя мира, мы получаем дополнительную возможность стать сильнее, заимствуя силы у людей.

— Но ведь большая часть людей не обладает магией, — возразила Тэсса.

— Люди вообще не обладают магическими способностями.

— А как же Энлил, Ашейли и, в конце концов, те же тегнари? Хотя тегнари не люди...

— Тегнари как раз люди. И так же, как все прочие, не обладают врожденными способностями к изменению реальности. Именно этим вы отличаетесь от нас. Безусловно, среди людей есть маги, и довольно сильные. Но все знания по управлению реальностью являются приобретенными. Самая сильная магия, доступная людям — управление тенями, — тоже приобретается со знаниями и опытом. Никто из людей не рождается магом.

— Но тегнари, — не унималась девушка, — разве они не обладают почти таким же могуществом, как Странники? Они ведь рождаются такими.

— Совершенные, как они себя называют, такие же люди, как вы. Все дело в Граае, и они сами это знают. Грааия была избрана мною, этот материк служил домом Хранителям Анборейи. Ты даже представить не можешь, сколько чистой силы скопилось в этом месте. Люди, обитавшие вблизи от нас, жили дольше, медленнее старели, с легкостью сопротивлялись недугам. Но они не были врожденными магами, хоть и обучались колдовству легче прочих, ибо на Граае сам воздух был пропитан силой. Нашей силой! Шестеро звездных путников способны сделать любое место волшебным. И все же в прошлом жители Грааии сильно отличались от тех, какими вы их узнали. Запретное заклинание необыкновенной силы, позволившее справиться с Дэймором, потребовало выплеска огромного количества магии, которую Грааия впитала в себя, как песок впитывает воду. Не спрашивай, почему так произошло, слишком сложно объяснить. Но магическая сила материка и, как следствие, преобразование его жителей — все это отголоски того самого заклинания, для которого Хранители объединили свои усилия.

— А сами тегнари не знают об этом? Точнее, не помнят, — догадалась девушка. — Они ведь время от времени стирают себе память.

— Вот именно. Давным-давно жители Грааии позабыли, что произошло на самом деле, и вообразили себя совершенными, равными богам. Такая версия их устраивает куда

больше правды. Оттого-то они не сомневаются в собственном могуществе и не верят в существование тех, кто жил на Грааие со времени сотворения мира.

— Но они творят действительно невозможные вещи. Силой мысли выворачивают реальность наизнанку!

— Это лишь иллюзия, — Маритэ покачала головой, и волосы серебристым водопадом метнулись из стороны в сторону.

— Как — иллюзия?! — не поверила Тэсса. — Я же сама видела. Уивинорэ создал из ничего еду, посуду и одежду, он стал женщиной, в конце концов!

— На самом деле он все время оставался одним и тем же, но вы видели его по-разному. Да и он сам тоже. Иллюзия, создаваемая магией тегнари, обманывает не только зрение, но и все прочие чувства. Созданная ими еда может утолить голод, одежда — согреть. Меняя внешность, они сами ощущают себя иными.

— Значит, это не иллюзия!

— Представь себе шар, — попыталась объяснить Странница. — Чародей, даже довольно слабый, может заставить тебя вместо шара увидеть, к примеру, куб. Тегнари же под силу внушить себе и другим не только видеть, но и ощущать реальность такой, как им нужно. Все это довольно сложно. Но то, что они не всемогущи, доказывает их слабость вдали от Грааи. Слабость, конечно, условная, ибо им подвластны тени, а их чары куда сильнее и реальнее тех, с помощью которых тегнари меняют себе внешность или даже цвет неба над головой. Кстати, именно с помощью теней создано все по-настоящему необыкновенное на Грааие. Как, например, тот корабль, что привез вас с Ай-Халла, или зеркала, с помощью которых вы попали сюда.

Напоминание о зеркалах, которые перенесли их к Маритэ, направило мысли Лотэссы в иное русло. Вмиг утратив интерес к природе магии тегнари, девушка задала вопрос, куда больше интересовавший ее.

— Почему Валтор не смог пойти со мной? Ты же сама хотела, чтоб он оберегал меня. Так зачем разлучила нас в самом конце? Неужели то, что ты хотела мне поведать, такая страшная тайна? И разве нет иных способов поговорить наедине? Почему ты не позволила королю прийти сюда?

— Так было нужно, — вот и все, что соизволила ответить богиня, до этого снисходившая до подробных объяснений.

— Кому нужно? — запальчиво воскликнула Тэсса. — Тебе?

— Мне, — Маритэ оставалась все так же лаконична.

— Но я еще увижу его?

Странница какое-то время молчала, словно раздумывая над ответом.

— Нет, — как легко одним словом богиня убила надежду, которой и так почти не оставалось! — Того человека, с которым ты прошла от Вельтаны до Грааи, того, кого ты оставила на берегу, ты никогда больше не увидишь. Как, впрочем, и всех, с кем ты рассталась.

— Это все потому, что я умру, да?

— Ты не умрешь, — ответила Маритэ. — Ты будешь жить, Лотэсса, несмотря на то, что столь мало ценишь свою жизнь.

— Значит, умрут те, кого я оставила? — Тэсс почувствовала, как боль и ужас когтями сжали сердце.

— Это очень сложный вопрос, — после некоторого молчания, промолвила Странница. — Даже я не знаю, что на него ответить. Впрочем, ты сама все поймешь чуть позже.

— А что тут понимать? — выкрикнула девушка. — Ты хочешь, чтобы я помогла тебе

спасти мир, и тут же заявляешь, что все, кого я знала, погибнут. Ради чего мне помогать тебе?!

— Ради Анборейи, — Маритэ вскинула голову, и глаза ее сверкнули подобно голубым звездам. — Существование целого мира важнее жизни людей из небольшого круга твоих близких и знакомых. Впрочем, я не могу тебя заставить помочь мне. Твое решение должно быть добровольным, как и в случае с приходом сюда.

— Верни Валтора, тогда я помогу тебе, — Тэсса решила, что может поторговаться. — Пусть твоя лодка привезет его сюда, и тогда я сделаю все, что ты от меня потребуешь.

— Я не могу, — на этот раз голос богини звучал расстроенно. — Поверь, мне жаль, но это невозможно. Но все не так ужасно, как тебе кажется...

— Я и пальцем не пошевелю, если ты не спасешь Валтора! — она решила быть непреклонной. — Не верю, что ты настолько бессильна, что не можешь даже такой малости.

— А если взамен ты получишь жизнь брата? — Странница торжествующе взглянула на девушку.

А Тэсса, услышав это, задохнулась от внезапной невыносимой надежды. Эдан будет жить?! Ужасно выкупать жизнь одного любимого человека ценой жизни другого, но она точно знала, что ради брата откажется от своей странной, мучительной любви.

— Ты сможешь воскресить Эдана? — голос Тэсс срывался от волнения.

— Не воскресить, — богиня поморщилась, словно речь шла о чем-то отвратительном. — Говорю же, все сложнее. Так ты согласна?

— Ты же знаешь, что я не смогу отказаться, — с упреком бросила девушка.

На душе у Лотэссы было радостно и горько. Странное состояние. Впрочем, странно все, что с ней происходит. Но если Эдан будет жить, все прочее не имеет значения. Правильно сказала Маритэ: у всего есть своя цена, и чем больше хочешь получить, тем дороже заплатишь. Правда, собой платить куда легче и правильнее, чем другими. А так выходит, что она принесет в жертву короля ради спасения брата. То есть попросту лишит жизни одного, чтобы вернуть жизнь другому. Но разве еще пару месяцев назад она не возликовала бы, предложи ей кто-нибудь подобную сделку? Разве не мечтала она убить Дайрийца своими руками, причем без всякой надежды на возвращение Эдана, просто из мести и ненависти? Отчего же сейчас так погано на душе?

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — ласково проговорила Маритэ, подойдя к девушке. — Ты любишь его. Короля. Он твой враг, но сквозь искреннюю ненависть проросла любовь. Такая любовь сильнее любой другой. Уж я-то знаю.

— Не сомневаюсь, что ты все знаешь, — процедила в ответ Тэсс. — Ты же следишь за нами. И, конечно же, знаешь, что Эдана я люблю сильнее, чем Валтора.

— Не сильнее, — улыбнулась Странница. — Просто дольше. И совсем иначе.

— Не надо мне объяснять, что я чувствую, — зло оборвала ее Лотэсса. — Я уже сказала, что согласна. Вернешь Эдана — и я сделаю все, что захочешь.

— Хорошо, что мы пришли к согласию, — кивнула Маритэ, вновь отходя. — И все же мне бы хотелось, чтобы ты понимала, что именно происходит и какова твоя роль во всем этом.

— О, мне бы тоже очень хотелось это понять, — тоном, исполненным язвительности, отозвалась Тэсс. — Меня давно мучит вопрос, почему из всех людей на роль спасительницы Анборейи ты выбрала именно меня. Тот же Дайриец подошел бы куда лучше.

— Валтор Малтэйр не подходит хотя бы потому, что он Ильд. Хотя есть и другие причины. А ты... Не думай, что была при рождении отмечена великим предназначением. Не обижайся, Лотэсса, но в тебе нет ничего особенного. Ничего, кроме исключительной

красоты и благородства происхождения.

— Только и всего?! — поразилась девушка. — Да мало ли красивых благородных девиц! Никогда не думала, что именно эти качества необходимы избранным, предназначенным спасать мир.

— Ты не будешь спасать мир, Лотэсса. Спасать мир — моя работа. Но без тебя я не справлюсь. Признаю, что выбирала тебя, руководствуясь лишь целесообразностью, а не величием души или какими-нибудь необыкновенными качествами. Твоя красота и близость к обоим королям — вот все, что мне нужно.

— К каким еще королям? — не поняла Тэсса.

— К Ильдам, — ответ Маритэ отнюдь не внес ясности. — Но об этом позже. Твоя знатность дает тебе право и возможность общаться с любым монархом, а твоя необыкновенная красота — влиять на решения мужчин. Более подходящей девушки в моем распоряжении не оказалось. Кроме того, цепь случайностей изначально связала тебя с происходящими событиями. Йеланд перед смертью передал тебе кольцо, из-за этого ты стала жертвой проклятия. Кроме того, на тебя стал охотиться приспешник Дэймора. Древняя тварь, веками спавшая, пока ее хозяин томился в небытии. В общем, все указывало на тебя. Мне оставалось лишь связать с тобой короля узами хранителя...

— Так это ты сделала? — возмутилась девушка. — На это твоего могущества хватило! Но зачем?

— Мне нужно было связать вас вместе.

— Зачем?

— Чтобы вы полюбили друг друга.

Тэсса ошалела от ответа богини. Она ждала чего угодно, но не этого.

— Я уже сказала, что любовь, проросшая из зерен ненависти, самая сильная. Признаюсь, я могла бы забрать тебя и перенести сюда сразу из монастыря, или даже еще раньше, — увидев, что девушка хочет ее перебить, Маритэ жестом остановила ее. — Да, могла. Но ваше путешествие было необходимо именно для того, чтобы сблизить вас. Чтобы слепая, несправедливая ненависть и вражда переросли в расположение, дружбу, а затем в любовь. Такие вещи не происходят в одночасье. Для этого нужно время и испытания, которых в вашем долгом путешествии было достаточно.

— Я все правильно понимаю? — задыхаясь от возмущения, переспросила Лотэсса. — Ты мучила нас, постоянно подвергая самым разным опасностям, чтобы влюбить друг в друга?

— Вообще-то, влюблять следовало только тебя, — Маритэ, казалось, не испытывала ни капли смущения от обвинения в изощренной жестокости. — Король гораздо раньше определился со своими чувствами, хотя и ему это далось нелегко. Тебе было тяжелее, вот и пришлось дать тебе шанс получше узнать того, кого ты объявила врагом, не пытаясь понять. Валтор Малтэйр достоин любви и восхищения, я знала, что рано или поздно ты это поймешь. Он — истинный рыцарь и мудрый правитель. Со времен Дренлелора не было среди Ильдов такого короля.

— Если он такой весь прекрасный, то почему же ты убиваешь его? — выкрикнула Тэсса, в душе которой слова Маритэ оживили боль утраты.

— Я не убиваю, — возразила богиня, противореча сама себе. — Напротив, я хочу все исправить. Но на это мне нужны силы, а ваша любовь сделала меня сильнее.

Глава 10

Наша любовь сделала ее сильнее! Ну надо же! До чего же эта Маритэ преисполнена пафоса. Наверное, богам так и положено, но сейчас, когда девушку переполняли злость и отчаяние, слушать благостные речи о величии не сложившейся любви было невыносимо.

— И какая тебе, интересно, польза в нашей любви, ради которой ты так старалась? — зло бросила Тэсс.

— Огромная, — спокойно ответила богиня. — Я говорила, что после запрета на распоряжение собственными силами мне осталась лишь заимствованная магия. Так вот, суть этой магии в том, что Странники черпают силу в людских страстях и эмоциях.

— Это как? — не поняла Лотэсса.

— Если ты ждешь, что я разъясню тебе принцип действия заимствованной магии, то напрасно, — разочаровала ее Маритэ. — Я сама его не понимаю. Просто сила человеческих страстей преобразуется в магическую силу, увеличивающую возможности Странников. Даже те, чье собственное могущество не так уж велико, могут добиться очень многого за счет заимствованной магии. Тут, конечно, имеются свои ограничения...

— Ну конечно! Куда же без них, — ехидно вклинилась Тэсс.

— Во-первых, — как ни в чем не бывало продолжала Маритэ, — заимствованная магия предназначена прежде всего для создателей миров...

— Которые и без того сильнее остальных Странников? — снова вмешалась девушка. — Это несправедливо.

— Напротив. Хотя справедливость вечно понимают по-разному. Каждый трактует ее в сторону собственной выгоды. И все-таки справедливо, что Странники, отдающие собственные силы на создание миров, людей и последующую заботу о них, могут пользоваться плодами своих трудов. Впрочем, по разрешению создателей иные звездные путники также могут черпать силы от людских эмоций. Так я позволила Астель и Нидее, а затем Ольвэ, Крэйну и Дэймору пополнять свои силы за счет людей Анборейи.

— Звучит жутковато, — Тэсса поежилась. — Как будто Странники высасывают наши силы, как шаэлы — кровь или нукри — годы жизни.

— Не говори глупостей! — на этот раз замечание собеседницы, видно, задело богиню. — Люди испытывают эмоции, находятся во власти чувств. И то, что мы преобразуем последствия ваших страстей в силу, никак не сказывается на вас. Это как воздух, которым все дышат, но он от этого не исчезает. Или как вода в море: сколько бы волны ни набегали на берег, поглощаемые песком, море всегда останется морем. Люди не знают и не замечают, что Странники используют их чувства в своих целях. Да что там говорить! — с досадой воскликнула Маритэ. — Вы же уже много веков не верите в наше существование, и это не мешает вам ежедневно испытывать чувства и предаваться страстям.

— Ну хорошо, — доводы богини показались Тэсс убедительными. — Предположим, людям ни тепло, ни холодно оттого, что вы используете их эмоции для своей магии, но зачем ты делилась столь ценным источником силы с другими Хранителями? Чтобы проявить расположение? Из доброты, щедрости и благородства?

— Позволение заимствовать магию у людей своего мира действительно является признаком расположения между звездными путниками. Но это лишь следствие. А причина в том, что один Странник, даже создатель мира, не может использовать более двух страстей по собственному выбору. Думается мне, наложение подобного ограничения связано с поддержанием баланса. Ибо, имея возможность поглощать абсолютно все чувства, испытываемые людьми, созидатели, как ты верно заметила, и так более могущественные, чем иные Странники, стали бы и вовсе всемогущими, попирая логику мироздания.

— Как все сложно! — протянула Тэсса. — Бедненькие вы! И какие же страсти выбрала

ты? Хотя можешь не отвечать. Любовь, да?

— Именно так, — кивнула Маритэ. — Теперь ты понимаешь, почему для меня так важно было пополнить свои силы за счет вашей с Валтором любви?

— А почему только любовь? Могла бы выбрать хотя бы две страсти.

— Мне тогда казалось, что этого достаточно. Возможно, я совершила ошибку, переоценив людскую способность испытывать любовь. Ненавидят люди куда охотнее и искреннее, чем любят. Тут Дэймор оказался прав.

— Он выбрал ненависть? — удивилась девушка. Ей почему-то казалось, что волшебство может родиться только из добрых эмоций.

— Ненависть и страх. Именно такие чувства собирал для своего повелителя его преданный демон, в то время как сам Дэймор был слишком слаб после возвращения из небытия. Сейчас гнусное создание мертво, но Дэймору уже давно не нужны помощники. А ненависти и страха ему хватит с лихвой. Их в любые времена достаточно, а уж при том, что заварил бывший Хранитель Анборейи, ненависть и страх легко вытеснят все прочие человеческие чувства. При этом тем, кто выбирает темные страсти, куда проще устроить так, чтобы их стало больше, чем тем, кто живет за счет светлых эмоций. Светлые дают больше силы, зато встречаются реже, и создать условия для их процветания намного сложнее. Ты винишь меня в том, что я подстроила зарождение вашей с Валтором любви, но для меня сейчас важна каждая капля силы, тогда как Дэймор плещется в океане ненависти и страха.

Лотэсса обратила внимание, что, говоря о мятежном Страннике, Маритэ ни разу ни назвала его Изгоем. Должно быть, звездным путникам претило называть друг друга прозвищами, придуманными людьми. Даже смертельных врагов.

— Неужели в мире так мало любви? — спросила девушка.

— Настоящей — мало, — печально подтвердила богиня. — Конечно, мне всегда остается материнская любовь. Она, как правило, самая искренняя, сильная и глубокая.

Не всегда, подумала про себя Тэсс, вспоминая собственную матушку. Впрочем, наверное, даже Мирталь ее по-своему любила. Хотя много магических сил из такой любви не подчerpнешь.

— Любовь детей к родителям более эгоистична. Братские и дружеские чувства — достаточно постоянный источник сил, но они, как правило, не слишком сильны. Твоя любовь к брату, Альве или Лану — скорее исключение. Что же касается любви между мужчиной и женщиной — как многие считают, страсти, на которой держится мир — то тут все очень непросто. Если любовь истинная, то она источник мощнейшей силы. Но люди куда чаще любят себя, чем избранника. Находясь во власти даже самой пламенной страсти, полагая, что любят, они скорее жаждут, чтоб любили их. Сама понимаешь, что ценности у подобных чувств почти никакой. На такой почве скорее произрастают темные страсти — ревность, отчаяние, ненависть. Темные страсти, родившиеся из светлых, очень сильны. Но и обратное правило тоже действует. Самым редким и оттого бесценным источником силы для меня является любовь, подобная вашей, выросшая из ненависти.

— Теперь все стало намного понятнее, — задумчиво проговорила Лотэсса, глядя в окно.

Она действительно поняла, чем руководствовалась Маритэ, но простить богиню все равно не могла. Заставить ее полюбить Валтора, чтоб стать сильнее, пусть даже силы нужны ей для спасения мира, а затем разлучить их и убить его — с таким невозможно смириться. Впрочем, и ненавидеть богиню она больше не могла и не хотела. Да и вообще кого бы то ни было. Если ненависть делает Изгоя сильнее...

— Так тебе нужна была не я, а моя безумная любовь? — устало спросила она.

— Ты сама нужна мне не меньше, — возразила Странница. — Твоя любовь увеличила силу, необходимую мне для заклинания, невиданного в этом мире, да и вообще крайне редко используемого в любых других. А ты понадобишься мне после того, как я совершу задуманное. Как я сказала, я связана и не могу являться людям, поэтому влиять на тех,

от кого зависит судьба Анборейи, придется тебе, Лотэсса.

— На кого теперь влиять? — Тэсса не удержалась от издевки. — Ты говорила о каких-то королях. Но те монархи, которых я знала, мертвы или обречены на смерть.

— Это так... и не так, — бросив загадочную, лишённую смысла фразу, Маритэ подошла к окну, и дальше говорила, обращаясь скорее к звездам, чем к собеседнице. — Теперь, когда Дэймор вернулся из небытия, у меня уже вряд ли достанет сил все исправить. Если бы не ограничения... Но это плата за то, что удалось спасти мир много столетий назад.

— А как ты собираешься спасти его сейчас? — Лотэсса все еще ничего не понимала.

— Я поверну время на несколько месяцев назад, чтобы вернуть Анборейю в тот момент, когда Дэймор все еще пребывал в небытии.

— Повернешь время? — ошарашенно пробормотала Тэсс. — Как такое возможно?

— Возможно, — Маритэ по-прежнему говорила, не оборачиваясь. — Не забывай, что я создательница этого мира и богиня. В прежние времена, до пленения Дэймора, такие вещи я могла проделывать с легкостью, хоть и уверена, что поступать подобным образом неправильно. Применение подобных заклинаний нарушает баланс мироздания. Однако созидатели вправе ими пользоваться. В пределах своих миров, разумеется. Теперь, чтобы развернуть время назад, мне понадобится отдать почти весь запас сил, набранных за счет заимствованной магии. Но иного выхода я не вижу. В открытом противостоянии мне с Дэймором не справиться. Тем более сейчас, когда он так силен.

— А ты не можешь позвать других Хранителей, чтобы они помогли тебе?

— Я уже говорила, что остальным Хранителям запретили вмешиваться в дела Анборейи, кроме того, они и не стали бы помогать мне.

— Почему? — искренне удивилась девушка.

— Это не их мир, — Маритэ пожала плечами. — Кроме того, Ольвэ и Крэйи затаили обиду, что я так и не выбрала ни одного из них.

— А светлые богини, твои сестры?

— Ты же понимаешь, что на самом деле они мне не сестры. Астель и Нидея считали Анборейю домом, пока им было хорошо. Им нравился юный мир и людское поклонение. Создать собственные миры они обе не могли, но с удовольствием заботились о моем, тем более что их почитали почти наравне со мной. Но благостные времена Анборейи прошли, а Астель и Нидея не из тех, кто будет спасать умирающий мир.

— Но ведь когда-то они уже спасли его! — горячо возразила Тэсс.

— Они спасали скорее меня, чем Анборейю. Кроме того, ими двигала благодарность. После того, как они много веков назад покинули мой мир, они потеряли к нему интерес и не станут тратить свои силы ради прошлого. Я даже не знаю, где их искать. Странники на то и Странники, чтобы бродить по разным мирам. Иногда их одолевает желание осесть где-нибудь, но, как правило, ненадолго.

— А как же ты? — Тэссе в этот момент почему-то захотелось взглянуть богине в глаза. — Ты же сидишь здесь, в заточении, созерцая агонию своего мира, когда могла бы бродить звездными тропами, не зная печали.

— Созидатели — иное дело, — Маритэ наконец повернулась к девушке. — Мы привязаны к своим мирам, как родители к детям. Бывает, что создатели устают от своих миров или разочаровываются в них, но так случается довольно редко. Дэймор знал, что Анборейя — мое слабое место, он идеально просчитал свою месть. Он не может меня убить, не может отплатить той же монетой, отправив в небытие, зато в его власти терзать сколько угодно мое сердце, измываясь над моим миром и людьми.

— Значит, ты повернешь время? — растерянно повторила Тэсса.

Странный способ, которым Маритэ вознамерилась спасти Анборейю, так поразил девушку, что она почти не слушала то, что богиня говорила о Хранителях.

— Всего на несколько месяцев, но и это будет стоить мне почти всех сил, скопленных за долгое время. Я верну Анборейю в начало весны, накануне войны Дайрии с Эларом. От тебя я хочу, чтоб ты остановила эту войну.

— Но как? — она беспомощно взглянула на Богиню.

— Поговори со своим королем, — улыбнулась та в ответ.

— С Валтором? Но ведь он же... — и только тут Тэсс до конца поняла, какой смысл таят в себе слова Странницы. — Он будет жив! В начале весны Валтор Малтэйр будет жив!

— И он и все остальные, — Маритэ продолжала улыбаться. Очевидно, искренняя радость девушки передалась и ей.

— Но зачем ты тогда меня мучила? — не удержалась она от упрека. — Ты обещала мне только Эдана, а выходит, что можешь вернуть всех умерших!

— Я никого не могу вернуть, Лотэсса, — грусть снова омрачила лицо богини. — Даже чар звездных путников недостаточно для этого. Погибшие — мертвы, живые перестанут существовать в тот момент, когда я поверну время назад. Те, кого ты оставила, не воскреснут. Некоторые события меняют людей очень сильно. Несколько месяцев назад многие из тех, кого ты знала, были совсем другими и навсегда такими останутся, если ты сумеешь предотвратить войну, пробуждение Дэймора и все последующие события. Например, со своей подругой ты, скорее всего, даже не познакомишься, поскольку именно война заставила ее покинуть родной замок и отправиться в столицу. Будь жив Рейлор, ты никогда бы так не сдружилась с Ланом, да и ему не пришлось бы взростеть раньше срока. Ну а твой король несколько месяцев назад лишь теоретически знал о твоём существовании. Это не тот человек, который был твоим хранителем, прошел с тобой долгий путь и который любит тебя. Не тот, которого полюбила ты. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — мрачно отозвалась девушка. — Ты довольно доходчиво донесла мысль, что все, кого я любила, потеряны для меня навсегда.

— С другой стороны, они не потеряны для самих себя. Пусть иными, но они будут жить. Разве этого не довольно? То есть будут жить, если ты сумеешь изменить цепь событий, приведших к возвращению Дэймора.

Маритэ была права: даже развернув мир назад, она не сможет отменить боль и смерть, которые уже случились. Но все эти ужасы останутся лишь в ее памяти, а Альва, Лан, Нейри, Рейлор будут жить. Не говоря уже об Эдане и Валторе. Богиня по-своему расценила молчание девушки.

— Прости, что тебе приходится исправлять мои ошибки.

— Какие ошибки? — не поняла Тэсса. — Разве ты в чем-то виновата?

Теперь-то она понимала, сколь несправедливыми и глупыми оказались обвинения в жестокости и равнодушии, которыми она осыпала богиню в глаза и в разговорах с Валтором. Оказывается, Маритэ страдала из-за происходящего куда сильнее, чем можно было представить. О каких же ошибках она может толковать?

— Я не стала делать выбор между тремя влюбленными Странниками, боясь, что их вражда погубит Анборейю. Но, отказавшись от выбора, все равно поставила мир на край гибели.

— Но если ты не любила никого из них, неправильно было бы приносить себя в жертву, — горячо запротестовала Лотэсса.

— Я любила, — Маритэ подняла на Тэсс огромные голубые глаза. В этот миг она выглядела трогательной и беззащитной. Величественная богиня показалась девушке испуганным и растерянным ребенком, открывшим свою тайну.

Тэсса понимала, что проявление любопытства сейчас совершенно неуместно, но не смогла удержаться от вопроса:

— Кого же? Ольвэ или Крэйна?

— Дэймора...

Глава 11

— Как — Дэймора?! — пробормотала Тэсс, не в силах поверить в услышанное.

— А вот так, — мрачновато усмехнулась в ответ Маритэ. — Тебе ли меня не понять. Ты ведь полюбила того, кого долго считала врагом. А Дэймор... Он же не сразу стал тем, кого вы зовете Изгоем, — впервые богиня произнесла это слово. — Теперь ты понимаешь, каково мне? Я не только отказалась от любви, но и вынуждена была сражаться с любимым, а затем подвергнуть его мучению худшему, чем смерть.

— И это все ради людей? — у Лотэссы в голове не укладывалось услышанное.

— Ради Анборейи. Люди являются лишь частью мира, хотя самой значимой и ценной. Но что толку в моей жертве, если в итоге я и любовь предала, и мир не сумела спасти?

В данном случае Тэсс мысленно согласилась с корящей себя богиней.

— А Дэймор знал, что любим?

— Конечно, нет! — почти с возмущением воскликнула Маритэ.

— Но я не понимаю, почему? Ведь ты же могла выбрать Дэймора, быть счастлива с ним. И Анборейя не подверглась бы опасности, ведь Дэймор и тогда, и теперь старался уничтожить твой мир из мести. Выбери ты его, ему не за что было бы мстить.

— Ты забываешь об Ольвэ с Крэйном, — возразила Странница.

— При чем тут они? — Тэсс опять потеряла нить рассуждений Маритэ. — Они же все время были на твоей стороне.

— Да, но только потому, что я так никого и не выбрала. Их устраивал мой отказ делать выбор между ними. Но выбери я Дэймора, и Анборейе угрожали бы уже Ольвэ с Крэйном, причем, скорее всего, объединившись.

— Но ведь они хорошие, — не совсем уверенно возразила девушка.

— Много ты знаешь о Странниках, — иронично заметила Маритэ. — Они были хорошими, пока мы, все шестеро, жили в дружбе и согласии, выполняя обязанности Хранителей Анборейи. Но это длилось лишь до тех пор, пока их общая любовь ко мне не стала поводом для вражды. Думаю, ты слишком молода и слишком веришь в добро, чтобы знать, что самые страшные враги выходят из вчерашних друзей. Ольвэ с Крэйном ни за что не смирились бы, выбери я Дэймора. Это в людской памяти они остались как паладины Света, боровшиеся с Тьмой, которую воплощал Дэймор. Если бы только люди знали, что Крэйн заимствовал магию из людской злобы, а Ольвэ — из зависти и ревности. Впрочем, людям не стоит этого знать, пусть и дальше почитают пятерых Хранителей, объединивших свои силы, чтобы спасти Анборейю. Хотя что я говорю? Ни их, ни меня никто уже не почитает, кроме горстки жриц в горах. Так что спутники Дэймора вовсе не столь бескорыстны и благородны, как гласит легенда, которую я сама всячески поддерживала. Звездные путники имеют право выбирать любые человеческие страсти для заимствования. Но негласно считается, что все-таки выбор чувств, питающих магию, делается по некоему сродству с душевным складом Странника. С другой стороны темные страсти часто выбирают лишь за то, что люди чаще и охотнее их испытывают, чем светлые. В любом случае, я не верю в то, что отвергнутые Ольвэ с Крэйном воздержались бы от мести. И не сложно догадаться, что выбрали бы они тот же способ, что и Дэймор — по мере сил вредить Анборейе. А сил у них двоих хватило бы на многое. Даже если бы я противостояла им вместе с Дэймором.

— Сестры помогли бы тебе.

— Думаю, ты права. Астель с Нидеей выбрали бы мою сторону. Но мы впятером едва спасли мир от одного Дэймора, а тут расклад был бы — четверо против двоих. Но зная, как все сложилось в итоге, все равно стоило поступить согласно совести и велению сердца. Не могу себя простить! Ни за Анборейю, ни за... Дэймора, — в глазах Маритэ блеснули хрустальные капельки слез.

Тэссе было сложно понять, как можно так убиваться из-за Изгоя, особенно зная, что он вытворял сейчас. С другой стороны, чем она сама лучше? Влюбилась в человека, захватившего ее страну, по вине которого погибли самые дорогие ей люди. Нет уж, кто угодно вправе осуждать богиню, сделавшую столь странный выбор, но только не она — Лотэсса Линсар. В любом случае, девушка сочла за лучшее переменить тему.

— Но как я смогу остановить войну? — спросила она, рассчитывая отвлечь Маритэ от печальных воспоминаний, а заодно понять, чего от нее ждут.

— Это тебе придется понять самой. Ты хорошо знаешь короля Йеланда, и он прислушивается к твоему мнению, — Маритэ лукаво улыбнулась каким-то своим мыслям.

— Но ведь от короля Йеланда ничего не зависит! — возмутилась Тэсса. — Войну развязал Дайриец... Валтор.

— Выходит, придется тебе влиять на Дайрийца.

— Но ведь ты сама сказала, что он меня даже не знает!

— Значит, тебе предстоит вновь представиться ему. В любом случае начать тебе стоит с Дайрии. Если Его Величество Валтор Дайрийский однажды попал под обаяние твоих чар, возможно, тебе удастся снова заставить его считаться с тобой. По крайней мере, тебе будет просто добиться аудиенции у короля, ты ведь почти принцесса крови.

— Да-да, ты уже сказала, что выбрала меня за красоту и знатность, но мне хотелось бы знать... — Тэсса заметила, что Странница больше не слушает ее, погруженная в какие-то свои мысли.

— Маритэ? — негромко окликнула ее девушка.

Богиня молчала, и Тэсс отчего-то стало страшно.

— Маритэ! — вновь позвала она, на этот раз громче и требовательнее.

— Лотэсса, — богиня наконец обернулась, но ее решительный и сосредоточенный вид отнюдь не успокоил девушку. — Тебе придется какое-то время побыть одной.

— Почему? — тревога Тэсс с каждой секундой разрасталась.

— Заклинание, — коротко ответила Маритэ. — Время настало.

— Прямо сейчас? — она подивилась тому, как жалобно и растерянno звучит собственный голос.

— К чему дальше тянуть? Каждую секунду люди Анборейи убивают или гибнут. Чем быстрее я покончу с этим, тем лучше. Я ждала лишь тебя, чтобы совершить задуманное.

— Но я...

— После, Лотэсса, — оборвала ее богиня. — У нас будет еще время поговорить.

— Куда ты идешь? — обреченно поинтересовалась Тэсс, осознавшая, что ей не удержать Странницу.

— На вершину башни, — Маритэ, снизошла до ответа, но было видно, что она жаждет поскорее избавиться от собеседницы. — Звездный свет дает мне силы, как и любому Страннику. Дождись меня, Лотэсса. Не бойся, — богиня наконец соизволила заметить, что девушке страшно. — С тобой ничего не случится. Сейчас ты находишься вне Анборейи, а значит, не исчезнешь, когда я поверну мир назад. Просто дождись меня здесь.

— Как долго мне ждать?

— Пока я не вернусь, — этими словами Странница решительно закончила разговор и поспешила покинуть комнату через узенькую, почти незаметную дверцу, не дожидаясь, пока Тэсса задаст новый вопрос или еще как-нибудь попытается остановить ее.

Оставшись одна, Лотэсса решила, что звездный свет и ей не помешает. Она толкнула дверь, через которую проникла в комнату, и оказалась на площадке серебряной лестницы. Тэсса опустилась на ступеньку, надеясь, что небывалая красота окружающего пейзажа настроит ее на созерцательный лад и поможет унять волнение, привести в порядок мысли и чувства. Звезды — огромные, прекрасные и далекие — равнодушно взирали на девушку, искавшую у них утешения. Тэсс прислонилась спиной к темным камням, отчего-то казавшимся теплыми, и сцепила руки на коленях, вглядываясь в бесконечную темноту, в которой море сливалось с небом.

Где-то там, она даже не знала, в какой стороне, остался Валтор. Должно быть, он сейчас сидит на песке и так же всматривается в темную даль, думая о ней. Как долго ему осталось? Сколько времени пройдет, прежде чем этот человек, которого она ненавидела и любила, перестанет существовать? Просто исчезнет... При этой мысли Тэсса почувствовала, что задыхается. Она не кашляла, как обычно, но ощутила, что ей не хватает воздуха, а сердце напомнило о себе резкой болью. В этот миг девушка отчетливо осознала, что не может позволить Валтору просто так исчезнуть. Пусть богиня сжалится и подарит им хотя бы час вместе. Да, она обещала, что Валтор будет жить, но ведь речь шла не о том человеке, из-за которого сейчас болело ее сердце. Тэсса даже не представляла, что именно собирается сказать королю, но решила во что бы то ни стало уговорить Маритэ позволить ей хотя бы просто увидеть его. Она резко поднялась, полная решимости, и направилась обратно в комнату. Там она не без труда отыскала дверцу, через которую вышла Маритэ. За дверью начиналась еще одна лестница, на этот раз узкая и прямая.

На крыше башни Тэсс оказалась довольно быстро. Богиня стояла в центре широкой площадки, окруженной зубчатыми стенами. Руки Маритэ были воздеты вверх, и от ладоней разливался столб голубого света, узкий внизу и расширяющийся кверху подобно воронке. Девушке показалось, что небесные светила словно стягиваются к краям этой страшной и прекрасной воронки и устраивают вокруг нее свой звездный танец. Это было совершенно немыслимо, и логичнее всего было списать видение на обман зрения. Но если уж тегнари могли менять цвет небес, то что стоило звездной путнице повелевать звездами? У Лотэссы от звездной пляски закружилась голова. Зрелище одновременно завораживало и жутко пугало.

Богиня, поглощенная творимым колдовством, не замечала зрительницу, но Тэсс решила, что ей лучше уйти. В любом случае просьба, с которой она хотела обратиться к Маритэ, теперь потеряла всякий смысл. Попытаться остановить начатое заклинание или хотя бы просто отвлечь богиню — чистое безумие. Маритэ так долго собирала силы, и у нее есть одна-единственная попытка спасти Анборейю. Тот же Валтор никогда не простил бы ей, если бы девушка сейчас попробовала помешать Странице.

Лотэсса, стараясь ступать как можно тише, чтоб ненароком не привлечь внимание Маритэ, покинула крышу и вскоре вернулась на то место, где сидела до этого. Голубой свет, как будто отражавшийся от небес, был виден и отсюда, в отличие от обезумевших звезд. Однако спустя какое-то время, хоть Тэсс и перестала внезапно ощущать его ход, звезды пришли в движение и над нею. Точнее, не только звезды, но и сам небесный свод, казалось, дрожал и колебался. А потом все вокруг сдвинулось и завертелось, подобно тому, как было, когда они с Валтором угодили в плен к одному из волшебных зеркал Уивинорэ. Какая-то невидимая сила словно комкала пространство и время, а человеку, очевидно, совсем не полагалось становиться свидетелем подобных метаморфоз. Девушка чувствовала себя пылинкой, попавшей в жернова Вечности. Последним, что она ощутила, стала сильная боль, словно взорвавшая голову, за которой последовала спасительная темнота.

Очнувшись, девушка увидела над собой испуганное склоненное лицо Маритэ. Тэсс лежала на ступенях. Небеса уже успокоились и приняли свой прежний, исполненный холодного величия вид. Голова раскалывалась, и это наводило на мысль, что она упала и хорошенько приложилась затылком о лестницу.

— Что со мной? — глухо спросила она.

— Не стоило тебе покидать комнату, Лотэсса, — покачала головой Страница. — Впрочем, это моя вина. Мне следовало тебя предупредить. Тебя задело отголосками заклинания. Нет, то, что произошло с Анборейей, тебя не коснулось, — ответила богиня на невысказанный вопрос. — Ты просто попала в магическое поле заклинания, чего не

случилось бы, останься ты внутри башни. Ничего, сейчас станет легче.

И правда, боль и слабость постепенно уходили. Когда Тэсса с помощью Маритэ поднялась, то чувствовала она себя просто прекрасно.

— Теперь с тобой все хорошо, — легкая улыбка тронула усталое лицо Странницы. — Действительно все. Я освободила тебя от проклятия Дэймора.

Только теперь девушка вспомнила, что в обители Маритэ ее ни разу не настиг приступ мучительно кашля. А теперь, выходит, богиня и вовсе исцелила ее. Что ж, с учетом того, что предстоит сделать, это более чем кстати.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она.

Плясать от восторга и рассыпаться в благодарностях Тэсс вовсе не собиралась. Ее жизнь и здоровье нужны Маритэ больше, чем ей самой.

— Пойдем, Лотэсса — позвала Странница.

Девушка последовала за ней. Сначала в комнату, а потом, к своему удивлению, на крышу.

— Зачем мы здесь? — разглядывая неподвижные звезды и не подсвеченное голубым сиянием небо, спросила она.

— Отсюда я отправлю тебя обратно, в Анборейю.

— В дом Уивинорэ?

— О нет! — Маритэ решительно помотала головой.

— Значит, сразу на Ай-Халла? — Тэсса задала наиболее волнующий ее на данный момент вопрос. — Надеюсь, мне не придется второй раз проходить Тропой безумных ветров?

— Разумеется, не придется, — к великому облегчению своей избранницы, подтвердила богиня. — И я вовсе не собираюсь отправлять тебя на Ай-Халла или даже в Латирэ. Мне удалось выиграть для мира всего несколько месяцев, и было бы чистым безумием, если бы ты провела их в дороге. Нет, ты окажешься сразу в Дайрии, как можно ближе к Его Величеству Валтору Малтэйру.

При звуках этого имени у Тэссы замерло сердце, но она тут же напомнила себе, что тот Валтор, о котором говорит Маритэ, совершенно чужой ей человек. А она для него и давно.

— Но ты так и не сказала, как именно мне следует действовать, — девушка вернулась к волнующей ее теме. — Что делать и что говорить?

— Если бы я знала, — вздохнула Странница. — Даже не связывай меня обещание не вмешиваться лично в дела Анборейи, я с трудом представляю, как бы пыталась убедить дайрийского Ильда в необходимости отказаться от войны. Не будь король Валтор потомком Дренлелора, я бы выбрала его вместо тебя, заставила бы прийти сюда и поведала все, что знаешь ты. Это, несомненно, предотвратило бы трагические события, повлекшие освобождение Дэймора.

— То есть ты хочешь сказать, что понятия не имеешь, каким образом я должна выполнить твоё поручение? Как такое может быть? Ты же богиня!

— Для вас — да. Но сами по себе Звездные путники не так уж сильно отличаются от людей. Мы могущественны, это да. Способны менять реальность и путешествовать по мирам. Но разум и чувства у нас устроены подобно человеческим. Только тегнари — люди, на которых свалилось непосильное могущество — стали в силу этого бесстрастными и вечно скучающими. Странникам это не свойственно. Ты уже поняла, что мы способны любить и ненавидеть, дружить и враждовать. Осталось признать, что временами и мы можем пребывать в растерянности, испытывать слабость и даже беспомощность. Тегнари почитают себя мудрыми. Мало кто из Странников может сказать так о себе. Есть, конечно, среди нас рассудительные и исполненные мудрости,

но по большей части Странники — беззаботные взбалмошные дети, жизнь которых наполнена самыми удивительными приключениями и подчинена их желаниям. Люди взрослеют в силу обстоятельств, под гнетом ответственности и обязанностей. Мы же вечно свободны, перед нами открыт не просто весь мир, а множество миров. Когда и как нам набираться мудрости, особенно в человеческом ее понимании? Я еще достаточно сильна, чтобы повернуть жизнь Анборейи на несколько месяцев назад, но при этом мне так же, как и тебе, сложно найти слова, которые могут убедить удачливого монарха не использовать идеальный момент для начала победоносной войны. Я много веков повелевала смертными, но мне почти никогда не приходилось договариваться с ними. Что касается Странников, то мои отношения с ними также нельзя назвать мудрыми, даже по человеческим меркам.

— То есть, выходит, звездные путники не умнее людей? — Тэсса просто не могла поверить в то, что говорила.

— Именно так, — подтвердила Маритэ. — Не умнее, не добрее, не лучше. Напротив, у иных людей нам стоило бы поучиться добродетелям. Тот же Дренлелор являл собой образец мудрости, благородства, доброты и прочих достоинств.

— Но ведь он предал тебя, — напонила девушка. — Пусть невольно, но все-таки.

— Ты же понимаешь, что Дренлелор ни в чем не виноват передо мной. Дэймор обманул его. Да, призванная королем Элара, я попала в ловушку. Именно тогда Дэймор похитил меня и заточил в своем мире...

— Разве Дэймор мог создавать миры? — удивилась Лотэсса.

— Скорее, подобие мира, — пояснила богиня. — Там не было ничего живого, хотя творение Дэймора можно даже счесть по-своему красивым. Самого Дэймора, заточившего меня в своей прекрасной темнице, тоже можно понять. Признаюсь, тогда я была почти счастлива, находясь наедине с ним, свободная от ответственности и необходимости выбирать. Но Хранители спасли меня, и пришлось вновь принимать мучительные решения, в итоге оказавшиеся ошибочными. Теперь ты видишь, Лотэсса, что бесполезно спрашивать у меня совета. Даже среди твоих знакомых больше тех, кто мудрее меня и мог бы подсказать тебе, что делать. Хотя часть из этих знакомых бывшие... или будущие. Смотря с какой стороны на это взглянуть.

— Значит, мне придется рассчитывать только на саму себя? — подвела безрадостный итог Тэсс.

— Мне жаль, но это так. Я даже во сне не смогу тебя являться, разве что ты снова решишь отправиться в мой Храм. Хотя на это нет времени. Но я верю, что ты справишься, Лотэсса. Если не сможешь переубедить короля Дайрии, попробуй воспользоваться влиянием на короля Элара. Уж Йеланд-то в любом случае будет с тобой считаться. Мне бы очень хотелось тебе помочь, но...

— Но ты не знаешь, как, — закончила за нее девушка. — Ладно, попробую сама, раз уж больше ничего не остается. Надо же, в конце концов, доказать тебе, что во мне есть хоть что-то стоящее, кроме красоты и знатности.

Глава 12

Голубое небо и солнечный свет показались Тэссе настоящим чудом. Вроде не так уж долго пробыла девушка в башне Маритэ, где царит вечная звездная ночь, но выяснилось, что за это время она успела отвыкнуть от дневного света. Да и сама Дозья, куда отправила Лотэссу богиня, казалась какой-то незнакомой. Конечно, стоит учитывать, что в Дайрии Тэсс никогда раньше не бывала. Кроме того, выехали они из Элара осенью, а сейчас в мире царила ранняя весна. Кстати, любимое время года теперь отнюдь не радовало девушку. Маритэ оказалась последовательна в своей непрактичности и неприспособленности к реалиям человеческой жизни, да и Лотэсса не далеко от нее ушла. Это же надо было отправиться в Дайрию, не имея при себе ни коня, ни единой монетки, в легкой латирской одежде...

И вот теперь она стоит у дороги, ведущей к Тиарису, пешая, без денег, в подозрительно-возмутительном наряде, который мало того, что ни капельки не греет, так еще и привлекает внимание каждого встречного. При всем этом ей необходимо не только пройти через городские ворота в столицу Дайрии, но и добиться приема у его величества, дабы убедить короля Валтора отказаться от победоносной войны. В общем, положение — лучше не придумаешь! Девушка вздохнула и обхватила плечи руками в безнадежной попытке согреться. Предстоящая ей задача представлялась почти неразрешимой. С другой стороны, она справилась уже с немалым количеством неразрешимых задач и преодолела много непреодолимых препятствий. Как-нибудь справится и на этот раз.

Тэсс в очередной раз вздохнула, глядя на городские стены, за которые ей предстояло проникнуть. Казалось, до них рукой подать, но на самом деле пешая дорога до Тиариса займет полдня, а то и больше. Совсем другое дело, будь она верхом. Но достать коня в данный момент казалось не более реальным, чем остановить войну. Энья Линсар, волею судеб никогда в жизни не думавшая о деньгах, и представить себе не могла, каково это — оказаться без них. Самое обидное, что богине ничего не стоило позаботиться о таких мелочах, как деньги, лошадь и теплая одежда, но это просто не пришло в голову светлой созидательнице. Впрочем, сама Тэсса ничуть не больше озаботилась собственными элементарными удобствами. Во время путешествия с Валтором ей не приходилось думать о подобных вещах. Будь он сейчас рядом, ей бы не нужно было мучительно искать выход. Дайриец бы обязательно что-нибудь придумал и уладил все сложности. Продал бы что-нибудь, в конце концов. Она бы поступила так же, будь у нее что продавать. Но не одежду же с себя снимать, хоть здесь ее наряд совершенно неуместен, привлекает внимание и выглядит вызывающе. И не греет ни капельки.

Все эти мысли девушка прокручивала в голове, шагая в сторону города. Стоять столбом — глупо, да и холодно. Несмотря на ранний час, дорога, ведущая в столицу, отнюдь не пустовала, к великой досаде Тэссы. Простолюдины то и дело обгоняли ее, кто пешком, кто на телегах. Все без исключения сворачивали шеи и глазели вслед девушке в брюках из полупрозрачной ткани, с волосами, заплетенными в дюжину кос. Многие не ограничивались взглядами. Удивленные, оскорбительные и изредка сочувствующие слова сопровождали каждый ее шаг. Тэсс забыла о холоде. Пылающий в ней гнев жег изнутри. Да как смеют эти жалкие ничтожества кидать грязные реплики ей в спину?! Однако, видно, что-то в странном облике девушки останавливало крестьян и прочих путников от попыток пойти дальше выкриков. Они словно каким-то внутренним чутьем понимали, что эта девица, пусть и пешая, дико одетая и одинокая, им не ровня. Однако то, что понимали тупоголовые крестьяне, оказалось не столь очевидным для людей рангом выше. Услышав сзади себя стук копыт, Лотэсса оглянулась и увидела рыцаря в доспехах. Доспехи выглядели старыми и потертыми, да и коняга даже в лучшие свои времена не заслуживал доброго слова, что не мешало рыцарю размахивать кнутом направо и налево, отгоняя с дороги простонародье. Поравнявшись с девушкой, мужчина присвистнул:

— И откуда ж ты такая взялась, красотка?

Тэсса, за полчаса научившаяся гордо игнорировать самые разнообразные окрики, предпочла и в этот раз промолчать.

— Отвечай, милая, когда к тебе обращается дворянин, — потребовал мужчину. Тон его был почти добродушным, но, между тем, явственно чувствовалась угроза.

— Ну естественно, — она наконец снизошла до ответа. — Каждый жалкий мелкопоместный барон гордится своими дворянскими грамотами похлеще столичной аристократии. Езжайте мимо, дэн дворянин, и не обременяйте себя вопросами, ответов на которые не получите.

— Ах ты, наглая малявка! — грязно выругавшись, латник схватил Тэсс, словно котенка за шкурку, и водрузил на коня перед собой. — Сейчас ты у меня узнаешь!

Лотэсса похолодела от ужаса, но в то же время бешеный гнев придал ей сил и дерзости.

— Попридержите язык, дэн рыцарь, если не желаете лишиться его вместе с головой!

Проходящие мимо путники с интересом наблюдали за разворачивающимся представлением, но кнут, прошедший по паре спин, быстренько уменьшил количество любопытных. Оказавшись лицом к лицу со своей пленницей, мужчина, похоже, несколько опешил. То ли его поразила ее хваленая красота, то ли черты лица явственно выдавали в ней принадлежность к аристократическому сословию. Да и дерзкий тон девушки явно поколебал его уверенность.

— Кто ты такая, в конце концов? — он по-прежнему держался нагло, хотя в голосе явственно слышалось сомнение.

— Советую обращаться ко мне на «вы» и при этом добавлять «энья», — надменно потребовала Лотэсса.

— И что же такая высокородная дама делает посреди дороги, совершенно одна и в таком виде?

— Я не собираюсь перед вами отчитываться! — она тряхнула головой так сильно, что парочка кос хлестнула мужчину по щеке. — И если уж вам, дэн рыцарь, пришла в голову идея втащить меня на лошадь, то будьте любезны довести меня до города. В этом случае я закрою глаза на ваше противоречащее рыцарской чести поведение и не стану жаловаться королю или эну Элвиру, — назвать Торна «верховным протектором» Тэсс не решилась, поскольку не знала, какую именно должность занимал он при дайрийском дворе. Возможно, протектором он стал только в Эларе.

— Королю?! — мужчина расхохотался нарочито громко, но при этом смех звучал не слишком уверенно. — Да кто ж ты все-таки такая?

С одной стороны, Тэссе совсем не хотелось раскрывать свое настоящее имя перед каким-то зарвавшимся мужланом, с другой, даже узнай это ничтожество, кто она на самом деле, вряд ли это на что-нибудь повлияет.

— Вас это не касается, — все-таки лучше до поры до времени попридержать свою личность в тайне.

— Раз ты, энья-как-тебя-там, предпочитаешь скрытничать, — вновь набравшись храбрости, заявил рыцарь, — то я не намерен доставлять тебя в Тиарис. Брошу прямо здесь, и бреди себе дальше.

Лотэсса с удовлетворением отметила, что, по крайней мере, он больше не планирует удерживать ее силой. Однако перспектива побыстрей добраться до столицы теперь казалась слишком соблазнительной.

— Как знаете, — она прикинулась равнодушной. — В этом случае пеняйте на себя.

— И что мне будет, если я откажусь тебе... вам помогать? — с некоторым беспокойством осведомился мужчина.

— Узнаете, — она многозначительно улыбнулась.

Теперь Тэсса совсем осмелела и чувствовала себя хозяйкой положения, в чьей власти диктовать условия. Все-таки благородство происхождения и почти врожденная привычка повелевать сделали свое дело. Даже будучи совершенно беспомощной, она смогла внушить трепет представителю низшего сословия.

— А если соглашусь? — он решил сменить тактику и подумать о возможной выгоде. — Какой мне в том прок?

— Благодарности короля вам недостаточно, дэн рыцарь, имени которого не имею чести знать? — таким образом Тэсс попыталась дознаться имени спутника, не раскрывая при этом собственного.

— Благодарность благодарностью, а звонкая монета всегда надежней, — парировал он. — А зовусь я Карисом Парном, если угодно. Да и королевская благодарность, которую вы мне сулите, дело весьма сомнительное. Почему я должен вам верить?

Да потому, что ты уже веришь, усмехнулась про себя Тэсс. То есть не столько веришь посулам, сколько опасаясь, что угрозы странной незнакомки могут оказаться правдой. Есть такие малодушные натуры, которые, упиваясь властью над слабым, готовы пресмыкаться перед тем, кто сильнее или выше. В данном случае в арсенале Лотэссы не было ничего, кроме природного умения надменно держаться и знания дайрийского двора. Но, очевидно, трусоватому Парну хватило и этого. И теперь он, как миленький, доведет ее до города и проведет через ворота. Конечно, мало удовольствия ехать рядом с мужланом, созерцая его крайне непривлекательное рыхлое лицо, невольно вдыхая смесь запахов вина и лука. Но идти пешком под оскорбительные окрики крестьян и бродяг еще хуже.

— Может, изволите дать даме плащ, дэн Парн? — ехидно поинтересовалась Тэсса.

От одной мысли закутаться в плащ с плеча этого крайне непривлекательного, грязного и противно пахнущего человека девушке становилось дурно. Но, оказавшись в седле, она начала мерзнуть еще сильнее, а главное, стоило спрятать от посторонних взоров вызывающий латирский наряд. Меньше всего нужно было, чтобы ее одеждой заинтересовались стражники у ворот.

— Плащ ей сними, — проворчал латник. — Может тебе еще и лошадь отдать, благородная знья, а самому пешком в Тиарис приплестись? Впрочем, я бы отдал, если бы получил достойную плату. Вот, например, это колечко меня бы вполне устроило, — его мутные, неопределенного цвета глаза алчно сверкнули при взгляде на перстень, украшающий безымянный палец левой руки девушки.

Лотэсса, проследив за его взглядом, почти с удивлением вспомнила про кольцо, практически насильно врученное ей Валтором в знак помолвки. Получается, ей есть что продать, хотя до ужаса не хотелось расставаться с единственной вещью, оставшейся на память от их неудавшегося романа с королем. И уж точно не видать перстня жадному наглецу, общество которого ей пришлось невольно разделить.

— Это кольцо — подарок короля Дайрии, — надменно и совершенно честно ответила девушка.

— Да ну? — недоверчиво протянул рыцарь.

— Можете спросить у него самого — усмехнулась Тэсс. — Если, конечно, вам представится случай удостоиться аудиенции его величества.

Тут ей в голову пришла мысль, что Дайриец вряд ли опознал бы кольцо, поскольку на самом деле подарок своей невесте он вручит лишь несколько месяцев спустя. Но вряд ли у Парна есть шанс уличить ее во лжи. Хотя сам рыцарь, похоже, думал иначе.

— Ежели вы обещали мне королевскую награду, то почему бы мне не повидаться с его величеством? — заданный вопрос был не лишен оснований

— Награда вовсе не обязательно предполагает личную аудиенцию у короля, — не менее резонно возразила Лотэсса.

— Тогда, может, пожертвуете другое колечко? — Парн кивнул на правую руку девушки, где красовалось аметистовое колечко Нейри.

— А это подарок принца Элара, — Тэссе даже нравилось бравировать монаршими именами перед этим жалким баронишкой, пусть он и не до конца верит.

Она-то знает, что говорит чистую правду. А уверенность в голосе зачастую значит больше, чем суть того, что говорится. Однако надо пообещать этому нахалу хоть какую-нибудь награду, чтоб поменьше заглядывался на ее украшения.

— А зачем вы, собственно, направляетесь в Тиарис? — поинтересовалась девушка.

— А вам-то какое дело, энья без имени, увешанная подарками королей? — грубо и ехидно буркнул в ответ латник.

— Для того чтобы бедный рыцарь, подобный вам, покинул свой замок и отправился из какой-нибудь далекой провинции в столицу, должна иметься довольно веская причина.

— Предстоящая война — чем не причина? — Парн поскреб щетину на подбородке. — И не такой уж я бедный, — уязвленно прибавил он.

Напоминание о войне расстроило Тэсс, которая за текущими мелкими трудностями успела почти позабыть о трудности основной. Зато дэн Карис неожиданно разговорился.

— Раз уж дама столь благородных кровей пообещала мне королевскую милость, то, будьте уж так добры, выпросите у короля Валтора отряд воинов под мое командование.

— Разве у вас нет своих людей? — искренне удивилась девушка.

— Есть-то они есть, — нехотя признал мужчина. — Только воины из них... как из тебя знатная дама, — и он грубо хохотнул собственной шутке.

— Тогда считайте, что вы располагаете великолепным отрядом, и вам нечего больше желать, — не осталась в долгу Тэсс.

— Отрядом, да уж... — пробурчал Парн. — Шаэлы бы пожрали тот отряд!

Лотэсса сделала вывод, что, должно быть, весь отряд Парна состоит из горстки туповатых крестьян, которые остались дома, потому как тащить в столицу этот сброд — только позориться. Да и кормить их в пути надо, что тоже накладно. Мимоходом девушка подивилась, когда это она успела стать такой практичной.

— Ну что, замолвите словечко за славного капитана Кариса Парна? — не отставал латник.

— Там видно будет, — неопределенно ответила Тэсса.

— Ах так?! — возмутился он. — Вот ссажу тебя прямо сейчас, и добирайся, как знаешь. Посмотрим, как тебя согреет твоя благородная кровь.

Послушать этого наглеца, так он посадил ее к себе в седло из жалости, а не втянул против ее воли с намерениями, о которых лучше не думать.

— Попробуйте, — девушка усмехнулась, стараясь держаться как можно увереннее.

На самом-то деле ей вовсе не улыбалось вновь оказаться на земле. Новый случай добраться до Тиариса верхом ей вряд ли представится. На крестьян ее высокородные манеры и знакомство с приближенными короля и с ним самим, скорее всего, не произведут впечатления. Ей попросту никто не поверит. Так что уж лучше, стиснув зубы, держаться этого мерзкого Парна.

— Да ладно уж, не буду. Даже ежели ты врешь, то трудно ли за просто так подвезти такую милашку? — мужчина попытался потрепать спутницу по щеке, но не смог из-за низко надвинутого капюшона.

— Попридержите язык, дэн Парн, — отшатнувшись, гневно прошипела Лотэсса. — И руки тем более.

— Ой, да ладно, — то ли обиженно, то ли смущенно пробормотал он.

После этого оба замолчали и хранили молчание до самых ворот. Потрепанный, дурнопахнущий плащ сделал свое дело, девушку под ним практически не было видно. Она, в свою очередь, тоже почти не видела стражников, чуть ли не прижимаясь к

спутнику, несмотря на омерзение.

Обменявшись с рыцарем парой реплик, стражник задал вопрос, которого Тэсс боялась больше всего.

— Кто это с вами?

Сейчас скажет «сестра», подумала Тэсс...

— Жена, — ответил Парн.

— Дайте-ка взглянуть, — нагло хохотнув, потребовал один из стражников.

— Свою заведи да гляди сколько влезет.

После такой отповеди девушка испытала к Парну чуть ли не благодарность, а охранники пропустили их через ворота.

Въехав в город, мужчина ссадил спутницу на землю.

— Значит так, я тут недалеко планирую остановиться, на Скользкой улице в таверне «Три факела». Ежели понадобится, спросите меня там. А сами-то куда направитесь? Поди, сразу в королевский дворец? — съехидничал он напоследок.

— Вас это не касается, — Тэсса надменно вскинула голову. — Прощайте, дэн Парн.

Найти в себе силы поблагодарить неприятного провожатого она все же не смогла. Проводив рыцаря глазами, девушка поняла, что не смогла бы ответить на его последний вопрос, даже если бы очень захотела. Она понятия не имела, куда направится.

Глава 13

Элвир со вздохом придвинул к себе очередную стопку бумаг. Сюда бы сейчас кого-нибудь из многочисленных завистников, пусть полюбуются, на что похожа жизнь второго лица в государстве. Хотя это, разумеется, невозможно. Как могут жадные до власти и почестей придворные увидеть королевского наперсника за работой, если сами еще почивают и видят сладкие сны? Зато ему, Элвиру Торну, приходится просыпаться чуть ли не с крестьянами, а засыпать позже вертопрахов, шляющихся по балам и прочим ночным развлечениям. Хоть бы уже скорее, что ли, Валтор начал свой поход на Элар. Сидеть в седле куда приятнее, чем за письменным столом, да и сражаться с противниками на поле боя лучше, чем с кипами документов, разбор которых не терпит отлагательств. По-хорошему, бумажной возней стоило заниматься верховному канцлеру Фрэлему Табрэ, но тот, при всем своем уме, порой принимал решения, руководствуясь не целесообразностью, а кодексом собственных принципов и убеждений. В обычное время с этим можно было смириться, просто указывая канцлеру на его ошибки и переубеждая его. Но сейчас времени на споры не было, как не было его и на то, чтобы отслеживать и перепроверять наиболее значимые решения Табрэ. До начала военной кампании надлежало привести дела в такой вид, чтобы оставшимся в столице государственным сановникам нужно было лишь следить за ходом событий, но не направлять их в необходимое русло. Так уж случилось, что и сам канцлер, в другое время непременно возмущившийся бы вмешательством в его сферу, на этот раз не возражал. Слишком уж занят был Табрэ делишками своего беспутного сынка и хлопотами, которые тот доставлял. Искель Табрэ, смазливый рифмоплет, постоянно волочил за какой-нибудь из красавиц двора. Временами красавицы попадали под его обаяние, хотя Элвир искренне не понимал, что могли девушки находить в этом пустом и довольно жалком человеке. Да и слащавые стишки, посвящаемые его избранницам, казались Торну откровенно ужасными. Однако Искель все-таки пользовался определенным успехом у женщин. Сына верховного канцлера уже не раз вызывали на поединки братья, женихи, а то и мужья соблазненных дам, раза три младший Табрэ довольно серьезно пострадал, но, к сожалению, это не послужило ему уроком. Отец даже женил свое беспутное чадо в надежде, что тот остепенится, но не тут-то было. Последней жертвой Искеля стала Грианна Лард, единственная наследница одного из самых знатных и богатейших родов Дайрии. Было время, когда отец Грианны — эн Лард, ведавший государственной казной — даже мечтал посадить свою дочку на трон, надеясь просватать ее за молодого короля. Валтор сию смелую авантюру не одобрил, а теперь бедняге Ларду сложно было подыскать для своей малышки хоть сколько-нибудь сносного супруга. Несмотря на огромное состояние и имя Лардов, никто из уважающих себя аристократов не желал воспитывать ребенка распутного поэта. Сохранить плод бурного романа молодого Табрэ и прелестной эньи Лард в тайне не удалось, и теперь об этом судачил весь двор. Оба отца: и верховный канцлер, и главный казначей — пребывали в отчаянии из-за поведения своих отпрысков и ужасно ссорились между собой. В такой ситуации эн Фрэлom не мог с прежним энтузиазмом предаваться государственным делам, и потому Элвиру пришлось взвалить их на себя, затронув отчасти и казначейское ведомство.

Дверь хлопнула, и в проеме показалась высокая фигура короля. Глянув на стол, заваленный бумагами, его величество сочувственно усмехнулся.

— Ты вообще хоть изредка спишь? — поинтересовался Валтор.

— Судя по всему, отсыпаться мне предстоит в седле и на полях сражений, — вздохнул Торн. — Так что пусть мой государь не ждет от меня ратных подвигов.

— Твой государь и так ощущает вину, глядя, как ты трудишься не покладая рук.

— Ну, ты тоже не бездельничаешь, — усмехнулся в ответ Элвир.

— И все же, мне полегче приходится, чем тебе. Хотя сегодня вечером прием латирских послов. Чтоб увильнуть от беседы с посланцами царицы Армиры, столь нежно любимой моим батюшкой, я бы согласился провести целый день за бумагами, а то и неделю. Порой я думаю, может, проще жениться на латирской царевне, чем в сотый раз придумывать вежливые обоснования отказа?

— Ну так женись, — хмыкнул в ответ Элвир.

— Ты же знаешь, что я на это отвечу.

— Знаю, — Торн кивнул. — Латирэ и так наш давний союзник, а с помощью грамотно продуманного политического брака можно заручиться новым. Я слышал этот довод много раз, но по-прежнему уверен, что на самом деле причина твоего отказа — слишком длинный нос царевны.

Валтор рассмеялся.

— Ну разумеется! Хотя если сравнивать внучку Армиры с сантэскими принцессами, то длинный нос Ирианы покажется пикантной деталью, придающей лицу латирянки оригинальность.

— О да! — Элвир тоже развеселился. — Обе дочери короля Далериона — те еще красотки, что не мешает менее разборчивым, чем ваше величество, правителям регулярно свататься к ним.

— Даже выбери я одну из них, Сантэр вряд ли изменит своей стародавней дружбе с Эларом, больше похожей на пресмыкательство. И потом, я считаюсь самым завидным коронованным женихом по нынешним временам, — Валтор облокотился о край письменного стола. — А посему мне позволительно быть капризным. Впрочем, принцессы нынче какие-то... — он скорчил недовольную гримасу.

— А как же валэйнская блондиночка? — лукаво осведомился Торн.

— Блондинки — это больше в твоём вкусе, — отмахнулся король. — И потом, если бы я планировал взять в жены привлекательную особу, не обремененную моральными принципами, брак с которой не сулит никаких политических выгод, то с тем же успехом мог бы сделать королевой энью Лард. Кстати, как обстоят дела с этой податливой красоткой? Нашли ей мужа?

— Мне-то какое дело? — фыркнул Элвир. — Пусть этим занимается ее папаша. С меня хватит и того, что я за него просчитываю последствия уменьшения земельного налога.

— А я и не предлагаю заняться этим тебе, — с нажимом на последнее слово произнес Валтор. Для нас с тобой найдутся дела поважнее.

— Еще бы, — согласился он. — Ты так и не передумал переносить начало кампании? Все играешь в благородство, давая врагу время укрепить границы?

— Сам отлично знаешь, что никаких благородных мотивов в моих действиях нет. Благородство и политика — вещи плохо совместимые. А Элару по-хорошему стоило начать укреплять границы более полугода назад, после официального разрыва дипломатических отношений. Не моя беда, что король Йеланд не озаботился этим вопросом, так же, как не занялся формированием полноценной регулярной армии. Уверен, даже объяви мы войну Элару по всем правилам, причем за год, братья Ильды продолжали бы беззаботно веселиться, уповая на былую мощь и славу своей страны.

— Точнее, нашей страны, как любил говаривать покойный король Аритэр, — поддержал Элвир.

— Да, настало время воплотить в жизнь чаяния отца и деда — объединить государство, расколотое больше трех веков назад двумя честолубивыми глупцами, нашими общими предками.

— Ну, война и объединение еще не сегодня, — Торн решил слегка остудить королевский пыл.

— Знаю, — вздохнул Валтор. — Сегодня — латирские послы. Надеюсь, донесу до них мысль, что в разгар политических передраг мне не до женитьбы. Да и на самом деле думать о браке до решения вопроса с Эларом — сущая глупость.

— Не поспоришь. Ладно, ваше величество, пора мне возвращаться к своим привычным развлечениям, — он кивнул на письменный стол.

— Если бы не твои полководческие таланты, Элвир, — задумчиво проговорил король, — я

бы на время войны оставил бы тебя в Тиарисе, полностью избавив себя от тревог. Ты — единственный, на кого я могу полностью положиться.

— Ты меня еще на трон усади вместо себя, — хмыкнул Торн. — Нет уж, уволь. Пусть Табрэ этим занимается.

— Эн Фрэлom неплохо справляется со своими обязанностями... как правило. Но он все-таки канцлер, он не привык принимать самостоятельные решения, и я не совсем уверен, что принятые им решения всегда будут разумными и практичными.

— С подобной ответственностью куда лучше справится Риз Нолан, — осторожно начал Элвир. — Хотя я понимаю, что против данной кандидатуры могут возникнуть серьезные возражения.

— Риз Нолан? Тот, что ведает тайной сетью осведомителей?

— Именно. Он не так родовит, как верховный канцлер, кроме того, он на пятнадцать лет моложе, и все же временный представитель короны из него выйдет лучше, чем из Табрэ. Эн Риз, в силу своей осведомленности о тайнах чужих дворов, привык за показным фасадом видеть истинную суть явлений, он куда лучше сопоставляет причины со следствиями и умеет просчитывать риски и преимущества того или иного решения. А еще при всем своем честолюбии эн Риз лишен мелочного тщеславия и спеси, кроме того, честен, хоть и не готов безоговорочно следовать каждой букве рыцарских кодексов. Конечно, если ты оставишь дела на Нолана, Табрэ возмутится до глубины души...

— Я подумаю об этом, — Валтор казался погруженным в свои мысли. — Пожалуй, сейчас нет вопроса важнее, чем найти человека, способного разумно распорядится свалившейся на него властью и удержать порядок до нашего возвращения. А Табрэ... сам понимаешь, — он махнул рукой. — Нужно поговорить с Ноланом сегодня вечером. То есть завтра. Сегодня — послы.

— Скорей бы уж война, — усмехнулся Элвир. — Тогда мы оба отдохнем.

— Я бы на твоём месте не особо на это рассчитывал. В случае победы нам придется разбираться с Эларом. Сам знаешь, какой мудростью отличаются решения короля Йеланда, точнее, троицы его приспешников. Покойный король такого хаоса не допустил бы. С другой стороны, при нём эларская кампания вряд ли стала бы возможной. Правление детей Лендера, точнее, их полное устранение от власти, сейчас нам на руку, но потом, чувствуя, мы ещё наплачемся, расхлебывая последствия. Так что готовься. Назначу тебя верховным протектором.

— Ну спасибо! — Торн отвесил своему повелителю издевательский поклон. — Чего мне в жизни не хватало, так это ещё одного ответственного поста. Что ж, за дружбу с королем надо платить.

— Бедняга, — с наигранным сочувствием отозвался Валтор. — Нет бы тебе водить дружбу с эларским или сантэрским монархом — пиры, охоты, балы, любовницы, почести...

— Для бессмысленного прожигания жизни вовсе не обязательно занимать государственные должности, достаточно обладать знатностью и приличным состоянием. К счастью, этот путь меня не манит. Да и не имею я права на подобное существование.

— А я и подавно, — заметил король. — Помнишь, как отец говорил? Король — больше слуга своей страны и народа, нежели господин. Пафосно звучит, но по сути верно. Кстати, Лендер Эларский тоже это понимал. Ему не доставало мудрости моего отца, в своё правление он допустил довольно много ошибок, но зато никогда не перекладывал бремя власти на чужие плечи. Батюшка крепко не любил Лендера Ильда, но уважал и отдавал ему должное.

— Что ж тогда старый Ильд не смог из сыновей вырастить достойных преемников? — вопрос был скорее риторическим, тем более Элвир знал ответ. — Их ведь воспитывала королева, пока Лендер безуспешно пытался оттяпать кусок от Имтории. Забавно. У Лендера Эларского была мечта присоединить к Элару Имторию, а у Аритэра Дайрийского — к Дайрии Элар. И всем-то тесно в привычных границах...

— Не всем, — возразил Валтор. — Только сильным или тем, кто считает себя таковыми. Ведь Лендеру так и не удалось захватить нищую Имторию. Как знать, возможно, вскорости мы на себе сможем испытать, что значат притязания, превышающие реальные возможности.

— Будем надеяться, этого не случится, — слова друга заставили Торна задуматься. — Сейчас идеальный момент. Королевские приспешники, изрядно опустошив казну, теперь принялись грабить страну. Налоги и цены высоки, деньги обесценены. Йеланд после разрыва отношений с Дайрией даже не попытался мобилизовать армию, что неудивительно. Средств на то, чтобы поддерживать ее в боеспособном состоянии, нет. А ведь просчитать вероятность нашего нападения при теперешнем стечении обстоятельств сможет и безграмотная крестьянская девка. Вот в Имтории всегда были готовы к нападениям короля Лендера. При вечном недостатке денег средств на укрепление границ и оборону импортеры никогда не жалели. В общем-то, это их основная и чуть ли не единственная статья расходов.

— Чего я, кстати, никогда не понимал. По мне, присоединение Имтории или хотя бы ее части к Элару не так уж ужасно для импортеров. Для бедного государства стать частью государства процветающего — благо. По крайней мере, в глазах простого люда и небогатого дворянства. Аристократию, даже нищую, интересует борьба за власть, тем же, кто далек от этой возни, достаток и спокойствие куда милее. Естественно, я имею в виду времена покойного короля Лендера. Его сынок умудрился пустить по ветру казну, которая и при его батюшке не то чтобы ломилась от изобилия. Пока эларцы еще не успели ощутить это на себе в полной мере, но, если все останется как есть, через несколько лет Элар станет не богаче Имтории.

— Не станет, поскольку там сменится король, — Торн усмехнулся и подмигнул другу. — Ваше величество не допустит этого.

— Допустили бы мое величество до власти, — хмыкнул в ответ Валтор. — Впрочем, мы же не смиренные просители, а завоеватели. Пусть Элар дремлет, убаюканный отголосками прежнего величия. Бодрствующий всегда сильнее спящего. И крестьянин с глубиной сможет погубить великого воина, пребывающего во сне.

— Ну и сравнения у тебя, — поморщился Элвир. — Дайрия — не крестьянин, да и Элар — давно уже не великий воин. Ныне он дряхл и тучен, и меч его давно отброшен. Лендер пытался стереть с него ржавчину и паутину, но дело воинственного короля продолжить некому. Один сын танцует и уделяет больше внимания лошадям и собакам, чем послам и указам, а другой пишет стихи и картины.

— И только благодаря бездарности нынешних правителей Элара эта война вообще стала возможной. Думаю, мы не раз еще возблагодарим короля-танцора и принца-поэта. Быть может, уже этим летом. Даже не верится, что через три недели мы выступим.

— Хорошо, что хоть через три, — проворчал Торн. — С тебя сталось бы начать поход прямо сейчас.

— Ну уж нет! По таким-то дорогам! Да даже будь у нас тепло и сухо, как в Латирэ, и цветущие сады вместо мокрого снега за окном, и тогда бы я не объявил наступление до исхода месяца Маритэ¹.

— Это еще почему? — Элвиру и впрямь стало любопытно.

— Не знаю, — король пожал плечами. — Не люблю я эту Маритэ.

Глава 14

Снова оставшись одна, Тэсс предпочла просто идти вперед, попутно размышляя, что предпринять дальше. Жадность Парна навела ее на мысль о продаже драгоценностей. Теперь нужно было решить, каким из двух обручальных колец пожертвовать. Кольцо Валтора с сапфирами и гранатами, наверное, стоит дороже, но это, в принципе, неважно. Стоимости любого из них хватит на коня, приличную одежду и проживание в хорошей гостинице. Однако выбрать не так-то просто. Теперь, когда она решилась признаться себе, что любит Дайрийца, его кольцо для нее даже ценнее, чем подарок принца. Но и с аметистовым колечком Нейри расставаться будет до ужаса тяжело. С другой стороны, сейчас начало весны, а следовательно, Нейри еще жив и она по-прежнему его невеста. Он может подарить ей еще дюжину таких колец. А король Дайрии ее даже не знает, его кольцо — последнее, что осталось от прежнего Валтора. В глубине души девушка знала, что, даже не имея она этих веских доводов, все равно оставила бы подарок короля, пожертвовав кольцом принца. Оставалось найти подходящую ювелирную лавку, владелец которой обладает достаточными средствами для скупки подобных драгоценностей. Такие могут отыскаться в центре города, правда, как туда добираться, Тэсс понятия не имела. Она никогда не бывала в Тиарисе, что не удивительно, потому что, сколько она себя помнила, отношения между государствами были напряженными, что не способствовало частым визитам аристократии из одной державы в другую. Впрочем, дойти до центра дайрийской столицы — далеко не самая большая сложность из свалившихся на нее.

Плащ Парн, естественно, забрал и теперь Тэсса вновь испытывала на себе все прелести первого весеннего месяца, названного именем Маритэ: остатки снега на мокрой и грязной земле, промозглый холод, влажный ветер, порывы которого временами швыряли в лицо то ли снежинки, то ли капли дождя. Легкие туфли промокли насквозь, одежда стала влажной. Легкая ткань, предназначенная для спасения от жары, никак не годилась для промозглой дайрийской весны. К тому же, лишившись плаща, девушка вновь приковывала к себе взгляды всех встречных. Впрочем, теперь она была полностью поглощена своими мыслями и не обращала внимания ни на глазающих прохожих, ни на отпускаемые в ее адрес реплики. Осознав, что Нейри жив, она упивалась этим. Затем переключилась на Эдана, Рейлора, Лана и даже Альву, с которой, строго говоря, даже не была знакома. Как можно думать о холоде и грязи, когда случилось то, на что она никогда бы не посмела надеяться? Ее брат жив! Да ради этого она бы пешком босая прошла от Вельтаны до Тиариса!

Подогревая себя подобными мыслями, девушка обратила внимание, что идет по улицам, производящим впечатление вполне благополучных, хотя явно находится еще очень далеко от центра города. Правда, и в Вельтане Новая часть, примыкающая к Новым воротам, тоже была населена довольно зажиточными людьми. В Новой части селились в основном купцы, имеющие магазины и лавки в Торговой части, и, кроме того, дворяне, не принадлежащие к старинным родам. Если кварталы Тиариса, где она оказалась, сродни вельтанской Новой части, то есть шанс отыскать ювелира, способного оценить перстень с аметистом и дать за него цену, хоть отдаленно приближенную к реальной стоимости украшения. Сколько стоил подарок младшего Ильда на самом деле, Тэсс понятия не имела. То же самое, впрочем, касалось любых ее украшений. Это она поняла еще тогда, когда собиралась бежать с Ланом и надеялась выручить за продажу своих драгоценностей деньги, необходимые для организации мятежа. Даже Лан тогда не мог прикинуть, сколько могут стоить Тэссины украшения. Уж она-то тем более не знала. Все драгоценности, с которыми ей доводилось иметь дело, были либо семейными, либо подаренными. И все же Лотэсса четко осознавала, что на одежду, коня и жилье ей хватит с лихвой. Однажды она услышала, когда отец надевал на шею жены кольцо из столь обожаемых Мирталь рубинов, как тот шутя сказал, что за это ожерелье можно купить родовой замок Муленов в Норте. Аметистовое колечко — не рубиновое кольцо, но и ее запросы куда скромнее, чем замок, пусть даже в провинции и весьма потрепанный временем.

Найти ювелира оказалось сложнее, чем представлялось. Лавки вообще попадались редко, все больше жилые здания и иногда трактиры. Пришлось, превозмогая гордость и смущение, обратиться за помощью к местным жителям. Выбрав весьма прилично одетую женщину, шествующую в сопровождении служанки, она спросила, где может найти ювелира. Но почтенные горожанки вместо ответа шарахнулись от нее, будто перед ними

предстала нечисть. Пока Тэсса мысленно ругала себя за сделанную глупость, к ней приблизилась еще одна женщина, одетая не хуже давешней дворянки, но при этом как-то слишком пестро и вульгарно.

— Барышня, — обратилась она к Лотэссе, похоже, ничуть не смущенная ее видом. — Слыхала я, у вас в ювелире нужда. Ежели скажете, зачем он вам понадобился, то я могу вас проводить.

Девушка задумалась. Стоит ли доверять этой странной женщине? Она покажет кольцо, а та заведет ее в какой-нибудь воровской притон или куда похуже. Впрочем, и сама Тэсс выглядит куда как странно, а женщина заговорила с ней и даже предложила помощь. Пока Тэсса находилась во власти раздумий, горожанка вновь заговорила.

— Вы, барышня, верно, опасаетесь? — догадалась она. — Зря. Меня здесь все знают, кого хотите спросить можете. Я — Антелис, Антелис Мави, — в голосе слышалась такая гордость, будто женщина заявила о своем родстве с королевской семьей. — А про ювелира я потому знаю, что прихожусь ему не кем-нибудь, а законной супругой.

— О да! — раздалось за их спинами. К удивлению Тэсс говорившая оказалась той самой женщиной, которая только что в ужасе шарахнулась от нее. — Законная супруга! Три года была любовницей, а как бедная Линетта от всех этих огорчений померла, так шлюха Антелис заделалась законной супругой. А все потому, что не стоило Линетте ронять дворянское достоинство ради сомнительного богатства и связываться с мастеровым.

— Бедная Линнетта, да будут благосклонны к ней богини, померла не от огорчений, а от лихорадки. А вы, дэна Норна, злитесь оттого, что ваш муж не может моему побрякушки заказывать, не по карману это вам.

Слушать взаимные оскорбления местных кумушек у Лотэссы не было ни малейшего желания, но зато из их перебранки она узнала, что Антелис — на самом деле жена ювелира, а следовательно, опасения напрасны.

— Я буду благодарна вам, почтенная, — обратилась она к ювелирше, — если вы проводите меня к вашему мужу.

Обращение «почтенная» Тэсс использовала, исключительно чтобы позлить дворянку, отказавшуюся ей помочь, и тут же поняла, что шпилька попала в цель.

— Почтенная! — прямо взвилась Норна. — Да уж почтенная, ничего не скажешь, — и, зыркнув на Тэссу, злорадно добавила. — Да, почтенная, отведи к своему Берту эту кралю, глядишь, и появится у него вскорости новая законная супруга.

Девушку передернуло от возмущения, когда она услышала подобное предположение. Впрочем, глупо обращать внимание на ядовитые реплики всяких ничтожных горожанок. Тем более, она сегодня и не такого наслушалась.

Ушлая Антелис подхватила Лотэссу под руку, увлекая прочь от разошедшейся дэны Норны, к которой присоединилась еще и служанка.

— Вы их не слушайте, барышня, — ворковала ювелирша по дороге. — Завидуют люди. Мы с мужем, может, и простые люди, зато работающие и зажиточные, а они хоть и благородных кровей, но куда беднее нашего. Вот и злятся. Покойная супруга моего Берта и впрямь дворянкой была, только радости это не принесло ни ему, ни ей. Она его всю жизнь низким происхождением попрекала и тем, что осчастливила, выйдя за него. Ну а Берт себя клял, что вместо пригожей, покладистой и смекалистой женушки-помощницы выбрал дворянку, чтоб перед соседями покичиться.

— Да мне все равно, — нетерпеливо перебила Тэсса, которой дела не было до подробностей личной жизни Антелис и ее мужа. — Скажите лучше, занимается ли ваш муж скупкой драгоценностей?

— Скупкой — да, — тон женщины сразу стал деловым. — А вот в заклад не берет, можете даже не просить.

— Я собираюсь продавать.

— А что, если не секрет? — глаза Антелис хищно сверкнули, совсем как давеча у Парна при взгляде на кольцо.

— Об этом я предпочту потолковать с вашим мужем, — отрезала Тэсс.

Болтовня Антелис утомляла, но всю дорогу до ее дома приходилось слушать, ибо неугомонная ювелирша не умолкала ни на минуту. Наконец показался дом, на котором красовалась вывеска, изображающая три пересекающихся кольца. Судя по помпезности лавки, муж Антелис был не из бедных. Тем лучше: значит, можно надеяться, что средств на выкуп перстня у него хватит.

— Обождите тут, барышня, — хозяйка оставила Тэссу в просторной, богато отделанной комнате.

Дожидаюсь ювелира, девушка размышляла о том, что не всякий дворянин сможет позволить себе такую мебель, панели на стенах, картины.

В комнату вошел невысокий мужчина с увесистым брюшком. Он так важно держал себя, при этом смешно перебирая короткими ножками, что Тэсса не удержалась от улыбки. При виде гостя глаза ювелира округлились, а семенящая сзади супруга чересчур громко зашептала:

— Очень странная... Я же тебя предупреждала.

— Чем могу быть полезен, сударыня? — Мави, видно, уже взял себя в руки.

— Я хотела бы предложить украшение на продажу, — ответила она.

— Что ж, — тон опытного дельца тут же стал скучающим. — Могу взглянуть. Что за безделушка у вас?

— Вот, — Тэсс поднялась и поднесла ладонь к лицу ювелира. Отдать перстень в руки она пока не решилась. Несколько предшествующих часов научили ее никому не доверять.

Глаза ювелира алчно блеснули, зато голос изобразил полное безразличие.

— Любопытная штучка. Разумеется, мне нужно взглянуть поближе. Ваша побрякушка вполне может оказаться подделкой, — увидев гневное выражение, вспыхнувшее на лице Лотэссы, он поспешил добавить. — Нет, нет, я ни в чем вас не обвиняю, но наивной молодой девушке из дальних краев так легко стать жертвой обмана.

Про дальние края он, должно быть, решил, глядя на ее одежду и странно заплетенные волосы. Кто знает, может, преуспевающему ювелиру даже приходилось иметь дело с латирцами. Впрочем, выдавать себя за чужестранку Тэсс не планировала.

— Кольцо подлинное, и, имейте в виду, я имею представление об его истинной ценности, — с этими словами она все же сняла украшение и положила на пухленькую ладонь мужчины, которую тот все это время держал вытянутой.

Лотэсса постаралась принять уверенный и презрительный вид. Это было нетрудно, если учесть, что перед ней всего-навсего разбогатевший простолюдин, которого в обычное время она бы не удостоила и мимолетным взглядом. Пусть не думает, что сможет ее обмануть. И хотя о стоимости кольца она имела весьма приблизительное впечатление, Тэсса была полна решимости продать свое сокровище как можно дороже, раз уж вообще приходится с ним расставаться.

По мере того, как господин Мави крутил кольцо в руке, одутловатое лицо его принимало все более удивленное выражение, которое он уже не считал нужным скрывать. Затем он, пробормотав что-то нечленораздельное, удалился с драгоценностью в другую комнату, вызвав у Тэссы очередной приступ беспокойства, который она изо всех сил старалась обуздать. Вернувшись, ювелир отдал девушке кольцо, забавно качая головой, лежавшей, как казалось, прямо на плечах, без шеи.

— Если вы рассчитываете продать кольцо за его истинную цену или хотя бы за сумму, близкую к ней, можете не стараться. Разве что вам повезет набрести на одного из королевских ювелиров. Давайте начистоту, барышня, — взгляд и голос Мави враз стали

жесткими, что совсем не вязалось с образом смешного толстячка. — Вам нужны деньги. Иначе вы бы здесь не оказались и не предложили бы это кольцо на продажу. Буду честен, я могу выплатить вам не более трети его стоимости. Мог бы дать больше, но, полагаю, вы хотите получать сумму сразу и обязательства выплаты в будущем вас не устроят?

Тэсса кивнула, а ювелир продолжал:

— Конечно, вы можете уйти и попробовать продать кольцо другому мастеру, но осмелюсь предположить, что вряд ли кто-то заплатит за него больше.

— Назовите сумму, — потребовала Тэсса.

— Двадцать арисов, — ответил Мави.

Знать бы еще, много это или мало. Тэссе еще никогда не приходилось расплачиваться самой. У нее всегда было все, в чем она нуждалась, и многое сверх того. Даже в путешествии финансовыми вопросами ведал король. И теперь она понятия не имела, хватит ли суммы, которую предлагает ювелир. Ее уверенность в этом после оглашения конкретной цифры как-то поколебалась. Сколько стоит лошадь и приличное платье? Наверняка привыкший соблюдать свою выгоду делец назвал треть от заниженной стоимости перстня. То есть на самом деле оно, должно быть, стоит не шестьдесят, а все восемьдесят арисов, если не больше. Что ж, она тоже попробует своего не упустить.

— Вы правы, мне нужны деньги, — стоило ей произнести эту фразу, как глаза ювелира блеснули победным блеском. — Вы предложили мне вексели, понимая, что это меня не устроит. Однако я не собираюсь терять разницу в деньгах. Просто возьму их с вас иным способом.

— И чего же вы хотите? — ювелир не скрывал удивления.

— Сверх выплаченных денег вы с женой окажете мне гостеприимство на столько дней, сколько я пожелаю провести в Тиарисе, или оплатите любую гостиницу по моему выбору. Кроме того, почтенная Антелис раздобудет для меня платье. Да-да, я понимаю, как странно выгляжу в этом наряде. Платье мне нужно самое дорогое и роскошное, какое только можно достать, такое, чтоб и при дворе не стыдно было появиться.

Перекладывая на плечи семьи Мави хлопоты о жилье и одежде, девушка избавляла себя от самой сложной части забот, ибо она не понятия не имела, где и как сможет найти готовое платье, в котором не стыдно предстать перед королем.

— О-о-о, — пробормотал в ответ ювелир. — Очень необычное эм-м... пожелание. Однако, думаю, это вполне можно устроить, — с каждой секундой голос его становился все веселее. Очевидно, не мог сдержать радости от чрезвычайно удачной сделки.

— Насчет платья можете не беспокоиться, барышня, — включилась в беседу Антелис. — Любой из моих нарядов — к вашим услугам! Придется, конечно, немного ушить в талии и плечах, но...

— Любезная, — прервала ее разглагольствования Лотэсса. — Судя по вашей одежде, — она кивнула довольно вульгарный наряд женщины, — у меня нет оснований доверять вашему вкусу. Кроме того, вы серьезно полагаете, что в одном из ваших платьев можно явиться ко двору?

— А вы, можно подумать, собрались ко двору, — проворчала явно задетая словами девушки ювелирша.

— Вас это не касается, — отрезала Тэсс. — Делайте что хотите, но найдите платье, которое я сочту достойным. И имейте в виду, я разбираюсь в нарядах и знаю, как выглядят действительно дорогие и роскошные платья.

— Где ж я вам достану такое? — всплеснула руками Антелис. — Во дворец, что ли, за ним отправляться? Да и стоит такое прорву деньжищ!

— Не моя забота, — отозвалась Лотэсса. — Разница в истинной цене кольца и той сумме, что вы за него предлагаете, стоит целого гардероба придворной дамы.

Только не моего собственного, добавила она про себя.

— Ну уж, — поджала губы женщина. — Я, конечно, постараюсь, но надобно понимать, что такие вещи скоро не делаются.

— Я подожду. Но кольцо вы получите лишь после того, как я одобрю принесенное платье. Итак, что вы решили относительно моего проживания? Мне остаться у вас или уйти в гостиницу?

— Мы будем рады оказать гостеприимство столь очаровательной особе, — поспешил заверить ювелир, игнорируя многозначительные недовольные взгляды супруги.

Разумеется, дело вовсе не в ее очаровании, решила Тэсс. Просто Мави боится, что, покинув его дом, девушка может попытаться продать кольцо дорожке и выгодная сделка сорвется.

Хозяйка, выглядевшая теперь куда более хмурой, чем в момент их встречи, проводила Тэссу в комнату, которую ей решено было отвести, не столь роскошную, как та, где принимали посетителей, но вполне сносную. Оставшись одна, девушка вновь подивилась своей находчивости. Еще пару часов назад она брела одна по дороге в незнакомой стране, не имея даже теплой одежды. А теперь она в Тиарисе, имеет не самую худшую крышу над головой, вскоре, если повезет, разживется приличной одеждой и, главное, значительной суммой денег. Теперь уже и задача проникнуть во дворец и добиться приема у короля не представлялась такой уж непосильной. Тэсс постепенно обретала уверенность в своих силах. Надо же, почти впервые в жизни она справилась со своими трудностями сама, без посторонней, преимущественно мужской, помощи.

Служанка принесла ей еду, что означало, что хозяева не очень-то жаждут разделять трапезу с неожиданной гостьей. Тем лучше, Тэссе вовсе не улыбалось терпеть их общество, хотя за последние месяцы с кем только не приходилось сидеть за столом. Утолив голод, девушка незаметно для себя заснула, утомленная событиями этого дня, начавшегося непонятно когда. То ли на дороге в Тиарис, то ли в башне Маритэ, то ли еще в доме Уивинорэ. По крайней мере, последний рассвет она встретила именно на Граае в саду тегнари.

Разбудил Лотэссу стук хлопнувшей двери. Перед ней стояла хозяйка, всем своим видом демонстрирующая распирающую ее гордость. За спиной Антелис маячила служанка, державшая на вытянутых руках платье из бордового бархата с темно-синими вставками, расшитыми золотой нитью. Лишь кинув беглый взгляд на платье, Тэсс решила, что оно вполне подойдет для встречи с Валтором. Даже странно, как это мешчанке удалось раздобыть такую красивую вещь, да еще и столь подходящей расцветки.

— Где вы раздобыли это? — девушка не сдержала удивления.

— Нравится? — тон ювелирши был исполнен самодовольства. — А вы еще изволили сомневаться в моем вкусе! Да в таком платье впору принцессе щеголять. А уж как оно пойдет к вашим глазам и волосам!

— Так откуда оно? — повторила свой вопрос Тэсс.

— Разве это так важно? — к удивлению Лотэссы хозяйка предпочла уклониться от ответа, вместо того, чтобы расхваливать собственную находчивость.

Нежелание жены ювелира рассказывать подробности пробудило в девушке любопытство.

— Не то чтобы очень важно, но хотелось бы знать.

— Это платье графини Майлен, — нехотя призналась Антелис. — Она втайне от мужа заказала у моего Берта серьги, но расплатилась не до конца. У нас осталось ее обязательство. Вот сегодня я с этой бумагой отправилась к эне Майлен, которая, кстати сказать, фигурой и ростом с вами вполне схожа, и потребовала с нее платье в счет уплаты долга. Я прям так и сказала, чтоб она допустила меня до своего гардероба, а я уж сама выберу. Можете не сомневаться, выбрала самое что ни на есть наилучшее. Видели бы вы, как перекошилось лицо ее милости, когда я указала на это платье. Но отдала, куда ей деваться было. Не такая она дура, чтоб ради платья от прощения долга

отказываться.

Тэсс не испытала особого восторга, узнав, что платье с чужого плеча, пусть и с графского. С другой стороны, вряд ли у нее были основания рассчитывать на новое. Сочтя, что семья ювелиров выполнила свою часть сделки, девушка отдала им кольцо, получив обещанные двадцать арисов.

Переодевшись, распустив косы и уложив волосы с помощью служанки в традиционную прическу, Лотэсса осмотрела себя в зеркале и осталась довольна результатом. Увидев девушку в новом облике, Мави прищелкнул языком, демонстрируя восхищение. При этом и жена, и гостя одарили ювелира взглядами, исполненными негодования. Проглотив гневные слова, Тэсс попросила одолжить ей слугу, который бы сопровождал ее и помогал в выборе и покупке коня. Мави, преисполнившийся благодушия от созерцания красивой дамы и еще больше от успешно заключенной сделки, расщедрился и послал с девушкой вместо слуги своего племянника. Высокий, дюжий парень, ни капельки не похожий на дядю, оказался сметливым и расторопным помощником. В лошадях Тэсса разбиралась весьма условно. Она могла порассуждать о красоте и достоинствах породистых скакунов, но самостоятельно ни разу не покупала себе коня. Любимого Карвена подарил отец, кроме того, в собственности девушки были лошади, подаренные братом, женихом и королем. Понятное дело, на городском рынке, куда отвел девушку племянник ювелира, продавали коней несколько иного плана. Среди покупателей, бродивших между лошадиными рядами, большинство составляли мещане, тут куда больше ценились выносливость и сила, нежели красота и стать. Однако Лотэссе интересовал исключительно внешний вид лошади, поэтому она показала себя очень придирчивой и капризной покупательницей. Племянник ювелира терпел усиливающееся недовольство знатной красивой дамы, которую ему доверили сопровождать, временами робко осмеливался указать на ту или иную лошадь или дать совет. Впрочем, продавцы, завидев столь изысканную особу, сами спешили расхвалить свой товар. Наконец девушке приглянулась рыжая лошадка — тонконогая, изящная, явно предназначенная для парадных выездов, а не для тяжелой работы. Даже удивительно, что эта красавица делала среди своих невзрачных собратьев. Владелец лошадки вцепился в покупательницу мертвой хваткой, безошибочным чутьем торговца угадав, что девушка намерена купить его лучший товар. Он запросил десять арисов — половину стоимости кольца! Не умеющая считать и ценить деньги Тэсса уже была готова заплатить требуемую сумму, но тут вмешался ее сопровождающий и в результате ожесточенного торга снизил цену до семи монет. В благодарность Тэсс отдала пареньку золотой, чем вызвала искренний восторг. Немного подумав, она решила, как распорядится сэкономленной суммой.

— Послушай, — имя провожатого девушка не запомнила. — Если хочешь получить еще монету, после того, как проводишь меня обратно к дяде, ступай на Скользкую улицу, в трактир «Три факела». Спросишь там рыцаря Парна и отдашь ему три ариса в награду за то, что он сделал сегодня утром у городских ворот. Он поймет, о чем ты. И еще скажи ему, что полученное более чем покрывает его хлопоты и чтоб иной награды не ждал.

По-хорошему, неприятный тип, провезший ее через ворота, не заслуживал и сольдена, с другой стороны, она обещала ему награду, а за свои обещания, пусть и данные ничтожествам, нужно отвечать. Просить же у короля солдат в подчинение подобному человеку она не собиралась. Ведь она здесь, чтоб добиться отмены войны!

Глава 15

— А как вы полагаете, дэн Итон, война-то будет?

Ронил Милт на правах старого приятеля коменданта Вельтаны расселся на стуле в его кабинете, почесывал пузо и явно был настроен поболтать. Коменданта же довольно невинный вопрос неожиданно вывел из себя. Все вокруг только и болтают об этой войне. Причем именно болтают. Реальное беспокойство перспектива войны вызывает лишь у простых людей. А его величество тревожится из-за разрыва отношений с Дайрией меньше, чем последний фьеррский крестьянин. Впрочем, король вообще ни о чем не беспокоится, так же как и принц. Государством, по сути, правит троица подонков, которым толки о войне только на руку, как веский повод поднять налоги. Мысли по поводу сложившегося положения мучили Итона, и поэтому лишнее напоминание о войне так его разозлило.

— Тебе заняться больше нечем, Ронил? — вспыхнул Карст. — Ты бы не трепал языком о войне, уподобляясь прачкам и булочницам, а следил бы лучше за караулами. Я сам вчера был у Новых ворот и видел, что там делается. А почему, ты думаешь, я туда наведалься? Да потому, что завалили уже крестьяне да торговцы жалобами на так называемые ввозные пошлины. И не только у Новых такое творится. Советую тебе, Ронил, разобраться с мздоимством, потому как, если разбираться стану я, мало никому не покажется.

— Да чего уж они там берут, — фыркнул Милт. — По паре гралей с каждого возка, а ежели видят, что совсем бедный путник, так и не трогают, задаром пропускают.

— Они всех должны задаром пропускать. Всех, понял? — Итон наконец нашел достойный выход своему гневу. — Так я и думал, что ты в курсе. Не прекратишь это в самое ближайшее время, не посмотрю на старую дружбу. Отправлю в отставку, и будешь у себя в деревне с овец и коз ввозную пошлину брать. Хватит воров и взяточников во дворце, чтоб еще у городских ворот Мертонов и Сворнов расставлять.

— Побойтесь богинь, дэн Итон, — опасливо заозирался Ронил. — Такие-то речи опасно вести.

— Брось, Милт! — с досадой отмахнулся комендант. — Последний нищий спокойно болтает о гадючьей троице, что вздумается. Им самим до того дела нет, а королю и подавно. Да и какой смысл людям рты закрывать, когда можно их просто грабить?

— Ваша правда, дэн Итон, — торопливо закивал Ронил. — Вот вы солдат караульных упрекаете, что мзду берут. А ведь с чего они так поступают? А потому как жалованье им урезали из-за этих, опять же... из-за троицы — все-таки имена ближайших советников короля осторожный Милт предпочитал не называть. — А семьи-то простым солдатам кормить надо? Надо! Вот и приходится то с горшечника гралем-другим разжиться, то с барышника. Жить-то надо...

— Крестьянам тоже, между прочим, жить надо, — осадил приятеля Карст. — А с торговцев и купцов и так в казну пошлина идет.

— Так то ж в казну, — протянул тот. — А с той казны стражникам не больно-то перепадает. Знаем мы, кто себе все налоги да пошлины прикарманивает.

— Знаем да молчим, — зло бросил Итон.

Он еще много чего собирался сказать, но явление в кабинете молодого Дайтина, выполнявшего обязанности секретаря, остановило поток гневных речей, готовый сорваться с уст коменданта.

— Дэн Итон, — доложил секретарь. — Там к вам дэн Бермош, очень настаивает на немедленной встрече. Что-то, говорит, стряслось — важное и неотложное.

Интересно, что там такого важного и неотложного стряслось у начальника городской стражи. Впрочем, Тиль Бермош — тот еще любитель взваливать свои обязанности и проблемы на чужие плечи. Плечи коменданта Вельтаны, очевидно, казались этому сантэрскому пройдохе вполне подходящими. Если Итон был, скорее, раздосадован

неожиданным визитом Бермоша, то Ронил, напротив, казался довольным. И, надо полагать, вовсе не потому, что он так уж любил своего непосредственного начальника, а потому, что явление последнего прервало выволочку, устроенную комендантом, несмотря на старую дружбу. Потому, когда Итон предложил Ронилу покинуть кабинет, тот вовсе не выглядел опечаленным.

— Что за дело привело вас ко мне, дэн Бермош? — не скрывая недовольства в голосе, спросил Карст вошедшего начальника стражи.

— Дело совершенно исключительное! — Тиля, похоже, так и распирало от сознания важности новости, с которой он пожаловал. — Пропала особа...

— Какая еще особа? — Итон ощутил скребущее в груди беспокойство, и предчувствие казалось очень нехорошим.

— Особа исключительной значимости, можно сказать, государственной важности, — проклятый сантэрц продолжал нагнетать таинственность.

— Да говорите вы уже толком! — вспыхнул комендант. — Кто пропал?

— Лотэсса Линсар, — легкий укор в голосе Бермоша свидетельствовал об обиде, что ему не дали потянуть интригу.

— Что?!

Лотэсса Линсар — дочка герцога Линсара, наследница одной из самых значимых фамилий после королевской. Кроме того, первая красавица королевства и невеста принца Нейри Ильда. Как же эта девушка, жизнь которой проходит на глазах у множества людей, могла взять и исчезнуть? Безумие какое-то!

— Расскажите, что вам известно, дэн Бермош, — потребовал Итон. — Только ради богинь, не затягивайте, как вам это свойственно.

— Помилуйте, — недовольно возразил начальник стражи. — Я никогда не затягиваю, это не в моих привычках. Если вам угодно обрывать фразу на полуслове, это еще вовсе не означает, что...

— Короче, дэн Бермош, умоляю!

Изгой бы побрал этих многословных сантэрцев, которые переболтают даже поэтов Валэйна. Вообще назначение Бермоша начальником стражи представлялось Карсту безответственной глупостью, последствия которой приходилось расхлебывать каждый день. Но так пожелал король, точнее, так пожелали те, кто управлял его величеством и Эларом заодно.

— Вечно вы меня перебиваете и не даете рассказать как следует, — вновь посетовал Бермош. — Однако на этот раз и рассказывать особо нечего. Девушка просто исчезла, и никто не знает подробностей и не имеет ни малейших предположений на сей счет.

— Откуда вам стало известно об исчезновении эньи Линсар? — единственный способ добиться чего-то от этого болвана — направлять его в нужное русло.

— Меня вызвали во дворец. Со мной беседовал принц, и герцог тоже был там. Эн Линсар пребывал в уверенности, что дочь во дворце с женихом, но когда он послал за ней в Нианон сына, то выяснилось, что девушки во дворце нет и не было. Тут уж, понятное дело, его высочество тоже всполошился. А как же иначе? Всякий знает, как он влюблен в свою нареченную. Даже странно так обожать будущую жену. Вот я, например, в бытность ухаживаний за дэной Бермош...

— Это мне не интересно, — бесцеремонно оборвал разглагольствования собеседника Итон. — Вы специально так быстро говорите, чтобы я не успел перебить вас в очередной раз до того, как выслушаю историю вашей юности? Уясните наконец, меня интересуют лишь подробности исчезновения эньи Линсар. Кстати, почему вы здесь?

— То есть? — не понял Тиль.

— Это дело поручили вам, а не мне, — пояснил Карст — что логично, ибо поиск пропавших девиц, пусть и самых высокородных, не входит в обязанности коменданта Вельтаны. И герцог с принцем это понимают, кстати.

— Но... я полагал... — растерянно заблеял Бермош, все многословие которого как ветром сдуло. — Я думал, что вы должны быть в курсе... Как первое лицо в столице, — бедняга попытался польстить, впрочем, безуспешно.

— Скажите проще, что не в силах справиться с этим самостоятельно, — Итон и не думал щадить самолюбие бездаря, поставленного на высокий пост.

С другой стороны, Карст давно привык все происходящее в его городе считать своим делом, даже если это не входило в круг его должностных обязанностей. На Бермоше он просто срывал досаду, прежде всего вызываемую самой личностью нового начальника стражи. А тот вынужден был терпеть, потому что без помощи коменданта не представлял, с какой стороны подступиться к порученному делу.

— Если бы вы, дэн Итон, согласились сопровождать меня к его высочеству, — просительно затянул сантэрец.

И как этот жалкий человек управляется стражниками? Да любой капитан стражи, тот же Ронил Милт, вообще не должен принимать всерьез это жалкое ничтожество. Хотя они и не принимают. Бермош, эта пародия, поставлен лишь для вида, а на самом деле управление стражей в последние месяцы пришлось взвалить на себя коменданту. Ну и сами капитаны, поставленные еще доброй памяти Удо Лайном, кое-как справлялись и без руководства Тиля Бермоша, а чаще вопреки ему.

— Я поеду к принцу, — Итон направился к дверям.

— О, благодарю, — Сантэрец расцвел.

— Без вас! — решительно заявил комендант.

— Но... — Бермош опять начал блеять.

— Или вы едете без меня. Решайте.

— Поступайте, как знаете, — начальник стражи обиженно отвернулся.

— Вот и славно, — подвел итог Карст.

До дворца комендант добрался верхом. Холод и влажный весенний ветер охладили его гнев и помогли собраться с мыслями.

Принц не слишком удивился, увидев вместо начальника стражи столичного коменданта, скорее обрадовался. Сложно было понять, как младший Ильд относится к действиям старшего. Насколько было известно Карсту, Нейри никогда не возражал против решений короля, не протестовал против засилья гадючьей троицы и вообще практически не вмешивался в государственные дела. Однако, вне всяких сомнений, принц — человек умный, а никакому умному человеку не удастся долго терпеть общество Тиля Бермоша. Кроме Нейри Ильда, в приемной находился герцог Линсар. Оба мужчины выглядели расстроенными и встревоженными. Сложно сказать, кому из двоих хуже — любящему отцу или влюбленному жениху. У Итона никогда не было ни жены, ни детей, но состояние принца и герцога он мог себе представить.

— Дэн Карст, — эн Линсар поднялся навстречу коменданту. — Хорошо, что вы пришли. Я, честно говоря, и сам думал послать за вами. Все-таки дэн Бермош...

— Не совсем тот человек, которому стоит поручать столь необычное и ответственное дело, — закончил за него Итон. — Поэтому я и взял на себя смелость явиться вместо начальника стражи.

Принц и герцог синхронно кивнули. Даже странно, зачем они вообще обращались к Бермошу, если оба ему не доверяют.

— Я чрезвычайно сочувствую вам, герцог, — обратился комендант к Линсару. — Однако

я нуждаюсь во всех подробностях исчезновения вашей дочери.

— Вы найдете ее, дэн Карст? — с надеждой спросил герцог. — Я понимаю, у вас много других обязанностей, но если бы вы сейчас сосредоточились на поисках Лотэссы, моя благодарность...

— Наша благодарность, — поправил принц. — Дэн Итон, надеюсь, вы понимаете, что поиски девушки самого знатного рода и практически члена королевской семьи на данный момент важнее всего остального?

— Для начала все же неплохо бы узнать, как именно пропала энья Линсар, — Итону не нравилось, что на него пытаются давить, и он поспешил перевести разговор в более предметное русло, не давая никаких лишних обещаний. — В какой момент вы обнаружили исчезновение дочери, эн Линсар?

— Лотэсса сказала, что собирается во дворец, к его высочеству, — очевидно, герцог повторял эту историю не в первый раз.

— Она сказала об этом вам?

— Нет, — Оро Линсар отрицательно помотал головой. — Она предупредила брата, а Эдан сообщил мне, когда я поинтересовался, где Лотэсса. Оснований переживать не было, Тэсса часто проводила время во дворце с его высочеством. Однако ее отсутствие затягивалось, в Нианоне, насколько мне известно, не планировалось вечера или бала, и нам с женой стало казаться, что девочка задерживается. Эдан вызвался отправиться во дворец, разузнать о сестре и привести ее домой. Через час Эдан вернулся и сообщил, что Лотэссы нет и не было во дворце.

— Где сейчас ваш сын? — спросил Итон.

— Отправился разыскивать сестру. Скачет как безумный по всему городу, наверное. Скорее всего, увлек с собой Рейлора Таскилла.

— Привлекать лишнее внимание к исчезновению Лотэссы Линсар — не лучшая идея, — пробормотал Карст, обращаясь скорее к самому себе, чем к собеседникам.

— Согласен с вами, дэн Итон, — подал голос принц. — Именно поэтому я не спешу уведомлять короля. Хотя рано или поздно его придется поставить в известность.

Странно, подумал Итон. Он видел, что Нейри Ильд встревожен донельзя, но при этом не сообщил ничего брату, хотя тот мог бы своей монаршей волей перевернуть весь город вверх тормашками. Хотя вряд ли это возымело бы большую пользу. Шум вокруг исчезновения самой знатной и красивой девушки королевства действительно совершенно не нужен и даже вреден.

— Хочется верить, что энья Лотэсса найдется до этого времени, — теперь комендант обращался к принцу. — Ваше высочество, вы ждали визита эньи Линсар?

— Я жду ее в любой день, — произнеся это, младший Ильд немного смутился. — Я имел в виду, что энья Лотэсса обычно являлась без предварительного уведомления.

— Как она обычно добиралась до Нианона?

Вопрос мог бы показаться странным, если не учитывать тот факт, что Вэйлтайн — замок Линсаров — граничил с королевским дворцом.

— Ну... — протянул герцог. От внимания коменданта не ускользнуло, что мужчины обменялись беглыми взглядами. У Итона создалось впечатление, что от него хотят что-то скрыть.

— Думаю, нам стоит поставить дэна Карста в известность, — принял решение принц, пока Оро Линсар что-то мямлил про кареты и верховые поездки.

— Я тоже так думаю, — серьезно кивнул комендант.

— Дело в том, что между Вэйлтайном и Нианоном существует проход. Именно им чаще

всего пользовалась энья Лотэсса. Если нужно, я покажу, где это. Но я сам уже был там и не один раз прошел весь путь, которым она обычно пользовалась, — через старый розарий и парк.

Итон не слишком удивился наличию прохода между замком Линсаров и королевским дворцом. И вполне закономерно, что девушка пользовалась именно этой дорогой, желая попасть в Нианон. Идти пешком по площади столь знатной даме не пристало, а брать коня, чтобы преодолеть такое ничтожное расстояние, тоже нелогично.

— Все равно нужно взглянуть, — решил Карст. — Вам, эн Линсар, и вам, ваше высочество, стоит хорошенько подумать и вспомнить всех, кому энья Лотэсса наносила дружеские визиты. Я посещу названных господ лично или отправлю туда самых проверенных людей. Кроме того, я отправлю людей на все заставы, чтобы узнать, не покинула ли она Вельтану. Уехать из города, миновав ворота, невозможно, а караульные имеют привычку хорошенько всматриваться во всех, кто проходит через ворота.

Зря он отпустил Милта. Ну ничего, велит его разыскать и поручит допросить караульных со всех ворот, дежуривших с того момента, как исчезла девушка. Может, Ронил и покрывает мелкие грешки своих подчиненных, но дело свое капитан знает, и ему можно доверять.

Глава 16

Едва открыв глаза, Тэсса почувствовала себя дурно. От одной мысли, что ей предстоит встреча с Валтором, дыхание учащалось, сердце начинало бешено колотиться, и даже в животе появлялось противное чувство сосущей пустоты. Может, стоит все отложить? Пойти завтра? Хотя вряд ли она сможет добиться немедленной аудиенции. Так что, скорее всего, она все равно увидит короля Дайрии не раньше, чем через несколько дней. Совершенно нет поводов так переживать с самого утра. Так девушка пыталась себя успокоить, но не помогало. Из предложенного завтрака она с трудом проглотила несколько кусочков, хоть и осознавала, что ей необходимо поесть, чтоб подкрепить силы. Отставив тарелку, Лотэсса сообщила ювелиру с женой, что покинет их на неопределенный срок и может как вернуться через пару часов, так и не вернуться вообще. Супруги Мави даже не пытались делать вид, что беспокоятся о своей непрощеной гостье. Они, скорее всего, надеялись, что она не вернется и не станет долее обременять их своим присутствием. Однако это вовсе не мешало им стогать от любопытства и задавать множество наводящих вопросов в надежде выведать, куда же направляется странная девица, заключившая с ними сделку. Разумеется, Тэсс и не думала посвящать ювелира с женой в свои планы. Она оседлала рыжую лошадку, купленную накануне, и отправилась в сторону королевского дворца.

Однако, не успев отъехать от дома, девушка осознала, что понятия не имеет, в какой стороне этот дворец находится. Возвращаться к Мави и расспрашивать дорогу ей совершенно не хотелось. Пришлось задавать вопросы прохожим, которые, впрочем, смотрели на разряженную даму, спрашивающую путь ко дворцу, с таким изумлением, что смущали Тэссу куда больше, чем любопытство ювелира с супругой. Не без труда выяснив, как проехать к площади Малтэйра, где располагалась королевская резиденция, девушка направилась туда, но еще не раз заплутала по дороге среди узких улочек, извивавшихся в самых непредсказуемых направлениях. Наконец улицы стали прямее и шире, дома — красивее и выше. В этих кварталах разряженная красивая девица на породистой лошади уже не вызвала такого удивления, да и вопросы о том, как добраться до дворца, казались уместнее. Тэссу по-прежнему провожали взглядами, но теперь уже скорее восхищенными, и она воспринимала это как должное.

Выехав на главную площадь, носившую имя далекого предка Валтора, Лотэсса смогла наконец воочию увидеть и оценить древнюю резиденцию Ильдов. Нианон был, бесспорно, более изящным и замысловатым, зато дворец Дренлелора поражал своим величием и какой-то возвышенной строгостью. Девушка любовалась древним зданием, испытывая в то же время что-то сродни робости. По площади сновало множество народа, как аристократов, верхом или в каретах, так и простого люда, вынужденного передвигаться пешком. Никто не обращал внимания на красоту и величие дворца, жители Тиариса давным-давно к нему привыкли. А Тэсса до этого видела легендарное здание только на гравюрах в книгах по истории — как выяснилось, весьма далеких от реальности.

Затянувшееся созерцание дворца, название которого девушка к стыду своему не могла вспомнить, кроме всего прочего имело целью потянуть время до момента, когда придется решать, как именно в этот дворец проникнуть. Это в Нианон можно входить в любое время дня и ночи, по большей части даже не представляясь. Если же изредка попадется кто из новых гвардейцев в караулах, достаточно назвать имя Лотэссы Линсар, и все тут же склоняются в почтительных поклонах и спешат доложить о ее визите королю или принцу.

Вздохнув, девушка направила коня к воротам, не очень-то представляя, что будет говорить стражникам. В тот момент, когда Тэсса приблизилась, караул почтительно пропускал какого-то разряженного щеголя, смотревшегося слишком пестро и несколько неуместно на огромном вороном жеребце чистейших сантэрских кровей. В последний момент перед тем, как проехать под массивной каменной аркой, мужчина оглянулся, и взгляд его упал на Тэссу. При виде девушки он не сумел скрыть удивления или же очень натурально его изобразил.

— Кто вы, энья? — слова, казалось, вырвались у незнакомца невольно. — Простите мою дерзость, но я раньше не имел счастья видеть вас, а ведь мне известны все прекрасные дамы при дворе.

Лотэссе покорило от подобной фамильярности, да и сам мужчина ей не слишком понравился: почти квадратное лицо, чересчур кудрявые волосы, несколько крупноватый нос. В целом внешность вполне приглядная, но почему-то незнакомец пришелся девушке не по вкусу. Может, как раз потому, что вел себя слишком бесцеремонно. Впрочем, сейчас не до надменности. Человек, заинтересовавшийся ею, явно принадлежал к аристократии, и, вполне возможно, к придворным. Он сможет провести ее во дворец и даже, если повезет, представить королю. Тэсс решила, что разыгрывать оскорбленную неприступность — не самая удачная линия поведения. Поэтому она снизошла до ответа.

— Вы действительно не могли меня видеть, — она соблаговолила одарить собеседника улыбкой. — Я не имела чести быть представленной королевскому двору. Я из Элара.

Едва проронив эти слова, Лотэсса тут же пожалела. Она вспомнила, что отношения Элара и Дайрии, никогда на ее памяти не бывшие теплыми, прошлой осенью и вовсе были разорваны. Вряд ли эларцам обрадуются в дайрийской столице, и тем более во дворце. Как бы караульные не надумали взять ее под стражу после подобного признания.

И точно, гвардейцы, как по команде, уставились на нее, да и любезный молодой человек выглядел весьма удивленным.

— Что вы так смотрите? — в критической ситуации не оставалось ничего, кроме надменной дерзости. — Да, отношения между нашими странами сейчас не лучшие, но это не повод хватать любого эларца, тем более прибывшего с дипломатической миссией.

— Дипломатической миссией? — бедный почитатель женской красоты выглядел еще более ошарашенным.

И немудрено. Додумалась же Тэсс такое ляпнуть! Но теперь уже ничего не поделаешь. Да и, в конце концов, нужен же какой-то повод для аудиенции у короля.

— Я не имею официальных полномочий и нахожусь в Тиарисе по собственной инициативе, — высокомерно заявила она.

— Но кто же вы все-таки? — воскликнул мужчина.

— Лотэсса Линсар, — она гордо вскинула голову, про себя надеясь, что в Дайрии имя ее рода известно хотя бы аристократии.

— Не может быть! — щеголь вытаращился на Тэсс. — Что ж, по крайней мере, байки о вашей красоте оказались правдивы. Какие бы цели вы ни преследовали, энья Лотэсса, я беру вас под свое покровительство от своего имени и от имени моего отца. Позвольте представиться: Искель Табрэ.

— Мне чрезвычайно лестно с вами познакомиться, эн Табрэ, — девушка наградила его еще одной улыбкой, вовсе не собираясь подавать виду, что она понятия не имеет, кто такие эти Табрэ.

Тэсса не слишком-то разбиралась в дайрийских аристократических фамилиях. С другой стороны, среди них не было семейств, по статусу равных Линсарам и Таскиллам в Эларе. Так что вполне логично, что о ней слышали в Дайрии. Это обстоятельство ей весьма на руку в данный момент. Кудрявый Искель оценил любезность дамы и ее улыбку. Он отдал гвардейцам приказание пропустить энью Линсар, заявив, что девушка с этой минуты является гостьей дома Табрэ. Лотэсса мысленно поблагодарила Маритэ за то, что ее спутник и не подумал усомниться в подлинности названного имени. Неужели ее красота даже за пределами Элара наделала такого шума? До чего же это кстати, не говоря уже о том, что просто льстит самолюбию.

— Но как же вы добрались до столицы, энья Лотэсса? — теперь Табрэ ехал бок о бок с нею, чуть ли не прикасаясь рукавами одежды. — Насколько мне известно, на границах и заставах не очень-то охотно пропускают эларцев. И потом, почему вы одна? Где ваша свита?

— Слишком много вопросов, эн Искель, — очередная улыбка имела целью усыпить подозрительность собеседника. — Мы ведь знакомы менее получаса.

— Простите великодушно мое любопытство, прекрасная энья! — чересчур нарочитым жестом он приложил руку к груди. — Оно недостойно мужчины.

— Ну что вы, — девушка изо всех сил старалась казаться милой и беззаботной. — Ваше любопытство вполне уместно и объяснимо, но мне, право же, сейчас не хочется говорить ни о чем ином, как о величии королевского дворца. Да и вообще я поражена красотой Тиариса.

На самом деле дайрийская столица не так уж и поразила Тэсс, особенно если учесть, что видела она в основном далеко не самые роскошные места города. Зато тема вполне годится для того, чтобы отвлечь Табрэ от опасных вопросов.

— О, вы оценили грандиозную красоту Ортейна! — Искель выглядел польщенным, словно собеседница похвалила его, а не дворец.

Ортейн! Вот оно — позабытое название древней королевской резиденции Ильдов.

— Признаться, я посвятил этому дворцу немало стихов, — продолжал молодой человек. — Хотя, как правило, источником моего вдохновения служат прекрасные дамы. Правда, ни одна из них не была столь прекрасна, как вы, энья Лотэсса.

Подобные комплименты девушка слышала не раз и научилась не обращать на них внимания. Не думает же этот самодовольный щеголь, что его слова должны привести ее в восторг. И точно, он так не думал.

— Ах, вы, должно быть, привыкли к преклонению, энья Лотэсса, — с притворным вздохом произнес Искель. — Лучшие придворные поэты Вельтаны воспевают вашу несравненную красоту. Однако осмелюсь заметить, что и мои стихи многие находят стоящими. Если бы вы сооблаговолили проявить интерес к моим скромным творениям... — он не закончил фразу, но понять, к чему клонит поэт, было несложно.

— О, я бы с радостью взглянула на ваши стихи, — с преувеличенным энтузиазмом отозвалась Тэсс.

— Тогда первыми будут те, которые я посвящу вам, моя эларская Сазнна!

Ужас какой, возмутилась про себя девушка. Они знакомы всего ничего, а Табрэ уже позволяет себе обращаться к ней в столь вольном тоне. Но ничего не поделаешь, придется терпеть. В конце концов, она вытерпела полчаса на одном коне с невымытым, грубым Карисом Парным. На этом фоне любезности вельможи, пусть и чересчур фамильярные, вообще не должны ее беспокоить.

— Думаю, для того, чтобы составить представление о вашем творчестве, эн Табрэ, мне вполне достаточно будет стихов, посвященных другим прекрасным дамам, — лучше таким деликатным способом дать ему понять, что воздыхания дамского угодника немногого стоят в ее глазах.

— Зовите меня Искедем, прошу вас! — воскликнул он. — Какие другие дамы? Я уже позабыл о них и готов сжечь все стихи, посвященные им. С сегодняшнего утра для меня существует лишь одна прекрасная дама и это...

— Твоя жена! — раздался сбоку резкий голос.

Молодые люди разом обернулись. Из боковой аллеи навстречу им выезжал пожилой человек, державшийся с таким достоинством, что девушка была готова спорить, что перед ними какой-то важный сановник. Ее спутник при виде всадника изменился в лице. Какой-то миг он выглядел растерянным и почти испуганным, но почти тут же взял себя в руки и довольно нахально улыбнулся.

— Ох, отец, — развязно обратился Табрэ к почтенному вельможе, в чертах которого и правда прослеживалось определенное сходство с Искедем. — Умеешь же ты бесшумно появиться.

— Я отнюдь не скрывал своего присутствия, — ворчливо возразил старший Табрэ. — Напротив, ты давно мог бы меня заметить, если бы не был так занят своей спутницей, имени которой я не имею чести знать. Прошу прощения, энья, — он учтиво поклонился

девушке, хотя в тоне явственно слышалась неприязнь.

— Позволь представить тебе энью Линсар, отец, — обратился Искель к родителю. — Энья Лотэсса, перед вами, как вы верно уже догадались, сам Фрэлом Табрэ — верховный канцлер королевства!

Тэсс, естественно, и понятия не имела, кто занимает пост канцлера в Дайрии, хотя, скорее всего, учителя не раз упоминали об этом.

— Для меня честь познакомиться с вами, эн Табрэ, — она всем видом изобразила почтительность и восхищение.

Что-то подсказывало девушке, что отец окажется куда более подозрительным, чем сын, и куда менее падким на женскую красоту. Так и вышло.

— Линсар? — переспросил эн Фрэлом. — Из тех самых Линсаров? — он выделил голосом «тех самых». — Энья пожаловала к нам из Вельтаны? Или просто выдает себя за дочку герцога Линсара? — насмешливо продолжил он. — Поскольку герцог — мой ровесник, за его жену эта юная дама никак не сойдет.

— Оро Линсар — мой отец!

— Вы, должно быть, гордитесь этим, моя дорогая, — канцлер, видно, решил с ней не церемониться. — Но, во-первых, столица Дайрии — не совсем то место, где сие обстоятельство может послужить вам на пользу, а во-вторых, я совершенно не уверен, что вы действительно принадлежите к семье Линсаров. В любом случае, стоит немедленно заняться проверкой вашей личности. Я бы сделал это сам, но государственные дела не позволяют отрываться на подобные пустяки. Зато я точно знаю, кому стоит это поручить.

— Элвиру Торну? — за деланной невинностью голоса скрывалось ехидство.

Фрэлом Табрэ пристально взглянул на девушку и пробормотал что-то про себя. Тэсса поняла, что зря бравировала знанием приближенных его величества. Теперь ее точно сочтут эларской шпионкой.

— Именно ему, — канцлер кивнул, не сводя с девушки пронизывающего взгляда.

— Но, отец, — вмешался наконец Искель, про которого Тэсс почти позабыла. — Я обещал энье Линсар покровительство от своего и твоего имени. Она моя гостья.

— Иди скажи об этом Ирвинне, — фыркнул в ответ родитель. — Твоя жена будет рада принять в своем доме очередную даму, которой ты оказываешь покровительство. Правда, если собрать их всех под одной крышей, боюсь, станет тесновато. Кроме того, как ты смел обещать что-то от моего имени? — гневно спросил канцлер.

— Но энья Лотэсса прибыла к нам с дипломатической миссией, — промямлил младший Табрэ, впрочем, без особой уверенности.

— А вот в этом я почти не сомневаюсь, — кивнул отец. — В том, что очаровательной девушке поручена определенная миссия, которую в некотором роде можно даже счесть дипломатической... с эларской точки зрения, разумеется. Я попрошу даму следовать за мной, а ты, сын, ступай домой. Как я вижу, у тебя чрезвычайно короткая память для твоих лет. Если вспомнишь, я велел тебе не показываться в стенах Ортейна, пока я не улажу последствия твой очередной глупости, которую правильнее назвать безумием.

— Ах, отец, не стоит, — с укором произнес Искель. — Мне искренне жаль, энья Лотэсса, что так вышло. Вы должны знать, что я верю в вашу правдивость и искренность ваших намерений. И, что бы ни случилось, знайте: я всегда останусь преданнейшим вашим другом и...

— Хватит разглагольствовать, — бесцеремонно оборвал его канцлер. — Езжай к Ирвинне! Я молю богинь, чтоб твоей несчастной жене досталась хоть толика той почтительности, какой ты одариваешь каждую встречную красотку.

— Может, все дело в том, что моя жена отнюдь не красотка? — буркнул в ответ

незадачливый поэт. — Или в том, что брак этот устроен тобою, отец, против моей воли?

Искель обращался к отцу, но Тэсса подумала, что отчасти последняя реплика про неудачную женитьбу рассчитана на нее. Однако личная жизнь неудавшегося покровителя совершенно не заботила девушку, особенно на фоне собственных проблем. А Фрэлом Табрэ, которого она теперь смутно припоминала по вельтанскому окружению Валтора, являл собой проблему серьезную донельзя. Хотя, если подумать, встреча с Торном сулит еще большие неприятности. Ох, попала же она в переплет!

— Что ж, энья... Впрочем, обращаться к вам таким образом уместно, только если вы действительно принадлежите к высшему сословию, в чем я не могу быть уверен. Надеюсь, вы проявите благоразумие, последовав за мной добровольно, и нам не придется прибегать к помощи гвардейцев?

Глава 17

Лан с трудом дождался отъезда гостя, чтобы наброситься на брата с расспросами. Он застал Рейлора в одной из гостиных. Тот сидел, обхватив голову руками, но уже через секунду вскочил и принялся метаться по комнате.

— Что случилось? — Лану надоело, что брат словно не замечает его. — Зачем принц приезжал к нам?

Младший Ильд был не таким уж частым гостем в замке Таскиллов. Куда чаще братья виделись с ним во дворце. А сегодня он неожиданно появился и заперся с Рейлором в гостиной. Вообще-то, такое поведение было не очень свойственно Нейри. В свои нечастые посещения Таскиллона принц всегда уделял не меньше часа беседам с хозяйкой замка, да и к Лану всегда относился как к равному, несмотря на разницу в возрасте. Понятное дело, что с Рейлором у них куда больше общего, хотя настоящими друзьями Нейри Ильд и молодой герцог Таскилл никогда не были. А после помолвки младшего брата короля с Лотэссой Линсар их отношения и вовсе стали натянутыми. Внешне Нейри и Рейлор сохраняли доброжелательность и держались друг с другом с подчеркнутой вежливостью. Но всем было ясно, что один испытывает обиду, а другой — вину. Лан припомнил, что со времени неожиданной помолвки между младшим Ильдом и Лотэссой Линсар принц ни разу не бывал в доме Таскиллов. И вот теперь он внезапно заявляется, а уехав, оставляет Рейлора в невообразимом состоянии то ли печали, то ли бешенства.

— Рейлор, что происходит? — снова спросил Лан.

Тот обернулся, и выражение лица старшего брата напугало юношу.

— Лотэсса исчезла! — наконец выдавил из себя Рейлор.

— Что?!

— А его высочество явился разузнать, не у нас ли она скрывается, — старший Таскилл мрачно усмехнулся.

— Скрывается? — удивился Лан. — Но зачем Тэссе от кого-то скрываться, тем более от собственного жениха?

— В том-то и дело, — Рейлор, похоже, начал успокаиваться. По крайней мере, перестал расхаживать по комнате. — Принц высказал предположение, что его невеста раздумала идти под венец с наследником престола, потому как ее сердце отдано другому.

— Тебе? — догадался Лан.

— Мне, — брат вновь невесело хохотнул. — И вот, по мнению его высочества, Лотэсса могла, не отваживаясь сказать ему правду, решиться на тайный брак с тем, кто изначально предназначался ей в мужья.

— Но это ведь не так? — юноша не мог прийти в себя от того, что узнал, и в данный момент был способен верить во что угодно.

— Разумеется, нет, — Рейлор сначала возмущился, а потом вдруг вздохнул. — Хотел бы я, чтоб это было правдой. Но Тэсса такая девочка, что если уж принимает решение, то верна ему до конца. Другое дело, если бы она сразу отказала Ильду. Тогда бы я понял, что она меня любит.

— Она тебя любит, — горячо возразил Лан. — Просто...

— Просто что? — взгляд брата стал жестким. — Очень хочет примерить корону? Хотя о чем мы говорим? — оборвал он себя. — Она пропала, а я считаю старые обиды! Да я с ума схожу от мысли, что с ней может случиться что-то дурное!

— Не случится, — Лану очень хотелось поддержать Рейлора, но утверждение прозвучало не слишком уверенно. — Что может случиться с дочерью герцога Линсара, которая всегда на виду? Уверен, если Лотэсса исчезла, значит, она сама этого хотела. Конечно, я

не знаю ее так хорошо, как ты...

— И тем не менее, думаю, ты прав, братишка. Очень хочу в это верить. Однако надежда — не повод сидеть сложа руки. Принц сказал, что поисками занялся лично Итон Карст. Это обнадеживает, но я не стану дожидаться вестей. Тем более что Эдан уже всю разыскивает ее по городу.

— И где ты планируешь ее искать? — юноша остудил пыл Рейлора, который был уже у дверей. — Станешь стучаться в каждый дом, спрашивая, не там ли Лотэсса?

— А что ты предлагаешь?

— Я предлагаю подумать, — Лану не хотелось, чтобы брат решил, что его поучают, но отпускать его на бесцельные метания по городу хотелось еще меньше. — Ты же постоянно общаешься с Лотэссой, должен знать, с кем она дружна, кого могла захотеть навестить. Не собиралась ли куда-нибудь поехать?

— Ни с кем она не дружна, — бросил в ответ несколько уязвленный Рейлор — очевидно, ему все-таки не нравилось, что младший брат умничает. — Да и со мной не особо-то откровенничала в последнее время. И вообще, ты давно ее в последний раз видел у нас в гостях? То-то и оно! Нынче Лотэсса Линсар поверяет все свои тайны жениху.

— Именно поэтому он и явился сюда в полной растерянности с мыслью, что она сбежала от него к тебе, — не удержался от ироничного замечания Лан.

— Тут ты прав, — голос Рейлора потеплел. — На самом деле, если уж кому открывает Тэсс свои тайны, так это брату. Вполне возможно, что Эдан не просто так носится по городу, а знает, где можно найти Лотэссу.

— Если бы он знал, вряд ли ее семья и принц поручили ее розыск коменданту и вообще привлекали внимание к ее исчезновению.

— Тоже резонно, — кивнул Рейлор. — До чего же ты умный, братишка. — Я рядом с тобой чувствую себя дураком.

Лан только вздохнул про себя. Он отнюдь не испытывал чувства превосходства перед Рейлором. Скорее напротив, сравнения со старшим братом всегда больно били по самолюбию младшего. Рейлор безрассудно храбрый, прекрасный боец, красавец. Да рядом с ним братья Ильды кажутся жалкими и невзрачными! И, что бы там не говорили, не могла Лотэсса Линсар влюбиться в принца и предпочесть его Рейлору. Скорее уж, согласилась на блестящий брак по настоянию родителей. И ничего удивительного, если потом она вдруг передумала и решила исчезнуть. А к Рейлору не пошла потому, что ощущает вину перед ним. Не то чтобы Лан был так уж уверен в своей версии, просто она казалась не лишенной смысла, кроме того, ему было приятно думать, что Лотэсса все-таки равнодушна к его брату. Кто знает, возможно, когда она отыщется, принц, как благородный человек, освободит невесту от данного слова и расторгнет помолвку. Тогда Лотэсса сможет все-таки выйти замуж за Рейлора и стать членом семьи Таскиллов. Лан ощутил укол совести. Нашел время строить планы, сначала надо ее отыскать. Тем более что Рейлор стоял рядом и терпеливо ждал, что еще посоветует младший брат.

— Ты сказал, что у Лотэссы не было друзей, но почему? — он действительно не мог поверить, что столь блестящая девушка не была окружена теми, кто добивается ее внимания и благосклонности.

— Потому что ей хватало нас с Эданом. Ну, и Ильдов, — тут Рейлор вздохнул. — Ты думаешь, я бы допустил, чтоб вокруг нее вились еще какие-нибудь мужчины?

— А женщины?

— Какая женщина станет искренне дружить с такой красавицей, как Тэсс?

— А почему нет? — не понял Лан.

— Эх, братишка, несмотря на весь свой ум, ничего ты в женщинах не понимаешь, — Рейлор насмешливо-добродушным жестом растрепал брату волосы.

Ну и пусть, решил Лан. Очень ему нужно разбираться в женщинах. Вот если бы нашлась еще одна такая, как Лотэсса... Хотя это, конечно, глупости. Лотэсса Линсар — одна-единственная. А заглядываться на нее — чистое безумие. Ведь в лучшем случае она станет ему сестрой, а в худшем — королевой. О том, что будет в самом худшем случае, если девушку так и не найдут, Лану думать не хотелось.

— Если у Лотэссы Линсар не было друзей, то есть было, но мало, — поправился он, — то, может, у нее были враги?

— Враги? У Тэсс? — Рейлор казался озадаченным. — По идее, любая придворная дама старше пятнадцати и моложе сорока — ее враг. Уверен, все бы они обрадовались, пропади внезапно Лотэсса, но чтоб как-то способствовать ее исчезновению — это уже чересчур.

— А мужчины?

— Знаешь, что, Лан, — в голосе старшего брата послышалось раздражение. — Ты действительно задаешь умные вопросы, наверное, те самые, которые нужно, но мне сейчас сложно просто стоять здесь и размышлять. Мне нужно вскочить на коня и разыскивать Тэсс. Наверное, это не признак большого ума, но я иначе не могу. Давай каждый из нас будет заниматься тем, что у него лучше выходит. Я — действовать, ты — думать. Так выйдет куда больше пользы. Почему бы тебе не отправиться к коменданту, которому Ильд поручил поиски, и не помочь ему в расследовании? А я помогу Эдану.

Лан почувствовал себя одновременно обиженным и польщенным. Не очень-то приятно, когда брат пытается отделаться от твоей помощи. С другой стороны, мысль, что он может оказаться полезным в расследовании самому коменданту Вельтаны, наполняла парня чуть ли не гордостью. По сути Рейлор, конечно, прав. Он должен сейчас мчаться по улицам в поисках своей любимой, и младшему брату негоже его удерживать даже из самых лучших побуждений.

— Хорошо, Рейлор, — сказал Лан. — Я и впрямь отправлюсь к Итону Карсту, надеюсь, он не откажется принять и выслушать меня.

— Еще бы он отказался! — казалось, само предположение возмутило Рейлора. — Ты же Таскилл! Он просто обязан с тобой считаться, как любой человек в этом городе и в стране... ну, кроме Ильдов, — последние слова сопровождались чуть слышным вздохом.

Лан придерживался несколько иного мнения, но возражать не стал. Нужно поскорее отпустить брата, а с дэном Карстом он уж сам разберется. Братья вместе дошли до конюшни, оседлали коней и расстались у ворот замка. Лан отправился в комендатуру, а Рейлор поскакал куда-то в сторону Светлой части.

Лан гнал своего коня, спеша поскорее добраться до коменданта, и чувствовал себя почти взрослым. Хотя, если задуматься, чем уж таким необыкновенно умным отличались его вопросы? Наверное, Рейлор просто хотел отделаться от младшего братишки, решившего поумничать. Возможно, и столичный комендант поступит так же. Даже размышляя подобным образом, юноша и не думал поворачивать обратно. Даже если Карст его отошлет — невелика беда. Зато сейчас он ощущал себя нужным, внося посильную лепту в поиски Лотэссы. Сидеть сложа руки просто невыносимо, тут брат прав.

В комендатуре сказали, что дэна Карста нет на месте и никто не знает, где он. Когда Лан совсем уж было решил вернуться, появился высокий худой юноша, назвавшийся секретарем коменданта, и сообщил, что дэн Итон сейчас находится в замке Линсаров.

— Возможно, эн Таскилл, вы даже догадываетесь, какая причина привела его туда, — голос долговязого секретаря был исполнен многозначительной таинственности, но, надо отдать ему должное, никакой тайны он не выдал. Мол, знаете, о чем идет речь, — хорошо, не знаете — так ничего и не поймете.

— Догадываюсь, — торопливо кивнул Лан. — Благодарю вас!

Надо же было проделать путь от замка до комендатуры, чтоб узнать, что комендант на самом деле все это время был совсем недалеко. Теперь придется скакать обратно, и обиднее всего будет, если Карст за это время покинет Линсаров, чтоб вернуться в

комендатуру или отправиться еще куда-нибудь.

Однако, добравшись до Вэйлтайна, Лан с облегчением услышал от слуги, что дэн комендант действительно находится здесь и ведет беседу с герцогиней. Не поинтересовавшись мнением коменданта и хозяйки, слуга повел гостя в комнату, где проходил разговор. Про себя Лан отметил, что у них, в Таскиллоне, слуги не позволяют себе подобного самоуправства и о любом посетителе непременно сначала докладывают эне Алдоре или одному из ее сыновей. Видно, эна Линсар, в отличие от матушки, не умеет держать прислугу в руках. Оставив гостя на пороге комнаты, слуга беззвучно удалился, чем поставил юношу в затруднительное положение. Войти в комнату, где идет столь важный разговор, не будучи приглашенным — не слишком-то вежливо. Пока Лан стоял в замешательстве возле открытой двери, он не только слышал беседу коменданта с матерью Лотэссы, но даже видел разговаривающих, оставаясь незамеченным.

— Вы уверены, что все платья вашей дочери на месте? — делая ударение на слове «все» спросил Карст.

— Разумеется, уверена! — возмущенно фыркнула женщина. — Неужели вы полагаете, дэн Карст, что я не знаю гардероба Лотэссы? Если хотите знать, почти все наряды создавались под моим руководством. Тэсса — девочка, витающая в облаках, поэтому такими вещами приходится заниматься самой. И потом, боюсь, вкус моей дочери, в отличие от ее внешности, сложно назвать безупречным...

Лан слушал эту маленькую очаровательную женщину и поражался. Неужели она действительно способна обсуждать наряды, когда пропала ее дочь? Или он действительно так плохо разбирается в женщинах, и для них это естественно? Лан попытался представить собственную мать в подобной ситуации и подумал, что эна Алдора наверняка держалась бы сухо и спокойно, что бы ни творилось у нее на душе. Она не вытирала бы ежесекундно заплаканные глаза кружевным платочком, не заламывала бы руки, не показывала бы своих страданий окружающим. Но в то же время эна Таскилл никогда не смогла бы рассуждать с таким вдохновением о платьях, если беда постучалась в ее дом. Впрочем, мать — не обычная женщина. Может быть, прочие больше похожи на Мирталь Линсар? Почему-то Лану не хотелось, чтобы Лотэсса оказалась такой, как ее родительница. Юноша перевел взгляд на коменданта. Судя по выражению лица Итона Карста, тот тоже пребывал в некотором недоумении. Наверное, и он не разбирается в женщинах.

— Эна Линсар, — комендант не очень уверенно подал голос, прерывая вдохновенный монолог хозяйки о нарядах. — Сейчас нужно сосредоточиться на самых важных вещах...

— А разве я говорю о пустяках? — вскинулась задетая женщина. — Вы же сами спросили о платьях!

— Прошу прощения, — тут Лан наконец решил дать знать о своем присутствии. — Мне, право, жаль, что я позволил себе явиться в такой момент...

На лице Карста промелькнуло облегчение. Видимо, момент все-таки был выбран удачно и внезапное появление гостя избавило коменданта от необходимости вести дальнейший разговор о нарядах пропавшей девушки.

— Лан, мальчик мой! — эна Мирталь разве что не заключила юношу в объятия, хотя сказать, что он водил близкую дружбу с герцогиней, было бы сильным преувеличением.

— Дэн Карст, — Лан обратился к коменданту, чтоб не отвечать на горячие приветствия хозяйки. — Мой брат Рейлор направил меня к вам.

— Вам что-то известно об исчезновении эньи Линсар?

В этот момент собственные мысли о направлении поисков Лотэссы показались Лану просто смешными. Чем он может помочь этому умудренному знаниями и опытом человеку?

— Нет, — юноша почувствовал, что краснеет. — Просто я бы хотел помочь. Ведь Линсары — давние друзья нашей семьи.

— Что ж, — комендант кивнул скорее своим мыслям, чем Лану. — Сейчас никакая

помощь не будет лишней.

Глава 18

Тэсс не находила себе места. Она не знала точно, как долго сидит одна в запертой комнате, но ей казалось, что с момента, когда Табрэ покинул ее, прошла целая вечность. Прежде чем уйти, канцлер задал множество вопросов. Часть из них Тэсса находила уместными и логичными, но некоторые показались ей излишними и совершенно бестактными. Особенно пристрастно эн Фрэллом пытался дознаться истории знакомства девушки с его сыном и никак не желал верить, что молодые люди повстречались незадолго до того, как он их увидел. Такой подход возмущал Тэсс. Одно дело видеть в ней эларскую шпионку, что крайне неприятно, но хотя бы объяснимо. И совсем другое — дотошно расспрашивать о ее отношениях с Искемом Табрэ, знакомство с которым вместо пользы обернулось сплошными неприятностями. Почти на все вопросы девушка отвечала честно, за исключением тех моментов, когда пришлось бы раскрывать правду про Маритэ, магию и Закат Мира. На некоторые особо бестактные вопросы она отказывалась отвечать, считая это ниже своего достоинства. Доказывать истинность своей личности старшему Табрэ оказалось куда сложнее, чем его сыну. Искем было достаточно того, что незнакомка красива. Сопоставив ее внешний вид с рассказами о красавице Лотэссе Линсар, он с легкостью поверил, что она та, за кого себя выдает. Но канцлер оказался не столь простодушным и падким на женскую красоту. А у Тэсс не имелось ни одного доказательства принадлежности к Линсарам. Хотя даже сумей она доказать свою личность, Линсар — не совсем та фамилия, которой стоит бравировать при дайрийском дворе. В ходе беседы, которую логичнее было назвать допросом, Табрэ делал какие-то записи, временами бормотал что-то про себя, а пару раз даже изволил усмехнуться. Сочтя разговор окончанным, канцлер с напускным сожалением объявил, что отпустить девушку не может до окончательного разрешения вопроса о ее личности и цели прибытия в Тиарис. После этого он оставил Тэссу, велев дежурившим у двери гвардейцам запереть комнату и, как поняла девушка, выставив караул у входа.

Лотэсса чувствовала себя пленницей. И она еще жаловалась на заточение, находясь в Нианоне под «опекой» Дайрийца! Тогда ее хотя бы не запирали. А сейчас она и впрямь мало чем отличается от узницы в темнице. Конечно, дворцовое помещение, где ее допрашивали, — светлое, просторное, почти роскошное, — не больше походило на тюремную камеру, чем покои, отведенные ей в Нианоне. Зато на этот раз над ней тяготело если не прямое обвинение в незаконных действиях, то, по меньшей мере, подозрение. Положение девушки усложнялось еще и тем, что о многом она просто не могла говорить. Маритэ не просила держать в тайне все, что с ней случилось, но рассказать об истинной причине своего появления здесь значило в лучшем случае выставить себя безумной. А как, скрывая множество фактов, объяснить свое появление? Впрочем, теперь, когда она во дворце и уже умудрилась привлечь внимание к своей персоне, есть надежда на то, что ей удастся встретиться с королем. Должен же его величество хотя бы из любопытства снизойти до странной девицы, выдающей себя за Лотэссу Линсар. По крайней мере, Тэссе очень хотелось на это надеяться.

Интересно, как долго ей тут сидеть? Оставят ее в этом помещении или переведут в другое? И вообще, хоть кто-нибудь здесь догадывается, что пленников нужно, к примеру, кормить? Проснувшись довольно рано по своим меркам, Тэсс ощущала голод и сонливость. Последнее, возможно, от скуки. Потому что в пустой комнате решительно нечем было заняться.

С удивлением Лотэсса отметила, что почти не волнуется — не то что утром. А ведь теперь причин для беспокойства куда больше. Но почему-то именно сейчас она почти успокоилась. Может быть, оттого, что часть дела уже сделана, но скорее потому, что все происходящее казалось ей игрой. Слишком много всего произошло, включая самые немыслимые вещи, и слишком быстро менялись декорации вокруг нее в последнее время. Девушка почти утратила ощущение реальности. На какое-то время оно вернулось к ней, когда пришлось решать вопросы крова, пропитания и прочих жизненно необходимых вещей. Но сейчас все происходящее снова представлялось ей чем-то вроде интересного и немного опасного сна, когда краем сознания понимаешь, что все это не по-настоящему. Именно поэтому вынужденное безделье и скука донимали куда сильнее, чем тревога, естественная, казалось бы, в ее положении.

Через какое-то время девушка все-таки задремала, пристроившись на роскошной, но не слишком удобной кушетке и положив голову на руки.

— Очень мило! — раздался над ней насмешливый мужской голос. Знакомый, но не тот, который она так хотела и боялась услышать.

Открыв глаза, Тэсса увидела Торна.

— Эн Элвир, — сонно пробормотала она, не в силах удержаться от улыбки.

Кто бы мог подумать, что она будет так рада видеть протектора, которого не так уж давно ненавидела чуть ли не сильнее, чем самого Дайрийца. По крайней мере, Торн явно не ожидал подобного приема. Брови его поползли вверх, и с лица исчезло всегдашнее выражение невозмутимости.

— Мы знакомы, энья? — насмешливый тон сменился удивленным.

И что ему на это ответить? Да, знакомы, только познакомились мы осенью, когда вы хозяйничали в столице захваченного государства. Ах да, в последний раз, когда я вас видела, вы были мертвы. Торн слишком здравомыслящий мужчина, вряд ли он хотя бы дослушает этот бред до конца, не то что поверит. Прикинувшись безумной, можно, конечно, быстро оказаться на свободе. Кто же станет неволить сумасшедшую бедняжку? Но в этом случае ей уж точно не добиться своей цели. Что же все-таки ответить?

— Вы, надо полагать, слышали обо мне, а я знаю о вас, — нашла Лотэсса. — Что тут удивительного?

— Действительно, — хмыкнул Элвир. — Хотя не думал, что моя персона известна каждой девице за пределами Дайрии.

— А я не каждая девица! — с вызовом ответила Тэсс.

— Не спорю, если вы на самом деле та, за кого себя выдаете. Вы же понимаете, насколько это легко проверить?

— Запросите в Эларе мой портрет? — иронично спросила девушка. — Но для этого вам придется нарушить собственное решение о полном разрыве отношений.

— Во-первых, разрыв не настолько полный, как вы полагаете, энья... Лотэсса. Буду звать вас так для удобства, пока не доказано обратное. Определенные каналы остаются всегда, — Торн многозначительно взглянул на нее. — Однако запрашивать и ждать ваш портрет — непозволительная трата времени. Может, в ваши планы и входит погостить в Ортейне несколько месяцев, но не уверен, что ваше присутствие здесь так уж желательно. Мы поступим проще. Поверьте, при дворе короля Валтора найдутся люди, способные опознать дочь герцога Линсара.

— Неужели? — она почувствовала, что начинает злиться. — И кто же они? Дайрийские шпионы?

— Помилуйте! — мужчина изобразил притворное негодование. — Речь идет об официальных посланниках нашей страны при вашем дворе. Ныне, конечно, высланных из Элара. Но это не меняет факта, что эти господа знают в лицо весь цвет эларской аристократии. Что же до шпионов, — в голосе прозвучала недобрая усмешка. — Возможно, вам, энья, лучше о них знать...

Вот именно за это она терпеть не может Элвира Торна! За его наглую бесцеремонность. Хотя в прежние времена их знакомства манера вести беседу являлась далеко не самым страшным в перечне грехов этого человека. На руках Торна была кровь короля и Нейри, не говоря уже о том, что он — один из самых удачливых полководцев Дайрийца и вообще его правая рука. Хотя стоящему перед ней человеку нечестно было бы вменять в вину то, что он еще не совершил и, если все получится, никогда не совершит. И последнее зависит только от нее. Поэтому сейчас не стоит ссориться с Торном, хотя именно это ей всегда удавалось лучше всего. И все же надо быть сильнее естественного желания наговорить гадостей бывшему верховному протектору Элара... или будущему, кто теперь разберет.

— К сожалению, я не так уж много знаю о шпионах. Ну, кроме самого факта, что они существуют. Хотите убедиться, что я — это я? Пожалуйста! — и она заставила себя улыбнуться. — Зовите ваших послов, проводите опознание. Правда, я вряд ли их узнаю.

Я, знаете ли, не привыкла обращать внимание на сановников, кружащихся вокруг королевского трона.

— Предположим, что вы и есть Лотэсса Линсар, — видимо, Торн решил временно оставить тему шпионов. — Зачем вы в Тиарисе? Разве не положено благороднейшей девице Элара сидеть в Вельтане, дожидаясь свадьбы с наследником престола? Вы ведь помолвлены с принцем Нейри Ильдом, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

Неужели она и в самом деле невеста Нейри? А ведь она уже привыкла считать себя невестой Валтора, а Нейри — мертвым. Хвала богине, это больше не так! То есть Тэсс испытывала благодарность Маритэ за то, что принц жив, а вот в качестве жениха сейчас она бы предпочла видеть короля Дайрии.

— Итак, зачем вы покинули Элар и устремились в Дайрию, порвавшую отношения с вашей страной? Король и принц в курсе вашей поездки в Тиарис?

— Нет, — Лотэсса помотала головой. — Никто не знает, что я здесь.

— Вы ведь отдаете себе отчет, что все это выглядит крайне странным? — в голосе Элвира послышалось что-то, отдаленно напоминающее сочувствие.

— Вы даже не представляете, насколько хорошо я это понимаю! — Тэсса иронизировала над самой собой.

— Тогда чего вы добиваетесь? Должно же иметься хоть какое-то разумное объяснение вашим странным поступкам!

— Я хочу увидеть вашего короля.

Вот она и сказала это. Тэсса с замиранием сердца ждала ответа Торна.

— Зачем вам это? — вместо ответа он задал новый вопрос.

— Мне нужно с ним поговорить.

— Ну конечно! — голос Торна так и источал сарказм. — Разумеется, это все объясняет. И я сейчас же побегу за его величеством, чтоб удовлетворить ваше желание, зняя Линсар. Не могу же я допустить, чтобы вы зря проделали такой путь. Кстати, как вы его проделали? — он снова стал серьезен. — С кем вы прибыли в столицу Дайрии? Где остановились? И, главное, как знатная дама, подданная враждебного государства, со свитой смогла миновать пограничные заставы и городские ворота столицы?

Вопросы один хуже другого. Впрочем, некоторые из них уже задавал Табрэ, а Тэсса давала ответы, и даже правдивые.

— Я путешествую инкогнито, — она вздохнула, понимая, что этим признанием скорее навредит себе, чем поможет, и вызовет на свою голову новый град вопросов. — Верхом, без свиты и переодетая простолюдинойкой.

— Таким образом вы могли попасть в город, — кивнул мужчина. — Но не в страну. Как вы миновали заставы на границе с Эларом?

И что ему на это ответить? Не рассказать же, что перенеслась из башни Маритэ прямо к городским стенам.

— Почему бы вам не поинтересоваться у тех, кто служит на этих заставах? — выкрутилась Тэсс.

С одной стороны, девушке было стыдно наговаривать на солдат, несущих пограничную службу, с другой — все они проклятые дайрийцы, враги ее страны, а навредить врагу — не подлость. Да и когда еще сможет Торн проверить ее слова? Пусть пока думает, что она дала денег, чтобы незаконно пересечь границу.

— Вот даже как? — удивленно хмыкнул мужчина. — И вы не боитесь говорить такие вещи?

— А чего мне бояться? — Тэсса почти развеселилась.

— Ну, хотя бы обвинения в незаконном проникновении в страну, а также в королевский дворец.

— Во дворец я проникла вполне законно, — возразила слегка напуганная девушка. — Меня пригласил этот ваш... как там его, — имя сына канцлера вылетело у нее из головы.

— Искель Табрэ, — Торн произнес это имя с насмешкой и презрением. — Немудрено. Этот не пропустит ни одной смазливой мордашки. Он бы и убийцу короля провел в спальню к его величеству... разумеется, после того, как она побывает в его собственной.

— Да как вы смеете?! — вскинулась Лотэсса, которую покорило от бесцеремонных намеков собеседника.

— Как я смею обвинять вас в планировании покушения на его величество или в связи с Табрэ? По мне, так второе куда ужаснее, — хохотнул он.

— Как вы смеете разговаривать со мной в подобном тоне? Даже ваш король себе такого не позволял! — не успев закончить фразу, Тэсс сильно пожалела о словах сказанных в запале гнева.

— Что?! — Торн изогнул бровь, демонстрируя крайнюю степень удивления. — Вы знакомы с его величеством?

Еще как знакома, обреченно подумала девушка. Только как же об этом рассказать? Опять надо как-то выкручиваться.

— Я слышала король, Валтор вежлив с дамами.

Однако далеко не всегда, добавила она про себя.

— Как-то слишком много вы слышали, энья, — на этот раз он не стал называть фамилию. — Вам известно обо мне, о привычках его величества. Как долго вы планировали пробыть при дайрийском дворе?

— Мне нужно всего лишь увидеться с королем, — Тэсс начала уставать от этого разговора. — После этого я уеду, клянусь вам. Если подозреваете меня в желании его убить, пусть Валтор... то есть его величество облачится в доспехи. Меня же можете обыскать на предмет оружия или ядов. Надеюсь, вы не думаете, что я способна удушить мужчину голыми руками или владею какой-нибудь тайной смертоносной магией?

— Магия! Какие глупости! — поморщился Торн. — Вы еще богинь сюда приплетите, — он страдальчески закатил глаза.

А Лотэсса с трудом удержалась от того, чтоб расхохотаться. Теперь придется заново привыкать жить в мире, где магия и богини считаются сказками. Как много могла бы она рассказать Торну, и как мало шансов, что он поверит хоть одному ее слову.

— Итак, вы можете организовать мне встречу с королем? — спросила Тэсс.

— С чего вы взяли, что я стану это делать? — он, казалось, поразился дерзости девушки. — Я действительно много чего могу. Но вряд ли стану тратить время и силы для осуществления ваших планов, энья. Скорее уж я могу упрятать вас в темницу до завершения следствия. Как вам такой вариант? Причем, заметьте, я ничем особо не рискую. Даже если вы подлинная Лотэсса Линсар, то международный скандал мне не страшен, учитывая нынешние отношения наших стран.

— Вы не посмеете! — воскликнула Тэсса, впрочем, без особой уверенности.

— Да ну? И почему же это?

— Я равна вам по крови! — не самый удачный аргумент, но другого не нашлось.

— Даже выше, — хмыкнул в ответ Торн. — Но это ничего не меняет.

Ну, положим, не выше. Элвир — принц крови, который, по сути, имеет больше прав на

корону, чем Валтор. Впрочем, об этом уж точно никому не надо знать. Вот если бы Элар мог извлечь выгоду от смены человека на дайрийском престоле, тогда, может, и стоило бы отыскать ветхую книжицу с записями королевы Теоры. Но Торн на троне ничуть не полезнее Элару, даже хуже. Так что пусть все остается как есть.

— Вы не посмеете бросить меня в темницу, не доложив обо мне своему королю, — теперь Тэсса говорила уверенно и почти властно.

— Что ж, посмотрим.

Глава 19

После беседы со странной эларкой Элвир пребывал в довольно непривычном для себя состоянии — растерянности. Кто эта девушка? Первым делом надо найти Айна Садара, который последние несколько лет представлял интересы Дайрии при дворе эларского короля. Если бывший посол опознает или не опознает в девице Лотэссе Линсар, станет проще. Хотя ненамного. Отчего-то Торн и без того был практически уверен, что девушка не врет насчет имени. Во-первых, держится она как истинная аристократка, во-вторых, незаурядная внешность. О красоте Лотэссы Линсар слагают песни даже те, кто ее никогда не видел. Все-таки логичнее исходить из того, что подлинная энья Линсар непонятно за какими демонами явилась в Тиарис, чем думать, что самозванка оказалась настолько глупой и дерзкой, чтобы воспользоваться ее именем.

Итак, чего же добивается эта странная девушка? Проще всего было бы узнать, предоставив ей возможность увидеться с королем, то есть выполнив ее просьбу. Но сейчас она — враг, а выполнять просьбы и требования врагов, как правило, выходит себе дороже. Хотя в данном случае сложно понять, какую опасность может таить встреча Валтора с эларкой. Ну не планирует же она в самом деле убить дайрийского короля! Это было бы смешно и нелепо. Не может же она не понимать, что это практически невозможно, не говоря уже о том, какая расплата ждет ее даже за покушение на короля, а тем более за его смерть. Конечно, всякое бывает. Может, экзальтированная девица ценой собственной жизни решила послужить своей стране. Но все равно надо быть дурой, чтоб решиться на такое. Элвир не настолько пренебрежительно относился к женщинам, чтоб делить их на умных и красивых и каждую красавицу сразу записывать в дуры. Да и, при всех своих странностях, впечатления глупенькой девушка не производила. Глубокого ума Торн в ней тоже не заметил. Что же ей все-таки нужно на самом деле? Хорошо бы разобраться в этом до того, как придется докладывать о неожиданной гостье королю. А ведь придется все-таки. И, разумеется, Валтор изъявит желание увидеть ее хотя бы из любопытства.

И как заставить ее говорить? Не пытаться же. Элвир усмехнулся своим мрачным мыслям. И, кстати, нужно решить, что с ней делать дальше. Как бы он ни запугивал девушку темницей, даже она поняла, что подобная участь ей не грозит. Но и держать ее в той комнате, где они разговаривали, не годится. Это всего лишь приемная для бесед с не слишком важными и знатными посетителями дворца. Поскольку эларской гостье придется задержаться, то нужно обеспечить ей комнаты, в которых она сможет более-менее комфортно существовать. Но это только после того, как эн Айн подтвердит ее личность. А вот покормить девушку стоит прямо сейчас. Торн отдал соответствующие распоряжения одному из своих помощников.

Дожидаюсь Садара, Элвир все время пытался ухватить какую-то смутную, ускользающую мысль, но это ему никак не удавалось. Эн Айн соблаговолил явиться лишь часа через три. Степенный, благообразный, исполненный собственного достоинства старик, даже кланяясь Элвиру, умудрялся выглядеть надменным. Эн Садар принадлежал к числу тех почтенных вельмож, служивших еще покойному королю Аритэру, которые не скрывали своей озабоченности и возмущения тем фактом, что правой рукой молодого короля стал его ровесник. Они считали Торна выскочкой — слишком дерзким, напористым, бескомпромиссным и, разумеется, недостаточно умным. Ведь только прожитые годы делают человека по-настоящему умным — в эту истину свято верили все сановники старше пятидесяти лет. Элвир не слишком переживал из-за подобного отношения, скорее, оно его забавляло. Вот и на этот раз нарочитая холодность бывшего посла вызывала улыбку вместо раздражения.

— Чем я обязан вашему приглашению, эн Торн? — сухо осведомился Садар. — У вас возникли сложности в попытках разобраться с тонкостями внешней политики? Понадобился совет опытного человека, поднаторевшего в таких делах?

— Если у меня возникнут подобного рода сложности, эн Садар, я непременно обращусь к вам, дабы припасть к кладезю вашего бесценного опыта и вашей мудрости, — Элвир старался сохранять серьезное выражение лица, однако был почти уверен, что насмешка не укроется от собеседника. — Пока же я больше нуждаюсь в вашей идеальной памяти.

— В каком смысле?

— Вы несколько лет пробыли послом при эларском дворе, — начал Торн.

— Восемь лет! — Айн гордо вскинул подбородок. — Восемь лет. Еще покойный король был жив, когда я с посольством прибыл в Вельтану. Именно Лендер подписывал мои верительные грамоты...

— Прекрасно, — Элвир улыбнулся. — Значит, вы должны хорошо знать вельтанскую аристократию.

— Разумеется, я знаю всех придворных. Отношения между нашими державами сейчас оставляют желать лучшего, но даже после разрыва отношений мне продолжали оказывать уважение в стенах Нианона и лучших домах Вельтаны. Осмелюсь предположить, что, прощаясь со мной, многие представители эларской знати испытывали искреннее сожаление. Да что там говорить, сам принц вышел проводить меня в день моего отбытия, несомненно, это есть свидетельство высочайшего расположения, которое я, смею надеяться, по праву заслужил своими делами. Да и я, по правде сказать, сохранил о годах, проведенных в Вельтане, вполне благоприятное впечатление, как и о людях, окружавших меня, — высокопарная речь бывшего посла, наполненная похвалами самому себе, казалось, никогда не кончится, но Элвир не перебивал. — Нет, я нисколько не осуждаю решение моего короля разорвать отношения с Эларом, однако же мне по-прежнему немного не хватает блеска и душевности вельтанского двора.

Садар наконец умолк и Торн, воспользовавшись паузой, поспешил увести разговор в нужное русло.

— Не сомневаюсь, что вас ценили при дворе короля Лендера и его сына. Я надеюсь, вы были знакомы с семейством Линсар?

— Вы смеетесь, молодой человек! — эн Айн выглядел почти оскорбленным. — Знаю ли я Линсаров? Знаком ли я с герцогом Оро и его прелестной, хоть и безродной женой?

— Вообще меня больше интересует их дочь.

— О, прекрасная Лотэсса! — при упоминании эньи Линсар даже выражение лица Садара сменилось с недовольного на мечтательное. — Я помню ее еще совсем ребенком, но теперь она расцвела, подобно прекраснейшему цветку. Сейчас ей, должно быть, лет семнадцать-восемнадцать. Смею заверить, что слава о ее красоте нисколько не преувеличена...

— Рад это слышать, — Элвир кивнул своим мыслям. — Не могли бы вы описать внешность этой девушки? Она блондинка?

— О нет! У нее восхитительные темные волосы. Мне никогда не доводилось видеть их распущенными, но представляю, что это должно быть поистине завораживающее зрелище. А ее глаза подобны ярким аметистам или цветам сирени...

— Да вы прямо поэт, эн Садар, — иронично заметил Торн.

Задержанная девушка вполне подходила под описания, и все же не мешает окончательно убедиться. Вдруг девица как-то узнала, что похожа на Лотэссу Линсар, и решила этим воспользоваться. С другой стороны, не очень-то хочется посвящать Айна Садара в то, что энья Линсар находится в стенах Ортейна, но, очевидно, другого выхода нет.

— Если бы вы ее видели, эн Торн, — дипломат вновь мечтательно улыбнулся, — вы бы и сами стали поэтом. Тем более, вы молоды. Слишком молоды, — он вздохнул и покачал головой. Последняя часть фразы относилась скорее не к убийственному воздействию женских чар на юнцов, а к извечному недовольству пожилых сановников молодостью Торна.

— Ну, это вряд ли, — Элвир усмехнулся. — У меня есть основания полагать, что я имел счастье видеть сию ослепительную девицу, однако поэтом так и не стал. Надо думать, оно и к лучшему. Хватит с нас и Искеля Табрэ.

— О да! Сын канцлера совершенно возмутительный молодой человек! — в порыве

негодования эн Айн забыл о неприязни к собеседнику, раз уж появилась возможность осудить еще одного негодного юнца. Он бы и дальше перемывал косточки младшему Табрэ, если бы не осознал до конца услышанное. — Что вы сказали? Вы знакомы с энней Линсар?

— Вполне возможно, — подтвердил Торн.

— Что значат эти загадки? — Садар подозрительно взглянул на Элвира. — Извольте яснее выразить свои мысли.

— Сегодня ко двору прибыла девушка, выдающая себя за Лотэссу Линсар. По вашим описаниям она похожа на дочь герцога Линсара. Однако мне было бы спокойнее, если бы вы лично взглянули на нашу гостью.

Элвир сумел повернуть все так, чтоб девица предстала скорее гостьей, чем пленницей. Чем меньше знает бывший посол, невольно сочувствующий эларцам, тем лучше. И так уже пришлось открыть ему факт пребывания девушки во дворце.

— Энья Линсар здесь?! — изумился Садар. — Но как такое возможно? Как могло прибытие делегации из Вельтаны пройти мимо меня? Разве столь значимые события внешней политики должны становиться неожиданностью для того, кто отдал всего себя служению на этой ниве? — отставной дипломат явно чувствовал себя глубоко уязвленным.

— Во-первых, обсуждаемая особа прибыла не в составе делегации, а самостоятельно, — терпеливо разъяснил Элвир. — Во-вторых, как я уже сказал, я пока не уверен, что это действительно Лотэсса Линсар. Для этого мне и требуется ваша помощь, эн Садар.

— Но как она могла прибыть одна? — теперь эн Айн, казалось, удивился еще больше. — Речь идет о совсем юной девушке. Кроме того, границы закрыты и...

— Я в курсе, — с досадой отозвался Торн. — И все-таки она здесь. Или не она. Вы не могли бы оказать мне услугу и взглянуть на эту девицу?

— Разумеется, — глаза дипломата загорелись любопытством.

Идя в сопровождении эна Айна по коридорам, Элвир размышлял, как бы после опознания снизить интерес бывшего посла к эларской аристократке, оказавшейся в Тиарисе. Предавать огласке странное явление этой девушки вовсе не хотелось. Откровенно попросить Садара молчать, конечно, можно, но при этом надо понимать, что он начнет болтать хотя бы назло ненавистному юнцу, дорвавшемуся до власти. И вскоре известие, передаваемое под строжайшим секретом, покинет пределы Ортейна и облетит всю столицу и окрестности. Торн уже начал жалеть, что не удовлетворился словесным портретом Лотэссы Линсар, не раскрывая Садару причин проявляемого интереса. Увидев у дверей комнаты, где находилась девушка, гвардейцев, Элвир вновь мысленно вздохнул. Естественно, наличие стражи вызвало вопросы у его спутника.

— Почему двери охраняют? — спросил Садар.

— Я же уже говорил, не имея уверенности, что прибывшая особа и есть Лотэсса Линсар, мы не можем ей доверять. Кроме того, — тут он чуть заметно улыбнулся, — поставить стражу у входа — не моя идея. Так решил эн Табрэ.

Упоминание имени Табрэ возымело действие. Верховного канцлера Садар уважал, хоть к уважению и примешивалась изрядная толика зависти.

Когда они вошли, то увидели девушку, сидящую на кушетке у окна. Она подтянула колени к груди и положила на них подбородок. Подняв глаза на вошедших мужчин, она поспешно сменила позу и даже поднялась навстречу гостям. Выражение лица Садара при взгляде на девушку уничтожило последние сомнения в подлинности ее личности.

— Энья Линсар, — почтенный дипломат склонился в низком поклоне, затем завладел рукой Лотэссы и поднес ее к губам. — Я безмерно счастлив видеть вас здесь. Впрочем, признаюсь, удивление мое не менее велико, чем моя радость от новой встречи с вами.

— Э-э, — энья Линсар лучезарно улыбнулась, но в глазах ее читалась растерянность. —

Поверьте, я тоже очень рада вновь видеть вас...

Совершенно очевидно, что имени бывшего дайрийского посла девица не помнила. Как не помнила, скорее всего, и его самого. Еще бы. Для нее он был одним из многих престарелых сановников, ошивающихся при дворе Ильдов. Айн Садар не обладал ни молодостью, ни красотой, ни обаянием — словом, ни одним из достоинств, которые могут быть замечены юными девицами. Однако бедняжка очень старалась создать впечатление, что узнает пожилого мужчину, проявившего искреннюю почтительность и явно знакомого с ней.

— Энья Лотэсса, что привело вас в Тиарис? — продолжал допытываться Садар, к счастью для девушки даже не заметивший, что та не назвала его по имени. — Ваши родители знают, что вы здесь? Как герцог мог отпустить вас? А ваша обворожительная матушка? Поверить не могу, что она позволила вам покинуть Вельтану!

— Мои родители не знают, что я здесь, — со вздохом призналась энья Линсар.

— Не может быть! — воскликнул Садар. — Но что привело вас сюда? Ведь для вас не секрет, что сейчас отношения между нашими странами... э-э... — он мучительно подбирал слова, верный старой дипломатической привычке, сглаживать любые острые углы.

— Именно отношения между нашими странами и стали причиной моего появления здесь, — наконец-то юная особа хоть что-то сказала о цели своего визита. — Я приехала, чтобы увидеться с королем Валтором, а меня держат здесь как пленницу.

— Как гостью, — поправил Элвир.

— Как гостью! Ну конечно же! — она не скрывала ядовитого сарказма. — Вы всегда держите гостей взаперти, под стражей, эн Торн? Может быть, каждому гостю вы угрожаете темницей? Тогда прошу прощения, если восприняла ваши слова как угрозу.

— Темницей?! — возмутился Садар. — Эн Торн, в своем ли вы уме? Пусть вы и не были уверены, что наша прелестная гостья именно та, за кого себя выдает, но разве позволительно так обращаться с благородной дамой?

До чего же несносная девчонка эта Лотэсса! Все попытки избежать огласки теперь обречены. Вряд ли она настолько умна, чтоб намеренно играть на взаимной неприязни Торна и Садара, о которой наверняка даже не догадывается. Зато ее инстинктивная попытка изменить свое положение попала точно в цель.

— Энья Лотэсса, клянусь исправить это недоразумение! — эн Айн не на шутку разошелся. — Все сложности отношений между нашими державами никоим образом не должны касаться представителей благородных семей. Обещаю вам свое личное покровительство, — он гневно воззрился на Торна. — Если слово преданного слуги двух королей еще чего-то стоит.

— Спасибо, конечно, — девушка не выглядела преисполненной благодарности, — но сегодня мне уже обещали покровительство, а в итоге я здесь, — она обвела комнату рукой.

— И кто же? — в тоне Садара послышались нотки ревности.

— Все тот же младший Табрэ, — усмехнулся Элвир.

Судя по изменившемуся выражению лица дипломата Торн понял, что эту партию он выиграл. Выставить Лотэссу, только сегодня познакомившуюся со слащавым поэтом и проводшую в его обществе не более получаса, пассивей первого бабника Дайрии было не слишком благородно, зато сработало безотказно.

— Станных же вы покровителей себе выбираете, энья Линсар, — теперь Садар обращался к девушке холодным тоном. — Не удивительно теперь, что вы попали в подобные неприятности. Ведь даже родной отец вашего покровителя принял столь прискорбное для вас решение. Право, не знаю, смогу ли теперь что-нибудь сделать, — он говорил, поджав губы и не глядя на собеседницу.

— Я его не выбирала! — попыталась отбиться Лотэсса, но было поздно.

Одного упоминания беспутного сына верховного канцлера оказывалось достаточно, что заставить почтенных придворных старцев брезгливо морщиться, на словах сочувствуя Табрэ-старшему, а на деле испытывая мстительную радость от того, что жизнь могущественного вельможи не так уж безоблачна, раз уж богини наградили его подобным сыночком.

— Эн Садар в этой истории еще слишком много непонятного, — на сей раз, обращаясь к дипломату, Элвир старался говорить доверительным тоном. — Посему мне бы не хотелось, чтобы явление эньи Линсар в Тиарисе было предано огласке раньше времени. Я очень рассчитываю на ваше профессиональное умение хранить некоторые деликатные тайны, — почему бы не польстить старому интригану?

Тот в ответ энергично закивал с самым понимающим видом. Разумеется, наивно и бесполезно надеяться, что Садар будет молчать. Но пусть уж лучше разносит слухи о безрассудной эларке, спутавшейся с Искелем Табрэ, чем о несчастной жертве произвола, прибывшей в столицу враждебной державы с миссией мира и заключенной под стражу. Парой фраз повернув дело так, будто Фрэлом Табрэ постарался изолировать от сына его новое увлечение, Элвир снизил накал события с международного скандала до банальной интрижки.

Очевидно, девушка верно уловила суть происходящего. Она почти с ненавистью глянула на Торна, когда тот, проводив бывшего посла, повернулся к ней.

— Вы бесчестный человек, эн Торн! — если бы слова могли ранить, эти резали бы, как заточенные клинки. — Я знала это и раньше, но теперь поняла, что дело не в обстоятельствах, а в вас.

— Неужели слухи о моей бесчестности достигли Вельтаны? — зло усмехнулся Элвир в ответ. — Вряд ли. Просто вы, энья Линсар, осведомлены о некоторых вещах куда лучше, чем вам положено. Теперь я точно знаю, кто вы. И, уж поверьте, узнаю и все остальное!

Глава 20

Как такое вообще возможно?! Итон в который раз с силой потер пальцами виски, словно это могло избавить от не унимавшейся головной боли.

Куда же все-таки демоны затащили эту девочку? Как-то странно она пропала. То есть странным сам факт, что Лотэсса Линсар, чья жизнь протекает на глазах у множества людей, вообще могла куда-то исчезнуть. Но чем дольше комендант расследовал это дело, тем больше у него складывалось впечатление, что дочка герцога Линсара буквально растворилась в воздухе. Теперь, когда доподлинно известно, что она не посещала никого из своих знакомых и не покидала город ни через одни ворота, поиски практически зашли в тупик. Конечно, девушку могли похитить и прятать где-нибудь, держа взаперти. Могли и тайно вывезти из города в закрытой карете или повозке. Подобные версии нельзя сбрасывать со счетов. Но как быть с совсем уж необъяснимыми странностями вроде того, что все платья и теплая одежда Лотэссы висели на своих местах? Могли, конечно, и из кровати выкрасть в ночной сорочке, но в комнате девушки ни малейших следов чужого присутствия. Кровать заправлена, как всегда. Это подтвердила служанка, застилающая постели. Она каким-то особым своим способом заправляет простыни под матрасы и драпирует складки на покрывалах. Служанка клялась, что к постели Лотэссы не прикасался никто чужой. Проникновение постороннего в Вэйлтайн — замок Линсаров — вообще крайне сомнительно. Замок полон людей, кроме того, он охраняется. Опять же, можно предположить, что в похищении девочки участвовал кто-то из слуг, но вся прислуга была тщательнейшим образом допрошена, кроме того, выяснилось, что никто из многочисленных слуг Линсаров не исчез из замка. Для того, чтобы участвовать в похищении дочки герцога, а потом остаться в замке, нужно обладать изрядной смелостью.

Итон терялся в догадках, каждая из которых опровергалась теми или иными фактами. И все же на настоящий момент комендант был почти уверен, что девушка покинула родительский дом не по собственной воле. Если исходить из того, что Лотэссу Линсар похитили, то дальше можно предположить три наиболее вероятных пути развития событий. Самый ужасный — убийство. Но допустить, пусть даже мысленно, что девушка мертва, Карст просто не мог. Этот вариант он обдумает в самом крайнем случае. Наиболее вероятный мотив — похищение с целью выкупа. Линсары — не только одна из самых знатных семей Элара, они еще и невероятно богаты. Возможно, на данный момент даже богаче Ильдов. Ведь, в отличие от королевской казны, состояние Линсаров не растаскивают жадные стервятники. Потребовать выкуп за Лотэссу Линсар — неслыханная дерзость, но отчаянных людей, способных на любое безумство ради денег, в мире всегда хватало. Еще одна возможность заключалась в том, что красавицу Лотэссу похитил какой-нибудь отчаявшийся влюбленный. Кроме безумной любви, мерзавцем могла двигать и жажда наживы — не меньшая, чем в случае с выкупом. Если принудить девушку к браку, можно в качестве зятя герцога Линсара отхватить состояние, явно превышающее самую смелую сумму, которую можно потребовать в качестве платы за ее возвращение. Правда, в этом случае отец и брат Лотэссы сделают все, чтобы как можно скорее увидеть свою девочку вдовой. А если учесть, что знья Линсар — невеста его высочества, то самозваному мужу грозит не счастливая жизнь в богатстве с красавицей женой, а публичная казнь. Впрочем, казнь в любом случае светит похитителю, кем бы он ни был и какими бы мотивами ни руководствовался. Огласив факт брака или потребовав денег, негодяи подпишут себе приговор. При таком раскладе выигрывает лишь влюбленный, который жаждет завладеть предметом любви, не покушаясь на богатства ее семьи. Он может увезти Лотэссу в любой город, провинцию или даже в другое государство. Допуская подобное развитие событий, Итон разослал своих людей по всем основным дорогам с целью обыскивать гостиницы, постоялые дворы и расспрашивать людей обо всех путниках, вызвавших интерес или подозрения. Тем же занялись по собственной инициативе Эдан Линсар и братья Таскиллы. Младший Таскилл оказался смышленным пареньком, подкинул Итону несколько дельных мыслей. Со временем из него мог бы выйти толк. Именно из таких вырастают умные и порядочные государственные чиновники. Но даже сегодня король проявил бы большую дальновидность, приблизив к себе этого мальчика и руководствуясь его советами, чем позволяя управлять собой троице дураков и негодяев. Вспомнив о короле, Итон обреченно вздохнул. Нужно ехать во дворец к принцу с отчетом о том, как продвигаются поиски его избранницы. А если они никак не продвигаются? О чем докладывать Нейри Ильду? Высказать предположения, что его невеста либо мертва, либо стала женой

другого? Чем так, лучше сразу положить на стол прошение об отставке. И голова еще как назло раскалывается...

Во дворец Карст прибыл в самом дурном расположении духа, какое только можно вообразить. Поскольку в последние два дня он наведывался к принцу по нескольку раз, то и в этот раз решил явиться без лишних докладов и церемоний. Пусть комендант и ненавидел коридоры Нианона, но вполне мог перемещаться по ним без сопровождающего. Добравшись до покоев его высочества, Итон, к своей досаде, обнаружил, что принц не один. А судя по голосам, доносящимся из соседней комнаты, в гостях у него не кто-нибудь, а сам король.

— Послушай, Йеланд, — голос принадлежал младшему Ильду. — Ведь разговоры о войне с Дайрией не на пустом месте возникли. Разве сам по себе разрыв отношений не был предупреждением?

— Ты не хуже меня знаешь, что Дайрия разорвала отношения, воспользовавшись совершенно надуманным поводом. Какое дело дайрийскому королю до наших отношений с Кудором¹? Если кьярский герцог решил, что Кьярэ присоединится к Элару, а большая часть Кудорских островов и так наша, не логично ли, чтоб Элару принадлежал весь архипелаг? В любом случае, этот вопрос касался лишь трех стран: Элара, Кудора и Кьярэ. Какое право Дайрия имела вмешиваться с наглым требованием «оставить притязания на территорию Кудора»? Что мне оставалось, кроме как ответить самым жестким отказом?

— Положим, ответ составлял не ты, хоть твоя подпись там красовалась вместе с оттиском большой королевской печати. Брат, ты знаешь, я стараюсь не лезть в государственные дела, но мне кажется, что на фоне дайрийской угрозы...

Став невольным слушателем беседы принца с королем, Итон оказался в затруднительном положении. Зайти, обнаружив свое присутствие, значило почти неминуемо навлечь на себя гнев царственных братьев. Лучше всего уйти, пока его не заметили, и прийти позже. Комендант уже было собрался неслышно покинуть покои принца, как в соседней комнате раздался третий голос. Эти слащаво-скрипучие интонации нельзя было перепутать ни с чем. Первый тайный советник короля — эн Тайл Мертон.

— Позвольте вмешаться, ваше высочество, — Мертон говорил вкрадчиво и почтительно, но Карст отлично понимал цену этого показного подобострастия.

— Вмешивайтесь, — тон принца свидетельствовал о нескрываемой неприязни к собеседнику. — Вы ведь не просто так пожаловали ко мне, напрасившись сопровождать его величество.

— Восхищаюсь вашей проницательностью, ваше высочество, — за елейным тоном сквозила насмешка. — Вы правы, я позволил себе побеспокоить вас, и, кстати, поводом явилась та самая дайрийская угроза, о которой вы сейчас заговорили. Дайрия поступила дерзко, вмешавшись во внутренние дела Элара. Видимо, Валтор Малтэйр чувствует свою силу.

— Не думаю, что он так уж заблуждается на сей счет, — вздохнул принц. — Дайрия на самом деле сильна, и, боюсь, мы даже не представляем, насколько.

— Дайрия лишь хочет казаться сильной, — возразил Мертон.

С каждой сказанной фразой Итон давал себе слово уйти, пока его не заметили, но не двигался с места, продолжая слушать.

— Послушайте, — продолжал предводитель гадючьей троицы. — Дайрия пытается запугать Элар, но это по меньшей мере смешно. Кто они и кто мы? Полагаю, что наиболее разумным станет решение не дожидаться агрессии Малтэйра, а выступить первыми. В конце концов, много веков провинции Дайрии были частью Элара. Не пора ли вернуть себе утраченное?

— И что ты думаешь об этом, Йеланд? — вновь заговорил принц. — Ты ведь понимаешь, что это чистое безумие?

— Зря вы так, ваше высочество, — укоризненно произнес Мертон, не дав королю сказать и слова. Хотя, может, по сложившейся привычке его величество просто не желал вмешиваться, предоставляя решать все своим тайным советникам. — Быть может, Элар переживает сейчас не самые великие свои времена, но мы все еще сильны. И уж точно сильнее маленькой зарвавшейся Дайрии. Мы вполне способны выступить в поход против дайрийцев... — тут он прервал свою речь, но, выдержав паузу, продолжил, — естественно, заручившись соответствующей поддержкой.

— И кто же поддержит нас в этом благом начинании? — иронично спросил принц. — Уж не Кудор ли, за независимость которого вступилась Дайрия? Или, может быть, Имтория, которую так долго и безуспешно пытался завоевать наш отец?

— Зачем же вспоминать в первую очередь о врагах, позабыв друзей? — и вновь голос Мертона сочился елеяной укоризной. — Сантэр — наш верный союзник, уже много десятилетий не изменявший старой дружбе.

— Сантэру выгодно находиться в дружбе с Эларом, не более того, — возразил Нейри, и комендант мысленно с ним полностью согласился, про себя отметив, что не так уж принц далек от политики и государственных дел, как принято считать. — Никаких причин вступать в войну с Дайрией и уж тем более нападать на нее у короля Далериона нет.

— Ах, ваше высочество, вы правы, но лишь отчасти. Вы не учитываете нюансы, — Мертон продолжал разговаривать с принцем, как с ребенком, не понимающим элементарных вещей.

— Какие еще нюансы?

— Если бы пять лет назад его величество принял иное решение и выбрал в жены одну из сантэрских принцесс, то у Далериона было бы куда больше резонов поддерживать Элар в любой войне — как оборонительной, так и наступательной.

— Вы издеваетесь, эн Мертон?! — принц почти кричал. — Это же вы вместе с Паддом и Сворном сосватали Йеланду Шафиру Тарнийскую! Разве не вы пять лет назад взхлеб приводили резоны в поддержку этого брака? А теперь выясняется, что король должен был проявить мудрость и жениться на дочери короля Сантэра?

— Не горячитесь так, ваше высочество. Брак его величества с нашей прекрасной королевой сулил неоспоримые финансовые выгоды. Тарника куда меньше Сантэра, но значительно богаче.

— Благодарю за урок политической географии, — с издевкой ответил младший Ильд.

— Так вот, — как ни в чем не бывало продолжал Мертон. — Пять лет назад Элару требовались деньги Тарники, а сейчас нужна военная мощь Сантэра.

— Предложите королю взять вторую жену? — ехидно поинтересовался Нейри.

И даже после этого Йеланд Ильд не вмешался в разговор.

— Нет, ваше высочество. Я предложу это вам.

— Что?! — вскричал принц. — Вы лишились рассудка или всего лишь памяти? У меня есть невеста.

— Мой брат прав, эн Тайл, — наконец-то король подал голос. — У него есть невеста, и я не позволю расторгнуть его помолвку с эньей Лотэссой даже ради политических интересов.

— У его высочества была невеста, — с особым нажимом на слово «была» произнес Мертон. — Мне очень жаль, что энья Линсар исчезла, но из создавшегося положения можно извлечь определенные выгоды...

— Как — исчезла?! — вялый голос короля внезапно обрел силу, в нем слышались потрясение и гнев.

— Откуда вам известно? — вопрос принца прозвучал практически одновременно с возгласом короля.

— Ты знал?! — на этот раз Йеланд обращался к брату.

— Да, — мрачно ответил принц. — Лотэсса исчезла почти двое суток назад. О ее исчезновении известно считанному количеству людей, и твой тайный советник явно к ним не относится. Эн Мертон, отвечайте: откуда вы узнали об этом?

— У меня есть свои люди и свои источники важных новостей, — уклончиво ответил предводитель гадючьей троицы.

— А я больше всего хотел бы знать, почему это событие скрыли от меня! — негодовал старший Ильд. — Разве король не должен первым узнавать о таких вещах?

— Я не хотел тебя волновать, — оправдывался принц.

— Мое молчание обусловлено теми же причинами, — Мертон вновь говорил сладким голосом.

— Вы не имели права скрывать от меня такое! — король продолжал бушевать. — Как это вообще возможно? Кто занимается ее поисками?

— Я не представляю, как такое могло случиться, — ответил принц. Расследование поручено коменданту Вельтаны.

— Если ее не найдут, если с ней что-то случится, полетят головы, это я вам обещаю, — Итон и не представлял, что спокойный, мягкий Йеланд Ильд способен так кричать, разбрасываясь угрозами.

Прав был все-таки принц, скрывая от брата исчезновение эньи Линсар. Ни жених, ни отец, ни брат пропавшей девушки не пришли в подобное бешенство, узнав о ее исчезновении.

— Если уж решил рубить головы, братец, — слова принца звучали холодно и жестко, — то начни с присутствующего здесь эна Мертона.

— Но на каком основании?! — визгливые нотки в голосе тайного советника выдавали испуг.

— Вам известен факт исчезновения Лотэссы, который тщательно скрывается. Не прошло и двух дней, как она пропала, а вы являетесь ко мне с гнуснейшим предложением жениться на сантэрской принцессе. Очень вовремя исчезает энья Линсар, вы не находите?

— Это наглая клевета! — отбивался Мертон. — Да, я знаю о том, что энья Линсар исчезла, и признаюсь, что хотел использовать это обстоятельство на благо государства. Но я не имею ни малейшего отношения к ее похищению, клянусь вам!

— Значит, она была похищена?

— Я не знаю! Это лишь предположение. Я здесь совершенно ни при чем!

А вот это мы проверим, подумал комендант. Причастность гадючьей троицы к исчезновению Лотэссы Линсар была куда логичнее, чем прежние версии Итона. Все сходится. Мертону нужна война с Дайрией. Причем война наступательная. Во имя великой цели можно поднимать налоги, запускать лапы в и без того оскудевшую казну, да и вообще расходы при ведении военных кампаний крайне сложно контролировать. По бумагам будут закупаться оружие или фураж, а на деле деньги осядут в закромах Мертона, Падда и Сворна. Если же вдруг кампания окажется удачной, можно будет поучаствовать в дележке завоеванных земель и владений. Но даже Мертон не так глуп и жаден, чтоб не понимать, что шансов победить Дайрию у Элара сейчас крайне мало. Втянуть в войну Сантэр — смелая идея, а женить Нейри Ильда на одной из сантэрских принцесс — почти единственный путь этого добиться. Бедный принц! Ведь в половине доэйских государств ходит присказка «страшна, как принцесса Аглаис». Да и младшая дочь короля Далериона не краше сестрицы. Разумеется, Нейри Ильд никогда бы не

расторг помолвку с красавицей Лотэссой Линсар ради такого сомнительного счастья. Именно поэтому Лотэсса должна была исчезнуть, чтоб сделать возможным стратегически важный союз. Скорее всего, при таком раскладе девушка жива. Но ее рассчитывают держать вдали от столицы, пока принц не даст согласие на брак с принцессой Аглаис. Лихорадочные размышления Карста прервал истеричный возглас Мертона.

— Вмешайтесь же, ваше величество! Ваш брат несправедливо обвиняет меня!

— Даже если его обвинения несправедливы, вам придется дать отчет, как вы могли замыслить союз моего брата с одной из сантэрсских принцесс за моей спиной, — король больше не кричал, слова его звучали глухо и почти бесстрастно. — Но если выяснится, что вы посмели посягнуть на безопасность Лотэссы Линсар, клянусь, вы проклянете тот день, когда я приблизил вас к себе!

¹Кудор — государство, занимающее часть островов Кудорского архипелага. Другая часть исторически принадлежит Элару. Самый большой остров, Кьярэ, формально считается самостоятельным государством под протекторатом Элара. На момент описываемых событий правителями Элара и Кьярэ было принято решение о вхождении острова Кьярэ в состав королевства Элар.

Глава 21

Уже который час Лотэсса сидела, перебирая в голове мрачные мысли, и иного развлечения в ближайшее время, судя по всему, не предвиделось. Ее перевели в другое помещение. Новое место заточения в какой-то степени было лучше прежнего. Вместо одной комнаты Тэссе отвели целые покои со спальней, общей комнатой и даже небольшой ванной. Правда, по роскоши отделки и обстановки новые апартаменты значительно уступали тому помещению, куда ее привел Табрэ. Пригодность покоев для довольно комфортного длительного существования в глазах девушки была плохим знаком. По сути, она оказалась в темнице. Светлой, просторной, даже уютной, но — темнице. Торн дал понять, что она здесь надолго. Само по себе это не так уж и страшно. Во дворце-то в любом случае лучше, чем в доме у ювелира и его жены. Только вот, кроме крыши над головой, она получила еще и обвинение в шпионаже, которое довольно трудно опровергнуть. Но и это не самое плохое. Хуже всего то, что ей теперь точно не дадут увидеться с королем. Торн не допустит ее встречи с Дайрийцем. В лучшем случае она надолго застрянет в этих комнатах, у дверей которых выставлена охрана, в худшем — окажется в настоящей тюрьме. А ведь она находится так близко от Валтора! Но даже если ей удастся вырваться из комнат, то шанс найти короля в лабиринтах абсолютно незнакомого дворца бесконечно ничтожен.

И все же за неимением других дел Тэсс вновь и вновь строила планы, как ей вырваться из клетки и встретиться с Дайрийцем. В первую очередь ей руководило осознание того, как много зависит от их встречи. На кон поставлена судьба всей Анборейи. Ради этого можно решиться на что угодно, даже на заведомо невозможное. Но была и вторая причина. Ей до смерти хотелось просто увидеть Валтора. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что он жив. Пусть это и не тот человек, с которым она рассталась. Не тот, чью смерть вместе с миром, скомканным и брошенным Маритэ, как листок неудачных стихов, так часто и мучительно рисовало воображение Тэсс. Пусть это другой человек, но в это же время — тот же самый. И она должна его увидеть. Оба желания подстегивали девушку искать пути выхода из сложившейся ситуации, но идей практически не было. Будь двери открыты, как в те времена, когда Дайриец приставил стражу к ее покоям, можно было бы просто выскочить и попробовать убежать. Шансы ничтожны, но все же. Однако двери были закрыты. Оставалось дожидаться, пока кто-нибудь решит ее навестить. Тот же Торн, например. Главное ведь неожиданность. Лотэсса корила себя за то, что не могла точно вспомнить, как выглядел коридор, куда выходили двери ее покоев. Есть ли там боковые ответвления, куда можно мгновенно свернуть и попытаться затеряться. Насколько она помнила по Нианону, да и собственному замку, в коридорах всегда множество дверей, за которыми скрываются помещения, чье назначение с первого взгляда сложно понять. Хорошо бы таких дверей было много. Можно нырнуть в одну из них, ускользнув от преследования. Тэссе иногда снились сны, где она, убегая от кого-то, открывает первую попавшуюся дверь, скрывается за ней, запирает, потом видит в помещении еще одну дверь, в следующей комнате — еще одну и так перемещается, запутывая преследователей. И вот теперь, похоже, настал момент, когда сны могут обернуться реальностью, но только если очень повезет. Ведь куда вероятнее, что ее схватят у самых дверей ее покоев.

Девушка подошла к окну. За стеклом сгустились синие весенние сумерки. Окна выходили на внутреннюю сторону дворца. Куда ни кинь взгляд, видны были только дворцовые стены и какие-то хозяйственные постройки внизу. Из увиденного Тэсса сделала вывод, что ее комнаты находятся достаточно высоко и ускользнуть через окно нечего и надеяться, даже если ей удастся незаметно разбить стекло. Лотэсса вздохнула. Послышался скрежет открываемого замка. Девушка поспешила взглянуть, кто ошастливил ее визитом, но оказалось, что это всего лишь служанка, которая принесла ужин. По крайней мере, голодом ее здесь морить не собираются. Осмотрев содержимое подноса, Тэсс осталась удовлетворена: жаркое из птицы с овощами, пирог с абрикосами, желе с фруктами и орехами. В прозрачном кувшине плескался горячий рубиновый пунш, хотя сейчас она предпочла бы менее крепкий напиток. Поднеся бокал к губам, девушка вдруг замерла. А почему это ей принесли именно пунш? И ничего другого, даже воды. Темный, горячий, сладкий и пряный напиток, который так легко скроет любые странные оттенки вкуса. Она решительно отставила бокал. Вряд ли Торн или канцлер на самом деле хотят ее отравить, но рисковать все же не стоит.

Затем Лотэсса принялась за еду и только в середине трапезы сообразила, что блюда не

сложнее отравить, чем напитки. Однако решив, что переживать в любом случае уже поздно, продолжила есть. Спустя какое-то время девушка ощутила жажду. Когда пить захотелось совсем нестерпимо, она отхлебнула крошечный глоток почти остывшего пунша. Выждав немного и не обнаружив никаких изменений в самочувствии, она выпила еще. Теперь уже подозрения о яде казались ей беспочвенными и смехотворными. Впрочем, Тэсс обнаружила, что ей все сейчас представлялось не таким уж важным и серьезным, даже спасение мира. А еще она поняла, что очень устала и хочет спать. Наверное, она захмелела от пунша. Поскольку делать было решительно нечего, перспектива лечь в постель и хоть на несколько часов отвлечься от гложущих тревог, забывшись сном, показалась девушке весьма заманчивой. Она упала на кровать, не раздеваясь, и через несколько минут уже спала крепким сном.

Проснувшись, Тэсса поняла, что спала довольно долго, поскольку за окнами уже совсем рассвело. Первым делом девушка прислушалась к своим ощущениям. Чувствовала она себя превосходно, значит, действительно никто не пытался ее травить, и предполагать подобное было просто глупо. В большой комнате ее уже ждал завтрак на подносе. Судя по тому, что блюда были еще теплыми, принесли его недавно. Она вновь испытывала жажду и потому жадно набросилась на ягодный чай. Если бы отравители подсыпали туда яду, они бы не прогадали, Тэсс почти залпом осушила весь чайник.

Не успела она покончить с трапезой, как услышала звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Девушка мигом оказалась у двери и замерла в ожидании. Как только створка распахнулась, Лотэсса с силой толкнула в комнату вошедшего человека, не успев даже на него взглянуть. Выскочив из покоев, она проскользнула между опеших от неожиданности стражами и бросилась вперед по коридору. Правда, когда она прокручивала в голове варианты побега, коридор был извилистым и изобилдовал открытыми дверями. В реальности же он оказался прямым, и по обе стороны от беглянки тянулись лишь гладкие стены без малейшего намека на хоть какой-нибудь вход. Сзади доносились звуки преследования, но оглядываться сейчас было недопустимой роскошью. На краю сознания мелькнула мысль о том, что латирские брюки пришлось бы сейчас как нельзя кстати, в отличие от роскошного платья, которое сильно затрудняло движения.

Тэсса не знала, сколько успела пробежать до того момента, как сильные мужские руки сомкнулись вокруг нее. Наверное, немного. Удачливый преследователь сдавил ее так, что стало трудно дышать.

— Неплохо, — раздался над ухом до боли знакомый голос. — Особенно учитывая длинные пышные юбки.

— Валтор! — девушка попыталась повернуть голову, но не смогла.

Мужчина чуть ослабил хватку, но воздуха по-прежнему не хватало, правда, теперь уже по другой причине. Тэсса вдруг почувствовала слабость, а сердце вместо того, чтобы биться со страшной силой, словно остановилось.

— Ну да, это мое имя. Хотя вообще-то, обращаясь ко мне, чаще произносят «ваше величество», — насмешливо отозвался Дайриец. Но тут же, словно почувствовав состояние своей пленницы, резко развернул ее лицом к себе, продолжая удерживать за плечи. — Вы целы? Я не сделал вам больно?

А Лотэсса, не в силах ответить, молча жадно всматривалась в это лицо, оказавшееся так близко. Она вновь услышала удары собственного сердца и почувствовала, что может дышать. Однако слабость никуда не уходила, если бы Валтор не держал ее так крепко, она бы, наверное, упала. Король встряхнул девушку. Сперва слегка, а потом довольно ощутимо.

— Что с вами? — голос Дайрийца звучал одновременно недовольно и обеспокоенно. — Да, вам не удалось убежать, да и глупо было на это рассчитывать. Но у вас такой вид, словно в наказание за неудавшийся побег я собираюсь прямо сейчас волоочь вас на казнь. Успокойтесь, зняя... Линсар, — он слегка запнулся, произнося ее фамилию. Логично, их же не представляли друг другу.

— Я постараюсь, — девушка наконец смогла заговорить. — Вы просто схватили меня слишком сильно и резко, ваше величество, — теперь она обратилась к нему по титулу.

— Прошу простить мою бесцеремонность, но в мои планы не входило дать вам сбежать, — Дайриец снова говорил насмешливым тоном, очевидно, успокоившись на тему состояния пленницы. — Хотя я с трудом представляю, как именно вы планировали это сделать.

Лотэсса увидела маячившие чуть поодаль фигуры гвардейцев. Должно быть, те, что охраняли ее комнату. Валтор тоже обратил внимание на невольных свидетелей их беседы.

— Думаю, нам лучше вернуться в ваши покои, энья Линсар, — решил он.

Тэсс молча кивнула в ответ и оперлась на предложенную королем руку. Как выяснилось, она убежала совсем недалеко от своих дверей. Впрочем, чего еще можно было ожидать?

Оставшись с королем наедине, Тэсс не нашла ничего умнее, чем снова глупо уставиться на него, благо тут освещение позволяло разглядеть мужчину лучше, чем в темном коридоре. Валтор почти не изменился, разве что волосы стали немного длиннее, то есть, наоборот, они станут короче к осени. И еще странно было видеть левую руку Дайрийца, не покрытую тонкой сеточкой шрамов.

— Чего вы от меня хотите, энья Линсар?

— Что? — увлекшаяся созерцанием бывшего жениха, девушка даже растерялась от такого вопроса.

— Насколько мне известно, вы жаждали увидеть меня и побеседовать, — во взгляде короля читалась неприкрытая насмешка. — Логично предположить, что ваши мотивы интересуют меня.

В этот момент Тэсса была готова кусать себе локти от досады. Ну надо же быть такой идиоткой! Она часами сидела, воображая и планируя свой дурацкий побег, целью которого, кстати сказать, являлась как раз встреча с человеком, стоящим перед ней. И это вместо того, чтобы толком продумать, что именно она хочет сказать королю, как собирается остановить войну. Ну хоть бы полчаса за все эти дни потратила на построение доводов и аргументов, способных убедить Дайрийца в ее правоте и заставить его отказаться от захвата Элара! Вот сейчас он смотрит на нее выжидающе, а ей на ум не приходит ни одной мало-мальски разумной мысли.

— Значит, эн Элвир все же передал вам мою просьбу? — нужно было хоть на миг отсрочить начало тяжелого разговора, которого так добивалась.

— Как раз нет. Он всеми силами отговаривал меня от этого шага. Но любопытство оказалось сильнее. Итак, чего вы от меня хотите?

— Ваше величество, — голос дрогнул и прозвучал как-то жалостно. — Откажитесь от войны! — ничего разумнее она так и не придумала.

— Что?! — Дайриец, похоже, сначала опешил, а потом расхохотался, заставляя Тэсс чувствовать себя последней идиоткой. — Вы ради этого проделали путь от Вельтаны до Тиариса, энья Линсар? — отсмеявшись, Валтор стал серьезнее.

— Разве остановить войну — недостаточно веский повод? — в ответе звучал вызов, но на самом деле Тэсса с трудом удерживалась от слез.

— Все это, конечно, очень мило, наивно и трогательно, но с чего вы вообще взяли, что будет война? — теперь собеседник смотрел на девушку в упор, и взгляд его сложно было назвать дружелюбным.

— Я знаю это, — просто ответила она, отдавая себе отчет, как это звучит со стороны.

— Да? — Дайриец недобро прищурился. — И позвольте узнать, откуда? Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы раскрыли источники своей осведомленности.

— Просто знаю.

— И что именно вы знаете, энья Линсар? — голос короля звучал жестко.

В таком тоне он разговаривал с ней всего пару раз. Но даже тогда он смотрел на нее иначе. А сейчас в этих зеленых глазах лишь холодная злая подозрительность.

— Я знаю, что через несколько недель вы начнете войну, одержите победу и захватите мою страну. Взяв Вельтану, вы казните короля и его брата, — тут девушка невольно запнулась, — и займете их трон. Вы останетесь в Вельтане, чтобы удержать власть над завоеванным государством, а Элвира Торна назначите верховным протектором.

— Прах и пепел! — выругался Дайриец. Теперь к недоверию в его взгляде примешивалась изумление. — Откуда вам известны такие вещи? Или вы провидица, или эн Элвир не зря подозревал вас в шпионаже. Правда, в последнем случае очень глупо раскрывать степень своей осведомленности.

— Вот именно! — Тэсс приободрилась. — Будь я шпионкой, стала я бы так отчаянно добиваться встречи с вами, а добившись, выкладывала все, что знаю, предрешая свою участь?

— Мне тоже это кажется чрезвычайно странным, — кивнул Дайриец. — Впрочем, не более странным, чем просьба отказаться от войны. Должен признаться, энья Линсар, в ваших действиях и словах крайне мало здравого смысла.

— Пусть так, — не сдавалась Лотэсса. — И все-таки попробуйте к ним прислушаться. Подумайте о том, что я не стала бы проделывать такой путь и рисковать своей репутацией и даже свободой, не имея веских оснований. Да и как я могу быть шпионкой? — она попробовала усмехнуться, но вышло не очень-то естественно. — Вся моя жизнь проходит на виду у множества людей. Спросите того же эна Садара, которого приводил ваш Торн. Я невеста наследника престола. Когда мне заниматься тайными политическими делами? У меня нет для этого ни малейшей возможности.

— Первое логичное рассуждение из ваших уст, — едко заметил король. — Но если вы не занимаетесь сбором секретных сведений, откуда убежденность, что все будет так, как вы говорите? Причем, заметьте, я отнюдь не утверждал, что в ваших предсказаниях есть доля истины.

— Я не нуждаюсь в ваших подтверждениях, — вздохнула девушка, — поскольку четко знаю, что именно так и будет, не останови вы войну.

— Вас что, посещают видения будущих событий? — он старался говорить шутливым тоном, но что-то в голосе и в глазах короля говорило Тэсс, что ей удалось заронить зерно сомнения в душу Валтора.

— Да.

А почему бы и нет? Он же сам своим предположением о видениях подсказывает ей выход. Рассказывать о Маритэ и всем остальном — настоящее безумие. А видения будущего и прочие озарения пусть редки и сомнительны, но все-таки случаются с людьми.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил? — теперь у Дайрийца был несколько растерянный вид.

— Хочу!

— Но если вы правы, какой мне резон отказываться от войны? Вы же практически предсказали мне победу. Право, ваша логика непостижима! Впрочем, какой логики можно ожидать от человека, утверждающего, что его посещают видения? — окончание фразы он произнес вполголоса, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнице.

— Захватив Вельтану и казнив короля Йеланда, вы положите начало цепочке событий, которая приведет к Закату Мира.

— Вы издеваетесь? — спросил Дайриец. Однако, присмотревшись к собеседнице, добавил уже другим тоном. — Нет, вы действительно верите в то, что говорите. Так ведь?

Лотэсса кивнула. А на лице Дайрийца мелькнуло выражение, похожее на сострадание.

— Бедная девочка, — он провел ладонью по ее щеке.

Тэсс машинально отшатнулась. В другой момент, возможно, прикосновение Валтора порадовало бы ее, но теперь, когда он глядел на нее, как на сумасшедшую...

— Вы убедитесь, что я права, но будет слишком поздно, — она все же предприняла отчаянную попытку переубедить его. — Не думайте, что я безумна.

— А что мне еще думать? — почти грустно спросил король. — Это, по крайней мере, объясняет ваш... странный взгляд на вещи.

— Я не сошла с ума, я действительно знаю будущее! — упорствовала Тэсса, хоть и понимала, что это глупо.

Может, рассказать ему правду? Все равно терять уже нечего. Хотя нет, если одного упоминания о Закате Мира Валтору достаточно, чтобы счесть ее сумасшедшей, то после рассказа о Маритэ его сочувствие превратится в презрение.

— Право же, жаль! — с досадой проговорил Дайриец, странно глядя на девушку.

— Если считаете меня умалишенной, — вспылила она в ответ, — то отпустите! Зачем держать сумасшедшую взаперти?

— Поверьте, я сожалею, но это совершенно невозможно, — король покачал головой. — Печально, но я вынужден оставить вас здесь, по крайней мере до конца... выяснения отношений между нашими государствами, — видимо, слова «война» он по-прежнему предпочитал избегать. — Могу лишь пообещать, что о вас позаботятся, энья Линсар. У вас будут другие комнаты, все, что вы сочтете необходимым для досуга, служанки и даже фрейлины. По крайней мере одна.

— Вы не имеете права держать меня взаперти! — крикнула она.

— Право у меня в данном случае одно — право сильного, — сочувствующие нотки исчезли из голоса, он вновь стал жестким. — Вы останетесь здесь, энья Линсар, пока я не сочту нужным вернуть вас родителям.

— Но мой жених — принц Элара, — она прибегла к последнему аргументу.

— Нейри Ильду следовало лучше смотреть за своей невестой, — отозвался Дайриец уже у двери. — Отпустив вас сюда, он вас потерял.

Глава 22

Элвир злился. Какого Изгоя понадобилось Валтору все-таки притащиться к этой эларке и удостоить ее беседы? Теперь его величество пребывает в уверенности, что девушка не совсем в своем уме, отказываясь верить в ее причастность к шпионажу или иным действиям, направленным против Дайрии. Будто девица не могла разыграть спектакль с безумием ради того, чтоб ее отпустили. Ведь своего-то она уже добилась, ей удалось-таки встретиться с королем. Но неужели эта встреча так нужна была Лотэссе Линсар только для того, чтоб, ссылаясь на какие-то мистические видения, умолять Валтора Малтэйра отказаться от войны? Глупо и лишено смысла. Если ее безумие не притворство, им можно объяснить любые нелогичности ее слов и поступков. Но если все же исходить из обратного? При встрече Элвиру девушка показалась странной, но впечатления сумасшедшей отнюдь не произвела. Торн не верил ни в видения, ни в безумие. Главное — понять, какую цель преследовала Лотэсса, настаивая на встрече с королем. Если она не совсем дурочка, то не могла не понимать, что Валтор не примет ее просьбы всерьез. Хотя кто знает, как далеко может зайти наивность юного избалованного потомка древнего рода? Вполне возможно, зняя Линсар просто привыкла, что все ее желания удовлетворяются, стоит лишь высказать их вслух, а то и просто намекнуть. Особенно если обратиться просьбы к мужчинам. А дайрийский король — мужчина. Не в этом ли все дело?

Внезапная догадка осенила Элвира. А если все сказанные слова вообще не имеют никакого смысла? Ведь главная цель девушки состояла в том, чтобы увидеться с королем, то есть дать ему возможность увидеть себя. Либо эларка рассчитывала, что плененный ее красотой король враждебной державы тут же отменит планируемую войну в угоду прекрасной просительнице, либо ее смелые планы простирались еще дальше. Иному мужчине достаточно взглянуть на такую красотку, чтоб потерять голову. Девица Линсар вполне могла на это рассчитывать, надеясь заполучить сердце короля, а то и его руку. В любом случае, при таком раскладе у нее появилась бы возможность вертеть его величеством. Точнее, она могла думать, что обретет подобную возможность. На самом деле Валтор — не Искель Табрэ. Ни одну женщину он не поставит выше государственных интересов и своих представлений о долге правителя. Но прелестная эларка могла попросту об этом не знать. Тем более что на родине от нее теряли голову все, включая принца. Новая версия выглядела довольно правдоподобно, объясняла некоторые странности, но все-таки что-то здесь не сходилось. Торн никак не мог понять, что именно, и это его злило.

Наивная эларская девочка благородных кровей решает пожертвовать собой и стать любовницей враждебного короля ради спасения родной страны — да уж, страшная жертва, ничего не скажешь. Особенно учитывая, что происхождение Лотэссы Линсар таково, что дайрийский король гипотетически может даже жениться на ней. Возможно, девушка пожертвовала видами на эларский престол, при этом держа в уме возможность взойти на дайрийский. И заодно остановить войну, заведомо проигрывшую для ее страны. Вполне недурной план, надо признать. Если бы, конечно, Валтор Малтэйр был падок на женскую красоту и склонен терять голову из-за хорошеньких женщин. Благо это не так.

План настолько простой, бесхитростный и наивный, что девушка вполне могла разработать его сама. Затем тайно бежала от родных и жениха, зная, что они никогда не позволят ей пожертвовать собой подобным образом. Потом в одиночестве преодолела несколько княжеств Элара, пересекла дайрийскую границу, добралась до Тиариса. Ну, может, не совсем в одиночестве. Захватила с собой парочку служанок и, главное, нескольких надежных охранников. В противном случае она бы далеко не уехала. При таком раскладе многое становится на свои места.

И все-таки что-то продолжало тревожить Элвира, какое-то мучительное несоответствие не давало ему покоя. А если девчонка не сама надумала все это? Если предположить, что в «жертву» ее решили принести Ильды? Маловероятно, конечно, но полностью сбрасывать со счетов такой вариант тоже нельзя. Выходит, что Лотэсса Линсар — не шпионка, не провидица и не сумасшедшая. Слова и действия — лишь ширма, которой она прикрывала свои истинные намерения. И что с ней в таком случае делать? Может, правда отпустить домой, предварительно убедившись, что именно такую цель она и преследовала, и дав понять, что цель эта недостижима? В любом случае стоит пойти к

Валтору и поделиться с ним своими соображениями, а он уж пусть решает, что делать с эларкой.

В галерее, ведущей к покоям его величества, Элвир встретил старшего Табрэ и раскланялся с ним. В принципе, отношения Торна с канцлером были лучше, чем с прочими сановными старцами. Во-первых, эн Фрэлом при отдельных своих недостатках отличался более острым умом, чем большинство его ровесников, занимающих посты при дворе, во-вторых, двух самых близких к королю людей роднила зависть всех остальных. Да и соперничество между этими двумя было меньше, чем можно предположить. Напротив, они часто сотрудничали, хотя без эпизодических недоразумений тоже не обходилось.

Король сидел за письменным столом, склонившись над кипой бумаг. В этот момент Торн прямо-таки узнал в друге себя самого.

— Табрэ подкинул? — Элвир кивнул на документы.

— Кто же еще? — вздохнул в ответ Валтор. — Это ты у нас умеешь действовать самостоятельно, избавляя меня от части забот, а эн Фрэлом всегда оставляет окончательное решение любых вопросов на мое монаршее усмотрение.

— По крайней мере, его нельзя обвинить в самоуправстве, — Торн решил вступить за канцлера. — Вот Мертон или Сворн не обременяют Йеланда Ильда участием в государственных делах. Не думаю, что ваше величество мечтает о подобных помощниках.

— Мое величество порой мечтает о нескольких свободных часах в сутки, которые можно было бы потратить на книги, сон или хорошеньких женщин.

— Кстати, о хорошеньких женщинах, — воспользовавшись случаем, начал Элвир.

— Сейчас опять поднимешь вопрос нашей эларской гостии?

— Ваше величество, как всегда, проявляет редкостную проницательность, — нарочито подобострастным тоном ответил Торн.

После этого он поведал другу о своих догадках и подозрениях относительно истинных целей Лотэссы Линсар.

— Оригинальная версия, — выслушав, усмехнулся Валтор. — Мне бы самому в голову такое объяснение не пришло.

— Зато тебе пришло в голову решить, что зняя Линсар — блаженная бедняжка, и преисполниться жалости к ней. Я вот ни на граля не верю в ее безумие, а тебе хватило одного упоминания о Закате Мира. Уверен, девчонка просто провела тебя.

— Ты знаешь, я и сам начинаю так думать, — задумчиво отозвался король. — Для блаженной бедняжки, как ты выразился, она слишком хорошо осведомлена о наших планах. Но именно по этой же причине она не может быть просто наивной девицей, рассчитывающей охмурить меня, тем самым оградив свою страну от дайрийского вторжения. Если бы ты только послушал ее. Говоря о будущем, она не просто сказала, что мы захватим Элар. Откуда ей знать, к примеру, что я останусь в Вельтане? Если честно, я и сам пока до конца не принял решение. Она рассказала о казни короля и принца. Понятное дело, что это единственно верное, хоть и крайне тяжелое решение, но, если честно, я даже наедине с собой пытаюсь пореже об этом думать. Ладно, допустим, что подобный ход не так уж трудно просчитать. Но назначение тебя протектором! Об этом вообще никто не знает, кроме нас с тобой. Я пока об этом серьезно не думал и уж тем паче ни с кем не обсуждал. А ты?

— Разумеется, и я не бегал по дворцу, оповещая всех и каждого, какой пост мне предназначен после захвата Элара. Что ты хочешь этим сказать? Ее степень осведомленности превышает возможности даже опытного шпиона, ибо в головы они залезать не умеют, и единственный шанс узнать такие вещи — подслушивать наши с тобой разговоры, что также находится на грани невозможного. Но это же возвращает нас к версии о провидице. Так?

— Или к идее о невероятно талантливой и удачливой шпионке. Правда, при этом настолько глупой, чтоб тут же выложить все добытые сведения главным врагам. В общем, как ни крути, не сходится. По крайней мере, одно ясно совершенно точно: отпускать эту загадочную энью нельзя ни за что. И я не собираюсь этого делать, даже если Элар поднимет шум на всю Дозью. Пусть странная красавица погостит у нас. Отведем ей комнаты, достойные принцессы, дадим служанок и фрейлину.

— Только одну? — хмыкнул Элвир. — Принцессе вроде положено побольше.

— Одну, зато какую! — король в ответ торжествующе улыбнулся. — Шалену Эрбер. Мне показалось удачной идея приставить к ней девушку Риза Нолана.

— Ну, вообще-то в последнее время Шалена была скорее твоей девушкой, — лукаво заметил Торн.

— Ой, когда это было, — Валтор махнул рукой. — Очаровательной подопечной эна Нолана давным-давно дана отставка, хотя, признаюсь, избавиться от нее оказалось сложнее, чем я полагал. Шалена зачем-то под конец решила разыграть искренние чувства — любовь, ревность, отчаяние. Понятное дело, я же ей не говорил, что знаю о ее настоящем ремесле и службе у Нолана. Кстати, я до сих пор не в восторге от идеи твоего любимца следить за собственным королем, да еще с помощью женщины. Я знал, кто такая Шалена Эрбер, еще когда она ходила во фрейлинах моей матушки. Но желание эна Риза приглядывать за королевой я мог понять и даже одобрял. Матушка всегда была себе на уме, и от нее приходилось ждать любых неожиданностей — от нового брака до желания править именем сына, то есть моим. Шалена отчитывалась перед Ноланом, тот перед тобой, а через тебя уже я узнавал все, что нужно. Помня прошлое королевы и их непростые отношения с моим отцом, приставить к ней Шалену было целесообразно, но подсылать такую особу ко мне со стороны эна Риза — явный просчет и недопустимая вольность.

— Но он по-прежнему упрямо отрицает собственную причастность, говоря, что возвышение его подопечной до королевской фаворитки произошло без малейшего его вмешательства. И, знаешь, я ему верю.

— А я — нет, — жестко отозвался король. — Вряд ли Шалена, отчаянно соблазняя меня, действовала исключительно по собственной инициативе. Ясное дело, эн Риз тебе не признается, что это он ее послал, зная, как ты близок ко мне.

— А ваше величество не допускает возможности, что девушка могла просто влюбиться в столь неотразимого мужчину, который к тому же еще и король?

— Даже если и могла, то лишь с благословения своего патрона. Без его распоряжений она бы и шагу не ступила.

Элвир промолчал, но остался при своем мнении. В принципе, мысль приставить к энье Линсар недавнюю фаворитку короля, по совместительству работающую на Риза Нолана, и впрямь стоило признать недурной.

— Только сообщать малышке, что от нее требуется, придется тебе. Поскольку считается, что я не в курсе рода деятельности своей бывшей пассии. Не стоит расстраивать энью Эрбер тем, что ее маленький секрет мне известен. Жестоко с моей стороны будет задеть ее чувства, — заметив заинтересованный взгляд друга, Валтор пояснил. — Разумеется, я имею в виду профессиональную гордость.

— Экий ты деликатный, — Элвир усмехнулся. — Ладно, признаю, с Шаленой ты хорошо придумал. И все же проблем с эларской девчонкой это не решает. Ведь не до конца жизни ты планируешь держать ее в Ортейне?

— А что? — король явно пребывал в веселом расположении духа. — Сделаем ее придворной предсказательницей. Плененная принцесса, всю жизнь томящаяся в заточении и предсказывающая победы своим врагам. Сюжет, достойный пера валэйнских поэтов, не находишь?

— Во-первых, Лотэсса Линсар — не принцесса, да и ее дар пророчицы довольно сомнителен.

— Да брось, — король махнул рукой. — Ее происхождение позволяет ей стоять вровень с принцессами и, в принципе, спокойно примерять короны. Если учитывать бездетность эларского монарха, то со временем она могла бы стать королевой Элара. А знаешь, что? — зеленые глаза Валтора азартно блеснули.

— Что? — спросил Элвир, отчего-то предчувствуя, что услышанное не придется ему по вкусу.

— Лотэсса Линсар — это просто бесценная находка! — редко король выглядел столь одержимым какой-то мыслью. — Редкая удача, что она попала к нам в руки. Сам подумай... Если мы проиграем войну, то она станет ценной заложницей, которая позволит нам торговаться и выставлять условия капитуляции. Впрочем, я бы не хотел, чтоб до этого дошло.

— Я тоже. Надо полагать, у вашего величества есть план, связанный с этой девушкой, и на случай нашей победы?

— Есть. Точнее, только что появился, — король довольно улыбнулся. — В случае нашей победы я женюсь на ней!

Глава 23

Шалена уложила последнюю прядь и отошла от зеркала, оставшись довольна своим отражением. Жаль, что больше порадоваться нечему.

Девушка опустилась в кресло и погрузилась в размышления и воспоминания. В Тиарис она приехала чуть более трех лет назад в сопровождении Шэла Нолана. Блестящий придворный аристократ увез юную соблазненную красотку из убогого княжества Акзитэн в столицу. Впрочем, Шэл не особо стремился прихватить с собой провинциальную жертву своего обаяния, его бы куда больше устроило, если бы девица осталась дома, благо ее позор не стал всеобщим достоянием. Но девушка твердо решила, что не будет всю жизнь прозябать среди лесов и трясин. Зря она, что ли, благодарила судьбу, когда та по осени занесла в их тоскливый край компанию столичных аристократов, привлеченных возможностью вдоволь поохотиться в бескрайних лесах Акзитэна? После одной из охот молодые люди заблудились и оказались в замке Эрберов. Потом погода резко испортилось, и гости задержались у Эрберов больше недели. Отец Шалены, несмотря на стесненность в средствах, счел за честь оказать гостеприимство столичной знати. Кроме того, он втайне рассчитывал, что кто-нибудь из юных повес пленится красотой его дочери, женится и обеспечит Шалене блестящее будущее, а им с женой — достойную старость. Голубоглазой дочери хозяина с волосами цвета меди в те дни и впрямь было оказано множество самых изысканных знаков внимания со стороны скучающих аристократов. Разумеется, жениться на ней никто не собирался. К счастью, Шалена не отличалась наивностью своего отца и сама решила устроить свою судьбу. Из всех ухажеров она выбрала Шэла Нолана. Не потому, что он понравился ей больше других, а потому, что казался старше и независимей своих товарищей. Он был какой-то отчаянный и производил впечатление человека, способного на любой безумный поступок, лишь бы тот казался достаточно забавным. Такой сможет увести девушку из родительского замка, не убоившись последствий. Как узнала позже Шалена, столичные повесы поспорили, кому из них удастся завоевать ее благосклонность. Но ей было все равно. Она знала, на что шла, позволив Нолану соблазнить себя. Вместо упреков в порушенной невинности девушка выставила требование увести ее из этой глуши в столицу. Шэл поначалу не пришел в восторг от идеи, но потом, очевидно, решив, что это будет забавно, согласился. Недолгое время, которое молодые люди провели в замке Эрберов, также сыграло на руку Шалене. Нолан еще не успел охладеть к очередной страсти, и потому идея захватить новую игрушку с собой не вызвала бурного протеста.

Шалена старалась пореже вспоминать о родителях и думать о том горе, которое принесла им, не просто исчезнув, но и опозорив семью. Позже, когда уже служила у королевы, она писала им письма и посылала деньги, но так и не получила ни одного письма в ответ. Хорошо хоть, благодаря связям своего патрона она знала, что мать с отцом живы и относительно благополучны. А в ту осень, покинув родительский кров и погрузившись в водоворот веселья и приключений аристократической молодежи, забыть о родителях оказалось проще простого.

То была веселая, беззаботная осень: охоты, переезды из одного замка в другой, танцы и забавы. А в начале зимы Шалена увидела Тиарис и вновь возблагодарила богинь за то, что все сделала правильно. Шэл Нолан снял для нее небольшой домик в одном из приличных, хоть и удаленных от центра столицы районов. И все бы хорошо, но девушка с каждым посещением Нолана, которые становились реже и короче, все отчетливее понимала, что мужчина охладил к ней. Шэл и не скрывал этого. Поскольку Шалена никогда не была влюблена в своего любовника, ее беспокоило отнюдь не угасание его чувств, а возможность лишиться его покровительства. К весне Нолан откровенно заявил, что любовница-содержанка не входит в его планы. Он спокойно сказал, что, выполнив просьбу Шалены забрать ее из акзитэнских лесов и привезя в столицу, вполне рассчитался за то удовольствие, которое приносило ему общество девушки все эти месяцы. Шэл, совершенно чуждый дипломатичности и деликатности, с присущим ему цинизмом посоветовал Шалене поискать нового любовника, но на этот раз не метить так высоко и удовольствоваться мелким дворянином или даже процветающим купцом. С одной стороны, предложение возмутило девушку до глубины души, ибо с ней обращались, как с падшей женщиной, с другой — она понимала, что это единственная реальная возможность остаться в столице. Иначе придется ей, покрытой позором неудачнице, с повинной головой возвращаться в родительский замок и влачить там бессмысленное существование до конца своих дней.

Быть бы Шалене Эрбер купеческой содержанкой, если бы однажды Шэл не привел в маленький домик наскучившей любовницы двоюродного брата. Шалена к тому времени уже знала, что Риз Нолан, кузен ее любовника, занимает при дворе какой-то важный пост. Шэл привел могущественного родственника вовсе не для того, чтобы познакомить со своей пассией, а с целью тайно обсудить какие-то свои проблемы. От Шалены требовалось лишь поменьше показываться на глаза да позаботиться о вине и угощении для мужчин. Однако эн Риз неожиданно заинтересовался хорошенькой возлюбленной кузена. После его ухода Шэл — сам, похоже, удивленный — сообщил девушке, что его двоюродный брат желает ее забрать, и не куда-нибудь, а в королевский дворец. Шалена торжествовала. Еще недавно она обдумывала свое безрадостное и туманное будущее, и вот ее заметил такой человек, перед которым сам Шэл при всей его независимости вынужден заискивать. Она будет жить в стенах Ортейна, а не в этой жалкой лачуге. Девушка и не думала скрывать своего злорадства по отношению к бывшему любовнику. Может, она недостаточно хороша для него, зато вполне устроит его могущественного брата. И ничего, что эн Ризу уже пятьдесят или около того. Все это — мелочи в сравнении с возможностью жить во дворце с одним из первых вельмож.

Впрочем, как выяснилось позже, Риз Нолан уготовил Шалене иную роль, нежели звание любовницы. Он был примерным семьянином, и молодые женщины, состоявшие у него на службе, требовались Нолану совсем для других целей. Приняв девушку в своем кабинете во дворце, эн Риз предложил ей должность фрейлины при вдовой королеве Висанне с условием внимательно прислушиваться и присматриваться ко всему, что творится вокруг ее величества, и докладывать ему. Осознав, чего от нее хотят, Шалена вовсе не почувствовала себя обманутой, скорее напротив. Должность королевской фрейлины куда почетнее и порядочнее, чем роль любовницы Риза Нолана. Кроме того, подручные эна Нолана научили Шалену некоторым вещам — тем, что практически бесполезны для обычной девицы из дворянской семьи, зато могут пригодиться при том странном роде деятельности, которым теперь занималась дэнья Эрбер. Через полгода после поступления на службу к эн Ризу Нолану Шалена умела отпирать закрытые двери, вскрывать запечатанные письма, прекрасно ориентировалась во дворце, зная не только самые дальние закоулки, но и тайные ходы, как соединяющие помещения внутри Ортейна, так и ведущие за его пределы. Кроме того, девушка научилась бесшумно передвигаться, незаметно исчезать и появляться и даже неплохо орудовать кинжалом. Освоение всех этих совершенно неподобающих девице ее звания навыков не только не вызывало у Шалены отторжения, но, напротив, доставляло удовольствие. Девушка не раз удостоивалась сдержанных похвал самого эна Риза и через некоторое время решила, что выполнение тайных поручений — ее истинное призвание.

Тем более что ее нахождение при королеве оказалось отнюдь не бесполезным. Шалена открыла несколько нежелательных переписок ее величества, а главное, рассказала эн Ризу о тайных встречах королевы Висанны с пылким молодым поклонником — неким Анди Сильном, принадлежащим к старинному, но обедневшему роду. Изучив взбалмошный нрав своей госпожи, Шалена бы не удивилась, если б та решилась на брак со своим избранником. Однако вовремя поставленный в известность главой тайной службы король поспешил удалить амбициозного юнца от двора, выслав в родовое имение. Девушка не имела ничего против королевы, не желала вредить ей, она просто исправно несла свою службу, не задумываясь о последствиях своих разоблачений для вдовы короля Аритэра. По-своему Шалена даже привязалась к пожилой королеве. Ведь пост фрейлины ее величества, являвшийся несбыточной мечтой для многих куда более родовитых девиц, возвышал дэнью Эрбер в собственных глазах и в представлении окружающих.

Шалена уже почти позабыла свое не слишком приглядное прошлое, теперь она искренне рассчитывала заполучить в женихи кого-нибудь из молодых придворных, постоянно кружившихся вокруг хорошеньких фрейлин королевы. Впрочем, не очень молодой ее бы тоже устроил. Лишь бы войти в благородное столичное семейство. Теперь девушка держала совсем иную линию поведения с мужчинами, стараясь казаться скромной и неприступной. На ее счастье, бывший любовник — Шэл Нолан — оказался не из болтливых, и при дворе Шалена Эрбер имела репутацию весьма благонравной и разумной девицы. Впрочем, таковой она и сама себя почитала. Если не благонравной, то уж разумной точно. Девушка знала, чего хочет, старалась ставить перед собой достижимые цели и добиваться их с наименьшими потерями, предварительно просчитав все ходы, будущие выгоды и риски.

Даже безнадежная страсть к молодому королю не поколебала уверенность Шалены в собственной разумности. Да, влюбиться в Валтора Малтэйра — не самая умная идея. Но, во-первых, в короля были влюблены тайно или явно почти все дамы двора, а во-вторых, что самое важное, чувство к его величеству никак не мешало девушке исполнять свои обязанности и стремиться к достижению намеченного. Если уж ей сужден брак по расчету, то почему бы не иметь в утешение хотя бы безответного, зато истинного чувства?

Так бы все и осталось, если бы не стечение обстоятельств. Впрочем, первым звеном в этой цепочке стала неожиданная смерть королевы, искренне опечалившая всех ее фрейлин. И дело было даже не в том, что ее величество по отношению к своим дамам вела себя милостиво и добродушно. Просто кончина госпожи означала, что довольно многочисленному штату ее фрейлин придется покинуть Ортейн, если только они не найдут другой причины для пребывания во дворце. Многие дамы, имеющие при дворе мужей или родственников, так или иначе решили этот вопрос. Но у Шалены был только эн Риз. С одной стороны, он занимал очень высокий пост и мог на многое повлиять, с другой — Шалена нужна была ему именно как фрейлина королевы, а теперь необходимость в ней отпала. Эн Нолан отделался от девушки вежливым обещанием вспомнить о ней, как только найдется работа, достойная ее способностей. Впрочем, он проявил изрядное благородство, выплатив подопечной неплохое жалование, которого должно было хватить на несколько месяцев жизни в столице. Ничего удивительного в том, что глава тайной службы короля не хочет заниматься благотворительностью, Шалена не видела. Эн Риз отлично сознавал возможности своей протеже самостоятельно устроить свою судьбу и закрепиться в Тиарисе. Этим девушка и решила заняться, правда, способ выбрала довольно смелый. Шалена решила обратиться напрямую к королю. Она отлично понимала, что иного повода предстать перед лицом Валтора Малтэйра и обратить на себя его внимание может и не представиться.

Первую встречу с королем девушка помнила во всех подробностях. Его величество довольно быстро соизволил ознакомиться с прошением бывшей фрейлины и удостоил девушку аудиенции. Представ перед мужчиной своей мечты, Шалена впервые за долгое время испытала настоящее волнение. Впрочем, сейчас оно было только на руку.

— Ваше величество, я верно служила вашей матушке, но, увы, после кончины нашей глубоко любимой королевы у меня не осталось никого в столице, кто мог бы принять участие в моей судьбе. Я сирота, — она наглейшим образом, не задумываясь, соврала ради пользы дела. — Пока я служила ее величеству, меня достигли горестные вести о кончине моих родителей. Позвольте мне остаться во дворце. Я согласна на любую придворную должность. Поверьте, я на все готова ради этого!

— На все? — насмешливо переспросил король. — Интересно, что вы под этим подразумеваете? А то звучит несколько двусмысленно.

— Если ваше величество пожелает, я могла бы... могла бы, — Шалена обычно не лезла за словом в карман, когда нужно было добиться желаемого, но откровенно предложить себя королю даже у нее не хватало духу.

Обычно в подобных случаях мужчины понимали все без слов и сами проявляли дальнейшую инициативу. По крайней мере, с Шэлом было именно так.

— Рискаю оскорбить вас, предположу, что вы готовы пожертвовать своей добродетелью ради возможности остаться во дворце? — король наконец сообразовал понять, что имеет в виду просительница.

— Да, ваше величество, — Шалена склонила голову, принимая вид обреченной невинности.

— Дэнъя Эрбер, я не стану злоупотреблять своим положением, обрекая вас на ужасную участь королевской любовницы, — король вновь усмехнулся. — Вместо этого я удовлетворю вашу просьбу без всяких условий. Желаете остаться в Ортейне — оставайтесь. Во дворце достаточно свободных комнат. Найдите кого-нибудь из младших дворцовых распорядителей. Я напишу вам бумагу, согласно которой вы сможете получить место для проживания и небольшое жалование, как бывшая фрейлина моей дорогой матушки. Вас устроит такой вариант?

С одной стороны, предложение короля Шалену вполне устраивало, с другой — не хотелось упускать единственный шанс заполучить его самого, пусть даже на одну ночь. И она решилась.

— Нет, — тихим, но твердым голосом проговорила девушка, глядя в глаза королю.

— Нет? — он выглядел искренне удивленным.

— Я люблю вас! — Шалена словно прыгнула в море со скалы. — Принадлежать вам для меня не унижение, а мечта. Не гоните меня, прошу!

— Ну, раз вы просите... — и король сделал шаг к ней.

— Да! — Шалена обвила его шею руками, наслаждаясь сознанием очередной победы — самой главной в жизни.

Одна ночь, о которой просила девушка, обернулась почти двумя месяцами королевской благосклонности. Такой поворот ошарашил даже саму Шалену. Сколь бы смелыми ни были ее планы, о роли признанной королевской фаворитки она не смела и мечтать. Упиваясь неожиданным счастьем, Шалена почти не обращала внимания на изменившееся отношение окружающих. Теперь одновременно ее ненавидели и перед ней заискивали. Но Шалене было наплевать, она не стремилась извлечь каких-нибудь дополнительных выгод из своей связи с королем, ей было достаточно его привязанности. Риз Нолан при встрече резко отчитал подопечную за столь дерзкий шаг, к тому же не согласованный с ним.

Впрочем, счастье девушки было недолгим. Не прошло и двух месяцев, как король, увлекшись графиней Гивейл, решил разорвать отношения с простой дворянкой из Акзитэна. Несмотря на понимание того, что она и так получила больше, чем могла мечтать, Шалена сразу возненавидела соперницу бешеной ненавистью, какой и не подозревала в себе раньше. Она бы, не задумываясь, убила надменную аристократку, если бы это могло что-то изменить. Но, увы, смерть графини Гивейл не вернула бы Шалене утраченного.

Так потекли месяцы унылого существования отставной фаворитки, наполненные тоской и ревностью. Король почти не замечал ее, хотя при встречах приветливо раскланивался и даже порой интересовался, как поживает бывшая возлюбленная. И вот вчера, когда Шалену неожиданно вызвали к королю, она вопреки здравому смыслу поверила, что он хочет вновь приблизить ее к себе. Но оказалось, что его величество лишь подыскал для девушки подходящую должность с приличным жалованием. Шалене вновь предстояло стать фрейлиной, на этот раз при какой-то знатной эларке.

Не успела она отойти от разочарования, как ее вновь вызвали, на этот раз к Ризу Нолану. Прежний покровитель велел ей следить за новой госпожой, как раньше она следила за королевой, и докладывать ему о каждом шаге, жесте и вздохе эларской дамы, которой оказалась не кто-нибудь, а сама Лотэсса Линсар. Когда-то среди прочих уроков Шалену заставляли заучивать родословные самых знатных семейств всех доэйских королевств.

Выводы, к которым пришла девушка, обдумывая этот странный поворот в своей судьбе, отнюдь не порадовали ее. Однако у Шалены и в мыслях не было отказаться от новой должности.

Глава 24

Устав проклинать себя, Лотэсса впала в апатию. Она безучастно взирала на происходящее, хотя, по сути, почти ничего не происходило. Правда, место ее обитания в Ортейне сменилось в третий раз, но девушка воспринимала эти перемены как перевод из одной камеры темницы в другую. Новая фрейлина, хоть и была чрезвычайно хорошенькой молодой женщиной, не вызвала в Тэссе и сотой доли расположения, какую она когда-то испытала к Альве при их первой встрече. Впрочем, та тоже не выказывала симпатии к госпоже. Тэсс то и дело ловила на себе колючий взгляд больших голубых глаз. Девицу звали не то Шелана, не то Шалена и она, похоже, не собиралась оставлять Лотэссу в одиночестве ни на минуту. Скорее уж эту красивую, но неприятную особу приставили к ней в качестве надзирательницы, чем фрейлины. Ну и пусть. Тем лучше. По крайней мере, будет кому доложить Торну о том, что узница отказывается есть. Тэсса решила, что это лучший способ выразить протест против заточения. Однако от еды девушка отказывалась не только назло дайрийцам. Есть просто не хотелось, как и жить вообще.

Ужасно осознавать, что она все испортила. Неужели нельзя было придумать слова, которые бы убедили Валтора отказаться от войны? Здравый смысл подсказывал ей, что таких слов не существует. По крайней мере, до сих пор ей в голову не пришло ни одной сносной идеи. Ни одного довода, который Дайриец не мог бы высмеять или разбить в пух и прах. Как почти со всеми людьми, с Тэссой случалось, что самые толковые мысли и остроумные аргументы приходили после завершения беседы, которую она мысленно продолжала вести. Но не в этот раз. Сколько ни прокручивала она в голове разговор с королем, так и не смогла придумать ничего достаточно убедительного.

Постепенно устав от мысленных баталий и невозможности отыскать решение, девушка впала в какое-то внутреннее оцепенение, подобное тому, что накрыло ее при известии о смерти королевы Шафиры. Внешне она тоже, должно быть, выглядела настолько безжизненной, что новая фрейлина, видно, сочла своим долгом ее растормошить.

— Энья, — голос девицы звучал довольно естественно, не слащаво, и все-таки Тэсс явно слышалась какая-то фальшь, — как вы находите Тиарис? Древняя столица Элара впечатлила вас?

На какой-то миг мгновенно вскипевшая злость вытеснила апатию, Тэсс резко подняла голову.

— Столица Элара называется по-другому!

— Так то сейчас, — та, казалось, и не заметила направленного на нее гнева. — Я же про древние времена говорю, когда Элар и Дайрия были одной страной, а Вельтана — маленьким городком в Муане.

Глядя со стороны, нельзя было сказать, что фрейлина издевается над своей госпожой, скорее просто демонстрирует знание истории, и все-таки Лотэсса явственно чувствовала насмешку, внешне никак не выраженную. Случись этот разговор до завоевания дайрийцами Элара, Тэсс бы так не злилась. Скорей уж окинула бы собеседницу снисходительным взглядом с оттенком презрения, мол, прикрываете нынешнюю неказистость былой славой могучей империи. Но теперь, когда она знала, что королю Валтору оказалось под силу вновь объединить под своей властью расколотую когда-то страну, о чувстве превосходства придется позабыть. Гнев по сути вызывала именно правота фрейлины, хотя та даже не представляла, что ее ехидная фраза на деле является пророчеством и относится к будущему не в меньшей степени, чем к прошлому.

В любом случае удостаивать девицу ответом, Тэсса не собиралась, как и вообще поддерживать с ней беседу. Попробовать завоевать доверие приставленной к ней фрейлины и использовать в своих целях — затея бессмысленная и безнадежная. Девица приставлена королем или Торном, и ее главная задача — следить за то ли сумасшедшей, то ли за опасной эларской шпионкой. Тэсс снова погрузилась в себя, а фрейлина, продолжая излучать наивную доброжелательность, уселась за вышивание. Лотэсса невольно следила за мельканием шелковых нитей в ловких тонких пальцах, но мысли ее витали далеко.

Неужели все кончено, и все, кого она любит, вновь умрут? И первыми, еще до освобождения Дэймора, погибли Эдан, Рейлор, Нейри... Девушка с легким удивлением отметила, что среди пришедших на ум имен не было короля Йеланда. Ну и богини с ним, с Йеландом. В конце концов, из-за его малодушия все и началось. И вдруг словно молния озарила затуманенное отчаянием сознание Тэсс. Малодушие Йеланда! Вот ключ! Король Элара прибег к кольцу в крайней ситуации, опасаясь за свою жизнь. А если он будет в безопасности, хотя бы относительной, то не воспользуется кольцом. Она не смогла предотвратить войну и захват своей страны, но еще может спасти мир. И, что еще важнее, спасти брата, принца и Рейлора Таскилла. Правда, для того, чтобы уберечь любимых людей, она должна поспешить. Да, Валтор с Торном выиграют битву при Латне, но там не должно быть Эдана с Рейлором, а короля с принцем не должно быть в столице на момент захвата Вельтаны.

Девушка припомнила, что даже богиня советовала ей в случае неудачи с Дайрийцем постараться воздействовать на Йеланда. Послушает ли ее эларский монарх? А все остальные? Как убедить рыцарей отказаться от участия в главной битве, а короля и принца заставить бежать из страны? Не потерпит ли она такую же неудачу, как в случае с Валтором. Нет! Тут она не имеет права все испортить. К тому же, речь идет о знающих ее и доверяющих ей людях, а не о тех, для кого она подданная вражеской страны. Эдан, Рейлор и Нейри любят ее, а значит, должны поверить!

Но для того, чтобы убедить и спасти их, ей нужно оказаться в Эларе. Сейчас девушка была готова осыпать Маритэ проклятиями за то, что та забросила ее в Тиарис, а не в Вельтану. С самого начала же было ясно, что заставить Дайрица отказаться от войны — никуда не годная идея. И что настолько затуманило ее разум, что она согласилась на этот план богини? На самом деле Тэсс знала, что — желание увидеть Валтора. Наверное, ей настолько важно было убедиться, что он жив, оказаться рядом, что эта потребность лишила ее способности разумно взвешивать свои шансы на успех. Сейчас девушка многое бы отдала, чтоб оказаться в родном городе, а не запертой в королевском дворце Тиариса. Она должна выбраться и вернуться в Элар! Чего бы ей это ни стоило. Времени у нее в обрез, но все-таки пара месяцев есть.

Апатию Тэссы как ветром сдуло, мысли бешено крутились в голове, сменяя одна другую. Однако внешне девушка сохраняла все ту же безжизненную позу и выражение лица. Пусть Шелана видит совершенно сломленную и разбитую пленницу. На жалость Тэсс не рассчитывала, главное, не вызывать подозрений. Изображать из себя умирающую сейчас — самая выгодная тактика. Если она откажется от еды и целыми днями, как восковая кукла, будет сидеть в кресле, уставившись в одну точку, рано или поздно Валтор должен заинтересоваться и попытаться что-то изменить. В этом девушка почти не сомневалась. Такой уж он человек, что не сможет равнодушно позволить ей умереть. Конечно, это не тот Валтор, что любил ее, но и этот чужой, по сути, человек обладает теми же чертами характера и принципами. Кроме того, она не кто-нибудь, а Лотэсса Линсар, чья смерть может доставить дайрийцам немало неприятностей. Король должен понять, что если не отпустит пленницу на волю, то она умрет, как вольная птица в клетке. Валтор не сможет допустить ее смерти, он просто обязан изменить свое решение!

Однако сколько дней пройдет прежде, чем королю или Торну доложат о том, что узница отказывается от еды? Тэсс не боялась, что ей придется все это время испытывать муки голода во имя великой цели. Она никогда раньше не голодала всерьез и не особо представляла, каково это. Куда больше она опасалась, что все это может затянуться. А сейчас дорог каждый день. Ведь даже если Малтэйр, видя, что пленница готова умереть, решится вернуть ей свободу, нужно еще добраться до Элара. Битва при Латне состоялась в первый месяц лета, значит, нужно быть в Вельтане не позже месяца Астели — последнего месяца весны. Как бы ускорить события? Вот если бы можно было устроить попытку самоубийства, при этом достаточно достоверную, чтоб вызвать у Валтора жалость и тревогу, и заставить его пересмотреть свое решение держать ее в плену...

А почему бы и нет? Девушка неожиданно вспомнила об умении исцелять раны, единственном полезном даре Маритэ. Что ж, раз иной помощи от богини ждать не приходится, то почему бы не воспользоваться хоть этим. Правда, ранить себя достаточно серьезно было страшно: а вдруг ее сил все-таки не хватит на исцеление, или дар уже не действует, или просто она потеряет сознание... Впрочем, придется идти на риск. Даже если она умрет, то сильно ситуацию не испортит. Зачем жить в мире, где сначала

погибнут самые любимые люди, а затем и сам мир перестанет существовать?

Пока решимость не угасла под действием страхов, нашептывающих ужасные вещи, Лотэсса решила воплотить задуманное. Она поднялась с кресла и, пошатываясь, пошла к столу под внимательным и слегка удивленным взглядом фрейлины. Как она и ожидала, на столе среди блюд и посуды лежал небольшой, но довольно острый нож для фруктов. Тэсса взяла его в руки, одновременно прихватив яблоко, чтоб не вызвать преждевременного беспокойства Шеланы, которая может ей помешать в осуществлении задуманного. Надрезая яблоко, девушка мучительно размышляла, куда же лучше ударить. Желательно сделать это так, чтобы крови было много и рана выглядела серьезной. Но при этом хорошо бы не задеть никаких жизненно важных органов, о расположении которых Тэсс имела весьма приблизительное представление. В конце концов она решила вонзить нож туда, где, по ее расчетам, находилось сердце, только не очень глубоко. Умереть сразу в ее планы не входило.

Не успела она принять решение, как почувствовала, что ее мутит, голова кружится, руки дрожат и холодеют. Она не сможет, ни за что не сможет... Фрейлина поднялась и направилась к ней. Тут Лотэсса поняла, что уже несколько минут стоит, бессмысленно крутя в руках фрукт с воткнутым в него ножом. Больше у нее не было ни секунды на колебания. Ужас отступил, точнее, уступил место другому: что ей помешают. Откуда-то взялись силы. Тэсса решительно выдернула нож из яблока и вонзила себе в грудь. Время понеслось с безумной скоростью, но при этом словно остановилось. Треск ткани, вспарываемой лезвием, показался оглушительно громким. Плоть, вопреки ожиданиям, оказалась мягкой и податливой, но это вызывало ужас, граничащий с омерзением. Какое-то время Тэсс не чувствовала боли и, пользуясь этим, вогнала нож еще глубже. И тут боль обрушилась во всей полноте, затопив собой самые дальние уголки сознания и вытеснив из тела все остальные ощущения. Раскаленная пылающая темнота обступила со всех сторон, заслонив мир вокруг. Темнота душила, обжигала, парализовала волю и сознание. Девушка скорее поняла, чем почувствовала, что ей не хватает воздуха, но вдохнуть не получалось. Мысли кружились невыносимо яркими искрами и жалили отрывистыми фразами. Все зря... Глупая смерть... Скорей бы уже...

Воздух все-таки попал в легкие, словно разорвав невидимую преграду. На миг стало легче, но потом боль обрушилась с новой силой. Теперь с каждым вдохом в грудь Тэсс словно заново всаживали острие. Попытаться себя исцелить среди этого хаоса мучительных ощущений и обрывков мыслей было совершенно бесполезно. Тэсс и не пыталась, погрузившись в пучину боли. Девушке так хотелось умереть, чтобы пытка наконец прекратилась, что она даже не сразу заметила, что дышать стало легче, а раскаленное пелена постепенно тускнеет, пропуская сквозь себя обычные краски реальности. Еще вдох... Еще выдох... Больно, очень больно, но уже не настолько, чтоб жаждать смерти как освобождения. Ей определенно становится лучше. Неужели дар действует без ее участия, сосредоточенности и усилий? Без воззваний к Маритэ и даже мыслей об исцелении? Похоже на то.

Постепенно приходя в себя, Тэсса увидела очертания комнаты, проступившие сквозь багровое марево, почувствовала жесткость пола, на котором лежит, тяжесть мокрой и теплой ткани, облепившей тело. Осознание того, что это кровь и что в этой же крови испачканы ее ладони вызвало у девушки новый приступ слабости и отвращения. Но самое страшное уже позади, ей становится все легче. А значит, она не умрет. Не загубит все. Мысли о возложенной на нее миссии окончательно вернули Лотэссу к действительности. Сколько прошло времени? Ведь ясно же, что она могла воспринимать его течение очень искаженно. Почему фрейлина не только не голосит в отчаянии, но даже не склоняется над ней? Может, уже убежала звать лекаря? Хорошо бы. Пусть поднимется переполох, тогда, возможно, вскорости Валтор сам явится сюда. Тэсс почувствовала, как сильно хочет этого. Хочет, чтоб он склонился над ней, взял за руку, чтобы в его глазах была искренняя тревога и сострадание. Пусть это не тот Валтор, что любил ее, но и реальный Дайриец не должен остаться равнодушен к таким страданиям. По крайней мере, девушке очень хотелось в это верить.

Неимоверным усилием Тэсса слегка приподняла голову и огляделась, насколько позволяло положение. К ее величайшему удивлению, фрейлина сидела на прежнем месте и преспокойно продолжала вышивать!

— Шелана, — сдавленным голосом позвала она и тут же закашлялась.

— Шалена, — спокойно поправила девица, поднимая глаза от рукоделия.

— Какая, к демонам, разница? — Тэссу до глубины души возмутило, что фрейлина не только не пытается ей помочь, но даже не проявляет ни малейшего интереса к умирающей. — Чего вы ждете?!

— Я жду, когда ты наконец сдохнешь!

Глава 25

Нет, ну надо же! Полчаса лежала, как мертвая, и вдруг шевелится да еще и разговаривает! Живучая, однако же, дрянь. Ладно, пусть разговаривает. Так даже лучше, быстрее все закончится. Судя по тому, как она воткнула в себя нож, должно быть задето легкое. Странно, что она вообще еще дышит. Но пусть поболтает, это ей сейчас полезно. Шалена уже измучилась, ожидая, когда эларская девчонка наконец отправится за Грань. Теперь придется ее еще и разговорами развлекать.

— Вы ждете, когда я умру? — вновь подала голос Лотэсса Линсар. — Но почему? Что я вам сделала?

— Ничего, — Шалена пожала плечами, вновь склоняясь к вышиванию. — Но ведь и я ничего не делала. Вы сами решили себя убить, — она невольно снова перешла на «вы», пусть Лотэсса почти покойница, но все-таки аристократка, а уважение к знати оказалось сильнее ненависти. — Не я вонзила вам нож в сердце.

— Зачем вам моя смерть? — надо же, негодяйка еще и на локте приподнялась!

— А вам она зачем? — Шалена предпочла ответить вопросом на вопрос, затем все-таки поднялась и направилась к эларке, лежавшей на полу.

Склонившись над девушкой, она вновь подивилась тому, как с ножом в груди и в луже крови можно еще и вести беседы. Кроме того, слова звучали вполне нормально, а не вырывались из уст со свистящим звуком, как, по идее, должно быть при подобной ране.

— Мои мотивы — не ваше дело! — гордо ответила умирающая.

— Как и мои — не ваше, — не осталась в долгу Шалена.

Не станет она откровенничать с этой надменной красоткой. Скорее всего, та и не знает, какую роль ей предстояло сыграть в сложной политической игре. Знай она, вряд ли пыталась бы умереть. Кто же в здравом уме откажется от дайрийского престола и тем более от дайрийского короля в мужья? Хотя как раз в здравом уме Лотэссы Линсар нет никакой уверенности. Ну что ж, ей же хуже. Шалена, заранее возненавидевшая новую госпожу, и надеяться не смела на такую удачу, как самоубийство эларки. Причины же для ненависти родились из несложных умозаключений и того немногого, что ей удалось услышать от Риза Нолана.

Лотэсса Линсар — самая видная аристократка Элара — совершенно непонятным образом оказывается в Тиарисе и добивается свидания с королем. Кто знает, что ею двигало, Шалене это лишь предстояло выяснить. Гораздо важнее оказалось то обстоятельство, что его величество нашел, куда пристроить эту фигурку, оказавшуюся на несвойственном ей месте диска. Совершенно очевидно, что после завоевания Элара Валтор женится на Лотэссе Линсар. Дать покоренной стране королеву из их знати — мудрое решение. Кроме того, девчонка возмутительно хороша собой. Шалена сама бы дошла до всего этого, терзаясь подозрениями и опасениями при каждом взгляде на новую госпожу. Но одна фраза Риза Нолана расставила все по местам еще до первой встречи Шалены с эларкой.

— Береги ее, как самое ценное сокровище, Шалена, — говорил эн Риз.

— Так моя задача — следить за ней или беречь? — уточнила девушка.

— И то, и другое. Но, неусыпно наблюдая за ней, не забывай о почтении, предупреждай каждое ее желание. Впрочем, чему я тебя учу? Ты же уже служила королеве, знаешь, что к чему.

Глава тайной службы произнес эту фразу, не задумываясь, скорее всего не догадываясь, какой смысл извлечет оттуда его подопечная. Но Шалена без труда сложила все данные факты и пришла к выводу, что энье Линсар пророчат роль королевы, хоть и держат под стражей. Осведомительница Риза Нолана почти не сомневалась в истинности своего предположения, а потому сразу возжелала смерти своей новой госпоже. Естественно, сама бы она никогда не осмелилась причинить ей вред. Голову на плечах Шалена ценила куда выше разбитого сердца. Зато с удивлением осознав, что глупая девчонка хочет

лишить себя жизни самостоятельно, Шалена возблагодарила судьбу. Конечно, ей изрядно влетит от Нолана за то, что она допустила трагедию, но уж оправдаться Шалена сумеет. Остается лишь надеяться, что ее не ждет ссылка в качестве наказания, что у эна Риза хватит ума понять, что она просто не успела остановить руку безумной эларки. Да она и вправду не успела бы, даже если бы хотела. Зато увидев, что произошло, Шалена не стала поднимать тревогу и спешно посылать за лекарем. Не стоит рисковать. Полчаса, самое большее час, и все будет кончено. Кто ж потом сможет понять, сразу умерла Лотэсса или немножко помучилась? Однако упрямая девчонка, похоже, окончательно раздумала умирать. Она, морщась от боли, умудрилась приподняться и теперь сидела на полу, в луже собственной крови. Уж на что Шалена имела основания гордиться своей выдержкой и крепкими нервами, но сейчас ей стало не по себе. Девушку замутило, и по всему телу пробежал холодок самого настоящего страха.

— И все же, почему вы желаете моей смерти? — внезапно Лотэсса с противным чавкающим звуком вырвала нож из груди. Упругая струя крови брызнула из раны, а лицо девушки исказила гримаса боли.

— Лучше скажи, почему ты не желаешь умирать? — Шалена отступила на шаг. Страх и изумление заставили ее вновь забыть о почтительности. — Не стану я откровенничать! Лучше подожду, пока ты отправишься за Грани.

— Долго ждать придется. Я передумала, — и девчонка к вящему ужасу Шалены поднялась, оправляя на себе насквозь пропитанное кровью платье.

Шалена покачнулась и оперлась на стену, чтоб не поменяться с эларкой местами и не упасть на пол, залитый кровью. С детства она привыкла считать себя сильной и смелой, но, кажется, сейчас эти качества изменили ей. Смертельно бледная, с этими странными сиреневыми глазами, Лотэсса напоминала ожившего мертвеца. Шалена понимала, что это безумие, но все-таки не могла отделаться от мысли, что перед ней создание, шагнувшее из-за Грани.

— Ужас какой! — девчонка меж тем с омерзением разглядывала собственные руки и одежду. Затем она шагнула к фрейлине.

Выдержка Шалены изменила ей, девушка в один прыжок оказалась на другом конце комнаты и выкрикнула:

— Оставь меня! Я ничего тебе не сделала! Я просто хотела, чтоб ты исчезла!

— Исчезла или умерла? — деловито уточнила воскресшая на ее глазах эларка.

— Исчезла, — поспешила заверить Шалена. — А еще лучше никогда бы не появлялась. Я имею в виду в Дайрии, — лучше не раздражать это пугающее создание. — А жила бы у себя в Эларе.

— Вы удивитесь, но я с вами согласна. Отправиться в Дайрию и искать встречи с Валтором... с его величеством, было моей величайшей ошибкой. Чего бы я не дала, чтоб сейчас оказаться в Вельтане, — вздохнула Лотэсса.

— И какой смысл тогда умирать? — искренне удивилась Шалена, но тут же напомнила себе, что эларка, возможно, не совсем в своем уме, поэтому не стоит искать логики в ее поступках.

— Если честно, я не планировала умирать, — девчонка словно оправдывалась. — Впрочем, я и не умерла. Приятно, конечно, видеть, что вы смотрите на меня, как на гостью из-за Грани, но я все-таки жива. И предлагаю вам сделку.

— Сделку? — Шалена подозрительно прищурилась. Признание, что Лотэсса не умирала, до некоторой степени вернуло ей самообладание. — С чего вы решили, что я стану договариваться?

— С того, что мы хотим одного и того же: чтобы меня здесь не было. Конечно, вас бы вполне устроил вариант моей смерти, мне же он по некоторым причинам не подходит. Поэтому стоит хотя бы попробовать договориться.

Неужели девчонка хочет, чтоб она помогла ей сбежать и вернуться в Элар?! Это же

безумие и откровенное сотрудничество с врагом против собственного государства. С другой стороны, если она останется и не умрет, то со временем ей предстоит стать женой Валтора. Сама мысль об этом просто невыносима! Дело даже не в том, что король женится, рано или поздно это должно было случиться. Но Шалена надеялась, что его величество с присущей ему прагматичностью и заботой о государстве выберет какую-нибудь бесцветную, не слишком молодую, но политически выгодную принцессу. А тут нате вам! Юная красотка, которая на данный момент действительно является практически идеальной партией. В глубине души Шалена все еще надеялась вернуть привязанность короля и верила, что его будущая жена не станет этому помехой. Но при такой королеве, как эта Лотэсса, вряд ли мужчина захочет держать любовниц.

— С чего вы взяли, что я могу вам помочь? — спросила Шалена.

— Я не уверена в этом, — вздохнула в ответ Лотэсса. — Но надеяться мне больше не на кого.

На самом деле Шалена осознавала, что с легкостью вывела бы эларку не только из дворца, но даже из города, если бы не охранники у дверей и, главное, страх понести заслуженное наказание за подобный проступок. Однако до чего же велико искушение избавиться от нее!

— Каким образом вы выжили? — внезапно спросила Шалена, невольно начиная прокручивать в голове смутные пока планы.

— Отвечу только в обмен на ответ, почему вам выгодна моя смерть, ну или исчезновение, — не осталась в долгу Лотэсса. — Если мы преследуем одну цель, почему бы не дать друг другу повод для доверия?

Вот дерзкая девчонка! Она все повернула так, словно Шалена уже согласилась ей помогать.

— Мы преследуем разные цели, — отрезала она. — Однако я отвечу. Но только потому, что меня жутко мучит любопытство, как можно было так всадить в себя нож, потерять столько крови и не только остаться живой, но, похоже, вовсе не испытывать боли. Я бы поняла, если бы в попытке привлечь внимание короля к своим страданиям вы бы поцарапали ручку и начали кататься по полу, будто умираете. Но вы же на самом деле нанесли себе смертельный удар. А теперь стоите в луже собственной крови и пытаетесь торговаться со мной. Это просто колдовство какое-то!

— Почти, — улыбнулась девушка. — Я говорила вашему королю, что наделена даром провидения, а он не верил. Кроме этого я владею даром исцеления...

— Вы хотели продемонстрировать это королю, — Шалена выделила слово «это», выразительно кивнув на пол, залитый кровью, — чтоб он поверил вам?!

— Нет. Я хотела, чтоб он поверил в то, что я готова умереть, если он и дальше будет держать меня в плену.

— А исцелять вы умеете только себя? — расплывчатый план в голове Шалены становился все более четким.

— Не только. Других исцелять намного легче. Ничто не отвлекает, — она поморщилась словно от неприятных воспоминаний. — Теперь вы ответьте, зачем вам нужно мое исчезновение?

— Если вы рассчитываете на мою откровенность, то зря, — отрезала Шалена. — По крайней мере, не сейчас, — видя, что собеседница уже открыла рот, чтоб начать возмущаться, она продолжала, не дав Лотэссе сказать ни слова: — Куда интереснее вам будет услышать, что я попробую вытащить вас из Ортейна. Но именно попробую. При условии, что вы дадите клятву беспрекословно слушаться каждого моего приказа, сколь бы странным и даже диким он вам не казался.

— Клянусь! — воскликнула девчонка, и глаза ее радостно блеснули.

Еще бы запрыгала, хлопая в ладоши, подумала Шалена с оттенком презрения.

— Для начала вымойтесь и переоденьтесь, — велела она.

— У меня нет другой одежды, — в голосе эларки слышалось смущение.

— Возьмите мою, — Шалена достала из сундука самое скромное из своих платьев.

Лотэсса удалилась, а Шалена осторожно выглянула из-за двери. Как она и надеялась, стражников не было поблизости. Она уже раньше заметила, что эти ротозеи временами удаляются со своего поста, чтоб поиграть в кости, устроившись в одной из удобных ниш за ближайшим поворотом коридора.

Пока Лотэсса одевалась, Шалена достала из вороха своих вещей два плаща — парадный и слегка потрепанный. На ноги она надела теплые уличные туфли.

— Но как мы пройдем мимо стражи? — озабоченно спросила эларка. — Я ведь пленница, которую им поручено стеречь, а вы... Кто бы вы ни были на самом деле, для них вы всего лишь моя фрейлина.

— Не слишком ли поздно вы начали во мне сомневаться, энья провидица? — насмешливо поинтересовалась Шалена. — Кроме того, не такая уж я и «всего лишь»...

Глава 26

Шалена толкнула дверь и высунулась в коридор. Тэсс затаила дыхание. Фрейлина, приложив палец к губам, поманила девушку. К удивлению Лотэссы, охраны у дверей не было. Тэсс, не решаясь вслух задать вопрос, безмолвно изобразила недоумение по поводу отсутствия гвардейцев. На что Шалена так же молча указала куда-то за поворот, откуда доносились голоса и слышался смех. Стараясь двигаться бесшумно, девушки направились в противоположную сторону. Коридор был прямым и достаточно долго никуда не сворачивал. Расстояние до первого поворота показалось Тэссе бесконечно долгим. Каждую секунду она готовилась услышать за спиной окрики и топот ног. Когда же они наконец добрались до первого ответвления, девушка испытала такое облегчение, словно уже оказалась за пределами Дайрии. Но расслабляться в их положении — непозволительная роскошь. И Лотэсса дальше следовала за фрейлиной, которая, судя по всему, ориентировалась в переходах и закоулках Ортейна гораздо лучше, чем она сама — в Нианоне.

Поворот, еще поворот, лестница, коридор, поворот, опять лестница... Удивительно, что им никто не встречался. Хотя чему удивляться, если учесть, что сейчас глубокая ночь? Они в очередной раз свернули и оказались в открытой галерее. Влажный весенний ветер пробивался сквозь узорные каменные плетения, на небе в просветах между тучами, гонимыми ветром, сверкали звездочки, казавшиеся невероятно маленькими и тусклыми после тех звезд, что Тэссе довелось видеть за последние месяцы. Лежащий внизу город спал, погруженный в темноту, только на главной площади и прилегающих к ней улицах местами горели факелы. Внезапно Шалена схватила спутницу и потянула вниз. Когда они оказались на полу, Шалена показала на одну из дворцовых стен, по которой вышагивал часовой. Когда фигура, облаченная в доспехи, скрылась, девушки продолжили путь.

После галереи их ждала новая лестница, оказавшаяся куда длиннее предыдущих. Тэсса уже почти смирилась с тем, что путь будет бесконечным. Когда Шалена наконец остановилась возле неприметной дверцы, Тэсс даже не поверила, что они пришли. Впрочем, ей пришлось еще поволноваться, пока фрейлина возилась с замком, для чего извлекла из медальона какое-то мудреное приспособление, похожее на иголку с изогнутым концом. К тому моменту, как дверь открылась, Лотэсса уже почти не верила, что это случится.

Как только девушки оказались в темной комнате и закрывшаяся дверь отрезала их от коридора, полного потенциальных опасностей, Тэсс смогла наконец перевести дух. Похоже, Шалена тоже в этом нуждалась. Она прислонилась к стене и медленно сползла вдоль нее, оказавшись на полу. Лотэсса присела рядом.

— Нам невероятно повезло, — Шалена говорила приглушенным голосом, почти шепотом. — Не встретить ни единой живой души даже посреди ночи — редкая удача.

— Но ведь все спят, — Тэсса отвечала так же тихо, предосторожность вряд ли окажется лишней.

— Не все, — возразила фрейлина. — Охрана, некоторые слуги, сановники, засиживающиеся допоздна, хотя как раз эти обычно по коридорам не шастают. Даже среди придворных могут встретиться любители ночных прогулок по дворцу. Впрочем, я рассчитывала, что при случайной встрече нас примут как раз за таких. Но все обошлось.

— Обошлось? — Тэсс не разделяла облегчения своей проводницы. — Но мы же не выбрались из дворца. Или нашей целью было добраться до этой комнаты?

— Поменьше вопросов, энья! — Шалена говорила по-прежнему еле слышно, но властные нотки четко звучали в ее шепоте. — Ваше дело — не умничать, а следовать за мной и слушаться.

Когда глаза привыкли к темноте, Лотэсса обнаружила, что помещение, в котором они находятся, — всего лишь прихожая или что-то в этом роде, а перед ними еще одна дверь. Шалена поднялась и толкнула эту дверь, Тэсс последовала за ней. Неизвестно, как фрейлине удалось отыскать свечу и зажечь ее. То ли с собой прихватила, то ли знала, где здесь что лежит. Свет свечи, пусть и слабый, оказался очень кстати. Комната была

плотно заставлена мебелью. В основном тут находились разнообразные шкафы. Должно быть, они оказались в чьей-то гардеробной. Но зачем? Или Шалена хочет переодеть Лотэссу до неузнаваемости, чтобы вывести из дворца? Помня отповедь спутницы, Тэсса больше не лезла с вопросами, однако, к ее удивлению, Шалена снизошла до разъяснений.

— Это гардеробная бывшей королевы. Вон та дверь ведет в комнаты ее величества, — она указала на еще одну дверь.

Прямо как в моих снах, подумалось Тэсс. Заходишь в дверь, а там следующая, и еще одна, и так до бесконечности.

— Мы пойдем туда? — спросила она.

— Нет. Зачем нам туда? Или уже примеряетесь к королевским апартаментам?

— С какой это стати?! — Тэсса так возмутилась, что забыла о необходимости понижать голос.

Шалена тут же зло шикнула на нее и направилась к одному из шкафов.

Значит, затея точно связана с переодеванием, решила Лотэсса. Шалена между тем так увлеклась поисками нужной одежды, что скрылась в шкафу, благо его размеры это позволяли.

— Идите сюда, — донесся из глубин шкафа приглушенный голос.

— Куда? — не поняла Тэсс, но вспомнив, что ей не положено задавать вопросы, а, напротив, надлежит беспрекословно следовать любым приказам, направилась к шкафу и заставила себя шагнуть в распахнутые створки.

Вокруг, как и следовало ожидать, висели какие-то вещи, разглядеть которые, впрочем, не было ни малейшей возможности. В воздухе витали такие крепкие запахи затхлости и пыли, что девушка закашлялась. В этот момент Шалена довольно грубо схватила ее за руку и потащила куда-то вглубь шкафа, который на деле оказался так огромен, что вполне бы сошел за маленькую комнату.

Через несколько шагов Шалена остановилась, затем из темноты слышались непонятные звуки — сначала какая-то возня, потом скрежет, хоть и приглушенный стенами и грудой одежды, но все равно показавшийся Тэссе невообразимо громким и противным. Неожиданно потянуло холодом, но это было даже приятно, поскольку свежий поток разбавил царивший здесь спертый воздух. Шалена вновь дернула Тэсс за руку, и не успела та опомниться, как оказалась на открытом месте, находившемся явно за пределами шкафа, да и вообще комнаты.

Огонек свечи, что держала в руках проводница, освещал лишь крошечный кусок пространства вокруг. Но даже при таком слабом свете Тэсса смогла разглядеть небольшую площадку и несколько ступеней лестницы, ведущей вниз.

— Подземный ход! — догадалась она.

— Он самый, — подтвердила Шалена, направляясь к лестнице. — А вы думали, что я решила прятать вас в шкафу?

— С вас станется! — буркнула Тэсс в ответ.

Спуск дался ей нелегко. Ступени были разной высоты, временами сколотые или стесавшиеся в самых неожиданных местах. Шалена со свечой шла первой, освещая пространство перед собой, а Лотэссе приходилось двигаться наощупь. Хорошо еще, что платье, которое одолжила ей фрейлина, доходило только до щиколоток и оттого не затрудняло движений. К облегчению девушки, лестница оказалась не слишком длинной. Спустившись, они пошли вперед по узкому тоннелю.

Кромешная мгла вокруг, почти могильные холод и сырость, а главное, низко нависающие каменные своды производили на Тэсс давящее впечатление. Пока она спускалась, ей было не до того, все силы и внимание уходило, чтобы не упасть. Но, едва

успев пройти несколько десятков шагов по относительно ровной поверхности, девушка начала чувствовать, что ей трудно дышать. Скорее всего, это просто обман испуганного сознания. Идет же Шалена впереди совершенно спокойно. Ни в коем случае нельзя показать перед ней своей слабости. Да и вообще, глупо бояться какого-то жалкого подземелья той, что прошла столько испытаний. Неожиданно проводница повернулась к Тэссе. Выражение ее лица в подрагивающем свете свечи казалось пугающим.

— А ведь если я тебя убью здесь, тебя никто не найдет. Или найдут через несколько лет. Почему бы тебе не исчезнуть именно так? — на ее губах играла жутковатая улыбка.

Тэсса с трудом удерживалась от того, чтобы впасть в истерику. Пережить кошмарную боль на грани смерти только для того, чтобы умереть в подземелье от рук безумной девки! Шалена ведь права, убив спутницу здесь, она почти ничем не рискует. Ей, конечно, отвечать за пропажу пленницы, но это и так произойдет в любом случае. Сбрав остатки самообладания, Лотэсса заставила себя улыбнуться в ответ.

— И что это даст? Вы же знаете, на что я способна. Только, исцелив себя, я направлюсь к королю — жаловаться. Скажу, что вы меня похитили и затащили в подземелье, чтоб убить.

— Думаете, я не смогу запереть дверь, которая служит выходом отсюда, пока вы валяетесь без чувств? — голос фрейлины звучал не слишком уверенно.

— Думаю, что с обоих концов — не сможете!

Тэсса говорила наугад. Она отнюдь не была уверена, что выход наружу не заперт. Кроме того, она не знала дороги.

— Ладно, я пошутила, — пробормотала Шалена. — Хотела попугать немного.

— Что ж я вам такого сделала? — вопрос был задан без особой цели и надежды на ответ.

— Да ничего! — взорвалась Шалена, резко обернувшись. Колебание воздуха чуть не загасило свечу. — Но его величество вбил себе в голову, что должен жениться на вас!

— Жениться на мне? — растерянno пробормотала Тэсса.

В этот момент ее даже не интересовало, какое фрейлине дело до брака короля. Она могла думать только об одном: Валтор хочет жениться на ней! Так же, как тогда! Однако именно мысль о прошлом сватовстве дайрийского короля отрезвила ее. Ведь изначально он видел в этом браке лишь политически выгодный союз. Сейчас, скорее всего, он пришел к точно такому же умозаключению. Жениться на самой знатной девице побежденной страны — отличный способ укрепить и отчасти узаконить захваченную власть. Пусть страна еще не захвачена, это не мешает Малтэйру строить далеко идущие планы. Ни о какой сердечной склонности не может быть и речи. Ведь король и видел-то ее только однажды. Правда, некоторым мужчинам и этого было достаточно, чтоб влюбиться, но не Дайрийцу. И все равно, даже осознавая все это, Тэсс с трудом удерживалась от того, чтобы повернуть обратно.

— Странные же идеи приходят в голову вашему королю, — она постаралась произнести эту фразу как можно безразличнее. — Но спасибо, что сказали. Мне тем более стоит поспешить исчезнуть, ведь в Эларе меня ждет жених — и тоже, как ни странно, королевских кровей.

— Кто бы сомневался, — с негодованием фыркнула в ответ фрейлина.

Лотэсса не желала хвастаться. Вообще вся эта тирада имела смыслом отвлечь спутницу от невольного волнения, вызванного ее словами. Ведь Шалене достаточно предположить, что эларка желает этой свадьбы, и Тэссе точно не жить.

Оставшийся путь они проделали в молчании. Лотэсса благодарила судьбу за то, что ее бравада произвела на Шалену должное впечатление, но также и предавалась терзаниям из-за того, что добровольно отвергает шанс выйти замуж за любимого мужчину. Ведь именно сейчас любовь Тэссы к Валтору, больше не отравленная горечью, стала сильна как никогда. По сути, любила она того, прежнего, зато теперешнего не за что было ненавидеть. В сердце Тэсс два этих человека, на самом деле являющиеся одним,

неразрывно слились. Теперь она точно знала, что любит Валтора Малтэйра, но по иронии судьбы он больше не нуждается в ее любви.

Известие, рассказанное Шаленой, настолько расстроило Лотэсса, что страх, внушаемый мрачными каменными коридорами, незаметно исчез, уступив место иным чувствам.

Девушка подозревала, что они выйдут из тоннеля за пределами Ортейна, но не могла предположить, что они окажутся настолько далеко от королевского дворца. Посредством подземного хода они миновали не только дворцовую площадь, но и примыкающие к ней несколько кварталов. Выходом из подземелья служила арка, причем выводящая не в какое-нибудь помещение, а прямо на улицу. Точнее, под мост. Впрочем, снаружи вход был так удачно замаскирован, что попасть в тоннель можно было только по случайности. Теперь Тэсса поняла, почему эту дверь невозможно было запереть.

За то время, что они выбирались из дворца, тучи окончательно затянули небо. Пронизывающий влажный ветер дул вовсю, а у реки его порывы казались и вовсе невыносимыми. Шалена обернулась и соизволила дать спутнице плащ. Про себя Тэсс отметила, что на фрейлине добротные теплые башмаки, а на ней самой — легкие туфельки, оставшиеся еще с Латирэ, точнее, их копия, Увинорэ. Впрочем, Шалена ничего ей не должна. И так одолжила собственное платье и плащ. Тэсса испытывала бы к проводнице искреннюю благодарность, если бы та не запугивала ее убийством. Сколько сейчас времени, девушка не знала, но опасалась, что ночь на исходе. Шалену это, очевидно, тоже беспокоило, и она ускорила шаг, предоставив Тэсс возможность догонять ее в промокших насквозь туфлях, грозивших расползтись на куски.

Начали попадаться прохожие, пока очень редкие, но это значило, что через час, самое большее два, жизнь на улицах пойдет своим чередом. Конечно, аристократы будут почивать в своих кроватях еще очень долго, а вот прислуга, которой надлежит исполнить множество обязанностей к пробуждению господ, вынуждена просыпаться затемно. Раньше Тэсса никогда не задумывалась о том, как живут те, кто заботится о ней. А ведь для того, чтобы она могла позавтракать в полдень, помощницы кухарки должны отправиться в Торговую часть спозаранку. Впрочем, долго жалеть несчастных слуг девушка не была способна, ибо насквозь мокрые и замерзшие ноги вкупе с плащом, почти не защищавшим от холода, заставляли ее испытывать зависть к людям низших сословий, которые, по крайней мере, одеты по погоде.

— Куда мы направляемся? — осмелилась спросить Лотэсса.

— Подальше отсюда, — отрезала Шалена. — Чтоб исчезнуть, недостаточно покинуть дворец.

— Вы поможете мне выбраться из города? — Тэсс боялась поверить своей удаче.

— Да уж, похоже, придется, — пробурчала в ответ проводница. — Надеюсь, хоть деньги у вас при себе есть? Еще не хватало мне за свой счет выпроваживать подданную Элара из Тиариса.

— Деньги есть, — ответила девушка, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Ведь она не забыла захватить средства, вырученные за кольцо, переодеваясь в одежду фрейлины.

Неожиданно Шалена остановила идущую им навстречу полную женщину, несущую на стиге локтя большую корзину. Потребовав у Тэссы денег, она купила корзину вместе с товаром, который оказался свежевыпеченными булочками. Затем, вручив корзину спутнице, Шалена объяснила, что Тэссе надлежит изображать служанку, сопровождающую зажиточную даму. В таком виде две женщины, бредущие по городу ни свет ни заря, будут вызывать меньше подозрений. Лотэсса не спорила, ей уже было все равно. На фоне холода и непрестанной тревоги мелкие унижения практически не задевали.

Путь по пустынным улицам оказался намного длиннее, чем дорога в подземелье. Когда они неожиданно вышли к городским стенам, Тэсса уже почти ничего не чувствовала и казалась себе героиней странного бесконечного сна.

— Как мы сможем пройти через ворота? — вяло поинтересовалась она.

— Никак, — ответила Шалена. — В такое время ворота закрыты и никого не пускают без особых подорожных или иных специальных документов. Впрочем, вам это знать необязательно, — спохватилась она. — С чего вы вообще взяли, что мы пойдем через ворота? Вы их здесь видите?

Не дожидаясь ответа, Шалена направилась к какой-то полуразрушенной лачуге, прилепившейся к стене. В Вельтане, в части, где жила Альва, тоже были похожие здания, пристроенные к городским стенам.

— Только бы там никого не было, — бормотала Шалена. — Любят всякие бродяги от холода и ветра хорониться, где не надо. А мне совсем не хочется кого-то убивать.

— Жаль, что вы не рассуждали подобным образом, когда вам вздумалось убить меня, — Тэсс не удержалась от сарказма.

— Но ведь не убила же, — резонно возразила фрейлина.

К счастью, лачуга оказалась пуста.

— Мы опять спустимся под землю? — нервно поеживаясь, спросила Лотэсса.

— Нет. Здесь есть проход в толще стены.

— И что, каждый может им воспользоваться? — Тэсса не могла сдержать удивления, хотя, казалось бы, какое ей дело, насколько хорошо охраняются стены Тиариса?

— Нет, только те, кто знает, где вход. Вы, например, не знаете. И не узнаете, пока не выполните свою часть договора.

— Какую часть? — опешила девушка. — Разве от меня не требовалось просто исчезнуть?

— А меня чтоб потом за ваше исчезновение бросили в темницу или в лучшем случае сослали из столицы в лесную глухомань? Ну уж нет! Настало время воспользоваться вашим даром исцеления. Вы нанесете мне рану, а потом исцелите ее. Придя в себя, я отправлюсь обратно во дворец, доберусь до ваших покоев и улягусь посреди озера вашей благородной крови, благо никто не знает, что она не моя. Нож, конечно, придется вытащить из раны, хотя он бы смотрелся очень эффектно и придавал картине достоверности. Таким образом, все будет выглядеть так, как будто зняя Линсар вонзила нож в грудь несчастной фрейлины и бежала, воспользовавшись беспечностью стражников, — с этими словами девушка извлекла откуда-то из-под плаща кинжал и протянула его Лотэссе.

— Но я не могу, — растерянно пробормотала Тэсс.

— Чего ты не можешь? — зло спросила Шалена, вновь забывшая о почтительности.

— Убить вас. То есть вонзить кинжал.

— В себя-то смогла, — усмехнулась в ответ Шалена. — Экая неженка! Так и знала, что все придется делать самой, — она вздохнула. — С другой стороны, так, пожалуй, и лучше. Мало ли куда ты сдуру ткнешь. Убьешь еще сразу, не по злему умыслу, а по глупости и неумению. Но до чего же это все-таки неприятно, — она поморщилась и почти тут же нанесла себе удар.

Лотэсса изо всех сил сосредоточилась на исцелении. Она заставляла себя неотрывно смотреть на рану и истово взывала к Маритэ, прося ее помощи. В случае с ее собственной раной это не понадобилось, но сейчас лучше перестараться, чем дать Шалене умереть.

Хотя это был бы выход, неожиданно подумалось ей. И как Шалена решилась доверить ей свою жизнь? Впрочем, правильно сделала. Несмотря на сильную неприязнь к фрейлине, стать причиной ее смерти Тэсса ни в коем случае не желала. Кроме того, она до сих пор не знает, где выход, ведущий за стену. Хотя вовсе не эта причина заставляла девушку так истово бороться за жизнь спутницы.

Сложно сказать, сколько прошло времени прежде, чем Шалена пошевелилась и открыла

глаза. Платье ее насквозь пропиталось кровью, чему Тэсс искренне посочувствовала, ибо совсем недавно сама испытывала это мерзкое ощущение. Хотя что такое окровавленная одежда по сравнению с болью?

— Очень больно? — почти с искренним сочувствием спросила она.

— Терпимо, — отозвалась Шалена. — В отличие от тебя, я знаю, куда и как надо бить. Я бы выжила даже без твоего вмешательства, хотя оно поистине волшебное. Уже почти не болит, — она присела и вытащила кинжал из раны, а потом принялась с удивлением разглядывать его. — Не будь вы почти принцессой, я бы посоветовала вам зарабатывать деньги целительством, — фрейлина отчего-то решила снова перейти на «вы». — Нажили бы состояние.

— Благодарю, мне и своего хватает, — холодно ответила Тэсс. — Теперь вы расскажете, где здесь выход?

— Руку дайте.

Поднявшись с помощью Лотэссы, Шалена, пошатываясь, подошла к дальней стене, которая оказалась вовсе не монолитной. Часть стены отодвигалась, открывая проход в очередной каменный коридор, на этот раз столь узкий, что в него с трудом можно было протиснуться даже в одиночку.

— Там совсем немного идти, — фрейлина снизошла до дальнейших разъяснений. — Как упретесь в стену, надавите плечом, она поддастся. Когда выйдете, сдвиньте обратно. Все, дальше выбирайтесь, как знаете.

— Спасибо, — Лотэссе нелегко дались слова благодарности. — Вы так много для меня сделали.

— Я сделала это для себя, — хмыкнула та. — Не стоит обольщаться.

После такого ответа трогательные прощания были бы совсем неуместны. Тэсс двинулась вглубь каменного коридора. Пройдя несколько шагов, она оглянулась, сама не зная, зачем. Шалена, стоя посреди убогого помещения, окровавленной рукой залезла в корзину, выудила оттуда булку и с наслаждением надкусила.

Глава 27

Забившись в самый дальний угол трактирной залы, Тэсса предавалась невеселым размышлениям, потягивая дрянное, кислое, зато подогретое вино из глиняной кружки. До чего она докатилась! Хотя она и успела привыкнуть к трактирам во время предыдущего путешествия, а все равно стойкое чувство отвращения не оставляло ее. Но здесь все-таки тепло и немножко больше шансов избежать погони.

Впрочем, она немало постаралась для того, чтобы сбить королевских гончих со следа. Добравшись до ближайшей деревни, которая по счастью располагалась совсем недалеко от городских стен, девушка первым делом озаботилась вопросом одежды. Разыскав единственную в деревеньке обувную лавку, она приобрела простые, но добротные башмаки на деревянной подошве. Когда Тэсс переобувалась прямо в лавке, жена сапожника обратила внимание на сброшенные ею насквозь мокрые маленькие изящные туфельки.

— Ну и неподходящую обувь вы выбрали для этакой погоды, прямо вам скажу, — заявила она, бесцеремонно хапнув одну из туфель своей грубой рукой. — Однако ж, клянусь волосами Астели, башмачки премиленькие, хоть и подпорчены изрядно, — добавила она. — Сколько вы за них хотите?

На самом деле Лотэсса планировала выкинуть непрактичную обувь, но быстро сообразила, что из этого можно извлечь выгоду.

— Вы же понимаете, что эти стоят в десять раз дороже, чем те, что я купила у вас? — ответила она жене сапожника.

— Ну уж так и в десять, — проворчала та, не выпуская, однако, добычи из рук. — Они вон мокрые все, того и гляди развалятся. Да и маленькие такие, что продать будет сложно.

— За деньги я их продавать не стану, — огласила свое решение Лотэсса. — Мне нужна теплая одежда, вроде той, что на вас.

То ли серое, то ли коричневое платье бесформенного покроя показалось Тэсс идеально подходящим для того, чтобы скрыть фигуру. Да и любое лицо в таком наряде теряет половину своей привлекательности. А сейчас ей только того и надо было. Пусть платье Шалены и было простеньким по придворным меркам, но все-таки подобало дворянке, а не простой девице, за которую решила выдавать себя Тэсса.

— Идет! — хохотнула хозяйка.

За туфельки девушка выторговала жутковатое бурое платье, вязаную кофту непомерных размеров и пару теплых платков, один из которых накинула на плечи, а другой повязала на голову. Балахонистое платье сапожницы Тэсс натянула прямо поверх своего. Во-первых, мысль, что эти тряпки коснутся тела, вызывала омерзение, во-вторых, зеленое платье фрейлины еще может пригодиться. После переодевания, оставалось только порадоваться, что поблизости не было зеркал и ей не пришлось видеть то убожище, в которое она добровольно превратилась.

Зато под грудой уродливых одежд с чужого плеча Тэсса спокойно водворилась в местном трактире, не привлекая к себе внимания ни хозяина заведения, ни посетителей, которых, впрочем, в столь ранний час было совсем не много. Еда, вино и антураж заведения производили в равной мере отвратительное впечатление, но внушали надежду, что в таком месте вряд ли станут искать пропавшую аристократку.

Согревшись и насытившись, Лотэсса погрузилась в омут тяжелых мыслей относительно того, каким же способом добраться до Элара. Предположим, раздобыть коня — не самое сложное. У нее есть деньги, пусть и не так много. Но путешествовать в одиночестве немыслимо. Она совершенно беззащитна и может стать жертвой первых же попавшихся негодяев. Альва, правда, как-то добралась от Фьерры до Вельтаны в одиночку, да еще и в военное время. Но у Альвы хотя бы был лук, да и храбрости ей не занимать. По сравнению с Альвой Тэсса чувствовала себя жалкой, беспомощной трусихой. Вспоминания о подруге и осознание, что та сейчас жива и невредима, наполнили сердце Тэсс такой радостью, что на некоторое время жизнь стала казаться вполне сносной. В конце концов, все, кого она любит, живы, а ради этого она готова столкнуться и не с

такими трудностями. Правда, столкнуться — это одно, а преодолеть — другое. Хотя стоит порадоваться уже тому, что ей удалось вырваться не только из заточения в королевском дворце, но и из Тиариса.

От размышлений девушку отвлекли голоса, принадлежавшие только что зашедшим посетителям. Самой громогласной оказалась высокая дородная женщина.

— Криворукий Колди, старина, — обратилась она к трактирщику. — Поди, не ждал нас так скоро, старый плут?

— А вас что жди, что не жди, все равно завалитесь рано или поздно, — беззлобно отмахнулся хозяин. — Но я и правда думал, что вы на границе дольше проторчите.

Услышав слово «граница», Тэсс невольно насторожилась и начала вслушиваться в беседу, казалось бы, не имеющую к ней никакого отношения.

— Да как-то не очень в этот раз все шло, — женщина грузно опустилась на скамью. — Свое едва отбили.

— Ой, Дойра, не прибедряйся, — хмыкнул трактирщик. — Уж ты-то своего не упустишь. А то я тебя не знаю.

— Много ты знаешь, Криворукий, — ворчливо отозвалась женщина. — Тащи-ка лучше свое дрянное вино.

— А король-то наш хитер, — разливая вино по кружкам, рассуждал хозяин трактира. — Отношенья, значит, мы с Эларом разрываем, а торговлю-то по-прежнему ведем. Только втихаря.

— Ох и болтун ты, Колди! — тетка неожиданно вспылила. — Какое же это втихаря, ежели по всем трактирам об этом тряндеть?

— Да успокойся ты, Дойра, — обратился к женщине один из спутников — тщедушный, лысоватый мужчина с хитрым лицом. — Кто услышит-то? Рань такая, все дрыхнут.

Оглянувшись, Тэсса отметила правоту говорившего: кроме нее и троих пришедших, в помещении находились только трактирщик и пожилая служанка, возившаяся у очага.

— Кто? — Дойра, похоже, не на шутку разошлась. — Да хоть бы вот эта! — она неожиданно указала своей ручищей на Лотэссу, вызвав у девушки невольный испуг. — Сидит, глазщи вылупила, уши развесила, — женщина поднялась и направилась к столу, за которым сидела Тэсс.

Девушка понимала, что не должна бояться какую-то простолюдинку. Это тем более глупо после всех пережитых испытаний и опасностей. Но великанша пугала ее не столько своим грозным видом и громовым голосом, сколько самим вниманием, которого Тэсса мечтала избежать.

— Чего чужие разговоры слушаешь, девочка? — Дойра склонилась над Лотэссой, опершись о столешницу. — Своих забот, что ли, мало?

— Своих забот мне хватает, — ответила Тэсс, причем совершенно искренне. — А ваши беседы мне без надобности, — она старательно подражала речи простолюдинки. — Что ж мне, уши затыкать, если вы на весь трактир орете?

— И то верно, — женщина неожиданно расхохоталась и присела лавку напротив Лотэссы. — Меня только покойник не услышит. Ты не серчай, девонька. Зря я на тебя набросилась. Это Колди язык бы оборвать, да мне самой трепать им поменьше. А ты вообще откуда такая взялась? — к досаде Тэсс, Дойра решила сменить тему. — Что-то я тебя раньше у Криворукого не видала. Нездешня?

Врать, выдавая себя за местную, было совершенно бессмысленно, поэтому девушка только кивнула, про себя моля богиню, чтоб болтливая тетка оставила ее в покое и вернулась за стол, к своим спутникам.

— Я так сразу и подумала, — довольно кивнула Дойра. — А какими ветрами тебя сюда

занесло?

Тэсса не видела ни малейшей причины для откровенности с незнакомкой, если бы не услышанное случайно волшебное слово «граница». Скорее всего, Дойра со спутниками — купцы, продолжающие вести торговлю с Эларом, несмотря на официальный разрыв отношений. Поэтому вместо того, чтоб резко потребовать у назойливой собеседницы оставить ее в покое, девушка спокойно ответила:

— Я с севера. Приезжала в Тиарис к тетке, — она вспомнила Альву.

— Откуда? — Дойра задала самый неприятный вопрос. Географию Дайрии Тэсса знала очень приблизительно.

— Из Съеты.

Девушка назвала дайрийское графство, граничащее с родной Нортой и только поэтому знакомое. Лишь бы любопытная купчиха не стала выпытывать название ее родного города или деревни!

— И что же ты, из Съеты одна до столицы добралась? — Дойра недоверчиво уставилась на Тэсс.

— Так сюда-то я с братцем ехала, — девушка постаралась придать голосу жалостливые интонации. — С теткинм сыном, то есть. А обратно ему не надо. Местный же он, — не умея говорить, как простолюдины, Тэсса решила хотя бы менять слова местами, чтоб речь звучала не так гладко. — А мне обратно надо. Очень! А одной стра-а-ашно! — последнюю фразу она произнесла совсем уж плаксиво. — Я ж на самом деле почему ваши разговоры слушала? Как про границу услышала, так и подумала, а вдруг вы опять туда соберетесь. Меня бы захватили. Я, если что, и заплатить могу. Мне тетка на обратную дорогу денег отсыпала.

— Ох и дуреха ты, — Дойра сокрушенно покачала головой. — Кто ж про деньги первому встречному в трактире выбалтывает? Вот, к примеру, возьмем мы тебя, да на первом же ночлеге и обчистим. Что тогда делать станешь?

На самом деле роль наивной дурочки Тэссе показалась довольно удачной, и она решила и дальше держаться выбранной линии поведения.

— Я же вижу, вы не такая, — проникновенно произнесла она. — Вы добрая и честная. Стали бы вы в другом случае меня предупреждать.

Слова попали в цель. Дойре явно польстило, что незнакомка оценила ее душевные качества.

— И то верно, — женщина расплылась в довольной улыбке. — Надо же, непутевая какая, а в людях толк видишь. Не я стану тебя обманывать. Никого не стану. Дойра честно дела ведет, это каждому известно. Только с чего ты взяла, что мы на север едем?

— А разве нет?

— Ну, вообще-то, да, — Дойра вновь улыбнулась. — В твои края мы наезжаем.

— И когда поедете в следующий раз? — с замиранием сердца спросила девушка.

— Да хотела дома отсидеться, но уж больно выгодную партию товара Дирс предлагает, — она кивнула на спутников. — Думаю, ежели погода будет, то через пару дней отправимся. Так что везучая ты, девонька. Как звать-то тебя?

— Ло... — Тэсса чуть было по привычке не назвала настоящее имя, но тут же осеклась. — Лоина.

— Красивое имя, — кивнула купчиха. — Да и сама ты мордашкой вышла. Еще бы отмыть тебя да одеть получше.

Лотэсса чуть не рассмеялась, но сумела сдержаться.

— Только ты уж, Лоина, имей в виду, пусть и по доброте возьму я тебя, но платить тебе

придется. И за ночлег, и харчи, и мне за присмотр. Я хоть и добрая, это ты верно заметила, но выгоду свою не упущу. Деньги — они, милая, к тем не липнут, кто ими разбрасывается.

— Я понимаю, — покорно склонила голову Тэсса.

— Вот опять, глупая, — всплеснула руками Дойра, — даже не спросишь, сколько я с тебя взять хочу. Может, я тебя оберу до нитки? А может, у тебя и вовсе таких деньжищ нету?

— И сколько?

— А сколько есть-то? — тон женщины сразу стал деловым.

— Восемь арисов, — на самом деле у нее было чуть больше, но мелочь девушка не считала.

— Ого! — удивилась купчиха. — А ты богачка, как я погляжу. Но дурища, каких свет не видел. Кто ж так сразу все выкладывает? Нет, ежели я тебя оставлю, ты пропадешь, а меня богини накажут. Тебя кто угодно облапошит и без единого граля оставит. Могла бы содрать с тебя все, но не стану. Кто честно дела ведет, тому и удача, — глубокомысленно изрекла она. — Три золотых возьму с тебя, Лоина. И еще один удержу за прожитие и харчи. Лучше я за тебя в дороге платить стану, а то такую непутевую каждый трактирщик обмануть может. Идет?

— Идет! — Лотэсса не могла скрыть своей радости.

— Ну, тогда сейчас обмоем это дело здешним паршивым винцом, а потом ко мне домой. Можешь пожить у меня, пока в путь не двинем, — Дойра прямо светилась добродушием и, наверное, казалась самой себе в этот момент образцом благородства и человеколюбия.

— У вас дом в этой деревне?

— В этой дыре? Ха-ха! — женщина громогласно расхохоталась. — Ну уж нет! Бери выше, деточка! У старой Дойны дом в столице!

Меньше всего на свете Тэсс хотела возвращения в Тиарис, из которого выбралась с таким риском. Услышав слова купчихи, девушка поменялась в лице и поспешила отговорить радушную собеседницу от излишнего гостеприимства.

— Если честно, у меня документы толком не выправлены. Не хочу лишний раз мимо привратных стражников проходить. Я уж лучше тут вас дождусь.

Тэсса боялась, что Дойра начнет настаивать, но она неожиданно легко согласилась.

— Ну, нет — так нет, была бы честь предложена. У Колди неплохие комнаты, только уж о цене позволь мне торговаться, а то, чуёт мое сердце, облапошит тебя Криворукий.

— Чего ты на меня наговариваешь, Дойра? — оскорбился трактирщик. — Я с гостей лишнего граля не возьму. А то тебя послушать, так ты одна на всем свете честно дела ведешь, а все вокруг пройдохи.

— Ладно, ладно, — женщина миролюбиво отмахнулась. — Просто устрой девочку в лучшем виде. Завтра, крайний срок послезавтра я за ней вернусь.

Хозяин выполнил обещание, данное Дойре. Когда женщина со спутниками удалилась, он устроил Лотэссу в маленькой, но довольно чистой комнатке под самой крышей. Девушка была так измучена душевно и физически, что, едва переступив порог, рухнула на узкую кровать и почти мгновенно уснула. Проснувшись она в глубокой темноте и не сразу поняла, где находится. Осознав же и вспомнив предшествующие события, сочла за лучшее вновь заснуть. В следующее ее пробуждение за окнами было уже утро. Девушку, умиравшую от голода, это обстоятельство порадовало. Она спустилась в общий зал. Жареные яйца и теплый хлеб с маслом показались ей вкуснее яств, которые ей подавали в Ортейне. Едва покончив с едой, Тэсс предпочла удалиться. Все-таки деревушка, названия которой она по-прежнему не знала, находилась слишком близко к столице. Посланные на ее розыски люди Торна могли запросто ее здесь обнаружить, причем не специально, а просто зайдя погреться или перекусить.

Сидеть без дела в тесной комнатухе было до ужаса скучно. Однако долго скучать девушке не пришлось. Раздался отнюдь не робкий стук, и сразу вслед за этим дверь распахнулась. На пороге, заслоняя своей могучей фигурой практически весь проем, стояла Дойра.

— Ну, крошка, можешь собираться, завтра отбываем на север, — входя в комнатуху, заявила она. — Хотя тебе и собирать-то нечего. Весь свой скарб на себя напялила.

Лотэсса смущенно улыбнулась, оглядев себя. И правда, ее фигура представляла какой-то бесформенный ком из-за вещей, надетых одна поверх другой. Но это обстоятельство способствовало маскировке, а оттого полностью устраивало Тэсс.

— Давай-ка поговорим начистоту, девочка, — Дойра неожиданно стала серьезной. Она уселась на кровать и, бесцеремонно ухватив девушку за локоть, посадила ее рядом с собой. — Думаешь, я не догадалась, к чему все эти балахоны, в которые ты кутаешься, словно базарная нищенка зимой?

Тэсса похолодела. Неужели ее тайна известна?! В этот момент она была не в состоянии анализировать, каким образом купчиха догадалась о том, что Тэсс не та, за кого себя выдает. Девушку охватила паника, она бы бросилась вон из комнаты, если бы Дойра по-прежнему цепко не сжимала ее локоть.

— Ты, Лоина, не дергайся, — видно, женщина ощутила волнение Тэсс. — Ежели я о чем догадалась, то не значит, что стану трепать об этом на всех углах.

Лотэсса не то чтобы успокоилась после этих слов, но вновь обрела присутствие духа.

— В общем, я женщина опытная, меня в таких делах не проведешь, милая. Все твои тряпки — чтоб скрыть, что ты на сносях, — и Дойра с победоносным видом уставилась на девушку.

А Тэсс, потеряв дар речи от изумления и возмущения, не знала, что ей делать. То ли презрительно расхохотаться старой дуре в лицо, то ли закатить пощечину за грязное предположение, пятнающее ее честь.

К счастью, она не успела сделать ни того, ни другого, прежде чем осознала, что в глазах купчихи она вовсе не сиятельная Лотэсса Линсар, чья репутация не потерпит ни малейшего пятна, а простая девица Лоина, с которой всякое может случиться. А почему бы, собственно, и нет?

— Я не хотела никому говорить, — Тэсса кусала губы, чтоб не засмеяться, при этом понимая, что смущение должно пойти ей на пользу. — Как вы догадались?

— Ой, ну уж меня-то не провести, — самодовольно заявила Дойра. — Я такие вещи сразу вижу, как уж тут не кутайся. И кто ж тебя так... осчастливил?

На мгновение девушка снова захотела отвесить бесцеремонной тетке пощечину за хамство, но тут же одернула себя, лихорадочно соображая, что врать дальше и как повернуть все это к своей выгоде.

— Рыцарь, — Тэсс опустила глаза долу, искренне жалея, что нельзя покраснеть по желанию.

— Рыцарь, да ну? — Дойра грубо хохотнула. — Или ты мне заливаешь, или, что скорее, он тебе небылиц наплел, а ты уши и развесила, недотепа этакая. Нельзя ж всем верить-то! Эх, глупенькая!

— Нет, правда, рыцарь, — девушке даже немного обидно стало за выдуманного героя. Выдержав многозначительную паузу, она добавила. — Он из Элара.

— Да неужто? — купчиха опешила. — Ты, выходит, с эларским проходимцем снюхалась? Вот ведь дура, право слово. А он каков мерзавец, честных дайрийских девиц бесчестить! — женщина прямо пылала праведным патриотичным негодованием.

— Он не бесчестил, — тихо ответила Лотэсса, избегая взгляда собеседницы. — Ну, то есть он это... жениться хотел.

— Ага, все они жениться хотят, кобели этакие! — теперь, похоже, гнев Дойры обрушился на мужчин как таковых. — А потом ищи этих женихов до Заката Мира.

— Нет, он честный, — при упоминании о Закате Мира девушка невольно поежилась. — Он любит меня. Мы бы уже поженились, если бы брат не прознал про это и силком меня к тетке не повез, чтоб только от него подальше, — она смахнула несуществующую слезинку. — А я... — Тэсс так вошла в роль, что всхлипывания получались почти искренними. — Я сбежала от них, вот! От него и от тетки. И прячусь теперь. Мне обратно надо, в Элар!

— В Элар, звона как, — задумчиво протянула купчиха. — Вот ты чего за нами-то увязалась, как прослышала, что мы на границу едем.

Женщина, наверное, гордилась в этот момент своей догадливостью, хотя Лотэсса сама старательно подводила ее к данному выводу.

— Это правда, — покаянно призналась она. — Вы для меня — последняя надежда. Границы закрыли, милый мой в Дайрию попасть не может, да и не знает он, где меня искать. Брат меня тайком увез. Но я-то его найду.

— Ага, найдешь, — проворчала Дойра. — А он уже тебя позабыл и с другой милуется.

— Нет, — порывисто воскликнула девушка, всерьез проникшаяся выдуманной историей. — Он не такой! Он любит меня! И малыша! — она погладила ворох одежды, под которым должен был скрываться выдуманный ребенок. — Если бы я только могла добраться до него! Вы поможете мне? — устремленные на женщину глаза Тэсс блестели, она сама почти верила себе.

— Помогу, — после некоторого молчания буркнула та. — Вообще-то, мы границу не пересекаем, у пограничных фортов торгуем с эларцами, но, ежели очень надо, выбраться — дело нехитрое. Твое счастье, девочка, что ты встретила старую Дойру. Хоть хватка и ум у меня мужицкие, а сердце-то бабье...

Глава 28

Стук в дверь отвлек Итона от работы. В дверях показалась физиономия секретаря.

— Что-то срочное, Мелвил? — спросил комендант, зная, что без причины парень не станет его тревожить.

— Там Шан Райн до вашей милости прибыл, — сообщил секретарь. — Утверждает, что у него есть новости о пропавшей девице.

Итон чуть не подскочил на стуле. Дело о пропавшей Лотэссе Линсар тянулось уже почти месяц совершенно безрезультатно. Родители и брат девушки пребывали в отчаянии, как и его высочество. Король страшно гневался. Единственным условно положительным следствием случившегося можно было считать отстранение эна Мертона от государственных дел и ограничение свободы его передвижения роскошным особняком на Дворцовой площади. По сути, Мертон оказался под домашним арестом. Впрочем, на торжественных приемах он по-прежнему присутствовал, так же как и Падд со Сворном — во избежание преждевременных слухов.

А слухи между тем все равно неумолимо расползались по городу. Что немудрено, ведь энья Лотэсса являлась более чем заметной фигурой в Вельтане. Согласно официальной версии девушка отправилась в свой родовой замок в Норте, но сам факт ее неожиданного отъезда из столицы в преддверии свадьбы с принцем вызвал множество толков и домыслов.

Несмотря на тщетность поисков, Итон продолжал рассылать в различных направлениях небольшие отряды стражников, которым мог доверять. Один из таких отрядов возглавлял Шан Райн. Узнав, что капитан Райн имеет известия о пропавшей девице, комендант испытал понятное волнение, но не радость. Не единожды уже он обманывался в ожиданиях, получая вести от своих гонцов. Складывалось впечатление, что трактиры, постоялые дворы и улицы небольших городков Муаны прямо-таки полнятся благородными девушками, подходящими под описание первой эньи королевства. У некоторых барышень даже хватало наглости откровенно выдавать себя за Лотэссу Линсар. Все это лишь порождало новые слухи и нисколько не продвигало поиски. Учитывая предыдущие неудачи, Итон заранее приготовил себя к новому разочарованию.

Шан, дожидавшийся в приемной, даже не присел — так и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Дэн Карст, мы нашли ее! — заявил он, едва завидя коменданта.

— Сколько раз я это уже слышал, — вздохнул Итон.

— В этот раз уж точно, — возбужденно затараторил Райн. — Забыли, что ли, что я лично видел энью Лотэссу и не раз?

— Где?

— Как — где? На праздниках разных, да и просто во дворце. Я ж в Нианоне два года караульным службу нес.

— А-а-а, — разочарованию протянул Карст. — Я-то подумал, что ты видел ее сейчас.

— Так я и сейчас видел! — разрываясь от гордости, заявил стражник. — В Гилоке.

— В Гилоке? Далековато вы забрались.

Итон пару раз бывал в небольшом, но процветающем торговом городке, находящемся на границе двух княжеств — Муаны и Норты. Что бы там делать дочке герцога Линсара?

— И ты уверен, что видел именно энью Линсар? — скептически поинтересовался комендант.

— Даже если б мои глаза обманули меня, то собственные слова высокородной дамы чего-то стоят, — судя по голосу, Шан был обижен недоверием начальства.

— Она сама назвалась Лотэссой Линсар?

— Сама, — кивнул Райн. — Но ежели вы все равно не верите мне, может, поверите вот этому? — он протянул коменданту сложенный лист бумаги. — Энья написала это и велела передать вам в собственные руки.

Итон выхватил письмо и торопливо развернул его. Бумага и чернила были дрянные, зато почерк — изящный, четкий и красивый — свидетельствовал в пользу того, что послание написано рукой человека образованного и скорее всего знатного.

«Уважаемый дэн Карст, находясь в затруднительном положении, я решилась обратиться к вам, прежде чем сообщу о себе родным и друзьям. Мне нужно непременно поговорить с вами. Надеюсь, вы мне не откажете. Лотэсса Линсар»

Весьма лаконичное письмо давало, тем не менее, надежду на то, что его автор — действительно пропавшая девушка. Но как же жаль, что Райн не додумался привезти девицу в Вельтану!

— Почему вы не привезли ее в столицу? — строго спросил Итон.

— Как вы это себе представляете, дэн Карст? — возмутился стражник. — Схватить благородную даму, перебросить через седло и доставить вам в комендатуру? Понятное дело, я настойчиво упрасивал ее поехать с нами, даже требовал. Но это ж не кто-то, а сама Лотэсса Линсар. Она делает, что считает нужным. Я оставил с ней троих ребят. Для охраны и на случай, если энья вновь решит исчезнуть.

— Молодец, — похвалил Итон. — Ладно, в конце концов, до Гилока два дня пути, а если поспешить, то и быстрее можно добраться. Я выезжаю прямо сейчас. Надеюсь, энья Линсар соизволит меня дождаться, раз уж назначила встречу.

Менее чем через полчаса, отдав необходимые распоряжения на время своего отсутствия, Итон Карст был уже в седле, направляясь в сторону городской заставы. Комендант и капитан Райн не то чтобы совсем загоняли коней, но очень спешили. Остановок не позволяли себе до глубокой темноты. Добравшись до постоянного двора, мужчины наконец поели и почти сразу отправились спать, условившись подняться с рассветом. На следующий день путешествие продолжалось в том же темпе, и в сумерках они въехали в ворота Гилока.

Девушка, написавшая письмо, остановилась в довольно скромной гостинице. Это обстоятельство показалось Итону странным. Впрочем, если девица на самом деле окажется Лотэссой Линсар, все остальное не имеет значения. Карст хоть и сорвался с места ради нескольких строк, но все равно не мог до конца поверить, что поиски наконец-то увенчаются успехом.

Двое людей Райна сидели в общем зале и выпивали. Вид у них был спокойный и благодушный, из чего следовало заключить, что вверенная их попечению девица по-прежнему находится здесь. Так оно и оказалось. Шан проводил коменданта до дверей комнаты на втором этаже, но сам предпочел не заходить. Итон подумал, что его можно понять, если речь идет о настоящей Лотэссе Линсар. Хоть Райн и нес караул в Нианоне, а общаться с высшей знатью — та еще радость для простого человека. Карст и сам чувствовал себя неуютно. Однако, напомнив себе, что ради этого момента он проделал немалый путь и оставил свой пост, Итон взял себя в руки и постучал. На самом деле он боялся не столько предстоящего разговора, сколько того, что девушка все-таки окажется не той, кого он ищет.

Едва увидев в дверях хрупкую женскую фигурку, Итон вздохнул с облегчением. Никаких сомнений, это действительно она! Конечно, странно было видеть сиятельную юную аристократку в довольно скромном зеленом платье, едва достигающем до щиколоток, грубых башмаках, с волосами, кое-как заплетенными в две длиннющие косы, но главное — перед ним Лотэсса Линсар.

— Энья Лотэсса! — он поклонился.

— Дэн Итон, — девушка отступила, пропуская его в комнату.

— Хвала богиням, вы отыскались! — Карст не мог скрыть облегчения.

— Все очень волнуются? — голос девушки звучал виновато.

— О вашем исчезновении? Разумеется. Ваша семья и его высочество в отчаянии, король в гневе. Столичной знати ваше исчезновение объяснили отъездом в родовой замок. Но мне точно известно, что там вас не было. Ваш брат ездил туда. Где вы были, энья Линсар? Полагаю, раз вы вызвали меня сюда, я имею право задать этот вопрос и получить ответ на него.

— Имеете, — вздохнула она. — И я вам отвечу. Хотя уверена, что ответ повлечет новые вопросы, отвечать на которые мне захочется куда меньше. Итак, я была в Дайрии, в Тиарисе.

— Что?! — Итон опешил. Он убеждал себя, что готов к любому ответу, но, как оказалось, ошибался. — Что вы там забыли? — он понимал, что не должен разговаривать с эньей Линсар в таком тоне, не мог сдержаться.

— Я хотела остановить войну.

— Серьезно? — Карст удивился еще больше, хотя, казалось бы, это невозможно. — И каким образом? — и тут же перебил себя. — С чего вы вообще так уверены, что война будет?

— Слишком много вопросов, как я и предполагала, — грустно улыбнулась девушка. — Я обещаю, что вы узнаете все, что я знаю об этой войне, но в обмен на это обещаете не допытываться, откуда мне известны такие вещи.

— Но это важно! — воскликнул Карст. — Как можно доверять сведениям, не имея представления об их источнике?

— Вам придется довериться мне, — теперь она говорила жестко. — Я скажу лишь то, что считаю нужным. В противном случае вы тоже сочтете меня безумной, а мне это уже надоело.

— Тоже? — растерянно пробормотал Итон, окончательно переставший что-либо понимать. — Кто-то посмел обвинить вас в безумии?

Про себя комендант отметил, что девица и в самом деле ведет себя более чем странно, и речи ее сложно счесть здравомыслящими. Однако он искренне надеялся, что девушка в своем уме. Не хватало еще, чтоб невеста принца лишилась разума!

— Безумной меня объявил дайрийский король.

— Вы виделись с Валтором Малтэйром? — теперь Итон усомнился и в собственном рассудке, ибо он окончательно перестал понимать смысл происходящего.

— Виделась. Он держал меня в плену.

— Это безумие какое-то! — простонал Карст.

— Понимаю, — она кивнула. — Дэн Итон, я уже обещала рассказать вам все, что смогу. Но сейчас это все неважно. Не имеет значения, почему я исчезла и как нашлась. Важно другое: спасти короля и его брата... и моего брата, а также многих достойных людей. Мне нужна ваша помощь, поэтому я и вызвала вас. Вы самый здравомыслящий человек в столице из тех, кого я знаю.

— Но ведь мы практически незнакомы, — возразил комендант.

— Это не имеет значения. Я знаю, что вы за человек. Знаю, как вы любите Вельтану и Элар. Боюсь, страну нам уже не спасти, но мы можем спасти ее правителя, предотвратив страшное зло.

Итон, не зная, что ответить, просто смотрел на девушку. Похоже, бедняжка и правда не в себе. Иначе к чему бы ей вести такие странные, лишённые смысла речи? Но что за ужас она должна была пережить, чтоб тронуться умом? Кто мог сотворить с ней такое? Он должен дознаться до истины!

— Энья Лотэсса, — теперь Карст говорил ласково и осторожно, как с ребенком. — Постарайтесь вспомнить, что с вами случилось на самом деле? Я верю, что вас держали в плену. Но ведь это был не дайрийский король, правда?

— И кто же это был, по-вашему? — на его искреннее сострадание Лотэсса ответила полным язвительности тоном.

— Тайл Мертон? — комендант спрашивал и утверждал одновременно. — У меня есть довольно веские основания подозревать его в вашем исчезновении. Сейчас Мертон находится под домашним арестом, а Падд со Сворном — под бдительным наблюдением.

— Гадючью троицу обвиняют в моем исчезновении?! — девушка подалась вперед, весь ее вид являл неподдельное изумление.

— Да, — подтвердил Итон. — Но вы удивлены. Значит, это не так? Они непричастны к вашему исчезновению?

— Если честно, они не имеют к этому ни малейшего отношения, но мысль о том, что Мертон под арестом, греет мне душу.

После этих слов Карст проникся к девушке симпатией, почти позабыв, что его собеседница не совсем в здравом уме.

— Право, до чего же жаль! — воскликнул он и добавил с мрачной усмешкой. — Я был бы счастлив уличить мерзавцев в столь гнусном преступлении, как похищение невесты наследника престола. Это бы не сошло им с рук. Но увы...

— А почему бы и нет? — ее глаза лихорадочно блеснули, в голосе звучало воодушевление. В этот момент Лотэсса Линсар была необыкновенно хороша. — Пусть они не виноваты в моем исчезновении, в нем вообще никто не виноват... Но что мешает мне использовать этот повод и обвинить гадючью троицу перед королем? Конечно, это рискованно. Но даже если я не смогу доказать свои слова, то ничего не потеряю. Король добр ко мне, он простит эту ложь, если уличит меня в ней. А если мне поверят и отправят этих троих в темницу, где им самое место, или хотя бы вышвырнут вон из столицы... — лицо девушки приняло мечтательное выражение.

— Но ведь это неправда, — растерянno возразил Итон.

— И что? — с вызовом ответила Лотэсса. — Вы переживаете, что эти трое понесут наказание за преступления, которых не совершали? А множество преступлений, которые остаются безнаказанными, вас не волнуют? Разве они не заслужили такой участи? Вы так боитесь, что пострадают невинные. Но их отлучение от власти пойдет на благо всей стране! О да, я знаю, вы — честный человек и не станете прибегать к грязным методам. Это сделаю я! Пусть до недавнего времени я тоже считала себя честным человеком, но я пожертвую собственной порядочностью в интересах Элара. В конце концов, в последнее время слишком многие жертвовали честью, руководствуясь менее вескими резонами.

— О чем вы?

— Неважно, — она отмахнулась. — Я возьму эту клевету на себя, вас же прошу лишь об одном: молчите, не мешайте мне!

Мысли лихорадочно сменяли друг друга в голове коменданта. Он понимал, что Лотэсса Линсар хочет поступить бесчестно, понимал и то, что практически сам подтолкнул ее к этому. Но, осуждая девушку, он не мог в то же время не восхищаться дерзостью и смелостью ее плана, а главное, ее любовью к родной стране, ради которой она готова была пожертвовать честью. Итон понимал ее логику, более того, он разделял ее мысли. Карст понял, что искушение отпихнуть от трона троих ублюдков слишком велико для того, чтобы он смог удержаться и воспротивиться бесчестному оговору. Он не станет удерживать Лотэссу от этого поступка. В конце концов, она — дочка герцога Линсара и невеста Нейри Ильда. Она знает, что делает. В этот момент Итону уже не было дела до того, сошла девушка с ума или нет. Ее решение казалось ему хоть и подлым, но весьма разумным, а главное, благим.

— Энья Линсар, — он наконец заговорил. — То, что вы предлагаете, просто ужасно. Но я помогу вам. Будет несправедливо, если вы одна взвалите на себя эту ношу. Не говоря

уже о том, что у вас вряд ли достанет ума... — он замялся, — я хотел сказать, опыта, чтоб преподнести эту версию хоть сколько-нибудь правдоподобно. На обратном пути у нас будет время продумать детали вашего похищения и чудесного спасения.

— О да! — воскликнула Лотэсса. — Я так рада, что вы решили помочь мне! Все-таки не зря я вас позвала! Может быть, если освободить короля от влияния этих мерзавцев, все вообще пойдет по-другому. Понимаете, все изменится!

Глава 29

С момента, как на горизонте показались городские стены Вельтаны, Лотэсса с трудом сдерживалась, чтоб не пустить коня галопом. Как же она соскучилась! Сейчас ей казалось, что она скучала даже по городу, хотя на самом деле девушку снедала тоска по людям, которых она считала мертвыми, а теперь могла вновь увидеть. Из всех чудес, с которыми ей пришлось столкнуться, это было самым удивительным и непостижимым. Встретив Торна и Итона Карста, смерть которых она видела в зеркалах Уивинорэ, Тэсс окончательно поверила в реальность своих самых несбыточных чаяний. И теперь ей не терпелось увидеть Лана, Нейри, а главное, Эдана. Конечно, еще безумно хотелось увидеть Альву, но та пока сидит в своем фьеррском замке, и Лотэсса Линсар для нее — далекая и безликая фигура, принадлежащая к столичной знати. Девушка дала себе слово, что если ей удастся осуществить свой план по спасению короля, то она независимо от того, будет ли Элар захвачен или нет, отправится во Фьерру, чтобы там заново познакомиться с потерянной подругой.

Сама мысль о захвате Элара в последнее время не вызывала такой злости и отчаяния, как прежде. Положа руку на сердце, следовало признать, что Валтор был куда лучшим государем для Элара, чем Йеланд. Да и идея объединения некогда расколовшейся империи не так уж плоха, если подумать. Прав на престол объединенного государства у Валтора Малтэйра ничуть не меньше, чем у Йеланда Ильда. Конечно, формально можно считать, что престол должен достаться Торну. Но Тэссе такой расклад никак не устраивал, а потому она намеревалась навеки сохранить тайну королевы Теоры. Во-первых, она не собиралась снимать корону с любимого мужчины, чтобы возложить ее на голову Торна, с которым снова успела испортить отношения. Кроме того, девушке казалось более справедливым, если империей будет править потомок великой королевы Теоры, чем отпрыск ее никак не проявившего себя брата Оритэна.

К этим достаточно разумным соображениям примешивались и иные. Тэсс сложно было заставить себя не думать о том, что, захватив страну, Дайриец может вновь попытаться жениться на ней. Уж в этот раз она не стала бы возражать, даже зная, что Валтор не любит ее. Но мечтать об этом было бессмысленно, ибо ее связывала клятва, данная принцу. Не уставая радоваться тому, что Нейри жив, Тэсса не могла не сожалеть об утраченной свободе. Но о том, чтоб отказаться от данного младшему Ильду слова, не могло быть и речи. Напротив, девушка рассчитывала, что обещание скорой свадьбы поможет ей уговорить принца покинуть столицу и страну. Она же разделит с ним изгнание. Пожертвовать велением сердца — не самая страшная жертва за спасение мира и возвращение любимых людей из-за Грани.

Самой сложной частью плана девушке представлялось убедить короля Йеланда оставить престол и искать спасения при дворе кого-нибудь из дружественных государей, скорее всего, у тестя — Юлдари до Берра, государя Тарники. Надежда была лишь на душевную слабость и малодушие монарха. Испугавшись за свою жизнь, он может согласиться оставить Элар, особенно если внушить ему, что это не позорное бегство, а временное тактическое отступление, дабы потом вернуться с силами союзников и отвоевать трон. На самом деле это вряд ли возможно, но главное — выманить Йеланда из Вельтаны, сохранить его жизнь и не дать ему повода воспользоваться проклятым кольцом. А дальше уж все как-нибудь образуется.

От размышлений девушку отвлек вопрос спутника.

— Куда вы намереваетесь отправиться в первую очередь — домой или во дворец? — осведомился Итон Карст.

— Домой! — ни секунды не колеблясь, ответила девушка.

— Тогда, может, стоит послать человека в Нианон с весточкой для его высочества?

— Да, так и поступим, — согласилась она.

Комендант вроде предложил элементарную вещь, но сейчас Тэсс даже до такого не додумалась бы сама. Чем ближе были городские стены, тем сильнее становилось волнение, мешающее соображать и рассуждать здраво.

Недалеко от Северных ворот их дожидался капитан Райн, опередивший Лотэссу и ее спутника некоторое время назад. Ему было поручено достать карету. Девушка после долгого отсутствия не была готова демонстративно появиться на улицах столицы, опасаясь встречи со старыми знакомыми, и Карст поддерживал ее в этом. Тэсс спешила и пересела в карету, а комендант с Райном верхом поехали с обеих сторон от нее. На заставе Итон сам разговаривал с караульными. Разумеется, охранники не посмели заглядывать в карету, сопровождаемую комендантом Вельтаны.

Как только въехали в город, девушка слегка отодвинула занавеску и приоткрыла к окну, жадно всматриваясь в пейзажи знакомых улиц. Столица Элара вновь была прекрасной и мирной. День выдался солнечным и радостным. Фасады серых домов на фоне ясного неба теряли свою обычную строгость и казались какими-то на удивление светлыми. Все это — солнце, ярко-синее небо и дома разных оттенков серого — отражалось в многочисленных непросохших лужах.

Созерцая яркие и радостные весенние картины, Тэсса не могла поверить, что Вельтана стала подмошкой для разыгранного Дэймором кровавого хаоса, поглотившего жизни ее друзей. Конечно, она сама не видела, что здесь творилась, а Альва почти не писала об этом, очевидно, стараясь уберечь подругу. Даже Торн, судя по всему, сообщал Валтору далеко не все о событиях, происходящих в столице. Однако и того, что они знали, было достаточно, чтоб представить, как сильно изменятся мирные картины этих улиц несколько месяцев спустя.

Она не допустит этого! Ведь ей удалось сделать почти невозможное: вырваться из заточения в Тиарисе, а позже добраться из Дайрии в Элар. Теперь осталось только убедить короля спасти свою драгоценную шкуру и тем самым предотвратить пробуждение Дэймора с помощью проклятого кольца Ильдов. Кроме того, теперь появился шанс отстранить от власти зарвавшихся королевских фаворитов. Правда, для этого придется их оклеветать, но она пойдет на это. К сожалению, Карст развеял явившиеся у нее поначалу надежды, что, избавившись от гадючьей троицы, король Элара может выиграть предстоящую войну. Несмотря на это, девушка пребывала в непоколебимой уверенности, что исчезновение Мертон, Падда и Сворна пойдет на пользу всем... кроме, разумеется, их самих.

Карета миновала Заречную часть, затем Светлую и наконец оказалась в Дворцовой. Тэсс увидела сначала стены и башни Нианона, а затем и родной Вэйлтайн.

У ворот дворца девушка наконец выглянула из кареты — хотя бы затем, чтоб их пропустили. Охраняющие ворота караульные весело приветствовали молодую хозяйку, радуясь ее возвращению. Значит, даже прислуге и ратникам Линсаров скормили версию о том, что Лотэсса уехала в Норту. Это предположение подтвердилось, когда отворивший двери дворецкий поздравил девушку с возвращением и стал расспрашивать о том, как идут дела в Норте. Что ж, так и впрямь лучше. Во-первых, через слуг Линсаров слухи рано или поздно растеклись бы по всему городу, во-вторых, сейчас, когда она вернулась, еще большему количеству людей пришлось бы объяснять свое таинственное исчезновение.

Итон Карст решил оставить девушку наедине с семьей, а сам отправиться во дворец, чтобы лично доложить принцу о возвращении его невесты. А Тэсс стояла посреди огромного холла, не решаясь подняться по лестнице и явиться перед родными. Одна из дверей хлопнула, и на верхней площадке лестницы появилась знакомая высокая фигура. Последний раз это лицо и копну рассыпавшихся волнистых волос Тэсса видела в зеркальном лабиринте, за секунду до того, как в шею юноши вонзилась стрела.

— Эдан! — она пошатнулась и вцепилась в перила, чтоб не упасть.

— Тэсс! — он в несколько прыжков преодолел лестницу и заключил сестру в объятия.

Лотэсса плакала и смеялась, обнимая того, по кому скорбела полгода и не надеялась больше увидеть. Эдан гладил ее по лицу и волосам, прижимал к себе так крепко, что сложно было дышать, смотрел сияющими глазами и бормотал какие-то отрывочные, лишённые смысла фразы. Можно подумать, не Эдан воскрес после того, как сестра похоронила и оплакала его, а она. И тут до Тэсс дошло, что так оно и есть. Ведь пока она была в Дайрии, семья с ума сходила от тревоги.

— Если бы ты только знала, что нам пришлось пережить за этот месяц! — слова Эдана явились подтверждением ее мыслей. — Где же ты была?

— В плену, — от необходимости врать самому родному человеку на душе стало мерзко, словно внутри у нее яма со змеями.

— Это все Мертон? — гневно воскликнул юноша.

Не найдя в себе сил ответить, девушка молча кивнула.

— Значит, Карст был прав! Мерзавцы! Они похитили тебя, чтоб женить принца на сантэрской уродине!

Как хорошо, что он сказал все сам, а ей оставалось только кивать.

От дальнейшего обсуждения подробностей мнимого похищения Тэсс их отвлек шум, раздавшийся сверху. На верхней площадке лестницы стояли родители. Мирталь, похоже, находилась на грани обморока. Муж машинально поддерживал ее, при этом во все глаза глядя на дочь. По родителям Лотэсса тосковала куда меньше, чем по брату, а матушку с удовольствием не видела бы еще некоторое время. Но они-то сходили с ума от тревоги за нее. Оставив Эдана, девушка взлетела по лестнице и обняла отца. Мирталь, раздумавшая терять сознание, теперь всхлипывала, стараясь перевести на себя внимание вновь обретенной дочери. Ее Тэсс, конечно, тоже обняла и выразила сочувствие по поводу доставленных матери невыносимых страданий.

Тэсса была рада увидеть отца и мать, но все же в их обществе она чувствовала себя скованно, особенно в предчувствии того, что придется и им рассказывать о похищении, которого не было. Ее выручили шум и суета, начавшиеся снаружи. Прибыл Нейри Ильд. Тэсс поспешила навстречу принцу. Сердце ее наполнилось теплом. Она искренне любила своего жениха, хоть и никогда не была влюблена в него.

Нейри стоял у входных дверей и просто смотрел на нее. На лице принца не было изумления, как у Эдана, все-таки комендант подготовил его к встрече. Зато черты его дышали бесконечной любовью и счастьем. Счастьем, на которое он, должно быть, уже не надеялся. Лотэсса испытывала то же самое. Ведь и Нейри был потерян навеки, а теперь стоит и смотрит на нее, не решаясь обнять. Тэсс понимала, что и она не может броситься на шею его высочеству, как бы ей ни хотелось. Жених — не брат, надо соблюдать приличия.

— Лотэсса! — принц склонился к ее руке, а затем снова поднял на девушку глаза, сияющие счастьем. И почти слово в слово повторил то, что раньше сказал Эдан. — Если бы вы только знали, что я пережил за этот месяц!

— Я знаю, — серьезно ответила она.

Она на самом деле знала. Только ей пришлось куда хуже, чем Нейри и Эдану. Они терзались всего месяц, при этом у них была надежда. Тэсс же не имела этого утешения.

К облегчению девушки, принц не стал спрашивать, где она пропадала. Очевидно, Карст и так ему рассказал. Оро и Мирталь в присутствии его высочества тоже не решились расспрашивать дочь, раз принц не соизволил поднять эту тему. То есть Мирталь порывалась, но Оро ее осадил, и на этот раз женщина сочла нужным послушаться мужа. Все вместе они провели чудный семейный вечер, старательно избегая опасных вопросов. Казалось, что Тэсс и в самом деле вернулась из Норты и теперь сидит в окружении соскучившейся в ее отсутствие родни.

Когда через несколько часов принц засобиравшись обратно во дворец, Лотэсса вызвалась проводить жениха до ворот. Оставшись с девушкой наедине, Нейри взял ее ладони в свои и наконец заговорил о том, о чем, скорее всего, думал все это время.

— Тэсса, вы не представляете, как я сожалею о том, что стал невольной причиной вашего похищения. Негодяи будут наказаны, но это обстоятельство не искупит моей вины в случившемся.

— Вашей вины, Нейри? — удивленно переспросила она. — В чем же вы вините себя?

— В том, что не смог уберечь вас, — глядя ей в глаза, ответил принц.

— Если вам так хочется мучиться чувством вины, то лучше вините себя в том, что допустили к престолу брата ненасытных стервятников, — неожиданно жестко ответила Тэсс. — Ваша вина лишь в том, что вы полностью устранились от управления страной. А ведь вы намного умнее брата и душевными качествами неизмеримо превосходите его.

— Тэсса, остановитесь, — улыбнулся принц. — Ваше высокое мнение льстит мне, но негоже так отзываться о короле. Он волею судьбы поставлен управлять Эларом. Он, а не я. Однажды двое братьев не поделили власть, и все знают, что из этого вышло. А ведь в случае с близнецами Ильдами оба имели равные права на престол, тогда как Йеланд справедливо занимает трон по праву старшинства и...

— И губит страну! — закончила за него девушка. — Впрочем, оставим этот разговор... пока. Позже нам еще много нужно с вами обсудить. Я потребую от вас принятия непростых решений, — предупредила она.

— Звучит как угроза, — Нейри снова улыбнулся. — Впрочем, ради вас я готов на все, что в моих силах. Больше я никому не позволю отнять вас у меня!

Вот и хорошо, подумала Тэсса. Легче будет убедить принца покинуть вместе с ней Вельтану.

Она нежно простилась с женихом и направилась обратно к дому, по дороге размышляя, как бы избежать объяснения с родителями. К ее удивлению, Оро с Мирталь не стали приставать с расспросами, а предложили дочери отдохнуть, на что она с радостью согласилась. Родная комната! Казалось, Тэсса не была здесь целую вечность. Отгородившись дверью от всего остального мира, она рухнула на кровать. Девушка хотела спокойно обдумать все произошедшее, но мысли словно разбежались в разные стороны. Она сама не заметила, как задремала, а когда проснулась, день уже погас и за окнами сгустились синеватые вечерние сумерки, которые она так любила. Оглянувшись, Тэсс увидела сидящего у кровати Эдана. Брат взял ее за руку.

— Проснулась? Я скучал без тебя, вот и пришел, — признался он. — Никак не могу поверить, что ты опять дома. Я рассказал родителям, что с тобой приключилось, и просил их не допытывать тебя.

— Так вот кому я обязана покоем! Спасибо, что выручил меня, — она приподнялась и обняла Эдана. — Какое счастье, что ты снова рядом!

Так они и сидели в темноте, обнявшись.

— Эдан, — прошептала девушка.

— Что? — так же тихо отозвался он.

— Обещай мне одну вещь.

— Какую? — лица брата не было видно, но по голосу чувствовалось, что он улыбается.

— Обещай, что не станешь соваться в безнадежные битвы и покинешь Элар, если станет ясно, что нам не выиграть эту войну.

— Ты про войну с Дайрией? — он слегка отстранился, чтоб взглянуть Тэссе в лицо. — Но ведь пока неясно, будет ли она вообще. А даже если и будет, то я не вправе прятаться и бежать, как трусливый выродок, вместо того чтобы защищать страну. Даже ради тебя, сестренка, я не стану давать клятву, которую честь рыцаря мне никогда не позволит выполнить.

Так она и знала! Но вместо того, чтоб отчаяться, Тэсс разозлилась.

— Вспомни, каково тебе было, когда ты думал, что я умерла? А родителям? А ведь вы даже не были уверены в моей смерти! Представь, что бы ты испытывал, точно зная, что потерял меня навсегда? Представь и почувствуй, на что ты готов обречь меня и отца с матерью ради пресловутой рыцарской чести! Да и много ли чести в том, чтобы глупо погибнуть от случайной стрелы? — она осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

— Какой стрелы? Тэсс, о чем ты толкуешь? — к счастью, брат не придавал значения случайно вырвавшимся у нее словам. — Да и вообще, не будет никакой войны, вот увидишь. Это все глупые слухи. Но если она вдруг начнется, обещаю подумать над твоими словами. Довольна?

Лотэсса не то чтобы была довольна, но для начала это все-таки лучше, чем ничего.

— Имей в виду, я от тебя не отстану и своего добьюсь, — решительно заявила она брату. — Причем такое же обещание я намерена взять с Рейлора Таскилла.

— С Рейлора? — Эдан задумчиво посмотрел на сестру. — Почему ты думаешь, что он согласится?

Пока девушка размышляла над ответом, Эдан неожиданно спросил:

— Тэсс, ты его любишь?

— Кого? — она растерялась, отчего-то решив, что речь идет о Валторе.

— Рейлора. Прости, если лезу не в свое дело. Раньше мы никогда не говорили об этом, но мне кажется, что ты согласилась выйти за Нейри Ильда только потому, что ты хорошая девочка и послушная дочь. Но, признайся, сердце твое принадлежит Рейлору.

Тэсса при всем желании не могла в этом признаться, но, похоже, брат решил все за нее.

— Я обещал тебе подумать над твоими словами, а ты подумай над моими, — продолжал Эдан. — Не стоит неволить себя в угоду чужим желаниям. Если мы с Рейлором вопреки всему выполним твою безумную просьбу, ты в ответ найдешь в себе силы разорвать навязанную тебе помолвку с принцем?

Лотэсса вздохнула. Час от часу не легче. Она не собиралась нарушать слово, данное Нейри, но и с Рейлором придется разобраться. Возможно, опять врать, чтоб спасти его. Но это потом.

— Как хорошо, что ты заговорил о Рейлоре, — она повернулась к брату. — Я же сразу после встречи с вами должна была отправиться в Таскиллон. Ведь Рейлор тоже искал меня.

— Да он чуть с ума не сошел! — радостно сообщил Эдан. — И, кстати, его братишка Лан тоже изо всех сил старался помочь.

Тэсс улыбнулась, услышав имя еще одного вырвавшегося из-за Грани близкого друга.

— Я должна увидеть Лана и Рейлора, — девушка даже не заметила, что имя младшего брата назвала первым, хотя Эдан был уверен, что она влюблена в старшего.

Глава 30

Направляясь в Нианон, Тэсс изрядно нервничала. Ей была назначена встреча с его величеством. Девушка сама стремилась поскорее увидеться с королем и в то же время отчего-то боялась этой встречи. И дело было даже не в том, что Йеланд, как ей рассказали, страшно разгневался, узнав об исчезновении дочери герцога Линсара, и просто рвал и метал, пока она не объявилась. Хотя само по себе подобное поведение королю было совершенно несвойственно. Однако куда больше девушку беспокоило то, что она не знала, как подступиться к Йеланду с разговором о самых важных вещах: о кольце и о спасении его бесценной монаршей особы. Пытаясь договориться с Валтором, она лишь все испортила так, что хуже некуда. Тэсса очень боялась нового провала. Конечно, Йеланду, в отличие от Валтора Малтэйра, она отнюдь не чужая, и он не станет воспринимать ее слова враждебно, но, с другой стороны, ей нужно добиться от его величества почти невозможного.

Девушка задумалась, с чего начать — с убеждения короля покинуть Элар в случае успеха дайрийской военной кампании, сомневаться в котором не приходилось, или с попыток разузнать, что Йеланду известно о кольце предков. Подумав, она решила все-таки начать с кольца. Это важнее.

Как все-таки досадно, что нет способов завладеть проклятой реликвией. Тэсса обдумала множество вариантов, как заставить короля расстаться с кольцом, но все они были нереализуемы. Из всех идей наиболее реальной ей казалась следующая: попробовать достать злосчастный рубин через Нейри. В конце концов, он тоже принадлежит к династии Ильдов, являясь потомком Дренлелора, а потому имеет право хотя бы временно владеть кольцом. Исходя из подобной логики, Лотэсса решила просить жениха об услуге. Принц, до сих пор мучаясь сознанием своей надуманной вины перед невестой, обещал выполнить ее просьбу. Даже нашел в себе силы воздержаться от вопросов. Нейри не считал фамильное кольцо священным, не испытывал перед реликвией почтительного трепета. Потому просьба Тэссы забрать у брата на время кольцо и отдать ей не была сочтена принцем святотатством, и согласился он довольно легко. Ах, если бы еще Йеланд так же легко одолжил перстень Нейри! Король на довольно невинную с точки зрения брата просьбу разразился возмущенной тирадой, суть которой сводилась к тому, что Нейри неплохо бы помнить, кто из них на самом деле монарх. Лучше бы он почаще напоминал об этом гадючьей троице, а не урожденному Ильду и наследнику престола.

Так или иначе, перстень Йеланд младшему брату не отдал. И если уж не дал ему, то Тэсс не стоило и надеяться заполучить кольцо хотя бы для того, чтоб подержать его в руках. Конечно, можно было вспомнить о том, что когда-то, терзаясь ожиданием скорого конца, он отдал кольцо именно ей. Но это скорее всего объяснялось тем, что Лотэсса подвергалась куда меньшей опасности, чем ее отец или тот же Лан Таскилл, через которого король передал свой прощальный дар. Не говоря уже о принце Нейри. Если король предполагал, что узурпатор не тронет девушку из рода Линсаров, то мог рассчитывать на то, что у нее реликвия Ильдов останется в сохранности. Но вряд ли Йеланд в спокойное мирное время повторит поступок, совершенный в отчаянии и перед лицом смертельной опасности.

О том, чтоб завладеть кольцом с помощью силы, и вовсе думать не приходилось. Поскольку все идеи заводили в тупик, девушка решила для начала узнать, что известно последнему Ильду о страшном даре Изгоя. В крайнем случае придется открыть его величеству правду о сущности кольца, проклятии Ильдов и страшных последствиях его использования. Конечно, велик шанс, что Йеланд, подобно Валтору, не поверит ей, но она не видела иных способов удержать короля от роковой ошибки, которая обернется гибелью всего мира.

Его величество решил принять Лотэссу в кабинете, а не в приемной. Девушка невольно провела параллель с Валтором, который тоже предпочитал для частных разговоров с ней эту комнату. Все те же зеленые шторы, на этот раз, правда, задернутые, и огромный стол, только без знакомой чернильницы-совы. Зато в центре красовался бронзовый герб Ильдов — змея, обвивающая меч. Герб исполнял функцию пресса для бумаг, точнее, предназначался для этого, но за их отсутствием являл собой просто украшение интерьера.

— Лотэсса! — король поспешил ей навстречу, когда тяжелые двери — будь они неладны — захлопнулись. — Я счастлив видеть вас живой и здоровой. Поверьте, в ваше отсутствие я терзался тревогой и не знал покоя.

— Мне жаль, — Тэсса не знала, что еще ответить на это.

Почему-то она была уверена, что его величество преувеличивает степень своего беспокойства. Вряд ли он мог страдать так же сильно, как ее родные, Нейри или Рейлор Таскилл.

— Расскажите о том, что с вами было, — Йеланд шагнул к Тэсс и взял ее руки в свои. Этот доверительный дружественный жест лишь усилил напряжение девушки. — Будьте уверены, что виновные в вашем исчезновении понесут заслуженное наказание. Даю слово короля.

— Благодарю, ваше величество!

Одна мысль о том, что сейчас в очередной раз придется излагать лживую историю похищения, вызвала у Тэссы чуть ли не физическое отвращение, хотя понятно же, что за этим король ее и вызвал. И все-таки она решила сменить тему, рискуя вызвать высочайшее недовольство.

— Ваше величество, проявите милосердие, — Тэсс опустила глаза, издав самый скорбный вздох, на какой только была способна. — Не мучьте меня, заставляя вновь и вновь вспоминать в подробностях этот ужас. Я полагаю, дэн Карст уже посвятил вас в детали.

На самом деле она знала это наверняка. Комендант Вельтаны был у короля и изложил их вымышленную историю, призванную оклеветать гадючью троицу. На фоне этого упоминание об ужасах, возможно, было излишним. По договоренности между Тэссой и Карстом считалось, что пленницу не обижали и обращались с ней почтительно, имея целью лишь держать ее далеко от столицы, дабы склонить принца Нейри к выгодной женитьбе с одной из Сантэрских принцесс. С другой стороны, сам факт похищения и неволи должен стать для нежной знатной девицы страшным потрясением, о котором ей не хочется вспоминать.

К радости Тэсс, король согласился на ее просьбу и даже принес извинения за то, что своим чересчур откровенным вопросом растрогал и расстроил ее. Лотэсса решила, что настал самый удобный момент перевести тему в нужное русло.

— Расскажите мне про это кольцо с рубином, ваше величество, — девушка позволила себе вольность и взяла собеседника за руку, якобы с целью лучше разглядеть перстень.

— Какое кольцо? — пробормотал король, удивленный неожиданным и нелогичным поворотом беседы. — При чем тут оно?

— Поверьте, это важно, — голос Тэссы был серьезен, тем более что в данный момент она была абсолютно правдива. Видимо, Йеланд это почувствовал.

— Вообще-то, это семейная тайна, — проворчал он.

— Но ведь я практически член королевской семьи, — Тэсс решила использовать факт помолвки с принцем в свою пользу, при других обстоятельствах она бы ни за что не стала бравировать этим. — А потому имею право знать...

— Ах, Тэсса, — Йеланд словно разом избавился от внезапного приступа недоверчивости, вновь став мягким и снисходительным. — И почему я не могу ни в чем вам отказать? — он притворно вздохнул, пожав плечами.

— Наверное, потому, что я очень любознательная и настырная, — Тэсс приняла вид как можно более невинный, хотя в голосе сквозило лукавство.

— Наверное, потому что вы — самая красивая девушка в королевстве, — возразил Йеланд. — Надеюсь, излишне просить вас сохранить историю кольца в тайне?

Лотэсса лишь кивнула.

— Это больше, чем просто фамильное украшение, — король поднес руку к глазам, любуюсь тем, как играет свет, преломляясь в гранях рубина. — Взгляните на портрет моего дальнего предка, — он указал на изображение Имрэ Третьего, висевшее так, чтобы его можно было созерцать, сидя за столом. — Присмотревшись, вы можете заметить на его царственной длани это самое кольцо. Хотя и он не первый, кто носил его. Считается, что кольцо принадлежало первому из Ильдов — легендарному Дренлелору.

Внезапно Тэсс посетила дурацкая мысль о том, что у великого основателя царствующей династии совершенно непроизносимое имечко. Впрочем, в те времена все имена были не в пример длиннее и сложнее нынешних. Чего стоит хотя бы знаменитая Аделмеранда! Всем известно, что она была самой почитаемой из жриц Маритэ, однако назвать в ее честь один из осенних месяцев так и не решились — слишком длинно. Но если Аделмеранда или Илсилино¹ звучат хоть и сложно, но по-своему красиво, то имя первого Идьда, на вкус Тэссы, благозвучием не блистало.

— Дренлелор носил сей рубин до конца своих дней и передал старшему сыну, обязав ни при каких обстоятельствах не расставаться с кольцом.

— Что же в нем такого особенного? — наивности в голос девушка не добавляла и большие глаза, изображая чрезмерное любопытство, не делала. Все равно придется показать свою осведомленность, но до этого нужно выяснить, как много и что именно известно Йеланду о проклятой фамильной драгоценности.

— Ну, — протянул он, — считается, что в кольце заключены могущественные силы, и если к ним воззвать в минуту крайней нужды, то можно получить любую помощь, правда, говорят, что цена за такую помощь может оказаться непомерно высокой... — не понимая, как Лотэсса реагирует на его слова, король поспешил добавить: — Не то что бы я в это верил, но семейная традиция обязывает...

— Ни один Ильд не использовал призрачной возможности, — негромко и задумчиво проговорила Тэсс. — Значит, не было крайней нужды?

— Кто знает, — пожал плечами Йеланд.

— А вы, ваше величество, — она подошла к собеседнику совсем близко. — Вы могли бы воспользоваться помощью кольца? Есть ли что-нибудь, ради чего вы бы рискнули?

Она должна понять, что именно вынудило последнего из Ильдов прибегнуть к помощи волшебства, особенно учитывая, что он не особо-то и верит в истинность легенды.

— Если допустить, что все это правда, — начал король, всем своим видом демонстрируя, что допустить сие очень сложно. — То повод, конечно, должен быть чрезвычайно серьезен — войны, смута, угроза жизни.

— Чьей? — машинально переспросила девушка.

— Моей, разумеется, — не задумываясь, выпалил Йеланд, но тут же поправился: — Я имею в виду жизнь монарха. Совершенно очевидно, что государство без законного короля погибнет...

Без такого — не погибнет! Тэсса не удержалась и скривила презрительную гримасу после слов короля. Надо же, он ставит свою жизнь на одну доску с угрозой королевству. Как же он все-таки жалок! Валтор был прав. Не в том, что убил Ильдов, смерти Йеланд при всем своем малодушии не заслуживал. Но престола он заслуживал еще меньше.

— Но ваше величество сами сказали о цене подобной помощи, — надо все-таки донести до венценосного труса, что его бесценная жизнь не стоит столь дорого. — То есть опасность предотвращенная будет меньше вреда от вмешательства сверхъестественных сил.

— Милая Тэсса, — так фамильярничать Йеланд раньше себе не позволял. — Что же, по-вашему, может быть хуже смерти государя или, к примеру, войны?

— Хуже смерти одного человека может быть смерть многих, — она была не в силах унять презрительно-негодующие нотки в голосе. — Хуже гибели государства может быть

гибель всего мира.

— Ну, я не думаю, что все так серьезно, — Йеланд снисходительно похлопал ее по руке, и это было противно.

— Все именно так, — вздохнула Тэсс. — И ваше величество никогда, ни при каких обстоятельствах не должны прибегать к помощи кольца.

— При всем моем уважении и расположении к вам, энья Линсар, — он оставил добродушный тон и, похоже, начал злиться. — Я не понимаю, на каком основании вы даете мне подобные советы? Вам что-то известно о кольце? Тогда, будьте добры, расскажите мне — вместо того, чтобы расспрашивать и давать королю указания, что он должен делать и чего не должен.

— Извольте, — девушке не очень хотелось делиться с малодушным монархом тайной проклятого рубина, но другого выхода не было. — Я расскажу вам все, что знаю, но вы пообещаете не расспрашивать меня, как и откуда я добыла эти знания.

— Опять секреты? — Йеланд выглядел не слишком довольным. — Как вы можете ставить условия своему королю?!

— Уверяю вас, ваше величество, обстоятельства, при которых мне стала известна тайна кольца Ильдов, менее значимы, чем она сама.

— Говорите же! — в глазах мужчины, стоявшего напротив, промелькнули огоньки неподдельного интереса, волнения и чего-то еще, неуловимого, но очень не понравившегося Тэссе.

— Кольцо вызывает Изгой! — произнесла это, она умолкла, дабы дать королю оценить важность услышанного. — Много веков назад, еще до своего заточения, Дэймор отдал его первому Ильду с обещанием прийти на помощь ему или его потомкам, когда бы та ни понадобилась и чего бы у него ни просили.

— Допустим, что это правда, — теперь волнение в голосе Йеланда было явственным, хоть он и старался казаться спокойным. Его выдавали лихорадочно блестящие глаза и нервные, почти судорожные движения пальцев. — Если предположить, что ваш Изгой реально существовал, то зачем Дренлелор принял дар от него? Он ведь был мудрым и добродетельным правителем. Зачем ему идти на сделку с врагом всего рода людского?

— Затем, что тогда Дэймор еще не был Изгоем, — терпеливо пояснила девушка. Она понимала, что дела далекого прошлого, очевидные для нее, для собеседника темны и туманны. — В те времена он был прекрасным Звездным Странником, одним из шести Хранителей Анборейи. Честно говоря, я не знаю, почему потомки Дренлелора не избавились от кольца после того, как Изгой проявил свое истинное лицо, был побежден Маритэ и остальными Хранителями. Возможно, он передал сыну перстень, не раскрыв, кто является дарителем. Или же наследник престола не видел ни пользы, ни опасности в подарке поверженного Странника...

— А может быть, он просто не пожелал пренебрегать возможностью, заключенной в кольце. Изгой или Маритэ... какая разница, когда можно получить желаемое, недостижимое собственными силами? Я бы никогда не отказался от подобного дара, — глаза короля алчно сверкнули.

— Ни один Ильд не использовал силу кольца, — напомнила Лотэсса. Ей совсем не нравилось, в какое состояние привели Йеланда ее откровения. — И предупреждение о страшной плате за помощь возникли не на пустом месте. А король Дайр даже предпочел дать своим наследникам иную фамилию, лишь бы разрушить проклятие Изгоева подарка.

— Что ж, — он сцепил пальцы возле подбородка. — Все Ильды были сильными и удачливыми монархами. Надо полагать, они справлялись собственными силами. Не думаю, что среди моих прославленных предков был кто-нибудь столь же несчастный и обиженный судьбой, как я...

— Вы почитаете себя несчастным и обделенным судьбой? — ее удивление было неподдельным. — Вы?! Правитель древнейшего и богатейшего королевства...

— Бросьте, Тэсса, — на этот раз голос монарха звучал устало. — Все, от министра до последней прачки, знают, что я в этом древнейшем и богатейшем королевстве ничего не решаю. Разве что могу выбрать день охоты или цвет парадного камзола. Всем известны имена истинных правителей. Я ничего не могу сделать без их указки. Зная, что те, кого прозвали «гадючьей троицей», тайно разворачивают казну и открыто требуют все новых милостей, я ничего не могу изменить. Более того, чтобы залатать прорехи в государственном бюджете, вызванные их алчностью, они принудили меня к браку, против которого восставали мои сердце и разум...

— Но ее величество... — начала было Лотэсса.

— Ее величество некрасивая, неумная и немолодая женщина, — жестко закончил Йеланд. — Шафира — это союз с Тарникой, заключив который, я лишил себя редкого для королей счастья выбрать супругу по любви.

— Я не знала, что ваше величество любили кого-то, — если до этого во время излияний Йеланда Тэсс ни капли не жалела его, считая, что лишь он сам виноват, поставив себя в подобное положение, то при упоминании о разбитом сердце короля ее собственное несколько смягчилось. — Мне жаль, что государственные интересы и влияние недостойных людей лишили вас возможности соединиться с вашей избранницей.

Естественно, Тэссе было любопытно, о ком идет речь, но она не позволила себе спросить — и потому, что это было неприлично, и чтобы не бередить лишней раз сердечную рану короля. Одно совершенно очевидно: сия девица оказалась высоких моральных устоев, иначе давно бы стала любовницей Йеланда. Поверить в то, что король оказался слишком благороден и принципиален, чтобы упустить подобную возможность, Лотэсса не могла, уж очень слабым и эгоистичным он себя проявил.

— Вам жаль? — он как-то странно посмотрел на нее. — И вам есть о чем жалеть, Тэсса, — продолжил он после ее утвердительного кивка. — Ведь моя избранница — вы!

— Я?! — ни капли торжествующего самолюбия, только удивление, граничащее с отвращением. — Но как?! Вы же сами просили моей руки для своего брата!

— Только для того, чтобы быть рядом с вами. Не имея возможности сделать вас своей женой, хотя бы в качестве невестки я мог держать вас при себе. Мы жили бы под одной крышей, виделись бы каждый день, вы принадлежали бы мне хоть отчасти. И потом, все же приятнее и спокойнее было выдать вас за своего брата, чем за этого самовлюбленного и дерзкого Таскилла.

Ах, вот оно в чем дело! Нейри тут, конечно, ни при чем. Он искренне любит ее и понятия не имеет о мотивах своего братца.

— Вы молчите, Тэсса? — король, очевидно, ждал, что его признание произведет на собеседницу глубокое впечатление. — Вам все равно?

— Я не знаю, что сказать, ваше величество, — честно ответила девушка.

— Разве вы не хотели бы стать королевой Элара?

— Я никогда не рассматривала такую возможность.

А вот это уже откровенная ложь! Совсем недавно подобную возможность ей предоставил Валтор, но, как и в этот раз, корона Элара вовсе не манила Лотэссу.

— «Я не знаю», «я не рассматривала такую возможность» — передразнил Йеланд. — Я хоть нравлюсь вам как мужчина?

— Я никогда не думала о вашем величестве иначе, нежели как о своем государе.

— Значит, не нравлюсь, — пришел к выводу король. К правильному, кстати, выводу. — Что ж, чему тут удивляться? — печально добавил он. — Я не храбрец и не красавчик, как Рейлор Таскилл. И даже не умница, как мой брат. Чем я могу заинтересовать такую девушку, как вы, Лотэсса? Короной? Но положение вашей семьи в государстве ненамного ниже королевского. Я жалок и слаб... — он и впрямь выглядел таким жалким и несчастным, что сердце Тэсс снова преисполнилось сочувствием к нему. Но тут глаза

монарха вновь сверкнули лихорадочным огнем, плечи распрямились, а на губах заиграла нехорошая улыбка.

— Так было, — проговорил он, и голос его прозвучал как-то глухо. — Но все может быть иначе...

— Что вы имеете в виду, ваше величество? — девушка испугалась. Сердце сделало пару бешеных скачков, а потом остановилось, словно позабыв, что нужно биться.

— Хотите вина, Тэсса? — король неожиданно сменил тему. — Выпьете со мной?

Вина ей совсем не хотелось, а пить с королем, который и так ведет себя, словно пьяный, казалось просто ужасной идеей. Однако лучше согласиться, чтобы отвлечь его от чудовищной идеи и выиграть время. Если будет нужно, она даже готова притворяться влюбленной, лишь бы не дать совершить безумный поступок, на который сама же и спровоцировала, поведав об истинном хозяине кольца. Как жаль, что она не мужчина. Иначе просто сорвала бы перстень с монаршего пальца. Можно, конечно, попробовать... Но что делать потом? Окна плотно закрыты и задернуты шторами, ей до них не добраться. Огонь в камине не горит, да и вряд ли он мгновенно расплавил бы кольцо, тем более магическое. Вот и выходит, что, даже завладей она злосчастливым украшением, его все равно отнимут — если не сам Йеланд, так стража, которую он кликнет. Так что лучше выпить вина и постараться заговорить зубы спятившему государю.

Приняв сдержанный кивок гостыи за согласие, король направился к высокому узкому шкафчику, стоявшему в углу кабинета. Открыв дверцу, изукрашенную изящной резьбой, он извлек пару бокалов и хрустальный графин, в гранях которого преломлялось рубиновое сияние плескавшегося напитка.

Разлив вино в кубки, Йеланд протянул один из них Тэссе. Девушка приняла вино дрожащей рукой. Страх не прошел, он был почти осязаемым — холодным и липким.

— Посмотрите, энья Лотэсса, — король легонько качнул свой бокал, устроив маленькую темно-бордовую бурю. — Вино по цвету похоже на этот рубин, — он отставил руку, чтобы полюбоваться камнем. — А еще на кровь.

Тем временем король взял со стола тонкий кинжал для разрезания бумаг. Тэсса похолодела. Зачем ему оружие? Не ее же убивать этой игрушкой! Впрочем, на нее Йеланд явно не покушался. Поставив вино на стол, задумчиво вертя кинжалом в руках, он словно не замечал собеседницу. Неожиданно он резко полоснул острием себе по руке, задев при этом сразу три пальца. Брызнула кровь.

Король поднял руку и тряхнул ей так, чтобы капли упали на кольцо.

— Что вы делаете?! — в ужасе воскликнула девушка.

— Возвращаю себе все, что могло быть моим и было у меня отнято! — лицо его сияло злым торжеством. — Я обрету силу, власть и... вас! — он отхлебнул вина. — За наше великое будущее, моя королева!

— Что вы наделали! — Тэсса в отчаянии закрыла лицо руками. — Что я наделала!

Столько всего преодолеть — и все зря! Искать, страдать, бороться, едва не расстаться с жизнью... Потерять и обрести брата, обрести и потерять любовь... Усилия и жертвы стольких людей оказались напрасными! Все вернулось к исходной точке. Но если в прошлый раз вина лежала на Валторе, то теперь виновата только она одна. Желая спасти Анборейю, она ее погубила.

— Прости, Маритэ, — едва слышно прошептала Лотэсса, не отнимая от лица ладоней, словно темнота могла спрятать ее от неумолимой правды. — Я не смогла.

Время замедлило свой ход, секунды стучали в висках ударами молота.

— Не плачьте, — послышался откуда-то издалека голос Йеланда.

Слова были едва слышны, теряясь на фоне сначала едва уловимого, а потом все более явственного и с каждым мгновением нарастающего торжествующего шипения.

КОНЕЦ